

Каролин Валь
Мэри
Сноу

Спрятанный глубоко в тумане таинственный остров Мий — это центр мира Четырёх Вреён Года. Веками там спит Ткачиха снов Удина, удерживая мир в равновесии с помощью своих снов. Но теперь народы Четырёх Вреён Года в смятении: деревни горят, людей убивают, и ползут слухи о надвигающейся войне. Канаель Де'Ар, харизматичный принц летнего царства, хочет защитить Удину, потому что, если она проснётся, а её сны разобьются, мир Четырёх Вреён Года будет в опасности. Осколки снов Удины дают каждому, кто их найдёт, могущество богов, но, если они попадут не в те руки — слухи о войне станут жестокой реальностью. В то же время, на другом конце света, молодая женщина зимнего царства, Навия О'Бай, отправляется в трудное путешествие, в сторону летнего царства. Её судьба тесно связана с Канаелем, их ожидают грандиозные приключения полные опасностей, любви, магии и коварных интриг. Когда случается непостижимое, и из-за страшного предательства Удину действительно будят, Канаель и Навия, чтобы спасти мир Четырёх Вреён Года, должны превзойти самих себя.

Каролин Валь

Ткачи снова

Ветер нёс вкус дождя по улицам Лакоса, в то время как заходящее солнце погрузило город в пустыне в кроваво-красный свет и переливалось в застеклённых башнях дворца.

Лакос, столица Летнего царства. Оживлённый центр власти и больше, чем всё, что когда-либо видели страны Четырёх Вреён Года.

Казалось, никто не обращает внимания на Ночной Ветер. Он словно призрак, удлинённая тень узких фасадов домов, выравнивающих построенные в ряд каменистые и извилистые дороги города. Его так же называют сердцем пустыни, и Ночной Ветер знал, почему. Ни в каком другом месте посланники четырёх царств не встречались друг с другом так часто, как здесь. Город цветёт, хотя на карте мира победоносно находился почти в самом южном пункте.

Сегодня народ тоже толпился — в конец концов ожидалось послы из Сыски, а во время такого события царствующая семья Де'Ар проявляла себя особенно щедро. Несмотря на прошедшую грозу, было душно, казалось, жара опустилась на город, словно ковёр. У многих зевак были с собой флажки с фиолетовыми полумесяцами, их середина касалась песочного цвета грунта. Герб семьи Де'Ар, и в то же время могущественный знак города в пустыне.

На улицах царило веселье: бренчали браслеты, слышался смех, а в воздухе лежал соблазнительный запах поджаренных ракообразных и сладких блюд.

Путь Ночного Ветра вёл его через лабиринт переулков, наверх, к Золотому внешнему двору богов. Двор празднично украшен, и являет собой начало Золотого квартала, в котором также находится дворец Ацтеа. Храм Сува возвышается над другими зданиями. Он лежит чуть ниже главной улицы, ведущей прямо к огромным воротам дворца. Ночной ветер не верующий, он живёт по своим собственным законам, на богослужение не присутствовал с самого детства. Он ненавидит чувство бессилия, а его он ощущает всякий раз, находясь рядом с этими странными статуями богов, молящимися верующими, и застывшей, одноцветной маской первосвященника. Слуги бога безлики, лица спрятаны за маской, потому что считаются рупором. У них нет ни своего имени, ни своей идентичности. И от них у Ночного Ветра шли мурашки по коже.

Его взгляд скользнул к охранникам, распределённым по всей площади. У них чёрная одежда длиной до пола, лиц почти не видно под тяжёлыми платками. Лишь глаза открыты, так что тёмную кожу под ними можно только угадывать. Он насчитал полдюжины — не говоря уже об охранниках, находящихся на площади без различимого герба и одежды, и за всем наблюдающих. Безопасность — это главный приоритет в такой день, как сегодня.

Вдруг раздался тоненький голосок. Пела девушка, и её голос отчётливо выделялся в толпе, которая мгновенно притихла. Охрана озиралась кругом, ища певицу, и Ночной ветер обнаружил юную девчушку с тёмными локонами и светящимися миндалевидными глазами. Вокруг неё образовался круг, а многие отступили назад и уставились на неё, открыв рот. Она пела. Она отважилась петь, так открыто, хотя за это полагалось наказание.

«Это простая девушка, которая хочет выразить радость по поводу праздника, и уж точно не Заклинательница душ», подумал Ночной ветер и отвернулся как раз в тот момент, когда охранники схватили девушку, ударили по лицу и утащили прочь. Тут же их поглотила толпа, и они исчезли из виду. Он прикинул, куда они могла её потащить, и очень надеялся, что она выдержит боль от кнута.

— Беа хава, мой друг! — услышал он справа от себя. Он обернулся и увидел одетого в лохмотья нищего, который подбрасывал в воздух монетки и снова их ловил. Казалось, что он просто случайно прислонился к одному из многочисленных фасадов.

Ночной ветер насторожился. Две монетки словно танцевали в воздухе. Взмывая, они начинали описывать высокую дугу, но вдруг замедляли свой полёт, кружились под воображаемую музыку, прежде чем снова исчезнуть в руке нищего. На тыльной стороне его ладони был нарисован герб города-пустыни, но краска была ещё свежей. Этот человек находится в Лакосе недавно.

Чувствуя внутренне беспокойство, Ночной Ветер взглянул мужчине в лицо. Его кожа была сильно загорелая, отдельные пряди длинных, до шеи, волос цвета мокко, были заплетены, а борода добавляла ему лет. И всё же не лицо нищего заставило его замереть, а его глаза. Они были серебристо-голубые.

— Никто и не планировал, что я справлюсь с этим в одиночку, да? Он прислал нас сюда обоих. Это просто проверка, — сказал Ночной ветер, обнажил нос и рот, показав шрам, проходящий через всё лицо.

Стоящий напротив него даже не моргнул глазом.

— Откуда ты мог знать, каким я пойду путём? Как я доберусь до дворца?

Тут нищий таинственно улыбнулся:

— Ты любишь играть с огнём, Ночной Ветер. Твоя репутация бежит впереди тебя. Я же, наоборот, предпочитаю быть невидимым. Ты, друг мой, улаживаешь свои задания прямо на глазах ничего не подозревающих зрителей. Поэтому тебя было нетрудно обнаружить. Голос был глубокий, гортанный, лёгкий акцент в его безупречном произношении, выдавал в нём человека из Осеннего царства.

— И хотя ты выполняешь свои поручения тайно, всё-таки дал мне себя узнать. Ты мог бы воспользоваться своим преимуществом, но ты этого не сделал. Или ты дурак, или просто слишком в себе уверен. Как тебя зовут?

— Саро А'Шель.

— А'Шель? Как Ашкин А'Шель, командующий Чёрной армии?

Улыбка скользнула по лицу нищего.

— Как я вижу, слава моей семьи в свою очередь бежит впереди меня. Именно так, мой старший брат был командующим Черной Армии, но он больше не боец. По крайней мере, больше не служит Мерле Ар'лен.

Владычице Осеннего царства. Теперь Ночной ветер был убежден. Голубые, как лед, глаза и акцент выдавали происхождение нищего. Так же, как и Ночной Ветер, он был родом из Сыски, Осеннего царства.

— Наша встреча вовсе не случайна.

— Верно, она с самого начала была запланирована.

— У нас и правда один и тот же заказчик. Он и тебя тоже послал сюда. — Как он и предполагал. В нём вспыхнул гнев. Похоже, тот, кто был ответственен за их встречу, не доверяет его способностям.

Улыбнувшись, Саро оголил ряд ухоженных зубов, которые никак не вписывались в портрет нищего человека. Он оценивающе взглянул на Ночного Ветра.

— У тебя не так много времени, чтобы украсть книгу, да и дождь застал тебя врасплох, не так ли? Вообще я ожидал от тебя большего.

Ночной Ветер фыркнул.

— Тебе в любом случае не опередить меня.

Несмотря на его исполинскую фигуру, никто из стоящих вокруг людей не обращал на него внимания, как будто он был невидимым. Может, так оно и есть. Присутствие второго вора окончательно доказало ему, насколько ценна для его заказчика хроника Потерянного Народа. Поначалу он принял его поручение за шутку, в конце концов, кто станет платить столько денег за обычную книгу? Но затем он стал расспрашивать, наводить справки... Лакос славился своими библиотечными катакомбами. Некоторые думали, библиотека была такая же древняя, как сами боги, другие утверждали, что большинство книг вышли из-под пера их детей. Столетия назад, в эпоху тьмы, люди пытались оспорить существование полубогов. До сегодняшнего дня им это не удалось.

В сердце дворца Летнего царства семьи Де'Ар находится драгоценность, которая может породить войны. И, всё-таки, лишь не многие знают о хронике, которую он должен похитить у Летнего народа. Слухов было предостаточно, но все они беспочвенны и бездоказательны.

— А ты слишком молод, чтобы найти дорогу в катакомбы, — добавил Ночной Ветер и посмотрел мнимому нищему прямо в глаза. — Что ты знаешь о книге?

— Не больше, чем мне нужно знать.

— Ты не спрашивал себя, какую ценность она представляет для нашего заказчика?

Саро улыбнулся.

— Для меня это не играет большой роли. Деньги есть деньги.

Мгновение они молча разглядывали друг друга.

— Во всяком случае мне предложили щедрое вознаграждение, если удастся похитить сокровище семьи Де'Ар, — продолжил стоящий напротив.

Хроника Потерянного народа — это миф, точно так же, как и её содержание, и всё же, больше не существовало такой книги, которую бы охраняли лучше, чем эту.

— Если мы похитим хронику, это приведёт кое-что в движение, что вероятно потрясёт мир Четырёх Вреён Года. Ты действительно хочешь нести такую ношу на своих молодых плечах, Саро?

— Я готов пойти на такой риск, старик.

Он не дал спровоцировать себя и кивнул своему противнику. Возможно, пройдут ещё годы, прежде чем последствия этой кражи заставят мир пошатнуться. Но это обязательно случится. А до тех пор он хорошенько поживёт, используя обещанное вознаграждение.

Ночной Ветер натянул шарф на подбородок, спрятав метки, которые оставила жизнь на его лице, и кивнул мнимому нищему. Саро А'Шель кивнул в ответ с высокомерной улыбкой, и вскоре оба вора исчезли в толпе празднующих.

Часть I

Снова животные отступили в леса, несчастье, тяжёлое и роиущее, лежало в воздухе.

Во всех четырёх царствах вибрировала земля, и мир погрузился в беззащитную темноту.

Новость распространилась, как лесной пожар, от столицы к столице, от самого дальнего уголка Зимнего царства до самых роскошных дворцов Осеннего.

С юга приближался гром, летний бог Сув разгневался, и жители пустынь оказались во власти его гнева, без какой-либо защиты.

Выдержка: Хроники Потерянного народа (стр. 12, 4 абзац)

Лакос, Летнее царство

Мрачные сны тяжело висели в воздухе. Как туман, они струились из спальных каморок подвала и наполняли коридор, по которому крался Канаель Де'Ар. Он чувствовал каждый сон, который находился внутри стен дворца Ацтеа, в то время как пересекал ходы на верхнем этаже. Через застеклённую переднюю часть бокового крыла, где начиналась западная башня, проникал лунный свет, а босые ноги быстро несли его навстречу его цели.

В отличие от снов, выражающих надежду, имеющих лёгкую ауру, манящих обещаниями или разыгрывающих веру, мрачные сны ласкали его таким способом, от которого было тяжело уклониться. Здесь для Канаеля открывались бездны, и сами боги протягивали руки к спящим и видящим сновидения людям — а у него был дар, с помощью которого он мог заглянуть в этот мир.

Когда он услышал вдалеке шаги, он прижался к одной из бесчисленных мраморных колонн, окаймляющих великолепный, оснащённый несколькими гобеленами и открытыми каминами коридор.

Его сердце внезапно забилося, как сумасшедшее. Нельзя, чтобы его увидели. Не после того, что сегодня случилось в глубинах дворца.

Огонь в свисающих со сводчатого потолка чашах, бросал длинные тени на золотые занавесы на стенах, изображающих семейный герб Де'Ар. Он закрыл глаза и прислушался. Людям во дворце снятся сны, не предназначенные для двенадцатилетнего мальчика, но Канаель слишком любопытен, он не может сопротивляться этой внутренней жажде. Как будто его тянут невидимые нити, так манят его сны. Сложно противостоять этому удовлетворяющему чувству, которое появляется каждый раз, как только его втягивает в сон. Купание в чистом свете.

Удовлетворение. После этого он чувствует себя сильным и непобедимым. Его слух становится лучше, любой нежный запах прямо-таки проникает в нос, и он может чувствовать людей вокруг, ещё прежде, чем видит их перед собой.

Он прятал свой дар с тех пор, как проник в сон одной из своих нянек, и на следующее утро заговорил об её интимном поцелуе с одним из конюхов. Даже сегодня он помнит её нагоняй. Она думала, что он наблюдал за ними. А он посчитал, что будет разумнее сохранить свою маленькую тайну.

Шаги приблизились, и Канаель отступил глубже в тень колонны, пока, в конце концов, мимо него не прошёл быстрым шагом слуга отца, и вскоре исчез за серебряной дверью восточного крыла.

Последние дни были захватывающими, послы из Сыски превратили Лакос в цветущий город. В лицах людей перед воротами дворца, можно было прочесть радость и уверенность. Они выкрикивали его имя и имя его двоюродного брата Кедриеля. Несмотря на свой юный возраст, Канаель знал, что однажды будет править Летним народом, как его отец и дед.

За закрытой дверью затихли шаги прислуги. На спящий дворец опустилась зловещая тишина. Вокруг Канаэля колыхались сны. С закрытыми глазами он видел их перед собой ещё отчетливей. Как бледный, серебристый туман висели они в воздухе, некоторые светились

ярче — весенними цветами, другие поблёскивали матовым, нежно-красным светом. Но сна, который он искал, среди них не было.

До него дошли слухи о двух ворах из Сыски, один из которых был взят в плен в катакомбах библиотеки. Его отец держал в строжайшей тайне информацию о книгах, которые хранились в тёмных, холодных комнатах катакомб. Он всегда получал уклончивые ответы от своих учителей, если упоминал о библиотеке, даже записи и сны людей во дворце не давали ему никакой информации. О книгах просто-напросто не говорили. Никогда. Точно так же, как это было с пением. Оно просто было запрещено.

Однако сегодня Сув, возможно, благословит его удачей. Помимо захватывающих событий, разыгравшихся на Золотой площади богов, были слышны и разговоры о парочке воров.

Есть только один человек, который может ответить на мои вопросы, подумал он, и улыбка осветила его лицо, но тут же померкла, как только он сконцентрировался на снах. Лариас Дель'Ре, дворецкий его отца, наперсник, и лучший друг с самого раннего детства. Он отвечал за координацию охраны и возможную опасность.

Его сон поведаёт Канаелю о ворах... если, конечно, он увидит их во сне.

Он решительно направился в сторону юго-восточного крыла. Ещё несколько недель назад, будучи здесь наверху, он не чувствовал снов из каморок для прислуги, а сейчас ему удалось это без труда, даже на расстоянии двух этажей. Он двигался мягко и бесшумно. Начатая им недавно тренировка, в финале которой должны были состояться празднества по поводу посвящения в мужчину, называемые Урца, во многом сделала его более ловким и искусным.

Он повернул налево, в лоно серповидного дворца, так как комнаты его матери тщательно охранялись, и он не хотел быть замеченным ею или кем-то из прислуги. За одной из золотистых занавесок, и здесь украшавших голые стены, скрывалась лестница, которой пользовалась прислуга, чтобы сократить путь.

Осторожно отодвинув занавес в сторону, он замер.

Прямо перед ним находился сон, который он искал. Канаель почувствовал исходящее от него беспокойство и закрыл глаза.

Теперь он видел и его цвет. Очертания здания выглядели расплывчато, и все вокруг, не считая цветов сна, было серым. Как будто боги украли у мира цвета. Прямо перед ним вздрагивал буйный сон, его красная аура на фоне бледного окружения казалась ещё интенсивнее.

Только один человек мог сегодня спать так беспокойно...

Как струящийся туман, сон указывал Канаелю дорогу во дворец, ему лишь нужно было мысленно следовать за ним. Стояла оглушительная тишина. Он спустился по лестнице для прислуги, завернул за угол, прошел по серому коридору, повернул влево, затем ещё одно ответвление.

В конце концов, он остановился перед массивной двустворчатой дверью. В ней были вырезаны тонкие узоры, рассказывающие историю Летнего народа. Спальня находилась на расстоянии одного этажа и нескольких помещений от отца. Его бестелесный дух вошел через дверь и обнаружил друга отца, беспокойно ворочающегося во сне.

Простыни на массивной деревянной кровати были измяты, подушки лежали на ковре, устилавшем пол. Его тело постоянно меняло позу, веки дергались в тяжелом сне. Канаель осторожно подошел ближе. Вокруг Лариаса кружился красный дым, заполнявший всю

просторную опочивальню.

Канаелю стало любопытно. Должно быть, Лариас видел во сне события прошедшего дня, потому что таким возбужденным всегда сдержанного и незаметного дворецкого своего отца, он еще не видел. Он последовал за туманом, струящимся изо рта, в то время как тишина едва его не душила. Затем окунулся в сон.

Канаеля озарил свет, его дыхание участилось, на лбу выступили капли пота. Постепенно яркий свет побледнел, и его глаза, наконец, привыкли к окружающим его интенсивным цветам, и он смог увидеть то, что видел Лариас.

Он оказался прав. Дворецкий видел во сне события дня. В данный момент они находились в катакомбах. Он понял это по высоким рядам книг, гнилому запаху и множеству факелов, освещавших мрачные своды в подвале дворца Ацтеа. На Лариасе была надета светло-коричневая, украшенная золотистыми узорами туника, завязанная сбоку красными лентами и изготовленная ткачихой шелка из редкого материала под названием Боктао. Это была официальная одежда дворецкого, подданного владыки Сувия, добавлявшая его внешнему виду необходимое достоинство. Он стоял, скрестив руки перед четырьмя стражниками, стоявшими с гордо поднятыми головами. Их лица выражали неодобрение. Двое из них так крепко сжимали мечи, что Канаель даже смог разглядеть, как побелели костяшки их пальцев.

— Вы позволили им уйти! Именно сегодня! Какое впечатление это произведет на посланников? Они будут считать нас неспособными болванами...

Канаель приблизился к происходящему, будучи невидимым для присутствующих, ведь он не был частью сна. Он уже знал из опыта, что является лишь наблюдателем.

«Кому вы дали уйти?» — мысленно спросил он.

— Что если посланники знали о краже? — вставил один из стражников.

— Вы должны быть осторожными со словами, Перкан, — немного тише произнес Лариас. — Это рассердит посланников Осеннего царства. После того, как мы уже оказались несостоятельными...

— Но воры были тоже из Сыски. По крайней мере, судя по их внешнему виду. Очень странное совпадение, если хотите знать.

— Я это запомню. Есть новости из дворцового сада?

— Нет, — покачал головой другой стражник.

— Значит, им действительно удалось скрыться, — вздохнул он.

«Во имя Сува, я опоздал! Они уже закончили говорить о ворах! Я должен знать, кто они... Что они украли...»

Ледяной холод заскользил вверх по конечностям Канаеля, и по телу пробежала дрожь, пока он продолжал смотреть на Лариаса, а тот ничего не замечал.

«Я должен знать, что здесь сегодня произошло. Мне нужны ответы!»

Звуки утихли.

«Я слишком поздно погрузился в сон! Прощу...»

Цвета всех предметов поблекли, одежда дворецкого без предупреждения потеряла свой светло-коричневый цвет. Золотая вышивка побледнела, точно так же, как красные ленты.

«Что здесь происходит?»

Как будто присутствующие мужчины почувствовали, что кто-то находится рядом, все повернулись в его сторону, но они смотрели не на него, а сквозь него. Канаель почувствовал, как побледнел. В глаза мужчин закралось измученное выражение, лица напряглись, как

будто они страдали от сильной боли, и один за другим, они начали корчиться.

Его взгляд метнулся к Лариасу. Тот стал серым. Как завядший весенний цветок.

«Нет даже намёка на жизнь», пронеслось у него в голове. Его щуплое тело сотрясла дрожь, пока он пытался понять, что увидел.

— Канаель?

Раздался женский голос отовсюду, и в тоже время неоткуда.

Резко Кедриеля вырвали из сна. Боль. Покалывание на спине, как тысяча маленьких уколов. И темнота. Потом яркий свет.

Без предупреждения его дух вернулся в тело, и он выдохнул от боли. Небольшие, золотистые молнии взрывались перед глазами, и в первый момент он не мог понять, где находится.

Потом он вспомнил. Он всё ещё стоял возле лестницы, ведущей на нижние этажи.

Испуганно отпрянул и в тоже время распахнул глаза, резко отпустив мягкую ткань занавески. Потом, застигнутый врасплох, повернулся к матери. Как отмечено в протоколе, её сопровождали два хмуро смотрящих охранника, стоящих позади на расстоянии трёх футов.

Нервным жестом его мать, Пеала Де'Ар, владычица Летнего народа, отослала их, подождав, пока они не оказались вне зоны слышимости. Как всегда, на ней было одето тёмно-синее, широко спадающее платье.

Он знал, что она быстро набросила наряд на ночное одеяние. Так она уже делала, когда он был маленьким мальчиком. Её тёмные локоны, заплетенные в искусную косу, доставали до бёдер, осанка, как всегда гордая, подбородок слегка приподнят вверх. Как только мужчины отошли, она обеспокоенно посмотрела на него, а он втянул голову в плечи. Она не должна узнать, что он делал.

— Тебе уже давно пара спать. Что ты здесь делаешь? С тобой всё в порядке?

Канаель не поднимал головы.

— Я был голоден.

Он чувствовал, что она пристально на него смотрит, потому что его ложь была лишена фантазии. С другой стороны, лестница за занавесью вела также в кухню на нижнем этаже.

— И поэтому ты крадёшься ночью по коридорам? Ты мог бы послать Мирную луну.

При упоминании его камердинера Канаель поморщился. Старый сыч всегда следил за ним, как тень, везде его подкарауливал. К счастью, старый слуга имел глубокий сон.

— Или это связано с событиями последних дней? — продолжила Пеала.

Он слышал лёгкую улыбку в её голосе, но всё ещё не осмеливался поднять взгляд. Скрывать что-то от его матери было также бесполезно, как прогулять молитву в храме Сува.

— Ну, так что?

Канаель неохотно кивнул и поднял голову. В тот же момент Пеала распахнула угольно-чёрные, раскосые глаза и смотрела на него с таким выражением, которое он не мог понять.

Грубо она схватила его за подбородок, резко повернула к свету, исходящего от потрескивающего огня и начала тщательно разглядывать.

— Твои глаза... — выдохнула она. — У них... цвет... они переливаются четырьмя цветами богов.

— Мама... — начал он умоляюще. Внезапно ему стало и жарко, и холодно одновременно.

— Ты их слышишь?

Без сомнения, она имела в виду сны. Из-за кома в горле он не мог ответить.

Откуда она это знает? Кое-что в том, как она на него смотрит, ужасно его пугало. Так она ещё никогда на него не смотрела. Он попытался неуклюже высвободиться из хватки матери. Тщетно. Вокруг них, казалось, сны стали громче, их аура была повсюду.

Кошмары и надежды собрались в воздухе вокруг Канаеля.

— Ты их слышишь? — Внезапно её лицо оказалось совсем рядом.

— Я не знаю... — начал он, однако Пеала прервала его, впившись тонкими пальцами в его плечи.

— Ты можешь их слышать, не так ли? Они лежат в воздухе, манят тебя... Ах, я должна была догадаться, я должна... твои глаза...

Внезапно она стала выглядеть совсем потерянной. В этот момент она сняла с себя личность жены правителя, всё в ней казалось ему чужим. Страх и ужас были написаны на её лице.

Молча он смотрел на неё, в то время как по рукам поползли мурашки.

Она долго на него смотрела, не произнося ни слова, и это заставило его ещё больше нервничать. В конце концов, она сделала глубокий вдох, её осанка снова стала осанкой королевы, владеющей собой и сдержанной. Заученный наизусть фасад.

— Ты всё мне расскажешь, Канаель. Но не здесь. У стен есть уши, это слишком опасно. — Она повернулась к стоящим на заднем плане охранникам. — Пошлите за Туманным мастером. Скажите ему, что я внизу, в саду, он знает, где меня найти. Я должна поговорить с моим сыном. Наедине.

Властный тон и её величественная поза, противоречили паническому взгляду, но только Канаель обнаружил страх в её глазах. Она боялась его? Не колеблясь, мать повела его вниз по лестнице, вдоль проходов и коридоров. Везде им встречались служащие, готовящие еду для следующего дня, или заботящиеся о белье. Некоторые в знак уважения бросались на пол и прикасались лбом и носом к земле.

Другие, стоящие выше в иерархии или приехавшие ко двору из влиятельных семей, чтобы подняться в политическом плане, только кланялись.

Пеала вывела его на улицу, через великолепный, находящийся под стеклянным куполом сад, который был в два раза больше, чем сам дворец, и обширно присоединялся к его задней части. От посаженных деревьев, специально доставленных из Кевейта, исходило шипение, запах весны был везде, и всегда пробуждал в Канаеле желание путешествовать. В саду для каждого из Четырёх царств был свой собственный отсек. Широкие, пышно-зелёные ландшафты царства Весны всегда магически его притягивали.

Теперь вдалеке шумела песочная буря, вдоль возвышающихся стен города-пустыни, через вделанные отверстия на верхних окнах, завывал ветер. В течение дня стеклянный купол сада был покрыт полотном, чтобы растения не подвергались открытому воздействию солнца, но ночью полная луна светила на очаровательный пейзаж весны.

Они приблизились к фонтану, который много веков назад скрепил мир между народами Осени и Лета. Серебристые фонтаны вздымались в ясное, ночное небо.

Сплетающиеся ветки и листья формировали старое дерево, дерево Жизни Сис, богини Осени. Символ её народа и знак солидарности. Поэтому не удивительно, что правящая семья Ар'лен внесла этот символ в свой герб.

Плеск воды теперь заглушал все остальные звуки, и Канаель понял, почему мать привела его сюда. Никто не должен подслушать их разговора.

Пеала Де'Ар остановилась и повернулась к нему.

— Послушай меня внимательно, мой сын, — прошептала она настойчиво. Её застывшее лицо испугало его. Сердце стучало, как сумасшедшее. — Мир опасен, Канаель, мир жесток. Особенно к кому-то вроде тебя. Твой дар означает смерть, мой дорогой, тебе никому нельзя рассказывать о нём. Никогда.

— Что ты имеешь в виду?

— Я люблю тебя. Независимо от того, что произойдёт. Это ты должен знать. Ты не один, и мы справимся! — Она обняла его и прижала к себе, так крепко, что он чувствовал её бурное биение сердца. Она боялась не его. Она боялась за него.

— Ваше высочество!

Канаель повернулся на голос позади, и увидел Туманного мастера, занимающего должность фаллаха, первого слуги его матери. Служащие во дворце не имели своих имён, а только те, которые были им даны.

Туманный мастер накинул коричневую накидку на белую, льняную рубашку и широкие штаны. Он был одет неформально — видимо, его только что разбудили. Волнистые, коричневые волосы заплетены в несколько косичек, в которых проглядывали седые пряди. Его взгляд тоже казался затравленным. Он спешил вдоль гравийной дорожке, а тёмная щетина придавала ему усталый вид.

— Ваше Высочество, что это значит? — спросил он, когда дошёл до них, переводя взгляд с сына на мать.

Пеала опять взяла Канаеля за подбородок, подняла его, подставляя под свет луны и молча, жестом подозвала Туманного мастера. Нерешительно он подошёл на шаг ближе и резко втянул в себя воздух.

— Во имя Сува и святых богов! — воскликнул он. — У него...

— Что мы можем сделать? — прервала его Пеала.

— Сначала я должен убедиться, Ваше Высочество. Мне нужно посмотреть на его спину.

— Мою спину?

Канаель пытался понять, что происходит. Внезапный страх, исходящий от его матери, пугал его самого. В поисках помощи, он схватил её за руку. Она встала позади и обняла его за плечи.

— Если вы отмечены, тогда мы знаем, что нужно сделать. — Туманный мастер казался теперь напряжённым, прямо-таки сосредоточенным. — Но тогда и Вы узнаете мою тайну. — Он взглянул мимо Канаеля на его мать. — Ваше Высочество, я не могу этого допустить. Вы единственная, кто знает о моём происхождении. Нам волей-неволей придётся рискнуть и дать ему рашаллу.

Смертоносное растение?

— О чём вы говорите? — спросил Канаель.

— Туманный мастер, ты напугал его! — Его мать взяла его за плечи и повернула к себе. — Мой дорогой, в тебе скрывается дар и он очень опасен. Для тебя, и для остальных. Если кто-нибудь об этом узнает, тебя убьют. Ты когда-нибудь с кем-то говорил об этом?

Не считая стычки с нянькой...

— Нет.

— Слава Суву!

Туманный мастер не веря, покачал головой.

— Все эти годы никто ничего не замечал. Можем только порадоваться, что он не нанес ущерб, что никто, способный распознавать знаки, не видел его с обнаженной спиной...

Он повернулся к Канаелю.

— Вам не нужно опасаться Рашаллу, если Вы действительно Поглотитель снов. Вы всего лишь забудете, Ваши силы ослабеют, но не иссякнут — если, конечно, Вы принадлежите к Потерянному Народу, мой принц. Поэтому я должен видеть, помечены ли Вы, ибо только дети Потерянного Народа видят других меченых. Обычному человеческому глазу это не подвластно.

В словах фаллаха не было смысла. Все названия резали ему ухо, Канаель еще никогда не слышал ничего подобного.

— Я...меченый? Потерянный Народ?

— Ему не нужно столько знать, — прошипела Пеала поверх его головы. — Посмотри же, наконец, его спину!

Туманный мастер повиновался. Его холодные, потные руки вызывали у Канаеля необъяснимую тошноту. Слуга медленно задрал его ночную рубашку, и провел невидимые линии по спине. Он снова почувствовал легкое покалывание иголок на коже. Канаель услышал, как он выругался. В конце концов, Туманный мастер сделал шаг назад и опустил рубашку. Канаель посмотрел через плечо и увидел, что Туманный мастер вновь с сожалением качает головой.

— Мне очень жаль, Ваше Высочество. Но Ваш сын действительно Поглотитель снов.

Из передней части сада донеслись громкие голоса, приближались шаги.

Раздались приказы.

Пеала Де'Ар встала перед Канаелем, так, что ему было не видно, кто упал перед ними на колени.

Он услышал лишь взволнованный, женский голос:

— Вы в опасности, Ваше Высочество. На Лариаса Дель'Ре было совершено нападение его атаквали прямо во сне. Он умирает...

Канаель почувствовал, как кровь отхлынула от лица, а ноги непривычно ослабели.

Невозможно. Кто мог напасть на Лариаса Дель'Ре, одного из самых охраняемых людей в царстве? Если только...

В нем зародилась мысль, до того отвратительная, что он не отважился додумать ее до конца...

Его дух окутала глубокая чернота, затуманила мысли, и не давала дышать. Не успев понять, что происходит, он упал на землю и потерял сознание.

*Ордын, Зимнее царство
Восемь лет спустя.*

Неясные воспоминания образов, увиденных Навией О'Бай во сне, отдавали горечью. Её мысли кружились вокруг сна, преследующего её вот уже в течение нескольких недель. Она не помнила подробностей, казалось, не за что было ухватиться. Всё было расплывчато.

Задумавшись, она пыталась вспомнить, какие детали она более сознательно восприняла в этот раз, но безрезультатно. Это было скорее чувство, что она хорошо с этим знакома, наполняющее её каждый раз, когда просыпалась. И всё-таки существовало исключение. Что-то, за что она могла уцепиться. Человек, закрывшийся в её сознание, и единственное, что она запомнила из сна. Она помнила молодого мужчину с дикими глазами, которые, казалось, переливались всеми цветами сразу, и их серьёзное выражение, превращающееся в ужас, при виде её. А потом там была пустота.

— Нужно было взять комнату на постоялом дворе, — пробормотал Джовин О'Джааль в толстый шарф, который почти полностью закрывал его лицо, но Навия хорошо расслышала его слова.

В них звучал лёгкий упрёк. Тем более, она сердилась из-за того, что едет не одна из Гальмена в Ордын.

Воспоминание о сне тут же исчезло, и она снова вернулась в реальный мир. Спокойствие и холод чувствовались в тени массивных гор Талвена, возвышающихся, словно тёмная крепость в затянутое тучами небо и отмечающими северную границу Зимнего царства.

Джовин поднял нос вверх, его брови были покрыты снегом, а ясные, голубые глаза в свете лампы смотрели на неё с опаской.

— Этот вечер кажется мне жутким.

— Да тебе всегда всё кажется жутким. Ты боишься даже маленьких грызунов, выпрыгивающих из кустов.

— Это случилось всего один раз, а ты в принципе боишься точно так же, как и я. Только слишком гордая, чтобы признаться.

Навия отклонила его замечание жестом. Её отец настоял на том, чтобы её сопровождал спутник мужского пола. Хотя женщины в Талвене, называемым в народе также Зимним царством, из-за автономии кланов, были очень независимыми и не полагались на чью-то защиту. Но так как она ещё не совершеннолетняя, ничего другого не оставалось, как подчиниться желанию отца. Выбор её спутника пал, как назло, на неуклюжего и трусливого Джовина, сына лучшего друга её отца. Даже будучи маленькой девочкой, она превосходила его в физическом плане.

— Нам всё-таки нужно было остаться в Гальмене.

— Не будь глупым, Джовин. Из-за базара жильё стало очень дорогим, учитывая наши тощие продажи, мы бы не смогли позволить себе заплатить за место ночлега. Кроме того, мы одни; здесь на много миль вокруг нет ни души.

Её спутник поднял светлые брови, из-за чего стал выглядеть ещё более испуганным. Его

рука потянулась к толстому шерстяному шарфу и стянула его.

— Именно это и кажется мне странным.

— Ты снова слишком много думаешь, — возразила она.

При этом Навия вполне могла понять, почему он так озабочен. Продовольствия в обрез, люди живут в постоянном холоде, а тут ещё тёмные дни на носу, из-за чего иногда происходят кражи. Однако его чрезмерная паника испортила ей настроение.

Сегодня торговля шла особенно плохо, хотя они привезли с собой чрезвычайно много шкур храноса. Её отец убил зверей, чтобы они до тёмных дней смогли заготовить достаточно свечей, мяса и другой провизии, для своей маленькой хижины на окраине города. Они распределяли работу, которая была необходима, чтобы выжить в самом холодном регионе страны.

Это была борьба. Каждый год по-новому.

На мгновение Навия прикрыла глаза. Каждый раз, когда она останавливалась в большом городе, ей было неприятно шагать по широким, мощёным улочкам. Она к этому не привыкла, и никогда не привыкнет к странному чувству, возникающему каждый раз, как только она пересекает ворота большого города. Здесь всё не так, как в её маленькой деревне. Каждый смотрит только на себя, нет настоящей сплочённости, единства: никто не помогает своему ближнему пережить тёмные дни.

— В этом году тёмные дни будут тяжелее, — услышала она свой собственный голос, и в тот же момент задалась вопросом, почему она добровольно начала разговор.

— Почему ты так решила?

В городе было больше трупов.

С минуту они помолчали, предавшись своим мыслям. Наконец она спросила:

— А ты ещё помнишь о том, когда впервые увидел обмороженный труп?

Джовин покачал головой:

— Нет, а ты?

— Конечно.

— И...? — он посмотрел на неё.

— Что — и...?

— Как это было?

— Был такой же день, как сегодня. Холод добрался в самые дальние уголки города. Я поехала туда с отцом продавать шкуры, и вдруг — он лежал прямо посреди дороги. Люди перешагивали через него, как будто его там не было. Его губы посинели, глаза широко открыты и пусты.

Навия запнулась и попыталась придать своему голосу нейтральность. Она не хотела казаться слабой, не перед Джовином.

— И он был худой, почти скелет. В его седых волосах образовались маленькие, ледяные кристаллы, и никто не обращал на него внимания.

Так же, как и на них сегодня. Перед лавкой местного мясника выстроилась длинная очередь. Дети играли между Герим-мантиями зажиточных горожан Гальмена, пытающихся прикрыть теплую зимнюю одежду элементами роскоши. Они ни при каких обстоятельствах не хотели, чтобы было заметно, что под дорогим материалом они носили те же самые кожаные изделия, что и все остальные.

В самом северном большом городе страны почти никто не проявил интереса к их мехам. А у них ведь только сегодня была возможность продать их. Двенадцать непроданных шкур

лежали сзади, на деревянных санях, которые отец получил в подарок к свадьбе с ее матерью, и которые через зимние пейзажи севера Талвена тянул Нола, ее Йорак. Отличительные признаки телосложения этого животного — короткое, массивное туловище, с относительно длинными ногами, глядя на которые, можно подумать, что это не ноги, а ходули. Кроме того, у него высокий загривок, из-за чего скакать на Йораке сложно, но возможно.

Кроме хруста снега под кожаными туфлями Навии не было слышно никаких звуков. Она радовалась, что узкая дорога в их маленькую деревню достаточно изъезжена другими торговцами, потому что каждое усилие стоило ей огромных энергетических ресурсов, а она знала, что в последние недели темных дней на счету все резервы.

— Тебе не кажется, что мы выбрали не самый подходящий момент для обратной дороги?

— Почему ты так переживаешь? Мы получили хорошее образование. По крайней мере, я смогу защититься, если понадобится.

Навия указала на широкий пояс из храноскожи, на котором висело небольшое, закрывающееся крепление, в котором лежал длинный кинжал.

— Я не имею в виду детей, ворующих что-нибудь для своей семьи. Разве ты не слышала историй о Ночных Охотниках?

— Нет, какие охотники? — резко спросила она и остановилась, чтобы Нола мог догнать их.

Снег под ногами закрипел еще больше, когда они пошли быстрее.

— На юге страны появились какие-то люди. Темноволосые, загорелые. Они не носят при себе городской герб, а их одежда ничего не говорит об их происхождении, кроме того, они прячут лица.

Они якобы кочуют из деревни в деревню и убивают невинных людей.

Навия прервала своего спутника издевательским смехом, заслужив негодующий взгляд со стороны Джовина. Джовин натянул капюшон на светлые волосы и оскорбленно скрестил руки на груди. На его подбородке угадывалась первая щетина, однако до роскошных бород клана Ордын ей еще далеко.

— Это правда! Джовин сделал стремительный жест, чтобы подчеркнуть правоту своих слов. — Странники рассказывали об этом! Еще они сказали, что Ночные Охотники направляются к нам... и что самое лучшее, что можно сделать, это бежать.

— Давно не слышала такого вздора. Замаскированные, черноволосые люди нападают на деревни, в которых уже давно нечего брать? Мы живем в Талвене, не в Сувии или Кевейте. Я понимаю, если народ летнего царства переживает по этому поводу, но мы? У нас ничего нет.

— Рано или поздно ты еще вспомнишь мои слова!

Он когда-нибудь прекратит? Не считая кочующего через все четыре царства народа, и привозимых им издалека историй, в Зимнем Царстве таких людей нет. Здесь они бросались бы в глаза, как яркое пятно на снегу. Тем не менее, слова Джовина оставили неприятный осадок в ее душе. Если эти люди действительно существуют, то они могут приехать в Талвен лишь по одной причине. У нее закралось подозрение.

Что если они охотятся за мной? За мной и моим отцом...?

Ее рука скользнула по подвеске в форме серпа, висящей на шее. Она почувствовала, как снова зарождается страх, сидящий где-то глубоко. Она не совсем та, за кого себя выдаёт. Отец постоянно вдалбливал ей в голову, что когда-нибудь это может произойти. Но она никогда не думала, что это, и правда, может коснуться ее напрямую. Они жили в самой

северной деревушке Талвена. Кто сможет их там найти?

Сквозь густые деревья справа, она внезапно заметила мерцание, хотя и слабое, но всё-таки отчётливо видимое. Она испугалась. За лесом находилась их деревня Ордын, в которой жили пятьдесят семей со своими детьми и другими родственниками. Наряду с охотой, люди зарабатывали на жизнь благодаря множеству смелых путешественников, осмеливающихся направиться в горы, а в деревне искали последнюю горячую трапезу и защищённое жильё.

Из-за широкой телеги они были вынуждены ехать по более трудной дороге, которая вела вокруг леса, хотя не было никаких тропинок через густую чащу. Несколько десятилетий назад деревню основали посреди леса, и для самого перспективного места срубили много деревьев. Теперь она проклинала неблагоприятное расположение.

Закричали птицы, ввысь взлетели тени, порывисто и быстро размахивая крыльями, пролетев торопливо над ними в сторону юга. Навия встревоженно запрокинула назад голову, и увидела на небосводе огромные, чёрные облака дыма, которые сливались с низколежащими тучами. То, что там горело, это не просто костёр.

— Ради всех богов! — вырвалось у неё.

— Охотники, — прошептал Джовин, проследивший за её взглядом.

— Так далеко на севере, да это смешно. — Но она сама заметила дрожь в своём голосе.

Её сердце забилося, как сумасшедшее, и она подстегнула животное. Дрожа, Джовин ускорил свой шаг и тут же споткнулся.

— Соберись, давай! Так ты только заставляешь нервничать Нолу, из-за тебя она ещё понесёт! — набросилась она на него, чтобы скрыть свой собственный страх. Она сама знала, как по-свински прозвучит её голос, но не могла сейчас принимать это во внимание.

— Но... — Джовин со страхом смотрел на неё своими светло-голубыми глазами. — Откуда тебе знать, что это всё-таки не Ночные Охотники?

— Я этого не знаю! Но твои разговоры не улучшат ситуацию, — ответила она угрюмо, смотря в темноту. Выпавший недавно снег сильно замедлял их, и, когда из-за внезапно возобновившегося северного ветра у неё потекли слёзы, она натянула толстый шарф на рот и нос.

Тишина, которая теперь образовалась между ней и Джовином, была неприятной. Всё же Навия радовалась тому, что он замолчал. Его слова только бы ещё усилили её беспокойство. Мысль о том, что их, возможно, нашли, она не допускала.

Когда в воздухе вдруг начала летать копоть, звенящая ясность зимнего ландшафта внезапно исчезла. Они ещё были на расстоянии нескольких сотен метров от деревянных ворот деревни, и только при следующем повороте наконец-то появились три глиняные башни: южная, восточная и западная. Сколько Навия помнила себя, они были самой большой и единственной защитой против незваных гостей — и, не считая нескольких безобидных воров, их никогда и не было.

Во время тёмных дней, когда солнце появлялось совсем редко, и только тонкой полоской света на горизонте, массивные башни давали ей чувство безопасности. Северную башню не стали строить, потому что за северным забором возвышались массивные, чёрные скалы гор Талвена, угрожающе нависающие над долиной, словно божий кулак. И потом там ещё был перевал, ведущий прямо в неизвестность.

Теперь всё три башни горели. Огонь жадно лизал деревянные крыши, выстреливая в небо на несколько метров и почти превращая ночь в день. Отчаянные крики донеслись до её ушей, смешиваясь с плачем детей.

Навия обменялась испуганным взглядом с Джовином.

— Присмотри за товаром и Нолой! — попросила она его, отпустила поводья и побежала. Сердце стучало в ушах. Что случилось? Воры, желающие в последний раз перед тёмными днями украсть припасы? Или всё-таки Ночные Охотники?

Одним взглядом Навия охватила широко открытые ворота и крошечную рыночную площадь, на которой собралось большинство людей. Она увидела жену вождя клана с распущенными волосами — что при других обстоятельствах точно вызвало бы много разговоров — как она собирала вместе испуганных детей, и старую целительницу, опирающуюся о дверную раму входной двери своего дома и всё время качающую головой.

Горели только три башни. Некоторые мужчины в длинных кальсонах и, видимо, наспех наброшенных наверх меховых дублёнках, образовали цепь и передавали вёдра с водой от колодца посреди площади, до первых мужчин возле башен, которые пытались потушить огонь с помощью снега и воды. Навия посмотрела в сторону маленькой хижины, стоящей на краю поселения, которую можно было различить между отдельными деревянными хижинами. Её дом, в котором она жила вместе с отцом. И он не горел.

Благодарение богам, может быть, я действительно только ошиблась...

— Нави! — в этот момент раздался голос молодого мужчины. Потом в воротах появилась нескладная фигура, с более коротко подстриженными светлыми волосами. Даниан О'Рак, её лучший друг, быстро шагал ей навстречу. Он тоже был плохо защищён от сильного ветра, это говорило о том, что огонь всех захватил врасплох.

— Дан, что случилось? — крикнула она.

— Никто точно не знает. Башни внезапно загорелись, одновременно. Стражники не могли ничего объяснить, может, просто не досмотр...

Сделав несколько шагов, он оказался рядом с ней. Ей приходилось задирать голову, чтобы посмотреть ему в глаза, потому что он был выше и на два года старше ее.

— Они никогда не были халатными.

— Сегодня была смена Талона.

Ему не нужно было продолжать, так как каждый в деревне знал, что Талон любитель выпить.

— Он же давно избавился от этих своих проблем, по крайней мере, я так думала? — возразила она.

«Кого ты пытаешься убедить?» говорил взгляд Даниана, но сам он промолчал. Его внешностью восхищалось множество молодых девушек в деревне, и как сын самого успешного торговца и члена клана, он, вдобавок ко всему, являлся хорошей партией. Но не для Навии.

Для этого они были слишком давно знакомы. Кроме того, она знала, что ее отец не допустит отношений с ним. И дело не в том, что он не ценит Дариана, а в том, что у нее есть тайна, в которую ей не разрешалось посвящать даже лучшего друга.

— Кто-нибудь ранен? — спросил подошедший к ним Джовин, при этом выпятив узкую грудь и пристально глядя на Дана.

Только не сейчас — рассерженно подумала Навия, поджав губы. Враждебность обоих по отношению друг к другу уже не раз приводила к потасовкам. Из хлевов, где содержались животные, раздались нервные крики.

— Нет, никто... мне ничего об этом не известно, — немного помедлив, ответил Даниан. Он обеспокоенно посмотрел на неё своими глазами, цвета серого неба и незаметно

покачал головой.

— По крайней мере, одна хорошая новость. Ты что-нибудь видел?

— Нет.

— Совсем ничего? — выпытывал Джовин.

Даниан покачал головой. В его теперь коротких волосах запутались крошечные снежинки.

— Нет, я помогал матери убираться в доме. Ты же знаешь, какими могут быть мои сестры. Поэтому я ничего не видел.

Навия предполагала, чем мог закончиться этот разговор, и решила снова обратить их внимание на события в деревне. Некоторые жители деревни вышли на площадь, в их числе и женщины с кричащими детьми на руках. В их глазах отчетливо отражался страх прошедшей ночи. Несколько мальчишек помогали мужчинам тушить уже стихнувший огонь. Стоял невыносимый запах сгоревшей соломы и дерева, а густой слой копоти осложнял видимость. Однако она поняла, что огонь не представлял непосредственной опасности. Напротив: высокое пламя сменилось отдельными, маленькими язычками, так что работа мужчин по тушению пожара быстро начала приносить плоды.

— Я рад, что ты благополучно вернулась назад. Я хотел найти семью и помочь всем с уборкой. Мой отец сразу же исчез в ночи, вместе со старшей сестрой.

— Конечно. Я позабочусь о Ноле... — Испугано Навия повернулась, в поисках своего животного. Оно всё ещё стояло довольно далеко за воротами поселения, нервно прижав уши к голове. На телеге позади него был сложен не проданный товар. В ней проснулся гнев. На Джовина, потому что он, не подумав, просто последовал за ней, и на себя, потому что из-за его глупой болтовни, она так сильно перепугалась. Сегодня просто не её день.

— Джовин! Ты оставил Нолу одну...

Она почувствовала, как Даниан нежно потянул её за тяжёлую косу. Как и у всех девушек и женщин Зимнего народа, волосы Навии доходили до бёдер и всегда были заплетены.

— Не будь с ним такой строгой, маленький ханос, — подразнил он, что сразу же вызвало у неё улыбку. Быть рядом с Данианом, это словно прийти домой. Очень хорошее чувство.

— Я и сам могу говорить за себя, — проворчал Джовин. — И это твоё животное, могла бы и сама приглядывать за ним.

— Я знаю, — вздохнула она. Он прав. Несправедливо свой гнев вымещать теперь на нём.

Джовин лишь пожал плечами и зашагал в сторону рыночной площади, сгорбившись и засунув руки глубоко в карманы. Задумчиво Навия смотрела ему вслед.

— Я обошлась с ним слишком строго?

— Хочешь честный ответ? Для парня твоя вспышка была, конечно, ещё мягкой. Для женщины я бы даже сказал, ты преувеличила. Но мы ведь хорошо тебя знаем и любим твой темперамент. Я уверен, он это понимает.

Она вздохнула.

— Хорошо. Спасибо за твою честность.

— Я всегда честен. — Он улыбнулся ей такой знакомой улыбкой, что ей стало тепло.

— Разве ты не хотел найти свою семью?

К её удивлению Даниан покачал головой.

— Стало тихо намного быстрее, чем я ожидал. Если хочешь, я тебе помогу отвести Нолу

домой и повесить шкуры.

— Конечно, это было бы здорово. Спасибо. — Она улыбнулась своему лучшему другу, а он улыбнулся в ответ, и они взялись за дело. Его глаза цвета шторма светились симпатией, которая словно тёплое питье, достигла глубин её души и сразу же успокоила. Даниан всегда был рядом. На её первой охоте, во время её первого школьного дня, на первом празднике для Таля, их Зимнего бога. Как тень, он всегда следовал и присматривал за ней. Сейчас он шёл слишком близко, его двойные перчатки касались её.

Тем временем они дошли до телеги. Осторожно она похлопала Нолу по боку, бросая взгляд на деревню. Завывание животных и плач детей постепенно утихали, а столбы дыма казались намного меньше, чем ещё несколько мгновений назад.

— Ты с ним сильно намучилась? — спросил Даниан, глядя на неё со стороны.

Новия сразу же поняла, о ком он говорит.

— Джовин старался.

— Ты ему нравишься, знаешь?

— Да ладно, — сказала она, смутившись, и сняла перчатки, чтобы было легче гладить Нолу. Она повернула к ней голову, а её коричневые, умные глаза, как уже часто казалось, заглянули ей в душу. Хотя Нола и самка, и у неё нет великолепных рогов или ярко выраженных мышц, что-то, на что обычно обращают внимание, всё же она любила это животное всей душой.

Возможно потому, что она представляла единственную личную связь с её мамой, потому что та выбрала Нолу ещё перед рождением Навии у торговцев из Гальмена. Быстро она подавила свои ностальгические чувства и повела Нолу вместе с телегой в сторону ворот. От отдельных башен всё ещё поднимался чёрный дым, но пожар везде потушили. Шум в селении значительно уменьшился, до них доносился лишь одиночный смех.

— Я серьёзно, — сказал Даниан.

— Я тоже, — ответила она, избегая смотреть на него.

— Ты видела, как он на меня посмотрел? Думаю, он бы меня задушил, если бы...

Смущённо он замолчал, проводя рукой по шее.

— Если бы что? — переспросила она.

Даниан нахмурился, но молчал.

— Не говори, что он встревожится, если ты каким-то образом сблизись со мной.

С изумлением она поняла, что Даниан покраснел. Члены семьи О'Рак не краснеют! Она уже заметила мальчишескую привязанность Джовина, но чтобы Даниан испытывал к ней больше, чем просто дружбу нельзя ни в коем случае допустить. Он будет презирать её, если выяснит, кто... нет, что она такое.

— Не смей меня, — хмыкнул Дан, и вдруг внимательно посмотрел вдаль.

Отголосок страха отозвался в ней. Она ни при каких обстоятельствах не хотела потерять друга, поэтому он никогда не должен узнать о ее тайне.

— Я рада, что у меня есть ты, — неожиданно серьёзно сказала она.

— Почему?

— Потому что ты единственный, кто для меня что-то значит. Не считая отца.

И клана, который был чем-то вроде ее семьи. Большой, сильной семьи. Она посмотрела Дану в глаза.

— Ты мой лучший друг. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо из клана. Ты знаешь, Таль меня не особо жалуется. Я не хочу упрекать богов, таково течение жизни, но все-таки это

очень болезненно.

— Не вини в своей печали богов, Нави. Ты щедро одарена. Ты здорова. Ты сильна. В том, что твоя мать так рано покинула мир смертных, нет твоей вины.

У Навии стало тяжело на сердце. Если бы дело было только в смерти матери. Ее боль была более глубокой. Тайные молитвы, чужие ритуалы. Как бы ей хотелось чувствовать себя полноценным членом клана, но она всегда была другой. Не такой, как люди, которых она любит.

— Я всегда с тобой. Не важно, что произойдет, со мной ты в безопасности. Ты мне нравишься, как младшая сестра.

Лишь двое из старожилков деревни слегка кивнули в знак приветствия, когда они проходили мимо. В остальном, на них никто не обращал внимания. Вокруг резвились дети, своим смехом наполняя деревню жизнью, хотя уже поздно, и они давно должны были лежать в кроватях. Но в связи с событиями этой ночи, все видимо решили закрыть на это глаза.

Проходя мимо группы деревянных домов, готовых вот-вот развалиться под тяжестью снега, Навия обнаружила несколько девушек с наспех завязанными длинными, светлыми волосами, которые, собравшись в кучу, с любопытством глазели на них. Она быстро опустила голову, и пошла дальше, не глядя в сторону девушек. Она услышала, как Дамиан пытается сдержать смех.

— Они прекратят сплетничать лишь в том случае, если мы поженимся.

Навию испугали его слова, да и сам Давиан тотчас же понял смысл, скрывающийся за этими невзначай брошенными словами. Воцарившееся молчание в этот раз было куда неприятнее. Наконец они дошли до узкой деревянной хижины. С навеса, защищающего вход от ледяного, северного ветра, свисали сосульки толщиной с руку. В воздухе стоял тяжелый запах огня.

Навия заметила Джовина на расстоянии трех домов. Он был полностью увлечен жаркой дискуссией с отцом, намного превосходящим его по росту. Джанаель О`Джааль был спокойным, рассудительным человеком. Он носил бороду, которая, когда была заплетена в косичку, доходила до его внушительного живота. У мужчин, живущих на севере, бороды, как правило, длиннее, чем у мужчин в других землях. Борода — это их гордость, знак могущества, кроме того, она согревает от холода.

Когда их с Джанаелем О`Джаалем взгляды пересеклись, друг отца кивнул ей, после чего продолжил говорить с Джовином. Джовин выглядел довольно жалко, и Навия даже посочувствовала своему неуклюжему спутнику.

— Думаю, мне нужно поблагодарить его. За помощь, оказанную мне сегодня.

Даниан проследил за ее взглядом, затем покачал головой.

— Нет, он и так знает. Ты берешься за дело, потому что так надо, не ожидая никакой благодарности. Он делает то же самое.

— Думаешь? — с сомнением спросила Навия, подняв несколько шкур с телеги и сложив их на небольшую пристройку перед домом. Мысль о горячей ванне, разбудила в ней невиданные силы, несмотря на то, что она с рассвета на ногах.

— Совершенно точно. Я отведу Нолу в хлев. Встретимся дома, согласна?

Дан умело схватил поводья и ответил на кивок Навии. Затем он распряг Нолу, которая довольно втягивала носом воздух, внимательно наострив уши и перебирая передними копытами.

Навия взяла вторую связку шкур, плечом открыла прогнившую деревянную дверь, которую отец хотел заменить еще в последние темные дни, и вошла в погруженную в темноту комнату. Растительное масло и свечи стоят дорого, да и купить их можно только в городах на юге. Но так как ее отец очень много охотится, они могут топить животным жиром.

Но в основном он, конечно, служит питанием. Именно в темные дни богатая жирами пища — просто необходима. Навия радовалась, что здесь на севере, может быть свободной. Клань живут в деревнях по своим правилам, хоть и платят налоги большим городам, с которыми вступают в военный союз. Дети ходят в школу, изучают письмо и язык, так же, как и диалекты четырех царств. На юге, через весеннее море и дальше, в летнем царстве, условия совсем другие. Навия знала об этом. Там нет обеспечивающих самих себя кланов, а лишь одна единственная семья, правящая всем царством.

— Отец? — крикнула Навия в тишину и сложила меха в угол. После чего натянула веревку, чтобы повесить их на нее.

Навия вскрикнула, ударившись об угол стола. С ругательством на губах она повернулась в сторону небольшого закутка, служившего им чем-то вроде кухни. Обеими руками она пыталась нащупать чашевидную лампу, лежащую на построенном отцом деревянном буфете. При этом она постоянно натывалась на не убранные кастрюли и глиняные кувшины.

Конечно не убранные... меня ведь не было дома последних два дня.

В конце концов, она нашла то, что искала, и зажгла узкую лампу с серебристым крючком.

Обычно отец всегда встречал ее, чтобы узнать, как прошла торговля в городе. Может, он уже лег спать? Или присоединился к группе мужчин, тушивших огонь, чтобы затем пойти с ними в трактир и выпить чего-нибудь освежающего. Это было бы на него похоже.

Навия вышла на улицу и занесла еще четыре шкуры. В тот момент, когда она развешивала последнюю, в комнату зашел Даниан, запустив холодный воздух. Он держал в руках оставшиеся восемь шкур, его щеки слегка покраснели.

— Хвастун.

Даниан ухмыльнулся.

— Для чего-то ведь должны пригодиться тяжёлые тренировки. Я ещё не отвёл Нолу в сарай, но сейчас отведу. — Он отряхнул свою обувь, закрыл за собой дверь и снял меха. Потом огляделся. — А где твой отец?

— Наверное, пошёл что-нибудь выпить с другими, за испуг из-за пожара. Ты же его знаешь, выпить он всегда не прочь.

— Ты уверена? Обычно он никогда не пропускает твоё прибытие.

Навия вздохнула, упёршись руками в бока.

— Ну, хорошо, пойду быстро посмотрю в задней комнате. Если тебе так нравится, можешь присоединиться к Джовину. Ради Таля, у меня такое чувство, что вы все хотите сегодня напугать меня. Она отвернулась, но тут же остановилась:

— Кстати, спасибо за твою помощь.

— Не за что. — Дан кинул и потом сразу поморщился. — Твоя компания гораздо лучше, чем компания трёх кричащих баб.

— Ты не сможешь вечно убежать от своих сестёр, — ответила Навия, улыбаясь, но потом поспешила в заднюю комнату и, на всякий случай, взяла с собой лампу. Снова она позвала отца. И опять не получила ответа.

Возле своего спального места она коротко заглянула в нишу. Не так давно они починили её кровать, сделанную из толстого, наполненного соломой матраса. Под ним были сложены тёплые шкуры храноса, одеяло тоже было сделано из них. Во время тёмных дней на улице могло быть очень неуютно, поэтому чаще всего она спала, завернувшись в несколько слоёв. Навия уже хотела идти дальше, но замерла. Разве там что-то не выглядывает между её подушек и одеял? С любопытством она подошла и взяла в руки книгу в кожаном переплёте. Нерешительно она открыла её посередине и в изумлении затаила дыхание.

— Железная зима началась. Птицы разносят тяжёлые проклятья по стране, напряжение заставляет животных беспокоиться. Время пришло... Я это чувствую. С юга до нас доходят дурные слухи, согласно которым исчезают Странники. Будем надеяться, что это только слухи, в противном случае, здесь мы больше не в безопасности. Я думал, что мы будем в безопасности в стороне от больших цивилизаций и что я смогу защитить здесь Навию. Я принял меры предосторожности, но пусть боги смилятся над нами! Если то, что рассказывают дети Потерянного народа, правда, тогда нам нужно...

— Нави!

Она вздрогнула, когда услышала голос Даниана и уронила книгу. С грохотом она упала на деревянный пол. Почерк её отца... Его дневник? Почему он лежит на её кровати?

— Нави! — В этот раз голос её друга звучал более настойчиво, чуть ли не испуганно.

Она подняла книгу и положила её на кровать, взяла снова лампу и вышла из своей комнаты.

Даниан уже стоял на пороге, тяжело дыша и со странным выражением на лице.

— Что случилось?

Даниан избегал её взгляда.

— Я... я нашёл твоего отца, — сказал он тихо. Нервная дрожь слышалась в его словах, кадык подпрыгнул вверх вниз, когда он несколько раз сглотнул. В его глазах штормового цвета она прочитала ужас.

— Где? — тихо, практически шепотом спросила она.

Пол заскрипел, когда Дан начал переминаться с ноги на ногу. Он глубоко вдохнул.

— В сарае, когда я затащил туда телегу. Нави... твой отец... он мертв.

Лакос, Летнее царство

Умело Канаель нырнул под мчащийся навстречу посох, откатился в сторону и, тяжело дыша, снова вскочил на ноги. Песок закружился в воздухе, и облако пыли поднялось вокруг него.

— Вы двигаетесь слишком медленно, Ваше Высочество! — смеясь крикнул ему Дав И'Лев.

— А ты слишком много болтаешь! — выдавил Канаель.

По его спине бежал пот. Солнце непрерывно палило на один из многочисленных внутренних дворов его семьи, служащий им в качестве тренировочной площадки. Он проклинал Сува, который не расщедрился даже на тёплый ветерок, и вытер рукой пылающее лицо. Несколько тёмных прядей прилипли ко лбу и вискам, верхние волосы он связал на шее в хвост.

Дав ничего на это не ответил, просто опустил поднятый для атаки посох. Светлые, выгоревшие на солнце волосы и его загорелый торс ещё больше подчёркивали веснушки на лице и светлые глаза. Чего бы Канаель сейчас не отдал за то, чтобы можно было сорвать с тела свою широкую рубашку! Даву было разрешено показывать своё мускулистое тело, но ему самому запрещалось раздеваться в общественном месте. Одно из бесчисленных правил, сопровождающих его жизнь.

— Я бы закончил тренировку на этом месте, Ваше Высочество.

— Мы одни... когда ты, наконец, перестанешь обращаться ко мне формально?

— Это Вы называете одни? — спросил его партнер по тренировке, сделав жест в сторону присутствующих слуг и Туманного Мастера, стоящих на расстоянии в тени двора, и обмахивающих себя белыми каранами. — Никогда, Ваше Высочество. Может, лишь тогда, когда мы посетим заведения, где не требуется присутствие Ваших слуг.

Канаель засмеялся. Было так здорово иметь друга, не слишком соблюдающего нормы этикета. Может, потому, что Дав двоюродный кузен правительницы весеннего царства, Рины И'Ренал, и знает, как вести себя при дворе. В любом случае, он, как никто другой, остёр на язык. Это совсем не нравилось Туманному Мастеру, который в этот момент, сдвинув брови, приближался к ним. Он слегка сутулился, а его волосы были полностью седыми.

— Ваше Высочество, я распоряжусь, чтобы Вам приготовили ванну.

Он бросил на Дава ледяной взгляд.

— Было бы прекрасно, дорогой Туманный Мастер, — ответил Канаель, и заученно склонил голову, на что Туманный Мастер подал нескольким служанкам знак.

С тех пор, как фаллах стал ближайшим доверенным лицом и слугой его матери, детство Канаеля тотчас словно растворилось в воздухе. Все дни превратились для него в череду событий, единственная цель и назначение которых было подготовить его к будущему правлению царством.

За послами следовал бал, обеды сменялись поездками по стране. Канаель вздохнул.

Он махнул рукой, подозвав Вышивальщицу Бисером. Опустив голову, она подбежала к

нему и отдала полотенце. Ее длинные волосы были собраны в искусную причёску, при взгляде на нее у Канаеля тут же поднялось настроение.

Канаель похлопал Дава по обнаженной спине.

— Ты великолепный учитель.

— Стараюсь.

— Ему за это платят, — ядовито заметил Туманный Мастер.

— Ваша бы воля, я бы ни с кем тут не подружился, не так ли? За каждым дружелюбным словом Вам видится преступление.

— Вы действительно находитесь в постоянной опасности, Ваше Высочество.

— Как-то я этого не заметил.

— Моя обязанность, чтобы Вы ничего не узнали.

— Так же, как я не должен был узнать о рассечении голосовых связок два дня назад на переднем дворе? Вы могли бы спокойно сказать мне, что отец таким образом наказывает предполагаемого Заклинателя душ.

Туманный мастер кашлянул.

— Сейчас не время и не место для таких дискуссий.

Канаель сдержал вздох.

— Увидимся сегодня вечером?

Он переключил внимание с Туманного Мастера на своего друга.

— Вы хотите, чтобы я принял участие в ужине с сыскийскими посланниками? — удивленно спросил Дав.

— Верно. Будет присутствовать брат недавно выбранной повелительницы осеннего царства, Гарьен Ар`Лен.

И мне бы хотелось, чтобы ты тоже присутствовал.

«Чтобы обстановка не была слишком натянутой и чопорной» мысленно добавил он.

— Хорошо. — На лице Дава появилась озорная улыбка. — Я постараюсь сделать утомительные политические беседы более сносными, Ваше Высочество, — добавил он, заработав злобный взгляд Туманного Мастера, которому совсем не нравились такого рода разговоры.

Простившись с другом, Канаель вместе с Туманным Мастером направился в свои покои. По росту он превосходил почти всех в округе минимум на две головы. Лишь с недавних пор он начал вольготно чувствовать себя в своем теле, не в последнюю очередь благодаря Даву и натренированным мускулам, обретая которые, он перестал быть худым, как трость. Хоть он и с успехом выдержал Урцу, с ним по-прежнему обращались как с маленьким мальчиком, а не как с мужчиной.

В чреве дворца Ацтеа, с его бесчисленными освещёнными светом колоннами и росписью на потолке, которые заставили бы побледнеть художников во всём мире, слуги вносили золотые цветочные композиции в большой конференц-зал, потому что ещё в первой половине дня ожидалось новое посольство, и всё должно быть подготовлено в честь гостей. Четыре купеческие семьи из Кевейта ещё до вчерашнего дня прибывали при дворе, и Канаель был рад, что снова избавился от женской половины. В последнее время женщины казались ему книгами на иностранном языке... огромная тайна, для которой он не находил решения. Кроме того женщины из Кевейта — со своими зелёными волосами и открытыми, с высокими разрезами платьями и языком без костей — очень возбуждали.

Прохлада спальни была приятна для его перегретого тела. Он сразу же стянул с себя одежду для тренировок и прошёл дальше голым в ванную.

— Ваше Высочество! — закричал Туманный мастер в ужасе и поспешно закрыл за ними дверь. — Вы же знаете...

— ... мне нельзя показываться обнажённым в общественных местах. Я знаю. Но это моя спальня, если ты этого не заметил. Думаешь, на верхний этаж вскарабкается убийца, только чтобы потом испугаться из-за моей наготы? Можно подумать, у меня заразная болезнь, — крикнул Канаель через плечо и пересёк комнату, выдержанную в белых тонах, которая была больше, чем большинство таверн в Красном квартале.

Он прошёл мимо красочных гобеленов, подарки от гостей других влиятельных, правящих семей, наследство прошедшего времени и вид, который уже давно надоел Канелю. В конце концов, он завернул за угол, войдя в выложенную мрамором ванную, задняя стена которой была застеклена и демонстрировала лучший вид на Лакос, и остановился.

Казалось, служанка не замечает его, она полностью погрузилась в свою работу. Одной рукой она проверяла температуру воды, которую налила глиняным кувшином в круглую ванную, другой размещала в ней несколько лепестков. Её движения были умелыми, платье цвета сирени подчёркивало тёмный цвет лица. Она ему понравилась. Тело стройное и спортивное, но не слишком худое, и для персонала у неё удивительно гладкая кожа.

— Кто это? — спросил Туманный мастер, последовавший за ним и вставший рядом.

Служанка вздрогнула, смотрела на них несколько мгновений, а потом быстро бросилась на пол. Но не достаточно быстро. Испуганные, большие глаза и острый подбородок. Канаель ещё никогда не видел её в своих покоях.

— Как тебя зовут? — голос Туманного мастера звучал сердито. — В личных покоях наследника престола тебе нечего делать! Никто, с кем я не познакомился лично, не входит в эти комнаты. Итак, как тебя зовут?

— Песня небес.

Чёрные волосы обрамляли её лицо, и Канаель не до конца понял, что она пробормотала.

— Песня небес? Тебя что, послала Красильщица стекла?

Служанка подняла голову. Несмотря на её раболепную позу, от Канаеля отнюдь не ускользнуло, сколько гордости выдавал её взгляд. Кое-что, что не встретишь у большинства персонала дворца. Он решил запомнить эту служанку.

— Её вызвали на кухню, и она попросила меня подготовить ванную, господин. Я только следовала указаниям, ничего больше.

Туманный мастер взял халат, который уже драпировали для Канаеля на лежанки из древесины радешу. Эту древесину привезли из северных лесов Зимнего царства.

— Накинь вот это, прежде чем она уйдёт, — указал он ему, а потом снова повернулся к стоящей на коленях служанке. — А ты, Песня небес, пойдёшь сейчас в свою каморку, соберёшь вещи и придёшь в мой рабочий кабинет. Там мы решим, что с тобой будет дальше.

Молча молодая женщина встала, выпятив слегка подбородок вперёд. Во второй раз Канаель заметил её немного строптивую манеру держаться. Она поклонилась, не отводя взгляда от Туманного мастера, и поспешила прочь.

— Ты ужасно напряжён, — сказал Канель, когда Песня небес исчезла, прошёл к корзине с фруктами, стоящей рядом с ванной, и сунул в рот сладкий фрукт перши, привезённый из Весеннего царства. — Возможно, тебе стоит провести вечер в Красном квартале. Женщинам там нравятся мужчины, одетые в материал боктао, от которого они могут оторвать одну две

золотые пуговицы, а затем продать их на чёрном рынке. Зато они кое-что понимают в своей работе, и ты потом был бы намного более расслабленный.

Туманный мастер оскорблённо поджал губы. Они оба знали, что Канаель любит досаждать своему фаллаху.

— Ваше Высочество, вы не понимаете всю серьёзность ситуации. Эта служанка видела вас голым.

— Другие женщины тоже видели.

— Избранные женщины, которых я выбирал лично.

Канель не мог сдержать улыбки.

— Значит, если ты их выбрал, то и опробовал?

— Это не шутка, даже если вы возможно в это верите. Ваша жизнь находится в опасности в любое время. Это Вы должны осознавать.

— Если бы ты не делал из всего тайну, я бы наверняка знал, о чем ты говоришь. Но тебе ведь нравится оставлять меня в неведении.

Он снял халат и окунулся в воду, которая была в точности правильной температуры. Когда Туманный Мастер собрался уходить, Канаель выпрямился.

— Инаель нужен кто-то, кто присмотрит за ней. Песня Небес была бы для этого идеальной кандидатурой. Пожалуйста, не выгоняй ее из дворца.

— Ваше Высочество?

Канаель задумчиво посмотрел на разрисованную стену.

— Моя младшая сестра очень неугомонная, ее трудно усмирить. Думаю, Песня Небес должна попытаться сделать это.

— И заплакала девушка горькими слезами, которые были наполнены горем, испытываемым ею. Пока она плакала, слезы успели превратиться в кристаллы. Они блестели и переливались в солнечном свете, и были прекраснее всего, что когда-либо видел человеческий глаз. Но девушка так страдала, что просто не могла прекратить плакать...

— Но такого не может быть! — прервала его Инаель Де`Ар, намотав толстый, черный локон вокруг пальца. Засунув большой палец другой руки в рот, она внимательно смотрела на него.

Канаель отложил книгу и провел рукой по шелковому одеялу, из-под которого торчали десять маленьких пальчиков. Это был один из тех вечеров, когда он не сидел за рабочим столом и не отвечал на корреспонденцию или запросы. Вместо этого сегодня он нашел немного своего драгоценного времени, чтобы почтить младшей сестре. Такие моменты были довольно редки. Она так быстро росла, что ему хотелось наслаждаться каждой секундой, прежде чем он полностью исчезнет из ее жизни.

— Тогда расскажи мне, чему ты сегодня научилась. Я слышал, вы проходили цвета четырех богов...

Сестра тут же отреагировала на его слова: — Красный обозначает летнего бога и нашего покровителя Сува. Золотисто-коричневый олицетворяет осеннюю богиню Сыс, белый для Таля, зимнего бога, и... — Она напряженно сморщила лоб. — ...Кев, богиня весны, зеленый!

— Отлично, — похвалил Канаель. — Что еще ты можешь сказать о богах?

— У богов разные задачи и способности. Они мудры, добры и полны любви. В царствах, где покровительницей является богиня, правят женщины. У нас только мужчины, потому что нашим защитником является Сув. И у них есть крылья, черные крылья! Как у статуи на этой... этой... штуке на площади богов перед дворцом!

— На обелиске? — «Я ненавижу эту внушающую страх шгуку». Каждый раз, когда он смотрел на эту фигуру с черными крыльями, длинным мечом и мускулистым телом, его не покидало чувство, что за ним наблюдают.

— Точно!

Она выглядела довольной.

— Способности богов мы еще учим. А первосвященник в храме носит красную маску, потому что говорит за Сува. Ему нельзя иметь собственное лицо.

— Ты действительно много выучила! Должен сделать комплимент Книжной Мудрости, он великолепно преподает тебе.

Инаель улыбнулась, но выглядела усталой. Над их головами крутился хранитель снов, закрепленный на потолке над кроватью. Это лучшее место для хранителя снов, он был украшен крошечными жемчужинами и орнаментами, чтобы направить сон в хорошее русло и защитить спящего от всего плохого.

Сувий всегда был царством с множеством мифов и традиций, в их числе и вера в управляемые богами сны. Для своих семи лет его маленькая сестра очень смышленная девочка, чье любопытство и жажду приключений с каждым днем становилось все труднее удовлетворить. Стены дворца уже не могли удержать ее от того, чтобы посмотреть, что там снаружи, в городе, где настоящая жизнь.

Она уже скоро узнает, какой трудной может быть эта жизнь.

Но Инаель еще слишком мала, чтобы показываться за пределами дворца Ацтеа, на пыльных улицах Лакоса. Здесь внутри нет голода и опасностей, не нужно думать о завтрашнем дне.

Здесь изобилие ванн, украшенные вышивкой пальто, дорогая обувь и украшения. Он знал, какой мир снаружи, видел его своими глазами. Дешевые женщины, нищета в Красном и Черном квартале, где на небольшой площади теснилось множество людей, и где было меньше всего работы. Хотя его отец делал все, чтобы обеспечить своим подданным в городе лучшую жизнь.

— Хорошо, тогда поспи сейчас, чтобы была завтра отдохнувшей, — сказал Канаель наигранно строго, встал с кровати и повернулся, собираясь уйти.

— Нет! Не уходи, я ещё не хочу спать! Я ведь ещё совсем не устала. Расскажи мне историю о Мрачной эпохе!

Канаель напрягся и неподвижно замер. Его взгляд обратился к служанке, которая всё это время молча стояла возле дверей. Песня Небес. Прошло уже несколько недель, с тех пор, как он послал её к своей сестре, и она стала выполнять обязанности в её окружении. После этого они почти не встречались. Как и раньше, ему бросился в глаза острый подбородок, указывающий на решительность. Когда его взгляд остановился на ней дольше, чем принято, она быстро опустила голову.

Её щеки залил нежный румянец, что было необычно. В отличие от других служащих, она не одаривала его вниманием. Он сам знал, что женская половина слуг наблюдала за ним с опущенными веками, шепталась или бросала взгляды украдкой. К этому он привык, потому что, уже будучи маленьким ребёнком, он часто находился в центре внимания.

Даже если его двоюродные братья были другого мнения, он считал ошибкой спать с женщинами из прислуги. Кроме того, Туманный Мастер никогда этого не допустит.

— Пожалуйста, оставь нас, сегодня ты мне больше не понадобишься, — сказал он тихо, на что Песня Небес кивнула, бесшумно открыла дверь и исчезла.

Канаель снова повернулся к своей младшей сестре, смотрящей на него своими карими глазами.

— Я сказала что-то дурное? — прошептала она.

Но Канаель не позволил себя обмануть. Несмотря на свой возраст, Инаель очень хорошо знала, как обвести кого-то вокруг пальца. Прежде всего, своего отца, который спешил выполнить любое её желание. Канаелю было ясно, насколько этот дар будет ей полезен позже. Позже, когда речь пойдёт о том, как переманить влиятельных людей царства на свою сторону.

— Когда присутствуют другие люди, тебе не следует заговаривать о таких вещах, Инаель, ты это очень хорошо знаешь.

Мрачная эпоха считалась самой большой и ужасной войной в Четырёх царствах, которая когда-либо свирепствовала. Однако это случилось уже столетия назад. Книги истории и хроники рассказывали о ней, но доступ к ним имела лишь духовная элита страны.

Знания Канаеля о ней были ограничены, о ней почти ничего не преподавали, сосредотачивая свои занятия скорее на актуальных политических событиях.

— Ты должна пообещать мне больше никогда не упоминать об этом перед служанкой, муселёнок.

Даже если тебе трудно. Она не твоя подруга.

— Но Песня Небес не плохая. Она милая и хорошо обо мне заботится.

«Песня Небес на удивление быстро установила связь с моей сестрой», подумала Канаель и снова сел на кровать.

— Она милая, потому что это её работа.

— Это неправда! — ответила вызывающе Инаель и скрестила руки на груди.

— Муселёнок, — начал Канель успокаивающе и использовал прозвище, которая дала Инаели её мать. — Конечно, ты очень сильно нравишься Песни Небес, но она здесь работает, и это её задача выполнять все твои желания.

— Но она поёт для меня, а это больше никто не делает, потому что запрещено! — возмущённо воскликнула его сестра, чтобы в следующий момент опустится обратно на подушки, сконфуженно смотря в сторону.

Постепенно смысл её слов проник в его сознание, и он почувствовал, как его сердце пропустило удар. Казалось, будто его обхватила железная лапа.

Невозможно!

— Что?

Инаель натянула одеяло до самого носа. В её глазах блестели слёзы.

— Пожалуйста, не рассказывай никому! Я должна была пообещать ей это.

Он услышал достаточно. Значит, служанка пела для Инаели. Та служанка, которую он послал к сестре. Он чувствовал себя бесконечно глупо. Ослеплённый идиот! Больше не сказав ни слова, он соскочил с кровати и несколькими шагами пересёк комнату, распахнул тёмно-красную дверь и хлопнул её за собой. Некоторые слуги в холле испуганно повернулись в его сторону. Когда увидели сына правителя, они быстро опустили головы, некоторые также опустились на колени и коснулись пола носом и лбом.

— Песня Небес! — разгневанно рявкнул Канель.

Служанка его матери, идущая в сторону восточного флюгеля, указала вытянутой рукой на узкую винтовую лестницу, ведущую в подвал, туда, где у слуг спальни. Он спешно пошел по коридору. Его шаги эхом отзывались от каменных стен, огонь в настенных чашах мерцал

от потока воздуха.

— Мне привести ее Вам, Ваше Высочество? — спокойным голосом предложила служанка, однако Канаель уже устремился вниз по ступеням, чувствуя позади себя вопросительные взгляды. Ради Сува, она пела ей!

Чем глубже он спускался, тем отчетливее доносились до него запахи масла, старой одежды и мокрых тряпок. Над сводом висела паутина, а камни становились все грубее. Когда Канаель достиг, наконец, слабо освещенного коридора, он увидел, как два человека резко отпрянули друг от друга. Молодая девушка с веснушками и развязавшейся шапочкой, выдававшей в ней прислугу из кухни и торговец, служивший у его отца. Они посмотрели на него так, как будто над их головами обрушились небеса и одновременно пали ниц в знак уважения.

— Песня Небес, где она? — выдавил из себя Канаель после короткого молчания.

— Она ушла в комнату, Ваше Величество. Там впереди, вторая дверь.

Дойдя до двери, Канаель помедлил. Что он ей скажет? Она пела для его сестры. Это запрещалось и наказывалось, но она все равно пела. Не медля больше ни секунды, он открыл дверь и остановился, как вкопанный. Комната Песни Небес была размером с его кровать. В одном углу беспорядочно валялись платья, над табуреткой висела ее рабочая одежда.

Свеча была единственным источником света, поэтому в комнате было угнетающе темно. Песня Небес, стоявшая спиной к двери, рядом с крошечной охапкой соломы, служившей ей постелью, была занята расшнуровыванием платья. Узнав его, она испугалась и зажала рот рукой. Канаель закрыл за собой дверь.

— Ты пела для нее, — жестко сказал он.

— Господин, я...

— Не надо лжи! — прервал он ее. — Скажи мне правду. Что ты пела? Как часто?

Песня Небес опустила глаза, тем не менее, он, наморщив лоб, заметил, что она сжала руки в кулаки.

— Ты пела запрещенные песни? Песни, способные разбудить зло? Ты ведь знаешь истории, и то, почему пение строго наказывается.

— Да.

— Тогда почему ты это делала? Ты хотела навязать моей сестре чужую волю? Применить запрещенную магию? То, что осталось со времен Тёмной эпохи?

Песня Небес подняла голову. Ему показалось, что в ее глазах светится упрямство. Она что совсем не боится?

Не боится, что он отдаст приказ выпороть ее и перерезать связки, прогонит со двора, тем самым отправив ее на голодную смерть, и что, отверженная, она никогда не найдет работу за пределами дворцовых стен? Никто не будет связываться с маленькой, грязной Заклинательницей душ.

— Нет, Ваше Высочество. Я люблю Вашу сестру. Я никогда не причиню ей вреда.

Она лгала. Или, по крайней мере, что-то от него скрывала, он отчетливо ощущал это. Придется ему поставить в известность отца.

— Будь честна со мной, Песня Небес, — мягко сказал Канаель, подойдя совсем близко к молодой девушке.

Она снова устала в пол, содрогнувшись всем телом, кажется его близость пугала ее. Так и надо. Ее дыхание щекотало его шею. Канаель молча ждал, что она поднимет глаза. Но она не поднимала.

— Посмотри на меня.

Простой приказ, и всё же она колебалась, беззвучная борьба, происходящая внутри неё. Потом Песня Небес подняла взгляд. Её зрачки увеличились, и почти больше не отличались от тёмной радужной оболочки.

— Как тебя зовут? — решительно спросил Канаель.

— Песня Небес.

В её голосе послышалась неуверенность.

— Нет, я хочу знать твое настоящее имя.

Он хотел выяснить, к какой семье она принадлежала и как была связана с двором.

Она медлила.

— Меня подбросили к воротам дворца. У меня только это имя.

Значит, если у неё нет семьи за стенами дворца, зачем она тогда подвергала себя такой опасности?

Он изучал её лицо, пытаясь найти ответ. В глазах Песни Небес танцевал огонёк свечи, и он увидел, как в них блестят слёзы отчаяния.

— Твоя работа с этого момента закончена. Как только я выйду из твоей каморки, ты соберёшь вещи и отправишься к Вышивальщице Бисером, и расскажешь ей, что сделала. Тем временем я сообщу обо всём Туманному Мастеру и моему отцу. Но сначала я должен знать, какие песни ты пела моей сестре.

Песня Небес умоляюще на него смотрела.

— Пожалуйста, господин, откажитесь от этого. Я пела лишь те песни, которые приходили мне на ум. Колыбельные, которые когда-то пела моя приёмная мать. «Спитяток-мусель», и «звезда рассыплется».

Несмотря на суровые наказания, существовали люди, которые не придерживались запрета и пели. Они не могли или не хотели осознавать смысла закона и скрывающуюся опасность. Хотя достаточно часто присутствовали во время наказания, когда крики мужчин и женщин, которых разоблачили как Заклинателей душ, навсегда умолкали.

— Эти песни тоже запрещены. И ты должна знать об этом, Песня Небес.

— Но истории о силе пения — это легенды... Сказки. Я никогда не воспринимала их всерьёз, потому что когда я пела, никогда ничего не случилось, — вставила она. Казалось, она искренне растерянна.

Он как раз только хотел ответить, как она вдруг открыла рот и запела ясным, нежным голосом колыбельную. Его первой реакцией было закрыть уши руками, но потом он изумлённо замер и прислушался к мелодии. Одно или два мгновения Канаель думал, что ему снится сон. Её голос окутал его сознание, в то время как он смотрел на неё, и пытался понять, что с ним происходит.

Отрывки воспоминаний. Образы прошлого. Или всё-таки сон?

Песня Небес пела. Её слова проникли в его сознание, завеса забвения начала приподниматься. Звук её голоса доходил до костного мозга, вибрировал глубоко во внутренностях, и разрушил яд, находящийся в его крови. Казалось, всё изменилось, и никогда больше не будет как раньше.

Истина и ложь тихо сражались друг с другом. И Канаель вспомнил всё, что когда-либо забыл.

Ордын, Зимнее царство

Церемония похорон для её отца длилась уже три дня, но Навия всё ещё никак не могла избавиться от оцепляющего чувства внутри.

Сегодня последний вечер, последняя возможность попрощаться с ним, прежде чем его передадут богам. Его тело, задрапированное в талвенское одеяние сине-коричневых тонов, лежало перед хижинкой, в простом деревянном гробу. Большого она не могла себе позволить. В его бороду вплели сине-серые ленты, указание на клан Ордын и статус, которым он владел.

Ежедневно и в разные часы приходили жители деревни и приносили дары, подарки, и, прежде всего, деньги. Они знали, что Навия стала теперь сиротой и не сможет долго во время тёмных дней содержать хижину одна. Их сострадание давило на неё, даже если они пытались его скрыть.

Навия неподвижно стояла на лестнице, рядом с гробом. Взгляд направлен вдаль. Было неопишимо холодно, но она не двигалась, даже тогда, когда ледяной порыв ветра взьерошил ей волосы и раздул широкую, меховую юбку. На густых, тёмных бровях образовался лёд, губы посинели от холода.

По обычаю, нужно было провести возле тела три дня.

Джанаель О'Джааль, лучший друг его отца оставался целых два дня. Потом только членам семьи разрешалось горевать возле умершего. Ей оставалась только сегодняшняя ночь, чтобы отдать ему последний долг, когда она будет читать запрещённые молитвы. Но для этого нужно подождать, пока все заснут.

— Ради богов, да ты ещё замёрзнешь! — раздался теперь голос Даниана. Мгновение спустя, он появился рядом с Навией, нахмурившись и с обеспокоенным выражением во взгляде. — Моя мать приготовила горячий суп, положив в него много укрепляющей зелени Белого куста. Она хранила её для чрезвычайных ситуаций. Ты должна попробовать его, он снова придаст тебе сил. — Он протянул ей дымящуюся чашку, но она не отреагировала.

— Нави?

Вид отца в луже крови отпечатался в её голове. Снова её охватило чувство бессилия, и с каждым вздохом гнев усиливался. Они хладнокровно убили её отца.

Она не понимала, как можно причинить что-то подобное человеку. Нет, не человеку, Страннику, подумала она, и испугалась.

— Нави, ты должна поесть. За последние три дня ты совсем истощала. Пожалуйста, сделай это ради меня.

Одновременно усталая и отчаявшаяся, она слушала слова Даниана.

— Пожалуйста, поговори с мной. Я беспокоюсь.

Скоро траурная вахта закончится. Она пойдет в свою комнату, и будет искать улики в его дневнике. Это ее единственная надежда. Она найдет убийцу или убийц.

— Навия.

Она подняла взгляд и уставилась на своего лучшего друга. Кажется, его испугало то, что он прочитал на ее лице. Ненависть. И жажда мести. Месть тому человеку, который был

причиной ее скорби. Последние три дня изменили ее. Даниан знал это так же, как она сама.

Он медленно покачал головой.

— Нет, Навия. Могу представить, какой шторм бушует у тебя внутри.

Но смерть отца это не конец твоей жизни. Я знаю тебя, знаю, что ты собираешься делать. Ты хочешь искать их, верно?

— Я должна.

У нее был осипший голос, горло болело от боли.

— Я чувствую себя такой беспомощной.

Мне нужна какая-нибудь задача. Ничего другого не остается.

— Это не правильно.

— Да откуда тебе знать? — прохрипела Навия.

Она подняла чашку с супом, стоявшую на веранде, и приложила ее к губам, робко сделав глоток. Горячая жидкость была бальзамом для ее горла. Жадно приоткрыв потрескавшиеся губы, она продолжила пить и неожиданно быстро опустошила чашку. Впервые с начала траурной вахты она почувствовала, как ею овладевает бессильная скорбь. Она осталась одна.

— Ты не одна, — тихо сказал Даниан, и Навия поняла, что высказала мысль вслух. Внезапно он подошел ближе. Он был единственным близким ей человеком. Но теперь было все иначе. Она стала другой.

Никогда раньше она так сильно не осознавала это так, как в данный момент. Тем не менее, она позволила другу обнять себя. Под покровом темноты никто не видел, что Дан крепко прижал ее к себе. Он пах деревом и копченым мясом, которое заготавливал его отец перед темными днями.

Не в силах противиться, ее руки сами начали искать утешения на долговязом теле друга. Его шершавая щека царапала ее прохладную кожу, а дыхание обжигало пожаром, когда он гладил ее.

— Я с тобой, — прошептал Дан ей на ухо. Неожиданно его губы нашли ее, и она почувствовала, как по телу пробежала дрожь. Что-то внутри нее растворилось, на глаза навернулись слезы, и она зажмурилась, чтобы скрыть их.

Губы Дана были мягкими и более знакомыми, чем она хотела себе в этом признаться. Где-то в другое время, в другом мире у них была история, но не в этом мире, и не в это неподходящее время. Она это знала, и хотела только один раз потеряться в этом моменте, который после смерти её отца, стал невероятно далёким.

На мгновение она поддалась этому чувству, но затем отпрянула от своего единственного близкого человека и посмотрела на него. Нежность, с которой он смотрел на нее, сдавила горло. Он выглядел так, как будто хотел что-то сказать, но продолжал молчать.

Это ошибка. И уже поздно.

Ее ноги и руки онемели, но еще больше Навию испугало ощущение в груди. Это было уже не то неистово бьющееся сердце, страстно защищающее все хорошее на свете. Его как будто отравили сверхсильным ядом, от которого она не могла освободиться.

Через некоторое время он снова начал разговор.

— Ты уедешь из деревни?

— Да.

— Разве нет никакой другой возможности? Тебе не обязательно...

— ... уезжать? — закончила она его предложение и пытливо посмотрела ему в лицо. — Нет, Дан.

Именно это я и должна сделать.

Он выглядел усталым. Его глаза цвета шторма лежали глубоко в глазницах, а из-за морщин на лбу, он показался вдруг таким старым. По нему было видно, как он сильно переживал из-за её решения.

— Я уйду, как только будет сожжен отец.

— А куда? Не разумнее ли было бы спланировать поездку?

Она колебалась.

— Я найду достаточно ответов в дневнике отца. Чем раньше я отправлюсь в путь, тем скорее нападу на их след. Если, конечно, их несколько...

— Ты поступаешь рискованно и необдуманно! Здесь ты находишься под защитой клана, с тобой ничего не случится.

— А там снаружи...

Дан сделал беспомощный жест.

— Мое решение окончательно.

Они посмотрели друг другу в глаза, и Навия снова почувствовала, что постепенно отдаляется от своего друга.

Дан громко выдохнул и взял ее за руки, на которых были надеты перчатки. Они были ледяными, несмотря на теплую подкладку и защищающую храникожу.

— Тогда... тогда выходи за меня замуж!

Хотя его глаза и светились при этих словах, но для нее это были пустые слова. Навия поняла, что Дан был готов на все, чтобы оставить ее здесь. Но никогда не последует за ней. У него были обязанности по отношению к себе и своей семье.

— Я присмотрю за тобой, — продолжил он. — Тебе не нужно беспокоиться о домашнем хозяйстве. Я с тобой. Неважно, что произойдет. Мы создадим собственную семью, может быть, в другом клане, если захочешь, и если тебе больно оставаться здесь. Выходи за меня.

С каждым предложением его голос звучал все увереннее, он говорил все быстрее и быстрее, не оставляя ей возможности остановить его.

— Нам не обязательно оставаться здесь. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива...

В этот момент Навия почувствовала столько любви к своему другу, что у нее сдавило грудь. Одновременно он еще никогда не казался ей таким чужим. Ей казалось, что она предает Даниана. Он выглядел подавленным, отвергнутым, возможно он понял ее отказ, по тому, как она держала себя.

Но какой у нее был выбор?

Она не была человеком. Она была дочерью странника, прямого потомка полубогов. Она принадлежала к Потерянному Народу, к тем самым потомкам богов, которых люди преследовали, убивали, и почти полностью уничтожили. С тех пор они жили скрытно среди людей, не показывая спин, молясь за закрытыми дверями, и нося на шее знак своего происхождения в виде полумесяца. Он не поймет. И за это я слишком его люблю.

Кроме того, она приняла окончательное решение. Пути назад не было.

— Я буду счастлива, только когда отомщу за отца.

Лакос, Летнее царство

Как песочная буря, воспоминания обрушились на Канаеля. Шатаясь, он сделал два шага назад и ударился о стену каморки Песни Небес. Его сердце стучало, как бешеное, а на лбу выступил пот, когда Песня Небес, посмотрев на него, удивлённо замолчала.

В нём поднялся гнев, смешавшись с притупляющим чувством отчаяния. Долгое время он думал, что знал, что случилось с Лариасом Дель'Ре. Но теперь определил, что вся его жизнь была основана на лжи. Его мать и Туманный Мастер обманывали его долгие годы. Рашалла... Растение, приносящее смерть, но ему оно не причиняет вреда, потому что он потомок Потерянного народа.

Поглотитель снов.

— Ваше Высочество, с вами всё в порядке? Вы так побледнели...

Песня Небес выглядела обеспокоенной. Её глаза блестели в свете свечи, а на стене танцевали длинные тени.

— Спасибо, всё в порядке... — выдавил он, вслепую нащупал ручку двери и, спотыкаясь, вышел в коридор. Там он начал хватать ртом воздух. Один раз, два.

А потом он их почувствовал. Казалось, песнопение Песни Небес ликвидировало действие яда, потому что внезапно он ясно увидел их перед собой. Все эти годы рашилла затуманивала его восприятие, лишила его способностей. Но теперь они вернулись. Яснее, чем когда-либо. Переливались и манили. Те немногие сны, что были доступны в этот час, вились вокруг него в тихом танце. Как туман, они кружили в воздухе, перед ним светились разные цвета. Он хотел последовать за ними, но не знал как. Разучился. Забыл.

Канаель заставил себя успокоиться. Ему казалось, что ещё рано обнаружить новые факты перед матерью и Туманным Мастером, кроме того, тогда ему придётся объяснять, как он вернул свои воспоминания. Ему нужно выяснить, что рассказывают истории о Потерянном народе. Возможно, Дав единственный человек, кому он может довериться. Он снова поднялся наверх в свои покои и поручил одной из служанок послать к нему его друга.

— Я хочу побыть один, — сказал он спокойно двум слугам, стоящим в углу комнаты, каждый из них готов был в любое время исполнить его желания. Их длинные, цвета сирени, одежды зашуршали, когда они покинули комнату.

Шло время, а Дав не появлялся. Поэтому Канаель прошёл мимо огромного зеркала с серебряными орнаментами и великолепного гардероба из древесины эрбана, который был чуть ли не больше, чем крошечная каморка Песни Небес, и задумчиво устался на спящих внизу город.

Ему нужно собраться, чтобы снова начать ясно мыслить. Дворец стоял на возвышенности, окружённый песком и пальмами. Башни других флигелей возвышались в небе, как будто хотели поцеловать звёзды. Перед ним лежал Лакос, столица Сувия. Дома прижимались друг к другу, а пустая площадь четырёх богов светилась неизменным, мерцающим огнём: Таль, Кев, Сув и Сус. Четыре бога, чьими детьми они все являлись.

Таль, праотец Зимнего царства, который сохранил многих от обморожения и оберегает свой народ. Кев, цветущая богиня, под чьей защитой находится Кевейт, источник жизни.

Сув, разгневанный воин, бог пустыни, солнца и жары. И потом Сыс, его жена, госпожа увядающих, урожая и субботы. Здесь, в юго-западной части страны Сувий, в отличие от прибрежных районов, можно встретить больше голода и нищеты.

Граждане зависят от импорта из других городов, перед воротами есть несколько рынков, и Лакос живёт за счёт торговли. Зато в шахтах, в двух днях езды от Лакоса, на горе Солнца, добывается руда. Позже её продают в двух больших, портовых городах Сувия, чтобы потом переправить на кораблях в другие страны. Кроме того, несколько школ в Коричневом квартале, на северо-востоке города, обучают технике боя, выпуская опытных и жестоких бойцов, которых можно послать в окружающие города, а за это получить определённую сумму. Много работает уже веками, благодаря испытанным соглашениям, обмен товарами — это один из них.

В дверь постучали и Канаель обернулся.

— Входите.

— С тобой всё в порядке? — В проёме дверей появилась светлая голова Дава, он быстро вошел и закрыл дверь за собой.

— Мне нужно кое-что с тобой обсудить.

— Ты ужасно выглядишь. Что-то случилось? Где Туманный Мастер? — Вся официальность между ними исчезла.

— В городе. Сегодня его свободный день. Да это и к лучшему. — Голос Канаеля был хриплым.

— Кажется, он тебя чем-то рассердил.

— Даже больше, он предал меня.

Его друг поднял брови вверх, но ничего не сказал.

— Дав, что ты знаешь о Потерянном народе?

— Только то, чему нас учили при дворе Вета... боюсь, это было совсем немного. Истории о Потерянном народе забылись. Страх заставил уничтожить писания и хроники. Насколько мне известно, они прямые потомки богов. На этом все.

— Мы можем узнать о них больше?

Дав покачал головой.

— Канаель, что происходит?

Он медлил. Ему не оставалось выбора. Никого другого, кроме друга, он не мог посвятить в это дело, так как Туманному Мастеру Канаель не доверял.

— Я Поглотитель снов, — сказал он приглушенным голосом.

Дав заморгал.

— Ты не можешь быть Поглотителем снов. Твои родители Де'Ар, а Де'Ар не может быть потомком Потерянного народа. Мы бы это заметили!

Что, если он ошибается? Что если его воспоминание всего лишь ложный вывод? Но тогда почему ему все показалось таким четким и ясным? Почему он может ощущать сны?

— Я Поглотитель снов. Туманный Мастер сказал мне об этом еще несколько лет назад, но я принимал рашаллу, и поэтому...

— Ты употреблял рашаллу и остался жив? — вставил Дав.

В его голосе сквозило что-то такое, чего Канаель еще никогда не слышал. Он нервно провел рукой по густым, длинным волосам.

— Ни один человек не выживет, приняв этот яд...

Он прямо смотрел на него своими ясными, светлыми глазами.

— А почему ты вспомнил об этом именно сегодня?

— Потому что мне спела одна служанка.

Дав наморщил лоб.

— Она... пела? Она что, повлияла на твои мысли? Ты находишься под ее влиянием?

— Нет. Ее пение каким-то образом восстановило мою память.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Прежде чем я поговорю с Туманным Мастером и матерью, я бы хотел узнать, каково это, быть потомком Потерянного народа. Почему никто не говорит о нем...

— Я не знаю, как мы могли бы это устроить.

— Ну, например, с помощью Синей Ноги из Муна.

— Слишком опасно. Нельзя, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Немыслимо, чтобы ты подвергал себя такой опасности. Тебя там сразу узнают.

— Мы могли бы попросить Безымянного...

— ... я бы не стал втягивать сюда твоего двойника. Из-за этого может возникнуть слишком много вопросов. У Туманного Мастера везде есть свои глаза и уши, — прервал его Дав.

Над его переносицей появилась вертикальная линия.

Канаель вздохнул и отвернулся.

— Должны же быть какие-то записи.

— У нас при дворе их не было. Все было уничтожено. Но ваша библиотека самая большая во всех четырех царствах. Может быть, там нам удастся что-нибудь найти.

— Была одна хроника, но ее украли!

Канаель удивленно оторвал взгляд от книги и увидел, как Дав метнулся к нему. У него было триумфальное выражение лица, он задыхался, словно после бега. На востоке поднялась розовая пелена тумана, с каждым моментом все больше прогонявшая ночь.

— Ты о чем?

Дав подошел ближе и, понизив голос, сказал:

— В ту ночь, когда ты проник в сон Лариаса Дель'Ре, из библиотечных катакомб была украдена книга. Воров было двое. Один сбежал, другого поймали и убили на месте. Ты помнишь?

Канаель почувствовал колющую боль в груди, однако многолетняя тренировка позволила ему сдерживать эмоции.

— Да, это стало причиной, почему я сделал это. Я хотел выяснить, что произошло. Весь город был в смятении, но никто толком не знал, почему.

— Все это строго секретно! — ответил Дав и покачал головой. — Никто не должен узнать, что эта хроника вообще существует...

— Что это за хроника? — спросил Канаель, напрягшись всем телом.

— Хроника Потерянного народа. Самая древняя существующая запись о живых потомках богов. Якобы она очень могущественна, так как наделена древними знаниями.

— Откуда тебе все это известно?

— Один из стражников, дежуривших в ту ночь, несколько лет спустя получил ранение и остался без работы.

Дав пожал плечами.

— Он жалкий пьяница, постоянно обитает в тавернах Красного квартала, в южном конце города, там, где вино и женщины еще дешевле, чем в других местах. Мне удалось

найти его. Никто из охраны дворца ни разу не проронил ни слова об этом. Никто не хочет потерять должность из-за какой-то старой книги, и в этом их нельзя упрекнуть.

— Но этот стражник всё рассказал.

Дав ухмыльнулся.

— После того, как я угостил его парой рюмок хорошего весеннего нектара, с недавних пор импортируемого из Веты, он начал щебетать как птичка. Все держится в тайне, никто не знает ничего конкретного об этой хронике, кроме того, что она считается бесценной. И что ее тогда украли.

— Ты выяснил, кто её украл?

— Вор, который сбежал, неизвестен. Один из стражников схватил второго вора, и когда тот попытался сбежать, заколол его.

— Значит, он не мог дать ответа, — заключил Канаель и разочарованно вздохнул.

— Правильно. Но, тем не менее, они установили его личность. Им оказался опасный, пользующийся дурной славой человек по имени Ночной Ветер, родом из Осеннего царства.

Канаель насторожился.

— Из Осеннего царства? Жаль, что Гариен Ар'лен уже уехал. Может нам удалось бы что-нибудь выяснить.

— Сыскийские послы уже уехали? — удивленно спросил Дав. Действительно, было неприятно, чтобы гости из других королевств не оставались на заранее предписанные пять ночей.

— Как я слышал, королевские торжества передвинули вперёд, а он возвращается в Крон, чтобы присутствовать на церемонии в честь своей сестры. Несколько родственников и пара делегатов моей семьи присоединились к нему.

— Понимаю. Есть ещё кое-что. Я не знаю, насколько это важно. — Дав замолчал, он выглядел при этом так удручённо, что Канаель в первый момент не мог даже предположить о чём пойдёт речь.

— Что случилось?

— Песня Небес исчезла.

— Что ты имеешь в виду под «исчезла»?

Дав пожал плечами.

— Это говорят слуги. Хотя за ней посылали несколько раз, она не явилась на работу. В каморке её тоже нет, и некоторые личные вещи пропали.

Канаель сердито нахмурился.

— Если она сбежала, то, видимо, знает, что её пение что-то во мне вызвало.

— Или она просто боялась, что позже её накажут. Её действие было необдуманно, прямо-таки беспечным. Так она могла подвергнуть тебя серьёзной опасности.

— Ты прав, — ответил Канаель, играя задумчиво с перстнем с печаткой на пальце.

— Нам нужно выяснить о ней больше. — У него появилась идея. Сумасшедшая идея, из-за которой подскочил его пульс. — И я так же знаю, как! Если появится Туманный Мастер, или кто-то ещё, ты должен разбудить меня. Будет достаточно, если ты скажешь моё имя, при этом легонько прикоснувшись к руке. Но не буди, если нет никакой опасности.

— Разбудить? — повторил Дав и приподнял брови. — Что ты задумал?

— Я проникну в сны слуг, чтобы добраться до информации, — сказал он тихо. Возможно, это слишком смело, но потребность снова заглянуть в сон, занимала его с тех пор, как он сбежал из каморки Песни Небес. Осторожно Канаель закрыл глаза и открыл своё

сознание, сосредоточившись на окружающей среде.

Он очень ясно слышал тяжёлое дыхание Дава и звуки в коридоре перед его покоями. Ворчание охранников, стоявших перед его дверью и приглушённо разговаривающих о танцовщице по имени Шёлковое Покрывало, которая, видимо, хорошо разбиралась в своей профессии. У него было такое чувство, будто он видит мужчин через массивные, деревянные двери, при этом все предметы и люди потеряли цвета. Стали серыми и завядшими, в мире между реальностью и сном.

Всё получилось само по себе, как будто этого долгого перерыва, длившегося годами, никогда и не было. Он сосредоточился на своём внутреннем мире и одно мгновение спустя послал свой дух. Его пронизало покалывание, и почти одновременно, все сны, находящиеся в его непосредственной близости, нахлынули на него.

Мощный, красочный водоворот, который угрожал увлечь его за собой. Они шептали, звали его, как будто скучали все эти годы. Их цвета сочетались с характером сна, он видел золотые сны, полные любви и надежды и тёмно-красный туман, который был насыщен чувством обиды и завистью. Когда он прикасался к ним, то видел лица тех, кому принадлежал сон. Тень Луны, Копательница Песка, Съера Да'Кон.

Даже закрыв глаза, он различал контуры комнаты, точно так же, как сделанные из древесины магелан комоды и шкафы, широкий фасад из стекла, и вход на балкон. Они все оставались бесцветными. Дав и шёпот охранников также исчезли, как и весенние запахи цветочных букетов, которые были расставлены везде в его покоях.

Возможно, это из-за того, что они не спят, подумал он, медленно выскользнул в дверь и пошёл вдоль коридора по этажу. Огонь возле стен бесшумно мерцал. Точно так же, как и раньше, мрачные сны тяжело лежали в воздухе, и они были везде. Это похоже на опьянение, мощное покалывание распространилось по всему телу. Его взгляд метнулся к светящейся пелене, больше всего ему хотелось следовать за каждой из них.

Я мог бы это сделать. Я мог бы заглянуть мельком в сны.

На одно мгновение угрожала опасность, что Канаель потеряется в них. Потом он вспомнил своё задание — выяснить что-то о Песне Небес. Внимательно он послал своё дух дальше, по одному, кажущемуся бесконечным коридору, мимо гобеленов, которые ещё роскошнее, чем те, что в его покоях.

Но из-за того, что они бесцветны, все казались, однако, мрачными. Чем ближе он приближался к главной лестнице, которую использовали слуги, выполняя поручения, тем больше добавлялось окрашенных в красный цвет снов. Кончиками пальцев он прикасался к одному за другим. Лица мелькали перед его внутренним взором. Люди, которых они ещё никогда в жизни не видел, и другие, которых он знал с самого детства. Осторожно он спустился вниз, выбрав служебный ход, ведущий через более узкие и менее роскошные коридоры, ища сон, в котором предполагал, что там будет Песня Небес — но всё было тихо. Его эхо замерло.

Внезапно другой сон завоевал его внимание. В прохладных, розовых тонах он проплыл на высоте груди мимо него, как смесь из лёгкости и поверхностной меланхолии, и он ухватился за него невидимыми пальцами. Сразу перед его взглядом появилась круглое личико молодой девушки, немного лопухой и с двумя ямочками на щеках.

Канаель знал ее. Солнечный Смех. Она работала во дворце с десяти лет. Мать послала ее к воротам дворца просить милостыню, и его отец из жалости взял ее во дворец. Она громко и искренне смеялась, еще никому не удалось отучить ее от этого. Поэтому она

работала на кухне, где ее веселая натура была к стати, и не нужно было притворяться. Кроме того, он часто видел ее в компании Песни Небес. Наверное, стоило попытаться.

Канаель подпустил свой дух поближе ко сну девушки и последовал за его светящимся, розовым следом вдоль множества комнатных дверей на самом нижнем этаже переднего крыла здания. Он зашел в ее прямоугольную, украшенную цветочными лепестками комнату. По размеру она была схожа с комнатой Песни Небес и, не считая цветов, так же бедно обставлена.

Казалось, бледный туман сна выделялся из ее слегка приоткрытого рта. Солнечный Смех лежала на некоем подобии кровати, набитой соломой, укрывшись простым льняным платком. Его сердце учащенно забилося, когда он подошел к ней. С довольным выражением лица она повернулась на бок, обхватив рукой подогнутые колени.

Ей ничего не известно об исчезновении Песни Небес. Не стоит вмешиваться в ее сон, говорил Канаелю внутренний голос, однако неумное любопытство хоть одним глазком заглянуть в ее сон, оказалось сильнее.

При этом он вполне осознавал всю опасность проникновения в сон. Один раз он уже это делал и потерпел неудачу.

Но Канаель не мог справиться с всепоглощающим притягательным воздействием, которое оказывал на него сон. Как будто его тянули невидимые нити, он сделал еще один шаг к спящей служанке. Его дух слился с туманом, и он смог ощутить сон всеми органами чувств. Задыхаясь от разлившегося по всему телу жара, и хватая ртом воздух, Канаель погрузился в ее сон.

Укол в середину живота, тысячи мелких уколов на спине, где проходили линии богов и затем лишь тепло, окутавшее его. Моргая, он открыл глаза и увидел, где оказался. Ему было знакомо место, где находилась Солнечный Смех. На сысском участке дворцового сада, вблизи небольшого каменного фонтана, изготовленного специально для прислуги. Ночью возле него встречались влюбленные пары, встретившие друг друга в стенах дворца.

Среди густых деревьев с их большими, сердцевидными листьями тайные свидания были менее опасными, чем в крошечных каморках прислуги. Яркий золотистый и осенне-красный цвета листвы были такими насыщенными и сочными, какими их редко можно увидеть наяву. Его взгляд упал на Солнечный Смех, лежащую поодаль на земле.

Ногами она глубоко зарылась в осеннюю листву, которые цвели и увядали здесь тогда же, что и на своей родине. На ней была сиреневая одежда, предназначавшаяся горничным. Это обстоятельство озадачило его, так как она работала на кухне. Над ней склонились две фигуры. Приглядевшись, Канаель узнал в них Песню Небес и еще одну служанку.

— Он действительно красив. Они вздыхают по нему, а он даже не замечает этого, — вздохнула Солнечный Смех с закрытыми глазами.

— Богат, высокомерен, красив. И будущий правитель. Он, и правда, самый высокомерный парень во всем Лакосе, да что там, во всем Сувии, — произнесла третья.

Песня Небес промолчала и посмотрела вдаль.

— Канаель вовсе не высокомерен, просто он ведет себя сдержанно и холодно. Но разве его можно в этом упрекнуть? Имея столько официальных дел, с которыми ему нужно справиться.

Вдруг сон сделал скачок, прервавшись прямо посреди сцены. Канаель почувствовал, как все вокруг закружилось. Он почувствовал тошноту и закрыл глаза, чтобы побороть ее. Когда он снова открыл их, оказалось, что сценарий уже сменился. Теперь они были внутри дворца,

на верхнем этаже западного крыла, где он жил со своей сестрой. Он узнал это место по белой колоннаде и потолку, разрисованному фресками, в которых рассказывалась история богов. Прямо перед ним появилась Солнечный Смех.

В отличие от ярких красок потолочных росписей, ее кожа была бледной, почти прозрачной. Он бесшумно следовал за служанкой, которая шла в сторону спален, держа в руках серебряный поднос с тремя полными тарелками фруктов раели. Так как раели-фрукты росли только на единичных кустарниках, произраставших на склонах холмов на северо-востоке Кевейта в труднодоступных местах, они стоили целое состояние. Сладкая мякоть плодов была его любимым десертом.

Наконец Солнечный Смех дошла до огромных двустворчатых дверей его спальни, и в нерешительности остановилась. Вдруг откуда ни возьмись, появилась Песня Небес, ведя за руку Инаель.

На его младшей сестре было надето короткое платье цвета бронзы, из-под которого торчали худенькие ножки, похожие на два тонких прутика.

— Нет, Солнечный Смех, не делай этого. — Слова Песни Небес были всего лишь шёпотом, но Канаель слышал их также ясно, как видел её едва заметную улыбку. — У тебя могут быть неприятности, если они увидят тебя здесь.

— Что потеряла здесь наверху кухарка? — Прогремел голос Туманного Мастера вдоль широкого коридора, и сразу после этого он появился в поле зрения. Его коричневые одежды развивались при каждом энергичном шаге. Как только он подошёл к ней, он без комментариев забрал у Солнечного Смеха поднос. Канаель чувствовал, как её разочарование горит на его коже, будто его собственное.

Служанка отошла в сторону Песни Небес, которая свои чёрные волосы заколола сегодня наверх. Когда она повернулась к Солнечному Смеху, Канаель почувствовал, как у него свело желудок.

Когда он посмотрел более внимательно, то понял, что его сестра больше не стояла рядом с Песней Небес. Ошибка внутри сна.

— Ты пытаешься сделать это снова и снова.

— Не каждый работает у его сестры, — ответила Солнечный Смех. — Я нужна внизу. Ты пойдёшь вместе со мной?

Песня Небес покачала головой.

— Мне жаль, но у меня ещё есть другие дела. Нужно помочь в прачечной, госпоже Инаель нужен новый гардероб, скоро прибывают послы из Сыски.

В тот же момент Канаель увидел себя, вспотевшего, тёмные волосы убраны со лба. Он шёл вдоль коридора, делая широкие шаги и на чём-то сосредоточив взгляд. На нём было одета короткая туника и тёмные сандалии из кожи, его боевая одежда. Как и другие молодые люди его возрастной группы, он провёл несколько тренировок на одном из маленьких, боевых дворов, при этом выполняя мурту — традиционный боевой танец с мечами и посохами. Он был хорош, но от него ничего другого и не ожидалось.

Его двойник во сне совершенно не замечал девушек, которые бросились на пол и прикоснулись к нему лбом, он просто задумчиво и поспешно прошёл мимо. Канаель услышал, как Солнечный Смех вздохнула, когда вновь вставала, проводя неуклюже руками по помятому платью.

— Тебе следует вернуться в кухню, у Стеклодувы сегодня очень плохое настроение, — прошептала ей Песня Небес, быстро пожав ей руку. — Не принимай на свой счёт.

Потом отвернувшись от Солнечного Смеха и поспешно пошла вниз по коридору.

«Она идёт в не том направлении!», промелькнуло у Канаеля в голове, когда он понял, что дорога, которую она выбрала, не могла привести к прачечной. Ему хотелось пойти за Песней Небес. Поэтому Канаель направил всё своё внимание на худенькую фигуру, только что быстро завернувшую за угол. Если Солнечный Смех немедленно не последует за ней, она исчезнет...

Иди за ней, ради богов!

Солнечный Смех всё ещё стояла на том же месте и смотрела на закрытую дверь, за которой исчез его двойник. Он знал, что существовала возможность направлять сон, но Солнечный Смех не двигалась с места.

Сейчас или никогда!

Всё ещё ничего не происходило. Чем больше Канаель хотел, чтобы Солнечный Смех последовала за Песней Небес, тем тяжелее становилось её дыхание. Кожа заблестела от пота. Он вдруг тоже почувствовал прикладываемые усилия, хотя почти не двигался. Его сердце несло галопом, руки были все мокрые от пота.

Цвета стали неяркими, звуки слабыми. Так же каштановые волосы Солнечного Смеха казались теперь тусклыми, теряли свой цвет и, в конце концов, стали совсем серыми, точно так же, как и всё остальное вокруг.

Что здесь происходит? Он задыхался. Его голова гудела, и странное, притупляющее ощущение разлилось до самых кончиков пальцев, так что он больше не мог их чувствовать. Солнечный Смех облокотилась о стену, тяжело и громко дыша. Её тело дрожало. Он сам покачнувшись назад, попытался выбраться из сна, однако ему не удалось. Он смотрел, как Солнечный Смех упала на пол. Её хриплое дыхание было единственным звуком, который наполнял пустой коридор жизнью, и в тоже время он знал, что она умирает.

— Канаель!

Крик друга вернул его назад в реальность. Прежде чем открыть глаза, он бросил ещё последний взгляд на бледное лицо Солнечного Смеха и ахнул. Кончики его пальцев чесались, как после укуса насекомого, а на спине распространилось болезненное жжение. В тоже время, глубоко в душе, он почувствовал эмоциональное удовлетворение, какого ещё никогда не испытывал. Чем дольше он находился в реальности, тем сильнее его пронизывала безмерная, незнакомая сила.

— Канаель? Что случилось? Ты вдруг начал двигаться, изо рта вырывались звуки... Я не знал... Мне не стоило тебя будить?

Его взгляд упал на Дава, стоящего в нескольких сантиметрах от кровати. Он уставился на него с непонятым выражением на лице.

— Твои глаза, — прошептал Дав. Ещё прежде, чем он мог подвергнуть сомнению слова друга, Канаель осознал, что сделал.

— Исчезни, — крикнул он своему другу, который в недоумении смотрел на него. — Немедленно! — энергично добавил Канаель. По его телу пронёсся адреналин, он почувствовал в себе чужую силу.

— Я убежден, что в любую минуту в этой комнате может появиться Туманный Мастер. Будет лучше, если ты уйдешь!

— Что случилось? — спросил Дав, сделав несколько шагов в сторону двери.

— Расскажу позже. Уходи!

По тому, с какой настоятельностью в голосе говорил Канаель, Дав понял, что он

говорит серьезно. Кивнув, он удалился из комнаты.

Канаель провел рукой по волосам. Он не должен был проникать в этот сон! Наверняка, в любой момент появится Туманный Мастер, чтобы допросить его. И все-таки, мысль о том, чтобы узнать что-нибудь о Песне Небес и ее намерениях, была слишком заманчива. Однако он ошибся, никто к нему не пришел. Канаель беспокойно ходил по комнате взад-вперед, нервно скрестив руки за спиной и пытаясь понять, что только что произошло.

В глубине души он уже знал ответ. Лишь когда раздалась барабанная дробь на площади богов, созывающая на утреннюю молитву, дверь его комнаты открылась. Бросив взгляд через плечо, Канаель увидел побледневшего Туманного Мастера, вошедшего в комнату.

— Значит, Вы вспомнили.

Он долго смотрел на него своими мудрыми глазами, как будто прикидывая, как много Канаель знает в действительности.

— И Вы не пришли к нам. Мне уже сообщали, что по ночам Вы крадетесь по коридорам. Я надеялся, что это происходит по другой причине!

В словах его фаллаха проскальзывал упрек. На несколько секунд между ними воцарилось молчание.

— Почему Вы ничего не сказали?

— Как дела у Солнечного Смеха?

Взгляд Туманного Мастера вспыхнул, и Канаель почувствовал, как сжалось сердце.

— Почему Вы мне ничего не сказали, я мог бы Вам помочь, — тихо повторил фаллах, проведя рукой по лицу, как будто хотел прогнать усталость.

— Вы меня обманули.

Туманный Мастер сощурился.

— Вы мне не доверяете.

— А с какой стати я должен это делать?

В голосе Канаеля закрались возмущение и упрямство.

— Потому что я спас Вашу чертову жизнь, неужели Вы этого не понимаете? Как Вы думаете, почему Ваша мать сделала меня Вашим фаллахом? Я единственный, кому Вы можете доверять!

— Тогда почему Вы меня обманывали? — спросил Канаель дрожащим от накопившегося гнева голосом.

— Я всего лишь заставил Вас забыть, ограничил Ваши силы...

— Лжец! Все, что я узнал о Потерянном народе, я узнал из книг из катакомб. Война между людьми и потомками Потерянного народа, перешедшая в эпоху Тьмы... История о Ткачихе Снов и ее судьбе на острове Мий...

В глазах Туманного Мастера что-то вспыхнуло. К удивлению Канаеля, он сорвал с плеч мантию и дрожащими руками расстегнул рубашку.

— Когда-нибудь я пожалею об этом поступке, но единственное, о чем я думаю — это Ваше благополучие. Придет время, и Вы поймете почему, — сказал он дрожащим от напряжения голосом. Сняв рубашку, он повернулся к нему спиной.

У Канаеля перехватило дыхание.

— Ради Сува...

По спине Туманного Мастера тянулись черные линии. Полосы, то толще, то тоньше, искривляясь, покрывали всю спину. Канаель сделал шаг назад и понял, что они изображают: Крылья. Два огромных крыла, соединяющихся в одной точке на позвоночнике.

— Я тоже потомок Потерянного народа, Канаель, — сказал Туманный Мастер, застегнул рубашку и снова повернулся к нему. Из-за морщин вокруг рта и глаз, он вдруг стал выглядеть ужасно старым и ранимым. — Мы прячемся, потому что наша жизнь в опасности. Войны прошлого ослепили людей и пропитали их действия ненавистью. Наша задача защитить Удину, потому что ее судьба связана с судьбой людей. Даже если они об этом и не знают.

— Что Вы имеете в виду?

— Удина тклет человеческие сны, опутывая магической паутиной четыре царства... Если она когда-нибудь проснется, натянутая паутина снов разорвется, и весь мир погрузится в хаос. Ваша мать сделала меня Вашим доверенным лицом, потому что после любовного романа она забеременела, и боялась, что ребенок тоже может оказаться потомком полубогов...

Канаель оцепенел. В нем царило какое-то необъяснимое спокойствие.

— Любовный роман? С кем? Я... не сын... не наследник престола? — спросил он.

Туманный Мастер молчал, и его молчание говорило больше любых слов.

Несколько мгновений Канаель смотрел на него через всю комнату, затем вышел из оцепенения и распахнул дверь, ведущую в широкий коридор с колоннами. Оба телохранителя, выставленных для его защиты возле двери, почти незаметно вздрогнули.

— Пришлите сюда мою мать. Немедленно!

Он с грохотом захлопнул дверь и повернулся к Туманному Мастеру.

— Кто мой отец?

— Это должна рассказать Вам Пеала.

— Меня что, окружают одни лгуны?

— Мы лгали, чтобы защитить Вас. Защитить пост, к которому Вас готовили почти двадцать лет, разве Вы не понимаете? На карту поставлено гораздо больше, чем отец, вырастивший ребенка от другого!

Слова фаллаха застали его врасплох, он вздрогнул, услышав, каким резким был голос Туманного Мастера. Магия, которую он почерпнул из сна Солнечного Смеха, громко рокотала в нем.

С каждым вздохом он все отчетливее чувствовал знаки на спине, и не понимал, как мог все эти годы не замечать, что происходит. Как раз в этот момент послышался нерешительный стук в дверь. Одним прыжком Канаель оказался возле двери и энергично открыл ее. Перед ним стояла мать. Величественная и полная теплоты. Тем не менее, Канаеля не покидало ощущение, что он смотрит на постороннюю женщину.

Она заметила выражение его лица, и в ее взгляде что-то изменилось, когда она попросила своих спутников подождать за дверью.

— Что случилось? — нерешительно спросила, взглянув на Туманного Мастера, который стоял на некотором расстоянии, облокотившись на комод.

И нахмурилась.

— Что...? — Потом посмотрела на него пытливо, и её глаза расширились от изумления, когда она медленно обошла вокруг. — Ради Сува... твои глаза! — Она мотала головой всё быстрее, сцепив свои тонкие руки так, что побелели костяшки, и Канаель слышал, как она громко вдохнула.

— Я думала, что этот хаос закончился, но, оказывается, ошиблась. Ради богов, посмотри на свои глаза! — Сделав два шага, она подошла к нему, схватила за руку и потащила к

зеркалу, которое занимало всю стену. Он испугался. Его зрачки были величиной с булавочную головку, а обычно такая зелёная радужная оболочка переливалась четырьмя цветами богов.

Он вырвался, повернулся к ней и спросил:

— Кто мой отец?

Пеала отшатнулась, как будто обожглась.

В её глазах блестели слёзы, внушительная причёска, сплетённая из кос, растрепалась, и несколько прядей упали на узкое лицо. Он чувствовал себя совершенно разбитым, но сила, которую он почерпнул из сна Солнечного Смеха, пульсировала в крови.

— Ты поэтому меня позвал? — Она опустила взгляд, став скорее тенью самой себя.

— Я... я была молода, сокровище мое. И одинока. Твой отец, твой родной отец был приезжим торговцем, красивым и таинственным. Я встретила его внизу, на рыночной площади, со мной были служанки, а охрану я отправила назад. Он посмотрел на меня, только посмотрел. Пронзительно и собственнически. — Задрожав, она набрала в лёгкие воздуха. — Я тут же подпала по его очарование и тайно встретила с ним в талвенской части дворцового сада. Его звали Анес. Но нашу любовную связь предали, и его убили ещё в ту же ночь. Ты Поглотитель снов, Канаель, потому что ты сын Поглотителя снов.

Пеала замолчала, избегая смотреть ему в глаза, и покраснела от стыда. Туманный мастер предложил ей руку, и она с благодарностью облокотилась на него, в то время как всё её тело дрожало. Ложь всей её жизни была разоблачена, а предательство по поводу личности Канаеля сильно его расстроило.

Его словно парализовало.

— Я убил Солнечный Смех, не так ли? Так же, как убил Лариаса.

Никто из них не дал ему ответа, но он прочитал правду в глазах Туманного Мастера. Ему было сложно удержаться на ногах, поэтому он опёрся о стену и прижал гудящий лоб к холодному камню. Он услышал, как шуршит одежда, потом почувствовал руку на своём плече.

— Нет... нет, Канаель... — Его мать расстроено замолчала, когда он поднял голову и уставился на неё.

— Что такое? Что? — прорычал он. — Я ведь прав, не так ли? Я проник в её сон, и убил её!

Пеала протянула к нему руку, но он отпрянул. Казалось, она не понимает, о чём он говорит. Видимо, новость ещё не распространилась по дворцу.

— Я не понимал этого, я недооценил свои способности... Я не знал, что...

Потрясённо он замолчал, когда осознал правду.

— Я чудовище!

— Успокойся, Канаель, пожалуйста!

— Я должен успокоиться? Ты выпустила в этот мир проклятое существо! Я представляю угрозу для других. Угрозу для моего собственного народа! Как ты могла, я просто не понимаю, как ты могла жить в течение стольких лет с этим знанием! Сын Потерянного народа, существо, на чей совести бесчисленное количество жизней. — Его сердце колотилась о рёбра. — Солнечный Смех, Лариас. Сколько людей ещё должно было умереть, прежде чем ты сказала бы мне правду?

— Я прошу тебя, ты должен успокоиться! — умоляла его мать.

Внезапно весь гнев его покинул, и он полностью успокоился. Сосуды на комод, кувшин

с водой на столе рядом с кроватью, а также ловец снов над ней, задрожали. Это было очень легко. Получилось само по себе. Он чувствовал энергию своего тела, но также избыточную силу, не принадлежащую ему, и с помощью неё он обследовал комнату.

— Что...?

— Замолчи.

Рассержено он сощурился и прислушался к слабому эху смеха девушки.

Глубоко внутри Солнечный Смех прикоснулась к нему всеми фибрами своих снов и оставила жгучее чувство могущества. Его сердце билось в унисон с её смехом. За веками защищало, когда он понял, что она никогда больше не засмеётся. Он похитил её жизнь, и получил взамен магию её сна. Её не стало. Просто не стало. Навсегда. С закрытыми глазами Канаель подумал, что различает очертания предметов в комнате. Он заскользил к ним вместе с энергией умершей, туман розового цвета. Тонкие линии, тянущие свои руки к живому миру.

— Что ты делаешь?

— Ваше Высочество, Вы не должны...

— Я сказал, замолчите!

Раздалось жужжание, после чего крик Пеалы. Канаель открыл глаза и посмотрел на нее. На лице Пеалы читался ужас. Прямо перед ней парил его боевой посох.

С этим посохом он тренировался на арене вместе с другими молодыми парнями, учил вместе с Давом древний боевой танец предков, и, весь в пыли и поту, уклонялся от яростных ударов своих противников. Теперь дубинка парила в воздухе и вибрировала от напряжения.

Сила Солнечного Смеха ощущалась инородным телом внутри него. Кусочек энергии мягко отделился и обхватил посох. Магия Поглотителя снов. По его затылку стекал пот, его трясло от напряжения. Канаель смутно вспомнил проезжих торговцев в цветных костюмах, показывающих фокусы, которыми он, будучи ребенком, так восторгался. Теперь он понял, как человек с накрашенным белым цветом лицом, подбрасывая в воздух шары, создавал из них картины. Он был Поглотителем снов.

— Видишь это, мама?

Пеала кивнула.

— И вот это ты произвела на свет: существо с человеческими чертами, питающееся снами и черпающее из них силы.

Его взгляд скользнул к рукам.

— Это не тело сына повелителя, а сына Поглотителя снов. Ты обманывала не только меня, но и все царство.

Он взглянул на бледного, как смерть Туманного Мастера, который стоял и молча смотрел на него.

— Также как и Вы.

— Канаель, я...

— Я убийца! И это твоя вина, — прервал он ее.

Затем схватил посох, все еще висящий в воздухе. Связь с энергией Солнечного Смеха прервалась, следы сна исчезли. Канаелю показалось, что вокруг дерева мелькали мелкие блестящие частички, но должно быть, он ошибся.

Ордин, Зимнее царство.

— Уходишь, не попрощавшись?

Навия остановилась, опустила руку, которой собиралась открыть стойло Нолы, и повернулась к Дану, разочарованно смотрящего на нее. Его лицо свидетельствовало о бессонной ночи, однако взгляд вонзился в ее сердце, как стрела.

— Прости, — прошептала она, и собралась снова отвернуться, но его следующие слова заставили ее замереть.

— Я на твоём месте тоже бы не нашел в себе сил проститься. Поэтому я и пришел. Чтобы освободить тебя от этого бремени и сказать, что ты поступаешь правильно.

Она осторожно подняла голову и встретилась с его теплым взглядом.

— Ты серьезно?

Он кивнул.

— И ты понимаешь, почему я должна уйти?

— Ты бы все равно не успокоилась. Я знаю тебя, Навия. Даже лучше, чем тебе, может быть, хотелось бы.

— Ордин, клан...

Он сделал широкий жест рукой, указав на стоящие вокруг хижины, которые были ее домом и одновременно казались чужими.

— ... все это было бы для тебя тюрьмой. А я твоим стражником.

Он улыбнулся.

— Иди сюда.

Он осторожно обнял ее, а она склонила голову ему на грудь, в то время как он нерешительно поглаживал ее волосы.

— Ты не одна, Навия, не забывай об этом. С тобой боги, твой отец будет оберегать тебя. А я буду за тебя молиться.

— Я знаю.

Он слегка коснулся теплыми губами ее лба, затем отпустил и сделал шаг назад, чтобы лучше рассмотреть ее.

— Я буду ждать тебя.

Мягко, но решительно она покачала головой.

— Не жди. Это было бы ошибкой. Я не знаю, вернусь ли когда-нибудь

Он был ее близнецом, ее вторым Я. Тем не менее, она не посвящала его в свою тайну. Тогда бы он смотрел на нее другими глазами, и такого взгляда она бы не выдержала. Как бы он отреагировал, узнав, что она Страница, потомок богов?

При этом она никогда не странствовала, потому что отец не считал нужным научить ее этому. Он считал, что находится в безопасности.

— Тебе помочь? — голос Дана прервал ее мысли.

— Спасибо, но я сама справлюсь. Так даже лучше. Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, из-за того, что ты встретился со мной.

— Моя мама поймет.

Улыбнувшись, она отвернулась, зашла в хлев и поприветствовала Нолу, которая, в свою очередь, потерлась мордой о ее плечо. Надев тяжелую сбрую, она вывела ее наружу. Потом она в последний раз вернулась в хижину, взяла те немногие пожитки, которые возьмёт с собой в путешествие, и уложила их под сиденье. При этом кожаный переплёт выскользнул из её онемевших пальцев и упал в снег.

Быстро она наклонилась вперёд и подняла, но Даниан всё же заметил его.

— Что это у тебя?

Испуганно Навия прижала дневник отца сильнее к телу, как будто таким образом могла спрятать от его взглядов.

— Ничего.

— Память об отце?

— Да. Он принадлежал ему.

— Дневник, о котором ты рассказывала?

Она кивнула со стоическим выражением лица, и он понял.

— Куда ты отправишься? — поменял он тему разговора.

К Мерлоку О'Ша, старому учителю моего отца. Имя, которое встретилось ей уже несколько раз в записях. Мудрец Мерлок. Старый, седой мужчина, за неприметным внешним видом которого, притаилось настоящее могущество: силы Потерянного народа.

— Этого я ещё не знаю, — соврала она. Правда горечью жгла её горло, и она чувствовала себя ужасно. Но у неё не оставалось другого выбора.

— Ты ещё не знаешь, или не можешь рассказать мне?

Вместо того чтобы ответить, она положила дневник под толстое одеяло на дафке, и в последний раз повернулась к Даниану. С ничего не выражающим лицом он смотрел на неё вниз, вокруг рта образовалась жёсткая складка.

— Я присмотрю за твоей хижинкой, пока ты не вернёшься, — в конце концов, сказал он, и Навия знала, что он имел в виду гораздо большее. Но она не даст ему никаких надежд.

— Спасибо. За всё. Не знаю, что бы я делала без тебя. Ты знаешь, что значишь для меня. Без тебя я никогда не пережила бы школу и тренировку.

— О чём ты говоришь? Ты спасла меня от некоторых синяков, и за это кое-какие заработала сама, — ответил он, и его глаза озарил озорной свет, который так хорошо был ей знаком.

— Мне будет тебя не хватать. — Сказать эти слова было тяжелее, чем хотела себе признаться, но она, наконец, высказала их.

— Мне тебя тоже.

Она взяла его за руку, коротко её пожала, а затем быстро снова выпустила, почти так, будто обожглась. Когда она отвернулась, по щекам бежали слёзы, и она не осмеливалась бросить взгляд через плечо. Вместо этого она засунула руки в перчатки из кожи храноса, чтобы защитить их от резкого холода. При таких температурах легко можно потерять один или два пальца. В Гальмене Навия иногда встречала нищих с замёрзшими до черноты конечностями. Они не могли позволить себе купить греющую, дорогую кожу храноса. Это было не особо приятное зрелище.

Решительно она вскарабкалась на сани и защёлкала языком, после чего Нола направилась вперёд. Она знала, что Даниан ждёт её последнего взгляда, но упрямо смотрела прямо перед собой, навсегда оставляя позади свою прежнюю жизнь.

Лакос, Летнее царство

Рука Канаеля дрожала, когда он отразил удар Дава. Лёгкие горели, и он нырнул под широкую дубинку-урцу, опёрся на одно колено и снова стремительно поднялся вверх, вновь вставая в позицию. В этот раз они были почти что одни. Только двое его телохранителей стояли в стороне рядом с каменной аркой, ведущей в один из множества внутренних двориков и Туманный Мастер наблюдал за ними из тени дворовой площади. Его похожее на птицу лицо явно показывало неодобрение. Но Канаеля озадачило другое выражение. Гнев. Недоверие.

Следующий удар он парировал неохотно, и Дав нахмурился.

— Что случилось? Ты кажешься таким рассеянным.

— Туманный Мастер наблюдает за нами. У меня такое чувство, будто он знает, что ты замешан во всём этом деле. А это мне совсем не нравится.

— Даже если он знает, у него было предостаточно шансов допросить меня. А он ещё ничего не предпринял. Не бери в голову. — Он кивнул. — Хочешь, сделаем перерыв?

Решительно Канаель обхватил ручку дубинки и покачал головой. Нужно взять себя в руки.

— Нет. Давай доведём тренировку до конца.

— Хорошо. Твоя атака.

Не теряя времени, Канаель сменил позу, встал на колени и напряг мускулы, направив кончик дубинки на своего учителя по борьбе. Дав отошёл, сделав два шага назад, ногами подняв пыль и песок. Поверх переносицы у него образовалась вертикальная линия, взгляд был сосредоточен.

Внутренний двор наполнился звуками глухих ударов, кроме их учащенного дыхания и скрипящего под ногами песка вокруг больше ничего не было слышно. С каждым ударом Канаель чувствовал щекотание магии в крови, легкое покалывание на спине, именно там где проходили крылья. Как он мог все эти годы не видеть их? Ответ лежал на поверхности: Он никогда не одевался один. Туманный Мастер постоянно был рядом, окружив его как хищная птица, собственноручно выбирая ему друзей, спутников и учителей, и не давая никакой передышки.

Следующего удара Канаель не ожидал. Он двигался слишком медленно, погруженный в свои мысли, но успел заметить испуганное лицо своего друга еще до того, как притупленная нижняя сторона дубинки со всей силы ударила его в живот. Застонав, он бросил взгляд на Туманного Мастера, который наблюдал за всем происходящим. Канаель попытался удержаться на ногах, но недооценил силу удара. Боль волной распространилась по всему телу. Тихо застонав, он упал на колени и в этот же момент осознал, что Даву пришел конец.

— Прости, — прошептал он и поднял глаза. Долю секунды его друг в таком отчаянии смотрел на него, что у него сдавило горло, затем Дав бросился на пол, вытянул руки и отпустил дубинку. Смирительно коснувшись лбом и носом песчаной земли, он не отваживался поднять головы.

Канаель услышал тяжелые сапоги своих телохранителей еще до того, как их тела

отбросили на него тень. Туманный Мастер тоже подошел, всем своим видом показывая презрение, которое он испытывал к другу Канаеля. С тихим стоном Канаель поднялся на ноги и оперся о свою дубинку. Боль в области желудка стихала очень медленно.

— Вставай, — приказал Туманный Мастер, глядя на Дава холодным взглядом. Он дал телохранителям знак.

— Уведите его в тюрьму. Я доложу о случившемся правителю.

Он посмотрел на Канаеля.

— А ты будешь сопровождать меня.

— Он ничего не сделал!

— Он ранил Вас, хотя знает, что нельзя причинять вред сыну правителя, даже на тренировке. Это подвергается наказанию. И он его получит.

Канаель прикусил внутреннюю сторону губы, чтобы не закричать от злости. Но он был бессилен что-либо сделать. У Туманного Мастера есть свидетели, и закон тоже на его стороне. Опустив плечи, он наблюдал, как стражники грубо схватили Дава за руки, и повели в сторону тюрьмы. Лицо Дава не выражало никаких эмоций, он пытался не смотреть на Канаеля.

Лишь его глаза выражали настоящие чувства, увидев которые, Канаель попытался проглотить подступивший к горлу комок.

Это моя ошибка, а наказан будет мой друг...

— Ваш отец находится в Солнечном зале и ведет прием. Мы посетим его там. После чего он сам решит, что делать с Вашим учителем.

Молча он следовал за своим фаллахом через площадь, зашёл вместе в длинный, выложенный мрамором коридор, который уже всегда своей шириной вызывал в нём ощущение, будто он сидит в очаровательной тюрьме. Несколько одетых в фиолетовый цвет слуг бросились на пол. Со стоическим выражением лица он прошёл мимо, даже если в нём бушевала буря. Он знал, что нельзя показывать свои чувства.

Перед Солнечным залом стояло четыре охранника с длинными копьями, но не один из них не двинулся с места, когда Туманный Мастер прошёл мимо и открыл большую двойную дверь. Удлиненная, с одного конца округлённая комната, там, где стоял Летний трон, уже всегда была самой впечатляющей из пяти залов дворца Ацтеа, а запах прикрепленных к широким аркам окон цветочных композиций, вызывал образ весны.

Белые, мраморные колонны казалось достигают неба, а в конце зала, под куполам, на стену повесили гобелен, доходящий до самого потолка, на котором был изображён герб семьи Де'Ар. Красный цвет фона прямо-таки резал глаза, а башни дворца, обрамлённые круглыми полумесяцами, имели тот же светло-коричневый цвет, что и пол.

Взгляд Канаеля перескочил на отца, сидящего на серебряном троне и озабоченно слушающего тощую женщину со спутанными волосами. Когда тот заметил, что они зашли, его густые, чёрные брови сошлись на переносице, из-за чего он стал выглядеть обескураженно. Он сказал несколько слов женщине, которая поклонилась в знак благодарности и, пятясь, направилась к большой, двойной двери, рядом с которой стояли они. Лунный Охранник, один из множества присутствующих слуг сопровождал её. Она поклонилась Туманному Мастеру и ему, прежде чем исчезнуть за дверью.

Дерион Де'Ар поднялся и быстрым движением руки указал им подойти поближе. Канаель медлил, и получил незаметный толчок от Туманного Мастера.

— Что-то случилось?

Туманный Мастер опустил на пол и коснулся его лбом, в то время как он сам остался стоять, слегка кивнув отцу в знак уважения. Спустя несколько мгновений фаллах поднялся и сложил руки.

— Ваше Высочество, произошел инцидент на тренировке.

— Что произошло?

— Дав И'Лев ранил Вашего сына.

— Это правда? — спросил отец и напрямую посмотрел на него. Его взгляд был прямо-таки пронизывающим, Канаель чувствовал себя рядом с ним как всегда: страшно маленьким. Кроме того, он впервые увидел отца с тех пор, как узнал, что не является его родным сыном. Ему было ужасно стыдно за то, что он не сказал правду. Но она усложнила бы все ещё больше.

В конце концов, он кивнул и опустил взгляд.

— Да, отец. Но это произошло случайно. Я был невнимателен. Удар был не сильным, всего лишь нижн...

Дерион Де'Ар грубо его прервал:

— Он ударил тебя? — Его голос прогремел над ним. Лёгкий шелест одежды и шарканье ног слуг внезапно утихли.

— Да, ударил. Я отвлёкся.

— И где же были твои мысли? Не важно, что происходит, ты должен всегда быть внимательным. Любое мгновение может стать последним для тебя. Ради Сува, ты в постоянной опасности, твоя жизнь висит на волоске, а ты не используешь лучшую тренировку в королевстве, потому что витаешь где-то в облаках?

Он издал негодующее рычание.

— Где сейчас Дав?

— В тюрьме, Ваше Высочество, — вставил Туманный Мастер.

— Хорошо. Десяти ударов плетью будет достаточно.

У Канаеля застыла кровь в жилах. Десять ударов плетью! После них Дав не сможет несколько дней ходить и несколько недель тренировать его! А он нужен ему сейчас больше, чем когда-либо прежде...

— Я сам это сделаю.

Отец удивленно посмотрел на него.

— Ты хочешь сам привести наказание в исполнение?

Канаель почувствовал со стороны взгляд Туманного Мастера, однако смотрел упрямо вперёд.

— Да, я это сделаю.

Это единственная возможность убереечь друга от более сильной боли. С тихим вздохом его отец облокотился на спинку трона. Его взгляд скользнул по нему не дольше, чем одно мгновение, потом он посмотрел на Туманного Мастера.

— Отведи Дава на площадь Несчастий и всё приготовь.

Словно оглушённый, Канаель последовал за Туманным Мастером в коридор. Его мысли как будто стёрли. Молча они прошли через двустворчатую дверь, перед которой стояли гвардейцы.

— Я пошлю за ним. Идите вперёд. — Канаель почти не слышал, что говорит Туманный Мастер, но чувствовал присутствие своих телохранителей как пылающие оковы на коже и поспешил пройти вдоль пустого коридора.

Яркий свет солнца ослепил его, когда он вышел на площадь Несчастий, и жара охватила его словно кокон. Круглый двор лежал наполовину в тени восточного крыла замка, скрытый от любопытных глаз, спрятанный от людей Лакоса. Канаель ненавидел это место. Слишком много мужчин и женщин потеряли здесь свой голос, после того, как их обвинили в том, что они Заклинатели душ, и пели, чтобы очаровать людей. А сегодня ему придётся наказать друга за свою собственную небрежность.

Канаель вздрогнул и повернулся, когда позади него открылась дверь. Четыре тяжело вооружённых охранника провели Дава мимо него к узкой, деревянной скамье, стоящей посреди площади. Они уже сняли с его плеч рубашку, и Канаель видел пот, образовавшийся на его поцелованной солнцем спине.

Верёвка, которой были связаны руки Дава, была очень сильно затянута и глубоко врезалась в кожу. Это зрелище вызвало у Канаеля тошноту, и он поклялся, как можно быстрее закончить страдания своего друга. Один из охранников отделился от группы и направился к нему. Только когда он дошёл до него, Канаель заметил плётку в его руках.

— Ваше Высочество, — сказал он тихо и склонил голову. — Мне дали задание инструктировать Вас. Вам нужно размахнуться и как только вытяните руку вперёд, остановить движение чуть выше вашей груди.

Больше всего Канаелю хотелось кричать, но его лицо оставалось непроницаемым.

— Спасибо. — Охранник сунул ему в руку плётку, и Канаель наблюдал за тем, как Туманный Мастер и его отец вышли на площадь.

— Дав И'Лев, — объявил Туманный Мастер. — Вы ранили своего господина и таким образом нарушили закон Верности. За это вас накажут десятью ударами плети.

Дав смотрел в землю и молчал. Тёмно-русые волосы свисали прядями на лицо. Канаель с трудом сглотнул. Двое охранника схватили его друга и поставили на колени.

— Прости, — прошептал Канаель. Молча прося прощения у богов, он взялся покрепче за кожаную ручку черной плети, пытаясь игнорировать учащенное биение сердца.

С его губ сорвался тихий стон. Канаель медлил, встретился взглядом с отцом, который незаметно кивнул ему. Затем он размахнулся и нанес удар. Крик Дава, наполненный страданием и болью, пронёсся по всей площади, оставив кровавый след не только на коже Дава, но и на душе Канаеля.

— Где он?

Канаель громко хлопнул дверью, войдя в комнату Туманного Мастера. В широком помещении было множество окон, а у их ног, ярко освещённый, лежал Лакос. Ему снова бросилось в глаза, насколько заставлена комната его слуги, но, несмотря на это, в ней царил порядок. Он посмотрел на Туманного Мастера, сидевшего за столом, спрятавшись за стопками книг, которые, казалось, доставали до потолка. Он с удивлением оторвал взгляд от своих бумаг.

— Доброе утро, Ваше Высочество. Как вижу, Вы уже проснулись. Что я могу для Вас сделать?

Канаель сжал кулаки, так что побелели костяшки и сделал шаг к своему фаллаху, который даже глазом не моргнул. События прошедшего дня наложили на него отпечаток, весь вчерашний день он не мог найти Дава. Лишь с наступлением утра, когда розовая пелена окутала небо, Канаель понял, что к чему. Только одному человеку было выгодно, чтобы Дав исчез, и только у одного человека были силы и средства, чтобы устроить все это за его спиной.

— Где Дав?

Он встал прямо перед столом, горя желанием одним движением руки смести все на пол.

Туманный Мастер тянул с ответом. Канаель с мрачным видом наблюдал за тем, как он не спеша отложил перо, после чего взглянул на него.

— Я выгнал его.

— Я так и знал!

Канаель с трудом сдерживал себя.

— Почему Вы это сделали?

— Он слишком много знал. Вы рассказали ему о вещах, которые его никоим образом не касаются. Вчерашнее маленькое происшествие предоставило мне прекрасную возможность по веской причине отправить его прочь.

— Он мой лучший друг, и я доверяю ему, — крикнул Канаель, еле сдерживая гнев.

Со спокойным выражением лица Туманный Мастер отложил длинное, черное перо в сторону и уверенно посмотрел ему в глаза.

— Именно это и доставляет мне больше хлопот, чем нужно, — тихо сказал он. — У меня есть дела поважнее, чем следить за вашими друзьями. Он совал свой нос в дела, которые его не касаются. Если бы он не пользовался таким большим почетом и уважением, мы бы сделали с ним и кое-что другое. А так, мы просто попросили его покинуть царство.

Вне себя от ярости, Канаель наклонился к Туманному Мастеру и оперся руками о длинный, деревянный стол.

— Если Вы намекаете на хронику Потерянного народа, то могу сообщить Вам, что Дав навел справки по моему приказу!

— Откуда Вам известно о хронике? — резко спросил Туманный Мастер.

— Это так важно?

— Вы не должны никому слепо доверять. Сколько раз мне еще говорить Вам об этом? Вы подвергаете опасности себя и всех при дворе.

— Слепо доверять так, как Вам.

Туманный Мастер состроил кислое лицо, но потом всё-таки нерешительно кивнул.

— Я знаю, что вы не доверяете мне. Нужно, чтобы наши отношения выросли заново.

— Когда Вы отправили его?

— Поздно вечером. Вы уже ушли к себе.

— Вы не имели права принимать это решение! Он не давал Вам никаких оснований сомневаться в его искренности. Пошлите кого-нибудь за ним! Верните его, чёрт возьми!

— Боюсь, это невозможно.

— Тогда сделайте это возможным, — сказал Канаель угрожающе тихо. — Вам удалось обвести вокруг пальца мою мать, но я знаю, насколько недоволен Вами мой отец. Я могу сказать ему, что Вы сделали.

— Я отослал Дава с разрешения Вашего отца. Ему не понравилось то, что случилось вчера на тренировочном дворе. И невозможно вернуть его, потому что я послал за божественной птицей правительницы Весеннего царства. Дав отбыл сегодня ночью в Кевейт вместе с ней.

— С Кеширом? — спросил Канаель изумлённо. Тот факт, что Туманный Мастер с помощью последней в мире божественной птицы позаботился о том, чтобы как можно быстрее вывести Дава из страны, причинил ему огромную боль. Должно быть, Туманный Мастер воспользовался многими своими связями, чтобы заполучить эту птицу для своих

целей. И лучше ему не знать, какую ложь Туманный Мастер распустил о Даве.

— Советую Вам вот что запомнить, Туманный Мастер, — сказал Канаель и сузил глаза в щелки, — я никогда не забуду, что вы сделали. Это ещё не конец. — Сказав это, он отвернулся и вышел, оставив своего фаллаха одного.

Зимнее царство

Тишина была невыносимой, и типичный для Талвена холод начал зализывать под её толстые меха, занимать каждый уголок её тела. Навия всматривалась в темноту перед собой, пытаясь отвлечься, в то время как дафка бесшумно скользила в ночи. Небольшая лампа, которую она закрепила слева от себя, качалась при каждом движение туда-сюда. Её слабое пламя почти не могло рассеять темноту, и Ноле скоро понадобится перерыв. Её шаги уже не такие решительные, как ещё какое-то время назад, а фыркание раздаётся не регулярно.

Навия посмотрела на карту, лежащую рядом, которую делал её отец на протяжении лет, пока путешествовал. Она взяла с собой немного напоминающих о нём вещей; всё, что ей было нужно, она носила в сердце. В этот момент забурчал желудок, и она залезла рукой под кожаное сиденье, где закрепила небольшую, деревянную планку.

После похорон отца Джовин принёс ей копчёного мяса, прежде чем снова исчезнуть с поникшими плечами, а голод терзал её и так уже слабые нервы. Хотя пустой желудок взывал к ней, она ела не больше, чем необходимо. Ей были знакомы опасности тёмных дней, когда солнце на несколько недель исчезает за горизонтом, а повседневную жизнь определяет бесконечная ночь. Не иметь теперь достаточного жирового запаса будет означать смерть. Здесь Навия не хотела рисковать, не после того, как предприняла это путешествие на юг.

После того, как снова убрала оставшуюся часть мяса под сиденье, она устало закрыла глаза и позволила Ноле тянуть её через зимний пейзаж. Перед ней лежала белая степь, обрамлённая глубоко падающей тенью гор Талвена. Она боялась неизвестности, но именно этот страх так же и подгонял её. Так как они были Странниками, её отец отправился на север, к самому северному пункту, прежде чем начинаются непреодолимые горы Талвена. Туда, куда никогда не заходит ни одна душа. И всё-таки они нашли его.

— Стой! — Голос раздался совсем рядом, громкий и угрожающий.

Нола испугалась, прижав пугливо уши к голове, пока Навия пыталась понять ситуацию.

Тем временем они достигли небольшого леса, чёрные хвойные деревья, покрытые льдом, возвышались в ночное небо, как мифические существа из сказок её отца. Сквозь густые ветки вела широкая дорога, по которой после метели, видимо, больше не ездили, что, однако, не замедляло её продвижения вперёд.

Навия проворно спрыгнула с саней и прижала руки, одетые в перчатках, к шее Нолы, пока произносила успокаивающие звуки, чтобы животное в панике не сбежало. На санях лежали меха, вода и некоторые пожитки, которые она собрала в спешке перед отъездом.

— Что ты здесь делаешь? — крикнул голос из темноты.

Навия увидела небольшую тень между деревьев, и подлесок захрустел, когда тень задвигалась — ребёнок! Успокаивающе она подняла обе руки.

— Я еду в Гальмен, а потом дальше на юг. Я торговка шкурами храноса. — Она указала на сани.

— Перед самыми тёмными днями никто не отправляется на юг. Это я знаю! Поэтому скажи мне правду!

Навия почувствовала, как в ней проснулось неудовольствие.

— Я говорю правду. А даже если и нет, тебя это не касается.

— Если ты будешь проезжать мимо этой деревни, тогда очень даже касается. Я слышал слухи о Ночных охотниках. Возможно ты шпионка!

— Я выгляжу так, будто собираюсь напасть на деревню?

Молчание. Потом послышался хруст снега, и из тени на освящённую луной поляну вышел мальчик. Он был щупленьким, щёки провалились, и она ясно видела тёмные круги под его кристально-голубыми глазами. Он выглядел хрупким, несмотря на толстую одежду, одетую на тело, а в тощей руке держал самодельную рогатку, которой вполне смог бы ранить её. Он выглядит так, будто уже проиграл схватку с тёмными днями.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она намного более приветливо.

— Охраняю северный путь. Мама говорит, что другие деревни были сожжены, а некоторые жители убиты. Но никто не знает, почему.

Мальчик выпрямил спину.

— Она не знает, что я здесь, чтобы защитить ее.

При взгляде на его худое тело, контрастирующее с мужественной осанкой, Навии стало очень жаль ребенка. Улыбнувшись, она присела на корточки.

— Ты очень хорошо выполняешь задание. Но у меня нет намерений кому-то навредить. Наоборот, я ищу убежище для себя и Нолы. Ваша деревня далеко?

При упоминании о деревне, глаза мальчика засияли.

— Нет, нужно только пройти через лес, и ее уже будет видно. Она стоит на возвышенности. Моя мама работает в гостинице «У северной горы». Там ты наверняка сможешь остановиться на ночлег.

Навия благодарно кивнула.

— Это для меня очень кстати. Ты еще долго будешь здесь?

Мальчик согласно кивнул, после чего Навия просунула руку под сиденье, оторвала кусок мяса и сунула его малышу под нос.

— Вот держи, чтобы ты не умер с голоду, — сказала она, забралась в сани и схватила вожжи.

Мальчик уставился на нее. Дафка со скрипом сдвинулась с места и медленно скрылась из виду. Навия уже уехала довольно далеко, как вдруг он снова появился рядом с ней, обогнал ее, делая большие шаги своими длинными ногами, и остановился поодаль. У него были красные щеки, указательный и средний пальцы он горизонтально положил на лоб. Жест, выражающий в Талвене благодарность. Как только она проехала мимо него, мальчик неловко поклонился и вскоре снова исчез в темноте.

Чем ближе Навия приближалась к краю леса, тем менее непроглядной становилась тьма, а когда они с Нолой выехали из-под тени деревьев, стало светло почти как днем. Это было зрелище для богов, демонстрация их силы. Языки огня, как голодные звери вздымались к небу, превращая ночь в день. Она заставляла себя не отводить взгляд, и вместе с тем ее магически притягивал вид огня.

Навия зажмурилась, когда поняла, что за звуки доносятся до нее — крики о помощи. Они как стрелы вонзились в ее сердце. Представшая перед ней картина, была знакома и одновременно ненавистна ей, от нее по спине пробежал холодок. Навии показалось, что меж деревьями оставшегося позади леса, раздалось шуршание, но должно быть она ошиблась.

— Пойдем, малышка... — сказала она, щелкнув языком.

Нола потянула сани, а Навия надвинула шарф на лицо, прикрыв рот и нос, оставив

только глаза. Встречный поток воздуха смешивался с запахом горевшего дерева. Это был горький и едкий запах, становившийся все более интенсивным по мере приближения к деревне.

Навия остановилась и взглянула на четыре деревянные, сторожевые башни, встроенные с внутренней стороны стены. Все башни горели, также как в Ордине, густые клубы сажи поднимались в черное ночное небо. Она стояла, как вкопанная, уставившись на взмывающее к небу пламя. Крики жителей деревни наполняли зимнюю тишину и звучали, как настоящий голос смерти. Может быть Джовин действительно прав, и Ночные охотники нарезали круги по Талвену, оставляя после себя разрушения и смерть.

Ее внимание привлек звук на санях, отчего у нее волосы встали дыбом. Крики из деревни и постоянный громкий треск огня становились все громче, перекрывая все остальные звуки. Но что-то изменилось. Навия инстинктивно чувствовала это, потому что отец хорошо научил ее охотничьему искусству, главное в котором было постоянно быть начеку и следить за происходящим вокруг.

Ее рука осторожно проскользнула к кинжалу, спрятанному в тяжелом сапоге, но Навия была слишком медлительной. Чья-то рука обвилась вокруг ее шеи. Она почувствовала острие, пробивавшееся через ткань шарфа, и застыла на месте.

— Кто ты? Ты с ними заодно? Ждешь их? — прошипел позади нее женский голос. — Отвечай, незнакомка!

Буквально на секунду хватка ослабла, но Навия успела воспользоваться моментом и изо всех сил рванула руку от своей шеи, одновременно схватилась за ручку кинжала и повернулась к нападавшей. Тяжело дыша, они стояли на санях друг против друга.

Светлые пряди волос молодой девушки свисали на узкие плечи, а большие глаза так холодно смотрели на Навию, что ей стало не по себе. Следы сажи на лице придавали ее лицу дикое выражение. Черная краска легла на ее кожу, как бойцовая маска. Она была слишком легко одета, меховая юбка облегла завернутые в льняную ткань ноги, а слои верхней одежды, казалось, были наброшены второпях.

— Надо было сразу тебя убить, — сплюнув, пробурчала незнакомка, держа в руке кинжал, острие которого было направлено прямо на Навию.

— Что я тебе сделала? Я простая торговка шкурами храноса, — ответила Навия твердым голосом, на что другая разразилась громким смехом.

— Жалкая лгунья! Незадолго до Темных дней ни одна женщина не будет разъезжать одна с мехами по всему царству. Клянусь Талем, если уж я ничего не могу сделать с этими варварами, то с маленькой, поганой предательницей я точно разберусь!

Девушка с криком набросилась на Навию. Ее нападение было таким неожиданным, что Навия потеряла равновесие, и они обе упали с саней в снег. В голове и плече Навии как будто что-то взорвалось, от боли у нее потемнело в глазах, и на мгновение она потеряла ориентацию.

Она заставила себя встать, потому что лежа у нее практически не было бы шансов. У нее мало времени, так как девушка приземлилась рядом, встала на ноги и снова кинулась на Навию, которой в этот момент пришлось вспомнить все, что она учила на тренировках клана.

Она ловко увернулась от удара незнакомки, пригнулась от резкого движения руки, откатилась в сторону и тут же поднялась на ноги.

Следующая атака последовала незамедлительно, и ей снова удалось увернуться от удара

кинжалом, на что ее противница отреагировала злобным шипением. Девушка знала толк в борьбе, этого у нее не отнять. Она снова напала, в этот раз гораздо целенаправленнее. Вытянув руку, она встала на колени и бросилась вперед. Навия отклонилась назад, ей мешали тяжелые сапоги и пальто, в то время как то небольшое, что было надето на ее сопернице, обеспечивало ей очевидное преимущество.

Атаковавшая девушка подбежала к Навии, полоснула ножом в опасной близости от ее горла, которое, к счастью, было защищено шалью. Навия молниеносно схватила ее за запястье, однако девушка нанесла ей сильный удар в паховую зону, после чего Навия, запинаясь, попятилась назад, ощущая острую боль в той области, куда попал кожаный сапог. От ее тяжелого дыхания в воздухе образовывались маленькие, серые облачка. Пригнувшись, чтобы избежать резкого удара рукой, она откатилась назад, и снова вскочила на ноги. Девушка не давала ей никакой передышки, крепко держась за кожаную рукоятку кинжала, она снова перешла в нападение. Пригнувшись, она бросилась на Навию. В свете луны ярко блеснуло лезвие кинжала.

Но чем больше нападавшая напрягалась, и чем чаще у Навии получалось уклоняться от её быстрых атак, тем больше возвращалась её уверенность и вера в свои навыки. Снова и снова она успешно отражала удары незнакомки. Она видела, как грудь девушки вздымалась и опускалась всё быстрее, а испачканное копотью лицо покраснело. Когда она взглянула в её глаза, она увидела в них то же огонь, что пылал в ней. С поднятыми вверх клинками они стояли в нескольких сантиметрах друг от друга, сверкая глазами.

Теперь она поняла, что девушка должно быть примерно её возраста. Возможно на один-два года старше. Они обе тяжело дышали, и ненависть, которую она читала во взгляде девушки, проникала в её тело, как удары ножа. Без предупреждения незнакомка вздрогнула, смотря, словно в транс, на шею Навии, там, где развязались накидка и шарф, и где болтался, хорошо видимый в свете луны, кулон в виде полумесяца.

— Ты носишь знак Странников... Ты дочь Потерянного народа. Но... но это означает...

Навия удивленно опустила кинжал, внезапно ее обдало жаром, а сердце сбилось с ритма. Что этой девушке было известно о Потерянном народе?

Вдруг незнакомка остановилась, как будто ей пришла в голову какая-то мысль.

— Ты украла его! Или они привезли его тебе в качестве сувенира, как специальный подарок в память об умерших, не так ли? Это все объясняет. Это объясняет твое внезапное появление, именно сейчас, когда они в городе...

— Ты ошибаешься! Эту подвеску дал мне отец, когда я была еще ребенком. Я родом из Ордина, небольшой деревушки на севере, на границе с горами Талвена.

— Докажи это! Покажи, что ты дочь Странника!

— Я не знаю, как, — возразила она.

— Покажи мне спину, тогда я буду знать. Если ты ребенок Странников, у тебя на спине будут знаки, — сказала незнакомка, сделав шаг в ее сторону.

Внезапно вся парализующая усталость отступила от Навии. Что, если эта девушка хотела её обмануть?

— Держись от меня подальше! — крикнула она и взметнула кинжал вверх.

Другая остановилась и умиротворяюще подняла руки вверх.

— Лишь немногие знают о значении этого кулона, а единственная возможность выяснить, говоришь ли ты правду, это твоя спина. Если ты Страница, то помечена. Ради Таля, не на одном человеке не будет знака Странника!

Девушка подняла свободную руку к шее и вытащила кулон в виде полумесяца, который был похож на кулон Навии, как близнец.

— Я в любом случае выясню, кто ты такая. Поверь, если ты при этом сдохнешь, для меня не будет играть большой роли.

Её слова прозвучали так холодно, что Навия ни одного мгновения не сомневалась в них. Эта девушка, казалось, знает много о Потерянном народе, и, возможно, её знания будут полезны.

Может быть, ей так же было больше известно о Ночных охотниках. Нужно рискнуть.

С мрачным выражением Навия сняла перчатки, чтобы было легче скинуть вещи, растянула шубу, сбросив её на землю и, в конце концов, стянула через голову верхнюю одежду. При этом она провокационно смотрела незнакомке в глаза. Взгляд, на который та отвечала, не моргнув глазом. Ледяной воздух коснулся её голой кожи, холод окутал, словно пальто изо льда, заставляя сильно дрожать. Медленно она повернулась к ней спиной и услышала, как другая девушка резко вдохнула.

— Ты говоришь правду. Ребёнок Странников.

— А что с тобой? — спросила Навия через плечо, стуча зубами, и быстро набросила на себя одежду.

— Ты действительно думаешь, что я напала на тебя ради забавы?

Навия покачала головой.

— Но точно так же ты могла и обмануть меня.

Незнакомка состроила угрюмую гримасу.

— Тогда я убила бы тебя, когда ты повернулась ко мне спиной, разве нет? Но как хочешь, — сказала она, повернулась и открыла часть плеча. Навия увидела чёрные линии, которые в целом образовывали два крыла. Потомки полубогов. Отмеченные навеки.

Когда другая снова оделась и повернулась к ней, она стёрла со лба снег и таким образом размазала следы огня.

— Мы здесь не в безопасности, они ищут нас... и они очень сильные, мы не сможем противостоять им.

— Кто ищет нас? — спросила Навия, хотя уже давно знала ответ. Люди узнали, что Потерянный народ ещё живёт среди них.

— Мужчины, что напали на нас. Они подожгли деревню, и пришли к нам в хижину. Только в нашу хижину, больше ни в какую. Они точно знали, кого ищут, где мы живём... Они проделали всю работу, представили всё, как обычное нападение, но мой отец сразу же понял, зачем они пришли на самом деле.

Незнакомка указала рукой позади себя, туда, где в ночное небо всё ещё поднимался чадающий дым. Звук рога наполнил воздух, плач для погибших. Девушка твёрдо, почти умоляюще посмотрела ей в глаза, но что-то в её взгляде заставил Навию сомневаться в том, что она действительно поняла, что случилось сегодня ночью. Она, видимо, была ещё в шоковом состоянии после нападения.

— Они убили мою семью. И они ищут детей Потерянного народа, я слышала, как они разговаривали, после того, как... — Она замолчала. Враждебность и гнев исчезли с её лица. Там осталась только пустота, которая была так хорошо знакома Навии.

— Ты имеешь в виду, они целенаправленно искали потомков Потерянного народа? — Теперь у неё была уверенность: её отец умер, потому что был не человеком, а существом, одарённым древней магией. И он не единственный. — Это означает...

— ... что кто-то знает, что мы пережили большие войны и преследования, — закончила она её предложение. — Кстати, меня зовут Исаака, я дочь двух Странников. Если бы я знала раньше, кто ты, я никогда не напала бы на тебя. — Она опустила взгляд. — Пожалуйста, прости меня... Я... — Одной рукой она провела по волосам, выражение её глаз стало печальным. Она громко вдохнула. — Я просто не знаю... я...

— Тебе не нужно извиняться, мне понятно твое недоверие, — прервала она Исааку, пытаясь улыбнуться. — Я знаю, как ты себя чувствуешь. Кстати, меня зовут Навия.

— Ты доверяешь мне?

— Что ты имеешь в виду?

— Простой вопрос: Ты мне доверяешь?

— Насколько могу, — правдиво ответила она.

Исаака почувствовала облегчение.

— Хорошо. На юго-западе находится небольшое поселение, которого нет ни на одной карте, но я могу провести нас туда. Там живет мой дядя. Я хотела пойти к нему, поэтому и сбежала из деревни. Он единственный родственник, который у меня остался. Больше нет никого, кто мог бы меня понять. Все остальные в деревне — люди.

Навия колебалась. Она не могла объяснить точно, но интуиция подсказывала ей, что девушке можно доверять. А интуиция еще никогда не подводила ее, будь то на охоте или то, что касалось людей в Ордине. Так как она как раз собиралась отправиться на юг, спутница ей не помешает. Самое лучше будет — это как можно больше узнать о Ночных охотниках, чтобы затем составить план. Может быть, Исаака сможет помочь ей в этом.

В конце концов, она кивнула.

— Согласна. Давай отправимся в путь.

Нола выглядела обеспокоенной, она прижала уши и рыла землю передними лапами. Хорошо хоть во время их драки, она не сбежала. Навия осторожно бормотала ей успокаивающие слова, указав попутчице на сиденье, на котором были сложены добытые отцом на охоте шкуры храноса.

— Садись на заднее сиденье. Там теплее, ведь ты не достаточно тепло одета. От встречного ветра будет холодно.

Как ранее мальчик, теперь и Исаака приложила указательный и средний пальцы ко лбу, а потом залезла на сани. Она опустила голову и избегала смотреть в сторону деревни.

Навия ловко запрыгнула на переднее сиденье, развернула животное и направила его на дорогу, которую показала ей Исаака, и ведущую мимо деревни на запад. Вначале Исаака не говорила ни слова, а Навия повернула голову, чтобы посмотреть на огонь. Потрескивая, яркие языки пламени возносились в небо. Перед воротами города были видны чёрные тени, и Навия поняла, что они ходят к ближайшему колодцу, вода которого течёт в виде горячего источника в глубинах подо льдом и снегом.

Вдруг она услышала с задней части саней рыдания и повернулась. Исаака сидела спиной к ней на шкурах, завернувшись в одну из них, повернув лицо на север, туда, откуда поднимался чёрный дым от башен. Она казалось хрупкой, как раненое животное, и вся та сила, которая исходила от неё, исчезла, так, словно она сняла пальто. Видимо, только в этот момент она в первый раз по-настоящему поняла, что случилось.

— Мне очень жаль, что это случилось с твоей семьёй. — Голос Навии звучал также удручённо, как она себя чувствовала. И она ощущала то бремя, которое Исааке придётся нести, как своё собственное.

— Я спряталась под не прикрепленную половицу, — сказала Исаака, как будто не слышала её замечания. — Мой отец хотел отремонтировать пол уже два года назад, перед наступлением тёмных дней, и никак не доходили руки. Втайне он, наверное, чувствовал, что нам понадобится небольшое отверстие под домом. Я первая залезла в него, у мамы на руках была сестра. Я слышала их голоса и спряталась. Они знали, кто мой отец. Они знали его имя. Я подглядывала за ними через крупные щели в полу и всё видела...

Плача, она уткнулась головой в руки, а Навии хотелось протянуть руку и погладить её по прямым, частично испачканным копотью волосам.

— Брея была ещё ребёнком... — выдавила теперь Исаака и подтянула колени к подбородку, обхватила их руками, раскачиваясь туда-сюда.

Постепенно степная равнина предгорья уступила место холмам и впадинам. Пейзажи выглядели, как картины, которые Навия видела в окнах особняков большого города, висящих в тёплых комнатах. Их путь обрамляли покрытые снегом деревья с обледенелыми стволами и низко свисающими сосульками, которые уже многим путешественникам послужили в качестве оружия или источником воды. Луна, прорывающаяся сквозь плотные тучи, заставляла переливаться покрытое снегом поле и освещала пейзаж призрачным светом.

— Брея — это твоя сестра? — спросила Навия спустя некоторое время, когда плач Исааки немного поутих.

— Да. Ей ещё не исполнилось даже десяти, и она любила тёмные дни. Она никого не боялась, у неё было большое сердце. Она... никогда... — Снова Исаака замолчала, и Навия услышала, как она сделала короткий вдох. — Я не понимаю, чего добивается Таль своими действиями. Мы жили без страха, и были частью нашего клана. Мы ели вместе с ними, принимали участие в их церемониях, разделяли с ними нашу гостиную... Ты меня слышишь, Таль?

Навия заглянула через плечо и увидела, как Исаака убрала руки с колен и протянула кулак в перчатке в небо, где сверкало четыре звезды, светлее, чем луна — дом бесконечности. Звёзды богов.

— Страж зимы, почему ты навлёк на нас такую беду? Мы дали тебе какое-то основание или твоё существование такое утомительное? Ты мог бы предупредить нас... Мы твои дети... Мы дети Кев..

— Моего отца тоже убили незнакомцы, — тихо сказала Навия через плечо, и Исаака повернула к ней голову. На её всё ещё слегка измазанном копотью лице были видны следы от слёз.

— Откуда ты знаешь, что это были незнакомцы?

— Потому что ни один член моего клана не причинит что-то подобное другому. В течение многих десятилетий никто больше не умирал неестественной смертью. Несколько стариков замёрзли во время тёмных дней. А за пределами деревни замёрз ребёнок, когда хотел похвастаться своей смелостью и заблудился.

При воспоминание о пламени, лижущем белые простыни, в которые был завернут труп ребёнка, Навия вздрогнула.

— Мой отец умер, когда и в нашей деревни горели башни. Полагаю, что и у нас это было отвлекающим манёвром.

— Твой отец был Странником, не так ли? А твоя мать?

— Мать была Заклинательницей душ, но отец редко говорил о ней. Думаю, он так и не смог до конца пережить её смерть. — Перед её внутреннем взором появилось полное боли

выражение его глаз, которое появлялось всегда, когда она в очередной раз упоминала о матери, чтобы, по крайней мере, хоть что-то о ней узнать. Единственное, что она знала, это что она очень сильно на неё похожа. Она унаследовала от неё как белобрысые волосы, так и светло-голубые глаза, также курносый нос, из-за которого Ден всегда дразнил её. Навия вздохнула. — Она умерла, когда я родилась. Я узнала довольно рано, кто мы такие и почему живём так скрытно.

— Мне очень жаль. И спасибо, что ты взяла меня с собой. Одна я не смогу справиться с похоронами, мой дядя составит мне компанию. Ради Таля, как мне ему всё это объяснить? — Её голос сломался.

Навия снова оглянулась через плечо и заметила, как Исаака задумчиво уставилась назад, направив взгляд на башни. Неуклюже она вытерла лицо и размазала слёзы, перемешав их с сажей.

— Когда я поняла, что нападение связано с нашим происхождением, я сбежала. Люди всё ещё ужасно боятся того, что от них отличается. Но мне нужно вернуться, и направить родителей на путь к богам.

— Вы тоже сохраняли всё в секрете?

— Правда слишком опасна, хотя прошло столько времени. Столетия, с тех пор, как Потерянный народ стёрли с лица земли... или с тех пор, как эта история распространилась среди людей, — поправила себя Исаака. — И то, что мирное время, пока мы жили, скрываясь, теперь закончилось, узнали на своём опыте.

Молча они ехали дальше. Исаака указывала на ответвления дороги, которым следовала Навия. Лес постепенно поредел, равнина стала более плоской, и, в конце концов, они добрались до маленького поселения. С самого первого взгляда было видно, что в нём не больше десять хижин. В картах её отца эта деревня не была отмечена.

В окнах не было видно огня, всё было погружено в темноту, только фыркание животных, размещённых в сараях, доносилось до них. Деревянный забор не защищал дома, им навстречу не вышел охранник. Деревня тихо лежала перед ними в холоде ночи, и Навия облегчённо вздохнула, потому что она уже представляла, что её будет ожидать что-то другое. Люди в этом селении спали мирно и без страха.

Ещё раньше, чем давка остановилась, Исаака спрыгнула с неё и побежала к одной из первых хижин. Мужчина, стройный и высокий, в тот же момент вышел на улицу, держа в одной руке лампу, а в другой удлинённый предмет, в котором Навия, даже на расстояние, опознала меч. Когда он увидел Исааку, его враждебное выражение лица просияло, он бросил оружие на пол веранды, чтобы заключить в объятия взволнованную девушку. В отличие от мужчин в её деревне, его борода была заплетена просто, а светлые волосы, так сильно похожие на волосы Исааки, были короче, чем это обычно принято в Зимнем царстве.

Несмотря на расстояние, Навия услышала, как та, запинаясь, посвятила его в события сегодняшней ночи. Ужас, что появился на лице мужчины, был похож на её собственный страх. Чтобы не стоять без дела, Навия ослабила упряжку Нолы и покормила её сухим фруктом, который она вытащила из кожаной сумки, закреплённой сбоку саней.

По крайней мере, сегодня их путешествие закончилось.

Исаака ещё несколько мгновений говорила с дядей, а потом жестом позвала её. Навия нерешительно подошла ближе, приложила ладонь к груди и неловко поклонилась. Её конечности одеревенели немного от долгой езды, а вид слёз в небесно-голубых глазах мужчины резал сердце.

— Это Андриан О'Шан, мой дядя. Навия... — Исаака вопросительно на неё посмотрела. Её дыхание вылетало в холодный воздух в виде маленьких, серых облачков.

— О'Бай. — Она скорее прокаркала свою фамилию, чем сказала.

— Навия О'Бай из одной из деревень на крайнем севере. Она тоже потеряла отца таким же образом, как мы нашу семью. — По Исааке было заметно, как тяжело ей говорить эти слова. — Сегодня ночью мы останемся здесь, потом мой дядя и я вернёмся в деревню, чтобы провести похороны. С ним я чувствую себя в большей безопасности, и надеюсь, что демоны к тому времени уже ушли. Ты, естественно, можешь ночевать в нашем доме столько, сколько захочешь, он всегда для тебя открыт. А вьючное животное поставь в один из сараев.

— Это очень великодушно, — сказала Навия с комом в горле.

Исаака отмахнулась.

— Ты сделала бы то же самое. А я твоя должница, после того, как так коварно на тебя напала. Ты уже знаешь, куда собираешься ехать дальше?

— К югу от Гальмена лежит небольшой городок под названием Вена. Я хотела отправиться туда завтра, чтобы добраться до него в ближайшие дни.

Удивлённо Андриан склонил голову набок, испытующе смотря ей в глаза.

— Ты собираешься поехать в Вену? Ты кого-то там ищешь, у тебя там есть ещё родственники?

Она кивнула.

— Да, я надеюсь встретить там мужчину по имени Мерлок О'Ша.

— Ради Таля! — воскликнула Исаака, распахнув свои немного широко расставленные глаза. — Ты собираешься ехать к моему прадедушке!

Лакос, Летнее царство

— Канаель Де'Ар!

Яркий свет ослепил его. Он поднял руку, прикрывая ей глаза. Его окутало тепло, как защитный кокон, однако это не была взрывная жара Суви. Намного более приятная, нежная.

— Канаель!

Женский голос звучал везде, и в тоже время нигде. Когда его глаза привыкли к свету, он увидел зелёный луг, посреди которого начинался ручей, прокладывая дорогу через равнину.

Плавно текущее течение кристально-чистой воды имело успокаивающее воздействие, и он чувствовал себя в безопасности. Его взгляд направился дальше. В нескольких футах от него стояла хрупкая женщина в белых одеждах, доходящих до земли, и он затаил дыхание. Её лицо выражало мягкость и доброту, было наполнено любовью.

Очарованно, он разглядывал её светло-коричневые волосы, с зелёными прядями, спадающими мягкими волнами до конца её одежды. Блеск её изумрудно-зелёных глаз проник глубоко в его сознание. Смущённо он попытался отвести взгляд, но не мог по-другому, только уставиться на неё. Её белая кожа сверкала в свете солнца, а красота была почти невыносимой. Всё в ней казалось молодым — нежная кожа, детская улыбка.

И всё же она излучала такую древнюю мудрость, что он чувствовал себя бесполезным и маловажным.

В её присутствии, казалось, всё меркнет, даже его собственная жизнь показалась ему вдруг незначительной.

— Ты слышал меня. Я благодарю тебя, мой сын. — Она улыбнулась и время остановилось. — Мне нельзя говорить с тобой, но мир в опасности. Ты должен защитить его, потому что я беспокоюсь за жизнь моих детей.

— Кто вы... — начал Канаель, однако она прервала его, мягко покачав головой.

— Время летит, и я не в силах остановить его. Всё связано с Удиной — если она проснётся, тогда распадётся её сотканный сон, высвобождая божественную магию, которая не должна попасть не в те руки. Её жизнь — это наша судьба, Канаель. Ты должен нанести ей визит... Защищай её, потому что только ты можешь это сделать!

В этот момент позади него раздался звук, и он повернулся. Перед ним сидела теперь молодая женщина в красно-синем, талвенском костюме, узкий корсет стягивали сине-серые ленты, а когда она встала, её широкая юбка зашуршала. Девушка удивлённо заморгала, оглядываясь по сторонам, и озадаченное выражение на её лице было отражением его чувств. Потом взгляд упал на него, и она испуганно распахнула глаза. В её почти белокурых волосах блестели кристаллы, как будто она только что ещё была в месте полном льда и снега.

— Ты! — только и сказала она, её взгляд мерцал, когда она его разглядывала, так, будто они были знакомы.

Казалось, она хотела ещё что-то добавить, но потом закрыла рот, сразу, как только заметила фигуру позади него. Канаель тоже оглянулся.

С выражающим тепло жестом, прекрасная незнакомка развела руки.

— Навия О'Бай, моя дочь. Я рада, что вы оба последовали моему зову. Я волновалась,

что вы не услышите меня. Судьба четырёх народов находится в ваших руках, вам нужно будет однажды найти друг друга в реальном мире, потому что только так мы преуспеем. — Её губы печально изогнулись, и Канаель не мог отвести от нее глаз...

Он ещё никогда не видел такого совершенства.

— Духи прошлого, провидцы среди них, указывают нам путь в будущее. И они говорят о двух путях, ожидающих народы Четырёх Вреён Года. И я боюсь, что победит неправильное будущее.

За лугом послышался рёв, поднялся ветер. Это не человеческий рёв, он был более диким и животным, чем всё, что он раньше слышал. В воздухе лежала громкая и угрожающая опасность.

Встревоженно незнакомка запрокинула голову назад, закрыла глаза и прислушалась к внезапной тишине. Она вздохнула и вновь посмотрела на него и молодую женщину в талвенском наряде. Он различил четыре цвета богов в её глазах.

— Они заметили моё отсутствие. Сув разгневан — мне нужно вернуться. Найдите друг друга в реальном мире, Канаель, Навия. Это единственная альтернатива. Вы должны защищать Удину, Ткачиху снов. — Теперь она смотрела прямо ему в глаза. — Особенно ты, мой сын! Не имеет значения, что случится, вы должны позаботиться о том, чтобы она не проснулась, чего бы это ни стоило! И не рассказывайте никому об этой встрече — это может быть опасно для всех нас, — сказала она настоятельно.

Потом она в последний раз улыбнулась им; это была добрая, всезнающая улыбка. В тот же момент задул порывистый ветер. Снова земля заревела, грунт затрясся. А потом он увидел тёмные крылья, которые шелестя, раскрылись за спиной незнакомки и придали её присутствию божественность, из-за которой у него перехватило дыхание. Его сердце пропустило один удар. Оно было идеальным. Таким чистым и гармоничным. Источником мира. Источником его существования.

Чёрные крылья, шелковистые, направленные в небо. Перья казались бесконечными, изгибались и блестели в свете солнца. Да, это источник мира.

— Кев, — прошептал он беззвучно. Богиня весны.

Захлопав огромными крыльями, она оттолкнулась и взлетела в небо, чтобы исчезнув в свете.

Марон, Зимнее царство

— Ты спишь?

Голос Исааки прервал запутанный сон Навии. Воспоминание о мужчине с зелеными глазами внезапно исчезло, так же, как и воспоминание о богине, чье присутствие она ощущала всеми фибрами души. Она подскочила, чувствуя, как пылают щеки, и в смятении огляделась вокруг. Все казалось чужим, в ушах шумела кровь.

Навия, моргая, осматривала окрестности, пытаясь сориентироваться. Она сидела на простом постельном ложе, также в комнате находился деревянный стол и небольшое, прямоугольное окно, на стекле которого образовались кристаллы льда. В комнате стоял спертый запах. Ее тонкое одеяло, которым она прикрыла ноги, было колючим. Все выглядело убого и запущенно, в щели прокрадывался холод снаружи. Однако вокруг нее царил приятная теплота, исходившая от маленького, выложенного из камня камина и прогнавшая холод из ее костей. Исаака, пододвинув свою крохотную, как ящик, кровать к камину, сидела с подогнутыми ногами и задумчиво смотрела на огонь, который отбрасывал тени и свет на ее лицо.

— Извини, я думала, ты еще не спишь... я не могла заснуть. Я... было так тихо, — прошептала она и посмотрела на неё. У нее было измученное выражение лица. Навия заметила, как крепко она вцепилась в светло-серое, в некоторых местах зашитое одеяло.

Ее лицо просветлело, когда она заметила недоуменное лицо Навии.

— Мы в Мароне, к югу от Гальмена. Ты помнишь? Много снега, длинная дорога и полная темнота, — ответила Исаака на ее незаданный вопрос. В ее голосе слышалась издевка. — Если ты не помнишь: Я сопровождаю тебя к прадедушке, чтобы мы обе могли научиться у него. Кроме того, жена моего дяди беременна первым ребенком.

Она сделала решительное лицо.

— Я ни в коем случае не хочу быть им в тягость.

Помещение было слишком маленьким для них обоих, но, по крайней мере, у них была крыша над головой. Навия продала большую часть шкур за несколько жалких монет. Это была самая никудышная торговля в ее жизни, отец наверняка отругал бы ее за это, но в данный момент она и Исаака зависели от каждого гроша, чтобы добраться до Вены и не умереть с голоду. Или замерзнуть.

На одно мгновение Навия закрыла глаза, представив перед собой нарисованные крылья на своей спине. В отличие от величественных крыльев богини Весны её были намного меньше, чёрные крылья поднимались по лопаткам вверх — переплетённые линии, тонкие полосы — и соединялись на позвоночнике. И они не... настоящие. Она чувствовала лёгкую, постоянную пульсацию, слабая боль разлилась по её спине. Как раз там, где находились крылья, как будто они стремились расправиться. «Что я такое думаю?» Она сердито отмела эти мысли в сторону.

— Тебе приснился плохой сон? — с любопытством спросила Исаака.

— На самом деле нет. Просто это был очень... странный сон.

— Насколько?

«Об этом, к сожалению, я не могу рассказать», подумала Навия, подчиняясь обстоятельствам.

— Я задаюсь вопросом, почему у нас есть на спине крылья, — поменяла она тему разговора. — Они просто всегда там были, и мне нужно было всё время прятать их. Мне никогда не позволялось ездить к горячим источникам в Моране, потому что отец боялся, что кто-то может нести в себе кровь Потерянного народа, и увидеть крылья.

Задумчиво она играла с подвеской Странников, свисающей с её шеи.

— Тогда ты испытывала то же самое, что я и моя сестра. — На лице Исааки коротко промелькнула тень, но она быстро взяла себя в руки. — Наши крылья, словно знаки богов, которые носят люди, чтобы показать свою веру. Рисунок, ни больше, ни меньше. Не считая того, что ты сохраняешь его на всю жизнь. Говорят, что Странники были раньше крылатыми существами, но боги уничтожили крылья, чтобы дать им возможность жить среди людей. Однако когда я думаю о Гальмене, то считаю это решение глупым.

Навия вздрогнула и прогнала образы, которые возникли в её голове.

— Я рада, что мы оставили Гальмен позади.

— Я тоже, — ответила Исаака, задумчиво смотря на потрёпанный красный ковёр, покрывающий пол, который выглядел так, будто стал пристанищем для множества вредных насекомых — если они, конечно, выжили при таком ужасном холоде.

— Везде были обледенелые трупы. — Навия понизила голос. — Такое чувство, будто там присутствовала сама смерть.

Это зрелище она не хотела вновь так быстро увидеть. Гальмен казался городом-призраком, покрытым снегом. Только тонкие, светло-серые клубы дыма, поднимающиеся из труб унылых домов, разрушал этот образ. Даже Исааку, которая после похорон родителей присоединилась к ней, сильно затронуло зрелище замёрзших конечностей и мёртвых детей. Хотя это зрелище, к которому они уже давно привыкли в Талвене.

— Ты тоже иногда чувствуешь свои крылья сильнее, чем обычно? — спросила Навия, подогнула колени и обхватила их руками. Во время этого движения она вновь ощутила усиленное покалывание на спине.

— Нет, почему спрашиваешь?

— Мне кажется, что я отчётливо их ощущаю. Каждый контур, каждую линию. Как будто они выжжены на моей коже.

— Но они и выжжены! — Исаака засмеялась. — Они с самого твоего рождения росли вместе с тобой, приспособлялись к твоему телу и приобретали больше цвета. Но, в сущности, ты не должна их чувствовать. — Навия наблюдала за тем, как она задумчиво нахмурилась. — По крайней мере, пока у тебя не было контакта с божественной магией.

— Что ты имеешь в виду?

— Для того чтобы странствовать, нужно очень много божественной магии. А эту магию обычно получаешь, вычерпывая сны. Сны людей полны божественной магии. Странники могут использовать эту магию только на себе, Поглотители снов направлять только на внешнее.

— И что общего это имеет с обжигающим ощущением на моей спине?

— Ты чувствуешь крылья только в том случае, если использовала магию.

— Но я не использовала магию. Я не знаю, как это сделать. Я даже не знаю, как можно посмотреть на человеческий сон.

— Может быть, ты сделала это в сновидении, которое видела. Мы связаны с богами

особенным образом, потому что являемся их потомками. По крайней мере, частично. Наполовину люди, наполовину божества.

Может быть, всё дело в самом сне. Присутствие богини Весны. Коротко она подумала о парне с зелёными глазами, и о его очарованном выражении лица, когда тот узнал богиню. Сразу после этого она проснулась.

— Тебе что-нибудь говорит имя Канаэль?

Исаака покачала головой.

— Нет, ничего. А что?

— Просто так. — Усталость уходила из тела медленно. Утомлённо Навия натянула на плечи царапающее одеяло, глядя в покрытое ледяным узором окно. Свет уличного фонаря мерцал, а отдельные каменные дома с типичными для дальнего севера скошенными крышами из древесины дарона, которая особенно устойчива к погоде, стояли рядом друг с другом. Они давали Навии чувство безопасности. Ночной сторож в тёмной мантии и с фонарём в руке, делал обход, и на улочке перед окном промелькнули тени. Перед её глазами всё ещё мелькали размытые образы сновидения.

— Я не умею странствовать.

Поморгав, Навия посмотрела на Исаака. Она встала со своего жесткого ложа и зажгла свечу. Слабый огонь отбрасывал тень на правую половину лица Исаака. Ее глаза больше не выглядели ввалившимися, а темные круги под ними почти исчезли. Они были в дороге уже 6 дней, и Навия успела привыкнуть к ее обществу, иногда даже забывая, что, по сути, она одинока.

— Не умеешь? Я думала, мой отец единственный, кто не научил меня этому. — Не важно, как сильно она протестовала и упрашивала, он оставался непреклонным. Она слишком молода, всегда говорил он, это требует слишком большой ответственности. А теперь уже поздно.

— Этот дар был у всей моей семьи, но я никогда не чувствовала себя готовой, а моя сестра была еще слишком маленькой. Странствование требует наличия многих навыков, этому нужно учиться годами. Мой прадедушка один из немногих скрытых учителей в Талвене. Каждый, кто едет в Вену, и в ком течет кровь Потерянных, направляется в этот город из-за прадедушкиных способностей. В большинстве случаев, чтобы выяснить наличие или отсутствие дара. Нет таких школ, которые можно было бы так просто посещать, и затем испробовать свои способности. Все происходит тайком. — Исаака, видимо, поняла смысл сказанных слов, потому что она скривила рот и сделала беспомощный жест. — Причем теперь это не играет никакой роли. Сейчас, когда всех, кто принадлежит к нашему народу, выслеживают и убивают.

Навия начала расплетать косы и распутывать отдельные пряди.

— Теперь у тебя есть возможность научиться.

Проводя пальцами по толстым прядям, она испытала тоску. Как часто он расчесывал ее светлые волосы и рассказывал ей истории о спящей ткачихе снов...

— Как думаешь, что скрывается за преследованиями?

Исаака пожала плечами.

— Преследования были всегда, но никогда повсеместно и в одночасье. Возможно, люди еще не утолили жажду крови и хотят и дальше мстить.

— Мстить за что?

Вздыхая, Исаака снова опустилась на свою кровать, и неожиданно посмотрела ей в

глаза, светло-голубой цвет в иресе отступил к краям, уступая место интенсивно-зелёному.

— Ты не особо много знаешь о нас, не так ли?

— Нет. Полагаю, не больше, чем люди. Мой отец запретил говорить мне о таких вещах. Кое-что я узнала из его записей. Я знала, что мы молимся по-другому. Ведём себя по-другому. Мы — другие. — Но и не особо отличаемся от них, повторила она про себя, задаваясь вопросом, чувствовала ли она себя когда-нибудь, как человек. Разве не все они происходят от богов?

— Что ты слышала о Ткачихе снов? — спросила Исаака.

Навия подумала. Раньше отец постоянно бдёл возле неё и рассказывал сказки до тех пор, пока она не засыпала. О Великой войне между людьми и Потерянным народом, принцессе и её магическом сне.

— Удина единственная в своём роде. Существует только одна Ткачиха снов. Её пытались убить во время Великой войны в эпоху Тьмы, так же, как большинство других из Потерянного народа.

— Ты знала, что это люди дали нам такое имя?

— Какое имя?

— Потерянный народ. Они видят в нас не потомков богов, а демонов. Хотя мы намного ближе к богам, чем они когда-либо смогут быть. — Исаака поморщилась от отвращения. — Они сопротивляются всему, что от них отличается, потому что чувствуют угрозу. Как будто мы так сильно от них отличаемся, — добавила она, подхватывая мысли Навии.

— Но с другой стороны мы напали на них.

Смутно Навия вспомнила истории, которые рассказывали в деревне о минувших днях. Презрительно фыркая, Исаака продолжила.

— Они только защищались, у них не было выбора. А потом вмешалась Кев, богиня весны.

— Почему? Что общего она имеет со всем этим делом?

Нахмурившись, Исаака склонила голову набок.

— Отец тебе не рассказывал?

— Нет.

— Миф о создании нашего мира основан на истории любви между Кев и одним из первых людей, Ксером. У богини весны и Ксера родился ребенок. Эту крылатую девочку сослали на остров Мий, чтобы она не потревожила мир Четырех Времен года.

— Как она могла его потревожить? — спросила Навия.

— Она была настоящим ребенком богини. Видимой для всех, из плоти и крови. Ее черные, как ночь, крылья, были доказательством божественности. С одной стороны Кев боялась, что ее дочь пострадает от рук людей, а с другой стороны она испытывала страх, что девочка сама может что-то сотворить с людьми.

— Но она же была всего лишь ребенком? — сказала Навия с нескрываемым ужасом в голосе.

— Ребенком, наделенным властью богов, — добавила Исаака. Затем разочарованно покачала головой. — Она объединяла в себе все способности, которые проявляются у Потерянного народа теперь лишь в единичных случаях. Она могла странствовать, направлять божественную магию на предметы, и, разговаривая, влиять на мысли и поступки людей.

— Как заклинательница душ своим пением.

— Точно. Когда летний бог Сув узнал об измене своей жены Кев с человеком, он

отомстил ей, в свою очередь, зачав детей с женщинами-людьми. Это привело к расколу и дразгам среди богов. Тогда боги заключили друг с другом пакт: они прекратят бесконечные ссоры, и больше не будут вмешиваться в события, происходящие в мире.

— Но ведь тогда не было бы войны?

Навия смотрела на Исааку, распахнув глаза.

— Нет, но Боги не подумали о том, что их потомки влюбятся... и в свою очередь родят детей. Эти дети были сильнее нормальных людей, жили почти в три раза дольше, потому что могли пить из жизненного источника богов в небесном царстве. Четыре народа все больше чувствовали угрозу, исходившую от крылатых полубогов. Потому что они были другими, обладали магией, а также использовали ее.

— Что ты хочешь этим сказать?

Исаака уставилась на неё, печально скривив рот.

— Дети Потерянного народа разъезжали вместе по четырём странам и грабили людей. Воздействовали на них своим пением. Заставляли отдать им все свои сбережения. И хотели всё больше, начали желать власти и вскоре стали угрожать миру Четырёх стран. — Исаака глубоко выдохнула. — Потомки богов взялись поработать людей и выбирать себе женщин по своему желанию. Они насиловали красивых девушек в деревнях, и не остановились даже перед тогда правящей семьёй А'дран в Сыски. Сегодня мы почти не можем себе этого представить, но было время, когда охотились не за Потерянным народом, они сами были охотниками.

— Это просто ужасно! — воскликнула шокировано Навия, закрывая рот ладонью.

Исаака мрачно кивнула. В её глазах отражался огонь камина.

— Вскоре в мире Четырёх Вреён Года царили одни лишь страх и ужас перед крылатыми потомками богов. Стало ещё хуже, когда воины из каждой страны объединились, чтобы сражаться с полубогами. Четыре страны погрузились в хаос, который, в конце концов, вылился в эпоху Тьмы. Кев хотела защитить своих потомков, и, чтобы на вечно привязать людей к своим детям, она нарушила договор, который заключили боги: она ввела одну из своих внучек Удину в своего рода спящий транс, и сплела её сны со снами людей.

Кев хотела защитить своих потомков... Может быть, поэтому я встретила с ней во сне!

— Она хотела связать людей и полубогов друг с другом, чтобы закончить войну?

— Именно. Она любит каждого своего ребёнка, будь он родной или нет. Её родные дети потеряли способность применять божественную магию, потому что она была теперь связана со снами людей. Только, к сожалению, план Кев не сработал. Воины четырёх народов могли теперь свободно убивать беззащитных полубогов. — Исаака замолчала, массируя большим и указательным пальцами нос. По ней было ясно видно, что она принимает эту историю близко к сердцу. Это история её народа, и всё-таки Навия ещё никогда её не слышала. Какой позор.

— Конечно, люди воспользовались ситуацией. Мир погрузился в пучину крови. Люди убивали полубогов, отрывали им крылья и с гордостью развешивали их на арках городских ворот. Когда арок стало не достаточно, они начали украшать черными крыльями все стены.

Навия издала сдавленный крик.

— Какой ужас!

— Те немногие полубоги, которые выжили, и знали, как попасть в небесное царство, возвратились туда. Но так как они были не настоящими богами, то вскоре заболели и умерли

там.

— Я этого не знала, — ответила Навия, которая начала постепенно понимать масштаб её сна.

Но Исаака ещё не закончила. Она прямо-таки бушевала, и следующие слова выпаливала всё быстрее и быстрее, как будто хотела, наконец, подойти к завершению своего рассказа:

— Из-за того, что Кев своим вмешательством нарушила договор богов и навлекла на своих собственных детей несчастье, Таль похитил у всех потомков крылья, их связь с миром богов. И потомки больше не могли попасть в небесное царство богов. Вместо этого Таль выжег на спине полубогов изображение крыльев, невидимое для человеческого взгляда. Поэтому люди больше не могли их узнать. В то же время их сослали на Мий. Он спас их, чтобы потом собрать на одном острове.

— А Удина, ткачиха снов?

— Она по-прежнему спит в стенах черного замка на острове Мий позади лабиринта душ, и ткёт сны людей. Сны, наполненные божественной магией Кев, которую мы можем использовать. На остров можно попасть лишь с одной стороны, потому что позади замка находятся непреодолимые скалистые склоны.

Навия покачала головой.

— Тогда почему снова началась война?

Исаака облизала губы и встала. Белая нижняя юбка, шелестя, соскользнула на пол. Она начала ходить энергичными шагами по комнате, ее всегда ясный и чистый голос приобрел монотонное звучание.

— Отец рассказывал мне, что часть Потерянного народа спустя столетия сбежала с острова, чтобы жить на свободе. Однако, новая, связанная со снами магия осложняла их скрытую жизнь среди людей, так как они не могли контролировать свою магию. Проникая в сны людей, они ранили их, выкачивая слишком много энергии, — тихо продолжила Исаака. — Они получили новые имена, стали Поглотителями Снов, Заклинателями Душ и Странниками. Только Заклинатели Душ не освободились от своих способностей. Однако во всех четырех царствах царит запрет на пение...

— А кто нарушает запрет, лишается голоса, — добавила Навия, у которой вдруг пересохло в горле.

Исаака кивнула и остановилась.

— Шестьдесят лет назад был последний холокост, потому что новые полубоги могли добраться до своей старой магии только через сны, а люди подкарауливали их, чтобы окончательно стереть с лица земли...

— Золотая охота, — сказала тихо Навия. Только потрескивающее пламя заглушало шторм, который разбушевался у неё внутри. Отец рассказывал о ней. Не очень много, но она знала достаточно, чтобы составить картину происходившего. Золотая охота была причиной того, почему они спрятались так далеко на севере. Почему никто не должен был узнать об их существовании.

— Да, — подтвердила Исаака с мрачным выражением лица, снова села на кровать, сложив руки на коленях и нервно ковыряя ногти. — Последнее и самое успешное преследование Потерянного народа. Поэтому люди думают, что нас больше не существует.

— А лабиринт? Я слышала о нём истории. Остров Мий находится посреди четырёх царств, окружённый морем. А лабиринт построили для того...

— ... чтобы защитить Ткачиху снов, — закончила Исаака её предложение. — Потому

что, если её разбудишь, созданный ней сон материализуется и распадётся на множество частей, которые будут пропитаны божественной магией. Любой, кто будет иметь такой осколок сна, сможет применять магию.

Навия ахнула, а Исаака удивлённо посмотрела на неё. Её рука метнулась к подвеске Странника на шее.

— Это значит... люди тоже?

— Да, ужасное представление, не так ли? Могущество, которое исходит от осколков очень опасно, и уже многие погибли, пытаясь добраться до Удины. — Исаака снова поморщилась. — Потому что спутники Удины однажды пожертвовали жизнью, чтобы создать с помощью своих душ и магии лабиринт. Ни один человек не может войти в него и не потерять своей души.

— А осколки? Как они выглядят?

Исаака пожала плечами.

— Этого я не могу сказать. Мой отец рассказал мне всё, после того, как я услышала ссору между ним и моим прадедушкой. Однако с тех пор прошло уже несколько лет.

— И о чём шла речь?

— Об очень могущественной книге, которую выкрали из дворца Ацтеа в Суви. Она содержит все знания Потерянного народа и является причиной того, почему люди знают об осколках сна. Один из полубогов записал свои знания и предал наш народ.

— Если она такая могущественная, почему её тогда не уничтожили?

— Потому что писатель отдал за книгу свою душу и привязал её к страницам. Она проклята.

— Как и лабиринт душ, — размышляла Навия.

— Что-то вроде этого, да.

Навия пыталась всё это сначала переварить. Медленно она встала, подошла к Исааке, и села рядом, так что их плечи почти соприкасались. По не понятной причине ей была нужна сейчас её близость. Близость другого человека, который понимает её, и рядом с которым она, по крайней мере, на короткий момент не будет чувствовать одиночества.

— Чёрт. — Навия выдохнула задержанный в лёгких воздух.

— Да, не говори. А теперь нас вновь преследуют. Боги ведь не могут желать этого! — Исаака подняла голову и посмотрела на неё. В глазах Исааки горел тоже гнев, который чувствовала Навия, и внезапно ей стало ясно, что их с Исаакой связывает больше, чем она сначала думала. Боль глубоко укоренилась, но она заметила, что сильно изменилась. Когда она смотрела на своё отражение в окне, видела совсем другого человека.

Исаака прислонилась спиной к стене и устала в огонь в камине. Скривила задумчиво губы, её тёмные брови казались двумя грозowymi тучами над светлыми глазами.

— Знаешь, чего я не понимаю? — спросила Навия. — Мой отец был Странником — почему он просто не сбежал? Почему не стал... странствовать?

Одно мгновение был слышен только треск горящих поленьев, а Исаака, не менее печально, ответила на её взгляд.

— Смерть часто приходит бесшумно. Полагаю, они захватили его врасплох.

— Он спрятал свой дневник на моём спальном месте.

— Тогда он хотел защитить тебя. Так же, как мои родители хотели защитить меня и мою сестру. Видимо, он боялся, что с тобой что-нибудь случится. Эти бастарды не остановились даже перед ребёнком...

Навия нащупала руку Исааки и крепко её сжала, она была горячей и влажной.

— Твоя сестра Бреа находится сейчас с богами, с ней всё в порядке.

Исаака, смеясь, ответила на ее рукопожатие, затем отпустила ее руку и забралась под одеяло. Навия заплела волосы и потушила свечку. Огонь она оставила гореть всю ночь, иначе в душной комнате было бы слишком холодно.

— Попробуй немного поспать, — прошептала Исаака, улыбнулась и посмотрела на нее снизу.

Навия кивнула и пошла к своей кровати. Под ее ногами скрипел пол, а в голове носились мысли о том, что она только что узнала. Она не знала, как заснуть, однако усталость в теле взяла свое, и она отвернулась к стенке. Огонь отбрасывал длинные тени, которые как будто кружились в немом танце. Навия закрыла глаза. Бреа была у богов, так же как и ее отец.

Ее мысли снова вернулись ко сну, в котором она встретила с Канаелем и богиней весны. Но как ей защитить Удину? Она не может ни странствовать, ни применять магию. Ей нужно этому научиться. Обязательно.

Но сначала им нужно найти Мерлока. Потом будет видно, что делать дальше. Услышав тихое дыхание Исааки, Навия тоже провалилась в беспокойный сон.

Лакос, Летнее царство.

Воздух был душным и, хотя сейчас ночь, вокруг пульсировала жара. Стрекотание насекомых на деревьях сопровождало её. Песня Небес прижалась к стене дома, спрятала лицо в темноте, прислонившись головой к камням, ещё тёплым от жары. Сердцебиение отдавалось в ушах, а страх сжал горло. Это неправильно, что она здесь, но у неё нет выбора. Ей его не оставили.

Когда мимо неё прошла группа пьяных мужчин, она вздрогнула. Они смеялись, а их речь была несвязной из-за алкоголя, когда они выкрикивали друг другу непристойности. Её сердцебиение пустилось вскачь, когда один из них посмотрел в её сторону и на одно мгновение остановился.

— Фариен, идём, наконец!

— Но я везде вижу красивых женщин, — засмеялся тот, и одно мгновение спустя ещё товарищ потащил его дальше.

Облегчённо Песня Небес выдохнула, пригладила своё платье и проверила, не расплелась ли её строго заплетённая коса. Для женщины опасно идти после заката солнца, без защиты и с голубыми лентами, помечающими её как шлюху, через эту часть города. Находиться после наступления ночи в Красном квартале, недалеко от южной, городской стены, где проститутки и алкоголь можно заполучить очень дёшево, для женщины не только глупо, но и опасно. Сладковатое, весеннее вино течёт здесь быстрее, мужчины не особенно церемонились с женщинами.

Её взгляд метнулся к дому на противоположной стороне. Песня Небес знала, что она умрёт, как только зайдёт в него. В этом нет сомнений. Для чего ещё ей послали сообщение?

Когда она подумала о Солнечном Смехе и о слухах, которые распространились по дворцу, ей стало грустно. Шла молва, что мужчина, племянник владыки, изнасиловал её, потому что Солнечный Смех была красивой девушкой. Песня Небес сплюнула. Даже во дворце нет защиты от жадных мужчин.

Они хорошо понимали друг друга. Солнечный Смех была всегда весёлой — черта характера, из-за которой Песня Небес иногда испытывала к ней зависть. Подул тёплый ветер, пронёсся по улочкам, вдоль вымощенной дороги, поднимая вверх её широкую юбку. Забитые досками окна полуразрушенного дома рядом загремели, как будто почувствовали угрозу, лежащую в воздухе.

Время пришло. Ей не стоит больше ждать... Поэтому Песня Небес засунула в рот два пальца и свистнула три раза. Мгновение спустя дверь здания напротив открылась, луч света проник на неосвещённую улицу. Вдалеке она услышала смех женщин и крики пьяных.

Тяжёлыми шагами она добралась до входа, возле дверей её поприветствовал громкий гомон голосов. В свете внутреннего освящения появилось круглое, морщинистое лицо. Зрачки с игольную головку, и она заметила покрытую корочкой крови левую сторону носа.

Ради Сува, хоть бы он не принял наркотики. Это сделает его ещё более непредсказуемым, а непристойная улыбка, которой её одарил незнакомец, была совсем не дружелюбной.

— Что же, мы долго тебя ждали.

Из-за гнусавого, немного подлого звука его голоса у Песни Небес пошли мурашки по коже. Поспешно она поднялась по ступенькам к входной двери и хотела протиснуться мимо мужчины, следя за тем, чтобы не слишком сильно к нему приблизится. Но, когда он потянулся к её попе, она размахнулась и дала ему звонкую пощёчину.

Ахнув, он отпрыгнул в сторону, жадный взгляд в его глазах переменялся в гнев.

— Ты, сука, ну подожди у меня! — прошипел он и закрыл своим огромным животом дорогу внутрь помещения.

Неприятный запах изо рта ударил ей в лицо. Она начала дико пинаться, не успев почувствовать его грубые руки на бёдрах. Зарывав, она резко развернулась и слышала, как мужчина захрюкал от боли, когда она врезала ему коленом в пах.

— Отпусти её! — внезапно услышала она властный голос позади напавшего.

Тот резко её отпустил, пробормотал парочку похабных матов, с рычанием толкнул к спасителю и, ругаясь, исчез в комнате, откуда до неё доносились стук глиняных кружек и голоса нескольких мужчин. Песня Небес с трудом дышала, проследила за тем, чтобы поправить платье, оголившее её тонкие ноги. Потом подняла взгляд и замерла.

Голубые, словно лёд глаза. Казалось, они смотрели прямо в глубины её души. Один или два удара сердца у неё было такое ощущение, что она совершенно незащищена. Она испуганно отвела взгляд. Высокий рост и слегка вьющиеся, каштановые волосы до плеч могли бы выдать его за мужчину из Лакоса, но эти необычные глаза просто не подходили. Должно быть, он уроженец другого царства.

На нём была светло-голубая рубашка, расстёгнутая до середины груди, а на волосатой груди лежал серебряный медальон с изящными орнаментами, напоминающими Песне Небес штормовые тучи. Надетые на нём брюки были чёрными и для лакоских сидели слишком низко на узких бёдрах. Также тёмные, кожаные сапоги, явно произведённые не в Суви, говорили за себя. Он казался здесь неуместным, а за его приветливым выражением лица скрывалось что-то подстерегающее, что пугало Песню Небес больше, чем толстый мужик, который только что так дружелюбно её поприветствовал. Это тот мужчина, который всё затеял?

Легкая улыбка коснулась его губ.

— Ты готова? — спросил он. Она почувствовала, что покраснела, и опустила взгляд.

— Песня Небес?

У него был низкий, грудной голос, она несколько раз посмотрела на него. Он так же рассматривал ее, поднимая брови. При этом Песня Небес заметила, что он подровнял бороду и вплет в нее маленькие косички.

Нечто подобное она видела у посланников из Сыски.

— Спасибо, что пришла, — сказал он тихим голосом. Он выглядел напряженным, как хищник перед прыжком и это несмотря на то, что выпрямил спину и скрестил руки. — Ну что же, заходи. Извини за такое приветствие, мои люди сегодня позволили себе лишнего.

Он посторонился, и она зашла в коридор, после чего он закрыл за ней дверь. В воздухе висел запах жареного мяса и алкоголя. Потолок маленькой прихожей подпирала массивная, деревянная балка. Песня Небес огляделась вокруг.

Привлекательный незнакомец внимательно смотрел на нее.

— Не волнуйся. С Инаель ничего не случится, в конце концов, ты выполнила свою часть договора. Я не намерен нарушать мою.

Значит, ее предположение было верным — он был тем, кто все это устроил. Это по его приказу двое мужчин ворвались в ее покои и угрожали ей. Одной мысли о той ночи было достаточно, чтобы разбудить в ней множество противоречивых чувств. Прежде всего, отвращение и омерзение.

Песня Небес уже видела этих людей во дворце несколько дней назад. Их представили как послов из Сыски. Они шатались вокруг, сдержанные, вежливые, однако постоянно держали дистанцию, и зорко следили за всем. Во время переговоров они держались в тени, никогда не привлекали к себе внимания. Как-то раз после полудня, Песня Небес столкнулась с ними на первом этаже, вскоре после того, как отвела Инаель на урок музыки. Она вспомнила, что уже тогда спросила себя о том, что делают эти парни в крыле, где живёт принцесса...

В ту ночь несколько недель назад они пришли в ее комнату. Она все еще чувствовала грубые руки, закрывшие ей рот, привкус собственной крови, когда пытаясь вырваться, она прикусила губу. По телу пробежала дрожь, но она попыталась скрыть от незнакомца свои чувства, и выбросить эти образы из головы.

— Ты пела им, как мы тебе и приказали, не так ли?

Она кивнула.

— Хочешь есть? Ты, должно быть, голодна. Я слышал, ты уже несколько дней бродишь по городу.

Незнакомец сделал шаг в сторону, так что Песня Небес смогла заглянуть в комнату. В ней сидели несколько мужчин, развалившись на деревянных стульях вокруг большого стола, на котором стояли блюда с мясом. От запаха жареного мяса у нее потекли слюнки, но одного взгляда на мужчин было достаточно, чтобы у нее пропал аппетит. Некоторые держали в мощных ручищах кувшины, другие уже были готовы заснуть. Несколько человек смотрели на нее усталым взглядом, однако она заметила, что за этим взглядом скрывалась бдительность. Толстяк, который открыл ей дверь, откровенно пялился на нее, облизывая пальцы.

Она отвернулась.

— Спасибо. Я, пожалуй, откажусь.

Мужики разразились громким смехом, но тут же замолкли, когда человек с ледяными глазами сделал жест рукой.

— Хорошо, как хочешь. Прости, пожалуйста, за неудобства, но, к сожалению, мне придется связать тебя.

По кивку в соседней комнате со стульев встали двое. Один из них держал в руках толстую веревку.

Песня Небес сделала шаг назад.

— Я же пришла добровольно, я не буду...

— Заткнись, — сказал другой. На правой половине лица у него был шрам, однако из-за множества божественных знаков, нанесенных на его кожу черной краской, он не слишком выделялся.

Песня Небес замолчала и огляделась вокруг в поисках пути к бегству. Ее сердце бешено колотилось. Прийти сюда было ошибкой, не важно, было у нее поручение или нет.

— Бесполезно, — сказал предводитель, заметив ее ищущий взгляд. — Мы достигли своей цели. Канаель Де`Ар все вспомнил, и вчера покинул город. Ты единственная, кто знает, почему.

Канаель исчез? Песня Небес пыталась скрыть свою неуверенность. Она пнула ногой по бедру человека с веревкой. Он вскрикнул, его лицо исказилось ненавистью.

— Бессмысленно, Песня Небес. Если ты сделаешь то, что мы скажем, мы не сильно навредим тебе. Но если ты разозлишь моих людей, тогда я ничего не могу гарантировать.

В ответ она плюнула главарю в ноги, который весело улыбаясь, наблюдал за ней.

— Они члены Гехаллы, на твоём месте я бы не стал раздражать их ещё больше.

— Я убью эту суку! — прорычал парень с веревкой в руках. Яростно крича, он бросился на нее. Песня Небес отпрянула назад, пока не ударилась спиной о стену.

— Подожди, Реналь, — сказал главарь, подняв руку.

Громила неохотно остановился, и, сощурился глазами, посмотрел на него.

Незнакомец повернулся к Песне Небес.

— Ты ведь не доставишь нам хлопот, не так ли?

— Я здесь, чтобы с Инаель ничего не случилось. Я выполнила свою часть договора. Я пела для Инаель и Канаеля. Чего еще вы от меня хотите?

В ее словах было больше колкости, чем ей хотелось бы.

— Я хочу сделать тебе предложение. Я не буду тебя связывать, если ты пообещаешь внимательно выслушать меня.

— Хорошо.

Она дерзко посмотрела в его ледяные глаза.

Тень пробежала по его лицу.

— Ты храбрее, чем я ожидал.

— Лучше умру я с моими знаниями, чем госпожа Инаель во сне, — ответила Песня Небес твёрдым голосом. Благополучие Инаель стояло на первом месте. Как бы сильно она не боялась, она ни в коем случае не допустит, чтобы с маленькой принцессой что-нибудь случилось. Даже если ей придётся заплатить за это жизнью.

— Я знал, что ты та, кто нам нужен.

— Для чего? — вырвалось у неё. Он подошёл ближе и осторожно взял её за подбородок, так что она была вынуждена смотреть на него. Его рука была шершавая, покрытая мозолями. Казалось, он заметил её удивление, потому что снова резко отпустил, смотря на стену позади неё.

— Ты ничего не знаешь о своих родителях, не так ли?

— При чем здесь мои родители?

— Будет несправедливо позволить тебе умереть в неведении? — тихо спросил он, обращаясь скорее к себе, чем к ней.

Песня Небес чувствовала безопасность, которой он поспособствовал, притяжение, которое, должно быть, оказывал на людей, и всё-таки она боялась его. Не показывай ему! Он восхищается твоей храбростью.

— Вы убьёте меня, что бы там не произошло. Но я хочу, чтобы вы дали слово, что с Инаель ничего не случится.

— Никто даже не притронется к её волоску. Так ведь мы договорились, и я даю тебе моё честное слово.

Песня Небес почувствовала облегчение, даже если его слово ничего не стоило. Но ей ничего другого не оставалось, как принять его.

— Мои родители...

— Твои родители умерли вскоре после твоего рождения. Их убили, потому что они

относились к последним потомкам народа, которого, в сущности, больше не должно было существовать. Не после того, как были предприняты такие огромные усилия, чтобы истребить его.

— Но почему?

Голубые, как лёд глаза неподвижно смотрели на её лицо. Этот незнакомец не стар.

Тридцать лет, возможно, чуть-чуть больше.

— У твоих родителей был дар, который они передали тебе, когда зачали. Хотя они знали, как это опасно рожать детей, они всё же сделали это. И заплатили за это жизнью. У тебя есть дар, которым не владеет ни одно человеческое существо. — Он пристально на неё посмотрел. — Ты потомок Потерянного народа.

— Потерянный народ это легенда, миф...

— Мифы всегда появляются из крупиц истины.

— Но...

— Твоё пение наполнено магией. Являясь дочерью Потерянного народа, ты глубоко связана со снами людей, Песня Небес. Ты Заклинательница душ. Почему, думаешь, тебе дали твоё имя? Ещё будучи ребёнком, ты очаровывала людей своим голосом в самом прямом смысле этого слова. Хотя петь запрещено, ты всё равно пела, оказывая влияние на их сны, дарила им надежду, что всё изменится к лучшему, что они встретят любовь. Хотя совсем не знала о своих силах.

Теперь она поняла, почему Канаель так странно отреагировал на её пение. Она вспомнила сконфуженное выражение его лица. Так, как будто он что-то понял. На одно мгновение мысли Песни Небес переключились на Солнечный Смех. Может, она виновата и в смерти своей подруги? Та умерла во сне, возможно...

Потом она заставила себя направить всё своё внимание на мужчину, чьё имя всё ещё было ей не известно. Его голубые, словно лёд глаза улавливали каждое движение её лица, и он небрежно кивнул, когда заметил, что она сложила все части вместе.

Дрожа, Песня Небес провела по плечам.

— Вы знали моих родителей, не так ли? Вы тоже Заклинатель душ?

— Нет, я хуже, чем парочка полубогов... И да, я знал твоих родителей. Я также знаю твою судьбу... и судьбу тех людей, которые заплатили жизнью, потому что пересекли мой путь. Много лет назад я был во дворце Ацтеа, и утащил оттуда небольшое сокровище. И всё-таки другой человек заплатил за кражу жизнью... — Казалось, он предаётся воспоминаниям, его чувственный рот скривился в насмешке.

— Тогда, по крайней мере, скажите мне своё имя, чтобы я знала, от чьей руки умру. Чтобы могла проклясть вас в потустороннем мире.

Он рассмеялся.

— В потустороннем мире моё имя уже знакомо, маленькая Заклинательница душ. Значит, туда тебе не нужно брать его с собой.

Песня Небес вздёрнула подбородок, её сердце бешено стучало.

— Хочу знать, от чьей руки я умру.

Одобрительный взгляд промелькнул на его лице, и он понизил голос:

— Хорошо, маленькая Заклинательница душ. Меня зовут Саро А'Шель из семьи штурмового Ветра.

Её взгляд скользнул к мечу на его бедре, украшенному резьбой, он свисал с кожаного пояса. И в тот же момент Песня Небес поняла, что пришёл её конец.

Вена, Зимнее царство

Они добрались до Вены на следующий день, в обед. Через плотный, серый облачный покров проникал рассеянный свет, и беззвучные снежинки сопровождали их с самого отъезда из Марона. Город лежал на возвышенности, четыре башни стены торчали в небо, как шипы, и были настолько высокими, каких Навия ещё никогда раньше не видела. Даже когда она запрокидывала голову, не могла разглядеть вершину. Сверху точно можно было смотреть очень далеко на восточное море.

Шумя, волны разбивались о скалы, свежий ветер принёс запах соли. Навия видела только всего один раз море и закат солнца, превративший небо в горящую игру красок из медного и огненного.

Её взгляд перешёл к каменным башням, которые выглядели так, будто им не причинит вреда никакая сердитая метель от дыхания Таля. На каждой из них был прикреплен флаг, который, казалось, танцует под воображаемую музыку ветра. У Вены, одного из крупнейших городов на юге, есть свой собственный герб, вделанный в знак Зимнего царства: голова йорака на белом фоне. Могучие рога обрамляют золотой город, четыре башни-шипа, в качестве явного символа Вены. Огромные ворота, обитые тяжёлым железом, перекрывали вход в город. Они были закрыты, и только маленькая дверь, как раз такой величины, чтобы могла проехать повозка, была встроена в каменную стену. Уже в поселениях перед городом было шумно, зверски воняло отходами и разлагающимися останками животных, а люди занимались своими делами, не обращая внимания на двух мёрзнувших девушек возле ворот.

Задрожав, Навия сильнее закуталась в одеяло. Она радовалась, что у неё были тёплое пальто, перчатки с подкладкой и уютный капюшон. Мгновение спустя она замедлила скорость Нолы, так что дальше они продвигались только шагом, потому что на оживлённых улицах толпилось слишком много людей.

Перед крошечным входом в город образовалась очередь, а мужчины городской охраны были заняты тем, что проверяли новоприбывших, особенно тех, кто приехал на телегах. В противоположность к свободным кланам, города требовали пошину, но за это давали защиту от воров и другого сброда.

Навии не понравились одетые в золотой и красный цвета мужчины городской охраны. Они жадные, неотёсанные, а иногда даже жестокие. Когда она была ещё ребёнком и сопровождала отца в Гальмен, она путешествовала под защитой мужчины. Теперь же на санях позади лежала и спала только Исаака. Две девушки со скудным товаром, да ещё перед самыми тёмными днями.

Взгляд Навии переключался вверх по стене, туда, где грифоны охраны взирали вниз с высоты. Их острые когти выступали над краем каменной платформы, а если они расправят величественные, золотисто-коричневые крылья, то их размер будет в несколько ярдов. Они потомки вымерших Божественных птиц, хотя и поменьше, но не менее впечатляющие. Однажды она была свидетелем того, как эти величественные существа охотятся, и ей не хотелось повторять этот жестокий опыт в ближайшее время.

— Исаака, — прошипела Навия, оглянувшись через плечо, когда более стройный

мужчина из городской охраны поднял голову, и посмотрел ей прямо в лицо. Его губы изогнулись в непристойную улыбку, и он толкнул своего товарища в рёбра, который как раз был занят тем, что обыскивал карманы выглядевшей болезненно женщины. Когда та громко запротестовала, он оттолкнул её в сторону и показал жестом подойти ближе группе перед ними.

Навия спрыгнула со своего сиденья на вымощенную, покрытую снегом улицу, откинула капюшон и схватилась за упряжку Нолы, чтобы вести её.

— Исаака, мне, возможно, понадобится твоя помощь, — сказала она громко, и помятое лицо её спутницы появилось между шкурами.

— Мы что уже приехали? — Её голос звучал заспанно.

— Да, и следующие на очереди у городской стражи.

Исаака, которая как раз потягивалась, замерла и выпрямилась. Наклонившись немного вперёд, она одним взглядом оценила ситуацию, проверила свою заплетённую косу и слезла с саней.

— Спасибо, что разбудила меня. — Она упёрла руки в бока и подошла к Навии, когда непристойно улыбающийся охранник повернулся к ней.

— Ну, дорогуша? — спросил мужчина, его рука лежала на рукоятке меча. Одна сторона лица была покрыта знаками старых, божественных иероглифов, чёрный цвет образовывал сильный контраст со светлой кожей. Как и многие в стране, городские охранники пытались защитить себя от зла, а нанесение символов на открытые места было одним из методов защиты. Это были старые иероглифы, которые Навия не могла прочесть. Для этого требуются более высокие навыки письма, а они чаще всего есть только у жрецов-послушников.

— Что вы хотите делать в Вене?

— Навестить моего прадедушку, — ответила Исаака уверенно. С похорон её родителей прошло десять дней. Вокруг шеи плеч и головы она обмотала дорогой шарф своей матери, синий материал шёл ей, и Навия заметила доброжелательный взгляд мужчины из городской охраны, который облизал губы.

— Так-так, прадедушку. А что у вас с собой?

Навия сделала шаг вперед, сложив руки, чтобы не выдать своего волнения.

— Я торгую шкурами из ханоса. Мы прибыли с севера, хотим сбыть оставшиеся меха.

— Это ваш товар? — сплюнув, спросил тот, который поменьше. Его светлые волосы были завязаны на затылке, а борода заплетена в виде зигзагообразного узора, изображающего герб Вены. Он жевал кусок засушенного мяса.

Навия указала на оставшиеся пять шкур.

— Да, это все, что есть.

Стражник, поджав губы, рассматривал их товар.

— Откуда они?

— Ордин.

— Какой давности?

— Мой отец застрелил этих животных три луны назад.

— И где сейчас твой отец?

Навия ничего не успела ответить, так как в разговор вступила Исаака.

— Он улаживает в Мароне кое-какие дела насчет продаж, а потом поедет вслед за нами.

Мы выехали пораньше, из-за Темных Дней.

Стражники обменялись взглядами.

— С вас три зафера, за животное и вас обоих, — сказал старший из них.

На его ладони Навия также обнаружила письменные знаки.

— Вы хотите нас надуть?

— Исаака, — прошептала Навия, однако ее спутница даже и не думала подчиняться городским стражникам. И это при том, что даже детям вдалбливали в голову не связываться с часто малооплачиваемыми и поэтому раздраженными мужчинами.

— У нас было долгое и трудное путешествие. Единственное, чего мы требуем, это войти в ваш чудесный город. За три зафера я бы могла купить хижину в моем клане.

— На севере это может и так, а здесь у нас за эти деньги ты не купишь даже жирного рыбного супа. Впрочем...

Один из них, тот, что похудее, подошел к Исааке с подлой улыбкой, и как бы случайно снял с ее головы шаль. Он провел рукой по ее волосам, скользнул по лбу и щеке, и остановился под подбородком. Навия заметила своенравное выражение глаз Исааки, когда она сверкнула глазами на стражника.

— Впрочем, я знаю, каким образом вы могли бы намного дешевле получить разрешение на въезд в город, золотце.

— Только через мой труп, — выдавила из себя Исаака.

— Хм, вы не хотите платить, не хотите быть с нами подружелюбнее... видимо, вы не хотите попасть в город, — сказал мужчина, резко отпустил Исааку и повернулся к следующим просителям. Женщина и четверо мужчин в простой коричневой одежде протолкнулись вперед, распахивая всех локтями, один из которых угодил Навии в ребра, в тот момент, когда ее грубо оттолкнули в сторону. Она удивленно наблюдала за тем, как стражники больше не достаивали их даже взгляда.

— Неужели нет... — начала она, однако один из них, потолще, повернулся к ней и демонстративно положил руку на ручку меча, глядя на птиц, летающих над их головами.

— Проваливайте!

С понурым видом Навия потянула Нолу за хомут и повела животное вместе с санями прочь от ворот.

Исаака последовала за ними, опустив плечи.

— Прости. Мне нужно было быть кокетливее, применить свое женское обаяние. Мать научила меня этому, но иногда я просто срываюсь. Особенно когда кто-то ведет себя так бесцеремонно, как этот противный тип!

— Как будто я этого не знаю, — ответила Навия, попытавшись улыбнуться.

— Нам в любом случае надо как-то попасть в город. Об обычном пути можно забыть. У тебя есть идея?

— Нет, все это и для меня ново.

Исаака задумчиво скривила губы. Навия заметила маленькие кристаллы льда, образовавшиеся на ее густых ресницах.

— Мой отец родился в Вене и носил отличительные знаки города, поэтому мог без проблем вместе с семьей въезжать и выезжать. Черт, не надо было мне вести себя так безрассудно! — Ей не удалось сдержать вздох.

— Уже темнеет, я не хочу оставаться на улице с нашим товаром и...

— Эй, ты! — крикнула Исаака. Навия повернулась и успела заметить одетого в лохмотья мальчишку со светлыми волосами, пытавшегося сбежать с одной из шкур, которую

он держал тоненькими ручками. Она быстро догнала его, грубо схватила за руку и потащила назад.

— Жалкий воришка!

Широко распахнутые глаза мальчика и впавшие от голода щеки тронули Навию до глубины души, но она понимала, что в их положении сочувствие было не к месту. Она грубо отняла у него шкуру и положила ее обратно на сани.

— Вот оно! — крикнула Исаака с торжествующим видом.

— Что?

Мальчик пытался высвободиться из железной хватки Навии, но она не отпускала его. Он пинался, кусался и кричал, привлекая внимание людей, которые останавливались, чтобы понаблюдать за сценой. Исаака подбежала к ней, отвесила мальчику пощечину, заставившую его замолчать, после чего села перед ним на корточки. Ее одеяние коснулось сырой земли.

— Послушай меня, ты носишь печать города, не так ли?

Исаака повернула руку мальчика и раскрыла сжатые в кулак пальцы. На внутренней стороне ладони был нарисован герб города, маркировка, которую он будет носить всю жизнь.

— Нам нужна твоя помощь. Если ты окажешь нам услугу, мы подарим тебе одну из шкур, но ты должен поклясться перед богами. Ты понял?

Мальчик несколько раз кивнул, широко раскрыв светло-серые глаза. Исаака опустила его руку и дала знак Навии, чтобы она тоже ослабила хватку.

— Хорошо. Ты знаешь, где находится квартал Серебряных Искусств?

Мальчик снова кивнул.

— Очень хорошо. Тебе известен дом Мерлока О'Ша, он продаёт платки из Летнего царства Суви?

— Да, известен, — пропищал он.

— Хорошо. Тогда поклянись богами и нашим оберегателем зимы Талем, что ты передашь ему сообщение, а затем вернёшься назад вместе с ним. Скажи ему, что его правнучка Исаака ждёт его возле ворот города. Я должна поговорить с ним! Если вернёшься вместе, получишь одну шкуру. — Торжественно она подняла правую руку и прижала ко лбу, растопырив все пять пальцев.

— Это я обещаю ради моей веры в могущество наших четырёх богов.

Она смотрела на то, как мальчик неуклюже поблагодарил Исааку, взял ноги в руки и умчался прочь. Охранники пропустили его, и вскоре после этого его светлые волосы пропали в толпе города.

— Как же быстро малыш бежит! Ещё немного, и мы бы стали на одну шкуру беднее... Надеюсь, что он вернётся, — сказала Исаака и встала.

— Вернётся, думаю, ты его очень впечатлила.

Они ждали довольно долго, но только когда начало темнеть, Навия обнаружила мальчика среди толпы людей,двигающихся в сторону города. Они выбрали позицию немного в стороне, чтобы в одно и то же время приглядывать за санями и за толпой. Мальчик блондин прошмыгнул в пространство в массе людей, за ним шёл мужчина, который, однако, не мог быть Мерлоком.

Когда они подошли ближе, Навия поняла, что он стройный, однако ростом не выше Исааки. Кривой нос выглядел почти так, будто он сломал его себе в бою, и это придавало всему его внешнему виду что-то лукавое. И у него были почти светло-каштановые волосы,

что в Талвене встречается очень редко. Самоуверенным шагом он подошёл ближе, и что-то в его взгляде сказала Навии, что он несёт нехорошие вести.

— Где Мерлок? — спросила Исаака.

Мужчина слегка поклонился, приветствуя их.

— Извините, что вам пришлось так долго ждать. Мальчик не воспринимал меня всерьёз, и хотел поговорить только с Мерлоком. Когда я объяснил ему, что случилось, он передал мне ваше сообщение. Кто из вас правнучка Мерлока?

Исаака подозрительно прищурилась.

— И кто хочет это знать?

— Ферек О'Рес, я был подмастерьем Мерлока.

— Подмастерьем?

— Я научился всему, что он мог преподавать, — ответил Ферек загадочно, понизив голос. — Всё, чему большинство людей не могут научиться.

— Моя награда!

Мальчик призывно поднял руку вверх. Навия посмотрела на Исааку, которая решительно покачала головой.

— Я сказала, что хочу поговорить с Мерлоком. А мальчик привёл мне его ученика.

— Поговорить с Мерлоком уже больше невозможно, — опередил Ферек уже начавшего протестовать мальчика.

Сердце Навии начало дико стучать. Она всё свои надежды возложила на учителя. Он единственный, кто мог дать ответы на вопросы об её отце, а теперь, получается, её путешествие было напрасным? Она повернулась к подмастерью, на чьём лице читалось искреннее сочувствие. Исаака сглотнула.

— Мне очень жаль, но Мерлок исчез.

— С каких пор?

— Только несколько дней. Ещё не так долго. Каждый раз, когда на небе полумесяц, после того, как торговцы днём ранее привозили новый товар, он ходил в таверну и праздновал с друзьями. В ту ночь он больше не вернулся домой.

— Этого просто не может быть!

— Подожди один момент, Исаака, — сказала Навия, взяла одну из шкур с саней и сунула ожидающему мальчику в руки. Он вцепился в неё и убежал.

Она повернулась к Фереку, поднявшему вверх брови, разглядывая её.

— Итак. Ты был его подмастерьем?

— Да.

— Как долго? — спросила Навия и посмотрела молодому человеку пытливо в лицо. Для подмастерья он, в сущности, был слишком старым. Если Мерлок действительно исчез, ей не оставалось выбора, как обратиться к Фереку.

— Три года.

— В последний раз мы виделись с ним четыре года назад. Это может быть правдой, — признала она. — Ты можешь научить нас тому, чему он научил тебя?

Ферек молчал, переводя взгляд с одной на другую. Серьезное выражение его лица сменилось чем-то другим, что Навия не могла определить. Было ли это беспокойство?

— Само собой. Но город не очень безопасное место. Здесь везде есть глаза и уши, поэтому то, о чем мы говорим, не должны слышать не те люди.

Навия увидела, как рука Исааки скользнула к спрятанному под пальто кинжалу. Они на

долю секунды взглянули друг другу в глаза, и обоим стало ясно, что они не до конца доверяют этому парню. В принципе у них было только его слово.

Навия незаметно кивнула, и Исаака снова обратилась к незнакомцу.

— Что ты предлагаешь? — спросила она.

— В Венском лесу есть хижина, где жила старая целительница. Однако она умерла некоторое время назад. С тех пор хижина пустует. Поедемте туда.

Навия и Исаака обменялись взглядами.

— Подожди немного.

Навия схватила Исааку за руку и отвела ее на приличное расстояние от Ферека, который наблюдал за ними.

— Неизвестно, говорит ли он правду касаясь твоего прадедушки, — сказала она, понизив голос.

— Если он меченый, мы можем проверить это в хижине. Но что касается Мерлока...

— Ты права, — ответила Исаака и ее лицо помрачнело. — Может, мы сможем нанять кого-нибудь за деньги, чтобы он навел справки.

Навия кивнула, одновременно почувствовав, что к ней возвращается надежда. Может, все-таки все это было не зря.

Лакос, Летнее царство

Едва придя в себе, Песня Небес тут же захотела умереть. Сжимающая теснота, сковывающая все тело, ощущение чего-то влажного на коже. Как будто кто-то зажал ей рот и нос мокрой, гниющей тряпкой. Она панически подавила желание сделать глубокий вдох.

Ее тошнило от этого запаха, который она ощущала, несмотря на тесноту. Постепенно она поняла, что застряла где-то в незнакомом месте. Из-за жары, в воздухе стоял едкий запах экскрементов и ужасный запах гнилого мяса. Она с трудом могла открыть глаза, так как ее веки застилала какая-то липкая жидкость.

Где я?

Песня небес не могла двигать конечностями, но у нее было такое чувство, что по коже бегают тысячи маленьких ножек. От отвращения к горлу снова подступила тошнота, она попыталась открыть глаза. В голове мелькало множество мыслей. Если она в ближайшее время не попадет на свежий воздух, то ей будет не хватать кислорода. Даже от легкого вдоха у нее огнем горели легкие, да еще эта ужасная вонь вокруг. Возле ее бедра что-то зашевелилось, наверное, крыса. Песня Небес попыталась сдержать крик.

Ее глаза постепенно привыкали к темноте. Лишь тонкая полоска света проникала к ней. Голова будто была зажата в тиски. До нее доносились какие-то громкие звуки и грубое произношение рабочих бедного квартала Лакоса. У нее болели руки и ноги, мышцы словно несколько дней были в постоянном напряжении, и она не могла двигаться. Где, ради всех святых, она находится?

Песня Небес судорожно пыталась вспомнить, но в мыслях мелькали лишь расплывчатые картинки, настоящие воспоминания к ней не вернулись. Но при этом она знала свое имя.

Песня Небес. Но что оно означает? Почему она здесь?

Запах, обжигающий нос, заставил Песню Небес замереть на месте. Если сначала ее сознание было затуманено, то теперь она стала совершенно бодрой. Она нерешительно ощупывала все вокруг, прикоснулась к чему-то скользкому, от чего у нее по спине пробежали мурашки. Может, это ее собственная фантазия, сыгравшая с ней дурную шутку, но она ощутила панику, заставившую ее сердце биться быстрее. Круглый предмет был влажным и твердым, ей казалось, что она ухватилась за глаз. Сдавленный звук сорвался с ее губ, после чего она заметила, что не единственная, кто шевелится.

Где-то совсем рядом послышалось тихое шуршание. На мгновение она почувствовала, как что-то двигалось по ее ключице. Она притянула к себе руку, насколько это возможно, задев при этом что-то мягкое, на ощупь напоминающее мех. В любом случае, крыса. Пытаясь заполнить глоток воздуха, Песня Небес почувствовала боль в легких.

Спокойно... Думай!

Наконец ей удалось полностью притянуть руку к телу. Легкое царапанье на горле, медленно переходящее вверх, лишь усилило ее внутреннюю панику. Затем оно перешло на подбородок, заставив Песню небес в ужасе сжать губы.

Теперь она почувствовала.

Насекомые. Тысячи мелких ножек скользили по ее груди, как крошечные уколы

булавкой, которые ужасно чесались. Почувствовав донимающие ее ножки на мочке уха и крыльях носа, она зажмурилась и повернулась на левый бок. Один за другим насекомые падали с нее, зато теперь она почувствовала, как по лицу текла какая-то липкая жидкость.

Она смешалась с выступившим от страха потом, а ее легкие жаждали кислорода. Она больше не могла.

Ей нужно глотнуть воздуха.

В отчаяние Песня Небес начала хватать ртом воздух, и вонючая, слизистая масса проложила себе дорогу прямо в её рот. Она задохнулась, когда гнилой вкус оказался на её языке, и в отчаяние снова попыталась выплюнуть жидкость. Вдоль щеки потекли слюны, направляясь ко лбу. В тоже момент Песня Небес поняла, что, должно быть, торчит вверх головой в куче.

Со всей силы она оттолкнулась, подтянула к себе ноги и оказалась на четвереньках, сопротивляясь в одно и то же время рвотным позывам. Как раз вовремя она встала на колени и освободила руками небольшое пространство. Когда её, в конце концов, вырвало, на глаза навернулись слёзы.

Здесь воняло, было жарко. У неё было такое чувство, что она задыхается. А горло горело огнем. Одной рукой она вытерла рот, к которому теперь ещё прилипли остатки блевотины, но ей было всё равно. Казалось, её желудок медленно успокаивается, и она попыталась прокопать дырку, там, где полагала, что есть выход. Её пальцы нашли влажные остатки влажной тряпки и зацепились за сморщенный кусок, который на ощупь был подозрительно похож на сгнивший фрукт. Снова её начало тошнить, но она заставила себя сохранять спокойствие.

Хотя в носу застрял зверский запах заплесневелых пищевых продуктов, она пыталась дышать. Потом как будто её осенило. Она застряла в куче мусора. Размашистыми движениями Песня Небес копала себе дорогу через отходы, навстречу спасительному выходу.

Каждая мышца её тела кричала от усталости, но Песня Небес стиснула зубы и отодвинула в сторону тушку животного. Она чувствовала, как в нём шевелятся маленькие черви, и обрадовалась, что её желудок уже давно пуст. Каждое движение было мучительным, но она заставила себя копать дальше. Наконец её руки коснулся лёгкий ветерок, и темнота, окружающая её второй оболочкой, немного прояснилась. Свет прорвал темноту там, где её пальцы проложили дорогу на поверхность.

— Морель, смотри! Там что-то шевелится!

Внезапно ее ослепил свет, Песня Небес сощурилась, увидев солнце. Секунду спустя она увидела две загорелые руки, разгребаящие мусор в сторону, высвобождая ее из неприятного положения. Резким движением ее вытащили из темноты. Вынырнув, она начала хватать ртом воздух.

Кашляя и задыхаясь, она склонилась к дрожащим коленям и дышала так глубоко, как могла, каждый вдох — тысяча уколов в горле. Только когда более-менее успокоилась, она подняла взгляд и огляделась: она находилась на дороге, покрытой песком, ведущей вдоль внушительной крепостной стены из камней цвета охры. Мимо проезжали несколько наполненных щебнем телег и скакали на огромных животных облаченные в чёрное мужчины. У животных было два горба и фиолетовый язык. Песня Небес смотрела им вслед. Название животного появилось у неё в голове, но остальные воспоминания всё ещё отсутствовали.

Кирель, это кирель... Но откуда я это знаю?

Крик заставил её замереть, и, когда проследила за взглядами стоящих вокруг, она посмотрела на себя вниз. К её ужасу, на ней ничего не было надето. Она была совершенно голой, ещё полностью испачкана своей блевотиной, и, должно быть, ужасно воняла, но этого она уже даже не чувствовала.

Устало она подняла взгляд и посмотрела в глаза своего избавителя, мужчины с грубыми чертами лица и длинными, чёрными с проседью волосами, которые он заплёл в несколько косичек. На его спутнице было одето обёртывающее платье, оставляющее голыми плечи, руки и ноги украшены серебряными браслетами. Синий пирсинг носа подходил к голубым стеклянным бусинам, украшавшим её волосы. Песня Небес напрасно пыталась скрыть свою наготу руками.

— Боже мой, дитя! — воскликнула женщина с чёрными знаками на лице, обхватила голову руками, а потом сняла накидку с плеч. Она стояла прямо за мужчиной, который вытащил её из кучи мусора. Быстро она спрятала обнажённую фигуру Песни Небес от любопытных взглядов стоящих вокруг. Некоторые перестали работать и смотрели в их сторону.

— Что с тобой случилось? Как тебя зовут?

Сбитая с толку Песня Небес огляделась. Вдалеке возвышались стеклянные башни, а за ними вплотную стоящие друг к другу фасады зданий. Этот вид вызвал в ней странное, знакомое ощущение, но она не могла объяснить это чувство.

Незнакомка бережно взяла ее за руки.

— С тобой что-то случилось? Откуда...

Она замолчала, опустила взгляд и осторожно провела по линиям на ее ладонях.

— Такие нежные, почти нетронутые. Морель, только посмотри на ее руки! — обернувшись, сказала она, и ее спутник подошел ближе. Он задумчиво сдвинул брови, рассматривая руки Песни Небес.

— Странно. Такие нежные пальцы я до сих пор видел только во дворце Ацтеа. Может, она пропала оттуда?

Он проницательно посмотрел на Песню Небес.

— Как тебя зовут?

Она открыла рот, но ее потрескавшиеся губы не смогли произнести ни слова, к тому же болело горло. На мгновение ей показалось, что мир остановился. Ее пронзила боль, постоянное, невыносимое пульсирование, исходящее из спины, и не дающее ей дышать. Песня Небес в ужасе распахнула глаза и попыталась еще раз, но так и осталась немой.

Её сердце стучало в груди, как бешеное. Она оцепенело смотрела на своих дружелюбных помощников, которые выжидая, наблюдали за ней.

Тишина. Прошло еще немного времени.

Тишина.

В горле стоял ком. Песня Небес нерешительно дотронулась до припухлости на шее. Меня зовут Песня Небес, хотела сказать она, но как бы она не пыталась, ей не удавалось произнести ни слова.

— Ты немая? Морель, немую никогда бы не взяли во дворец.

Женщина смотрела на нее сочувствующим взглядом.

— У тебя есть семья, к которой ты могла бы пойти?

Пустота. Бесконечная пустота. Ее звали Песня Небес. Но все остальное...

Ее пальцы судорожно вцепились в ткань, которую незнакомка накинула на нее. Она пыталась дышать ровно. Кроме своего имени она не могла вспомнить больше ничего, все было окутано темнотой. Внезапно на глаза выступили слезы. Почему она была здесь? Кто она, и почему ничего не помнит?

— Морель, посмотри на эту бедняжку, мы отведем ее...

— Ты слишком добрая, женщина, — гневно прервал он ее. — Ты не знаешь, почему ее бросили здесь. Говорю тебе, это дело плохих рук, а не богов. Я не хочу вмешиваться в дела Гехаллы.

Он мельком взглянул на дрожащую всем телом Песню Небес. Незнакомец понизил голос и наклонился к своей жене, которая между тем отшатнулась назад.

— Ты же знаешь, Гехалла не знает пощады, наверняка они не просто так выбросили девушку на самую отвратительную помойку.

Он приложил два пальца к губам и произнес молитву. Затем обратился к Песне Небес.

— Накидку можешь оставить, больше мы ничего не можем для тебя сделать. Держи, — он достал из мешка кусочек печенья и положил его вместе с монетой в руку Песни небес. — Возьми это. Да помогут тебе боги.

Он раздраженно схватил за руку жену и зашагал большими шагами прочь. Женщина, тихо протестуя, последовала за ним. Вскоре они исчезли в толпе. Группа зевак также начала расходиться, пока Песня Небес не осталась стоять возле кучи мусора совсем одна.

Она снова попыталась заговорить, но голос к ней так и не вернулся. В панике, она открыла рот, пытаясь произнести свои вопросы вслух. Ее попытки становились все отчаяннее, пока она не закричала во все горло, хотя не было слышно ни звука. У нее подкосились колени, и она рухнула на песчаную почву. В воздух взмыло облако пыли, окутав Песню Небес в тот момент, когда она больше не смогла сдержать безмолвных слез.

Поблизости от Вены, Зимнее царство

Ледяной ветер продувал густые ветки соснового леса, в то время как Навия осторожно вела Нолу вдоль узкой дороги. Начался лёгкий дождь со снегом, и укрыл зимний пейзаж глубокой тишиной. Вдалеке слышался вой животных, голодные голоса, разделяющие свои мучения с ночью. Солнце исчезло за горизонтом, тонкая полоска лунного света проникала к ним через верхушки деревьев, всё остальное лежало в темноте.

Мир находится в смятении, подумала Навия, и получше закуталась в свой шарф.

— Ещё далеко? — спросила Исаака некоторое время спустя.

Ферек, размашисто шагающий впереди, повернулся к ним и покачал головой. Из-за дождя со снегом его волосы казались ещё темнее, один локон прилип ко лбу.

— Нет, мы почти пришли. Осталось совсем чуть-чуть. — Небрежно он убрал волосы с лица.

— Надеюсь, ты прав, — ответила Исаака угрюмо, бросая на Навию взгляд. Вся её поза излучала неодобрение, а голод и холод сделали остальное, так что её настроение было совсем плохим.

— Какая истинная причина того, что вы приехали в Вену? Несомненно, у вас должен быть мотив приехать сюда перед самыми тёмными днями. В городе я слышал слухи, которые считал до сих пор болтовней пьяниц.

Навия увидела, как Исаака нахмурилась.

— Что за слухи?

— Об убийствах в каждом уголке Зимнего царства. Бесследно исчезают Странники, точно так же, как Поглотители снов и Заклинатели душ. А некоторых из них просто убивают, — ответил Ферек с серьёзным видом, заново закидывая за плечо свой кожаный мешок. Прежде чем они выступили в путь, он забрал некоторые вещи из дома Мерлока. В основном продукты, которые находились теперь позади на санях. Навия использовала возможность, чтобы обстоятельно посоветоваться с Исаакой. Они остановили нескольких торговцев, направляющихся в город и спросили, слышали ли те об исчезновении Мерлока. И большинство подтвердили историю Ферека, что, по крайней мере, немного успокоило Исааку.

— Не знаю, как всё это связано. Во всяком случае, всё очень загадочно.

Выражение лица Исааки, казалось, заледенело, по нему невозможно было прочесть, что она чувствует.

— Итак, зачем вы приехали в Вену?

Он задаёт слишком много вопросов, подумала Навия и обменялась с Исаакой взглядами, та незаметно кивнула. В конце концов, он мог заманить их в ловушку. Но он не знал, как хорошо она обращается с ножом, даже на большом расстоянии. В крайнем случае, она убьёт его метким броском в сердце.

— Ты отмечен? — спросила она теперь в свою очередь.

Ферек остановился. Несмотря на кривой нос, он был привлекательным, а уверенность, исходящая от него, была почти осязаемой. Насмешливая улыбка, почти непрерывно

играющая на его губах, исчезла. Теперь он печально переводил взгляд туда-сюда.

— Да, я отмечен. Я покажу вам мои метки, как только мы окажемся в сухом месте. — Он поднял руку к шее и вытащил кожаный ремешок, спрятанный под одеждой. Появилась подвеска в форме полумесяца. Эта могла быть подделка или сворованная вещь, но эти мысли Навия не высказала вслух.

— Надеюсь, этого достаточно для начала, — сказал Ферек. — Итак, почему вы здесь?

— Мою семью убили, — сказала Исаака. — И отца Навии тоже. Мы хотим научиться странствовать и выяснить, кто скрывается за всеми этими ужасными зверствами.

.... и я хочу отомстить за отца.

Эта мысль придала Навии сил. В то же время она задавалась вопросом, было ли мудро рассказывать этому мужчине слишком много. Хотя они, учитывая свою боевую технику и технику Исааки, превосходили его в боевом искусстве. Если он не ведёт их в укрытие Ночных охотников. Но тут придётся рискнуть.

— Значит, это правда, — сказал Ферек хриплым голосом спустя какое-то время. — То, что случилось с вашими семьями, мне очень жаль... И я не понимаю... Они убивают нас. Они охотятся и убивают нас всех. — Он хотел ещё что-то добавить, но не стал, и снова повернулся вперёд. Исаака намеревалась последовать за ним, но Навия удержала её за руку.

— Оставь его, мы сейчас поговорим об этом. Дай ему немного времени переварить новости. И нужно проверить, можем ли мы вообще доверять ему. — Одно мгновение её новая подруга, казалось, колеблется, но потом она кивнула.

— Да, ты права.

И в самом деле, они достаточно быстро добрались до пустой, деревянной хижины, о которой говорил Ферек. Она стояла на небольшой поляне. Лунный свет прорвался сквозь тучи и осветил свежесвыпавший снег. Он переливался и блестел, как одна из драгоценностей, которые Навия видела на одном из базаров в больших городах.

Вид хижины вызвал в ней знакомое чувство защищённости, потому что строение и наклонная крыша веранды, с которой свисали толстые сосульки, напомнили ей Ордин. Небольшая пристройка, вероятно, служила в качестве сарая, потому что там, на полу, лежало ещё немного соломы.

Ферек добрался до входной двери первым. Не проронив ни слова, он занялся ей, и открыл, сильно толкнув плечом. Навия не выпускала его из виду. Он не производил впечатления, будто за дверью притаилась целая банда кровожадных убийц. Несмотря на сильный удар плечом и боль, которую он, должно быть, испытывал, он даже не поморщился. Потом он исчез в темноте хижины.

— Если ты не против, я позабочусь о Ноле, прежде чем мы войдем.

Исаака некоторое время молчала, задумчиво прикусив губу.

— Честно говоря, у меня нет ощущения, что он желает нам плохого. Я довольно хорошо разбираюсь в людях.

— Угу, так хорошо, что ты даже хотела меня заколоть своим длинным кинжалом, когда мы встретились в первый раз, — подмигнув, вставила Навия, получив взамен сердитый взгляд Исааки.

— Если найдешь меня в хижине без признаков жизни, ты знаешь, что делать. Я в любом случае зайду внутрь, если ты не против.

С этими словами она взяла оставшиеся шкуры с саней.

— Поторопись.

Навия некоторое мгновение смотрела ей вслед, подождала, пока Исаака исчезла в хижине, и занялась обустройством хорошего места для Нолы. Ее взгляд то и дело возвращался к хижине, но все было тихо, а когда она услышала смех Исааки, то совсем расслабилась.

Тем не менее, она все-таки решила сохранять бдительность. Она распрягла Нолу, поставила телегу в заднюю часть импровизированного стойла и достала последние запасы корма.

Спустя некоторое время Навия зашла в хижину, вытерла обувь, сняла с себя меха и, оглядевшись, увидела, что внутри было два помещения, в одном из которых, том, что побольше, горел огонь. Он еще не успел добраться до каждого уголка маленькой хижины, но она уже чувствовала приятное тепло и поспешила закрыть дверь. Поперек комнаты были натянуты веревки, но лишь на некоторых из них висели пучки трав и кухонный инвентарь. Воздух был спертым, пахло гнилью.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

По левую сторону Исаака и Ферек развели заранее приготовленный костер, на другой стороне лежали меха, кроме того, в комнате стоял круглый стол и несколько полок, которые были практически пустыми. Ещё одна полка лежала опрокинутая на полу. Видимо, здесь был кто-то до них, она решила запомнить этот факт.

— Ферек считает, что мы в опасности, — сказала Исаака, обернувшись к ней. Навии не понравилось, как она при этом на нее посмотрела.

— Слухи распространились дальше, чем мы думали. В осеннем, летнем и весеннем царствах тоже пропали потомки Потерянного народа. Ферек подслушал это в таверне.

В принципе, им об этом рассказал Ферек, и она знала, что нужно быть осторожной с этой информацией.

— Пропали? — спросила она.

— Их убивают. Каждого, кто содержит в себе хоть искру божественной магии, — объяснил Ферек и повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза. Он говорил, не проявляя никаких эмоций, и всё же в его глазах была такая сила, что ей пришлось заставить себя выдержать его взгляд. — Я научу вас всему, что знаю. Всему, чему меня научил Мерлок. Они хотят стереть с лица земли наши знания, отобрать у нас наши природные силы, но они сделали свои расчёты, не приняв нас во внимание. — Он колебался. — Вы когда-нибудь странствовали?

— Подожди! — Навия подняла руку. — Прежде чем я расскажу тебе больше, покажи мне свою спину.

Она заметила, как Исаака и Ферек обменялись взглядами, и почувствовала укол в сердце.

— Честно говоря, — начала Исаака извиняющимся тоном, — он уже показал. Не беспокойся. Он на нашей стороне.

— Если ты так говоришь, — ответила Навия и попыталась скрыть, как сильно она обиделась. Не моргнув глазом, она сняла свою шубу, повесила её на спинку стула и села.

Возможно, ей всё-таки просто стоило попросить Исааку остаться с ней и Нолой.

Навия почувствовала взгляд Ферика на себе и повернулась к нему, когда он сказал:

— Итак, ты когда-нибудь странствовала?

— Нет. — Она покачала головой. — Моя мать была Заклинательницей душ. Она умерла, когда я родилась, а в нашей деревни больше не было таких, как мы. — Навия замолчала,

дрова в очаге тихо трещали, создавая на их лицах игру света и тени.

— Не думаю, что мой отец научил бы меня когда-нибудь странствовать.

Исаака тоже покачала головой.

— Мои родители считали меня ещё слишком молодой, чтобы учить. Они хотели подождать до моего совершеннолетия.

— Мои родители сделали точно так же. Потом я поехал в Вену, чтобы построить свою собственную жизнь. Там меня нашёл Мерлок.

— Он нашёл тебя? — переспросила Исаака. Она выпрямилась и посмотрела на Ферека с вновь пробудившимся интересом.

— Я был в Вене подмастерьем у купца, торгующего в других странах, и однажды Мерлок оказался на пороге его лавки и сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться — со временем я должен был стать его приемником. А в четырёх царствах каждый знает, кто такой Мерлок. Каждый, кто принадлежит к Потерянному народу.

Не каждый, подумала Навия, ей было почти стыдно за себя. Меры предосторожности её отца казались ей, перед лицом теперешней ситуации, глупыми и плохо продуманными. Она была бы уже намного дальше в своём развитии, возможно, смогла бы уже отправиться на юг и найти Канаеля...

— Завтра Лунный праздник, — сказал Ферек. — Люди отпразднуют последний вечер перед Тёмными днями, а на следующий день будет выходной. Этого достаточно для наших целей. Лучше всего стоит начать обучаться основам сегодня ночью.

Шум Лунного праздника, самого большого, посвящённого богам ритуала перед Тёмными днями, доносился из города до их уединённой хижины. Потом свет уступит место вечной тьме на три лунных периода. А с Тёмными днями ожидается так же и опасность.

— Я сменю тебя, тогда ты сможешь немного поспать, — сказал Ферек, отвлекая Навию от её размышлений. Она повернулась спиной к небольшой комнате и смотрела из окна в лес, чьи ветки угрожающе поднимались в темноте небо. Он так внезапно появился сзади, вставая теперь рядом возле окна. Исаака спала. Звук её равномерного дыхания наполнял комнату, и Навия завидовала, что та может так хорошо спать. Всё-таки она решила не выпускать Ферека из виду.

— Хорошо, — сказала Навия. — Скажи, для чего нам нужно научиться вычерпывать сны, прежде чем мы сможем странствовать?

— Нашей внутренней силы недостаточно, чтобы странствовать без дополнительной магии. Когда боги отобрали у нас способность летать, и связали божественную магию со снами людей, потомки Потерянного народа потеряли свои способности. — Задумчиво он смотрел из окна.

— Мои оба родителя были Странниками, поэтому я никогда не смогу использовать силу снов, как это может делать Поглотитель снов. Я не могу вычерпывать магию из снов, а только собирать сны и формировать из них способность странствовать. — В его голосе слышалась горечь.

— И это так плохо?

— Нет, не плохо, — ответил он решительно. — У каждого из нас просто другие способности.

— Ты выглядишь несчастным.

— Я печалюсь лишь из-за того, что стало с этим миром. Мы дети богов, и должны, как отбросы общества, прятаться в хижинах, скрыто практиковать нашу веру... На нас охотятся

как на животных, а воспоминания о нас исчезают из памяти людей.

— Но это лишь потому, что мы принесли несчастье людям. Мы сами виноваты в том, что у нас такая судьба.

Он ничего не ответил и слова на некоторое время повисли в воздухе.

— Как ты думаешь, Мерлок еще жив? — в конце концов, спросила она.

Ферек мельком посмотрел на нее, затем его взгляд переметнулся на спящую Исааку. Внезапно черты его лица смягчились.

— Если говорить честно, то нет. Но, пожалуйста, не говори ей, она и так столько всего пережила, а впереди еще много работы. Не хочу, чтобы на нее это давило.

«Она ему нравится», пронеслось в голове у Навии.

Она не знала, нравится ли ей это самой.

— Ты знаешь, что мы не сможем заплатить тебе за помощь.

— Это совсем не важно. Передать вам свои знания — это лучшее, что я могу сделать во имя учителя. Это единственная возможность, чтобы Потерянный народ продолжал жить.

— Я надеюсь.

— Ничего другого нам и не остается. Животные беспокоятся, в воздухе чувствуется что-то, чего я не могу понять.

Навия удивленно посмотрела на Ферека.

— Ты тоже ощущаешь это?

Он взглянул на нее.

— Разумеется. Повсюду. Как будто мир меняется, боги находятся в ссоре друг с другом.

— Как будто они охвачены волнением, — добавила она и покачала головой. Ее руки покрылись мурашками. Она подумала о Кев, и своем сне. — Мне страшно.

Произнеся это, она призналась себе и ему в гораздо большем, чем хотела. Она осознавала, что Ферек мог истолковать ее страх как слабость, но в этот момент ей было все равно.

— Мне тоже, Навия. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить.

Он казался подавленным, в лунном свете его стройная фигура выглядела еще худее и изнуреннее. Она не могла избавиться от чувства, что Ферек что-то от них скрывает.

— Тебе о чем-нибудь говорит имя Канаель?

— Так зовут сына правителя Сувия, в Летнем царстве это очень распространенное имя. А что?

Значит, Летнее царство, Сувий.

— Просто так, где-то слышала это имя, — ответила она. — Мы должны как можно скорее начать заниматься.

— Да, — согласился Ферек. — Разбудишь Исааку с рассветом, как только начнут петь птицы, а я поищу нам что-нибудь на завтрак.

— Я могу заняться завтраком, — поспешила сказать она. На мгновение ей показалось, что в его глазах вспыхнуло недовольство. Затем он приподнял уголок рта и улыбнулся.

— Хорошо. Давай не будем терять время. Но сначала можешь отдохнуть.

Навия кивнула с наигранной благодарностью, тяжело ступая, подошла к горе шкур, служащей ей кроватью и натянула до самого носа шерстяное одеяло, которое нашла в прогнившем шкафу. Некоторое время она наблюдала за Ферекком. Он остался стоять у окна и не шевелился.

Только на следующее утро, когда они втроем сидели у зажженного огня, и она в

очередной раз наблюдала за ним, ей стало понятно, что настораживало ее в нем все это время. Ферек выглядел не подавленным, а в чем-то виноватым и осознающим это.

Лакос, Летнее царство

Песня Небес прижалась к стене дома, стараясь дышать как можно тише. При этом она ощущала, как гулко стучит ее сердце и тайно молилась, чтобы женщина, которая только что вышла на освещенную фонарями улицу, скрылась за углом.

Даже на расстоянии был слышно ее разъяренное бормотание. Если бы она повернула голову вправо и пригляделась, то обнаружила бы Песню Небес. Но женщина этого не сделала. Вместо этого она накинула на плечо кожаную сумку и, ругаясь, исчезла за углом.

Песня Небес посмотрела на натянутую поперек улицы бельевую веревку, на висевшую на ней одежду, и потом на свое обнаженное, спрятанное под накидкой тело. Она не хотела красть, но другого выхода нет, если она хочет в ближайшие дни выяснить, кто она такая. Песня Небес задумчиво сощурила глаза, осмотрела стену и множество расположенных друг над другом окон с каменными карнизами. Затем оторвала два куска от накидки, хотя у нее сердце обливалось кровью, и обмотала ими внутренние стороны ладоней. Бельевая веревка была натянута на два балкона на втором этаже, так что ей пришлось оглядеться вокруг в поисках возможности забраться наверх.

Оставалось совсем мало времени. В любой момент кто-нибудь мог выглянуть из окна или выйти из одного из бесчисленных подъездов. Она подпрыгнула поблизости от карниза и едва успела ухватиться за наружную трубу, чтобы подтянуться наверх. Ее руки дрожали от напряжения, когда она, стиснув зубы, босыми ногами оперлась о стену.

Куски льняной ткани на руках помогали ей держаться. Она ухватила за трубу и вытянула руку, чтобы дотянуться до темно-коричневого платья с запахом, которое находилось в пределах ее досягаемости. Вытянувшись во весь рост, она все-таки сняла его с веревки. Так же осторожно она соскользнула вниз и надела его. Платье оказалось слишком коротким, ее тонкие ножки торчали из-под него, как две иссохшие палочки, тем не менее, оно выполнило свою задачу.

Накинув на плечи разорванную накидку, так как ночью стало заметно прохладнее, она покинула улицу. Чтобы не привлекать к себе внимания, она старалась идти как можно медленнее. К тому же она была голодна.

Песня Небес не помнила, когда ела в последний раз. Она незаметно кралась по темным улицам. В такое позднее время на улице и так нет людей. Не считая нескольких проституток, пьяниц и некоторых тайно встречающихся парочек.

Привлеченная сильными запахами, она направилась в сторону боковой улочки, где надеялась увидеть заднюю дверь на кухню. Желудок Песни Небес сжимался все сильнее, чем ближе становился запах еды. Голод подгонял ее, пробуждая в ней доселе невиданные силы. И действительно, не успев свернуть за угол, она увидела отходы. На ее губах появилась циничная улыбка.

Вылезла из отбросов, а сейчас ищет их...

Из большого окна шел пар, слышался громкий стук кастрюль вперемешку с ревущим мужским голосом, дающим указания. Она осторожнее подкралась поближе и спряталась под окном рядом с отходами. Запах был таким соблазнительным, что урчащий живот заставил ее

подкрасться поближе. Дрожащими от голода пальцами она вытащила кусок мяса с костью и жадно впиалась в него зубами.

Жир капал с ее подбородка, глотать было по-прежнему больно, но ей было все равно. Пряный вкус мяса вызвал прилив счастья, она прямо-таки проглотила его. Обглодав кость, Песня Небес вытерла рукой рот и поспешно продолжила искать дальше. Бросив взгляд через плечо, она удостоверилась, что на улице никого нет, а благодаря постоянному реву на кухне, она не волновалась по поводу того, что ее заметят.

Кто-то выкинул половину клецки из дерши, Песня Небес снова задалась вопросом, откуда она знала названия блюд. Она вытерла ее о платье и откусила кусочек. Аромат осенних пряностей дерша без предупреждения вызвал в ней воспоминание, от которого Песня Небес озадаченно схватила ртом воздух.

— Руки прочь от моих блюд! Они для высоких господ, у нас гости из Сыски, они должны чувствовать себя как дома.

Повар рассерженно ударил ее по руке, и Песня Небес засмеялась.

— Разве смысл культурного обмена не в том, чтобы пробовать что-то новое? Клецки из берша есть и у них в Осеннем царстве!

Дворец. Она работала во дворце! Она вспомнила гремящие кастрюли, разговоры на кухне и вкус приправы из дерша.

— Что ты делаешь, маленькая, жалкая воровка? Думаешь эти отходы для тебя? А чем мы, по-твоему, кормим скотину! Жаркое для Де`Аров, а отходы для свиней.

Из ниоткуда над ней угрожающе нависла тучная фигура повара в темно-сером фартуке. Только сейчас она заметила, что шум из кухни стих. Быстро затолкав остатки фирменного блюда Осеннего царства в рот, Песня Небес, спотыкаясь, пошла прочь. Но недостаточно быстро, потому как повар оказался быстрее, несмотря на свой огромный живот. Он быстро схватил ее за руку и рванул к себе.

— Жалкая воровка!

Неожиданно он дал ей пощечину, отчего ее голова метнулась в сторону, а на щеке чувствовалось жжение. Песня Небес начала кашлять, подавившись клецкой. Растрепанные волосы, которые даже после многократного мытья не становились чистыми, скрывали ее пылающие щеки, служа своего рода занавесом. В глазах танцевали крошечные, черные пункты, ее взгляд упал на массивные, кожаные сапоги повара.

— Если еще раз поймаю тебя здесь, прибью до смерти! А теперь, давай, убирайся!

Он резко отпустил ее, сплюнул ей под ноги и исчез в кухне. Песня Небес осталась стоять в оцепенении, чувствуя, как боль в щеке парализовала половину лица, а в бедре что-то сильно пульсировало. Одновременно она была рада, что легко отделалась. Когда боль отступила, и она немного успокоилась, ее взгляд скользнул к стеклянным куполам дворца.

Де`Ар. Он сказал, еда предназначена для семьи Де`Ар. Это имя вызвало в ней многообещающее покалывание в груди. Тёплое, знакомое чувство накрыло её, и Песня Небес улыбнулась, хотя это причинило боль. Возможно, её воспоминания связаны с этим дворцом. Завтра она пойдёт туда и выяснит, кто она такая.

Поблизости от Вены, Зимнее царство

— Прислушайтесь к себе. Вы должны найти свою середину, прежде чем сможете послать дух в окружающую среду. Только тогда вы услышите сны людей.

Навия была разочарована. Уже пять дней и ночей они сидели в хижине, а она до сих пор не достигла даже маленького прогресса. В отличие от Исааки.

С подозрением она открыла одно веко и наблюдала за Фереком, который сидел, скрестив ноги, между ними, положив руки слева и справа на свои бёдра. Его глаза были закрыты, в то время как монотонный голос наполнял комнату.

— Существует только один путь к вашей душе. Вы должны допустить все чувства, всю боль, всё ощущение счастья. Прислушайтесь к голосу ваших предков, зову богов, смешанному с вашей кровью.

Навия ничего не чувствовала. Совсем ничего. Только её левая нога онемела, зад горел, и боль взбиралась вдоль негнущейся спины. Про себя она задавалась вопросом, сколько ещё будет подвергать себя этой пытке.

— Ты слишком напряжена, Навия, — предупредил Ферек.

— Скоро наступит утро, а мы ещё не добились не малейшего прогресса.

— Если хотите, можем сделать перерыв?

Как по команде, желудок Исааки начал журчать, и она нервно рассмеялась, что сразу же расслабило обстановку.

— С удовольствием. Я умираю от голода!

— Я тоже ничего не имею против перерыва. Сосредоточиться получается всё хуже, — добавила Навия.

Ферек криво ухмыльнулся.

— Это было видно.

В ней снова проснулось чувство обиды, и она играючи ударила его в бок. Несмотря на её первоначальное недоверие, ей нравился Ферек. Однако это не мешало ей тщательно наблюдать за его другой, задумчивой стороной. Пока что у неё не было возможности поговорить с Исаакой наедине об её опасениях.

— Ах, замолчи! Я не могу себе представить, что у тебя получалось лучше, когда Мерлок учил тебя этому упражнению.

— Этого ты никогда не узнаешь, — сказал он, ухмыляясь.

Навия заметила ледяной взгляд Исааки и немного отодвинулась от своего нового учителя. Она ни в коем случае не хотела, чтобы между ними возникла вражда. Это просто не стоило такой глупой чепухи, потому что она заметила тайные взгляды между Исаакой и Фереком. Причиной больше, как можно быстрее рассказать ей о своих опасениях.

— Как насчёт того, чтобы вы позаботились об огне, а я между тем съезжу в город и привезу что-нибудь, вместо сушёного мяса и ягод. Тогда на завтрак мы сможем позволить себя кое-что другое? — предложил Ферек. Учитывая одну и ту же еду, и постоянную пустоту в желудке, Навия сразу же согласилась, а Исаака производила удовлетворённое впечатление.

Однако казалось, она о чём-то задумалась. Её белокурые волосы спадали сегодня

длинными волнами на плечи. Кроме того, она заметно чаще играла с отдельными прядями, кокетливо улыбалась, а также её тон не всегда был мрачным или агрессивным.

— Я могу пойти с тобой... — сказала Исаака, на её щеках разлился нежный румянец.

Смущённо она опустила голову, дёргая за кончики своих волос.

Ферек тоже внезапно выглядел смущённым, провёл рукой по волосам.

— Конечно!

Оба встали и поспешили выйти из хижины, совершенно забыв о Навии. Качая головой, она смотрела им вслед.

— Нола точно сможет вас обоих отвезти, — крикнула она ещё, хотя знала, что это не составит проблемы. Когда немного позже она разожгла огонь и растопила в кастрюле снег, она заметила, как её охватила глубокая усталость. Несмотря на неудачи, последние дни были очень напряжёнными.

Никакого сравнения с боевыми тренировками её клана, но всё-таки достаточно тяжёлые, чтобы сделать её сонной. Она подтянула к огню одну из мягких шкур храноса, вытянулась на ней и закрыла глаза.

«Вы должны допустить все чувства, всю боль, всё ощущение счастья. Прислушайтесь к голосу ваших предков, зову богов, смешанному с вашей кровью».

Если бы это было так просто. В ней бушевала буря, которую она не могла контролировать. Навия прислушалась к биению своего сердца и в первый раз за долгое время разрешила себе подумать об отце и Даниане.

Бум. Бум-бум.

А, Дан, мне так тебя не хватает.

По кончикам пальцев пробежали мурашки, волнами растеклись по всему, телу укутав ее теплым покровом. Тоска по защищенности. Страх не справиться. Ярость.

Беспомощность. Любовь. Любовь к отцу, единственному человеку на свете, который был ей важен — не считая Даниана, чьего совета и сильного плеча ей с каждым днем не хватало все больше. Она чувствовала себя слабой. Она гонялась за духом, которого никогда не сможет догнать. Она терпела неудачу.

Имело ли вообще какой-то смысл, то чем они с Исаакой и Ферексом здесь занимались?

Каждое чувство, которое она испытывала в последнее время, вдруг показалось таким близким. Навия видела их перед собой, как яркие краски. Все, над чем она ломала голову, и что причиняло ей боль.

Бум. Бум-бум.

За ее веками вспыхнул свет. Она увидела перед собой богиню весны в темно-зеленом платье с открытыми плечами и блестящими на солнце черными крыльями. Навия чувствовала себя в безопасности, ее переполняло желание прильнуть к рукам Кев и обнять ее. Кев улыбнулась теплой и доброй улыбкой, озарившей душу Навии.

Затем подошел Канаель, молодой человек с необычными глазами, которого она уже встречала во сне. Его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, а пурпурный цвет его одежды был еще интенсивнее. Ее мысли перенеслись в деревню, где она жила. Навия увидела изгородь, почувствовала зимний холод на коже. Она была птицей, которая расправив крылья, летела над деревней. В полете она обнаружила три деревянных башни, еще не тронутых пожаром.

Ордин. Как жилось ее клану? Знали ли они что-нибудь об угрозе, нависшей над всеми четырьмя царствами, или жизнь текла своим чередом? По сути, в опасности были только

меченые. Потомки богов. Или нет?

Бум. Бум-бум.

Навия подумала об отце и ее сердце сжалось. Каждой клеточкой своего тела она тосковала по нему, как будто ее сердце разбилось на множество осколков.

Она будет бороться ради него, не важно, сколько это займёт времени, чтобы выяснить, что скрывается за всеми этими событиями.

Щекотание в кончиках пальцев усилилось, казалось, что и потрескивание огня стало громче.

Ей стало жарко. Жар как будто бы вырывался изнутри и обдавал ее пылающим огнем. Перед ее мысленным взором танцевали четыре цвета богов. Белый. Красный. Зеленый. Золотистый. Они поворачивались, сливались друг с другом, смешивались, превращаясь в огромный знак, и вот ей уже захотелось протянуть к ним руку... стать частью их...

Я здесь! Пожалуйста! Я здесь!

Они не услышали её немую мольбу. Казалось, даже отвернулись от нее, отчего ее стремительно захлестнуло ощущение того, что её бросили. Она кричала им вслед. Три цвета мгновенно померкли, остался лишь насыщенный зеленый — цвет богини весны. Сердце Навии переполняла любовь. Она была началом. Кругом жизни, истоком, происхождением мира. И она, Навия, была ребенком Кев. Дочерью богини. Меченая. Навеки.

Бум.

Бум-бум.

Вдруг Навия почувствовала, как будто разрывается на части. Она открыла рот, чтобы закричать, но не смогла произнести ни звука. Ее тело сжалось, словно было зажато в тиски. Она хотела умереть. Хотела жить.

Затем ее душа открылась.

Все ее органы чувств обострились, все вокруг звучало неестественно громко. Огонь не просто потрескивал, а прямо-таки бушевал. Она четко слышала, как воет ветер на улице, уловила скрип снежинок, когда они касались земли. Ее сознание продолжило блуждать, углубившись в лес.

Везде громкое фырканье животных. Она слышала дыхание волка гнерша, который подкрадывался к своей добыче. Короткая остановка перед нападением, сопение в воздухе — она видела это прямо перед собой. Его брыли приподнялись, сердитое рычание, взгляд блуждал вокруг, как будто он чувствовал её присутствие — потом он набросился на неё, и Навия отпрянула назад.

Он прыгнул сквозь неё и впился своими огромными клыками в светло-коричневого грызуна. Пронзительный крик маленького существа зазвенел в ушах Навии, потом оно внезапно обмякло. Другой звук привлёк её внимание, и она услышала скрежет клюва совы шериа. Он раздавался везде и в то же время нигде. Нервы Навии были напряжены до предела, и ей стоило огромных усилий сосредоточиться всего лишь на одном пункте в лесу.

Её дух заскользил дальше, цвета и контуры стали серыми, так, как будто кто-то вытянул всю жизнь из деревьев. Даже только что выпавший снег казался тусклым. С дико стучащим сердцем она пересекла лес. Ещё прежде чем поняла, что случилось, она добралась до стен Вены.

Жуткая тишина висела над прибрежным городом, прерываемая только тяжёлыми сапогами ночных стражников, делающих свой последний обход, короткими разговорами торговцев и стонами шлях. А потом Навия почувствовала сны спящих. Она услышала их

голоса, их зов, безмолвные молитвы. Нежно-зелёные, ярко-красные сны и цвета песка.

Как покрывало они мерцали в воздухе, посреди лёгкого снегопада. Огненные языки, тянущиеся к ней, и Навия улыбнулась, потому что, наконец, поняла. Всё имело смысл. Центр вселенной, исток жизни.

Осторожно она прикоснулась своим духом к мерцающим снам, они призрачно колыхались в воздухе, словно туман, ища дорогу из города на природу. Когда она прикоснулась к первому сну, то почувствовала лёгкое жжение в кончиках пальцев, так же пульсировал рисунок крыльев на её спине. Сон слегка дрогнул под прикосновением Навии, его контуры расплылись. Зачарованно она наблюдала, как сны двигались в ночи, освещая темноту своими цветами.

Они так прекрасны.

Навия не могла оторвать от них свой взгляд. Каждая структура. Надежда, тревоги, желания. Магия снов.

Её дух побрёл дальше, прокладывая дорогу, обходя любое препятствие. Она прошла сквозь стены. Зашла в город. Взлетела на покрытые снегом крыши и обледенелые окна. Казалось, её ничто не остановит. Она была невесомой. Дух. Не имея конкретной цели, она скользила по городу, прислушивалась к интенсивным звукам раннего утра и слушала истории этих людей. Их желания и надежды на лучшую жизнь, красивый мужчина, урегулированная повседневная жизнь...

Сны людей святятся переливающимися цветами, как свет в глубокой темноте, и Навия поняла всё, что раньше не понимала. Она знала, кто она такая. Навия О'Бай, дочь Странника.

Её дух искал и нашёл. Внезапно он парил перед ней. Самый плотный туман из всех, переливающийся золотом, красивее, чем всё, что она видела раньше. Сон молодой женщины — давно уже не ребёнка, но всё-таки ещё не взрослой. Всё её естество раскрылось перед ней, когда она заглянула в глубину её души, в её сон. Навия видела всё. Сон полный любви, такой нежный и ласковый, что у Навии без предупреждения, вырвался из лёгких весь воздух. Он был ещё не тронутым, но полным могущества. Могущества наполнить жизнь или закончить её.

Изумлённо она протянула пальцы, осторожно погладила изящные линии, её рука скользнула сквозь тонкий туман. Покалывание, которое становилось всё сильнее и разливалось по её телу волнами. Яркий свет промелькнул в её голове. Она полыхала. Вокруг глаз взорвалась боль. В то же время ей стало ужасно холодно, и по телу разлилась дрожь. В то же миг она почувствовала сильную пульсацию в рисунке крыльев, как удары плетью по спине. Навия съёжилась. Почти казалось, что крылья хотят расправиться и развернуться.

Испуганно её дух отпрянул от сна девушки. В панике она распахнула глаза, но находилась всё ещё на том же месте. Она оказалась в ловушке в своём собственном сознании. Везде видела золотые цвета сна, чувствовала его в самых глубинах своей души. Её тело горело, а боль распространялась всё быстрее.

Я должна проснуться!

Она слышала смех девушки, невинный и чистый, в то время как отчаянно пыталась отдалиться от сна. Чем сильнее она сопротивлялась, тем сильнее, казалось, запутывается в тумане. Сеть из золотых нитей, обёртывающихся вокруг её тела, переплетающих её ноги. Её рукихватила воздух, сон поймал её, так что она больше не могла дышать. Она тонула, а её спина горела огнём.

— Навия! — Голос Исааки раздался одновременно со всех сторон, пронзительный крик, режущий слух. Сон исчез, осталась только всеобъемлющая чернота, темнее, темноты ночи и тишины леса. Больше не было слышно ни одного звука. Она больше не тонула.

Отпусти меня...

Что-то мокрое плюхнулось ей на лоб. Потом все закончилось.

Как будто вынырнув из-под воды, Навия начала хватать ртом воздух и в ужасе распахнула глаза. Ее грудь вздымалась и опускалась, понадобилось несколько мгновений, чтобы она снова смогла сориентироваться.

Оглядевшись вокруг, она обнаружила, что все еще находилась в хижине в венском лесу. Слева, как ни в чем не бывало, потрескивал огонь. Она все еще была там, где легла и погрузилась в сон, похожий на транс. Мучительно медленно боль в спине начала стихать.

Взгляд Навии упал на Исааку, сидевшую на корточках рядом с ней. На ее лице читалось обеспокоенность и страх, светлые волосы свисали с плеч. В руке она держала мокрую насквозь тряпку, которую окунала в ведро и прикладывала к ее виску.

Она улыбалась, но улыбка не могла скрыть беспокойства во взгляде.

— Все в порядке? Ты плохо спала и ужасно потела. Выглядела так, как будто у тебя что-то болит. Я хотела тебя разбудить, но ты не реагировала.

Она сглотнула.

— Тебе приснился кошмар?

Навия осторожно села, из ее аккуратно заплетенной косы выбились прядки и прилипли к потному лбу. Она сомневалась, рассказывать ли Навии о своем видении. Дело было в Фереке. Не в каких-то отдельных мелочах, а в том, какое у него было выражение лица, когда он думал, что за ним не наблюдают.

Осознание вины. Ферек что-то скрывал от них, в этом Навия была уверена, однако опасалась, что ее подруга была слепа, в том, что касалось этого мужчины

— Я... не помню, — уклончиво ответила она, избегая смотреть Исааке в глаза.

— Ничего страшного. Ты пережила ужасные вещи — нападение на деревню, убийство отца — может, ты перевариваешь все это во сне.

Навия села, поджала ноги, стараясь не показать Исааке своего удивления, от того что та приняла ее ответ. Обычно от зоркого взгляда ее подруги не ускользала ни одна деталь. Но затем она заметила ее покрасневшие щеки и блестящую нижнюю губу. Исаака витала где-то в облаках, была рассеянной.

— Могу я что-то для тебя сделать? — спросила она, но в мыслях была где-то далеко.

Навия подозревала, с кем были ее мысли.

Она нежно дотронулась рукой до спины. Боль уменьшилась, но прикосновение все равно было болезненным.

— Нет, спасибо. Вы достали что-нибудь поесть?

— Да, даже за хорошую цену. Один торговец знал Ферека, и предложил ему небольшую цену.

Навия посмотрела в слегка запотевшее окно рядом с очагом. Хвойные деревья мрачно тянулись к черному небу, которое некоторое время будет оставаться таким.

Только яркий свет луны будет дарить им, благодаря белому снегу, немного освещения — когда, наконец, прекратится снегопад, а тучи пройдут мимо. Тёмные дни начались.

Она заметила, что Ферек еще не вернулся. Может, это был ее шанс. Навия немного помедлила и набрала в рот воздуха.

— Он тебе нравится?

Исаака от испуга чуть не уронила тряпку в воду, быстро схватила ее и сделала безучастное лицо.

— Кого ты имеешь в виду?

— Ну, знаешь ли, выбор не велик, — сказала Навия. — С тех пор как мы отправились в путь, нам повстречалось совсем мало мужчин. И ни на кого из них ты не смотрела так, как на него.

Исаака сжала рот в тонкую линию.

— Что же, мы почти не знаем друг друга. Поэтому... как я могу говорить о том, что он мне нравится? — Напряжённо она теребила подол своей накидки, которую ещё не сняла. Уже в самый первый вечер Навия обшарила все шкафы в хижине и использовала найденные остатки тканей, чтобы сшить Исааки и себе новую одежду.

Насыщенный зелёный цвет накидки придавал Исааки почти царственную ауру.

— Он тебе нравится, — подтвердила Навия, в этот раз более энергично.

Исаака громко вздохнула.

— Ну, хорошо, да, он мне нравится. Я даже не знаю, почему. Он не такой, как мужчины, с которыми я была знакома раньше. Может быть, в этом дело. С ним я чувствую себя в безопасности. И это много значит для меня.

«Как я с Данианом» — пронеслось у нее в голове.

— И ты доверяешь ему?

— На что ты намекаешь?

Навия ответила на её взгляд, не зная, что сказать. Ей было ясно, что она двигалась по опасному пути.

— Просто... Я только хотела...

— С тобой я была так же мало знакома, и всё же доверилась тебе. Как и ты мне. Почему ты сомневаешься в нём, для меня, честно говоря, загадка. — Чем дальше она говорила, тем всё более сердитым становился её голос.

— Но...

— Нет, ничего не говори! — прервала её Исаака. — Теперь я понимаю. Ради Таля, как я могла быть такой дурой? Это ведь так очевидно! Как ты к нему относишься, всегда сразу пытаешься вмешаться в наши разговоры. Ты ревнуешь.

Навия засмеялась и увидела, как Исаака мрачно свила брови.

— Это абсурдно, и ты это знаешь! Мне ничего в нём не нравится. Кроме того, я не интересуюсь мужчинами.

Теперь брови Исааки взлетели вверх, и она презрительно скривила губы. На её лице Навия прочитала враждебность, напомнившую ей их первую встречу. Её взгляд во второй раз метнулся к двери, которая пока ещё не шелохнулась. Надеюсь, Ферек не будет спешить. Она должна убедить Исааку, прежде чем они из-за него поссорятся.

— Послушай, — сказала Навия и взяла свою подругу за руку.

На ощупь она была влажной.

— Ты сказала, что доверяешь мне, так же, как я тебе. Поэтому позволь мне быть с тобой откровенной: нам нужен Ферек, если мы хотим научиться странствовать. Другой возможности у нас пока нет.

Но я не доверяю ему. — Она замолчала и заметила, как Исаака сузила глаза.

Следующие слова она выбирала более обдуманно:

— Это не те моменты, когда он весёлый и ведёт себя непринуждённо. Это те моменты, когда думает, что за ним никто не наблюдает. Он кажется часто рассеянным, мыслями где-то в другом месте... — Может быть Исаака права, подумала она, может быть, я всё-таки ревную.

Исаака забрала у неё свою руку, встала и подошла к окну. Повесив плечи, она смотрела на улицу.

— Мне надоело спрашивать себя каждый раз, когда кого-то встречаю, плохие ли у него намерения, — начала она тихим голосом. Она вытерла руки о длинную юбку. — Я хочу прислушаться к сердцу и не обращать постоянно внимание на голос, звучащий в голове, который шепчет, что всё может быть не настоящим, — продолжила она и повернулась к Навии. — Я услышала то, что ты сказала. Но это не изменит мои чувства к Фереку.

— Большого я и не ждала. Ты только должна...

В этот момент дверь открылась, и Ферек принёс в комнату поток холодного воздуха. Он встряхнул мокрые волосы, снял накидку с плеч и бросил её на спинку стула. В руке он держал покупки. Навия умоляюще посмотрела на Исааку, и беззвучно попросила ничего ему не говорить. Облегчённо она увидела, как её подруга незаметно кивнула, а потом, улыбаясь, повернулась к Фереку.

— Ради богов, какая ужасная погода, — выругался он, стряхнул снег с ног и вошел в хижину. Ферек тут же заметил подавленное настроение обоих и нахмурился. — Что случилось? Я что-то пропустил?

Потом он пристально посмотрел на Навию, почти так, будто хотел прочитать её мысли. Быстро она состроила безучастное выражение лица, улыбнулась и встала, освобождая место возле очага. Снова её охватило головокружение, пульсация на спине в очередной раз стала ощутимой. Однако она не хотела, чтобы Ферек что-то заметил.

— Давайте завтракать, я умираю с голоду! — с энтузиазмом сказала она, и забрала у Ферека еду.

Еще не успев отвернуться, она уже затылком почувствовала его взгляд.

Лакос, Летнее царство

Уже начало смеркаться, когда Песня Небес в тени фасадов домов кралась по лабиринту улочек. Её ноги несли её быстрее и быстрее. Теперь у неё была цель. Наконец-то!

Хотя ей всё было незнакомо, казалось, будто её ведёт внутренний компас. Она вышла из узкого переулка на главную улицу, ведущую прямо к площади, посреди которой, в переливающиеся красным цветом, вечернее небо, возвышался обелиск. Песня Небес в изумление остановилась, запрокинула голову, разглядывая чёрные, расправленные крылья бронзовой фигуры.

Несколько небольших жаровен вокруг, освещали площадь и бросали тени на лица людей, спешащих по улице к молитве. Большинство направлялись к белому храму, чей парадный ход поддерживался красными колонными. Взгляд Песни Небес упал на прямоугольную, деревянную табличку, но она не смогла прочитать буквы.

При этом она осознала, что ей не стоит терять время. Поэтому взяла ноги в руки, и поспешила дальше. Несколько раз с ней заговаривали торговцы, но она направила взгляд перед собой, выбирая самый прямой путь.

Запахи сладкой выпечки и поджаренных ракообразных сопровождали её путь, и не смотря на много не больших блюд, которые она между тем съела, ей было сложно сосредоточиться на дороге. Женщина стояла перед витриной с серебряными украшениями и пронзительным голосом восхваляла свои товары. Двое детей, с красными щеками и жирными, чёрными волосами пробежали мимо Песни Небес, один из них врезался в неё. Их лица, руки и ноги были сильно грязными. Больше всего ей хотелось сделать им выговор, но она всё ещё не могла говорить, поэтому девчонка бросилась прочь, не оглядываясь или даже извиняясь.

Решительно она шагала вдоль узкой улочки, которая проходила параллельно к главной. Крики множество голосов она оставила позади и обрадовалась, когда, наконец, осталась снова одна. Узкие фасады домов постепенно поредели, пока не остался только дворец, вдоль которого она шла. Улочка закончилась перед тёмной, деревянной дверью, встроенной в каменную стену, окружающую дворец Ацтеа. Её сердце начало биться быстрее.

Задняя дверь. Откуда она это знала, оставалось загадкой. Существовали вещи, которые казались ей ясными и логичными. При виде двери, мужество покинуло её. Что, если её не пропустят?

Втайне Песня Небес надеялась, что удача богов не полностью её покинула. Но у неё не оставалось других вариантов. Её воспоминания находились здесь. Внутри этих стен, спрятанные между слуг и торговцев, королевской семьёй и её собственной судьбой. Она прямо-таки чувствовала это.

Украдкой она оглянулась через плечо, но улочка всё ещё была пустой. Зато её сердце билось беспощадно громко. Нерешительно она снова повернулась вперёд и постучала в закрытую дверь. Железный люк, вделанный в тёмное дерево, открылся, показывая смотрящие враждебно глаза. Глаза с золотыми крапинками и тёмными бровями, которые враждебно поднялись вверх.

— Чего тебе? — пролаял недружелюбный голос.

Здесь её план заканчивался. Она не размышляла над тем, что будет, если её не узнают. Она всё ещё не могла сказать ни звука. С трудом она заставила себя улыбнуться и пододвинула лицо ближе к люку. Не оставляй меня на произвол судьбы, бог Летнего царства.

— Песня Небес? — спросил охранник и сузил глаза в узкие щели.

Через мгновение дверь открылась, и в ней появился полный мужчина с густыми бровями и дружелюбной улыбкой. Она заметила меч на его бедре и сапоги с высокими голенищами, подходящими к формальной одежде. Её взгляд упал на герб, вышитый на груди. Круглый полумесяц, обрамляющий дворец Ацтеа и его эмблему — две башни.

Герб семьи Де'Ар!

Воспоминания и отдельные картины промелькнули в её голове, внезапно там так же появилось имя охранника. Смотритель Пустыни. Его серьёзный взгляд и мрачное выражение лица растворились в воздухе. Без предупреждения он радостно рассмеялся, при этом заколыхался его круглый живот. Мгновение спустя он заключил Песню Небес в объятия и прижал к себе.

От облегчения она чуть не расплакалась. Смотритель Пустыни действительно её узнал!

Он пах потом и алкоголем, но в этот момент ей было всё равно. Радостно она позволила обнять себя и почувствовала, как его тёплое дыхание ласкает её макушку.

— Ради Сува, это действительно ты! Мы так о тебе беспокоились! После того, как умерла Солнечный Смех, мы думали, что тебя постигла та же участь... Хорошо, что с этим заблуждением покончено. — Его глубокий голос вибрировал возле её груди. — Где ты была последние дни? Ты выглядишь ужасно. — Он немного отодвинулся и принюхался. — И от тебя воняет.

Каждое слово причиняло Песни Небес боль. Действительно существовали люди, которые переживали за неё. Она подумала о холодных ночах в одиночестве, о голоде, страхе... На глаза навернулись слёзы, и она отвернулась.

— Какая ты бледная! С тобой всё в порядке? Что случилось?

Печально Песня Небес покачала головой, подняла два пальца и показала на горло.

Тёмные брови Смотрителя Пустыни угрожающе сошлись на переносице, он смотрел на неё, наклонив голову набок.

— Что случилось? Почему ты молчишь?

Потому что больше не могу говорить. Её беззвучные слова горели в горле. Она не смогла справиться с болью и вздрогнула.

— Дитя, тебя лишили голоса?

Песня Небес обречённо кивнула и энергично сморгнула слёзы.

Вопросительно он смотрел на неё, скривив задумчиво губы.

— Это яд? Или ты снова пела — ты же знаешь, за это наказывают. Я всегда надеялся, что тебя не поймают. Ты делала это с большой радостью, и мы бы никогда не выдали тебя, но ты же сама знаешь, какими завистливыми могут быть девушки. А с тех пор, как ты стала приглядывать за принцессой, зависть стала грызть их еще больше...

Смотритель Пустыни с грустью пожал плечами.

В сознании Песни Небес что-то зашевелилось, так как его слова вызвали в ней волну эмоций. Ее имя, Песня Небес. Ее происхождение, скрытое в тумане забытого. Пение. Петі было запрещено. Об этом она уже слышала. Вдруг перед ее мысленным взором появилось

лицо Канаеля Де`Ара, его светящиеся зеленые глаза, задумчивый, холодноватый взгляд.

Высокие, ярко выраженные скулы и прямой нос, придававшие его слегка детским чертам лица аристократичности и одновременно надменности. От этого воспоминания ее сердце начало биться чаще. Но было и еще кое-что — теплота тела Канаеля. Вставшие дыбом волоски на ее руках — узкое, маленькое помещение, где-то рядом с ней мерцание свечи. И буря внутри нее.

Откуда взялось это воспоминание?

— Неважно, что это, изменить уже ничего нельзя, — продолжил Смотритель Пустыни схватившись за заднюю часть головы и шумно вдыхая воздух. — Будет непросто, моя красавица. Ты больше не можешь работать во дворце. Тебе ведь известно, какие Де`Ары суеверные, они не потерпят никого с таким явным недостатком.

Заметив, что его слова ранили ее, он ласково потрепал Песню Небес по щеке.

— Не волнуйся, Песня Небес. Будем держаться вместе. Обещаю, и Сув мой свидетель, ты не будешь страдать от голода.

Он улыбнулся.

— Сегодня все спокойно. Пеала с дочерью уехали на побережье, потому что малышка заболела, Дерион Де`Ар тоже недоступен. Насколько мне известно, он в Хелааку принимает послов из Сыския.

Он задумчиво сморщил лоб.

— Твоя комната еще сохранилась. Может, сегодня твой счастливый день, — сказал он и немного отошел в сторону. — К сожалению, я не могу покинуть свой пост, да ты и сама знаешь дорогу. Иди, пока тебя кто-нибудь не увидел.

Песня Небес благодарно пожала ему руку и исчезла в темном коридоре. Слева и справа были прикреплены крючки из тяжелого железа, также кое-где горели факелы. Будучи довольно высокого роста, ей приходилось нагибаться, чтобы не удариться головой о низкий потолок. От факелов исходило приятное тепло, они облегчали дорогу наверх, во дворец. Песня Небес смутно помнила о служебном выходе, которым пользовались работники дворца, чтобы не ходить той же дорогой в город, что и господа и их гости.

Наконец, она дошла до двери, которая без проблем открылась. Ее путь пролегал по лабиринтам подвального комплекса, она точно и ясно представляла себе план дворца Ацтеа. Это было то немногое, что она смогла легко вспомнить. Ей был знаком каждый поворот, каждый коридор, а также пути, которых нужно было избегать, чтобы оставаться незамеченной.

Через некоторое время она достигла спален прислуги. Недалеко от большой каменной лестницы, ведущей на верхний этаж, находилась и ее комната, взглянув на которую, у нее по кончикам пальцев побежали мурашки. Узкая, встроенная в стену дверь с железным завесом, который можно было закрыть и изнутри. Ее взгляд упал на небольшую зарубку над ручкой. Буква П.

В противоположность к деревянной доске на площади, она смогла без труда различить букву, так как сама вырезала ее. Она была здесь. Наконец-то. Может быть, ей удастся получить ответы на свои вопросы.

К ее удивлению дверь легко открылась, так как была не заперта. Внутри все было как прежде. Так как она себе это представляла.

Она закрыла глаза и вдохнула знакомый запах соломы и спертых воздуха, запах от которого бы ее тошнило в любом другом месте. Оглядываясь в маленькой комнате, Песня

Небес надеялась, что чувства, которые она испытывала, помогут ей хоть как-нибудь вернуть воспоминания.

Ничего.

В ее голове по-прежнему царила пустота. Она разочарованно открыла глаза, провела рукой по взъерошенным волосам и собрала все, что могла унести, и что могло ей понадобиться позже. Ее взгляд упал на спальное ложе, вызвавшее в ней противоречивые чувства. Смятая простыня. Узкий кувшин для воды, на краю которого лежала тряпка. Она использовала его для мытья, когда не ходила с другими служанками вниз, к роднику, из которого орошали роскошный сад.

По рукам пробежали мурашки, взгляд Песни Небес снова перенесся на постель. Здесь что-то произошло. Может быть, даже и к лучшему, что она ничего не помнила. Покачив головой, она хотела отвернуться, но что-то удержало ее.

Как будто ее тянули невидимые нити, она забралась в конец кровати и ощупала холодную горную породы стены. За изрядно поношенной подушкой из соломы находился подвижный камень, который она с трудом выковыряла из стены. Под ним обнаружили монеты от щедрых посланников, которые она скопила за годы своей работы прислужгой. Еще одно воспоминание, которое вернулось к ней. Песня Небес быстро спрятала деньги в пришитый карман платья.

Для начала этого хватит. Перед городскими воротами она уже присматривала себе работу. Если придут товары, сысскийе и кевейтские продукты, работы будет предостаточно, даже для того, кто не мог говорить и ничего не помнил.

Безмолвно вздохнув, она упаковала свои пожитки в маленький узелок и привязала его к спине. После чего покинула комнату. Она чувствовала разочарование, тем не менее это стоило, хотя бы ради денег.

Осторожно закрыв дверь, она повернулась и застыла на месте. В конце коридора появились две служанки в сиреневых одеяниях. Они торопливо бежали в ее сторону, но, казалось, не видели ее. Песня Небес опустила голову, но они и так даже не взглянули на нее.

— Наследник внизу, на кухне, — на ходу крикнула одна другой, после чего обе исчезли за ближайшим поворотом.

«Канаель»- пронеслось в голове Песни Небес, и ее сердце учащенно забилося.

Она решительно повернулась в сторону кухни и побежала по пустому коридору. Теперь от Канаеля Де'Ара ее отделяла лишь тяжелая деревянная дверь кухни, украшенная некоторыми вырезанными в ней блюдами. За дверью слышался смех и взволнованные голоса. В воздухе витал соблазнительный запах шоколада, жареных летних фруктов и запечённой в духовке рыбы.

Песня Небес помедлила. Затем нажала на ручку вспотевшей рукой.

С легким скрипом дверь открылась, и ее взору предстали старые, поддерживаемые колоннами подвальные своды, в которых находилась самая большая кухня дворца. Это был огромный зал, с множеством очагов, закрытых печей и резервуаром с водой, где, как удалось разглядеть Песне Небес, плавали рыбы. В помещении находилось минимум двадцать человек, начиная от помощников и заканчивая поварами. Они все были погружены в работу, резали травы или разделывали животных. Взгляд Песни Небес устремился дальше. Звенела посуда, передвигались кастрюли.

Заметив прямо перед собой знакомую фигуру, ее сердце на мгновение замерло. В двух шагах от нее, спиной к двери, стоял Канаель Де'Ар. Он непринужденно засунул в рот

красное, покрытое чем-то желеобразным, канапе, смеясь при этом над словами одетого во все белое поваренка. На нем был надет светло-серый колпак и грязный фартук, весь покрытый пятнами. Он заметил Песню Небес и уставился на нее, наморщив лоб. Она почтительно опустила на колени, в тот самый момент, когда Канаель повернулся к ней. Песня Небес прикоснулась лбом к до блеска начищенному полу, при этом спутанные волосы перекрывали ей видимость.

— Встань, пожалуйста, — тихим голосом приказал ей сын правителя. — Я всем мешаю работать, а работы у вас полно. Самое меньшее, что я могу вам предложить, это отказаться от любезностей, чтобы еще больше не пересолить супов.

Он говорил это всем в помещении.

Песня Небес встала, не поднимая головы, и почувствовала, что покраснела. Она сама бросила вызов ситуации, теперь деваться было некуда...

Краем глаза она увидела, как поваренок брезгливо поморщился, с мрачным лицом рассматривая ее.

— Фу... где тебя носило?

Он презрительно покачал головой.

— Не измажь нам кухню! Ваше Высочество, извините за такую неприятность!

Украдкой взглянув на сына правителя, она увидела, как Канаель сделал успокаивающий жест рукой. В глаза бросалась его пурпурно-красная шелковая рубашка, на которую он надел пояс с серебристой пряжкой. Она не осмеливалась еще раз взглянуть на него, однако успела заметить великолепную кайму кобальтового цвета с примесью черного.

— Нет, нет. Я уже достаточно долго мешаю вам. Мое присутствие создает суматоху.

«Сейчас» — подумала Песня Небес и коротко подняла взгляд. На нее смотрели два темно-голубых глаза, увидев которые она испугалась. Собрав все свои ментальные силы в кулак ей удалось не вздрогнуть.

Этот человек был не Канаель Де`Ар.

Его фигура, волосы, лицо. Он был похож на сына правителя вплоть до мельчайших деталей, тот же нос, пухлые губы. Но его выдавали глаза. Она быстро опустила взгляд, смотря себе под ноги, в то время как ее сердце предательски громко колотилось в груди. Она предусмотрительно сложила руки, чтобы никто не увидел, как они дрожали.

— Поприветствуй Ганреалю от меня. Вчера вечером он снова превзошел себя, — произнес ненастоящий Канаель. — Моему отцу очень понравилось, он пожелал к его возвращению через несколько дней это традиционное талвенийское блюдо. Кстати, как оно называлось?

Портулак из ледяных родников на севере Талвена?

— Штайнбахморела, — ответил поваренок.

— Точно! Передай это Ганреалю.

Засмеявшись, он помахал всем присутствующим и исчез.

Песня Небес не знала, что и думать, в то время как она, потеряв дар речи, смотрела вслед сыну правителя. Глубоко внутри она чувствовала, что не сможет вернуть память, стоя напротив Канаеля.

Но если это был фальшивый Канаель Де`Ар, то где тогда был настоящий?

Мун, Летнее царство

Натянув на лицо капюшон, Канаель подслушивал разговоры вокруг, улавливал обрывки слухов и разговоров. «Голубая нога» была подозрительной таверной. Туманный Мастер сообщил ему, в какие кабаки летнего царства лучше не ходить. «Голубая нога» была первой в списке.

Моряки, воры и дешевые проститутки гуляли в квартале развлечений прибрежного города, где на каждом углу слышался шум моря и разбивающихся о берег волн. Пахло гриленой рыбой и темным медовым напитком, который моряки с удовольствием пили после долгой ночи.

— Если хотите моего совета, Ваше Высочество, вы бросаетесь здесь в глаза, как вор из Талвена. Здесь для Вас небезопасно...

Человек, подошедший к столу, стоящему в нише, выглядел так, как будто зарабатывал деньги нелегальными боями, которые каждое новолуние проходили где-нибудь на сомнительных задних дворах.

Своими лапами, украшенными гербом Муна, он оперся на плохо протертую деревянную поверхность стола Канаеля. Он так тихо говорил, что его мог слышать только Канаель. Вокруг раздавался смех, звон бокалов, в другой комнате играла музыка. Но никто не пел.

Взгляд Канаеля поднялся выше, к сильным рукам и одежде, подчеркивающей мощное тело, и добрался, наконец, до лица незнакомца, с одной стороны украшенного нарисованными знаками богов. Люди из Лакоса, Кинро и южных пустынных племен были склонны открыто показывать свою веру в богов. Здесь, на побережье люди были более консервативными. Канаель подавил импульс выхватить кинжал.

— Боюсь, Вам угрожает опасность, Ваше Высочество, — повторил новоприбывший. — Ваше появление не осталось незамеченным, есть достаточно мерзавцев, которые хотят получить деньги за Вашу голову.

Незнакомец по-прежнему говорил тихо.

— Несколько необдуманно с Вашей стороны появляться одному, что бы Вас на это не подвигло. Я буду гораздо уютнее себя чувствовать, если Вы дадите хозяину щедрые чаевые и попросите у него частную заднюю комнату.

Канаель поднял голову и посмотрел своему визави прямо в глаза, при этом пытаясь скрыть свой страх.

— Как ты меня узнал?

Незнакомец наморщил нос.

— Вы слишком хорошо пахнете и слишком явно стараетесь не привлекать к себе внимания. Кроме всего прочего, дорогой материал, из которого сделана ваша одежда, жесты — да практически всё. К тому же я был телохранителем некоторых торговцев, которые работали при дворе, и видел Вас там. Я знаю, Вы получили прекрасное образование, Вы мастерски справились с Урцей, но здесь Вам не арена дворца Ацтеа. Здесь все гораздо жестче.

Канаель кивнул, молча снял с пояса мешочек и передал его под столом незнакомцу,

который выпучил глаза от удивления. То, что мешочек был заполнен похожими на монеты камнями, чужак не знал, и Канаель надеялся, что он не станет заглядывать в него. По крайней мере, до тех пор, пока он не сбежит.

— Спасибо за предупреждение, я не думал, что кто-то осмелится со мной заговорить. Я ценю это, кажется, у тебя нет плохих намерений, иначе ты бы не стал подвергать себя такой опасности.

Незнакомец в недоумении нахмурил брови. Он сидел, не двигаясь, как будто в оцепенении, и больше не выглядел таким самоуверенным, как еще несколько минут назад.

— С чего ты взял, что я один? — продолжил Канаель.

Он лгал. Так как его обнаружили, ему не оставалось другого выбора.

— Я...

Канаель понизил голос и проницательно посмотрел на мужчину.

— Возьми эти деньги. Заплати хозяину и попроси у него помещение за перегородкой в кладовой.

Незнакомец нерешительно держал большую руку над кошельком. Затем все-таки спрятал его, развернулся и направился в сторону барной стойки.

У Канаеля оставалось мало времени. Ему нужно было либо покинуть заведение через заднюю дверь, либо встретиться с незнакомцем в указанной им задней комнате. Оба решения таили в себе опасности, но он ни при каких обстоятельствах не хотел ввязываться в борьбу, которая бы привлекла ненужное внимание. При этом он надеялся незамеченным добраться до острова.

Несмотря на то, что Канаель подстриг волосы и постоянно скрывал вымазанное сажей лицо под капюшоном, этот парень с огромными лапами все равно его узнал.

Канаель взвесил все возможности, и решил скрыться через заднюю дверь, которая граничила с тем местом, где он сидел. Он незаметно покинул трактир, проскользнул в открытую дверь и направился к небольшой, темной улице. Было поздно, многие люди уже спали, поэтому ему нужно было сконцентрироваться на том, чтобы не попасть в их сны. Во время своего путешествия Канаель в определенной степени научился обращаться со своими новыми способностями.

Он все еще чувствовал в себе дополнительную энергию, полученную им от Солнечного Смеха, а ее смерть и по сей день угнетала его. Он отбросил эти мысли и огляделся. Возле второго выхода из кухни скопились остатки еды, с наступлением дня этот мусор будет вывезен на свалку за воротами города. Там сжигалось все, что не подлежало дальнейшей переработке. Это была необходимость, которую ввел для больших городов его прадедушка.

— Беа хава, Ваше Величество, — сказал пренебрежительным голосом некто сзади. Канаель обернулся и увидел, что от стены отошла чья-то тень и встала на освещенную лунным цветом часть улицы. Человек был одет в черные штаны-шаровары и рубашку с запахом, открывающую его мускулистые руки, покрытые знаками богов.

Сощутив глаза и скривив рот в ухмылке, он рассматривал Канаеля.

— Вы выглядите удивленным. Я тоже удивлен, — сказал он, оставаясь на расстоянии нескольких вытянутых рук от него. — Вам должно быть известно, что ваше присутствие в Лакосе не осталось незамеченным. Ваш отец в ужасе, не понимает, куда Вы так внезапно пропали. Хорошо, что слухи в летнем царстве распространяются быстрее венерологических болезней самых дешевых проституток из Муна, иначе я бы никогда не узнал о Вашем маленьком путешествии.

Он сплюнул ему под ноги.

— Ваш двойник замечательно справляется с заданием. Но недостаточно хорошо.

— Что Вы хотите? — спросил Канаель.

Тень улыбнулась.

— Вас. Точнее говоря, выкуп, который дворец заплатит за Вас. Утрированные моральные представления Вашего отца наносят ущерб делам нашей организации. Может забота о единственном сыне сделает его более сговорчивым, в последнее время наши переговоры зашли в тупик.

Гехалла. Преступная банда, зарабатывающая деньги на проституции, крышевании и торговле наркотиками, и контролирующая красные кварталы всех сувийских городов. Различными путями с ними боролись десятилетиями, тюрьмы были переполнены членами банды, так называемыми гехалланами. Поняв, что его обнаружила именно Гехалла, Канаеля охватил ужас.

Пытаясь скрыть страх, он вытащил кинжал, тем самым вызвав у своего визави смех.

— Что Вы хотите им сделать? Заколоть парочку грызунов, бегущих по улицам в поисках еды?

Он ухмыльнулся, но затем снова сделал серьезный вид.

— Узнав, что Вы находитесь в моем округе, я не мог поверить своему счастью. Поэтому, я, Мариен, пришел лично, чтобы поприветствовать Вас, Ваше Величество. Дурацкий капюшон и измазанное лицо никого здесь не обманут, Канаель Дерин Сантеаль Де`Ар. Мы уже несколько дней наблюдаем за Вами. Мы все.

Он сделал размашистый жест рукой, и Канаель огляделся вокруг. Действительно. Между фасадами домов, за кучами мусора, а также на крышах прилегающих зданий, сидели, стояли и прятались одетые в черное фигуры. Черт.

— Мое имя Безымянный, — сказал Канаель, откинув капюшон. — В Муне я по поручению короля. Я двойник наследника престола.

Мариен снова засмеялся, в этот раз вместе с тенями, прячущимися на улице.

— Безымянный. Так-так. И каково же твое так называемое поручение?

Формальное обращение к нему в этот раз не прозвучало.

— Я должен был привлечь к себе ваше внимание. Неужели вы думаете, я пришел ради удовольствия в такое сомнительное место, где, как всем известно, живут по своим законам, а не по законам повелителя?

— Тогда для чего ты здесь?

— Чтобы найти вас. Исчезают люди. Горят деревни. Мы хотим обратиться к Гехалле за помощью.

Ставка была высока, но ничего лучшего он не смог придумать так быстро.

В один момент Мариен почувствовал себя неуверенно, и обменялся взглядами с одной из теней.

Он вовсе не главарь. Может, у Канаеля все-таки был шанс. Нужно было всего лишь умело разыграть карты.

— Можешь все равно пойти с нами. Кто знает, может, ты прощепечешь еще пару других деталей...

— Он никуда не пойдет, — раздался глубокий голос из задней двери трактира. В ней стояла исполинская фигура — человек, который предостерегал Канаеля. Взглянув на него, Канаель поначалу испытал облегчение, пока не заметил угрюмое выражение его лица.

Мариен выругался.

— Тебе тут нечего делать, Геро. Иди домой и займись своими делами.

— Дворцовые дела очень даже касаются меня, — спокойно возразил Геро. — Я хочу удостовериться, что вы не причините вреда бедному парню.

— Последнее предупреждение, — прошипел Мариен, в лице которого появилось что-то дикое.

— Я разговариваю не с тобой, а с Шианом.

Гигант повернулся к едва различимой фигуре, с которой Мариен уже обменялся взглядом, и которая все еще держалась в тени.

— Отпустите двойника!

На мгновение воцарилась тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя. Затем из тени вышла еще одна фигура. Маленький, худой человек с черными волосами и непроницаемым лицом присоединился к Мариену, который рассерженно поджав губы, сделал шаг назад.

— Ты заходишь слишком далеко, Геро. Он нам нужен.

Геро фыркнул.

— Он не виноват в ваших неудачах. Ты же сам слышал, он просто двойник. На вашем месте я бы занялся убийствами, участвовав в ваших рядах. Поговаривают, что подозрительно много членов вашей организации исчезают, особенно те, кто обладают особыми способностями.

Канаель насторожился. Особенные способности? Он ничего не слышал об этом, хотя часто принимал участие в заседаниях совета, устраиваемых отцом. В глазах Шиана что-то вспыхнуло, но в остальном его лицо оставалось неподвижным.

— Сегодня вечером мы сильнее тебя, — тихо сказал он. — Это твой последний шанс уйти целым и невредимым. Предоставь нам сына короля и убирайся.

— Это мы еще посмотрим, — спокойно возразил Геро, после чего встал рядом с Канаелем и закинул руку через плечо, где в кожаной кобуре, висевшей у него на спине, находились два меча. Он вытащил один из них, серебристое лезвие блеснуло в свете луны.

— Лучше бы ты меня послушал, — качая головой, прошептал он и протянул Канаелю меч с обернутой черной кожей рукояткой. — Надеюсь, что все, что рассказывали о твоих боевых искусствах, правда.

Меч был гораздо тяжелее собственного оружия Канаеля, к которому он привык. Геро слегка улыбнулся. Мариен, с жестким, ничего не выражающим лицом, также вытащил свой меч. Однако Шиан, сделав жест рукой, остановил его.

— Нет. Отпусти его.

Канаель удивленно взглянул на него.

Геро довольно улыбнулся.

— Ты обманывал, я должен был сразу догадаться. Ты прекрасно знаешь, что вы не сильнее нас. Подумай о своих людях, Шиан.

— Отпустить? Но... — начал Мариен.

Шиан резко обернулся и рассерженно посмотрел на младшего напарника.

— Успокойся!

Он глубоко вдохнул.

— Пока мы не можем ничего предпринять против него.

Тени вокруг как по команде растворились в воздухе. Канаель с удивлением наблюдал за тем, как со скошенных крыш близлежащих домов слезали люди. Они подошли и

остановились возле Мариена, который негодуяюще скрежетал зубами. Канаэль насчитал 12 мужчин и 2 женщины. «И они ничего не могут сделать с нами?» — спросил он себя.

Внезапно в воздухе раздалось шипение, прервав его раздумья. Геро вытянул руку, одновременно Шиан отошел на несколько шагов назад, и, прежде чем Канаэль успел понять, что происходит, на него набросился Мариен. У него едва хватило времени выхватить меч и отбить первую атаку. Краем глаза он увидел, как Геро держа в руках узкую стрелу, издает крик и падает на землю.

И вот Мариен атаковал во второй раз. Нижней стороной меча он нацелился прямо в открытое горло Канаеля, пытаясь пробить его оборону. Сохраняя присутствие духа, он следовал за движениями гехаллано, предугадывая его следующую атаку. Кровь шумела в ушах, а внутри неустанно пульсировала энергия Солнечного Смеха. Постепенно Канаэль вспомнил все, чему его учил Дав. Он переложил вес на опорную ногу, пригнулся под следующим ударом Мариена, чтобы другой ногой врезаться ему по ребрам. Мариен закричал и зашатался, а Канаэль в тот же момент почувствовал прямо у себя за спиной колебание воздуха.

Он вслепую нанес удар кинжалом, чье лезвие мягко прошло сквозь не достаточно защищающую одежду, попав в гехаллано. Оглянувшись, Канаэль увидел напавшего на него человека, кричащего от боли. Безукоризненное попадание меж ребер. Канаэль почувствовал выброс адреналина, когда вытащил меч и увидел, как мужчина рухнул на землю, как мокрый камень с потемневшей от крови одеждой.

Взгляд Канаеля метнулся к Геро, который из ниоткуда достал четыре чакрани и бросил их друг за другом в сторону их противников. Круглые снаряды бесшумно полетели в ночи, однако что-то в них было по-другому. Канаэль недолго наблюдал за траекторией их полета. Кровь брызнула в разные стороны, когда первый чакрам попал в живот одного из нападавших. Два других снаряда порезали, как лезвие меча, ноги приближающихся к гиганту гехалланов. Они закричали от боли, когда у них отказали ноги. Чакрани описали дугу в воздухе, прежде чем вернулись к Геро, который в тот самый момент повернулся к Канаелю.

— Осторожно!

Геро опоздал со своим предупреждением. Ему своевременно удалось отбить атаку, подняв меч. Рука задрожала под сильным ударом, он чувствовал дыхание воина, так как его ничего не выражающее лицо было совсем близко. Канаэль немного отпрянул, этого хватило, чтобы противник не смог дотянуться до него. Затем молниеносно перекинул меч в другую руку, умение, которым обладали не многие бойцы.

Стиснув зубы, он рванул вперед, не спуская глаз с человека, незаметно подкравшегося к нему. Двумя толчками, направленными прямо в грудь и быстрым ударом в область паха, он поставил своего противника в тяжелое положение, в то время как сам становился все смелее. Канаэль немного переживал по поводу своей невнимательности, но затем поначалу неумелые движения меча стали похожи на танец.

Меч рассекал воздух, сердце неистово билось в груди. Острое лезвие пресекло попытки его противника, уже побледневшего от страха, защититься. Острые лезвия, как удар кнутом, разрезало ткань на руке нападавшего, ударив по коже. Рана была не такой глубокой, чтобы серьезно ранить его, но достаточно тяжелой, чтобы вывести его из строя. Человек зашатавшись, попятился назад, чтобы избежать новых ударов.

Мариен поднялся на ноги и снова пошел в атаку, скривив лицо в ужасной гримасе.

— Ты не двойник! Ни за что, Канаэль Де`Ар! — выкрикнул он.

Канаель молча боролся дальше, все его тело горело, даже рукоятка меча была мокрой от пота. Под весом меча мускулы на его руках начали жечь, а толстая ткань одеяния добавляла проблем, мешая ему двигаться. Оба меча звонко ударились друг о друга, издав оглушительный звук. Удар Мариена была нацеленным и сильным.

Несмотря на то, что, во время тренировок с Канаелем не обращались деликатно, он мысленно поблагодарил своего лучшего друга за то, что тот, когда никто не видел, подробнее изучал с ним технику владения мечом. С яростным урчанием Мариен в который раз замахнулся на него мечом, который быстро и сильно разрезал воздух, но Канаель предугадав атаку, сумел отбить удар нижней стороной своего меча.

Сталь ударилась о сталь. По щеке Канаеля беспрестанно тек пот, он начал мигать, чтобы не допустить попадания сажи в глаза. Следующий момент он использовал для того, чтобы расстегнуть и снять накидку.

Глаза Мариена пылали неприкрытой ненавистью, его удары становились все более агрессивными. Они сменяли друг друга все быстрее, он пытался попасть в самые разные части тела Канаеля, который, как мог, уклонялся от них.

Вдруг, краем глаза он увидел, что рядом с головой Геро парили восемь метательных ножей. Они жужжали, готовые в любой момент ринуться в атаку. Это напомнило ему маленьких птичек из весеннего царства, питающихся цветками фрукта октреа.

Поняв, наконец, что к чему, Канаель выпучил глаза от удивления.

Поглотитель снов!

Мариен упорно продолжал нападать, вынуждая Канаеля постоянно уклоняться от ударов.

В перерывах между ударами его взгляд возвращался к Геро, который был занят своей собственной борьбой. Чтобы лучше держаться на ногах, Канаель схватился за меч обеими руками и повернулся к воину Гехаллы боком, чтобы уберечь от удара органы. Меч снова задрожал от мощи нанесенного удара.

Мариен боролся с новой силой, но Канаель был слишком отвлечен, чтобы умело оказывать сопротивление. Метательные ножи без предупреждения взмыли в воздух, жажжжали как насекомые и ринулись вперед. Один из них попал в бедро Мариена, отчего тот взвыл от гнева и боли. Остальные метательные ножи также эффективно попали в цель. Канаель увидел, как недалеко от него в ночное небо хлынул фонтан крови. Вслед за ножами Геро с удивительной точностью запустил чакрани, которые как стрелы полетели навстречу своей цели через всю улицу.

Мариен в ярости вытащил нож из бедра. Льняная ткань его одежды тут же потемнела от крови.

Геро заметил испуганное выражение лица Канаеля и повернулся к нему.

— Сконцентрируйся, я не могу в одиночку остановить их всех! — крикнул он.

Только теперь Канаель осознал, что Геро сдерживал бойцов Гехаллы, чтобы они одновременно не напали на него. Затем взгляд Геро упал на руки и затылок Канаеля, после чего он широко распахнул глаза и втянул воздух сквозь зубы.

— Ради Сува и всех святых!

Должно быть, он увидел крылья... Я дурак!

— Хватит! — прозвучал тихий, но пронзительный голос Шиана, который снова скрылся в тени фасада здания. Канаель облегченно вздохнул, он слышал, как бешено колотится его сердце. Только теперь он понял, каким серьезным было его положение. Если бы Геро

вовремя не вмешался... Снаряды Геро, готовые броситься в атаку, зависли в воздухе.

— В следующий раз следи за тем как глубоко ты спишь, Геро Д`Хераль.

— Никто не должен был пострадать. Ты должен лучше контролировать свою трупку, — холодно ответил Геро.

— Я делаю это, и ты будешь первым, кто в следующий раз ощутит это на себе, — пообещал Шиан из темноты. Раздался звук удаляющихся шагов и вскоре он совсем исчез из виду. Другие бойцы тоже скрылись, было слышно лишь учащенное дыхание Канаеля и проклятия Мариена.

Мариен отошел на некоторое расстояние, тяжело дыша, опустил меч, зажал рукой кровоточащую рану и отвернулся.

— Мы еще увидимся, сын повелителя, — бросил он через плечо, и хромя, пошел в другую сторону.

Канаель устало опустился на землю. Его легкие горели, запрокинув голову и широко раскинув ноги, он жадно хватал ртом воздух, и наблюдал за тем, как Геро поднял руку и железные, круглые снаряды тут же вернулись к нему. Он молча засунул их в висевшую на поясе кожаную сумку.

Его тяжелые сапоги грохотали при каждом шаге, пока он шел в его сторону. Не успев подойти к нему, он поднял меч, который Канаель небрежно бросил на пыльную землю, вытер кованое лезвие о свое пропотевшее одеяние и засунул его обратно в ножны. После чего схватил накидку, которую Канаель снял во время борьбы.

— Вставай!

Это была не просьба, и Канаель тут же встал на ноги. В то же мгновение Геро так грубо всучил ему накидку, что Канаель отшатнулся назад.

— Одень ее, — пробурчал он и повернулся, чтобы уйти. — И лучше тебе ее не снимать, если только ты сам хочешь, чтобы правда о тебе разнеслась по всем четырем царствам быстрее, чем ты успеешь сказать «Потерянный Народ».

— Я сожалею.

Геро повернул к нему голову и посмотрел пронизательным взглядом.

— Ты должен сожалеть о том, что действовал необдуманно. Я тебя предупреждал.

— Я же не знал кто ты. Кстати, я до сих пор этого не знаю. Это точно так же могла быть ловушка. Ты только посмотри на себя!

Геро оглядел себя.

— Что ты имеешь в виду?

— Учитывая твой внешний вид, я посчитал, что логичнее будет сбежать, чем оставаться болтать с тобой.

Некоторое время Геро молча смотрел на него, затем разразился громким хохотом.

— А ты мне нравишься. Не удивительно, что Дав так хорошо отзывается о тебе.

Теперь пришла очередь Канаеля удивляться. Его недоверие стало понемногу исчезать. Ему было легче доверять Геро, потому что он оказался поглотителем снов. Кроме того, он спас ему жизнь. Хотя бы, поэтому он должен был относиться к нему с доверием. С другой стороны, это мог быть скрытый план Гехаллы. Но пока что Канаель решил отбросить эту мысль.

— Ты знаешь Дава? — В конце концов, спросил он.

Геро кивнул.

— Да, но я мало знаком с ним. Он славится своей техникой владения мечом во всех

четырёх царствах.

У тебя был великолепный учитель. Я слышан, что он снова вернулся во дворец Анемонен.

— Ты что-нибудь слышал о нём?

С тех пор как Канаель поспешно отправился в путь, он два раза пытался отправить своему другу зашифрованное сообщение. Однако он не знал, получил ли он его.

К его сожалению Геро покачал головой.

— Нет, не слышал. Меня давно не было в Кевейте. Мы тоже не должны терять время вполне возможно, что Гехалла вернутся сюда с подкреплением, — добавил он, наморщив лоб.

— Один мой родственник живет со своей семьей в скалистых пещерах, может, нам стоит наведаться к ним.

— Скалистые пещеры?

— Думаешь, это опасно? Может, ты и прав.

Геро хмыкнул.

— Не хватало еще проспать, когда начнется прилив. Лучше снимем гостиницу.

Они отправились в дорогу. Геро вывел его из квартала Гехаллы и повел через портовый город. Когда они в третий раз прошли мимо маленького домика с покосившейся крышей и выбитыми окнами, Канаелю стало ясно, что они ходили по кругу.

— У меня такое чувство, что мы уже проходили мимо этого дома.

— Я знаю, просто хотел удостовериться, что нас никто не преследует. Это могло бы иметь тяжелые последствия.

— В этом ты прав. А откуда ты знаешь Дава?

— Я работал телохранителем правительницы весеннего царства, — ответил Геро. — Там я его и встретил. После этого у меня были практически все работы, которые человек с моим ростом и массой тела мог выполнять за деньги.

— Понятно, — сказал Канаель и посмотрел на него со стороны. На его обветренном лице отпечатались прошлое, глубокие морщины вокруг рта и носа прибавляли ему возраста. Приветливые глаза придавали его лицу лукавое выражение, а густая борода и черные знаки богов, спускавшиеся по шее до самого края одежды, наоборот, смотрелись угрожающе.

— И как ты связан с Потер...

— Не так громко! — решительно прервал его Геро. Затем понизил голос: — Никогда не знаешь, кто подслушивает. Моя мать была Поглотительницей Снов, а отец Заклинателем Душ. Они оба довольно рано умерли вследствие несчастного случая с лодкой. Я унаследовал только способности матери, что бывает довольно часто. Наследуется только часть способностей, а не обе сразу. Вот, мы пришли.

Он указал рукой на невзрачное здание, выглядящее, как любой другой дом в Муне.

Он был покрыт белой штукатуркой, его маленькие окна в черных рамах напомнили ему рыбацкие деревни соседних регионов. Взгляд Канаеля поднялся к украшенному остроконечному фронтому, похожему на пасть морского чудовища. Лишь неприметная деревянная вывеска, которая выглядела так, как будто в ней водились целые колонии червей, указывала на то, что это была гостиница.

— Я плачу, — сказал Геро, и пошел вперед.

Канаель задумчиво смотрел ему вслед. Либо он перебивался, как мог, сам и рисковал быть пойманным Гехаллой... либо следовал за этим парнем, который спас ему жизнь и был

наделен необыкновенными способностями.

Тем временем Геро уже поднялся на три ступеньки по лестнице постоянного двора. Его широкоплечая фигура закрывала собой всю лестницу, отчего здание казалось меньше, затем он, наморщив лоб, повернулся к нему:

— В чем дело? Так и будешь стоять или хочешь, чтобы Гехалла узнала о нашем укрытии?

Канаель сделал над собой усилие и последовал за воином. Хуже уже не могло быть, да и может ему удастся выяснить что-нибудь еще о Потерянном Народе. Если конечно, он до тех пор останется в живых.

Недалеко от Вены, Зимнее царство

Навия затаила дыхание, когда фигура Исааки исчезла в кругу света. Испепеляющая жара, такой яркий свет, что Навии пришлось несколько раз моргнуть, чтобы хоть что-нибудь разглядеть.

Мгновение спустя световой шар исчез, а там, где только что стояла Исаака, остались лишь следы сапог на свежем снегу.

Навия оглядела перепаханную площадь, где они уже несколько дней тренировались, и именно в этот момент ей показалось, что мир сжался до одной точки рядом с сосновыми деревьями высотой с дом. Ее взгляд помутнел. В воздухе что-то мерцало, легкие клубы тумана вокруг находящегося неподалеку леса, растворились. Поначалу ей показалось, что она узнала очертания своей подруги, затем из ниоткуда возник круг, становящийся все светлее и светлее.

Навия затаила дыхание. Она даже не успела понять, что происходит, как Исаака появилась вновь. Она сидела на коленях в глубоком снегу, опираясь на одну руку. Вязаная шапка сползла с ее головы, а многослойная, теплая одежда выглядела неряшливо. В ее нежном лице читалось удивление, однако, несмотря на расстояние, Навия увидела, что ее светлые глаза горели. Она наморщила лоб. Ей показалось, или они стали другого цвета? Ее взгляд двинулся дальше, и она увидела, что там, где появилась Исаака, солнце как будто расплавилось. Исаака медленно встала и в недоумении оглядела себя.

— Великолепно! — крикнул Ферек, и побежал к ним, подкидывая ногами свежесвыпавший снег. День и ночь над маленькой хижинкой, в которой они жили вот уже несколько недель, висел толстый слой мрачных облаков. Сегодня, напротив, была ясная, звездная ночь и почти полнолуние. Они воспользовались прояснившимся небом, чтобы продолжить оттачивать свое мастерство.

— У... у меня получилось!

Судя по выражению лица Исааки, она сама в это не верила. Ее дыхание в воздухе превращалось в маленькие серы облачка. — Я странствовала по миру! Я странница!

Навия наблюдала, как Ферек обнял свою подругу и сжал ее руку. Он смотрел на нее с гордостью, но в его взгляде было еще что-то, что не давало Навии покоя. Несмотря на тренировки и проведенные вместе дни и ночи в холоде и темноте, она все еще не доверяла ему.

— Я рада, что у тебя, наконец, получилось! — услышала она свой собственный голос, вышла из оцепенения и побежала по скрипящему под ногами снегу к подруге. Подойдя к Исааке, ей показалось, что Ферек неохотно отпустил ее. Она радостно обняла Исааку, чувствуя спиной его взгляды, острые как удары ножом.

— Никогда бы не подумала, что это произойдет так быстро, — сказала Исаака.

Навия отпустила ее.

— У тебя природный талант!

— У тебя тоже скоро получится, не переживай. Я уверена, что ты тоже можешь странствовать. Нужно только продолжать тренироваться!

Если бы все было так просто. Навия не знала, как долго она еще выдержит такую нагрузку. Казалось, в ее теле болят миллионы точек от множества упражнений, а в руках и ногах была такая усталость, какую она не испытывала никогда раньше. Лишь инструкции Ферека помогали ей научиться контролировать накопление снов. Хотя Навия и прикидывалась, что ничего не чувствует, тем не менее она уже преодолела первое препятствие.

Она собрала сны, незаметно, во время ночного дежурства, когда Ферек и Исаака спали. Внутри себя Навия уже чувствовала цвета и звуки снов.

Может быть, скоро они поедут дальше. Ввиду постоянных перебранок и интимных взглядов, которыми украдкой перебрасывались Ферек и Исаака, она подумывала продолжить путешествие на юг в одиночку. Навия не хотела признаваться, но их разговоры шепотом и тайные прикосновения, когда они думали, что Навия спит, задевали ее. Во всем, что она делала, она ощущала присутствие собранных ею снов. У нее до такой степени обострился слух, что она могла отчетливо слышать ночные звуки природы, также как и сказанные шепотом признания в любви. Постоянная темнота во время Темных Дней уже не была такой давящей, потому что теперь она лучше, чем когда-либо, воспринимала контуры толстых, покрытых снегом пихт.

— Это было великолепно! — сказал Ферек. — Давайте закончим на сегодня, вы прекрасно поработали.

Навия заметила, как он покосился на нее, а в его словах сквозили слегка издевательские нотки. Как будто она была хуже, только потому, что до сих пор не могла странствовать.

— Если только ты хочешь попробовать еще раз, Навия.

Навия пожала плечами.

— Я не против закончить. Хочу поскакать на Ноле к городским воротам и купить что-нибудь поесть.

То же самое она делала все последние дни. Навия попыталась криво улыбнуться. — В честь праздника?

— С удовольствием, — ответила Исаака и, сняв шапку, отряхнула свою тяжелую косу от снега. — Значит, в этот раз мы разведем огонь.

— Тогда это мы тоже выяснили, — ответил Ферек и притянул Исааку к себе. Как будто она только этого и ждала, Исаака прижалась к нему, уткнувшись носом в ямочку на его шее, которая была спрятана под теплым шарфом. Навия заметила, как он двумя пальцами нежно убрал ей прядь волос за ухо. От увиденного у нее сжалось сердце.

Она поспешила в крытый хлев, где радостно фыркая, ее встретила Нола. Навия сняла перчатку, потрогала теплую морду, и нежно провела по свисающей верхней губе, типичной для Йорака женского пола. Теплое дыхание Нолы просачивалось сквозь ее замерзшие пальцы, и Навия улыбнулась.

— Пойдем, моя маленькая, нам здесь делать нечего.

Навия молча запрягала Нолу, при этом не оборачиваясь назад — она и так знала, что там увидит. Закончив, она зашла в их жилище, забрала из кружки часть сбережений и вышла на улицу. Прямо в тот самый момент, когда Ферек наклонился к Исааке и что-то прошептал ей на ухо. В ответ она засмеялась и посмотрела на него обольстительным взглядом.

Воздух был наэлектризован, Навия чувствовала это всей душой, несмотря на ледяной холод и расстояние в несколько шагов. На площадке воцарилась напряженная тишина. Полный надежды взгляд Исааки, легкая улыбка, играющая в уголках рта Ферека. Навия

увидела, как для этих двоих мир вокруг остановился. Мгновение спустя Ферек наклонился еще ниже к ее подруге, и немного помедлив, их губы соприкоснулись.

Щеки Навии вспыхнули, как у ребенка. Поймав их вдвоем, она поспешно отвернулась. На нее так внезапно нахлынула тоска по близости, что поджав губы, она вернулась к Ноле. На долю секунды она позволила себе подумать о Дане. Несправедливо, что у этих двоих было то, что она и Дан не могли себе позволить, и все лишь потому, что она была потомком Потерянного Народа и должна была хранить эту тайну.

— Ну, малышка, пришло время и тебе сменить обстановку, — пробормотала Навия, уткнулась носом в теплую шею Нолы, дающую ей чувство защищенности и нечто родного, и оседлала ее. Чтобы не мешать Исааке и Фереку, она поскакала вокруг хлева, затем налево, в темноту леса, куда вела небольшая тропинка. В последние дни казалось, она как будто не существовала. Ферек и Исаака были по уши влюблены друг в друга, в их присутствии Навия ощущала, как одиночество словно сдавливает ее в своих объятиях. Ее нос подозрительно зачесался, и появилось жжение в глазах, после чего она почувствовала, как по щеке скатились первые, горячие слезинки.

В течение секунды они замерзали на ее ледяной коже. Чтобы защититься от сильного ветра, она прикрыла шерстяным шарфом рот и нос и надвинула поглубже капюшон теплого пальто. Нола со всех ног несла ее через заколдованный зимний мир, окутанный белой темнотой. Ветер хлестал ее по лицу, вызывая слезы, которые Навия пыталась сдержать, энергично моргая. Может, это были слезы ярости. Ей не хотелось в точности знать, так ли это, иначе пришлось бы признаться в том, как сильно она ревновала Ферека и Исааку.

Я должна отбросить свое недоверие и просто порадоваться за обоих.

Добравшись через некоторое время до символа Вены, четырех массивных сторожевых башен и сменив одиночество леса на оживленную сутолоку людских масс, она приняла решение — дать Фереку настоящий шанс. И пусть даже только для того, чтобы успокоить свою совесть.

Мун, Летнее царство

Канаель резко проснулся, когда на него упала чья-то тень. В целях безопасности он оставил зажженной свечу, пламя которой задрожало от обдавшего ее потока воздуха. Его рука молниеносно залезла под подушку, когда он открыл глаза и увидел над собой Геро, наблюдавшего за ним, наморщив лоб. Вопросительное выражение в его глазах заставило Канаеля остановиться. Одной рукой Геро провел по бороде, по его лицу скользнула тень.

— Знаешь, если бы я хотел тебя убить, то давно бы уже сделал это, — пробормотал он. — И у меня и правда есть дела поважнее, чем враждовать с Гехаллой и быть убитым, только потому, что ты сбежал из дома, и я считаю своим долгом присматривать за тобой.

— Тогда оставь меня в покое. Я не просил тебя о защите. Кроме того, рано утром я поеду дальше.

Канаель выпрямился, сидя на узкой кровати, чей деревянный каркас закрипел, когда матрас прогнулся под ним. Как и всему в этом убогом помещении, кровати тоже не доставало надлежащего ухода. Плохо выложенный деревянный пол скрипел при каждом шаге, кроме этого, он слышал разговоры других гостей, включая постоянный рев двоих детей, живущих с родителями в комнате над ними. По крайней мере, они жили на первом этаже, и другие комнаты вокруг были не заняты. Об этом позаботился Геро.

Он снова издевательски улыбнулся.

— И куда? Что ты собираешься делать?

— Тебя это не касается.

Он безучастно пожал плечами и отвернулся. Взгляд Канаеля упал на черные знаки богов, спускающиеся по его шее.

— Как знаешь.

Надо уходить отсюда.

Геро пересек комнату и остановился возле узкого окна, покрытого пятнами. Пыльные занавески скрывали вид на улицу. Он отодвинул их и выглянул наружу. Бледный свет луны делал цвет его лица более мягким, он вдруг стал бдительным, беспокойно обыскивал улицу глазами, напрягшись всем своим массивным телом.

— Они здесь.

Сердце Канаеля учащенно забилося.

— Что...

— Тихо!

Строгий голос Геро заставил его замолчать. Он вслушивался в ночные звуки.

— Нам нужно уходить! Немедленно!

Канаель поспешно откинул одеяло и встал. Так как воин посоветовал ему спать в одежде, ему нужно было всего лишь надеть сапоги и набросить черный толак, пальто с полями и капюшоном. Геро уже был у двери, когда Канаель наконец натянул сапоги.

Бросив взгляд через плечо, тот сказал:

— Не забудь свой кинжал.

Канаель молча последовал за ним в маленькую спальню, где Геро начал запаковывать

свои пожитки в мешок. Он делал это умело и быстро, внешне оставаясь спокойным. Эта комната была немного больше, в ней даже было нечто похожее на стол, на котором стоял кувшин для воды. Кроме того, большое, достигающее до пола окно пропускало лунный свет.

— Вот. — Геро протянул ему один из своих мечей. — Чтобы...

Он не успел договорить из-за сильного стука в дверь, от которого Канаэль непроизвольно вздрогнул.

Геро резко обернулся.

— Должно быть, нас предали! Они слишком быстро нашли нас!

Через мгновение дверь с глухим хлопанием ударила о стену, и в комнату вошло несколько человек. Канаэль насчитал пятерых, но в двери толкались еще несколько бойцов. Их взгляды как стрелы метались по комнате, затем, не произнеся ни слова, они бросились на него и Геро. Меч Канаеля со звоном столкнулся с мечом противника, чьи остро очерченные черты лица придавали ему сходства с хищной птицей.

Кровь слишком громко шумела в ушах, он тыкал мечом вслепую, ударил своего противника в грудь. Меч проткнул кожу, как будто она была тонкой бумагой, и задел при этом кость. Раздался крик, в котором смешались боль, ярость и испуг, после чего нападавший упал на пол. У Канаеля едва хватило времени вытащить окровавленное лезвие из обездвиженного тела, прежде чем на него бросились еще двое.

Краем глаза Канаэль увидел, как лицо Геро вдруг стало озлобленным, в нем появилось нечто дикое, а рядом с его головой как рой насекомых летало множество маленьких метательных снарядов. Одновременно он крепко держал обеими руками меч и вместе со снарядами пошел в атаку. Они молниеносно разлетелись по комнате и ранили следующего появившегося перед ним противника в бедро.

Злобно рыча, тот упал на пол, и Канаэль воспользовался возможностью и набросился на второго, потому что позади него в маленькую комнату ворвались остальные бойцы. В воздухе появился металлический запах крови.

Несмотря на то, что в его голове царила какая-то странная пустота, он реагировал так, как когда-то научил его Дав. Чтобы не потерять равновесие и лучше оценить атаки противника, важны были осанка и опора. Следующий удар был не таким идеальным, как первый, потому что его высокий противник парировал атаку, придавил его меч вниз и сам размахнулся для удара. Под его черным деремом выделялись натренированные мускулы, увидев которые, Канаэль сглотнул. Костяшки его пальцев побелели, он стиснул зубы от отчаяния. Паникуя, он осознал, что в этот раз их положение было намного хуже. Комната была слишком узкой. Мы в ловушке!

Время шло мучительно долго. На его лубу выступил пот, он успел бросить взгляд на происходящее слева от него, где Геро сражался сразу с двумя бойцами. Затем он снова повернулся к сопернику, чье лицо превратилось в страшную гримасу ярости. Раздался громкий крик, но Канаэль слишком поздно заметил опасность, приблизившуюся с другой стороны. Он успел отбить атаку противника, прежде чем колющая боль в ребрах заставила его пошатнуться. Канаэль испуганно раскрыл глаза, чувствуя, как жар пожирает его тело. Адреналин заставил его пульс биться чаще, он повернул голову направо, где стоял еще один агрессор. С торжествующим блеском в глазах он вытащил меч из тела Канаеля.

— Дрепал, ты идиот! Мы должны взять сына короля живым!

Канаэль увидел, как к нему приблизился крепкий мужчина с черной, заплетенной в косички, бородой. Рана, нанесенная ему бойцом, горела как жидкий огонь, в поле зрения

мельтешил светлый туман, который не позволял ему сконцентрироваться на битве.

Затем все произошло совсем быстро.

Комната начала вращаться, и секунду спустя Канаэль рухнул на деревянный пол, слыша, как в тумане, громкие крики дерущихся.

Пульсирующая боль в боку не давала ему дышать, где-то глубоко внутри Канаэль почувствовал, что его нарисованные крылья тоже пульсировали, так же, как и поглощенный им сон Солнечного Смеха. От ее присутствия в его голове по телу разлилось приятное тепло.

— Держись, Канаэль, — услышал он бормотание Геро, его голос отозвался вибрацией в груди.

Затем его подняли и перекинули через плечо. Он отчаянно сопротивлялся, пока не почувствовал, что проваливается в темноту.

— Успокойся, черт возьми. Иначе мне тебя отсюда не вытащить!

«Я должен защищаться... Я должен... — думал Канаэль, до тех пор, пока у него не потемнело в глазах. Что-то мокрое плюхнулось ему на лоб, и Канаэль подскочил. Рядом с ним на трехногом табурете сидел Геро, держа в руке мокрую тряпку.

— Ты должен попить, — сказал он, едва шевеля губами. Он смотрел на него без всяких эмоций, и только в глазах читалось беспокойство. Канаэль заметил, что оно было настоящим. Он огляделся вокруг, не понимая, где находится. Первое, что бросилось в глаза, была черная балка, простирающаяся поперек крошечной комнатки.

Канаэль устало опустился на подушку и тут же пожалел, что пошевелился. Его пронзила невыносимая боль. Канаэль опустил взгляд и обнаружил, что его тело было перевязано льняными повязками. В том месте, где все еще пульсировала и горела рана, красовалось темно-красное пятно.

— Скоро нужно будет сменить повязку. Но сначала ты должен чего-нибудь выпить.

— Что... — прохрипел Канаэль и замолчал.

— Хозяин гостиницы предал нас, — ответил Геро на незаданный вопрос, затем встал и подошел к узкому деревянному столу с резными орнаментами, выглядящему красиво и дорого.

Он налил себе стакан воды.

— Жалкий ублюдок. Я заплатил ему втрое больше первоначальной цены. Но когда приходит Гехалла, они все боятся. В любом случае нам удалось выбраться оттуда, после того как они ранили тебя.

— Как?

Канаэль увидел, как в глубине глаз Геро, глаз цвета опала, что-то вспыхнуло. Он медленно приблизился, снова сел на табуретку и посмотрел на него.

— Зачем ты приехал в Мун, Канаэль? Что ты надеешься здесь найти?

Он протянул ему стакан, и Канаэль медленно сел, стараясь переместить вес на левую сторону. Однако и это движение отозвалось болью в теле, заставив его вздрогнуть. Пришло время раскрыть карты. Он сделал глоток прохладной воды, протянул Геро свинцовый сосуд и скрестил руки на одеяле.

— Я здесь, чтобы переправиться на остров.

Геро удивленно посмотрел на него.

— На Мий? Это очень опасно. Слишком опасно! Ты никого не найдешь в Муне, кто перевезет тебя туда. Это невозможно.

— Почему это представляет такую проблему? Я хорошо заплачу.

И тут Канаель вспомнил, что монеты, которые он предусмотрительно спрятал в сапоге, уже давно были в руках Геро.

Геро наблюдал за ним, сдвинув брови.

— Если волнуешься за свои деньги, то я спрятал их в шкафу.

Он указал на шкаф, чьи медного цвета ручки были не единственным, что выглядело благородно. Видимо, в этот раз Геро постарался найти жилье подороже.

— Можешь заплатить, сколько хочешь, — продолжил он. — Никто в здравом уме не повезет тебя на остров. Он проклят, каждый, кто приближается к нему, умирает. По крайней мере, люди так говорят. Есть тысячи историй о рыбаках, которые тонули поблизости от побережья, попадали в шторм или исчезали навсегда.

Он печально покачал головой.

— Нет, забудь об этом Канаель. Разве только в Кевейте найдется кто-нибудь, кто переправит тебя туда. Кевейтцы далеко не такие суеверные.

— И что ты предлагаешь?

— Сначала ты должен поправиться. Я сменю тебе повязку, а ты за это соберешь сны.

Геро видимо заметил озадаченное выражение лица Канаеля, и наморщил лоб.

— Ты не знаешь, как применить свою магию, я прав? Я думал, тебе хотя бы показали основы.

Канаель никак не отреагировал. Геро провел двумя пальцами по перегородке носа и глубоко вздохнул.

— Ты носишь в себе в данный момент энергию сна?

— Да.

— Как давно?

— Приблизительно три недели.

Геро пробормотал что-то невнятное.

— Удивительно, что ты ей еще никого не убил. Энергии слишком много для твоего тела, поэтому рано или поздно она будет искать путь наружу.

Он хотел еще что-то добавить, но промолчал, увидев выражение лица Канаеля.

— Как ты добрался до энергии сна? Ты поглотил сон? Полностью поглотил?

Канаель кивнул и отвел взгляд.

— Сон служанки.

— Ты убил ее.

Это была констатация факта, не упрек. В комнате воцарилось молчание, затем Геро тихим голосом продолжил:

— Такое случается с большинством Поглотителей Снов, у которых не было учителя. А учителя есть у немногих. Поглощение сна это своего рода опьянение, которое нельзя закончить, без усиленной тренировки.

Он вздохнул.

— Послушай, важно, чтобы ты сейчас правдиво ответил на мои вопросы, тогда тебе будет легче научиться этому. Итак: Ты уже применял энергию сна?

— Да.

— Как часто?

— Один раз.

— Осознанно или неосознанно?

— Осознанно.

— Ты двигал при этом предметы?

— Да.

— Какого размера был предмет?

— Три локтя. Урца-палка.

Геро одобрительно присвистнул.

— Я не смогу научить тебя всему, потому что обращение с магией сна требует тренировок, длящихся годами. Но того, чему я тебя научу, хватит, чтобы направить энергию сна служанки в нужное русло и выпустить ее из тела. В большинстве случаев, энергия высвобождается, когда ты находишься в безвыходной ситуации, волнуешься или грустишь. В общем, когда ты испытываешь глубокие чувства. Ты спросил меня, как я вытащил тебя из комнаты. Благодаря тебе, Канаэль. Я бы не смог победить их всех одновременно, но когда тебя ранили и ты упал, из твоего тела освободилась частичка энергии сна, заставившая нападавших застыть на месте. Всего на несколько мгновений, но этого оказалось достаточно.

Канаэль с недоверием посмотрел на Геро, в уголках рта которого появилась едва заметная улыбка.

— Чтобы исцелить самого себя, ты должен направить свою вновь обретенную силу на рану. Я покажу тебе, как ее найти и применить. Закрой глаза.

Канаэль послушался.

— Самое главное упражнение, необходимое для высвобождения своих сил — это регулирование дыхания и внутренней гармонии. Во взволнованном состоянии энергию сна трудно контролировать, — продолжил Геро. — Много зависит от того, как быстро ты найдешь внутренний баланс. Сделай осознанный вдох и выдох.

— С закрытыми глазами?

— Разумеется. Ты не должен воспринимать ничего вокруг, никаких новых впечатлений. Прислушайся к биению своего сердца и мысленно досчитай до пяти, прежде чем выдохнуть.

Канаэль последовал его совету, и мир вокруг него постепенно померк. Он забыл, где находится, больше не ощущал мягких простыней, на которых лежал. Ему даже удалось заглушить шум волн в порту и свист ветра. Все что он слышал, было его собственное равномерное дыхание.

— Прислушайся к себе. Пока все еще в темноте. Как только ты найдешь точку полной уравновешенности, ты увидишь перед собой слабый свет и пойдешь к нему.

— Я ничего не вижу, — ответил Канаэль и крепче зажмурил глаза. Он чувствовал руку Геро на своей, жест, который успокоил его.

— Расслабься. Не нужно себя заставлять. Ты просто должен быть в гармонии с собой и окружающим миром.

Какое-то время он пытался делать все, что требовал от него Геро, но когда он так и не увидел света, который бы рассеял темноту, Канаэль стал нетерпеливым.

Он открыл глаза.

— Не получается.

Его голос звучал гораздо раздраженнее, чем бы ему хотелось.

Темные глаза Геро сузились, и он покачал головой.

— Потому что ты не даешь. Попробуй еще раз, посчитай до пяти, прежде чем выдохнуть. Слушай свое дыхание и сердце.

Вздыхнув, Канаэль снова закрыл глаза и расслабился. В этот раз мир вокруг него померк

немного быстрее, звуки стали еще тише. Он вдруг почувствовал себя легким, почти невесомым.

— Хорошо, — услышал он голос Геро. — Дело не в силе, которой ты обладаешь, а в том, что делает из тебя поглотителя снов. Ты не человек. Ты дитя богов, и тем самым часть этого мира, гораздо больше, чем все остальное. Всегда помни об этом, всю свою жизнь.

Досчитав до пяти, он выдохнул и увидел перед своим мысленным взором слабый свет, неприметно горевший в темноте. Он мысленно направился к нему. Чем ближе Канаель подходил, тем больше и ярче становился свет, пока он, наконец, совсем не разогнал темноту.

— Я здесь, — пробормотал он, на выдохе продолжая считать. Его веки отяжелели.

— Что ты видишь?

— Я вижу только свет. Здесь светло и тепло.

— Оглядишься вокруг. Здесь должно находиться что-то, что выделяется на фоне света.

— Где я? — спросил он.

— В той части самого себя, которая делает из тебя поглотителя снов, дар, доставшийся тебе от богов, твоих предков. Там где ты сейчас находишься, расположен центр времени и мира, и одновременно это твоя душа.

Канаелю казалось, что Геро говорит загадками, но у него не осталось возможности спросить его об этом, потому что, оглядевшись, он обнаружил зеленую маску, висящую в воздухе. Он подошел к ней и понял, что это была маска первосвященника.

Геро заметил изменения в его дыхании.

— Что ты теперь видишь?

— Маску первосвященника Кев.

Он услышал, как Геро громко выдохнул.

— Ты уверен?

— Да.

Тем временем он уже приблизился к маске и мысленно протянул руку, чтобы дотронуться до нее.

— Тебе нельзя к ней прикасаться.

Канаель тут же опустил руку. Свет замигал, и он почувствовал, как его пульс ускорился.

— Почему нет?

— Это твоя связь с богами... если ты дотронешься до маски, то прервешь ее, — напряженно ответил Геро. — Посмотри, что еще есть вокруг. Поищи сонный туман, который привел тебя в сон служанки. Какого цвета он был тогда?

— Я не знаю, — пробормотал Канаель. При всем желании он больше не мог вспомнить. С трудом оторвав взгляд от маски, он вновь огляделся и увидел вдалеке легкую туманную дымку. Зеленые клубы тумана кружились на свету, он почувствовал, что каким-то странным образом связан с ними. Затем Канаель увидел другой туман, который танцевал на месте гораздо быстрее и нетерпеливее.

— Это энергия Солнечного Смеха? — спросил он и пошел навстречу. От тумана исходило интенсивное свечение, усиливающееся по мере того, как он подходил ближе. Ему показалось, что там было лицо Солнечного Смеха. Розовое. Розовая пелена. Грусть и угрызения совести охватили его, но Солнечный Смех улыбалась.

Казалось, она ни в чем его не винит.

— Туман? Да, это частичка ее души, которую ты поглотил из ее сна. Что ты видишь?

— Лицо служанки, прямо среди тумана.

Геро хмыкнул.

— Необычно. Как правило, люди отпускают свою душу.

Вокруг призрачного, колышущегося тумана вибрировал воздух. Как тогда в спальне, вокруг него танцевали блестящие частички. Канаель был растроган, увидев их.

— Хорошо, можешь возвращаться. Представь себе темноту, после чего открой глаза.

В этот раз Канаель без труда выполнил указание Геро. Мгновение спустя он сощурился от солнечного света, пробивающегося в комнату. Шум моря и голоса из комнаты под ними показались ему неестественно громкими, да и цвета в спальне вдруг тоже стали насыщеннее.

Каждая деталь обрела четкие контуры, он заметил, что на шкафу были царапины, как будто кто-то пытался его взломать, увидел, что занавески были неправильно повешены на петли. Его обоняние тоже улучшилось. В одном из соседних домов жарили рыбу, кто-то опустошил содержимое ночного горшка перед окном, а запах моря был повсюду, в воздухе, в кирпичках домов и даже на коже людей.

— Что со мной происходит? — спросил он, озадаченно посмотрев на Геро. — Почему у меня обострены чувства?

— Ты был в центре своего Я, в той точке, которая самым тесным образом связана с богами. Вследствие этого ты получил доступ к способностям, которыми не владеет ни один человек. Мы знаем, как лучше обращаться с чувствами. По этой причине, многие из Потерянного Народа работают ассасинами. То есть... работали. Сейчас лучше вообще залечь на дно.

— Ты тоже?

Геро отвел взгляд и провел рукой по бороде.

— Нет, но я делал другие вещи, которыми не горжусь.

Сказав это, он дал понять, что хочет оставить все, как есть. Его лицо снова стало непроницаемым, к чему Канаель уже привык.

— Как я могу применить свою силу?

Канаель резко сменил тему.

— Теперь ты знаешь, как выглядит магия сна у тебя внутри. Важно, чтобы у тебя в памяти была эта картинка, чтобы ты мог направить ее на определенную точку в твоём окружении.

— Это все?

— В общем-то да. Но ты должен быть осторожен, твое тело не должно покидать ничего, кроме поглощенной энергии сна. Все остальное может привести к твоей смерти, — сказал Геро. — Визуализация поможет тебе определить, сколько энергии человека ты носишь в себе. Чем больше ты будешь тренироваться, и поглощать сны, тем быстрее ты почувствуешь, где чужая магия, а где твоя. Ты сейчас не замечаешь, но мысленное упражнение очень ослабило тебя. Поэтому ты сможешь выпустить энергию сна только сегодня вечером. Я рассказал тебе все, чтобы ты мог исцелить себя сам. Как это происходит в деталях, я еще покажу тебе. Так, а теперь слегка наклонись вперед.

Канаель действительно чувствовал себя так, как будто длительное время тренировался с Давом на полуденной жаре. Ко всему это добавлялась еще и боль от раны.

Он медленно выпрямился, чтобы Геро сделал ему перевязку.

Осторожно сняв повязку, он вздохнул. Канаель старался не подавать виду, насколько ему было больно при разматывании пропитанного кровью куска льняной ткани.

— Я не знаю, что происходит в четырех царствах, но что-то угрожает миру. В воздухе

чувствуется опасность, которая заставляет не только насекомых вылезать со всех щелей. Слухи о нападениях на деревни по всему миру усиливаются. Гехалла ведет себя странно. Обычно они действуют обдуманнее и тайком. Конечно, им нужны деньги, но похищать члена королевской семьи посреди улицы... Только боги знают, что на них нашло. А теперь сиди смиренно, чтобы я мог снова забинтовать тебя!

Канаеля разбудило плохое предчувствие. Это была шестая ночь, которую они с Геро провели вместе в небольшой гостинице неподалеку от порта, хотя Геро и спал на другой стороне стены. Это была уже третья гостиница, в которой они жили, потому что Геро решил каждые две ночи менять место ночевки. Вчера была такая ясная погода, что на горизонте можно было даже различить Мий. Однако, как и предупреждал Геро, им не удалось найти ни одного рыбака, готового перевезти его на остров. Канаель осторожно потрогал почти зажившую рану на боку и опустил на кровать.

Мне бы так не хотелось топтаться на одном месте...

Вздохнув, он подтянул повыше тонкую простынку и замер. Шторы на маленьком, прямоугольном окне были задернуты, тем не менее, он чувствовал благодаря своим новым, обостренным ощущениям, что в комнате кто-то был. Он слышал частое, нервное дыхание, тихое шуршание одежды. Канаель в панике отбросил одеяло, схватил кинжал, лежавший под подушкой, перелез на край кровати и встал, чтобы в случае необходимости вытащить из сапога второе оружие.

С той ночи, когда Гехалла два раза пыталась похитить его, он всегда спал полностью одетым. Досчитав про себя до трех, он почувствовал, что его дыхание и сердцебиение замедлилось. Затем он погрузился в себя, перед его мысленным взором появился свет и розовый туман Солнечного Смеха, обрывками парящий среди зеленой пелены. Сконцентрировавшись, Канаель вытащил кусочек тумана и наложил его на второй кинжал, после чего тот бесшумно взмыл в воздух. Другое оружие он крепко держал в руках. Теперь он разглядел рядом с закрытой дверью изящную тень.

Сделав два шага вперед, он поднял руку и надавил острием кинжала на то место, где как он предполагал, находится ямочка между шеей и плечом незваного посетителя.

Хотя он не издавал ни звука, Канаель чувствовал даже через толстую ткань накидки, скрывающей лицо, что незнакомец дрожал.

— Кто ты? — прошипел он.

Он не верил, что его нашли сторонники Гехаллы. Они бы, наверное, просто забрали его с собой. Да и по росту личность была больше похожа на женщину. Женщина?

— Ты кто? — повторил он, нерешительно опустив кинжал.

Его визави отбросил накидку. Ее острый подбородок был задран, темные глаза внимательно смотрели на него. Сердце Канаеля на мгновение замерло, затем начало биться вдвое быстрее.

Ее волосы стали короче, и больше не были такими блестящими, какими они остались в его памяти. Но на ее лице была все та же дерзкая решительность, которую она заметил во время их первой встречи. Неужели это было всего несколько месяцев назад? Она вопросительно смотрела на него, как будто была не менее удивлена.

— Песня Небес? — тихо спросил он.

Вблизи от Вены, Зимнее царство

Навия обуздала Нолу, и прислушалась к тишине леса. Нет, она не ошиблась.

Голоса мужчин. При этом она находилась совсем не далеко от хижины. Она ещё раз прислушалась. Несколько мужских голосов.

Осторожно она спрыгнула, снег скрипел под обувью. Она свободно привязала Нолу к дереву, следя за тем, чтобы не производить никакого шума. Здесь было что-то не так. Кожаный мешок с покупками она подвесила на вилку седла, собрала растрёпанные ветром волосы и подкралась ближе к поляне, пытаясь понять отрывки слов.

— Это... мы действуем, как...

Незнакомый, мужской голос, пронзительный и очень глубокий. Плохой тальвенский мужчины заставил её остановиться. Кто это? Недолго царила молчание, потом прозвучал другой голос. Голос, который она в последние недели слышала каждый день.

— ... так не договаривались...

Он звучал страдальчески, почти что отчаянно. Навия испуганно распахнула глаза. Их нашли! Решительно она прошла несколько шагов вперёд, отодвинула в сторону пару массивных веток, царапаясь о колючий кустарник, в то время как пыталась бросить взгляд на то, что происходит. Ещё чуть-чуть... Ещё совсем чуток... Беззвучно она убрала ещё несколько веток с дороги и взглянула на очищенное пространство, на котором они тренировались ещё несколько часов назад.

Она увидела Ферека, стоявшего на коленях в свете двух больших факелов рядом с прогнившей, деревянной лестницей, которая вела на небольшую веранду хижины и безудержно рыдал. Её взгляд метнулся дальше.

Двое мужчин в длинных, голубых пальто стояли рядом с ним, и смотрели на него вниз без какого-либо сочувствия. Их кожа была загорелой, волосы такие тёмные, что их нельзя было отличить от ночного неба. Они были огромного роста, стройные и высокие, а через резко изогнутый нос того, что слева, проходил свежий шрам. Только теперь Навия заметила женщину, тальвенку, стоящую рядом с ними.

Она была намного меньше них, весь её внешний вид более грациозный и похож на стан девушки, только черты лица говорили о её настоящем возрасте, который, по меньшей мере, составлял 25 лет. Она заплела свои светлые волосы в высокую косу. Таким способом, как обычно носят тальвенские воительницы. В её дорогих меховых одеждах и широких, кожаных сапогах Навия узнала ремесло из Тамику, города, лежащего возле южно-восточного моря на границе с Сыски.

Что делает тальвенка с этим чужеземными мужчинами?

— Где другая? — спросила она теперь пронзительным голосом.

Ферек съёжился, как побитое животное.

— Ты должен был позаботиться о том, чтобы они обе находились здесь!

— Я... она в городе, в любой момент вернётся назад. Вам следует спрятаться, чтобы...

— Заткнись! — оборвала она его разгневанно. — Ты знал, что мы придём! Почему тогда отпустил её? — Двумя широкими шагами она добралась до Ферики и дала пощёчину.

Сердце Навии бешено забилося, она почти забыла, что нужно дышать.

— Глупый баршка! — Потом тальвенка повернулась к двум мужчинам, неподвижно стоящим рядом с ними. — Найдите её! Мне нужно возвращаться, меня уже ждут.

— Как пожелаете, Лорина, — ответил один из них с такой холодной улыбкой, что по спине Навии прошла такая же холодная дрожь. Потом она увидела, как тело этой Лорины начало святиться изнутри, свет, распространяющийся по её бледной коже и полностью её охватывающий.

Снег отражал её внутренний свет, и Навия заморгала. Когда она снова взглянула туда, молодая женщина исчезла. Страница, пронеслось у неё в голове.

Жуткая тишина опустилась на место, и Навия попыталась отыскать взглядом Исааку. Она покосилась на хижину, сощурилась, посмотрела в сторону сарая и задохнулась. В следующее мгновение её мир остановился. Из лёгких вырвался воздух, казалось, будто ей в живот ударили кулаком. Крик, поднимающийся из глубины, застрял в горле.

У Навии образовались рвотные спазмы, и она отшатнулась назад. В ней поднялись недоумение, отвращение и замешательство, и она закачалась. Нужно убираться! Подальше отсюда!

Ноги почти больше не слушались её, она, спотыкаясь, пятилась назад по снегу, поскользнулась и упала. Её разум пытался понять то, что тело уже давно осознало. Руки так сильно дрожали, что ей пришлось ухватиться за покрытое льдом дерево, чтобы подняться.

Потом её вырвало в снег. Слезы смешались со слюнями, и Навия заморгала. Кровь шумела в ушах, и она думала, что очень ясно слышит вибрацию, пульсацию всех собранных снов внутри себя.

Беспомощность и гнев накрыли её словно волной. Нет. Она, должно быть, ошиблась.

Наверняка она ошиблась, спровоцировала галлюцинации. Или просто не рассмотрела. Ее глаза были все еще ослеплены ярким светом, это было единственным объяснением. Это было абсолютно невозможно.

Я должна удостовериться.

Она медленно встала, вытерла рукавом рот, и с огромным трудом пошла вперед, возвращаясь туда, где хорошо просматривалась то место. Благодаря тому, что магия сна привела к обострению все ее чувства, она видела каждую деталь.

На мгновение все вокруг пошатнулось, и Навия зажмурилась. Она вслепую пробиралась вперед, до тех пор, пока не увидела поляну. Помедлив и затаив дыхание, она открыла глаза и уставилась на хижину. Исаака лежала на спине посреди очищенной поляны, прямо перед сараем. Взгляд Навии метнулся к ее длинным, распущенным белокурым волосам, которые образовывали вокруг ее головы белый, украшенный темно-синими жемчужинами ореол.

Навия растерявшись, смотрела на ее длинную юбку и шарф цвета кобальта, вещи которые были ей невероятно знакомы. При этом она вспомнила, как Исаака гордилась тем, что они достались ей от матери. Взгляд Навии упал на лужу крови, как дорогой ковер растекшуюся вокруг нежного лица Исааки. Она не ошиблась.

Исаака мертва.

— Нет! — прошептала Навия и покачала головой. Один раз. Затем еще раз. — Нет!

Все ее тело, включая знак богов, горело, когда она бросилась через площадь к подруге. Краем глаза она увидела удивленные лица темноволосых мужчин, идеально выкованные лезвия в их огромных лапах и не испытывала ничего, кроме равнодушия. Ее сердце замерло, когда она заметила, что один из мечей был испачкан кровью.

Она отвела взгляд, решительно направив его на бездвиженное тело подруги.

Только не Исаака...

Навия не обращала внимание на Ферека, который, едва держась на ногах, стоял рядом с лестницей. Она бежала так быстро, что биение ее сердца отзывалось в ушах барабанной дробью. В ней бушевали сны, как будто споря между собой, кто быстрее вырвется наружу. Она ощутила металлический привкус крови, снова вызвавший у нее тошноту. Тем не менее, она не останавливалась. Нет, нет, нет, Исаака не могла умереть!

Добежав до безжизненного тела подруги, Навия, задыхаясь, упала рядом с ней на колени и схватила ледяную руку, неподвижно лежавшую в снегу.

— Нет... — бормотала она, не в силах отвести взгляд. Запах крови становился все сильнее. Он совсем затуманил ей голову, лишая возможности ясно мыслить.

— Теперь еще и ты...

Она осторожно погладила ее светлые волосы, которые так часто расчесывала и заплетала. Они были по-прежнему мягкими. Затем рука Навии скользнула по еще теплой щеке подруги. Ее взгляд упал на зияющую рану на груди Исааки, однако Навия была слишком шокирована, чтобы понять, что она увидела. Исаака больше не шевелилась. Она ушла. Навсегда.

— Она... умерла.

Навия снова и снова повторяла эти слова, как будто от этого они станут менее окончательными.

— Ради богов... мы... ее нужно сжечь... Она должна найти путь к богам... — бормотала она, механически глядя мягкие волосы. На лице Исааки было удовлетворение, вперемешку с удивлением. Горячие слезы Навии капали на шарф мертвой подруги. Никогда больше она не сможет подкалывать Исааку. Никогда больше она не будет засыпать рядом с ней. А Бреа? Кто теперь отомстит за сестру Исааки? Кто найдет в себе силы сделать это?

Позади Навии кто-то сдавленно усмехнулся, отчего у нее мурашки пробежали по телу.

— Это та, которая не умеет странствовать, не так ли?

Навия резко обернулась и с отвращением посмотрела на искаженное болью лицо Ферека, от которого осталась одна тень. Он отвернулся, отчего в Навии вспыхнул гнев. Двое других мужчин безучастно смотрели то на нее, то на Ферека, не произнесшего ни слова.

— Что ты наделал? — закричала она, встав на ноги. В ней кипела энергия, сила собранных ею снов смешивалась с одурманивающим ощущением пустоты, которое вызвал в ней вид Исааки.

— Я... я не хотел... — начал Ферек. Его глаза покраснели, как будто он плакал. — Я не знал, что они придут так рано, я думал у нас... больше времени... Я хотел вам сказать... Но не знал, как!

— О чем ты говоришь?

— О том, что он заключил с нами сделку. Найти каждого потомка Потерянного народа, носящего в себе магию богов. И он проделал очень хорошую работу.

— Вена — один из первых городов, в котором мы смогли найти всех меченых, — на ломаном тальвенском вместо Ферека ответил тот, что поменьше. Навия не могла понять, с каким акцентом он говорил. Возможно, он все же не был родом из Сыски.

— И убить, — добавил его приятель, грязно улыбнувшись.

Навия в ярости скрежетала зубами. Сны бурлили в ней, как один из бесчисленных горячих источников, которые находились в Тальвене. Она не ошиблась. Все это время она

знала, и не раз предупреждала подругу. Ферек был предателем, и Исаака поплатилась жизнью за любовь к нему.

— Это правда? Ты предал меченных? Зачем? Чтобы получить немного денег? — Навия всё ещё не могла в это поверить.

— Я... Исаака... я этого не хотел. Ты должна мне поверить, Навия! — умолял Ферек надломленным голосом. Ничего не осталось от молодого мужчины с уверенной улыбкой и сияющими глазами. Он представлял собой теперь только убогое зрелище, но Навия не испытывала к нему сострадания.

— Почему? — спросила она холодно.

Пристыженно Ферек отвёл взгляд. Она сделала в его сторону несколько шагов, пока не встала прямо перед ним.

Присутствие обоих убийц она пыталась не замечать. Ей нужно узнать правду.

Что с ней потом случится, ей было всё равно. Она хотела знать, по какой причине умерла её подруга.

Краем глаза она видела, как незнакомцы обменялись взглядами, но позволили ей действовать. Возможно, потому что знали, что у неё всё равно нет шансов против них. Не колеблясь, она схватила Ферику за плечи и начала трясти.

— Почему? Почему ты это сделал? Она же тебе нравилась! Я видела это собственными глазами! Невозможно, чтобы ты просто притворился!

Он резко повернул голову к ней. Смотрел на неё беспокойным взглядом. Он казался безумным, не в своём уме.

Навия отпустила его, как будто обожглась, и немного отошла.

— Что они тебе пообещали?

Он сглотнул, его кадык подскочил вверх.

— Осколок от сна, если я хорошо выполню мою работу. Я... я не могу использовать магию сна, а осколки так заряжены магией, что любой может ими воспользоваться.

Осколок сна.

— Ты пожертвовал Исаакой ради того, чтобы получить немного магии? Ради пустого обещания! — дрожа, закричала Навия. По её телу распространилось покалывание, накрывая её тёплыми волнами. Сны. — Они не могут дать тебе осколок сна, пока Ткачиха Снов ещё спит. Как ты мог быть таким глупым? — Она качала головой, не в состоянии понять.

— Это уже началось...

— Что?

— Борьба за четыре царства...

— Ради богов, о чём ты говоришь?

Ферек опустил голову и тихо сказал:

— Всё началось в Сыски... Осеннее царство сдастся первым...

— Заткнись! — перебил его один из мужчин.

Но Ферику продолжил сердито говорить, следующие слова посыпались из него всё быстрее и быстрее:

— Он... Он... приказал убить всех Странников, которые не находятся под его командованием, потому что они смогут чувствовать, где находятся осколки, если Ткачиха Снов проснётся, и её сон распадётся... Он хочет их для себя... только для себя, чтобы стать достаточно могущественным, они...

Размашистыми шагами черноволосый подошёл ближе и так сильно ударил Ферека, что

Навия услышала треск его челюсти.

— Ты слишком много говоришь! И откуда ты вообще об этом знаешь? Во всяком случае, не от нас.

— Мерлок предполагал это.

Мужчина рассмеялся, его глаза сверкали от кровожадности.

— Этот старый дурак! Не удивительно, что ему пришлось умереть первому. — Он уставился на Навию своими чёрными, похожими на птичьи, глазами. — Ты Навия О'Бай, дочь Ариана О'Бай?

Её сердце начало биться быстрее. Откуда они знают её имя? Это убийцы её отца? Когда он улыбнулся, улыбка не тронула его глаз. Холодно и бесстрастно, он смотрел на неё. В его взгляде она прочитала собственную смерть. Тяжело дыша, Навия попятилась назад, мужчина последовал за ней и в тоже время поднял свой меч.

— Тебе не нужно убегать, это бесполезно.

О, Исаака, мне так жаль... Я должна бросить тебя здесь...

Слёзы бежали по её щекам. Навия выдохнула, развернулась и побежала. Позади неё оба мужчины смеялись. В ней поднялась паника и смешалась с дико дёргающимися снами.

— Ты можешь поймать её.

— С удовольствием, — прозвучал ворчливый ответ.

Тем временем Навия добралась до края леса. Прутья и ветки хлестали ей по лицу и телу, но всё-таки она слышала всё, что происходило внутри неё, хваталась за все мысли и чувства, которые ей не принадлежали.

Перед собой она увидела яркий шар из света, такой призрачный, что она подумала, что ошиблась.

Вдруг откуда ни возьмись, рядом с ней появился один из мужчин, тот, что повыше. Навия бежала зигзагом, хватаясь за тонкие стволы деревьев и постоянно меняя направление.

— Беги зайчик, мы все равно тебя поймаем!

Бросив взгляд через плечо, она увидела, что он медленно пробирался сквозь густые ветви, держа в руках меч, на котором еще осталась кровь Исааки. Навия бросилась еще глубже в кусты и маленькие кустарники. Это единственное преимущество, которое у нее есть.

Вдалеке раздалось фыркание, затем рев. Сердце Навии переполняла боль и любовь, когда она поняла, что оставила Нолу у дерева. Эти люди не могли знать, что она вобрала в себя энергию снов, скрывая это от Ферека. Она должна сделать это. У нее всего один шанс.

Ты должна отпустить свои страхи и мечты и взять только то, что получила от других. Затем ты мысленно представишь то место, в котором хотела бы оказаться.

Но будь осторожна, никогда не используй свои собственные сны, чувства или мысли. Ты можешь умереть.

Навия почувствовала поток воздуха позади, услышала тяжелое дыхание своего преследователя и поняла, что расстояние между ними неудержимо сокращается. Если он ее поймает, то ей не жить.

У нее был только один шанс. Сейчас.

Летнее царство... Перенесите меня туда... Унесите меня отсюда!

Ее накрыло пульсирующей жарой, она услышала удивленный возглас. Навия вскрикнула, когда ее ослепил яркий свет и все сны, которые она вобрала в последние дни, заструились сквозь ее душу. Крылья за спиной горели огнем, она услышала свой

собственный оглушительный крик, затем все стало тихо, и ее окутала полная темнота.

Навия потерялась во времени и пространстве, оставила позади все, что имело хоть какое-то значение в ее жизни.

Часть II

«Люди охотились на зверя. Они охотились на все, что отличалось от них. [...]

Меченные, тяжело ударяя крыльями, поднялись в небо и закрыли своими чёрными крыльями солнце. Пусть настанет ночь, сказал их вождь, и бросился на людей, которые пытались защититься камнями».

Выдержка: фрагменты из сыскийских исторический исследований, (страница 221, абзац 1)

Гуль, Осеннее царство

Всё, к чему он прикасался, умирало.

Ашкин А'Шель знал о своей репутации, привык, что ему вслед всегда раздаётся шёпот людей, тихое перешёптывание, сопровождающее каждый его шаг. Он предпочитал, чтобы его не видели. Его и не увидят, пока он этого не захочет.

Солнце только что встало, и мягкие лучи погрузили стоящие отдельно рыболовецкие хижины в золотистый цвет. Запах детства сопровождал его. Ашкин глубоко вдохнул, когда проходил мимо первых домов. Здесь, в маленькой деревни Гуль, расположенной в двух днях езды от столицы Сыски, нет никакого перешёптывания, никаких взглядов украдкой. Уже как двадцать лет он не ступал на заросшую мхом землю, не наслаждался взглядом на болотную местность, начинающуюся за деревней. Пахло землёй, рыбой и углём.

Он увидел нескольких женщин, стирающих одежду на берегу реки и оживлённо разговаривающих.

Немного выше, верх по течению, сидели мужчины на шатких деревянных стульях, курили трубки и ловили рыбу. Это зрелище что-то в нём взбудоражило, улыбка заиграла в уголках его губ.

Молча он пошёл дальше к большому дому в конце единственной главной улице, ведущей через весь Гуль. В отличие от других хижин, свободно стоящее здание было построено из камня, а по бокам находились две башни, присоединенные к западному и восточному крыльям. Вид развивающегося, семейного герба вызвал в нём волну воспоминаний. Резиденция семьи А'Шель. Его дом. После столько прошедших лет. С каждым шагом он, казалось, замедлял шаги, пока, в конце концов, не остановился. Что он тут вообще делал? Почему вернулся домой?

— Ашкин?

Он повернулся навстречу голосу. Рядом с воротами стояла дряхлая женщина, чьи седые волосы были искусно заколоты вверх, и смотрела на него блестящими, светло-зелёными глазами. Её увядшие черты лица осветились радостью. Ашкин разглядывал лицо старушки, его взгляд опустился ниже, к свободно спадающему, золотисто-коричневому платью, перевязанному изношенным, кожаным поясом. Она казалась ему знакомой.

Нерешительно она протянула руку, и Ашкин заставил себя не отступить, когда её рука прикоснулась к его руке.

— Это действительно ты. Я никогда не забуду твоё угрюмое выражение лица. Оно было у тебя, даже когда ты был ещё маленьким мальчиком. Шеа Нара, добро пожаловать домой, — поприветствовала она его, и он узнал в ней Миреллу, которая много лет назад работала в доме его отца. Воспоминания промелькнули в голове, все связанные с тёплыми чувствами.

Впервые за много лет, кто-то встречал его не со страхом, а с радостью.

— Хорошо, что ты навестил нас, Ашкин. Твоя мать сегодня в Дранне, с визитом к подруге, я только что хотела проверить, всё ли в порядке. Знаешь, она была опечалена тем, что отдала обоих своих детей стране. Она очень страдала из-за вашего отсутствия.

Ашкину казалось, что он перенёлся в другое время, и он расправил плечи.

— Мы ушли много лет назад. Это был наш долг.

— Сердце матери не перестаёт обливаться кровью только потому, что проходит время.

Конечно, она знала, за кого выходит замуж. Дом Штурмового ветра породил много храбрых воинов и воительниц. Ты хорошо заботился о благополучии нашей покойной правительницы.

— Ты знаешь об этом?

— В Сыски истории распространяются быстрее, чем в остальных трёх царствах. Так было всегда. Я знаю, что ты можешь позаботиться о себе. Кроме того, многие в деревне интересуются тем, как дела у тебя и твоего брата. — Почему она ему улыбается? — Как дела у Саро? У тебя есть о нём новости?

— Нет, нету. — Большого она не узнает.

— Но он последовал за тобой в Крон, не так ли?

— Саро мог бы остаться и основать семью. Вместо этого он захотел увидеть мир и сделать карьеру в столице. — Горечь вибрировала в его голосе, и Ашкин замолчал. Ещё когда он был маленьким мальчиком, Мирелле могла выведать у него все его мысли. Чёрт.

Мирелле осведомленно улыбнулась.

— Это выражение мне знакомо. Наверное, я единственная, кто может его истолковать. Не печалься, Ашкин. Твой младший брат должен был найти своё место в жизни, ему, скорее всего, было нелегко с тобой, ты ведь живая легенда.

— Живая легенда. — Он фыркнул. — Я только выполнил свой долг.

Ему надоело, что люди имели о нём такое представление. Может быть, Саро не стал бы вором, если бы не находился в тени своего знаменитого брата.

— О твоих делах слух разошёлся везде. Особенно, когда борьба за трон пятнадцать лет назад внезапно закончилась, и тебя отпустили из армии полководцем. Ты укрепил за Мерлой трон, и многие люди это знают. Без тебя сейчас правила бы другая семья. И кто знает, какие бы последствия это имело для нашей страны.

— Полагаю, не особо большие.

— Ты ошибаешься, Ашкин.

Она сделала паузу, подняв глаза к небу.

— Твой путь не без оснований был предначертан богами. Я уверена, что твое путешествие ещё не закончено. Тебя отпустили, потому что Ария сменила свою мать на престоле?

Он кивнул. Действительно, исчезнуть из столицы и не привлечь всеобщего внимания, ему удалось в дни после празднования коронации, когда после шумного праздника город снова погрузился в будни. В одном Мирелле все-таки ошибалась: он не состоял в лейб-гвардии у Мерлы. Он был ее ассасином.

— Почему ты приехал? Твое сердце принадлежит осеннему царству, ты отдался своему долгу. Я думала, что уже никогда не встречу тебя.

Ашкин расправил плечи.

— Хочу выполнить последнее желание отца.

Мирелле испуганно поднесла два пальца к губам, молча произнесла молитву.

— Тебе нельзя!

— Я должен, — настаивал он, немного помедлил, затем положил руку на худое плечо старой женщины. — Спасибо за все, что ты сделала, Мирелле. В трудные времена твои мудрые слова всегда сопровождали меня. Я ценю твою доброту.

В глазах старухи заблестели слезы.

— Да защитит тебя Сус, Ашкин. Я знаю, что ты можешь позаботиться о себе. Ты всю жизнь это делал.

— Ашкин А`Шель?

Мужской голос, донесшийся до него сзади, был тонким и высоким. Он обернулся и увидел тщедушного мальчика лет двенадцати. Он был одет в рабочую одежду рыбака, а его темно-рыжие волосы заплетены по бокам. Ашкин не знал этого мальчика.

— Кто ты такой?

С распахнутыми от ужаса глазами помощник рыбака подошел ближе, его покрытое веснушками лицо побледнело.

— К Вам прилетела птица! К ее ноге был привязан герб Вашей семьи, а так как, кроме Вас, здесь никого нет... Я подумал, что птица предназначалась Вам...

— Что за птица?

Мальчик указал вдаль, и взгляд Ашкина последовал за его указательным пальцем. На крыше одной из стоящих на берегу реки хижин сидела хищная птица с серым оперением. Бдительные, желтые глаза смотрели в его сторону, а с ее когтей свисал шнур с привязанным к нему серебряным сосудом.

Ашкин почувствовал, как по телу пробежал холодок, и он мгновенно успокоился. Это была не обычная птица.

— Это...?

— Дреель, да.

Мальчик вытаращил глаза.

— Вестник лейб-гвардии повелительницы Осеннего царства!

Ничего не ответив, Ашкин поднял руку, и птица, размахивая огромными крыльями, молниеносно подлетела к ним. Приземлившись на руке Ашкина, она впиалась когтями в его кожу, однако Ашкин не проронил ни звука, а вместо этого развязал шнур с посланием. Сообщение состояло всего из одного предложения, но этого хватило, чтобы взволновать Ашкина.

Если то, что было написано на бумаге, правда, то все измениться. Хотя в последние недели его не покидало ощущение, что в воздухе есть какая-то напряженность, он все-таки поехал в Гуль. Ощущения его не подвели. Мир пошатнулся, это значит — с желанием отца придется подождать. Есть дела поважнее.

Он в последний раз посмотрел на пустующее здание. Затем вновь поднял руку в воздух. Дреель понял, что от него требовалось, крича, взмыл в небо, и улетел в сторону северо-востока. В сторону столицы.

— Что написано в послании?

Веснушчатый задрал нос, пытаясь хоть одним глазком посмотреть на содержимое записки.

Ашкин скомкал бумагу и посмотрел на мальчика проницательным взглядом. Тот вздрогнул и сделал шаг назад.

— Скажи людям в деревне, чтобы готовились.

— К чему?

Мирелле подошла к нему, прижав руку к груди.

— Что произошло?

Уже отвернувшийся от них Ашкин, снова повернул голову и посмотрел сначала на

мальчика, затем на Мирелле, которая недоуменно смотрела на него.

— Снова грядет война, — сказал он.

Потому что Ария Ар`Лен, правительница Осеннего царства, убита.

Мун, Летнее царство

Канаель беспокойно ходил взад-вперед по комнате. Свет от огня, который он развел в жаровне, опасно плясал. Краем глаза он видел, что Песня Небес смотрит на него с растерянным видом. Казалось, она разочарована их встречей, как будто ожидала от него чего-то большего. Но с момента появления в комнате, она не произнесла ни слова.

— Тебя кто-нибудь видел? Кто-нибудь за тобой следовал? — Мысли Канаеля сменяли одну другую. В этот раз они тщательно выбирали своё пристанище. Если Песня Небес нашла его, тогда это сможет сделать и Гехалла. А сможет ли он сбежать от них в третий раз, на это Канаель не хотел полагаться. Энергично он прошёл мимо Песни Небес, осторожно открыл дверь и заглянул в тёмный коридор. Геро спал в маленькой каморке рядом, этажом выше находились ещё четыре других гостя, но всё было тихо. Поэтому он снова повернулся к Песне Небес.

— Как ты меня нашла? — спросил он, тихо закрыв за собой дверь. Огонь волшебным образом перенес тени и свет на ее бледное лицо. — И почему ты вообще меня искала?

Она стояла перед ним прямо, гордая и упрямая. Теперь у него в первый раз была возможность рассмотреть более внимательно её внешний вид. Она похудела, последние недели, должно быть, не прошли мимо неё бесследно, но в её тёмных глазах полыхал боевой дух, который он ещё никогда не видел. Его взгляд упал на подол бесцветного, короткого платья, которое было слишком маленьким для стройной, а также долговязой фигуры Песни Небес. Несмотря на резко выступающие скулы, и хотя она выглядела измотанной, она ему нравилась. Другая, чем в его воспоминаниях, и всё-таки та же.

Песня Небес ничего не ответила, вместо этого указала на горло. Он заметил, что в ее глазах появилась грусть, а тонкие пальцы дрожали.

— Что случилось?

Она открыла рот, но из горла не вырвалось ни звука, а в глазах промелькнуло измученное выражение. Он увидел в них также гнев и разочарование.

— Что произошло?

Она молча покачала головой, еще раз показывая на горло.

«Ее наказали» — пронеслось в голове у Канаеля. «Она снова пела, но в этот раз ей не удалось избежать наказания».

Его охватил ужас, но в данный момент это было единственное объяснение, почему Песня Небес потеряла дар речи.

Он рассерженно нахмурил брови.

— Ты пела, не так ли? И они поймали тебя!

Она не ответила, но он прочитал в её взгляде, что его предположение верно.

Однако в нём было кое-что ещё. Что-то, что он не мог идентифицировать.

— Пойдём, — сказал он резко и отвернулся. Её присутствие мешало ему ясно думать. Он не знал, что правильно, а что нет, что она здесь потеряла или почему появилась. — Нам нужно поговорить с Геро. Он единственный, кто знает, что нужно делать. — По крайней мере, так было до сих пор.

Одной рукой Канаель открыл дверь, вышел в коридор и дал знак Песне Небес следовать за ним, что она охотно и сделала. Затем он постучал в выполненную из черного дерева, дверь комнаты своего нового спутника.

— Заходи, я не сплю, — раздался глухой голос из-за закрытой двери.

Канаель принял приглашение, выпрямив плечи, потому что ни при каких обстоятельствах не хотел показывать свою неуверенность.

В отличие от его комнаты, эта комната была намного меньше, здесь также не было занавесок. В узкую каморку лунный свет проникал через застеклённое, круглое окно. Меблировка состояла из крошечного, деревянного стола, стеклянного графина с водой, устаревшего стула, который казался совсем шатким, а также вделанного в стену шкафа с красивыми украшениями. Как будто сейчас была не ночь, Геро сидел одетый на краю кровати и надевал сапоги, в то время как его оружие было аккуратно выложено в ряд рядом с ним, видимо размещённое по типу и размеру. Конечно. Что же можно ещё делать посреди ночи. Канаель насчитал, не считая хакрани и двух мечей, ещё семь небольших метательных ножей.

— Кто это? — спросил Геро, кивнув головой в сторону Песни Небес, которая, не поднимая глаз, протиснулась в комнату следом за Канаелем.

— Песня Небес.

— Ага?

— Служанка из моего дворца, — добавил Канаель.

Геро встал и выпрямился перед ним в полный рост. Это всё ещё производило на него впечатляющий эффект, но Канаель подавил в себе желание попятиться назад.

— Не хочешь сказать мне, что здесь потеряла служанка из дворца?

— Как я предполагаю, она следовала за мной. Ты ведь следовала за мной, не так ли? — обратился он к Песне Небес.

Она кивнула.

— Ты предполагаешь?

— Она больше не говорит, по крайней мере, мне не удалось ничего из нее вытянуть. Думаю, ей перерезали связи. Так что...

Канаель замолчал, заметив взгляд, который бросил на него Геро.

— Значит, она больше не может говорить, и раньше была служанкой при дворе. Вдруг посреди ночи она появляется здесь из ниоткуда, хотя, чтобы добраться сюда из твоей родины или дворца, понадобится минимум две недели. И она нашла нас раньше Гехаллы. Как-то странно, тебе не кажется?

Канаель почувствовал, как вздрогнуло тело Песни Небес. Когда она протиснулась мимо него с решительным выражением в глазах, он заметил её свежий, слегка сладковатый аромат, такой особенный, что он в первый момент не знал, как его классифицировать. Его сердце застучало быстрее, когда она встала рядом и вызывающе посмотрела в глаза Геро.

Несколько мгновений Геро просто смотрел на неё, потом непризнание на его лице сменилось сначала удивлением, потом изумлением, потом замешательством. Двумя широкими шагами, застучавшими по гнилому дереву, он пересёк комнату и остановился прямо перед Песней Небес, так что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы смотреть на него.

— Кто ты, Песня Небес? — прошептал он хрипло. Маленькая каморка, казалось, вибрирует от напряжения, воздух вокруг неё затрещал, и взгляд Канаеля упал на оружие

Геро, которое начало слегка дрожать. Потом он снова перевёл взгляд на Поглотителя снов, выражение лица которого вновь стало таким неподвижным, как маска первосвященника.

— Ты что-нибудь о ней знаешь? Об её происхождении? — Вопрос был задан Канаелю, хотя Геро не выпускал служанку из виду ни на секунду.

Канаель покачал головой.

— Нет. Она работала во дворце, сначала выполняя там любую работу, позже в качестве горничной моей сестры. — Пока что он сознательно умалчивал, что произошло.

Геро, казалось, его не слышит, его черты лица застыли, челюсти стиснуты. В конце концов, он глубоко вдохнул:

— Песня Небес, мне нужно увидеть твою спину, если ты разрешишь.

Песня Небес всё-таки немного отпрянула, но Канаель примирительно махнул рукой, заставив её остановиться. Её взгляд блуждал туда-сюда, смотря то на того, то на другого, застенчивость, которой он ещё не замечал в ней.

— Геро спас мне жизнь. Я даю тебе слово, что с тобой ничего не случится. Доверься мне.

— Тебе не следует так опрометчиво давать обещания от имени других. А доверять незнакомцу и вовсе не стоит, — проворчал Геро рассерженно, в то время как его взгляд всё ещё застыл на Песне Небес. — Но ты прав. Я не причиню вреда никакой женщине, если только она не принадлежит к Гехалле. Тогда я сделаю исключение. — На его лице появилось усталое выражение. Песня Небес тоже не производила впечатления, что ей понравилась идея раздеться перед этим незнакомым мужчиной.

В эту секунду Канаель прозрел. Невозможно! Но с другой стороны у Геро больше не было причин осматривать ее спину.

— Она ведь не меченная? — растерявшись, спросил он, глядя на Песню Небес так, как будто видит ее впервые. Она Заклинательница Душ? Его сердце начало биться сильнее. Поэтому она имела на него особое воздействие? Эта мысль сильно испугала Канаеля и задела за живое. Не поэтому ли он все вспомнил, когда она пела ему? Когда это было? Несколько дней назад? Или, может, недель? Могли пройти и годы, так сильно изменилась жизнь Канаеля за это время.

Геро кашлянул.

— Позволишь мне бросить взгляд на твою спину?

Он тоже чувствовал себя неудобно в этой ситуации, но в его взгляд закралось нечто мягкое, почти ранимое. Этот факт не ускользнул от внимания Канаеля. Что увидел этот воин в Песне Небес?

— Будет достаточно, если я увижу часть лопаток...

Некоторое время Песня Небес колебалась, затем кивнула и повернулась к ним спиной, которая теперь была освещена луной. Она осторожно опустила шаль, служившую ей накидкой, с плеч и отодвинула край одежды. Канаель, как зачарованный, смотрел на обнажившуюся кожу.

В один миг он почувствовал спазм в горле, а комната вдруг как-то сузилась. Он не мог оторвать взгляд от этого небольшого, темного и ровного участка кожи, при этом его сердце бешено колотилось.

Как он мог не замечать всех обстоятельств, и то, как они связаны между собой. Мысль о том, что у них одинаковая судьба, пронзила его до мозга костей. Он принял уже заученное, непроницаемое выражение королевского сына, потому что был уверен, что иначе по лицу

можно будет прочитать все его чувства.

Песня Небес осторожно сняла с себя слишком узкое платье. Она обнажила достаточно кожи, чтобы можно было разглядеть тонкие линии на ее спине. Они, как почки цветка, переплетаясь, поднимались вверх до плеч. От черного цвета исходило такое излучение, что их было видно даже глубокой ночью. Канаель уставился на них. Крылья. Это был рисунок крыльев... Совершенный. Изображение богов, выжженное на коже молодой девушки, невидимое для человеческого взгляда...

— Ради Сува, — благоговейно пробормотал Геро. — Это она... Это точно она... Действительно... Это сходство, острый подбородок, те же глаза, крылья... Даже чертовы крылья той же формы! Ради Сува и всех святых! — Ему не хватало дыхания. — Ты дочь Ферии!

— Кто такая Ферия? — спросил Канаель, у которого пересохло во рту, и удивленно посмотрел на Геро. Тот, не обращая на него внимания, подошел к Песне Небес, которая едва успела поправить одежду, прежде чем ее худое тело исчезло в медвежьих объятиях Геро.

— Ты жива, — пробормотал он срывающимся голосом.

В тоже время он так вцепился в служанку, будто боялся, что она в следующий момент растворится в воздухе.

— Я думал, они убили тебя вместе с остальными, когда поняли, что вы все принадлежите к Потерянному народу! Самое большое открытие людей, и самая ужасная бойня, спустя очень долгое время... Это произошло пятнадцать лет назад, и я думал, что ты тоже была среди жертв... Но ты жива, — сказал он и покачал головой. — Это чудо! — Резко он отпустил Песню Небес и отошёл на шаг назад.

Песня Небес выглядела растерянно и нервно мяла руки.

— Кто она? — спросил Канаель практически шепотом.

Глаза Геро триумфально светились, когда он повернулся к нему.

— Это, Ваше Высочество, Зария. Дочь моего брата. Моя племянница.

— Твоя племянница?

Канаель перевёл взгляд с Геро на Песню Небес, которая выглядела так, словно упадёт сейчас в обморок. Геро тоже опять повернулся к ней. В первый раз тревожная морщинка между его бровей исчезла, и он выглядел счастливым, как маленький ребёнок, который только что получил горшок полный сладостей.

— Когда я тебя увидел, у меня сразу появилось что-то вроде предчувствия. Или ощущения. Назовём это судьбой. Или желанием богов... Во всяком случае, я узнал бы тебе среди тысячи лиц!

— Ты уверен? Вы, в общем-то... совсем не похожи.

На самом деле изящная служанка и массивный воин на первый взгляд не могли быть более разными. С другой стороны существовала определённое сходство в их манере — их решительности, их мужестве...

— Это она, — настойчиво утверждал Геро. — Поверь мне. Она похожа на свою мать, когда та была в ее возрасте.

По его лицу скользнула тень.

Песня Небес жевала нижнюю губу и выглядела такой потерянной, что Канаелю захотелось обнять ее.

— Что случилось с твоим братом? С семьей Песни Небес? Что за кровавая расправа, с которой ты говорил?

Взгляд Геро блуждал вдали.

— Они убили его. Его и всех остальных.

— Кто?

— Люди. Когда узнали, что он принадлежит к Потерянному народу. Он был Поглотителем Снов, его жена Ферия, Заклинательницей Душ. Оба были ловкими и искусными, зарабатывали деньги, разъезжая с труппой артистов. Они назывались Ловцами счастья.

Канаель вздрогнул, пытаясь не выдать себя. Но ему было знакомо это имя. Ещё прежде, чем Геро продолжил говорить, он знал, как закончиться эта история и закрыл глаза.

— Ферия влияла на животных с помощью своего пения, так что те выполняли трюки, а Гуриан, мой брат, умирал огонь магией из снов, — продолжил тихо Геро.

В голове Канаеля появились воспоминания о летящих огненных шарах, о накрашенных белым лицах и о красочных картинах, которые мужчина рисовал в воздухе. В этот момент ему стало ясно, что его предположение о том, что эти люди могут принадлежать к Потерянному народу, были верными. А теперь он также знал, почему они однажды не вернулись в Лакос.

— Когда я был маленьким ребёнком, — сказал Канаель, — моя мать часто брала меня с собой на большую, рыночную площадь на юго-западе города. Туда, где находятся торговые точки... Перед воротами также разбивали свои палатки путешествующие артисты. Сегодня мы поймем для тебя счастье, мой маленький принц, всегда говорили они мне, когда снова приезжали в город. Там продавали чудесно пахнущие кушанья, такие как сальный мёд или жареный корень из Зимнего царства, и у них было много диких, приученных цаплевых птиц, дрелий, ночных волков или дашнелей из других стран. Гуриан — так звали мужчину с белым лицом и накрашенными чёрным глазами. Он всегда был очень дружелюбным к детям, но держался на расстоянии от моей семьи. Он был гвоздём программы.

Одной рукой Геро провёл по лицу и кивнул. Он выглядел усталым, морщинки вокруг рта углубились, а взгляд был направлен вдаль, что Канаель истолковал, как печаль.

— Да, это был мой брат. Он всегда говорил, что не хочет склоняться перед людьми.

Магия была частью его личности, и он не признавал того, что нужно пожертвовать этой частью в пользу безопасной жизни. Я не виню твою семью, но твой отец уже всегда применял жестокую расправу, когда угрожали его власти. Он поступает так и сегодня тоже.

Испуганно Канаель распахнул глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

За жестокой резней стоит мой отец?

Геро какое-то время молчал, потом вздохнул.

— Я хочу этим сказать, что твой отец приказал их убить. Когда Дерион Де'Ар выяснил, что за простыми магическими трюками скрывается магия, он отдал приказ убить всех членов Ловцов счастья. — Он замолчал, давая своим словам подействовать, потом продолжил:

— Я тогда работал ещё во дворце и был рад увидеть брата спустя долгое время, потому что он лишь один раз в году приезжал в Лакос. В этот раз с ним и Ферией была их маленькая дочь, ей как раз исполнилось два года, и она беспрерывно болтала, завораживая всех своим детским голосом. — В уголках его губ появился намёк на улыбку, и Канаель заметил, что Песня Небес следует за рассказом Геро, затаив дыхание. — Я должен был, в качестве телохранителя, сопровождать по улицам к её жилью богатую торговку тканью, когда новость

распространилась по городу, словно лесной пожар. Внешне я сохранил выдержку и сопроводил даму назад, но внутри меня что-то сломалось, ещё прежде, чем я выяснил точно, что случилось, — сказал он, хрустнув запястьями.

— Что же, дым и ужасная вонь сторовшей плоти уже скоро наполнила каждый уголок Лакоса, и когда я, в конце концов, добрался до Зелёной площади, на которой разбили свой лагерь Ловцы счастья, было уже поздно. — На несколько мгновений Геро закрыл глаза, а когда снова открыл их, в его взгляде лежала ярость, напомнившая Канаелю о том, кто стоит перед ним.

— Они были мертвы, — сказал он.

Геро кивнул.

— Да, они были мертвы. Мужчины. Женщины. И дети тоже. Огонь пылал на фоне ясного, звездного неба, воздух наполняли крики и стенания. Собравшиеся, вооруженные жители Лакоса, с ничего не выражающими лицами наблюдали, как умирали Ловцы счастья. Тогда я не знал, почему мой брат не сопротивлялся, потому что он мог бы это сделать. Лишь несколько лет спустя я узнал от одного моряка, что на них напали во сне. Их зарезали во сне, Канаель, а потом подожгли палатки.

Канаель в оцепенении слушал слова Геро, и его охватывала ярость. Ради Сува, и все это происходило во время правления его отца...

— Я везде искал Гуриана и Ферию, но единственное, что мне удалось найти, это их сожженные останки. Их маленькой дочери нигде не было.

В этот момент Песня Небес, как подкошенная, с глухим стуком упала на деревянный пол.

Канаель вздрогнул, тут же подбежал к ней, поднял ее безжизненное тело и отнес на кровать, где все еще лежало оружие Геро. Отодвинув его коленями в сторону, он освободил место для Песни Небес.

— У нее закружилась голова?

Он в ужасе наблюдал, как ее кожа слегка позеленела, затем осторожно дотронулся до дюжины красных пятен, которые распространились по ее шее, как при какой-нибудь странной болезни.

— Нет, это не головокружение. Боюсь, ее отравили. Но не волнуйся, я знаю эту разновидность яда, — сказал Геро, подошел к нему и убрал племяннице волосы со лба. Он сделал это с такой осторожностью, какую Канаель от него никак не ожидал.

— Значит, ты не знаешь, почему она разыскивала тебя?

— Нет.

Канаель наблюдал за тем, как глаза Песни Небес беспокойно двигались туда-сюда под закрытыми веками.

— Почему ты спрашиваешь? Думаешь, это как то связано с тем, что ее отравили?

— Не знаю. Может быть, — ответил Геро. — Думаю, ей дали рашаллу. Может быть, мои слова вернули ей воспоминания, потому что рашалла влияет на память. Если воспоминания всплывают, когда действие рашаллы еще не прошло, то это может иметь опасные последствия.

Эти слова повлияли на Канаеля. Его сердце начало биться быстрее. Наконец он понял, почему все вспомнил, и какую роль сыграла в этом Песня Небес.

— Может пение Заклинательницы Душ устранить действие яда?

Геро посмотрел на него ясным взглядом.

— Да, почему ты спрашиваешь?

— Потому что Песня Небес как-то раз пела для меня. Начиная с двенадцати лет фаллах моей матери регулярно давал мне рашаллу, чтобы я ничего не узнал о моих способностях. Когда она спела для меня, воспоминания вернулись, и я снова мог чувствовать сны.

— Звучит логично. И мне даже кажется это мудрым. Радуйся, что вокруг тебя потомки Потерянного народа, которые желают тебе только добра, Канаель. Наверное, это была единственная возможность защитить тебя. И народ Летнего царства.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Если мир узнает, что будущий правитель Летнего царства сын Поглотителя Снов, мир внутри границ царства и за его пределами был бы под угрозой, — ответил Геро. — Произошло бы восстание, а может, даже и война. Люди просто посадили бы тебя на кол, если бы могли, потому что они боятся нас.

Канаель насторожился, его взгляд скользнул к оружию, а рука незаметно подобралась поближе к рукоятке меча, который находился в непосредственной близости от него. Он не спускал глаз с Геро, который все еще стоял, склонившись над Песней Небес.

— Что ты сейчас сказал?

Высокий воин не заметил движение руки Канаеля, он продолжал гладить Песню Небес по голове.

— Я сказал, что мир в четырех царствах будет под угрозой, если выяснится, что трон Летнего царства в будущем займет сын Поглотителя Снов.

Канаель молниеносно схватил меч, отпрыгнул на шаг назад и приставил острие к горлу Геро, который подняв брови, невозмутимо посмотрел на него.

— Что ты делаешь?

— Откуда тебе известно, что мой отец был Поглотителем снов? Я ни слова не говорил об этом!

В глазах Геро что-то вспыхнуло. Лишь на долю секунды, но Канаель успел заметить это.

— Говори! — прошипел он.

Сны, поглощенные им за прошедшие ночи, начали бурлить в нем. Канаелю стоило невероятных усилий не концентрироваться на них.

— Ты знаешь, что не сможешь ничего со мной сделать моим же собственным мечом, не так ли? — спокойно спросил Геро. — Но, так как ты в любом случае больше не будешь мне доверять, я могу рассказать тебе. Туманный Мастер отправил мне сообщение. Я здесь, чтобы присматривать за тобой.

Новое предательство имело горький привкус. Канаель попытался сохранить равнодушный вид, чтобы Геро не заметил его разочарования.

— Туманный Мастер?

— Туманный мастер один из немногих, кому ты можешь доверять, Канаель. Все, что он делал и делает, совершается ради твоего же блага. С самого рождения ты находился под его защитой.

Канаель не отреагировал на слова Геро, хотя в глубине души и знал, что тот прав. Тем не менее, бывали моменты, в которые он осуждал Туманного Мастера за его строгость, так же, как и его поведение по отношению к Даву.

— Когда он узнал, что я покинул дворец? Он знает, куда я направляюсь?

— Нет, — ответил Геро, по-прежнему наблюдая за Песней Небес, которая беспокойно двигала головой, как будто видела плохой сон. — Но Туманный Мастер всегда знал, что ты

делаешь, Канаель. Дав и ты, вы не просто так смогли так часто и долго искать информацию о Потерянном народе в библиотечных катакомбах, и вам никто в этом не мешал.

— Он просто искал повод выслать Дава куда подальше!

Канаель все еще держал острое меча у горла Геро.

— Может, наконец, опустишь эту штуку? Пожалуйста.

Канаель медлил, осознавая при этом, что Поглотитель снов в два счета смог бы разоружить его, если бы захотел. В конце концов, он опустил меч.

Геро кивнул.

— Туманный Мастер не знает, что ты собираешься делать, и почему ты тайком отправился в путь, — сказал он. — И я не стал сообщать ему, что целью твоего путешествия является остров Ткачихи Снов. Да и отправлять ему сообщение было бы опасно. В последнее время перехватывается очень много писем.

Канаель знал, что ему не удастся скрыть удивление, поэтому даже не стал пытаться сделать это.

— Мне нужно было раньше рассказать тебе, но Туманный Мастер думал, что ты перестанешь мне доверять, узнав, что он послал меня к тебе.

Слова Геро рассердили Канаеля. А что, таким образом узнать правду было лучше?

— В этом он оказался прав.

Геро с сожалением покачал головой.

— Я понимаю твое негодование, но ты тоже должен понять причины, побудившие его сделать это. Кроме того...

Он посмотрел на племянницу.

— Ты не должен из-за нее принимать поспешных решений.

Канаель с трудом сглотнул.

— Я не считаюсь со служанкой, когда принимаю решения. Тем не менее, я хочу помочь Песне Небес.

— Ее зовут Зария, Канаель. Зария Ди`Наль.

Геро покачал головой, как будто пытаясь отогнать мысль.

— Но, наверное, будет лучше, если мы и дальше будем называть ее дворцовым именем. Иначе может возникнуть слишком много вопросов. Ты по-прежнему хочешь попасть на остров, не так ли?

— Да. — Я должен защитить Удину и выяснить, что означает мой сон.

— Возможно, там Песня Небес вновь обретет воспоминания. Наверное, это единственная возможность, которая у нее осталась, чтобы избавиться от действия яда.

— И это означает...?

— Это означает, что как только Песня Небес проснется, а произойдет это уже скоро, мы переправимся на остров. Но сначала поедem в Кевейт. Здесь, в Муне, мы не найдем никого, кто нам поможет.

Крон, Осеннее царство

Необычная тишина сопровождала Ашкина в пути. Он вслушивался в гудящий звук смерти, которая как туман лежала над Кроном, проходя сквозь незапертые, массивные городские ворота. Они были выше самых высоких домов в городе, и никем не охранялись. Не было ни одной стражницы в их облегающих серебристо-коричневых кожаных костюмах с арленским гербом. На них всегда приятно было смотреть.

По крайней мере, большинство его людей мужчин порадовались бы, глядя на них. Как в Весеннем, так и в Осеннем царствах, по традиции на престол всходила женщина. Все остальное было бы оскорбительным для богинь, в конце концов, Кев и Сыс были покровительницами обеих царств, поэтому не было ничего удивительного в том, что женщины охраняли стены города. Но теперь он не увидел ни одной воительницы. Крон как будто вымер.

С крыш, покрытых темной черепицей и устойчивой к ветрам, не слышалось привычного крика детей, которые с наступлением ночи сбегали из дома и устраивали испытания на смелость, перепрыгивая с крыши на крышу. Ашкину не нравилось чувство, которое вызывала в нем эта обманчивая тишина. Убийство правительницы Осеннего царства оставило следы уже на следующий день, Ашкин даже чувствовал их вкус. Мертвая тишина. Повсюду.

Его взгляд скользнул по темно-серым фасадам домов, и он почувствовал, как кольнуло в груди. Не было ярких рыбацких домиков, открытых площадей, лишь темные башни дворца Далиен, возвышающиеся на фоне ночного неба, одновременно обетованные и грозные. Как и в большинстве больших городов в Кроне было четыре больших площади, каждая посвящена определенному божеству. Но чем глубже он продвигался в город, тем больше у него создавалось впечатление, что это уже был не его Крон.

Не тот город, в который он приехал подростком, а покинул, как живая легенда. Некоторые окна были заколочены досками. В других домах не было дверей. Ему казалось, что в проемах стоят тени, он слышал неуклюжие шаги детских ножек, которые тут же смолкали. В воздухе стоял тяжелый запах сгоревшего дерева, почти улетучившийся, но все еще ощутимый.

Задумчиво вслушиваясь в тишину, он свернул на главную улицу, которая всегда была усеяна тележками с товаром. Но сегодня вымощенная дорога смотрелась голо без этих тележек с едой и другими товарами, которые всегда затрудняли движение. Это был день, предвещающий церемонию преклонения перед Сыс, поэтому в городе царил комендантский час. Но обычно его никто не соблюдал.

— Закрой дверь, черт побери, — вдруг раздался шипящий женский голос, и Ашкин повернул голову. В проеме входной двери одного из домов, дрожа всем телом, стоял долговязый мальчишка лет восьми. В этом доме жило несколько семей, за что в народе его прозвали консервной банкой. Ашкин заметил хрупкую фигуру, появившуюся за полуоткрытой дверью. Наружу высунулась рука, схватила мальчика и в ту же секунду затащила его в темный коридор, после чего дверь громко захлопнулась. Ашкин нахмурился, услышав, как изнутри был задвинут широкий деревянный засов.

Непоколебимо он шёл дальше. Существует только одно место, где он сможет раздобыть информацию, и он был почти уверен в том, что получит её там. Иногда он замечал тень за закрытыми окнами, но в остальном всё оставалось тихо. Слишком тихо.

Уже издали на улице было видно мягкое мерцание бесчисленного количества жаровен на божественной площади Сыс, и он следовал за светом, пока, наконец, площадь, погружённая в золотистый свет, не оказалась перед ним, хорошо просматриваемая. Здесь тоже не было ни души, ни одного молящегося человека перед колоннами храма, никаких детей, играющих в золотом дереве Жизни, символом страны. Ашкин замер, когда его взгляд скользнул к тёмным теням, висящим на ветвях дерева, и он почувствовал, как кровь отхлынула от его щёк.

Он видел много зверств во время войны за трон Сыски, но от вида бесчисленного количества тел мужчин и женщин, повешенных на ветках дерева Жизни, даже у него прошла по спине дрожь.

Они были голыми. На шеи накинута толстая верёвка, и он видел, как кожа в том месте окрасилась в фиолетовый цвет. Пустые глаза. Рты широко открыты — изображение демонов

Почти бесшумно Ашкин втянул в себя знойный воздух, пытаясь понять то, что его глаза увидели уже в считанную секунду. Нерешительно он сделал шаг назад. Большинство из них висело на массивных ветках тех золотых ответвлений, которые были символом многолетней жизни Сыски. Его взгляд упал на землю перед деревом, где образовался ковер из тем временем уже высохшей крови. Несмотря на темноту, он смог разглядеть некоторые раны на груди людей.

Огонь в серебряных чашах причудливо освещал их бледные тела, и он начал считать трупы. И чем дальше он считал, тем чудовищней казалось ему преступление. Некоторые лица казались Ашкину знакомыми, при этом искривлённые в гримасы рты и изуродованные тела мало общего имели с теми радостными людьми, которых он знал. Не только одного он видел во дворце Далиен.

В нём вскипели гнев и неверие, а мысли обгоняли одна другую, когда он услышал позади себя шелест.

— Я думала, что ты сейчас в Гуле.

Ашкин сразу же понял, кому принадлежит голос. Тень отделилась от узкого переулочка, ведущего между плотно стоящими друг к другу домами, прямо в восточную часть Крона. Раскачивая бёдрами, к нему навстречу шла стройная фигура женщины в кожаном боевом снаряжении. Она вышла в свет божественного огня и, в конце концов, остановилась прямо перед ним.

— А я думал, что ты мертва, Алана, — ответил Ашкин, и подавил импульс схватиться за оружие. Вместо этого он одарил Алану презрительным взглядом. Он надеялся, что никогда её больше не увидит.

— Так можно и ошибиться. Значит, ты слышал о смерти Арии. И теперь ищешь нового работодателя? Или хочешь полюбоваться работой её преемника? — Кивком головы она указала на дерево Жизни, чей вид её, кажется, совсем не удивил.

— Ты знаешь, что случилось? — осведомился он, пропуская её вопрос мимо ушей. Он должен знать, кто за этим стоит. — Это Ад'Еши вернулись?

Пятнадцать лет назад эта семья претендовала на трон, обрушив на Сыски войну. Ашкин до вчерашнего дня думал, что они остались без последователей и ослабленные. Но в записке, которую он получил, не были названы ни имя приемника Арии, ни имя её убийцы. В

пригороде Крона он тоже не смог ничего выяснить. Теперь он знал, почему.

Алана сузила светло-зелёные глаза и начала медленно расплетать свою заплетённую косу. Она не торопилась с ответом, брала отдельные пряди, расчёсывая их пальцами, при этом на её накрашенных губах заиграла высокомерная улыбка. Широкими волнами её каштановые волосы упали на плечи, так что теперь она выглядела немного невинной.

— Что я получу за мою информацию? — Она надулась, но её попытки не тронули его, потому что он слишком хорошо знал эту каналью.

— Ничего.

— С твоей стороны это не слишком вежливо.

Любого другого Ашкин уже заставил бы дать ему ту информацию, которая была нужна, приставив нож к горлу. Но Алану и его кое-что связывало, и это его удерживало.

— Тебе стоит покинуть город. Если происходит смена власти, то твоя прекрасная головка не будет долго сидеть на плечах. Для этого на твоей совести слишком много людей Мерлы. Не думай, что я не знаю, что ты в ответе за некоторые покушения в последние годы.

— Комплимент из твоих уст, как мило. Спасибо за совет, но я большая девочка, и могу сама о себе позаботиться, — промурлыкала Алана. — С другой стороны... если этот совет мне даёт Ашкин А'Шель, сама тень, то возможно мне стоит последовать ему. Ашкин, живая легенда.

— Из твоих уст это звучит как оскорбление.

— Знаешь, о чем я себя спрашивала? Какое у тебя слабое место. Потому как, очевидно, ты бессмертен, как четыре божества. Как часто ты избегал смерти? Раз сто?

Двести четырнадцать раз. Включая твои попытки убить меня.

— Лишь одна вещь на свете может ослепить тебя, — продолжила она.

— И какая?

— Любовь.

Ашкин засмеялся и отвернулся от нее.

— Ты выпила слишком много сладкого весеннего нектара, который уже несколько месяцев наливают в наших пивнушках, — бросил он через плечо, и пошел вниз по опустевшей улице, не обращая никакого внимания на дерево жизни, чтобы не показывать перед убийцей свою слабость. Хотя на самом деле вид всех этих людей задевал его за живое и трогал до глубины души. Жестокость этого преступления войдет в учебники истории, Ашкин был не уверен, что действительно хотел бы знать, кто стоит за всем этим.

— Подожди, — крикнула Алана, побежала за ним и схватила за руку. Острые ногти ее красивых пальцев вонзились в его кожу.

Он нехотя повернулся и посмотрел на нее. У нее были голодные глаза, она отпустила руку, чтобы еще больше приблизиться к нему. Ашкина укутал исходящий от Аланы запах земли. Она стояла так близко, что он чувствовал ее тяжелое дыхание. Она склонила голову и взглянула на него.

— Что ты делаешь? — недоверчиво спросил он.

— Ты такой напряжённый, и, наверное, устал после поездки. Если хочешь, я помогу тебе расслабиться.

— Напомнить тебе, что когда ты в последний раз помогала мне расслабиться, то между делом пыталась убить меня иглой?

— Просто заказ был слишком заманчивым.

Она кивнула и провела пальцем по груди.

— Может стоическое выражение твоего лица и говорит об одном, но твоё тело говорит совсем о другом.

Тебе не хватает наших совместных ночей.

Он высвободился.

— Это было несколько лет назад.

И ошибкой.

— 11 месяцев.

— Тогда я был пьян. И ранен. Ты же знаешь, что я тебе не доверяю, Алана. К чему эти игры?

Хотя он уже давно знал ответ. Даже если она никогда не признается, она была одержима властью и тем, что он в себе олицетворяет. Она наслаждалась спать с мужчиной, который является живой легендой. Это делало её немного более могущественной, потому что она думала, что таким образом может подчинить его себе. Но она ошибается.

— Теперь ты словно сука, у которой течка, бросаешься мне на шею. Когда-то у тебя было больше достоинства, — добавил Ашкин и увидел, как она напряглась, а в глазах вспыхнул гнев. Он уязвил её самолюбие, а это она не простит ему так быстро.

— Ты подонок!

— Я никогда не утверждал обратного, — ответил Ашкин вскользь и пошёл в том направлении, в которое собирался ранее. При этом он больше не оглядывался, потому что знал, что Алана отступила в тень переулка. Так было всегда. Рано или поздно их пути снова пересекутся. Хотя его сердце при каждом шаге кровоточило, он оставил божественную площадь Сыс и дерево Жизни позади.

Может быть, в ближайшие дни появится возможность сжечь трупы, и таким образом направить их в царство богов, но Ашкин не был в этом уверен. Не смотря на множество мёртвых, которые умерли от его руки, он всегда старался даровать им достойное прощание. Всё остальное уже всегда казалось ему неправильным.

Чем ближе он подходил к кварталу Искусств, тем более спокойным становился. Крон всегда производил на него такой эффект. Особенно покинутый район, с частично пустующими домами, возвышающимися в небо, словно крутые стены и маскирующий крайнюю часть города.

Когда-то они все были заселены, но в настоящее время многие люди переехали в лежащие более глубже жилые круги, потому что там было безопаснее для семей. Как единственный город четырёх царств, Крон мог похвастаться тем, что построен спиралью. Таким образом, он давал лучшую защиту для богатых, потому что они жили в середине города, вокруг построенного на холме дворца Далиен.

— Тень вернулась назад.

Слова были произнесены шёпотом, принесённые ветром через пустынные улицы, и всё же казалось, что они раздаются ото всюду. Главная улица вела его прямо к тёмно-зелёным воротам, отделяющими квартал Искусств от других.

— Это он. Может, он хочет нас спасти.

Головы исчезали за тонкими занавесками, как только Ашкин проходил мимо, и, стуча, закрывались ставни, за которыми тушили свет. Это из-за него или из-за того, что происходит на улицах? Он не знал. Быстро он пересёк каменный портал и направился прямо к жёлтому дереву Жизни, стоящему посередине круглой площади.

Он испытал облегчение, когда увидел, что это не преобразовали в дерево-виселицу.

Символ Осеннего народа. В целом в Кроне было размещено восемь таких больших площадей, для каждого из кварталов.

Когда он увидел двух мальчиков, карабкающихся в его ветвях, у Ашкина вырвалось рычание. Подростки, сидящие в кроне дерева, ещё не заметили его.

— Эй, вы там! — закричал он.

Они повернули головы в его сторону. Один из них соскользнул со своего безопасного места и ещё успел ухватиться за одну из золотисто-коричневых веток, чтобы не упасть с дерева. Он издал глухой звук и снова подтянулся вверх. Его руки дрожали от напряжения.

— Слезайте оттуда. — Разве они не знают, какой опасности себя подвергают? Они ведь ещё дети...

Ребята обменялись коротким взглядом, поспешно слезли вниз, а потом соскользнули вдоль ствола. Это выглядело болезненно, но было самым быстрым вариантом. Не успели они оказаться внизу, как склонились перед Ашкином, уставившись в землю. Тот, что стоял с левой стороны и был поменьше, дрожал. Им было не больше пятнадцати. Столько, сколько Ашкину, когда он покинул дом и пошёл в столицу, чтобы служить королеве.

Он подождал ещё мгновение, прежде чем освободить.

— Исчезните.

Не колеблясь, они взяли ноги в руки и убежали прочь. Позади них в воздух поднялось облако пыли. Сзади Ашкина прозвучали шаги, громкие и рассчитанные на то, чтобы объявить о себе.

— Очень впечатляет, А'Шель. Пугать маленьких мальчиков ты уже всегда отлично мог.

Ашкин повернулся. Хромая, ближе подошёл мужчина, его одежда обветшала от ветреной погоды Сыски, а коричневые, кожаные сапоги выглядели изношенными. Лицо со шрамами выглядело так, как будто когда-то было обезображено огнём. Во многих местах борода больше не росла, и мужчина пытался закрасить их знаками богов. Всё же Ашкин видел шрамы от ожогов.

— Еран, какой сюрприз! Что привело тебя в город?

— Полагаю, то же самое, что и тебя. Значит, ты тоже слышал об убийстве Арии?

Ашкин кивнул.

— Если бы ты был рядом с ней, у них бы ничего не получилось, — угрюмо сказал Еран и вытащил из внутреннего кармана поношенного пальто деревянную трубку.

«И это благодарность королевской семьи за участие в войне», — подумал Ашкин, но решил скрыть свое отвращение. Он видел слишком много горя. Судьба его бывшего товарища была одной из многих. Тем не менее, Еран был ещё жив.

— Я шел в пещеру, хочешь пойти со мной?

Еран потягивал трубку, выпуская в холодный воздух колечки дыма.

— Пещеру закрыли в первую очередь. Не очень хорошее место для встреч. Ты уже был на площади богов?

Ашкин кивнул.

— Значит, ты уже видел. Люди со вчерашнего дня боятся выходить на улицы, а он стягивает своих людей к дворцу Далиен.

— Он?

Еран не обращая внимания на вопрос Ашкина, продолжал говорить:

— Многое изменится, и не только в Сыски. Но начнется все здесь, и я не знаю, хочу ли пережить конец. Мои старые кости уже пережили свою войну.

«Значит, он тоже заметил»- подумал Ашкин, но не стал раскрывать карт.

— Все уже не так, как было раньше, А`Шел, — продолжил он. — У богов есть дела поважнее, чем заниматься нашими делами. Они в ссоре. Люди охотятся за Потерянным народом. Кажется, история повторяется. Пока тебя не было в городе, произошли вещи, от которых мне стало не по себе.

Ашкин не был верующим, и не видел смысла в словах Ерана.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не поймешь, потому что не веришь в то, что нас окружает. Ни в самих богов, ни в легенды о Потерянном народе...

Ашкин достаточно услышал, хотя и был рад встрече со своим старым соратником.

— Кто сменил Арию на престоле?

Еран ответил не сразу, продолжая потягивать трубку. Он посмотрел на запад, и Ашкин последовал его примеру. Среди землистого цвета домов Крона, в ночном небе возвышались четыре остроконечные башни. Дворец Далиен, сердце Осеннего царства и на протяжении нескольких столетий резиденция мудрых и добрых правительниц.

— Это, мой старый друг, — сказал Еран, — ты должен увидеть собственными глазами.

Мун, Летнее царство

В одно мгновение Геро проснулся. По всему его телу пробежали мурашки, как будто нервные окончания предчувствовали опасность. В комнате было темно, однако благодаря бесчисленным снам, поглощенным им в последнее время, он четко видел каждую окружающую деталь.

Канаель и Зария спали на другом конце комнаты, их разделяла лишь тонкая, выдвижная деревянная стена. В этот раз они сняли на ночь небольшую комнату прямо в порту, чтобы не ходить через весь город. Шпионы Гехаллы были повсюду, каждый дополнительный день, проведенный ими в Муне, таил в себе опасность, поэтому Геро больше не хотел рисковать. Особенно сейчас, когда он нашел свою племянницу. Ее ровное дыхание громко отзывалось в ушах, но его внимание привлекло кое-что другое.

Воздух, прямо рядом с его кроватью из мягких одеял и греющих норшулаков, как будто бы сжался, сконцентрировавшись в одной точке. Но это место слева от него было не единственным. Тепло, яркая вспышка по правую руку.

Странники!

Мысли Геро перемешались. Странники могли вернуться лишь в то место, где бывали раньше, если только ими не управляли сильные эмоции. Тогда могло произойти так, что они терялись во времени и пространстве. Но была еще и третья возможность — какая-нибудь личная вещь. Если они обладали ею, то были способны в любое время попасть к владельцу.

Одним прыжком Геро вскочил на ноги и прислушался к себе. Несколько цветных туманов клубились внутри, и он открыл свой разум, чтобы переместить часть магии снов в кончики пальцев. Мгновение спустя материализовалась женщина средних лет с сувийскими чертами лица и темными, накрашенными глазами, переливающимися четырьмя цветами богов. Взгляд Геро упал на кулон Странников в виде полумесяца, свисающий с её шеи, а потом скользнул к двум мечам в её руках. На ней были одеты серебряные браслеты, а её чёрные, как смоль волосы заплетены в строгую косу сзади. Что-то в ней казалось ему знакомым, но он, как бы не старался, не мог понять что это.

Он никогда не мог запомнить ни имен, ни лиц...

Ещё прежде, чем Геро смог спросить «Кто ты?», незнакомка уже набросилась на него с обнажёнными мечами. Он вызвал к себе свои хакрани, как раз вовремя! Как защитный щит, Геро выстроил снаряды перед собой, круглую стену из трёх летающих хакрани, которые с трудом выдержали первую атаку.

Сталь ударила о сталь, лазурный туман магии сна выдержал атаку, содрогнулся под силой удара, и Геро увидел, как сильно напряглись мышцы женщины. Он сам вложил всю свою силу в метательные снаряды, подпитывая их всё больше магией снов из своего тела. Тонкие нити мягко окутали его метательные снаряды, светясь, соединились с острыми лезвиями и оттеснили атакующую его женщину назад.

Геро почувствовал, как на лбу выступил пот, и в то же время, как прилагаемые им усилия истощали резервы магии. Краем глаза он увидел, что Канаель и Сари сели в своих кроватях, потом его взгляд стремительно вернулся назад.

Как раз вовремя, потому что Странница подняла мечи, чтобы атаковать вновь, сфокусированная только на нём.

Нельзя, чтобы она заметила их, она, скорее всего, даже не знает, что они здесь, пронеслось в голове Геро. Он скатился с кровати, чтобы добраться до комода, на котором оставил свой собственный меч. Глазами он показал Канаелю не выдавать своё присутствие. Наследник престола мрачно кивнул.

— Геро Д`Хераль! — сказала Странница. — Разве ты не узнаешь меня?

— Кто ты, и как нашла меня?

— Ты имеешь в виду, мы нашли.

Раздавшийся справа голос заставил Геро замереть. Он повернулся к нему.

Высокий мужчина с черными волосами и ухоженной трехдневной щетиной смотрел на него пронизывающим взглядом. Широкое лицо, прямой нос, даже маленький шрам над бровями был такой же, как 20 лет назад. Лишь поседевшие виски и обветренное лицо, на котором жизнь Странника оставила свои следы, говорили, что он стал мужчиной. Меран Дель`Каль! Взгляд Геро метнулся к женщине, тоже вставшей в боевую позицию. В самом деле! Его сестра Керия... Но это невозможно!

— Я долго ждала этого момента, — сказала Керия, на её губах играла слабая улыбка. Она была всё ещё такой же красивой, как раньше, но что-то в её взгляде, то, как она на него смотрела, сказало Геро, что она уже давно не та девушка, что была раньше.

— Чего вы хотите?

— Вернуть Потерянному народу то место, которое тот заслуживает! Что же, по крайней мере, тем, кто всегда знал, что мы стоим выше людей, и не будем прятаться от них, словно паршивые собаки! — Керия сплюнула. Взгляд Геро метнулся к Мерану, который всегда был более спокойным из этих двоих, и в этот раз тоже держался на заднем плане. Лишь злобный блеск в его переливающихся глазах говорил о том, что он согласен со своей сестрой.

Геро чувствовал, как бурлит его магия снов, а мгновение спустя Керия набросилась на него, так что он кое-как успел поднять свой меч. Сильно ударившись друг о друга, оружие скрестилось, и хотя он был намного выше Керии, его руки задрожали под её напором.

В тоже время он заметил, как со стороны приближается Меран. Он сфокусировал энергию тяжёлого сна и направил часть магии в свои хакрани, которые вслед за этим выстрелили. Но Меран должно быть уклонился от метательных ножей, потому что Геро услышал, как хакрани воткнулись в дерево гардероба. Удары Керии становились с каждым разом всё агрессивнее.

Она ударила, начала, словно в танце, двигаться вокруг него, пока не оказалась спиной к Канаелю и Песни Небес. Её запах и гладкая кожа голых рук на одно мгновение отвлекли его, но не достаточно долго, чтобы прорвать его барьер. Она уже всегда была воительницей, даже тогда, когда её брат представил её ему.

Хотя на деревянном паркете было скользко, ему почти без усилий удавалось отражать её атаки. Казалось, это раздражает Керию, потому что она гневно зашипела и опять прыгнула, подняв мечи в атаке, вперёд. Его взгляд, словно сам по себе, перешёл на кожаный браслет, одетый на запястье Керии. На нём висели маленькие, серебристо-серые жемчужины, а так же одна единственная жёлтая.

Магия снов внутри замерла в этот момент, и он услышал, как в ушах громко стучит его собственное сердце. Казалось, время остановилось, и он забыл про схватку, точно так же, как про опасность, в которой находился. Он забыл, что Зария и Канаель стоят всего лишь в

нескольких шагах за перегородкой. Не веря своим глазам, он смотрел на кожаный браслет, чтобы в следующее мгновение встретить боль, которая без предупреждения парализовала его тело. Видимо, его прикрытие дало слабинку, потому что он услышал удивлённый вздох — его собственный? — потом боль распространилась в груди, и он чувствовал, как горит лезвие, словно огонь, там, где Меран его ранил.

Когда он понял, наконец, понял, что они сделали, чтобы подобраться к нему, Геро был совершенно опустошён. Только цветной туман магии снов двигался в нём — сила богов, громкий рёв, взрыв, который больше нельзя было сдержать. Он закричал. Крик, вырвавшийся прямо из его души.

Геро зашатался, глядя на расплывчатые лица Мерана и Керии, которые как будто были вдалеке. Магия сна повсюду. Он увидел яркие краски, пелену, похожую на туман, заполнявшую каждый угол его Я и устремившуюся наружу. С грохотом развалился шкаф. Чакрани дребезжа, упали на пол. Разбилось стекло.

Геро владела только одна мысль — ему нужен чертов браслет! Когда-то он дал его Весилае в знак любви, и они отняли его у нее. Он подарил его Весилае, а теперь он болтался, как трофей, на запястье Керии... Браслет Весилаи...

Геро ослеп. Он был опустошен, слеп и глух. Казалось, мир снова облегченно вздохнул, шторм, бушевавший в его теле, постепенно стихал. Две яркие вспышки, треск в воздухе, затем тишина.

— Геро!

Сощурившись, он разглядел Канаеля, подошедшего к нему с обеспокоенным видом и торчащими во все стороны темными волосами. Если даже Канаель не скрывается за своей непроницаемой, королевской маской, значит дело плохо, подумал Геро. Его взгляд метнулся по комнате. От Керии и Мерана и след простыл, зато в комнате царил настоящий хаос.

На полу лежали осколки стекла, среди них и его чакрани. Дверь была вырвана с петель, в комнате не осталось практически никакой деревянной мебели, кроме маленькой, трехногой табуретки. Затем он увидел кожаный браслет, лежащий прямо у его ног. Геро хотел наклониться и поднять его, но внезапная боль, пронзившая тело, заставила его остановиться. Он дотронулся до груди и в ту же секунду ощутил металлический запах собственной крови.

Ребра тоже ужасно болели. Он со всей силы прижал руку к ране, нанесенную ему Мераном. Позади Канаеля появилась Зария. Геро по-прежнему переполняли гордость и радость, когда он смотрел на нее, но и она обеспокоенно глядела на него. Ее скулы остро выделялись на лице. Несмотря на худобу, Зария была так похожа на Ферию, что Геро чувствовал себя так, как будто попал в другое время.

— Черт, — пробормотал он, ощущая, что ничего не соображает и слабеет от потери крови. — Дай, пожалуйста, простыню.

Пока Канаель прижимал к его груди смятую простыню, Геро вслушивался в прекратившийся шторм внутри, искал остатки магии сна и был рад нащупать последний кусок розового тумана. Это был прелестный сон маленькой девочки, который он взял себе. На крайний случай. А то, что здесь произошло, это однозначно крайний случай.

Он, не мешкая, взял часть тумана, втянул его в кончики пальцев и направил на зияющую в груди рану.

— Почему другие странники пытались тебя убить? — спросил Канаель.

Геро ничего не ответил и продолжал сосредоточенно направлять смягчающий боль

туман в рану. Он как прохладная губка всасывал боль до тех пор, пока ее горячие волны не стихли.

Затем он поднял взгляд.

— Мне нужно назад в Лакос, предупредить Туманного Мастера. Это было не единственное нападение на потомков Потерянного Народа. Они знали, где меня искать.

Он сглотнул.

— Они... Они разыскали мою подругу, чтобы завладеть принадлежавшим мне предметом и таким образом выйти на мой след.

— И чего они хотят?

Геро посмотрел Канаелю прямо в глаза. Это была сложная часть истории. Та часть, которую он сам не понимал. Конечно, ему были известны истории, которые рассказывались вокруг. О потомках Потерянного народа, видевших себя властелинами мира, потому что они наследники богов.

Истории о фанатиках, на которые он в последние годы не обращал особого внимания. Это было ошибкой, как выяснилось теперь.

— Мне кажется, они считают себя новыми богами. Настоящими повелителями мира всех четырех царств, как это уже было тысячи лет назад, когда меченые повелевали людьми, убивали и превращали их в рабов.

— Ты имеешь в виду...? — Канаель не закончил вопрос, нахмурившись.

Геро кивнул и с трудом сглотнул.

— Да, они хотят восстановить прежние порядки.

Мун, Летнее царство

Волны ударялись о берег, и вода, пенясь, брызгала в воздух. Ярко окрашенные хижины рыбаков и закусочные стояли, словно солдаты рядом друг с другом, а чайки кружили, широко расправив крылья, галдели над лежащими в гавани лодками. Тёмно-синие здания чередовались с пурпурно-красными и жёлтыми фасадами.

Они были построены в традиционном стиле, и многие дома имели не больше двух этажей. Жизнерадостность и оптимизм обычно отличали яркие улицы Муна, но не в этот день. Вокруг них было шумно и грязно, вонь рыбы и морепродуктов проникала в каждую пору, и Канаель догадывался, что потребуется не один душ, чтобы снова избавиться от этого запаха. Его взгляд упал на пассажиров корабля, который несколько мгновений назад пристал к одному из бесчисленного множества причалов.

Они выглядели так, будто прошли тяжёлое испытание: заплаканные лица, покрасневшие глаза. Между ними много женщин с маленькими детьми, одежда грязная, а лица выражают боль и отчаяние. Некоторые упали в объятия ожидающих, и он подхватил отрывки слов, такие как «нападение» и «потерянные».

— Ты собираешься покупать билет или нет? — нагрубил ему мужчина в зелёный домике, который выглядел так, будто упадёт при следующем сильном порыве ветра, и Канаель снова повернулся к нему.

— Два. В Кевейт. Для моей сестры и меня, — сказал Канаель.

Крики приезжих и проклятия докеров вокруг были такими громкими, что Канаелю приходилось кричать продавцу билетов. Посмотрев через плечо, он убедился в том, что за ними никто не наблюдает. Геро несколько раз вдалбливал, что их прикрытие это всё, что им остаётся, чтобы доехать до Геаля в Кевейте.

Он протянул продавцу билетов три монеты нерша через гнилую стойку.

— Брат и сестра, да? — спросил продавец билетов, переводя свой взгляд с Канаеля на Песню Небес, цепляющуюся за руку Канаеля.

Не колеблясь, Канаель сунул сумму в два раза больше, пристально глядя ему в глаза.

— Брат и сестра, именно так.

Старик ухмыльнулся, обнажив ряд неухоженных зубов, когда собирал монеты.

— «Смеющаяся» отчаливает в обед. Будьте там вовремя, или же останетесь здесь.

— Спасибо.

— И? Что собираешься делать в Кевейте со своей сестрой? — спросил старик, макая прямоугольную печать в чёрные чернила, чтобы проштамповать их билеты, а затем запястья. — Там происходят странные вещи. Зеленоволосые нервничают. Каждый, у кого есть родственники в Сувии, едут сюда. Стоит только на это посмотреть: весь город полон вонючими кевейтцами. Кто приезжает, это даже не красивые, длинноногие женщины, а только сброд с запада... — Он сплюнул. — Чужаки, как вы, совсем не понравятся им в Весеннем царстве — ты направляешься в какое-то определённое место? — продолжил старик, с любопытством их разглядывая.

— Это тебя не касается, — сказал Канаель грубо, засунул билеты и потянул Песню

Небес в сторону «Смеющейся», которая перевезёт их через море. Он встретил укоризненный взгляд Песни Небес.

— Не смотри на меня так. Я сам знаю, что стоит на карте. Главное, мы доберёмся целыми и невредимыми до другого берега.

«Учитывая то, как ты себя ведёшь, мы никогда туда не доберёмся», казалось, говорил её взгляд, и Канаель вздохнул.

«Смеющаяся» была впечатляющей, немного меньше, чем господский корабль его семьи, но всё же зрелище, наполнившее его гордостью. Большинство верфей страны ввозили смолу из хвойных лесов Кевейта, чтобы запечатать ей нижнюю часть кораблей и таким образом защитить от морской соли, разъедающей дерево.

Великолепные, белые паруса были сделаны из шерсти и волосяных хвостов кевейтских стадных животных, в обмен на них Сувий экспортировал в Кевейт руду. С тоской Канаель подумал о множестве часов, проведённых им в сувийских, рудниковых деревнях, туннелях или в рудниковых магазинах на побережье, чтобы как можно больше узнать о своём народе.

Теперь он задавался вопросом, будет ли он вообще когда-либо править Сувием. Он остановился рядом с каменной лестницей, ведущей в море и, скорее всего, служащей вспомогательным измерением для уровня воды. Она показывала необычайно высокий уровень. Затем повернулся к Песне Небес.

— Послушай, — сказал он, взяв её за руку. — Я бы предпочёл поехать один. Но чтобы ты восстановила свою память, я должен взять тебя с собой. Может быть, тогда мы сможем выяснить, кто это с тобой сделал. Это твой единственный шанс.

Песня Небес посмотрела на него печально.

— Не переживай, — успокоил он её. — Всё получится.

«А если нет, то, по крайней мере, я буду на острове, чтобы защитить Удину». Он задумчиво смотрел на рыбаков в небольшой лодке, приближающейся к ним. На их загорелых лицах отражалось недовольство, пустые сети и составленные друг на друга деревянные ящики говорили сами за себя. Канаель вдруг заметил, что все еще держит Песню Небес за руку. У нее была мягкая кожа, мягче, чем кожа служанок в представлении Канаеля.

Он задумчиво смотрел на ее пальцы, после чего взглянул ей в глаза. Казалось, она видит его насквозь, ощупывает взглядом каждый уголок его души. В какой-то момент у него перехватило дыхание. Канаель не слышал даже криков портовых работников, он смотрел на ее лицо, как будто видел его впервые. Высокие скулы, миндалевидные глаза, узкий нос и полные губы, кажущиеся еще больше из-за ее худобы. Он резко отпустил ее и провел рукой по своим волосам. Наверное, они выглядят так же, какие на ощупь.

Спутанные и грязные.

Он кашлянул.

— Нам нужно еще купить еды. Поездка продлится весь день, прибудем только поздно вечером.

Канаель энергично пошел вперед, не оглядываясь, пытаясь забыть Песню Небес. Забыть, как она стала ему близка, хотя он даже толком не знает ее. К тому же, она служанка в его дворце.

«Возьми себя в руки», подумал он и купил в палатке, где продавались разные сорта рыбы на шампуре, маринованные и сырые, два обжаренных на гриле моллюска и две порции жареного картофеля с лимонами. Во время еды, Канаель не сводил глаз с людей и окрестностей.

Он увидел много семей с маленькими детьми и пожилые пары. Часто попадались кевейтцы, на которых путешествие оставило свой отпечаток. Бросающихся в глаза, одетых во все черное мужчин или каких-то угрюмых личностей он не заметил. «Может Гехалла и правда не знают, что мы хотим исчезнуть из Муна», подумал Канаель. Без Геро он чувствовал себя не так уверенно, но с другой стороны без такого огромного парня они меньше привлекали внимание к себе.

Немного погодя пробили колокола местного храма, призывая людей к обеденной молитве. Канаель и Песня Небес пошли к причальному мостику «Смеющейся», где уже образовалась длинная очередь.

По узкому деревянному мостику они зашли на палубу. В глубине судна сидели гребцы, которые издавна зарабатывали деньги, выполняя тяжелую, физическую работу. Канаель слышал, что три раза в неделю они перевозят людей из Кевейта в Сувий и обратно, получая за это нищенскую зарплату. Когда он будет сидеть на троне Летнего царства, то займется этим делом. Если, конечно, когда-нибудь взойдет на трон Летнего царства...

Песня Небес и Канаель нашли себе защищенное местечко под мачтой. Чтобы не бросаться в глаза, Песня Небес разорвала свой светло-серый шарф посередине и отдала другую половину Канаелю, чтобы он тоже мог накинуть его на голову. В Кевейте серый шарф был знаком скорби, так что люди будут думать, что они направляются на похороны.

Вскоре их окутали свежий, соленый встречный ветер и приятное полуденное тепло. По телу распространилась усталость, мягкое покачивание и тихие разговоры вокруг также сделали свое дело. Немного погодя Песня небес заснула от изнеможения, ведь они не спали всю ночь, разговаривая с Геро о том, что случилось.

Странники, убивающие других представителей Потерянного народа. Канаель не знал, что и думать об этом. Некоторое время он наблюдал за Песней Небес, пытаясь бороться с собственной усталостью, но безуспешно.

Его разбудил смех ребенка. Он потянулся и огляделся вокруг. Солнце только что зашло за горизонт, оставив на небе лишь тонкую полоску розового света, которая превратила немногочисленные облака в цветные фигуры.

Ветер дул теперь сильнее с востока. Позади них становилось уже темно, а на другой стороне неба большая и круглая луна отправилась в своё ночное странствие. Перед ними протянулось скалистое морское побережье Кевейта. Как зелёные шипы горы внутри страны взмывали в небо, а вокруг крутых, острых скал кружили водоплавающие в поисках добычи.

Несколько тёмных горных пород проходили вдоль побережья, как будто погода и время погрузила часть суши в море. Везде, между частично возвышающимися в несколько метров каменных колонн здесь, на юго-востоке Весеннего царства, казалось, чувствуется стихия земли.

— Ещё чего-нибудь сладкого, прежде чем причалим к берегу?

Торговец в тёмно-зелёных, льняных одеждах стоял перед Канаелем, к плечам привязана лавка, и совал ему под нос маленькую коробочку с законсервированными в мёде финиками и бананами. Он унюхал заманчивый запах масла и мёда, но всё же он с благодарностью отказался.

— Куда путь держите? — спросил мужчина. У него было загорелое лицо, легкое покраснение вокруг носа и выгоревшие на солнце волнистые волосы. Он напомнил Канаелю Дава.

— В Кевейт.

Другой подмигнул Канаелю.

— Я так и думал. — Его взгляд упал на Песню Небес, которая прижалась к боку Канаеля и всё ещё спала. — Сбежали?

— Нет, нам нужно на похороны. Наша тётя умерла. — Он указал на серую шаль, которая немного соскользнула с головы Песни Небес.

— Мои соболезнования. Значит, она твоя сестра.

Канаель взглянул на спящую Песню Небес.

— Точно. Моя сестра.

— Что же, мы в любом случае скоро причалим. Там позади уже виден залив Гаель. — Он посмотрел в ту сторону, в которую указал торговец и обнаружил яркие дома, похожие на дома в Муне и корабли, с возвышающимися в красноватое небо мачтами. Рядом со скалистым побережьем находились ещё несколько пляжей и подводных пещер, которые служили множеству морских птиц в качестве гнёзд, поэтому южная сторона Кевейта называется также Лирнис неа Даль — побережье жизни.

— Ты в первый раз в Весеннем царстве?

— Нет, был там уже множество раз. Семья моей тёти живёт в Вете в южном, семейном квартале.

Лицо мужчины приняло мечтательное выражение.

— Ах... Мне всегда не хватает великолепных красок, музыки, буйных праздников, когда меня там нет! Никто не может праздновать так, как кевейтцы! — Он снова рассмеялся. — Ничего против не имею в отношении других стран, но Кевейт — это что-то особенное. Он всегда цветёт. И у всех всегда хорошее настроение.

Канаель подумал о Даве и кивнул.

— Да, в этом ты прав.

— Всего хорошего вам!

Торговец сладостями по обычаю Весеннего царства дотронулся до лба и губ и пошел дальше к группе мужчин, дремавших сидя в кругу. Канаель посмотрел ему вслед, при этом его взгляд упал на эту группу.

На мужчинах была одета неприметная одежда рыбаков, но их волосы были чёрными, как смоль, с заплетёнными, несколькими косичками. Как будто он почувствовал взгляд Канаеля, один из них лениво открыл свой глаз и коротко посмотрел в его сторону. Мимолётный взгляд, не стоящий упоминания, но для Канаеля было его достаточно. Он знал этого мужчину.

Гехалла, пронеслось у него в голове. Его сердце забилось быстрее, и он посмотрел в сторону Песни Небес. Когда он вновь повернулся к мужчинам, казалось, они погружены в разговор, а торговец прошёл к другой семье. Всё же Канаель не мог избавиться от чувства, что здесь что-то не так.

— Песня Небес, — прошептал он, и подтолкнул её.

Она заморгала, открывая глаза, и, казалось, в первый момент не понимает, где находится. Но мгновение спустя осознала, где они, и тоже села. Она вопросительно на него посмотрела, в то время как поправляла свою серую шаль на голове.

— Ты видишь мужчин там впереди? Рыбаки с косичками в волосах?

Она сосредоточенно последовала за его взглядом и кивнула.

— Может, один из них кажется тебе знакомым? Ты уже один раз их видела?

Задумчиво Песня Небес разглядывала одного за другим. Какое-то время её взгляд

остановился на мужчине, который посмотрел на Канаеля, но, в конце концов, она покачала головой.

— Я тоже не видел... но что-то с ними не так. Пошли! — сказал он и встал со своего места. Песня Небес последовала за ним в носовую часть корабля, туда, где было не так много пассажиров.

Посмотрев через плечо, Канаель убедился, что за ними больше никто не следовал. Поблизости стояла семья, кроме неё никого не было видно.

«Я уверен, что эти люди принадлежат к Гехалла! Они ни в коем случае не должны меня найти!»

Стойческое выражение лица Песни Небес, которое каким-то образом напомнило ему Геро, не изменилось, но, тем не менее, он заметил страх в её глазах.

— Песня Небес, послушай меня хорошенько: Гехалла охотится за мной. В Муне они дважды пытались меня похитить, чтобы потом шантажировать моего отца. Нам нужно сойти с борта корабля прежде, чем они нас поймают. Возможно, мы сможем спрятаться на нижней палубе у гребцов... — Он настойчиво посмотрел ей в глаза, и её взгляд стал мягче. — Доверься мне. Пока я рядом, с тобой ничего не случится.

Его рука сама собой протянулась к её щеке, но затем, не дотронувшись, он опустил руку. Канаель чувствовал, что как-то связан с ней, ничего подобного он никогда не ощущал ни к одной женщине. Конечно, он уже спал с женщинами, но это были элитные проститутки или дочери послов. Здесь все было совершенно по-другому. На этом корабле он был братом Песни Небес, простым путешественником, а не будущим владыкой Летнего царства. Но это изменится.

Он наследник. Будущий правитель Летнего царства. А она служанка. У них нет будущего. Он не пойдет на поводу у своих чувств, как бы ему не хотелось.

— Я позабочусь о тебе. Я пообещал Геро, что привезу тебя обратно целой и невредимой, и я это сделаю.

Он сам слышал, каким осипшим был его голос. Канаель Де`Ар, ты безрассудный идиот.

— Ты доверяешь мне?

Она твердо посмотрела ему в глаза и кивнула.

— Мы оставим все ненужное.

Он показал на маленький, кожаный мешок и сумку Песни Небес, в которой были собраны их пожитки. Внезапно она схватила его за руку и кивком указала на что-то позади. У Канаеля застыла кровь в жилах, так как это могло означать только то, что Гехалла обнаружила их.

— Они идут в нашу сторону?

Кивок.

Канаель огляделся вокруг в поисках путей к побегу.

— Куда так торопитесь, Ваше Высочество? — раздался сзади издевательский голос.

Трое мужчин отделились от группы и теснили Песню Небес и Канаеля к поручням. Они были окружены.

— Должно быть, вы меня с кем-то спугали, — сказал Канаель. Его сердце беспощадно билось о ребра, он мысленно проклинал себя за то, что его голос дрожит. — Меня зовут Ренас, а это моя сестра Рия. Мы едем в Кевейт, моя тетя умерла, и наша мать послала нас на похороны.

Главарь, заговоривший с Канаелем, улыбнулся.

— Не утруждай себя понапрасну. Номер с сестрой конечно не плох, но мы уже с самого Муна у тебя на хвосте. Мы ждали только, когда вы, наконец, распрощаетесь с этим огромным ребенком с метательными ножами.

Канаель пытался скрыть удивление, лихорадочно обдумывая, как ему избавиться от Гехаллани. Нужно как можно дольше поддерживать с ними разговор.

Каждый момент подольше на этом корабле, даст им больше времени для бегства.

— Чего вы от меня хотите? — Его голос стал громче, и отец семейства, которой до этого момента разговаривал со своей женой, нахмурившись, подошёл ближе.

— Что здесь происходит? — спросил он. В глазах главаря вспыхнул гневный огонь, прежде чем он повернулся к мужчине и вытащил из-за пояса длинный кинжал.

— Это тебя не касается!

— Я приведу помощь! — сказал отец семейства. Он довольно сильно побледнел, и развернулся, собираясь идти. Двое других Гехаллани, которые до сих пор молчали, встали рядом с главарём и загородили мужчине дорогу. Канаель увидел, как его жена в ужасе закрыла рот рукой.

— На твоём месте я бы не стал этого делать, — прорычал главарь. — Ещё прежде, чем ты доберёшься до каюты капитана, мы вырежем на коже твоей маленькой семьи несколько сувенирчиков, в память об этом путешествии и выбросим их за борт. А теперь проваливай.

— Уходите! — умолял Канаель мужчину. Он ни в коем случае не хотел, чтобы что-то случилось с двумя маленькими девочками, вцепившимися в подол своей матери. Последний извиняющийся взгляд, потом мужчина отвернулся и вернулся к своей семье, которая сразу же обняв его, быстро ретировалась.

Фыркая, главарь сказал Канаелю:

— Шиан немного возмущён тем, как прошла ваша последняя встреча. А он не любит, когда его расстраивают.

— И вы должны теперь отвезти меня к нему, — констатировал Канаель. Он чувствовал на себе взгляд Песни Небес.

А потом ему в голову пришла идея, безумная идея, и его лицо осветила улыбка.

Песня Небес почти незаметно кивнула ему, так, будто поняла и без слов, что задумал Канаель. Он снова направил своё внимание на главаря и продолжил:

— Можешь передать Шиану, что наши пути не пересекутся ещё один раз. Не в этой жизни. Всё остальное решать богам.

— Боги ничего не решают, они фигуры на своей собственной шахматной доске, и это уже с начала времён. У тебя нет другого выбора, сын правителя. Потому что Шиан уже решил твою судьбу, он из плоти и крови, и если ты не примешь его приглашение, то умрёшь. Или кто-то, кто тебе дорог. — Он посмотрел на Песню Небес, выдержавшую его взгляд.

— Ты ошибаешься, — ответил Канаель угрюмо. — Мою судьбу я всё ещё решаю сам.

Он схватил руку Песни Небес, в следующий момент они повернулись к Гехаллани спиной, и вместе запрыгнули на деревянный бортовой леер. Корабль качался на больших волнах, и Канаель пытался держать равновесие, пока смотрел вниз. Тёмная вода угрожающе пенилась — потом они вместе прыгнули в её глубины. Прежде чем вода гудя, накрыла их, и темнота поглотила, Канаель услышал, как ругаются Гехаллани.

Крон, Осеннее царство

Тронный зал дворца Далиен.

— Он ещё не прибыл. Разве вы не сказали, что послали к нему дреля?

Однозначно рассерженный, мужской голос отзывался эхом от стен. Ашкин не видел лица говорящего, для этого ему нужно было перегнуться через каменную балюстраду тронного зала, и тем самым, возможно, выдать свое присутствие. После того, как Эран намекнул на то, к кому после смерти Арии перешла власть над народом Осеннего царства, Ашкин незаметно прокрался через канализацию во дворец Далиен, чтобы лично убедиться в чудовищности происходящего.

Он находился на расстоянии двух этажей над присутствующими в тронном зале. Была ночь, бесчисленные серебряные лампы, в которых горел огонь, были прикреплены на потолке и стенах и отбрасывали длинные тени на золотистые ковры, украшенные гербом семьи Ар'Лен.

— Я убежден, он появится в любую минуту, — ответил второй голос.

— Ты убежден во многих вещах, Серидан, — презрительно ответил первый. — Ты хотя бы получил сообщение из Талвена и Сувия?

Последовала длинная, нервная пауза. Ашкин перенес вес на другую ногу. Он уже слишком долго сидел в неудобной позе на одном из многочисленных цоколей, которые раньше были украшены подарками из Весеннего царства. Тронный зал отличался от залов других королевских дворцов своей овальной формой и возносящемся к небу потолку.

Было всего лишь четыре маленьких окна, посвященных богам, и главный вход, выкрашенный в типичный для Сыса цвет золота. Потолок полностью состоял из стекла, так что в любое время дня и ночи можно было наблюдать за небом и чувствовать себя ближе к богам.

Наконец снова раздался неуверенный голос.

— Способы коммуникации больше не такие надежные, и мы... не знаем, что произошло в Талвене... В Сувии все идет так, как Вы желали.

— Дерион Де'Ар, наконец, мертв?

— Еще нет, но это вопрос времени.

— Когда я могу на это рассчитывать?

Некоторое колебание.

— Сааро А'Шель уже несколько недель находится в Лакосе, готовится к заданию. Дело нескольких дней.

Ашкин замер, услышав имя брата. Между Сувием и Сыски уже несколько столетий действовало торговое соглашение, распределяющее соотношение сил между царствами. Народ Летнего царства превосходил народ Осеннего царства по численности войск и военной подготовке. Но Ашкина больше беспокоил тот факт, что его брат, очевидно, получил заказ убить правителя Летнего царства. Но зачем?

— По крайней мере, один А'Шель делает то, что ему приказали.

Ашкина накрыла волна разочарования. Он в последний момент смог подавить импульс

не схватиться за свои маленькие, выкованные из шаронской стали метательные ножи. У него ушли годы на то, чтобы научиться не реагировать на интуицию и телесные рефлекссы.

Как бы то ни было, пришло время заявить о своем присутствии.

— Ни один А'Шель не подчиняется воле другого человека, — сказал он громко и прыгнул с цоколя для подарков на балюстраду балкона на третьем этаже. Лишь в нескольких метрах от него стоял стрелок в маске, который вздрогнул, обнаружив его присутствие, и прижался к стене. Ашкин смотрел вниз на тронный зал и слышал, как некоторые мужчины в ужасе ахнули, когда узнали его.

Лишь секунду спустя охранники, одетые в струящееся золото, направили на него арбалеты. Ашкин улыбнулся. Под ним простирался тронный зал во всей своей осенней красе, комната была украшена тёплыми, золотисто-коричневыми тонами и оснащена растениями Сыски. Его взгляд метнулся к огромному, сделанному из серебра трону, перед которым он ещё несколько недель назад стоял на коленях и присягал на верность Арии Ар'Лен. Теперь там сидел мужчина, занявший место Арии, и таким образом нарушивший столетнюю традицию Осеннего царства: не кто иной, как Гариен Ар'Лен.

Сын Мерлы. Брат Арии.

— Ашкин, хорошо, что ты почтил нас своим присутствием. Я должен был знать, что ты уже здесь.

Движением руки, пробудившим впечатление, что он отгоняет надоедливое насекомое, Гариен дал указание своей охране опустить оружие, что они тот час и сделали.

— Однако я должен разочаровать тебя: Саро уже занял предусмотренное для тебя место при дворе, и должен сказать, он отлично следует моим приказам. Так, как я себе это представлял.

— И какое место вы предусмотрели для меня?

— Любопытно? — Гариен захихикал. — Почему бы тебе не спуститься вниз, и мы поговорим лицом к лицу? Тогда мне не придётся так кричать.

— И не подумаю, — ответил Ашкин. — Скажите, что хотели или я уйду.

— Это была не просьба, А'Шель, а приказ!

Ашкин знал не особо много о Гариене. Старший сын Мерлы всегда придерживался своей роли в качестве посла и носителя имени Ар'Лен, и сохранял отношения между четырьмя царствами. Поскольку право унаследования трона передавалось по женской линии, у него была второстепенная роль при дворе, хотя он и первенец Мерлы, и всем известный секрет заключался в том, что Гариен испытывал зависть к сестре, что та занимала такой пост. Алчность и зависть могут разесть душу человека, это Ашкин знал очень хорошо. Его собственный брат был хорошим тому примером.

Но действительно ли Гариен зашёл настолько далеко и убил свою сестру, чтобы самому сесть на далиенский трон?

— Возможно, Саро подчиняется вашим приказам, но я не буду. Итак, чего вы от меня хотите? — Конечно, Ашкин понимал, что находится на опасном пути, всё же он знал свою ценность для Сыски. Никто не был так хорош, как он. Даже Саро.

— Значит, это правда, что о тебе говорят, — сказал Гариен и почесал бороду, заплетённую на сысский манер. — Ты работаешь на того, кто больше всего тебе платит, не так ли?

— Это зависит от поручения. Я служил вашей матери и сестре из совершенно других побуждений.

— Ах да, служба родине и благополучию правительницы Осеннего царства. Как замечательно. Полководец, который полностью посвятил себя своему народу. Я слышал много хорошего о твоей семье. — С довольной улыбкой Гариен откинулся назад. Потом он обратился к людям в зале.

— Оставьте нас одних.

Сразу же зашуршала одежда, и мужчины поспешно удалились. Мгновение спустя Ашкин и Гариен остались одни. По крайней мере, Ашкин должен был думать, что они одни. Он не выпускал мужчину на троне из поля зрения. Гариен должно быть подготовил что-то большое, в противном случае он не подвергал бы себя такой опасности.

— Ты не чувствуешь себя теперь спокойнее? Может быть, хочешь сейчас спуститься?

Ашкин не ответил. Вместо этого он перескочил через балюстраду и приземлился на балконе под ним, потом спрыгнул ниже ещё на один этаж. С глухим звуком он приземлился на ноги и направился широким шагом к трону. Звук его тяжёлых сапог отдавался громким эхом от стен. Когда он подошёл ближе, то заметил ар'ленский герб — золотое дерево жизни, окружённое золотой лентой, посередине красно-коричневого фона — вышитый в дорогой, светло-коричневой мантии Гариена. Ашкину он показался насмешливой, зловещей меткой.

Он остановился прямо перед Гариеном Ар'Лен и разглядывал его, нахмурившись.

— В последний раз Гариен, чего вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы ты работал на меня.

— Люди в городе суеверны, — сказал Ашкин. — Они не потерпят мужчину на далиенском троне. Вам ведь должно быть это ясно.

— Моя семья правит Сыски уже триста лет.

— Женщины Вашей семьи правят Сыски уже триста лет. Так, как того требует закон в честь богини. Но Вы? Вы что, собираетесь отрастить грудь?

Улыбка на лице Гариена померкла.

— Не советую тебе дальше дразнить меня, А'Шель. До сих пор я был довольно благосклонным. Ты даже не представляешь, на что я способен. Особенно, когда твой брат находится так далеко.

Ашкин глубоко вдохнул, пытаясь скрыть гнев. «Не показывай ему, как важен тебе Саро. Тебе нельзя открывать перед ним твое единственное слабое место».

— Простите меня, Ваше Высочество, — сказал он. — Вы наверняка все хорошенько обдумали.

— Это так. Но в моих планах ты играешь существенную роль. Я хочу, чтобы ты работал на меня. Моим телохранителем, моим стратегом. Выбирай, что тебе нравится. Я буду хорошо платить.

— Я не нуждаюсь в Ваших деньгах.

Он и правда, был богаче многих князей царства, но никому не рассказывал об этом.

— Я не имею в виду деньги. Как я уже упомянул, было бы не плохо, если не сказать умно, действовать от лица твоего брата.

Удивленно подняв брови, Ашкин смотрел на довольное лицо сына Мерлы.

У него ничего нет от нее. Ни доброты, ни излучаемого ею спокойствия. Он выглядит нервным, ненадежным.

— Что тогда Вы имеете в виду, если не деньги?

— Ты веришь в легенду о Потерянном народе?

Ашкин напрягся, у него замерло сердце. Уже второй раз за вечер он услышал об этом. В

своей жизни, особенно во время войны, он видел многое, что было трудно объяснить логически. Однако он никогда не обращался к богам и их историям, как делали это другие воины в минуты отчаяния. Но Ашкин знал, что хотел услышать Гариен. Поэтому для него было бы лучше изобразить из себя верующего человека.

— Да, я верю.

— Это хорошо, — сказал Гариен. — Я тоже. Ты веришь в магию богов, которую они передавали своим родным детям? И что во снах, которые посылает нам Ткачиха снов, содержится немного этой энергии?

— Куда Вы клоните?

— Осколки снов.

— Осколки снов? — повторил Ашкин. — Я никогда не слышал об осколках снов.

— Потомки Потерянного Народа черпают свою энергию из снов, которые Удина ткет для людей. Если она проснется, ее магический сон распадется на тысячи частей, и каждый, у кого будет осколок сна, может без всяких ограничений пользоваться божественной магией.

— И Вы хотите разбудить Ткачиху снов? — спросил Ашкин с нескрываемым сомнением в голосе. Вся эта история была какой-то притянутой за уши.

— В самом деле, в самом деле... За последние годы в четырех царствах многое поменялось, причем твой брат внес свою лепту в происходящее, совершив неприметное ограбление. Восемь лет назад из библиотечных катакомб в Лакосе была украдена книга, существование которой до сих пор считалось мифом. Твой брат принес ее мне. Держа ее в руках, я понял, что все возможно.

— Что за книга?

— Хроника Потерянного народа. Книга, содержащая все тайны и записи Потерянного народа. Эта хроника является самым ценным сокровищем в мире четырех царств. Лишь немногие верили в ее существование, а Саро нашел ее и выкрал у народа Летнего царства. В ней содержится генеалогическое дерево, родословная всех детей Потерянного народа.

— Почему Вы мне все это рассказываете?

— Потому что ты должен все знать об этом, если будешь на меня работать. Ты должен доверять мне и знать, что у нас есть союзники. Я сделал очень выгодное предложение Гехалле из Сувия и Дешере из Талвеня. Обе эти организации борются за наше дело, за новое, славное будущее.

Ашкин ответил не сразу, взвешивая, какую выгоду стремится получить Гариен, делаясь с ним всей этой информацией. Особой выгоды он не заметил. «Он хочет произвести на меня впечатление».

В конце концов, он кивнул.

— Хорошо, но при чем тут осколки сна?

— Ах, я уже боялся, что ты не спросишь. Мы нашли возможность, разбудить Ткачиху снов и исполнить пророчество осколков сна, — сказал он с сияющим лицом.

Ашкин впервые увидел безумие в его глазах.

— Мы нашли способ, подчинить себе магию Потерянного народа. Те немногие потомки Потерянного народа, которые останутся после нашего нападения, станут нашими новыми богами, и мы будем править. Мы будем править, Ашкин, мы будем господствовать над всеми четырьмя царствами!

Лакос, Летнее царство

Саро А'Шель наблюдал, как в выключили последнюю лампу в крыле для слуг во дворце Ацтеа. К городской стене шумя, приближалась песчаная буря, но эти бури в Суви такие частые гости, что он между тем уже привык к громкому вою и треску. Он даже спал намного лучше, когда слышал её, хотя обычно совсем не спал.

В уме он представил план дворца, чтобы не сделать никакой ошибки. Восемь лет назад он уже нашёл дорогу в библиотечные катакомбы, после нескольких недель кропотливой подготовки и подкупа четырёх охранников, которым даже сегодня ещё плохо платили. Что же, Дерион Де'Ар уже всегда был несчастным скрягой.

В нём поднялось сожаление, когда он подумал о Ночном Ветре. До его смерти он считался самым опасным вором в четырёх царствах, и небольшая кража Саро тогда, не только стоила ему титула, но и жизни.

Саро прислушался. Приближались шаги к его высоко расположенному укрытию. Ниша в стене, в которой гнездились птицы, но после его появления, они, негодуя зачирикав, улетели прочь. Он находился в непосредственной близости от входа для слуг, выходящего на боковую улицу и не имеющего ничего общего с роскошными, украшенными орнаментами, красно-золотистыми воротами дворца. Совсем наоборот: было чудом, что гнилая, деревянная дверь не развалилась от последней бури.

— ... мой брат сказал, что в Кевейте многие деревни горят. Держу пари, что за всем этим кроется Потерянный народ. Они вернулись и мстят нам, — сказал женский голос, сопровождаемый мягких светом.

— Ради Сува, что за чушь ты несёшь, Кларана! Потерянного народа больше не существует. Их всех убили, — ответил второй женский голос.

— Ты ошибаешься. Крылья Зари рассказал мне о странных знамениях...

— И как же выглядят эти знамения? Ночь становится днём, а боги начинают посылать нам всем рукописные сообщения? Да это просто смешно!

— Можешь спокойно насмеяться, но однажды вспомнишь мои слова! Мне как раз пришло на ум: разве ты не считаешь странным, что убили обоих, Песню Небес и Солнечный Смех? Как раз именно сейчас!

Обе женщины стояли теперь так близко к Саро, что он видел их лица в слабом свете лампы, они, однако, не могли его обнаружить. Одна была высокой и стройной, другая маленького роста и с круглым лицом. Она была также той, кто сомневался:

— Песня Небес только исчезла. Скорее всего, с ней ничего не случилось. Она всегда была самой умной среди нас. Кроме того, Смотритель Пустыни утверждает, что несколько недель назад запустил её во дворец, но думаю, он просто опять сильно напился и нафантазировал себе эту чепуху.

В своём укрытии Саро незаметно вздрогнул. Песня Небес жива? Невозможно. Он не делает ошибок. Он поручил своим людям выкинуть её на одну из свалок, не прикасаться к ней, и всё сделать так, чтобы это выглядело как обычное убийство, выполненное Гехаллой. А, как известно, Гехалла убивает так же беззвучно, как и он сам. Однако, предпочтительно

ядом. Может быть, дураки использовали неправильную дозировку. С его губ сорвалось беззвучное проклятие. Песня Небес слишком много знает, и если она действительно ещё жива, то это многое усложнит.

— Мне холодно. Давай зайдём. И больше не слова о твоих теориях заговора, во дворце твои сплетни и так быстро распространяются.

Обе постучали в деревянную дверь два раза, с коротким интервалом между ударами. Дверь вскоре с тихим скрипом открылась.

— Что вы делаете здесь так поздно? — спросил глубокий мужской голос.

— Королеву мутило. Мы были в городе и купили у Фарена, целителя, травы, которые он привёз из своего путешествия в Кивейт, — ответила круглолицая, и отодвинула полотенце, закрывающее корзину, в сторону. Саро из своего укрытия не видел ни содержимое корзины, ни мужчину в дверном проёме.

— Если спросите меня, то в последнее время ей чертовски часто плохо.

— Думаете, она беременна? — спросила та, что высокого роста и заработала за это сильный толчок в рёбра. Обиженно она потёрла ударенное место. — Ай. Ладно уже, это утверждал Воитель Словами.

— Ничего подобного, — пробормотал тот. — Я только констатировал тот факт, что королеве в последнее время часто плохо. Давайте заходите, приближается песчаная буря.

Обе служанки проскользнули в дверь, которая сразу же с тихим скрипом закрылась. В своём укрытии Саро выдохнул задержанное дыхание. В стене дворца есть два незакреплённых камня, которые он обнаружил в последние недели своей подготовки, когда день за днём изучал планы дворца, а ночь за ночью крался вокруг толстых стен. Всё время он искал возможность попасть во внутрь незамеченным. Хотя этот подвиг ему уже удалось совершить однажды, но, в конце концов, это произошло восемь лет назад.

Немного применив силу, он сможет сдвинуть один из шатающихся камней в стене и через отверстие проникнуть на территорию.

Как и в первый раз, он был прекрасно подготовлен, однако его не отпускала мысль о том, что Песня Небес может быть жива. Ему надо было самому расправиться с ней. Пробормотав очередное проклятие, он слез с выступа, на котором сидел.

Все камни выглядели одинаково, но благодаря своей отличной памяти, Саро смог распознать два камня песчаного цвета, которые отличались от других одной мелкой деталью — круглой насечкой, которую он сам и нанес на них. Он прокрался к ним, и по очереди задвинул камни вовнутрь. С глухим стуком они упали в траву на другой стороне. К счастью, отверстие было достаточно большим, чтобы он, будучи худым и мускулистым и нося одеяние из льна, смог протиснуться через него.

«Гехаллани нужно было бы скинуть несколько фунтов», — подумал он, стиснув зубы, после чего забрался на территорию дворца, окружённую самым большим садом в четырёх царствах. Главная часть сада была покрыта стеклом и скрывала некоторые экзотические растения, которых обычно нет в Сувице.

Высокие кусты с золотистыми цветками, цветы с листьями цвета лаванды, которые были больше его руки, деревья, чьи тонкие, длинные ветки касались земли. Цветные джунгли, полные божественных ароматов. Он был разделен на четыре части и содержал, наряду с растениями, дорогие подарки других королевских семей. Саро окинул взглядом стеклянные башни, хорошо различимые сквозь стеклянную крышу и возносящиеся к небу, как серебряные копыта. Не мудрено, что Сердце Пустыни называли ещё и Стеклянным

Городом.

Оставаясь незамеченным, он направился к одному из бесчисленных входов в подвал, чья лестница вела прямо в катакомбы, которые были старше самого рода Де`Ар. Круглая арка из массивного известкового туфа служила входом. Никто точно не знал, когда они были построены, историки столкнулись с большими трудностями на этот счет, изучая исторические фрагменты, хранящиеся в библиотеке. Содержание текстов было скрыто от народа, Саро тоже много не знал из того, что произошло в прошлом.

Тем временем его глаза уже привыкли к темноте, поэтому ему было легко ориентироваться. Саро посмотрел через плечо, туда, откуда донеслось журчание фонтана. Одетые в черные одежды стражники патрулировали другую сторону сада, благодаря свету их факелов Саро мог вовремя узнать об их приходе. Он знал, что они не единственные защитники короля. Основная опасность исходит от телохранителей, которым, как и ему самому, нечего терять. Кроме своих жизней, которыми бы они охотно пожертвовали ради Дериона Де`Ара.

По его губам скользнула улыбка. Он ждал этого момента долгих восемь лет. Это был последний камень, который нужно сдвинуть с мертвой точки, чтобы довести хаос до совершенства. Хаос, позволивший бы ему, Саро А`Шелю, выйти из тени своего брата и стать легендой далеко за пределами Осеннего царства. Не только живой, но и бессмертной легендой. Именно этого он ждал всю свою жизнь.

Он нетерпеливо вслушивался в темноту подвала, прежде чем осторожно, ступенька за ступенькой, начал спускаться в него. Холод пробрался во все углы подвальных стен. Сырость проникала сквозь щели в полу, там, где были проложены камни, и тихий стук падающих капель воды, которая где-то собралась. Благодаря длительным тренировкам его ощущения были обострены до предела, он дышал так же тихо, как и двигался. Услышав за собой шаги, его лицо помрачнело. Саро сдержал пришедшие на ум проклятия и, наконец, достиг последней ступени.

Перед ним простирался один из многих коридоров, ведущих вглубь катакомб. Так как он находится в южной части дворца, у него только два способа попасть в заднюю часть, где спит повелитель Летнего царства.

Он выбрал короткий, но, быть может, самый опасный путь. Глубокая темнота вокруг не позволяла ему видеть библиотеку, находящуюся справа от него за одним из сводов. Согнувшись, он тихо пробирался по пустому коридору. Чем дальше он шел, тем больше его поглощала темнота, лежащих под землей катакомб, а сырость постепенно сменялась приятной теплотой.

Он едва мог видеть свою руку перед глазами, но с каждым шагом привыкал всё больше к темноте. Возле четвёртой, вделанной в стену двери, лишь неясно выделяющейся в окружении, он остановился и завернул в новый коридор. Его шаги стали более уверенными, а ноги несли его более надёжно через всеобъемлющую ночь. В конце концов, он разглядел контуры гобелена в конце коридора и остановился возле него. В темноте ясно выделялась вышивка, изображающая герб семьи Де`Ар. Полумесяц, охватывающий две башни. Он тихо фыркнул и снова сосредоточился на своём задании.

Ровно два этажа над ним находилось крыло Дериона. Только ещё охранники отделяли его от опочивальни. Саро отстегнул меч от спины и отодвинул гобелен в сторону. Как и указано в планах, за ним появилась узкая, неосвещённая, винтовая лестница. Один из немногих тайных ходов, предназначенных для чрезвычайных ситуаций. Или для меня.

Он проворно поднялся по лестнице, остановился на последних пяти ступеньках и прислушался к бормотанию стражников.

— Все спокойно?

— Да.

Казалось, что ответ донесся прямо из гобелена.

— Я сделаю еще круг.

Раздалось шуршание, затем удаляющиеся шаги.

Саро подошел ближе, прислушиваясь к дыханию человека, стоящего по другую сторону гобелена. Он ждал. Вдох. Еще один, теперь он был уверен. Не мешкая, Саро ударил через гобелен прямо в сердце охранника.

Тихий стон вырвался изо рта мужчины, потом он бесшумно упал на пол. Саро вылез из своего укрытия и взял оружие охранника себе, прежде чем задвинуть мужчину за гобелен. Он опустился на колени, подполз к краю ответвления коридора и заглянул за угол. К его удивлению, часовых, обычно охраняющих опочивальню Дериона, отозвали.

Саро вскочил на ноги, каждая мышца в его теле была напряжена, он пошел дальше, направив взгляд на массивную, двойную дверь в конце коридора, которая всей своей неумеренной отделкой говорила о том, что это спальня правителя. Две жаровни освещали золотые ручки, украшенные драгоценными камнями.

Саро бесшумно приближался к ней, однако не оставлял своё окружение без внимания. Он слышал жужжание, ещё прежде, чем почувствовал дуновение ветра рядом со своим ухом. Что-то острое, прямо позади него, врезалось в дерево оконной рамы.

Инстинктивно он перекатился на полу и вытащил свои метательные звёздочки, чтобы мгновение спустя, швырнуть их в сторону бокового коридора, туда, где полагал, находится атаковавший его, однако в первый момент не смог его разглядеть. Точно и беззвучно три звезды пролетели через тёмный коридор. Он услышал испуганный возглас, потом массивное тело ударилось о пол, и грохот меча заполнил коридор. Потом на верхний этаж вновь опустилась тишина, и Саро с облегчением выдохнул. Ему повезло. Никто так опрометчиво не промахивается.

Рано или поздно его обнаружат, поэтому оставалось мало времени. Либо ему нужно убить всех стражников, прежде чем проникнуть в покои Дериона, либо надеяться, что все телохранители распределились по коридорам верхнего этажа.

Саро больше не колебался, поспешил к двери, обхватил ручку влажными пальцами и открыл её, оружие наготове. Когда он зашёл, из опочивальни не слышалось ни звука. Он настороженно блуждал взглядом по комнате. Как было известно Саро, Пеала Де'Ар уже много лет спала в своём собственном крыле. Тем больше он удивился, когда различил на кровати три силуэта.

Благодаря бело-серебристому свету луны, что лился через фасад окон, можно было угадать контуры мужского тела, которому было около пятидесяти. Он лежал на той стороне кровати, что была ближе к двери. Саро чувствовал, как его рука крепче ухватилась за рукоятку. Дерион Де'Ар крепко спал. На той стороне, что была повёрнута к окну, лежали две молодые женщины, обе голые и, видимо, из Зимнего царства. Их кожа и волосы были благородно светлыми, чего не встретишь в Летнем царстве, а юные лица выражали удовлетворение.

Саро опустил свой меч, разглядывая владыку Летнего царства. Как такой могущественный мужчина может быть таким беспечным? Провести ночь без охранников.

Без дополнительной защиты. Его шпионы, должно быть, уже давно сообщили ему, что происходит в четырёх царствах.

Он действительно думал, что волнения не затронут Сувий? Обе женщины зашевелились во сне. Взгляд Саро упал на их грудь, на которой были заметны следы от укусов. Должно быть, Дерион страстный мужчина. Саро посмотрел в сторону стула и обнаружил голубые ленты, упавшие на пол. Скорее всего, женщины были причиной небрежности правителя.

Наверное, из-за деликатности он приказал своим телохранителям оставить его наедине с дамами. Во второй раз за вечер Саро улыбнулась фортуна. В его жилах шумела кровь. Он был бодрым и готовым выполнить своё задание. И когда он здесь закончит, ничего уже не будет так, как раньше.

— Мне жаль, — пробормотал он тихо, когда вновь поднял оружие. Он и сам не знал, кому говорит эти слова. На одно мгновение остриё его лезвия ещё зависло в воздухе над сердцем Дериона, потом Саро воткнул его и навсегда изменил ход мира.

Где-то в Летнем царстве

На шатких ногах Навия встала и расшнуровала узкую верхнюю часть талвенского костюма, чтобы убрать её со своей мокрой кожи и обеспечить немного воздуха. Её лодыжки, находящиеся в толстых, зимних сапогах, пульсировали от боли, а жара въедалась в плотные слои одежды, затрудняющие дыхание. Глубже и глубже её тяжёлые сапоги погружались в песок пустыни. Как водоворот, он затягивал её, а у неё не было сил бороться.

Жарко...

Её горло горело. Из последних сил она оттолкнулась от песка. Её мучил голод, и она посмотрела на ясное небо, на котором не было видно ни облачка. Яркий свет солнца раздражал глаза, и она повернула голову в сторону. Ничего не было видно, кроме песчаных дюн, возвышающиеся, как знакомые ей талвенские, горные хребты. Напряжённо она пыталась что-нибудь разглядеть, но куда бы ни посмотрела, не видела ничего, кроме пустыни. Горизонт вдалеке расплывался нервной рябью, не позволяя ей хоть что-то разглядеть.

Она оказалась в Летнем царстве. Но какой ценой?

Так жарко...

Навия еле передвигала ноги, которые были такими же отекшими, как и шея. Солнце обжигало каждый кусочек ее обнаженной кожи, которая уже покраснела, а там, где она была защищена, к ней липла одежда. Пройдя десять шагов, она опустилась на колени, все ее мысли были только об освежающей, прохладной, родниковой воде.

Она бы все отдала за глоток воды из колодца в Ордине! Взгляд Навии устремился к горизонту. Он дрожал и мельтешил перед ее глазами, не важно, в каком направлении она смотрела, вид был один и тот же. Небо и песок. Ничего кроме песка. Она находилась посреди пустыни, даже не понимая, как попала сюда.

Она попыталась прислушаться к себе, испытывая нестерпимое жжение в спине. Тишина. Нет никаких сил. Ни малейшего намёка на собранный сон. Никакой магии.

Обессиленная, Навия опустилась на землю, сложив голову на руки. Ее окутал жар, песчинки попали в рот и нос. Навия слышала лишь собственное дыхание, вокруг была полная тишина. «Я так устала... Бесконечно устала...»

Тишина — это ее друг, и она жаждала спасения, вечной тишины. Навия попробовала сглотнуть, но у нее пересохло в горле.

«Исаака... Где ты? Ты нужна мне... Ты нужна мне рядом... как я теперь отомщу за отца? Как мне бороться за тебя? Я больше не хочу...»

Казалось время идет все быстрее, ее кожа обгорела, а легкие наполнились удушливым воздухом. Когда Навии уже казалось, что она, наконец, на месте, она провалилась в лихорадочный сон.

Она падала.

Падала и горела. Ее тело сгорало...

Но Навия была жива. Что-то внутри кричало ей, что она еще жила.

— Дитя! Дитя, просыпайся! Канаель, иди сюда, помоги мне. Ранеаль, ты тоже! Идите

сюда, перенесем ее в мою хижину!

Сквозь пелену жара Навия слышала женский голос. Она была слишком слаба, чтобы открыть веки, однако чувствовала прохладные пальцы на коже. Она не знала, сколько прошло времени. Да это, в общем-то, не играло никакой роли.

— Она вся горит... Ради Сува, бедняжка целый день провела на солнце.

Она почувствовала, как несколько рук дотронулись до ее кожи, и вскрикнула, когда без предупреждения, везде, где к ней прикасались, вспыхнула боль.

— Шшшш, дитячко... Все будет хорошо... Я позабочусь о тебе... Не бойся...

Навия бросала голову из стороны в сторону, чувствуя, как ее положили на своего рода носилки. Затем снова окунулась в беспокойный, лихорадочный сон.

«Исаака... Я буду бороться за тебя...»

Побережье, Весеннее царство

Когда Канаель всплыл на поверхность, он отчаянно начал хватать ртом воздух и оглядываться, но у него было мало времени, потому что в тот же момент его мокрая одежда потянула снова вниз.

Она свисала с его тела, словно свинец. Это было похоже на объятья смерти, и он беззвучно выругался. Было такое чувство, словно его хватают тяжёлые руки и хотят затянуть в глубины моря. В панике он снова двинулся вверх и наполнил лёгкие воздухом. Как тёмные чудовища волны возвышались рядом, загораживая обзор.

Корабль уже уплыл так далеко, что он кое-как различал его на окрашенном золотистым цветом горизонте. Энергично размахивая ногами, он держался на поверхности, в то время как солёная вода жгла глаза. Он пытался найти Песню Небес в тусклом свете начинающегося вечера. Его дыхание было прерывистым, адреналин растёкся по телу, когда он снова погрузился в воду. Тяжело дыша, он всплыл.

— Песня Небес? — Его голос звучал неестественно высоко, потом его накрыла следующая волна. На один короткий момент он погрузился под воду, сопротивляясь течению глубин и игнорируя ледяной холод, который схватил его, словно в тиски. Наконец он снова всплыл на поверхность, панически вдыхая воздух. — Песня Небес! — снова закричал он.

Потом он увидел руку, возвышающуюся над пенящейся водой, он сможет добраться до неё тремя рывками. Так быстро, как мог, он поплыл к ней и схватил за запястье, когда она уже начала погружаться вниз. Песня Небес неуклюже двигалась, почти так, как будто не знала, что нужно делать.

«Чёрт, она не умеет плавать!», пронеслось у Канаеля в голове. И всё-таки прыгнула. Она доверяет ему! Волна противоречивых чувств накрыла его, и он прижал её к себе, что оказалось ошибкой.

— Успокойся, — крикнул он, но Песня Небес барахталась, как сумасшедшая. Её локоть врезался ему в рёбра, и он начал задыхаться. Пинок попал по бедру. Его накрыла темнота. С помощью нескольких сильных толчков он всплыл на поверхность. Перед глазами потемнело. Держись, чёрт побери!

Он чувствовал, как Песня Небес вцепилась ему в руку, её дополнительный вес угрожал утащить их обоих вниз, но Канаель сопротивлялся. Им нельзя утонуть. На кону стоит слишком много! Его лёгкие горели. С каждым движением ног он чувствовал, как его мышцы напрягаются всё больше.

Он собрал всю свою последнюю силу и толкнул их обоих навстречу свету, проникающему через поверхность воды. На языке был привкус соли. Потом они всплыли. Канаель снова вдохнул воздуха, пытаясь определить, когда их захватит следующая волна, при этом он крепко держал Песню Небес.

— Ты можешь плавать? — У него как раз было достаточно воздуха, чтобы выдохнуть этот вопрос.

Широко распахнув глаза Песня Небес покачала головой, прерывисто дыша. Должно быть, она совершенно сошла с ума, взять и просто прыгнуть в воду! Или была смелее, чем он

думал...

— Я рядом, не бойся, — сказал Канаель, следя за тем, чтобы голова Песни Небес находилась над водой. В этот момент ему было всё равно, что она о нём подумает и нарушит ли он этикет. Скорее всего, он нарушил все чёртовы правила, которые установил Туманный Мастер!

— Я доставлю нас до берега, но ты должна вести себя спокойно. — Его голос звучал, как чужой, как будто доносился из невероятного далека.

Песня Небес была бледна и судорожно дышала, но в её взгляде лежала благодарность. Намёк на улыбку появился на губах, которая тут же исчезла, когда она в очередной раз погрузилась в воду. Не раздумывая, он обхватил верхнюю часть её тела руками, держа её голову над водой, он на спине начал плыть в сторону берега.

Он чувствовал дрожь Песни Небес, слышал её затруднительное дыхание. Берег был ещё так далеко, что лишь при мысли о том, что ему нужно доставить их обоих туда, у него начинала кружиться голова. Но если бы это было необходимо, то он сделал бы всё от него зависящее, только чтобы спасти Песню Небес, и эта мысль пугала его. Она становилась в его руках всё тяжелее.

Его лёгкие начали болеть, но он стиснул зубы. Снова и снова он глотал воду, но знал, что доберётся до берега только в том случае, если продержится. Его пульс между тем бился уже в три раза быстрее, и хотя он пыталась дышать равномерно, каждый вдох колот в боку словно нож. Благодаря технике исцеления Геро рана, которую нанесли ему Гехеллани, зажила настолько, что об этом деле напоминал ещё только тонкий шрам.

Чем ближе они подплывали к берегу, тем беспокойнее становилось море. Канаель чувствовал, как он медленно теряет контроль. Борьба с возвышающимися волнами, и в то же время держать Песню Небес над поверхностью воды больше было невозможно. Он прислушался к себе, и его молчаливый поиск закончился.

С тех пор, как они отправились в путь, у него больше не было шанса поглотить сон, и пустота внутри была бездонной. Возможно, им не удастся добраться до берега. Его правое бедро внезапно пронзила боль, и он подавил крик. Судорога, как раз именно сейчас! От муки он скривился и подавил импульс просто взять и сдаться. Нет! Не сейчас! Не тогда, когда от него зависит жизнь Песни Небес.

Когда он оглянулся через плечо, то смог увидеть силуэт светло-зелёного, скалистого берега Кевейта. Если ветер и вода не снесут их влево, то они попадут прямо в небольшую песчаную бухту. Всё остальное пока что не важно. Канаель сжал губы, игнорируя колющую боль в ноге. На севере уже стало темно, темнота распространялась по небу и прогоняла последние остатки дневного света.

Ещё совсем немного...

Только когда волны стали подниматься всё выше, он понял, что они находятся прямо рядом с берегом. Они почти доплыли! Канаель перевернул Песню Небес, которая смотрела на него, широко распахнув глаза. Её густые ресницы слиплись от воды, волосы ещё более тёмными прядями свисали на лицо. Его грудь неистово поднималась и опускалась. В бедре он чувствовал эхо судороги. Каждая мышца в его теле болела, как будто его избивали несколько дней подряд.

— Двигай ногами верх вниз! — дал он ей указание и увидел краем глаза, как широкая волна с белым гребнем приближалась всё ближе. — На счёт три ты глубоко вдохнёшь и закроешь глаза!

Когда мы поднимемся снова на поверхность, я хочу, чтобы ты двигала ногами, так сильно, как можешь... Я не отпущу тебя! Я рядом, что бы ни случилось! Три!

Песня Небес закрыла глаза и сделала глубокий вдох, от её вида у Канаеля появился ком в горле. Потом мокрые, холодные объятия воды обхватили их, и он тоже ещё вовремя успел глубоко вдохнуть, продолжая крепко держать Песню Небес. Он потащил её через воду, чтобы потом снова всплыть с другой стороны волны. Песня Небес кашляя, начала хватать ртом воздух, но выполнила его указания. Таким образом, они передвигались вместе через воду, навстречу спасительному песчаному пляжу.

Ветер обдувал их; он чувствовал жар их тел, несмотря на ледяную температуру. Оглянувшись назад через плечо, он проверил, когда нужно будет повторить всю эту процедуру. До следующей большой волны было не так много времени.

— Я снова посчитаю до трёх, и тогда повторим всё ещё раз! — Его голос пытался перекричать ветер, но Песня Небес кивнула.

— Три!

Снова волна накрыла их, они вынырнули и поплыли дальше, как будто за ними гналась смерть. В конце концов, Канаель из последних сил вытащил себя и Песню Небес на берег. Он выплёвывал воду, а глаза всё ещё горели от соли. Также его ноги дрожали от напряжения и, в конце концов, подкосились, так что он упал на песок и тяжело дыша, перекатился на спину. Глядя в небо, которое было покрыто розовой пеленой, он раскинул руки в стороны.

Песня Небес упала рядом с ним на колени. Опираясь на руки, она кашляла и выплёвывала солёную воду. С её волос капала вода, светлое платье прилипло к телу, и Канаель мог ясно различить его контуры и очертания груди. Он отвернулся, когда Песня Небес повернула голову и посмотрела на него покрасневшими глазами. Он дрожал, его зубы стучали, ему было так холодно, что он больше не чувствовал своих пальцев ног.

— Я... думал... Прошу, прости, что я прикоснулся к тебе... Но по-другому... я не смог бы доставить тебя к берегу, — сказал он, тяжело дыша. — Я думал...

Внезапно она оказалась прямо над ним, её голые руки коснулись его рук, и по телу промчалась молния. Хотя его сердце бешено стучало, казалось, оно на одно мгновение остановилось, а глаза расширились, когда она наклонилась над ним. Песня Небес улыбалась. Лёгкая, почти незаметная улыбка, которая сделала черты её лица мягкими. Внезапно у него появилось желание поцеловать её. Почувствовать её. Быть рядом. Он впитывал в себя каждую деталь, потому что догадывался, каким коротким будет этот момент. На долю секунды Канаель забыл, какое у него призвание, и какое значение имеет его имя для него и для Летнего царства.

Песня Небес убрала ему волосы со лба и склонилась ещё сильнее, так что очертания её лица расплылись перед его глазами. Потом она оказалась так близко, что он почувствовал её тёплое дыхание на своём лице. Её мягкие губы прикоснулись к его губам, очень осторожно. Он почувствовал вкус соли и моря. Песок прилип к его спине, плечам и ногам, и хотя солнце село, и стало на удивление холодно, Канаель чувствовал жар их тел сквозь мокрую ткань.

Одну руку он погрузил в её влажные волосы и притянул ближе к себе, в то время как она прижалась к нему, углубляя поцелуй. Его тело покалывало везде, где она прикасалась к нему. На него накатывали волны жара. Нежно он провёл по её щеке, потом легонько вниз по руке до лодыжки.

Её кожа была мягче, чем он себе представлял. Он наслаждался моментом, почувствовал её руку, которую она положила ему на грудь. Дрожь прошла по её телу, когда он прижал её

ближе к себе. Его охватило желание, потекло, как жидкий огонь, собираясь в чреслах.

Песня Небес расслабилась в его руках, и подхлёстываемый её ищущими руками, он дал волю своим. Волна возбуждения нахлынула на него.

— Эй, вы там!

Песня Небес резко отстранилась, немного отодвинулась и посмотрела мимо него, в сторону пронзительного голоса, прервавшего их на кевейтском. Канаель тоже повернул голову, ещё малость растерянный, и не осознающий опасность. Его мысли всё ещё упивались горько-сладким моментом поцелуя, а всё его тело покалывало от желания.

Он поднял взгляд и испугался. В трех шагах от них, направив на них мечи, стояли пять женщин. У них у всех были зеленые волосы, у двоих они волнами ложились на плечи, остальные заплели косы, в отдельные пряди которых были вплетены белые жемчужины. Короткие платья из материала и кожи также были зелеными.

Канаель поднялся на ноги и стряхнул песок с влажной одежды. Песня Небес в замешательстве последовала его примеру. Пять пар глаз были направлены на Песню Небес, которая закрыла своё тело рукой. У них были высокие скулы и узкие лица, на которые они черной краской нанесли витиеватые знаки Кев. Пять женщин оказывали какое-то возвышенное, устрашающее воздействие на них.

«Кевейтские амазонки», — пронеслось у него в голове.

Они были высокими, почти как он. Канаель пожалел, что с ним нет кинжала. Наверное, он бы не сильно пригодился, но с ним он чувствовал бы себя спокойней и уверенней.

Две амазонки без предупреждения ринулись вперед, их острые лезвия были направлены в их сторону. Канаель бросился вперед, загораживая собой Песню Небес, прежде чем амазонки настигли ее. Они с глухим стуком упали в песок. От жесткого приземления на землю, в плече Канаеля вспыхнула острая боль. Однако он откатился в сторону, стиснул зубы и встал перед Песней Небес, пряча ее за спиной.

— Не нападайте на нас! Мы ничего не сделали! — крикнул он на кевейтском.

— Обыскать их!

Шипящие звуки звучали как угроза в устах предводительницы.

Обе амазонки тут же подошли к ним, грубо схватили Канаеля, силой оттащили от Песни Небес и обыскали его на предмет спрятанного оружия.

— Мы из... — начал он, но замолчал, когда амазонка справа от него ударила его кулаком в солнечное сплетение.

— Заткнись! Говорить будешь, только когда тебя спросят!

Канаель, хватая ртом воздух, скорчился, обхватив живот. Краем глаза он увидел, как остальные амазонки под присмотром предводительницы обыскивают Песню Небес. Затем они отошли от них и после того, как Канаель поднялся, предводительница обратилась к Песне Небес.

— Кто вы?

К счастью Канаель мог свободно говорить на всех диалектах и языках четырех царств, в противном случае он не понял бы грубое произношение. Он не колебался дольше, а решил сказать правду, по крайней мере, частично. Выдавать себя и Песню Небес и дальше за брата и сестру, учитывая их поцелуй, было бы глупо.

— Меня зовут Ренас, а это моя девушка Сари. Мы хотели добраться на пароме до Гаеля, но на корабле оказались Гехаллани, и мы были вынуждены сойти с него преждевременно. — В доказательство он поднял свою руку, на которой всё ещё можно было различить печать

продавца билетов.

Предводительница с угрюмым выражением лица покачала кудрявой головой.

— Мы говорим не с тобой, а с ней. — При этом она смотрела на Песню Небес, которая изумлённо смотрела в ответ. Скорее всего, ей были не известны кевейтские обычаи. Так как Кев была покровительницей страны, у женщин статус был здесь выше, чем у мужчин.

— Она немая, — сказал он. — И она не говорит на кевейтском. Так что вам придётся, хотите того или нет, довольствоваться моими ответами.

— Нам ничего не придётся, — фыркнула предводительница. — Меня зовут Дариа И'Лув. От имени Рины И'Реналь, правительницы Весеннего царства, мы ищем и окружающих потовые города заливах, чужаков, которые кажутся нам подозрительными. Ты и твоя подружка кажетесь мне очень подозрительными! — Она отвернулась и показала знаком подойти ближе другим воительницам.

— Возьмите их в плен, мы отведём их в темницу к другим, пока не выяснится, чего они хотят в Кевейте.

— Мы хотим продолжить путешествие в Мий, — выдавил Канаель, когда две воительница захотели схватить его. С удовлетворением он увидел, как две женщин испуганно разинули рты, а предводительница нахмурилась.

— Никто не ездит в Мий. Остров проклят. Души Потерянного народа и их сила лежат над ним, словно туман. Туман, который поглощает любого, кто к нему приближается. Что вы там забыли, если только не ищите смерти?

Канаель увидел шанс всё решить в свою пользу.

— Мы думаем, что короткое на нём прибывание сможет исцелить Сари. Может быть, посетив остров, она вернёт свой голос. В Сувии мы слышали истории о калекке, который начал снова ходить, после того, как вернулся с острова.

Хотя это и ложь, но что-то другое ему не пришло в голову на скорую руку.

На одно мгновение воцарилась тишина.

— Возможно, ты говоришь правду, а возможно, лжёшь, паренёк из Летнего царства. Но ты явно болтаешь слишком много. — Короткий кивок и воительницы во второй раз двинулись к нему. Канаель решительно сделал шаг назад. Он всё ещё чувствовал тупую боль от удара.

— Куда вы нас отведёте?

— Это не должно тебе тревожить. В Кевейте все темницы одинаковые.

Канаель заскрипел зубами. Если бы они знали, кто он, то никогда бы не осмелились так с ним разговаривать. Но ему также было на руку, что они не узнали его. К темнице их по крайней мере не сможет похитить Гехалла.

— Хорошо, — сказал он. — Мы пойдём с вами.

— Это не то решение, которое принимать тебе! — Дариа махнула ещё один раз рукой и две другие воительницы подошли к нему и Песни Небес и вытащили верёвки из своих толстых кожаных поясов. Более маленькая из них завернула обе руки Песни Небес за спину и связала их, с Канаелем обошлись точно так же. Когда воительница затягивала верёвку, он подавил тихий стон. Его запястья тёрлись друг о друга, и неприятное чувство от давления верёвки только увеличилось.

Он посмотрел на Песню Небес, которая разгадывала его с нежным выражением лица. В нём вспыхнуло тёплое чувство, и он быстро отвернулся. Рев ветра усилился, и по его телу прошла дрожь. Ледяная одежда прилипла к телу, и у него было такое чувство, будто он

больше не чувствует пальцев своих ног. Песня Небес тоже дрожала, но Дарии и её воительницам было на это плевать. Канаель почувствовал сильный удар в спину, когда одна из воительниц, та, у которой было угловатое лицо и узкие губы, подала ему тупой стороной меча.

— Пошли уже, паренёк из Летнего царства, у нас нет целого дня времени, — прорычала Дариа.

Молча они шли вдоль берега, к крутой, извилистой лестнице, выдолбленной в камне бронзового цвета. Мокрая одежда затрудняла его подъём, и он несколько раз спотыкался. Снова и снова воительница позади толкала его вперёд, и спустя какое-то время он понял, как быстро должен идти. Так как Песня Небес шла за ним, он не видел, что происходит с ней, а когда он осмелился оглянуться через плечо, стражница ударила его плоской стороной лезвия по затылку. Тупая боль взорвалась в нём, и на одно мгновение в глазах потемнело.

— Смотри вперёд, паренёк из Летнего царства!

Коротко он подумал о том, чтобы рассказать им, кто он такой, но сразу же снова отверг эту идею. Они в любом случае не поверят ему, к тому же это будет представлять угрозу для его миссии. Никто не должен узнать, что в Лакосе его место занял двойник.

Когда они взобрались на холм, возвышающийся за пляжем, и оказались на широкой, зелёной равнине, Канаель взглянул на небольшой залив, развернувшийся перед глазами с другой стороны утёса. Удивлённо он затаил дыхание. Рыбацкие лодки качались возле небольшого причала в беспокойной воде.

Они были единственными, что осталось целым. Несколько домов-лодок и хижин вдоль залива сгорели, чёрный след, оставленный огнём, просто невозможно было заметить. Осиротевший и безжизненный, маленький городок-призрак. Ничего больше не напоминало цветущее побережье, те радужные флажки, которыми махали вдоль берега в честь его семьи, когда он несколько лет назад вместе с отцом и матерью объезжал Кевейт.

Яркие цвета уступили место однообразному серому, почти так, будто на область напал демон и высосал из неё всю жизнь. Канаель вздрогнул при виде унылого зрелища и повернулся к Дарии, которая одарила его презрительным взглядом.

— Что здесь случилось? — спросил он.

Она горько рассмеялась.

— Как будто ты этого не знаешь! Не притворяйся невинной овечкой паренёк из Летнего царства! Это работа таких, как ты... Ты думаешь, я просто так арестовала вас? Ты очень хорошо знаешь, что везде в Кевейте были совершены нападения на деревни и убито множество моих соотечественников.

Канаель сглотнул. Отмеченные усталостью пустые лица женщин и детей, которые сошли сегодня в обед в Муне с корабля, всплыли в его памяти.

— Как долго?

— Какая тебе разница, паренёк из Летнего царства? Вам лучше придумать хорошую отговорку, потому что в ту небылицу, что вы рассказали мне, моя начальница никогда не поверит.

Канаель ничего не смог возразить, он даже не знал, что хуже: оказаться в кевейтской тюрьме промокшим до костей или чтобы Гехалла отволокла его к Шиану? В любом случае, выбора у них больше нет. Они могли лишь покориться судьбе.

Крон, Осеннее царство

Яркие молнии проложили себе зазубренный след в чёрном небе, и Ашкин в то же момент надел капюшон своей тёмной мантии на голову, когда первые капли упали на землю. Поднялся тёплый ветерок. Дорогой, тёмно-серый материал, словно вторая кожа прижимался к телу. Его одели в новые одежды и уже сейчас хорошо заплатили — хотя он ещё ничего не сделал. Кроме того, ему предоставили маленькую, обставленную всем необходимым квартиру во дворце. Всё, чтобы только он быстро покорился. Но он ещё ничего не решил.

Теперь, когда он шёл по улицам Крона и чувствовал тёплый, осенний дождь на своих руках, его охватила меланхолия. Никто всё ещё не осмеливался выйти из дома. Город умолк, а с ним и всё то, что он из себя представлял. Ашкин завернул за угол и остановился.

Трое вооружённых мужчины шли ему навстречу, под бородами он различил отличительные черты лица, ничего не выражающие — только в их глазах Ашкин прочитал что-то вроде уважения.

Его взгляд упал на вышитый арленский герб на груди охранников. Да, кто-то поторопился и перешёл женскую одежду, пронеслось у него в голове, но выражение его лица не изменилось.

— Ашкин А'Шель, мы должны отвезти вас к Гарьену Ар'Лен.

— Мне это не подходит. Я хотел сходить погулять.

— Хватит шутить. Гарьен уже предполагал, что вы скажете что-то подобное. Вот почему я должен передать вам вот это: в душе все люди одинаковые, старые или молодые, не играет никакой роли — они лишь ищут место, где могут быть снова детьми.

У Ашкина застыла кровь в жилах. Существует не так много вещей, которые могут вывести его из себя, но с тех пор, как Гарьен Ар'Лен захватил власть, такие инциденты участились.

Он смутно помнил эти с нежностью сказанные слова, взгляд, с которым его мать смотрела на него, когда говорила одно это предложение. Предложение, о котором никто, кто не знал мать Ашкина, не мог знать.

Он с яростью сжал за спиной руки в кулаки, чтобы не показывать мужчинам, какое сильное испытывает волнение. Конечно. Он должен был знать, к каким средствам прибегнет Гарьен, чтобы надавить на него. Чтобы убедить, как это называл Гарьен.

— Хорошо, — прорычал он. — Я пойду с вами.

Беззвучно он следовал за ними по мокрым улицам Крона, мимо ярко освещённой площади богов и дерева Жизни, на ветвях которого всё ещё висели тела жертв Гарьена. Ашкин не стал на них смотреть, но у него было такое чувство, будто за ним наблюдают. Затхлый запах тления лежал, словно ковёр над площадью, и он был рад, когда они оставили её позади. Дурные предчувствия охватили его. Он искренне надеялся, что в этот единственный раз он ошибся.

Если они прикоснулись хоть пальцем к его матери, то он убьёт каждого из них. Не имеет значение, сколько их будет.

Его взгляд был направлен на спину предводителя, на долю секунды его пальцы дернулись к скрытому кинжалу, который находился под одеждой. Нет. Пока ещё нет. Он не может, пока его мать находится у них в заложниках.

Наконец они дошли до вздымающихся к завешанному тучами небу дворцовых стен и мощных, выполненных из темного дерева воротам, ни с чем несравнимых по своей массивности. Он посмотрел наверх и увидел множество теней, патрулирующих стену. Слабый свет их ламп был заметен, несмотря на дождь.

Еще при приближении, Ашкин услышал звон цепей, ворота открылись до того, как они подошли к ним. Пахло жареным мясом, осенним дождем и чем-то еще, чего Ашкин не мог определить. Стража провела его через сад, в котором росли темные ели и красно-желтые лиственницы, придающие этому месту теплую атмосферу, несмотря на холод и надвигающуюся темноту. Зайдя внутрь дворца, ему снова бросились в глаза изменения, сделанные Гарьеном Ар'Лен. Там, где раньше висели портреты сыскайских правительниц, теперь были голые стены. Их шаги отдавались эхом, смешиваясь со скрипом сырой кожи, пока они продолжали свой путь по коридорам с высокими арками обустроенные лампами.

Наконец стражники остановились перед темной двустворчатой дверью из черного дерева, в которой были искусно вырезаны цветы далии. Предводитель постучал, и дверь открылась изнутри.

Посторонившись, он коротким движением указал Ашкину, что можно входить. Тронный зал освещали открытые очаги, ночное небо над стеклянным куполом осветила молния, окрасив лица многочисленных присутствующих мужчин в белый цвет.

Затем раздался оглушительный раскат грома, на который никто не обратил внимание.

С высоко поднятой головой, Ашкин шёл навстречу Гарьену, дистанция примерно в тридцать шагов, пока не остановился прямо возле ступенек, окружающих платформу на которой стоял трон. Гарьен производил почти что скучающее впечатление и провёл рукой по заплетённой бороде, однако не сказал ни слова. Он был одет в дорогую одежду из бархата, семейный герб блестел в танцующем свете огня.

— Я здесь, — спокойно сказал Ашкин. — Чего Вы хотите?

— Твое решение. Я жду уже слишком долго. Поэтому я позволил себе подтолкнуть тебя к принятию решения: введите их.

Узкая дверь в боковом крыле открылась, и в зал завели двух женщин, у которых глаза были завязаны шалью. Ту, что поменьше и с более седыми волосами Ашкин лично видел всего пару дней назад, её покрытые морщинами руки дрожали, когда её подвели ближе к трону.

Не двигаясь, он смотрел на лицо старушки, его взгляд переключался глубже, к широкому, золотисто-коричневому платью, которое скреплялось на поясе изношенным, кожаным ремнём — это было тоже платье, что он видел на ней при их последней встречи. Мирелле. Взгляд Ашкина перешёл к стройной женщине со светло-рыжими волосами, которые окружали её изящную фигуру, словно защитный покров.

Он заметил, как присутствующие мужчины, не смотря на её возраст, жадно на неё смотрят. Ему хотелось убить их всех, но он скрыл свои чувства. Ему нельзя их показывать. На Анвии А'Шель было одето то оливково-зелёное, приталенное платье с широкими рукавами, что обычно носят в Осеннем царстве и которое он всегда видел перед глазами, когда вспоминал своё детство и особенно свою мать. Она, как всегда, владела собой. Качество, которое он унаследовал от неё.

— Добро пожаловать в Крон, дорогие дамы, — сказал Гарьен и с преувеличенным жестом развёл руки в стороны. То, что обе женщины не могли этого видеть, казалось, не беспокоит его. — Итак, Ашкин, дорогой. Ты принял решение или я должен выразиться ещё более ясно?

Его мать, при упоминании его имени, повернула голову в ту сторону, из которой раздавался голос Гарьена, и Ашкин прикусил язык, чтобы не реагировать. Он знал, что Гарьен играл с ним в эту игру только потому, что хотел спровоцировать. Показать Гарьену, как сильно его взволновало увидеть мать в таком положении, было бы самой большой ошибкой, которую Ашкин мог совершить.

— Ашкин? Ты здесь? Что это значит? Что здесь происходит? Вы поэтому спросили меня о предложении, которое могут знать только мои сыновья... Но я думала речь идёт о Саро... Кто...

Дальше она не успела ничего сказать, потому что мгновением позже к ней подошёл один из охранников и ударил тыльной стороной руки по лицу. Ашкин услышал, как затрещала челюсть его матери.

Её голова откинулась в сторону, и в Ашкине вспыхнул огонь. Частота его пульса подскочила, а взгляд остановился на охраннике, который поднял руку на его мать. Ему не потребовалось даже мгновения, чтобы запомнить круглое лицо со слегка оттопыренными ушами. Он найдёт его и убьёт. Ещё сегодня ночью.

— Как просто с вашей стороны, Гарьен, шантажировать меня моей матерью, — сказал Ашкин.

— Шантаж — это такое отвратительное слово. Я просто хочу облегчить тебе немного твоё решение... И я хочу получить ответ, мой дорогой Ашкин: ты будешь сражаться за меня, встанешь на мою сторону, и будешь служить и дальше имени Ар'Лен, так, как делал это последние два десятилетия?

Ашкин ответил на сразу, и это, казалось, разозлило Гарьена. Также окружающие его мужчины стали беспокойными, их взгляды метались по залу, словно стрелы, и Ашкин увидел, как Гарьен гневно нахмурился, чтобы затем коротко указать головой в сторону двух одетых в чёрное охранников рядом с Миреллой.

Сердце Ашкина ёкнуло, он сделал два шага вперёд.

— Нет! — Его крик затих. Он услышал, как из арбалета вылетели две стрелы, свистя, пролетели по воздуху и вонзились перед ним в пол. Предупреждение, для которого не требовалось дальнейших объяснений. Ему было всё равно, выйдет ли он из своего укрытия, но в то же время он понял, что всё безнадежно.

Поэтому он смотрел, ничего не предпринимая, как один из охранников выступил вперёд, вытащил кинжал и одним искусным движением перерезал Мирелле глотку. Её рот от удивления открылся. Кровь брызнула и пролилась на белый мрамор. Булькающий звук сорвался с её рта, тело выгнулось — потом её отпустили, и она повалилась на пол.

Что-то взорвалось внутри Ашкина, его сердце качало кровь через вены, а взгляд он непреклонно направил на безжизненное тело Миреллы. Её седые волосы окрасились в красный от собственной крови, и он заставил себя смотреть. Воспоминания детства промелькнули, тысяча образов смешались с видом его безжизненного тела. Зрелище, которое навсегда отпечатается на его сетчатке. Её единственной ошибкой было то, что она его вырастила.

Такой судьбы она не заслужила.

— И? — спросил с любопытством Гарьен, и Ашкин в тот же момент поклялся отомстить за смерть этой невинной женщины. Медленно он поднял взгляд и увидел довольную ухмылку Гарьена. Он ничего не чувствовал, кроме презрения к этому мужчине, который был лишь тенью своей матери и сестры.

Жестокий ребёнок, играющий в короля. Бестия, которая жаждет крови. Но каким бы безумным и саморазрушительным не был план Гарьена, Ашкин должен подчиниться ему. На карте стоит жизнь его семьи. Саро и его мать единственные на свете, кто имеет для него значение. И Мирелле.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Я буду воевать за Вас.

Гариен плавно поднялся с трона. Шуршание его одежды заглушало даже звук дождя, стучащего в стеклянный купол.

— Тогда преклонись передо мной, и поклянись именем моей семьи и четырех богов.

Ашкин медлил, все его тело сопротивлялось этому унижению, однако он все-таки склонил голову и опустился на колени перед новым правителем Осеннего царства.

Гаель, Весеннее царство

В окружении пяти кевейтских амазонок, промокший до нитки, без денег, связанный и направляющийся в тюрьму, Канаель чувствовал себя глупо, как никогда.

Он потерял сапоги в воде, его ноги были двумя ледышками, а каждый шаг причинял боль. Канаель ошеломленно смотрел вперед. С недавних пор ветер усилился, продувая его влажную одежду насквозь. Его руки покрылись мурашками, зубы стучали. Он заметил, что и Песня Небес сильно тряслась. Ему очень хотелось обнять ее, но в их затруднительном положении было легче сказать, чем сделать. Кроме того поцелуй вызвал бы много вопросов, поэтому он отбросил все мысли об этом.

— Хватит мечтать!

Дария оценивающе посмотрела сначала на него, затем на Песню Небес. Канаель заметил, что она была не в ладах с собой, но увидев, что он наблюдает за ней, она быстро отвернулась.

Крик чаек привлек внимание Канаеля, он посмотрел вперед и увидел самый большой из кевейтских городов, расположенных на побережье — Гаель.

Цветные флаги, прикрепленные к массивным железным штангам, развевались на ветру, возвышаясь над каменной стеной. Канаель узнал герб Весеннего царства, зеленая божественная птица с расправленными крыльями, а сам герб был увенчан ракушкой. Прохладный вечерний воздух наполнился звуком горна.

Военный горн, узнал Канаель. Видимо, Дария тоже это заметила, потому что ее лицо мгновенно помрачнело, и она ускорила шаг. Канаель снова получил жесткий удар в спину, после чего он, запнувшись, двинулся вперед. Его взгляд скользил по темным двускатным крышам, которые можно было разглядеть, несмотря на высокую городскую стену. Они были сделаны из дерева мерша и поэтому считались особенно прочными и крепкими. Неудивительно, что в связи с такой штормовой погодой жители прибрежного города выбрали самый надежный вариант постройки домов.

Несмотря на сильный ветер, по его телу распространилась жар, как при температуре. Канаель с трудом мог сосредоточиться на дороге, спотыкался почти на каждом шагу, а его веки становились все тяжелее. Постепенно стало очевидно, какими утомительными были последние часы.

Чтобы отвлечься, он разглядывал портовый город, до которого они собственно должны были доплыть на корабле. В противоположность другим портовым городам Гаель расположился на равнине выше заливов, возвышался над пляжами и представлял собой захватывающее зрелище над южно-восточным морем. На горизонте Канаель увидел маленькую, чёрную точку, и он был твёрдо убежден в том, что это остров Мий.

Его ноги словно онемели, и теперь, когда они с узкой тропинки вышли на главную улицу, ведущую в Гаель, он почувствовал гальку под подошвой ног, как нежное покалывание. Уже издали Канаель увидел, как на стене патрулирует городская стража, и, когда они, наконец, пересекли городские ворота, Дарию начали приветствовать со всех сторон. Всё в Гаеле, как и в других местах Весеннего царства казалось более экстравагантным и

необычным. Канаель чувствовал, как его тело борется с усталостью.

Верёвка, которой связали его рук, сильно врезалась в тело. Он крепко сжал губы. Ни за что на свете у него не вырвется стон боли. Его лоб горел, и он воспринимал разноцветную одежду, сильно накрашенные лица и яркие цвета уникальных, весенних цветов, которые везде прикрепили на фасады домов, ещё только сквозь лихорадочную дымку.

Воительницы вели их через город, и, хотя Канаель почти не мог больше держаться на ногах, он очень даже хорошо заметил, как люди останавливаются и смотрят на них. У многих женщин, в отличие от Сыски, Тальвена и Сувия волосы были распущены. Их походка была более прямой, подбородок поднят выше. Они гордились тем, что являются женщинами Кевейта, и открыто это показывали. Везде пахло весной, и запах смешался с солёным, рыбным вкусом моря. Вода... Чего бы он сейчас не отдал за прохладную, родниковую воду.

Снова Канаель споткнулся и в этот раз не смог предотвратить падение. Он перевернулся на бок, чтобы перенести удар на плечо. Тупая боль распространилась в его теле, и безымянная воительница, с выделяющимися чертами лица, грубо ухватила за его верёвки и заставила подняться на ноги. Канаель закачался. Жар в голове продолжал расти. Он услышал её шипящий голос возле своего уха, когда она склонилась к нему:

— Люди здесь только того и ждут, чтобы обвинить кого-нибудь в нападениях. Я не буду останавливать их, если они найдут себе виновника, на ком смогут выместить свой гнев!

Куда бы он ни посмотрел, Канаель действительно везде заглядывал в полные ненависти, гневные лица. Grimасы, извергающие злобные звуки, которые он понимал с трудом. Одна женщина средних лет вышла вперёд и плюнула перед ним на землю. Воительницы потащили его за верёвки дальше.

— Идёмте! Если они вас убьют, то, по крайней мере, после того, как над вами проведут законный процесс.

Услышав эти слова, Канаель потерял последнюю надежду, которая все еще теплилась в нем. Ради Сува, мы потеряны...

Его взгляд скользнул через плечо к Песни Небес. Её глаза тоже беспокойно блуждали, а ветер снова и снова хлестал волосами по лицу. Губы потрескались, щёки покраснели в лихорадке, а на её лбу блестел пот.

Его воительница толкнула его в рёбра.

— Уже забыл? Направь взгляд вперёд, паренёк из Летнего царства!

Канаель подавил истерический смех. Они в третий раз ускользнули от Гехаллы, только чтобы в Гаеле — там, где остров Мий почти можно было видеть — оказаться в тюрьме. Они пересекли рыночную площадь, и Канаель услышал перешептывание людей, шипящие оскорбления. Ещё они сдерживались, но он чувствовал, какой заряженной была атмосфера.

Ещё немного, и они выпустят свой гнев...

В конец концов, Дариа остановилась перед многоэтажным, массивным, каменным домом. Канаель с трудом держал глаза открытыми. Он не знал, появились ли высокая арка и украшенная дверь лишь в его воображении, или они соответствуют действительности. Да это и не имело значения. Его одежда между тем уже высохла, но жар и холод, казалось, сражаются в его теле не на жизнь, а на смерть.

— Мы пришли, — услышал он, как сказала Дариа. — Вы проведёте ночь здесь. Если вы её переживёте, то посмотрим, как нам поступить с вами дальше.

Одна из воительниц и Дариа прошли вперёд, в то время как обе другие шли позади. Они

спустились в подземелье по узкой, винтовой лестнице, на которой Канаель с трудом держался на ногах. Пахло гнилью. Каменные стены были влажными, а маленькие, открытые люки единственными источниками света.

Мы умрем...

Придя вниз, Канаель пытался рассмотреть хоть что-нибудь в приглушенном свете, но смог разглядеть лишь три камеры. Все остальное исчезло в темноте. Раздавались громкие голоса, за прутья клетки схватилась чья — то грязная, сморщенная рука. Его снова бросило в жар, он почувствовал, что температура вновь овладела его телом. Дария указала одной рукой на одну из камер слева от них, а другой подбоченилась.

— Это будет вашим пристанищем на ночь, — холодно сказала она, вытащила из кожаных ножен, висящих на бедре, кинжал, и перерезала сначала веревки на руках у Песни Небес, а затем у Канаеля.

Даже если бы он не был так ослаблен, ему бы не удалось использовать эту возможность для побега. Песня Небес первой зашла в камеру, Канаель обессиленно последовал за ней.

Дверь с громким стуком захлопнулась, в замке повернулся ключ. Вскоре шаги пяти женщин удалились.

Дверь не была сплошной, через зарешеченную половину наверху Канаель смог бросить взгляд в убогий коридор. Повернувшись, он посмотрел на гниющую солому, небрежно брошенную в угол. Под потолком находилось небольшое отверстие, чтобы проходил воздух. В остальном, в камеру не проникал дневной свет.

Каменные стены вокруг были мокрыми, и ночной холод заползал в каждую щель. По крайней мере, их заперли в одной камере. Из окружающих темниц иногда раздавались стоны и смешивались с хрипящим кашлем. Канаель поёжился, снял рубашку с тела, которая хотя и подсохла, но была всё ещё слегка влажной, и повесил её на двери камеры. Голод, усталость и страх взяли своё, и он увидел, как Песня Небес наблюдает за ним из темноты.

— Иди сюда, — тихо сказал Канаель. — Ты должна снять одежду, не то простудишься.

Сначала она одно мгновение колебалась, потом очнулась из своего оцепенения и подошла к нему. Она попыталась снять с себя одежду, но ещё влажная ткань прилипла к ней, словно вторая кожа. Спустя какое-то время она обессиленно опустила руки, чтобы в то же время призывно посмотреть на него.

Канаель почувствовал, как сжалось его горло.

— Мне тебе помочь? — спросил он тихо, и Песня Небес кивнула. Она печально смотрела ему в глаза. Не требовалось перевода с кевейтского, чтобы понять слова, которые Дария адресовала им. Казалось, Песня Небес догадывается, что случилось, и что это ночь, возможно, их последняя. Медленно Песня Небес подошла ближе.

Ей было сложно делать шаги, а в её волосах образовались узлы. Она подошла ещё ближе, так что, наконец, оказалась настолько близко, что он мог чувствовать её нежное дыхание на своей груди. Он стал спокойным и смотрел вниз на её тёмные волосы, в то время как его сердце, казалось, вот-вот умчится прочь.

Она подняла руки, продолжая на него пристально смотреть. Канаель сглотнул. Осторожно он снял ей через голову платье, однако не осмелился бросить взгляд и отошёл на шаг в сторону. Потом повесил её платье рядом со своей рубашкой и снова подошёл к ней. Казалось, Песня Небес чувствует его напряжение, потому что она продолжала смотреть на него, вызывая и почти пламенно. Была ли причина в лихорадке или в чём-то другом, он не мог понять. Потом он почувствовал нежное движение на коже и увидел, как Песня Небес

гладить гладкую кожу его груди.

Канаель содрогнулся.

— Что ты делаешь? — спросил он тихо.

Она не ответила, конечно, нет. В её взгляде лежала мольба, не высказанная просьба, и он увидел ещё кое-что другое, что поразило его до глубины души: ранимость.

Ради богов!

Канаель испустил неопределённый звук, опустил голову и поцеловал её. Песня Небес обняла его за шею, притянула к себе, и Канаель потерял себя навсегда. Он чувствовал её тело, каждый сантиметр её разгорячённой, бархатистой кожи, и хотел ещё больше. Немедленно.

Но это было бы глупо, и хотя он томился по ней, это было не подходящее место для них обоих. Когда он снова отстранился, Песня Небес смотрела на него с любовью.

Канаель покачал головой.

— Проклятье, — пробормотал он. — Чёрт. — В горле запершило, и он закашлял. Осторожно Песня Небес погладила его по спине. Слёзы навернулись ему на глаза, и он снова осознал, что у него высокая температура. Он знал, насколько опасна эта ситуация для них обоих.

— Нужно попытаться поспать. — Его голос ещё только хрипел, и он оставил Песню Небес стоять, чтобы более внимательно взглянуть на гнилую солому. К их счастью, влажными были только верхняя и нижняя части. Она пахла немного плесенью, но он слишком вымотался, чтобы беспокоиться об этом. — Идём, — сказал он Песне Небес, которая наблюдала за ним.

Когда она подошла ближе, он заметил, что в её глазах блестят слёзы, он улыбнулся, потому что она сердито покачала головой. Потом прижалась к нему, а её кончики пальцев нежно провели по красным полосам, оставленным верёвками на его запястьях. Сначала она посмотрела ему в глаза, потом наклонилась над ними и осторожно поцеловала раны.

Он не знал, переживут ли они эту ночь. Его тело было таким тяжёлым, словно свинец, силы покинули его, даже отметки крыльев на спине он почти не чувствовал.

Она всё ещё сжимала его запястья, потянула их обоих вниз на импровизированное ложе и вытянула ноги, насколько было возможно.

— Попытайся поспать. Я присмотрю за тобой, — прошептал он, и она кивнула. Двумя пальцами она прикоснулась сначала к своим губам, а потом положила их на его губы. Интимный жест, который обычно использовали только члены семьи, и Канаель улыбнулся.

Потом Песня Небес повернулась на другой бок, свернулась в калачик, и в тусклом свете подземелья Канаель увидел плавные линии её крыльев. Словоны, они отходили от позвоночника к краям, где покрывали все плечи Песни Небес. Канаель затаил дыхание. Они были прекрасны. Совершенны.

Так же, как и сама Песня Небес. Он преодолел дистанцию между ними, положил руку на ее узкую талию и прижал к себе, уткнувшись носом в ее шею. Она пахла Песней Небес. Немного морем. Немного свободой. Нежная, чистая. Его веки отяжелели, и он прислушался к ее ровному дыханию, игнорируя звуки из соседних камер.

Последнее, что он помнил, была мысль о том, что он хотел бы лежать с ней так где-нибудь в другом месте, но, не успев представить себе, где именно, он заснул.

Канаель вздрогнул, услышав стук шагов. Он быстро подскочил и с помятым видом огляделся вокруг.

Песня Небес по-прежнему лежала обнаженная рядом с ним. Ее щеки приобрели более здоровый оттенок. Щебетание птиц, свивших гнезда где-то в нишах стен, возвестило о начале нового дня. Они оба пережили ночь.

— Просыпайся, они идут!

Он поспешно принес Песне Небес платье, попросил, чтобы она надела его, после чего сам натянул рубашку. Не прошло и секунды, как в конце винтовой лестницы он заметил Дарию. На ней были надеты черные, кожаные сапоги до колен, шаровары темно-зеленого цвета и узкий корсет, подчеркивающий грудь. Губы были покрашены черным цветом, так же как и глаза, кроме того, в глаза бросалось кожаное украшение вокруг шеи.

— Парень из Летнего царства, пойдём со мной!

Она скользнула по нему ледяным взглядом своих зеленых глаз.

Канаель повинился и подошел к решетке. Две амазонки, не те, что были вчера вечером, сопровождали Дарию. Одна из них звеня, отсоединила ключ от кожаного бариса.

— Что со мной будет? — спросил он и посмотрел на Песню Небес, глядевшую на него огромными глазами. — Что будет с ней?

— Для начала ты отправишься в другую камеру, до тех пор, пока над вами обоими не состоится процесс.

— Пожалуйста, Дария, поверь мне. Мы простые путешественники! Мы не имеем никакого отношения к нападениям на ваши деревни. Кто-то же должен подтвердить нашу историю!

Дария ничего не ответила, а просто дала знак воительнице с ключом открыть клетку.

— Они уведут меня в другое место, — сказала Канаель Песне Небес, чтобы она знала, что происходит. — Не бойся, они нам ничего не сделают.

Даже в его ушах эти слова прозвучали, как неприкрытая ложь. У него не было ни малейшего понятия, что собирались с ним делать амазонки. Дверь камеры со скрипом открылась, и обе воительницы вошли вовнутрь, а Дария, скрестив руки, осталась ждать снаружи.

— Повернись, — грубо приказала та, что повыше, и Канаель послушался. Пока она грубо связывала ему руки за спиной, он взглядом искал взгляд Песни Небес. Это было немое прощание на неопределенное время, и он искренне надеялся, что с ней ничего не случится.

Канаель одарил Песню Небес последней улыбкой, полной теплоты, и в то же мгновение его потащили наружу с такой силой, что он запнулся о каменный порог.

— Пошли, парень из Летнего царства.

Они подвели его к другой клетке, ослабили наручники и дали пинка, от которого Канаель, шатаясь, влетел в темную комнату. Пока он потирал болящие запястья, железная дверь позади него с грохотом захлопнулась. Амазонки оставили его одного. Новая камера Канаеля была еще хуже предыдущей, места хватало только для того, чтобы лечь. Никакой соломы, даже заплесневелой. Никакого света.

От сырых камней исходил неприятный, болезненный холод, на который его тело сразу отреагировало. Вернулась температура. Он сел, прижавшись к стене, и обхватил руками колени, пытаясь согреться. Он не знал, сколько было времени, был голоден и хотел пить.

Должно быть, он задремал, так как, проснувшись, он увидел, что возле него стоит глиняный кувшин со свежей водой. Канаель на коленях подполз вперед и жадно схватил кувшин. Сделав всего один глоток, он ощутил жжение и привкус соли в горле. Он выплюнул воду и устало закрыл глаза. Морская вода. Конечно.

Он мысленно спросил себя, сколько заключенных воспользовалось возможностью и разбило кувшин о стену, чтобы положить конец своим мучениям. Канаель прислонил раскаленную голову к сырým камням.

Он потерялся во времени. Его тело было измождено от голода, а мысли то и дело возвращались к Песне Небес. В какой-то момент ему принесли настоящую питьевую воду, но еды он ждал напрасно. Температура вела борьбу в его теле, а он прислушивался к звукам, время от времени доносящихся из прилегающих темниц.

Приближались голоса. Канаель обхватил голову руками, пытаясь прогнать мысли о еде. Дверь без предупреждения распахнулась, и в темную комнату проник свет. Он сощурился и поднял голову.

— Канаель, вставай.

В дверях стояла Дария. Когда он, сощурившись, посмотрел на нее, у него появилось ощущение, что в ее поведении что-то изменилось. Позади нее появилась еще одна фигура, но приглушенный свет и обмундирование Дарии не позволяли ему рассмотреть, кто это. Как она только что его назвала? Канаель?

— Откуда ты знаешь, кто я?

Дария нервно засмеялась и отошла в сторону, дав ему возможность разглядеть высокого мужчину со светлыми волосами, который в этот момент опустил капюшон. Канаель выпучил глаза. Это невозможно! Опершись рукой о стену, он попытался встать на ноги. Получилось со второго раза.

— Ради Сува, — пробормотал он. — Что ты здесь делаешь?

— Геро послал Даву птицу — посланника, чтобы проинформировать его, на каком пароме вы поедете, — объяснила Дария.

Канаель почти не слушал ее. Наконец-то этот кошмар закончился!

— Когда в Гаеле вы не сошли с борта, он искал вас по всему городу, а когда услышал, что двое сувийцев попали в темницу, он пришел ко мне. Простите меня, пожалуйста, за то, как я обращалась с вами, но я не знала, кто вы, и что вам надо в Кевейте.

В совершенном по форме поклоне она опустилась на пол и коснулась лбом ледяных камней. Странная картина, учитывая его собственный потрепанный вид. Канаель отвел взгляд в сторону, не зная, как реагировать на это. Вместо этого он посмотрел на своего друга, которого видел в последний раз в тот день, когда делал ему смягчающие боль компрессы, чтобы залечить раны на спине.

Раны, которые сам же и нанес ему. Он опустил взгляд, потому что до такой степени стыдился этого, что не мог смотреть своему другу в глаза. Не только мы пережили много плохого, подумал Канаель. У него кольнуло в груди, когда он подумал о жестоком наказании, которому подвергся Дав. Однако Дав совсем не почувствовал той неловкости, которую испытывал Канаель. Он заключил его в объятия и прижал к себе.

— Добро пожаловать в Кевейт, Ваше Высочество! — сказал он, и, впервые с тех пор, как он выехал с Лакоса, у Канаеля появилась слабая надежда, что им удастся без всяких дальнейших происшествий добраться до Мия.

Где-то в Летнем царстве

— На, дитяtko, как ты чувствуешь себя сегодня?

Навия сонно заморгала и повернулась на своём ложе. Перед ней стояла Ления, старая бакалейщица, которой она была обязана своей жизнью, и протягивала ей дымящуюся чашку. Через открытое окно землянки проникали тёплые лучи солнца, погрузившие большую комнату в приятный свет. На маленькой табуретке рядом лежали несколько погружённых в ледяную воду компрессов для икр ног, которые должны были успокоить ожоги и боль. Это был их утренний ритуал. Ления давала ей сначала немного поесть, чтобы затем позаботиться о её ранениях, которые заживали медленно.

Навия искренне улыбнулась женщине, которая заметно старалась говорить с ней на талвенском.

Она рассказала Навии, что выучила язык, ещё будучи молодой, когда путешествовала со своей семьёй.

— Я чувствую себя лучше. Большое спасибо, Ления.

— Посмотри, я приготовила для тебя супчик, его твой желудок должен перенести намного лучше. Я съездила сегодня утром на рынок одного из больших городов. Нерис, если тебе что-то говорит это название. Ты же знаешь, мы на юго-востоке от Муна, а Нерис ещё немного восточнее от нас. Во всяком случае, они даже привезли ингредиенты и специи Зимнего царства, а их последних несколько недель было не встретить. — Она покачала головой. — Что-то там не так, торговые пути все заблокированы, а торговцы ругаются о плохом товаре... Но что я здесь толкую, ты ещё, наверное, обессилена! — Осторожно она поставила чашку на буфет рядом ложем Навии. Суп чудесно пах домом, что сразу вызвало в Навии ностальгию.

И печаль. Она ещё не поняла, что случилось в её последнюю ночь в Талвене, и образы снова и снова мучили её во сне. Ления не задавала вопросов, но её озабоченный взгляд говорил за себя. Сердце Навии всё ещё обливалось кровью при мысли о том, что она оставила Исааку лежать в лесу, но между тем она уже знала, что у неё не было другого выбора.

— Спасибо, это мило с твоей стороны, — сказала Навия, её голос всё ещё звучал хрипло и был осипшим. Она выпила глоток тёплого варева, содержащего специи её родины, которое тут же успокоило её опухшее горло.

— Звезда корицы! — выкрикнула она восторженно, когда обнаружила её в чашке. Этот вид чуть не заставил её расплакаться.

Ления улыбнулась до ушей.

— Да, так и есть. Её было особенно сложно получить. Обошлась мне в небольшое состояние, но увидеть это выражение на твоём лице того стоило.

Навия почувствовала, как её щёки покраснели от радости.

— Вам не обязательно было это делать! Я и так уже принесла вам достаточно неприятностей...

— Ах, что ты, ты была в беде, а я сделала только то, что сделал бы любой. Как там твоя

голова?

— Боль почти исчезла. Я думаю, приближается день, когда мне нужно будет отправиться в Лакос.

— Подожди ещё немного. Я слышала на рынке нехорошие толки. Люди по отношению к чужакам не особо дружелюбно настроены. Лучше уедешь, когда ситуация немного разрядится. Или же можно пойти в сопровождение мужчины из Летнего царства, потому что я, к сожалению, слишком стара, чтобы пойти с тобой. Если поедешь одна, то на торговых путях может быть опасно.

Навия почти не слушала, что говорила Ления. За исключением одного предложения. Она поспешно выпрямилась в кровати. От резкого движения у нее закружилась голова, но она не подала виду.

— В Сувиэ были нападения на деревни?

На морщинистом лице Лении появилось удивленное выражение.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что это причина, почему я здесь.

— Но ты же с этим никак не связана, не так ли? — осторожно спросила Ления.

В один момент Навии стало ясно, что она не могла долго злоупотреблять гостеприимством пожилой женщины, не отвечая на ее вопросы. Пришло время сказать Лении правду.

По крайней мере, часть правды.

— Нет, — успокоила она Лению. — Но в Талвене тоже были эти нападения. Многo нападений. На мою деревню также напали, а моего отца убили. — Станным образом ей было легко говорить об этом, так, будто это случилось не с ней, но Ордын и всё, что там произошло, казалось, принадлежит теперь другой жизни. Короткими, отрывистыми предложениями Навия рассказала, что случилось, однако не упомянула о своих силах и Потерянном народе. Только Исаака имела место в её истории, даже если воспоминания о её подруги причиняли боль, заставляя прерывать рассказ, чтобы не расплакаться.

— О, моя бедная девочка, — сказала старушка и села рядом с ней на кровать, взяла её руки в свои и крепко сжала. — Мне так жаль слышать это. Я не понимаю, чего хотят эти чужаки в наших странах... Ты говоришь, они разговаривали на сыскийском диалекте?

— Да. Я в этом уверена. — Её был знаком этот диалект, потому что она уже слышала, как говорят другие торговцы из Осеннего царства.

— Думаешь, Кевейт тоже подвергся нападениям?

— Возможно... Я могу лишь предполагать.

— Не хочешь рассказать мне, почему ты стремишься именно в столицу? Там есть что-то, что могло бы тебе помочь?

Навия немного помолчала, тщательно подбирая слова.

— Ты помнишь, как нашла меня?

— Конечно. Ты была совершенно растеряна. И ты снова и снова называла имя подруги. Так как я теперь знаю, что случилось, я понимаю почему.

— А кто был с тобой рядом, когда вы нашли меня?

— Канаель Ме`Рар, торговец из деревни и мой хороший друг. Почему ты спрашиваешь?

Навия вздохнула.

— Я ищу Канаеля, поэтому удивилась, когда ты назвала мне его имя.

Ления подняла брови и склонила голову набок.

— Это очень распространенное имя, к тому же так зовут сына нашего правителя, и многие матери называли сыновей его именем. Тебе еще что-нибудь известно?

Да, я видела его во сне. Но она не сказала этого вслух, окутав себя молчанием, из-за чего у старушки вырвался вздох. Нежно она похлопала её по щеке.

— Всё хорошо, тебе не нужно рассказывать мне. Но только чего эти сыскайцы хотят добиться своими нападениями? — спросила Ления.

— Я думаю, это начало чего-то большего. Чего-то, что изменит наш мир.

Ления провела себе рукой по лбу и губам, прочитав безмолвную молитву.

— Я очень надеюсь, что ты ошибаешься, моё дитя. Но твои глаза говорят правду, и, кажется, ты уверена в своих словах. Это меня пугает.

— Меня тоже, — ответила Навия, как вдруг их прервал стук в дверь. Испуганно она посмотрела на Лению, которая подняла палец к губам и подтолкнула её к небольшому стенному шкафу, в который девушка быстро забралась. Он был тесным и не особо хорошо пах, но через небольшую щель она могла наблюдать прямо за входной дверью.

— Кто там? — спросила бакалейщица убедительно-строгим голосом. В первый раз окупилось то, что она была лучшей ученицей, потому что Навия сразу же поняла сувийский.

— Ления До`Ран?

— Да, кто там?

— Моё имя Пирлеан Да`Нис. Вы меня не знаете, но, возможно, знаете моего отца. Он попросил сходить меня к вам и другим близлежащим хижинам и передать новость.

— Какую новость?

— Вы не возражаете против того, чтобы впустить меня? Я долго шёл и хотел бы чего-нибудь выпить и отдохнуть.

«Не делай этого», — мысленно умоляла Навия, хотя и понимала, что Ления никогда не укажет гостю на дверь. Старая женщина ожидаемо сняла замок и открыла дверь. В дверном проеме стоял худой, молодой человек, удивительным образом походивший на Джовина, несмотря на черные волосы, щетину и миндалевидные глаза. Учитывая его слегка сутулую осанку и извиняющуюся улыбку, он мог бы быть его близнецом.

— Простите, что помешал, но это очень важно.

— Ничего страшного, — ответила Ления и подошла к большому латунному котлу, в котором хранилась питьевая вода. Она наполнила глиняную чашу и попросила Пирлеана занять место у деревянного стола. Чтобы и дальше наблюдать за ним, Навия осторожно немного подвинулась, и увидела, как он сел.

— Спасибо, — сказал Пирлеан, опустошив чашу и поставив ее на стол.

— Вам не понравится, что я скажу.

— Да говори же ты, наконец!

— Дерион Де`Ар мертв.

На мгновение мир словно остановился. Навия в своем тайнике также распахнула глаза от удивления.

Ради Таля и всех святых! Правитель Летнего царства мертв!

— Дерион Де`Ар умер?

— Его убили.

Ления издала сдавленный крик, похожий на визг. Навия увидела, как она руками обхватила голову. Она знала, о чем думала торговка.

Те же люди, которые были ответственны за смерть ее отца, Исааки и многих других

жертв из Потерянного народа, убили и правителя Летнего царства.

— Когда это произошло? — спросила Ления.

— Три дня назад.

— Не может быть... Значит, она была права, — пробормотала она.

— Что вы имеете в виду? — в растерянности допытывался Пирлеан. — Кто был прав?

Внезапно в нос Навии залетела пылинка. Она так сильно щекотала, что Навия не смогла удержаться. Она чихнула. Голова Пирлеана резко повернулась, и у Навии было почти такое чувство, будто он видит её в её укрытие. Её сердце забилось быстрее, и она отодвинулась от глазка.

— Кто там в шкафу?

— Никто, — сказала Ления, но дрожь в голосе выдала ее.

Навия увидела, как Пирлеан встал и вытащил кинжал с бронзовой рукояткой из высокого, кожаного сапога и поспешила распахнуть дверь стенного шкафа. Загремев, она ударилась о стену, а Навия встала, чтобы Пирлеан смог лучше её рассмотреть.

— Ради Сува и всех святых богов! — вырвалось у него. Испуганно он отшатнулся на несколько шагов назад и врезался в деревянный стол. Кувшин с водой опасно зашатался, и, в конце концов, с треском приземлился на глиняном полу и разлетелся на тысячу кусков.

— Кто... это? — заикался он, опустив руку с кинжалом. Он подошёл ближе, будто хотел проверить, была ли Навия реальным человеком, а не галлюцинацией. Никто ему не ответил, но, казалось, ему это совсем не мешает. Чтобы ему не пришло в голову никаких глупых идей, Навия прошла к своей кровати и натянула светло-серую накидку, которую Ления одолжила ей после её прибытия.

— Как тебя зовут? — спросил он, когда Навия вышла из-за перегородки. Его тёмно-карие глаза сверкали от любопытства.

— Навия О'Бай, — сказала она, скрестив руки на груди.

Очарованно Пирлеан смотрел на её светлые волосы.

— Ты талвенка.

— Ага, а я и не знала.

Он кашлянул.

— Прости, но я никогда не видел таких... как ты. В нашу деревню не приезжают женщины из Зимнего царства, а сам я редко бывал в больших городах.

Навия знала, что женщины из Талвена считались особенно желанными женщинами, поэтому они часто ездили на юг, чтобы найти достойного мужчину. Или чтобы за деньги отдаться мужчинам.

— Ты сказал, что Дериона Де'Ара убили. Это случилось ночью?

— Насколько мне известно, да, — неуверенно ответил Пирлеан. На его лице читалось смятение. — Почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, я знаю, кто его убил.

— Откуда ты можешь это знать?

— У меня есть причины считать, что мое предположение верно. Но в данный момент это всего лишь предположение.

Вдруг ей на ум пришли слова Лении. Она посмотрела на Пирлеана, который не выдержал ее взгляда, и Навия расценила это как слабость. Его сходство с Джовеном было нереальным, может быть, ей удастся этим воспользоваться. Она подбоченилась и сказала:

— Мне нужен кто-то, кто сопроводит меня в Лакос.

Пирлеан вопросительно посмотрел на нее.

— Да... и что?

— И у меня такое ощущение, что этим кто-то будешь ты, — триумфально заключила Навия. Ее развеселило выражение ужаса на лице Пирлеана.

Мий

Побережья острова Мий было скрыто туманом, который обвил его, словно покрывало, а восходящее солнце погрузило острые, выглядывающие из тумана каменные скалы в золотистый, тёплый свет. Тонкие скалистые образования, словно иглы, доходили до низко находящихся облаков. Лодка мягко покачивалась в спокойной воде, которая здесь, возле Мия, выглядела как жидкое серебро. Задрожав, Канаель затянул потуже одолженный плащ. Песня Небес не отводила взгляда от острова всю дорогу, её черты лица озаряла надежда.

С проведённой вместе ночи в темнице два дня назад они больше не прикасались друг к другу. Вообще с тех пор они ни одного мгновения не были наедине. Кевейцы позаботились о Песне Небес так же хорошо, как и о Канаеле. Они приготовили ей горячую ванну, помыли голову и дали новую одежду. Зелёное платье, из типичного для Весеннего царства переплетённого материала, облегалo её тело и очень сильно ей шло. Слишком сильно.

— Ну и как, наслаждаешься видом? — Дав подошёл к нему и похлопал по плечу, прервав его мысли. Канаель бросил на него мрачный взгляд, что заставило его друга рассмеяться.

— Ах, замолчи.

— В виде исключения, твои чувства написаны у тебя на лбу. Обычно тебя нельзя прочитать, так же, как кусок дерева.

— Если ты так говоришь.

— Кстати её чувства тоже заметны, однако только тогда, когда ты не смотришь. Кажется, ты ей сильно нравишься. Но ведь её зовут не Сари, не так ли? — Дав одарил его вопрошающим взглядом. — Она служанка из дворца, я прав? Кажется, я видел её там.

— Ты прав. К сожалению. Я бы предпочёл, чтобы ты не был таким наблюдательным и не так сильно обращал внимание на своё окружение. И её зовут Песня Небес. — Однако о том, что Песня Небес была Заклинательницей душ и той служанкой, которая спела для него, он умолчал. И то, что её по-настоящему зовут Сари.

— Из-за этого могут появиться проблемы, но пока ты деликатен... Может быть, это даже к лучшему, — сказал Дав задумчиво. Он изменился с тех пор, как они виделись в последний раз. И даже если его друг пытался это переиграть, Канаель чувствовал, что они отдалились друг от друга.

— Ты ещё не рассказал мне, почему так сильно хочешь попасть на Мий. Дело не может быть только в Сари или Песни Небес, как бы ты там её не называл.

— У меня был сон. — Он специально сформулировал это так расплывчато.

— Он имел что-то общее с твоим происхождением? С магией снов? — тихо спросил Дав, хотя впереди, на носу корабля, кроме них никого не было. Все женщины находились в задней части небольшого корабля, Песня Небес тоже держалась в стороне.

— Да, — сказал Канаель. — У меня такое чувство, что всё связано именно с моим происхождением. То, что происходит в четырёх царствах, горящие деревни, нападения... Я почувствовал угрозу в Гаеле, и беспокойство жителей, их враждебность. Они боятся неизвестного, того, что происходит в мире. Я думаю, что всё переплетено между собой.

— Твой сон и нападения? Как?

— Этого я ещё не могу сказать точно, это, скорее, догадка. Но надеюсь, остров даст ответы на мои вопросы.

— Будем надеяться.

Некоторое время они молча смотрели на море и на приближающийся к ним остров. Когда их поглотил туман, Дав развернулся и прислонился к деревянным перилам. Ветер играл с его выцветшими на солнце волосами.

— Не нравится мне это место. Тебе повезло, что у тебя есть такой глупый друг, как я. Никто другой не стал бы рисковать своей головой ради твоих приключений. Ради успокоения совести Дария помогла нам попасть на этот корабль. Чего не сделаешь ради королевского сына. — Он вздохнул. — Тебе известно, что еще никто, кто ступал на этот остров, не возвращался назад живым?

— Никто не возвращался живым. Поэтому я пойду один.

— Ты уверен? А что с Сарией?

Он колебался, но недолго. Дав был его лучшим другом, и скрывать от него правду, было все равно, что скрывать ее от самого себя.

— Она тоже принадлежит к Потерянному народу. Лабиринт душ, возникший из магии и душ Поглотителей снов, непреодолим для людей. Но мы не люди, Дав. За последние недели я узнал о себе больше, чем за все предыдущие годы.

— Но ты по-прежнему будущий повелитель Летнего царства. Ты нужен Сувию, — вставил его друг.

— Возможно, но я только в последние недели стал сам собой. Как отреагирует мой народ, узнав правду? Не будет ли восстаний? Не поднимутся ли другие сувийские семьи, претендующие на трон? Может начаться гражданская война, если мои подданные узнают, кто или что я. Может, даже будет лучше, если мое место займет Инаель, когда станет достаточно взрослой.

Он сказал это впервые вслух, испытав при этом приятные чувства. Канаель действительно уже не раз задавался вопросом, что было бы, если бы его сестра вместо него пошла по стопам отца. Это решило бы множество проблем.

— Ты говоришь глупости, Канаель, — сказал Дав. — Сувий никогда не смирится с женщиной на ацтейском троне. Чтобы это произошло, надо, чтобы весь мир полыхал.

— Возможно, скоро так и будет, — ответил Канаель. — Изменения уже ощутимы, только вот их смысл еще не понятен.

— Мы не можем двигаться дальше, иначе сядем на мель, — крикнула Дария с задней части лодки.

Канаель все еще не мог поверить. Вот он, остров Мий, на котором он надеялся найти решение всех своих проблем. В лицо дул прохладный морской бриз и он с наслаждением вдохнул соленый воздух.

Как и Кевейт, остров был окружен скалистым побережьем. С северной стороны утесы были такие крутые, что оттуда невозможно было попасть на остров. Там и находился каменный дворец Ткачихи снов. Единственной возможностью ступить на остров, было высадиться на юго-восточной стороне, постоянно окутанной туманом. Несмотря на плохую видимость Канаель разглядел извилистые тропинки и скопление обрывистых скал из черного камня. Днем и в солнечном свете остров производил идиллическое впечатление, но теперь маленькая мрачная бухта, к которой они направлялись, выглядела, словно ворота в

преисподнюю.

Дав отошел от перил и по-товарищески положил ему руку на плечо. Возможно, он был единственным человеком в Сувие, позволявшим себе делать такой дружеский жест.

— Мы будем ждать вас до наступления темноты. Потом поплывем назад. Мы не достаточно оснащены, чтобы заночевать на острове, и, честно говоря, я не хочу ни от кого на борту этого требовать.

Канаель кивнул. Он на это и рассчитывал.

— Хорошо. Не знаю, как долго мы задержимся на острове. Сколько времени... нам понадобится.

— Не ломай голову над этим. Я вернусь. С достаточным количеством провизии. И буду ждать тебя.

— Спасибо, — сказал Канаель, имея это в виду. Дав шутливо поклонился.

— Всегда к Вашим услугам, Ваше Высочество. Ты готов? — спросил он. В его умных глазах появилось выражение, которое Канаель до сих пор не замечал. Его друг на полном серьезе переживал за него.

— Да.

— Звучит убедительно. Главное, чтобы ты знал, что делаешь.

Канаель ничего не ответил на это, ведь, по сути, он и сам не знал, поступает ли правильно. Он следовал своим чувствам. Предчувствию. Он должен защитить Удину. И найти Навию, девушку в талвеньской национальной одежде.

От кевейтцев они получили буханку свежее испеченного хлеба с семечками подсолнуха, немного сыра, две бутылки воды и теплое одеяло. Все это Канаель и Песня Небес взяли с собой, сядя в маленькую, корабельную шлюпку. Она была узкой, слегка овальной формы, сделанной из темного дерева с двумя веслами. Канаель еще раз бросил взгляд на корабль, на палубе которого стояли Дав и все остальные. Они кивали — жест, который должен был вселить в него мужество и уверенность.

Канаель начал грести сильными, равномерными движениями. Они двигались медленно, но уже после нескольких гребков корабль исчез из поля зрения, поглощенный туманом. Чем ближе они приближались к пляжу, тем холоднее становилось. Холод как тонкая дымка пронизал его до костей. «Как немое предупреждение», — подумал он.

— Ты тоже чувствуешь? — спросил Канаель, глядя через плечо на Песню Небес. Она кивнула и укутала плечи одеялом. Страх перед чем-то неизвестным буквально был написан на ее лице.

В отличие от побережья Кевейта о берег разбивались совсем невысокие волны, и сама вода была таинственно тихой. Лишь крики голодных птиц раздавались над их головами, их самих Канаель не мог видеть из-за густого тумана, заслонявшего видимость.

Когда они почти добрались до пляжа, он снял сапоги, спрыгнул со шлюпки и со всей силы подтолкнул ее к песчаному берегу. Песня Небес последовала его примеру и вместе они затащили ее на пляж. Достав мешки, они положили обувь на сухое место и затем снова надели ее. Одновременно с этим, Канаель оглядывался вокруг.

Перед ними возвышались крутые, почти черные скалы, кажущиеся непреодолимыми. Песок доходил до середины пляжа, затем переходил в камни и большие обломки скал, которые выглядели так, как будто были выбиты из стены. Справа, там, где располагался каменистый склон, виднелось нечто похожее на лестницу. Да и обломки горных пород в этом месте выглядели намного более плоскими.

— И что теперь?

Он насторожился. Канаель привык, что в обществе Песни небес его окутывала полная тишина, поэтому его удивил ее голос. Теплый и мелодичный, тихий и приятный одновременно. Как он мог забыть, каким красивым был ее голос? «Теперь тебе мерещится, что она говорит», — подумал Канаель.

— Ты что-то сказала?

Он повернулся к ней.

Она посмотрела на него большими глазами, на ее лице читался испуг и радость.

— Ты говоришь?

Его лицо засияло.

— Да!

Сделав два широких шага, он оказался рядом с ней и обнял. Она ответила на его объятия, прижалась к нему и спрятала лицо на его груди, как будто существовали только они оба, как будто это было самым обычным делом в мире. Его сердце забило быстрее, он радовался, что она снова может говорить. Ее волосы пахли весенними цветами, и когда он отпустил её, то подумал, что увидел в её взгляде сожаление.

— Уже когда мы приблизились к острову, у меня зачесалось в горле, и когда я коснулась песка, у меня внезапно появилось чувство, что голос вернулся.

Геро оказался прав!

— Это просто замечательно!

Песня Небес подавленно покачала головой.

— Нет, я всё ещё не помню то, что случилось...

— Ты не можешь вспомнить? Ты поэтому искала меня в Муне?

— Да... Всё как в темноте. Не считая некоторых обрывков. Я надеялась, что всё вспомню, когда увижу тебя. — При этом она смотрела на него, почти извиняясь. — Вот почему я искала тебя, следовала по твоим следам. — Она замолчала, ища подходящие слова:

— Когда я встретила твоего двойника в одной из дворцовых кухонь, я была в отчаянии. После того, как проснулась на одной из свалок, я ничего не могла вспомнить и следовала по следу тех вещей, которые казались мне каким-то образом знакомыми. Дворец. Твоё имя. Твоё лицо. Ты был везде.

— Ты искала меня, потому что больше ничего не знаешь о своей прежней жизни? Но кто отнял у тебя твой голос и память, это ты не можешь вспомнить? — Внезапно он показался самому себе глупым, но в тоже время пытался не показывать свою неуверенность.

— Нет, — ответила она. — Виновных в этом я не могу вспомнить. Помню только мелочи.

Обрывки. Небольшой, каменный дом, окружённый другими фасадами, неприятный запах, алкоголь, свечи.

— Красный квартал, — предположил Канаель.

— Возможно. — Извиняясь, она пожала плечами. — Я не знаю.

— Как ты нашла меня?

— Ходили слухи, что двойник наследника престола направляется в сторону северо-запада, один и с оружием. Я была уверена, что нахожусь на правильном пути. В Муне я искала тебя в разных тавернах, потому что там терялся твой след. И спустя восемь дней мне повезло. — Она скромно опустила взгляд. — Единственная причина, по которой я снова могу говорить — это ты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Одним этим предложением она смогла развеять его сомнения. Ему стало жарко.

— Может, на острове мы найдем возможность вернуть тебе память.

Песня Небес протянула руку и дотронулась до его щеки.

— Спасибо, Канаель Де`Ар.

Он страдальчески закрыл глаза, обхватил ее пальцы и глубоко вдохнул. Когда он снова взглянул на нее, черты ее лица стали мягче и трогательнее. Ему нравилась сила, присутствующая в ее взгляде в последние дни, ее мужество, то, как она на него смотрела, говорила с ним... Он удивленно смотрел на Песню небес. «Ради Сува, — думал он, — я на грани того, чтобы влюбиться».

— Ты ведь понимаешь, что все это ненадолго?

Его голос стал жестче. Он ненавидел себя за то, что ему приходилось говорить об этом. Но лучше сказать, чем молчать — ради них обоих.

Песня Небес прошептала:

— Что мы будем делать?

Канаель ничего не ответил, вместо этого притянул ее к себе и, вздохнув, прижался лбом к ее лбу и положил ей руку на затылок. Ее глаза вспыхнули, закрылись, и он прислушался к ее громкому сердцебиению.

— Если бы я только знал...

— Все закончится, как только мы покинем остров, не так ли?

Это было близко к правде. Он и сам не хотел признаваться себе в том, что, когда они вернутся с острова в Лакос, всего этого не будет. Не будет их. Они не будут вместе. И он принимал все это близко к сердцу, хоть и не хотел сознаваться в этом.

— Да, — тихо сказал он и поцеловал ее. По крайней мере, сейчас они могли насладиться моментом счастья, прежде чем судьба разлучит их.

Некоторое время спустя он оторвался от Песни Небес, взял мешок, лежавший под ногами, и поднялся. Канаель не знал, когда в последний раз чувствовал себя таким счастливым. Тем не менее, он заметил печаль в глазах Песни Небес, хоть она и пыталась скрыть ее.

— Нам нужно идти. Понадобится много времени, чтобы добраться наверх, нам нужно правильно распределить силы, — сказал он, возвращаясь к цели их путешествия.

Или его цели. Ткачихе снов.

Они шли по пляжу, перелезали через большие камни, пока, наконец, не приблизились к лестнице, которую видели во время прибытия. Некоторые ступени провалились, в других местах были большие дыры, тем не менее, это был единственный видимый путь наверх. Он посмотрел наверх, пытаясь понять, где кончается лестница, однако туман был таким густым, что последние ступени были просто не видимы. Как будто он проглотил верхнюю часть лестницы.

Канаель прошел вперед, испытывая отдельные ступени, прежде чем отважиться встать на них.

— Можно идти?

— Думаю можно, — крикнул он через плечо, и вместе с Песней Небес они осторожно начали подниматься наверх. На лбу образовался пот, и чем выше они поднимались, тем разреженнее казался воздух, и тем тяжелее становилось дышать. Туман тоже сгустился, так что он едва мог видеть руку перед глазами. Появилось чувство, что за ними наблюдают, как

уколы иголкой оно вторглось в его мысли. Между тем птицы умолкли, и тихие вздохи моря вдалеке Канаель тоже больше не слышал. Тишина была подавляющей.

Канаель Де`Ар!

— Что ты сказала? — спросил он Песню небес, остановился и посмотрел на нее.

— Ничего, — удивленно ответила Песня Небес. — Я ничего не говорила.

— Но я только что услышал мое имя.

— Должно быть, тебе послышалось.

Песня Небес тяжело дышала, на ее лбу выступил пот.

— Может, сделаем паузу?

— Нет, — сказала она, указав на серый, непроницаемый туман, загораживающий видимость.

— Нам нужно как можно быстрее попасть наверх. Не нравится мне этот туман.

«Мне тоже», — подумал он, но не стал говорить вслух.

Как будто они почувствовали страх Песни Небес, серые клубы тумана рассеялись, позволив увидеть оставшиеся ступеньки. Канаель насчитал полдюжины. За ними угадывалось начало ярко-зелёной лужайки, но ландшафт всё ещё был от них скрыт.

Тёмные тучи висели низко над ними, они закрыли солнце, и стало ещё холоднее. В воздухе чувствовался дождь.

— Пошли, — сказал он и поднялся выше. Когда он добрался до последних ступенек, остановился, как вкопанный, и посмотрел назад. Туман обернулся вокруг верхней части утёса, словно венок, почти так, будто защищал главную часть острова от любопытных глаз.

Под ними теперь снова слышался шум моря, тихий прибой волн смешивался с пением ветра. Но воду не было видно. Очарованно Канаель снова посмотрел вперёд, впитывая в себя представшую картину. Песня Небес встала рядом, резко втянув в себя воздух.

— Что это? — благоговейно спросила она.

— Даже и не знаю.

Огромная изгородь из колючек, выше, чем стеклянные башни дворца Ацтеа, и такие густые, что за ними ничего не было видно, возвышалась прямо перед ними в небо.

Как тесно переплетённые тела толстые стволы возвышались в облака, ветки поменьше были сплетены с ними, образуя непреодолимый рисунок из острых шипов. Кусты были выше, чем любое дерево, которое Канаель когда-либо видел. Массивнее, чем стены города-пустыни и, скорее всего, значительно старше.

Расстояние между лестницей и началом изгороди составляло примерно двадцать шагов, а густые заросли тянулись от одного конца утёса до другого. Был только этот способ войти на остров. Взгляд Канаеля скользнул к середине изгороди, туда, где образовалась брешь между толстыми, колючими стволами. Она была как раз достаточно большой, чтобы в неё пролезло пара человек, и открывала вид на несколько проходов, которые, должно быть, были расположены внутри растений.

Перед ними находился вход в лабиринт.

Мий

Песня Небес украдкой наблюдала за Канаелем. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности. При этом она уже даже не надеялась развить в себе такого рода чувства. Так быстро. И неожиданно. Ее сердце предательски начало биться быстрее, когда он отвернулся от огромной, колючей изгороди и посмотрел на нее. С тех пор, как они встретились в Муне, он не брился, и черная борода придавала его лицу дерзости. При воспоминании о прикосновении его колючей щеки, ее тело обдало жаром, и в памяти ненадолго всплыли моменты, проведенные вместе.

— За ней, должно быть, расположен замок, — прервал он ее мысли.

— Какой замок?

Что-то в его поведении насторожило ее, казалось, он не уверен, стоит ли доверять ей.

— Забудь мой вопрос, — поспешно сказала она. — Нам нужно на другую сторону? Думаешь, там ко мне вернется память?

— Да.

Его взгляд нашел дорогу к ее душе, проникая в каждый уголок ее личности. Она чувствовала себя голой и зависимой, но при этом еще никогда не ощущала столь сильное притяжение к кому-либо. Он вздохнул, взял ее за руку и погладил кончиком пальца.

— Наверное, ты спрашиваешь себя, почему мы на этом острове, не так ли? Почему я хотел приехать сюда. — В его глазах было беспокойство. — Я не могу назвать тебе причину, Песня Небес. Хотел бы, но не могу. Многие зависит от того, доберемся ли мы до замка. Или, по крайней мере, выясним, существует ли он на самом деле. От этого может зависеть судьба четырех царств.

Его слова напугали ее. Канаель почувствовал это, и одарил ее своей кривой улыбкой. От тусклого света на острове его зеленые глаза казались светлее.

— Не бойся. С нами ничего не случится.

— Случится? Что ты имеешь в виду?

— Мы потомки Потерянного народа.

Ветер поблизости от них усилился, обдувал колючую изгородь, отчего ее ветви тряслись. Послышался странный вой, напоминавший звуки скальных пещер в Муне, а вдали раздавались раскаты грома. Песня Небес оглядела потемневшее небо. Пахло дождем, и ее страх все усиливался.

— Где мы, Канаель?

— На Мие.

— Это я знаю. Но что это за остров? Что такое лабиринт души?

Снова он не ответил ей, и она отпустила его руку, чтобы скрестить свои руки на груди.

— Я не сделаю и шага дальше, пока не узнаю, что это за остров.

Мимолетная улыбка, причину которой она не знала, осветило его лицо, потом он снова стал серьезным.

— Верные сторонники Удины, Поглотители снов, отдали жизни и создали из своих душ и магии лабиринт, в который не могут войти люди. Этот остров содержит в себе магию.

Как будто ветер услышал его слова, он подул сильнее и, шипя, пронёсся над ними. Снова терновая изгородь возле входа в лабиринт задрожала, ветки закачались на ветру. Тёмные волосы Канаеля хлестали его по лицу.

— Нам нужно поторопиться, Песня Небес, прежде чем на нас обрушится буря. Может быть, мы сможем найти укрытие в замке Ткачихи снов.

— Мы справимся.

Снова эта мимолетная улыбка.

— Ты особенная, — сказал он, отчего она покраснела, хотела сказать еще что-то, но он уже отвернулся, засунув руку в карман темного плаща, который одолжил ему Дав. Плащ был ему немного мал в плечах. Она молча последовала за ним к входу в лабиринт.

Сквозь густую колючую изгородь, отбрасывавшую длинные тени, вход казался еще более угрожающим, чем они думали. Песне Небес приходилось заставлять себя двигаться дальше. Ветви так плотно срослись, что невозможно было что — либо разглядеть сквозь них. Острые колючки торчали наружу, обличительно указывая в их сторону. Когда она сделала шаг через порог лабиринта и её поглотила тень, у нее возникло ощущение, что она совершила большую ошибку.

— Ты уверен, что с нами ничего не случится? — спросила она, догоняя Канаеля.

— Надеюсь на это.

Дорога перед ними разделялась направо и налево. Оба пути вели в неизвестность, узкая травяная тропа, с несколькими голыми местами. Несмотря на слабый свет, она различила отдельные, сросшиеся колючие кустарники. Они были почти бесцветными и размером с руку. Ее инстинктивно потянуло направо, но она не могла объяснить почему.

— Что говорит тебе интуиция? — спросил Канаель. Она неловко указала в сторону, которая показалась ей наиболее надежной.

— Думаю, ты права. Мы должны прислушаться к твоему внутреннему чувству.

Песня Небес осторожно двинулась вперед, схватила Канаеля за руку и подошла к тени, которая, казалось, наблюдала за ними. У нее было ощущение, что холодные руки хватили ее за лодыжки, поэтому она заставила себя дышать глубоко. Каждый шаг давался с трудом, она чувствовала дыхание ветра в затылке. Шаги Канаеля были уже не такими решительными, как еще несколько минут назад.

Единичные ветви с острыми колючками свисали с непроглядной изгороди. Она уклонялась от них, как от колючих рук, когда они прошли весь путь и повернули направо. Перед ними простирался черный как ночь коридор, от которого у Песни Небес перехватило дыхание. Туманный свет, прорывавшийся сквозь темные тучи, не достаточно освещал их дорогу. Они могли видеть лишь на расстоянии вытянутой руки. Канаель вопросительно посмотрел на нее, когда им снова предстояло принять решение.

Одной рукой она указала налево, где снова виднелись единичные, темные колючие руки, а другой рукой убрала волосы с лица. Канаель кивнул, схватил ее за руку и потянул вглубь лабиринта. Взглянув на небо, она увидела, что оно уже окрасилось в черный цвет. Нагромождение черных грозовых туч, словно скачущее на север войско. В некоторых местах трава была намного выше, отдельные стебельки, покрытые росой или принесенной ветром морской водой, щекотали их голые лодыжки.

Неприятное чувство, из-за которого по спине пробежали мурашки. В конце концов, они пришли к тупику. Изгородь возвышалась перед ними на несколько метров в высоту, казалось, она ухмыляется им, и Песня Небес быстро отвернулась, потирая руками плечи.

— Что теперь? — Взвывший ветер резко заглушил её слова.

— Мы вернёмся. Подожди! — Он схватил её за руку, когда она уже повернула назад, и Песня Небес подавила тихий стон, потому что его пальцы впились ей в тело. Она как раз хотела что-то сказать, когда заметила на лице Канаеля странное выражение.

Он внимательно прислушивался к ветру, глаза широко распахнуты. Ветер играл его тёмными волосами, его губы выглядели в тусклом свете тоже призрачно-бледными.

— Ты это слышишь? — выдавил он.

Её руки покрыла гусиная кожа, когда она услышала нотку паники в голосе Канаеля.

— Нет, — ответила она тихо, но даже это он, казалось, не услышал. — Что? Что ты слышишь? Канаель!

Только её крик оказал эффект.

Он моргнул несколько раз, почти как будто проснулся из своего рода транса, и, наконец, посмотрел на неё затуманенными глазами. Но не мог долго выдержать её взгляда и отвернулся, на его лице появилось чувство вины.

— Канаель, ты пугаешь меня.

— Разве ты это не слышала? — спросил он.

Песня Небес покачала головой, в этот раз энергичнее.

— Нет. Что я должна была услышать?

— Дань. — Его голос снова поглотил ветер.

— Что?

Он прочистил горло, его кадык запрыгал вверх вниз.

— Они сказали, что им нужна дань.

— Они сказали? — Её голос был пронзительным.

— Это был вой ветра, но у меня было такое чувство, будто он говорит со мной. Но должно быть я ошибся.

— А что, если нет?

Все время он избегал ее взгляда, но теперь смотрел ей прямо в глаза, отчего у нее кровь застыла в жилах. В глазах Канаеля она прочитала правду о своей судьбе, еще до того, как сама услышала голоса в своей голове. Это был шепот, тихое шептание, несколько голосов одновременно. Своего рода монотонное пение. Песня Небес чувствовала себя легко, как будто парила в воздухе. Ее сердцебиение замедлилось, она совсем успокоилась, лишившись всех чувств, кроме холода, окутавшего ее извне. Туман овладел ею.

Повсюду, голоса были повсюду. Все они говорили вразнобой, но в тоже время хором, внутреннее эхо, разговорное пение. В их словах не было смысла, тем не менее, Песне Небес хотелось понять, что они говорили. Логично, ведь они объединились.

Дань.

Нам нужна дань.

В противном случае мы не сможем выстоять.

Вам нельзя было приходить сюда.

Вам нельзя было приходить сюда вместе.

Только один из Потерянного народа.

Никогда двое.

Нам нужна дань.

Дань.

Дань.

Песня Небес.

Сари.

Сари Ди'Наль.

Следуй за нами.

Следуй за нами и мир выстоит.

Нам нужна дань.

Только одна.

Только ты.

Внезапно в душе Песни Небес образовалась темнота, как завеса, заслонившая всё. Голоса были везде и в тоже время нигде. Её охватила дрожь, и она слушала их, пока они не замолчали. И когда они замолчали, её воспоминания вернулись.

Песня Небес стала снова совершенной, объединилась с телом и душой. Всё, что яд причинил её разуму, исчезло, и она поблагодарила голоса, потому что это они помогли ей. Она увидела перед собой Саро А'Шель, осознала, почему пела для Канаеля. Она поняла свою задачу. Всё имело смысл, лежало на поверхности, так что она спрашивала себя, как могла всё это забыть. Оно всегда было тут.

Канаель. Как ей хотелось сказать ему, что она его любит. Теперь, когда она вспомнила, могла с лёгкостью вызвать в себе все чувства, которые когда-либо испытывала к нему. А их было много. Она рассмеялась. Заплакала. И умерла.

Песня Небес умирала. Каждой клеточкой своего тела она чувствовала туман, проникающий в неё, не дающий свободно вздохнуть, крадущий её душу. Она потерялась в нём, в то время как голоса нежно подбадривали её. Она была не одна. Теперь она стала одной из них. Где-то между пространством и временем, она услышала голос Канаеля. Он был в паники, кричал её имя. Снова и снова. Больше всего ей хотелось ему ответить, но она была уже слишком далеко.

Но существовало ещё одно чувство, удерживающее её, пока, в конце концов, она уже больше ничего не стала воспринимать, кроме тёплой темноты и дружеского смеха голосов, приветствующих её у себя.

Лабиринт душ, Мий

— Песня Небес?

В ужасе Канаель смотрел на безжизненное тело Песни Небес в траве. Она больше не двигалась, её веки закрыты. Сначала её дыхание ускорилося, а потом глаза стали стеклянными, и она, без какого-либо предупреждения, рухнула. Он осторожно встал на колени рядом с ней, бережно положил её голову себе на колени и погладил по распущенным волосам.

— Песня Небес, — повторил он тихо.

Холод медленно поднимался вверх по его конечностям, совершенно окутал его, так что Канаель больше ничего не чувствовал.

Клубы тумана двигались вдоль земли, быстро приближались, чтобы мгновение спустя остановиться перед телом в его руках. Оно было тёплое и пахло весной, так же, как её волосы.

Грохот грома теперь был прямо над ним, и он почувствовал первую каплю дождя на своей коже. Его взгляд не отрывался от лица Песни Небес. В нём царила полнейшая пустота.

Не в состоянии думать ясно, он горячо надеялся на то, что она скоро придёт в себя.

Потом голоса вернулись, и с ними и оглушающее чувство бессилия.

Они были везде, в его голове, проникли в его тело и говорили все одновременно. Их слова всё же имели смысл, всё имело смысл.

Дань.

Мы получили её.

Прости нам.

Прости нам, Канаель.

Так было предначертано.

Так должно было случиться.

Только ты можешь пройти к нашей госпоже.

Ты единственный.

Твоя судьба определена.

Прости нам, Канаель.

Прости нам.

Мы получили её.

Песня Небес наша дань.

Дань.

Голоса пропали из его головы, и Канаель снова почувствовал то же помрачение сознания, как и несколько минут назад, когда впервые услышал эти голоса. Кончики его пальцев занемели, его взгляд упал на Песню Небес, чье тело быстро окуталось туманом. Он хотел отпрянуть, но не мог, а просто стоял как оглушенный.

Неподвижно. У него было чувство, как будто в бесшумных клубах тумана появились лица, фигуры из другого времени. Он ужасно медленно начал двигаться вперед. Шаг за шагом.

— Что вы здесь делаете?

Но ни голоса, ни туман ничего не ответили. Ни в его голове, ни каким-нибудь другим способом. Канаель мог лишь смотреть, как густые, серые клубы тумана поворачивали тело Песни Небес, пытаясь окутать его полностью. Он крепко схватился за ее нежные руки, сжал их, в надежде не дать ей уйти. Однако внутри он осознавал, что поддается иллюзии.

Из ее тела ушло все тепло, руки были ледяными, а лицо ненатурально бледным. И вот он заметил, что и пульса у Песни Небес уже тоже нет. Канаель издал хриплый звук, не веря своим глазам, а затем подставил ухо, чтобы послушать дыхание.

Ничего. Тишина.

— Нет, — простонал он. — Нет, это не может быть правдой.

Внутри него взорвался шторм, железной хваткой охватил его сердце, несмотря на его сопротивление. Кровь шумела в ушах, дрожащими руками он обхватил лицо Песни Небес, наклонился к ней и слегка поцеловал ее в губы.

Завывание ветра усилилось, рёв приближающейся непогоды заглушал любой звук.

Безымянная темнота охватила его душу и столкнула в пропасть. Сердце Канаеля обливалось кровью, парализующее осознание того, что Песня Небес мертва, распространилось по всему телу.

Туман все быстрее окутывал все ее тело, кроме лица. Густые клубы тумана застыли на месте, и Канаель понял, что они дали ему возможность проститься с ней.

— Почему вы это сделали? Она представительница Потерянного народа! Одна из вас!

Его горе переросло в ярость, в груз ответственности за смерть Песни Небес, который так давил на него и не давал дышать. Это его вина. Это он уговорил ее войти в Лабиринт душ. Заверил, что с ней ничего не случится.

Каждую клетку его тела снова пронзил невыносимый холод, и он почувствовал, что голоса вновь вернулись,

Ты должен уйти.

Они идут.

Идут и хотят забрать ее.

Ты должен поторопиться.

Канаель Де`Ар.

Прости нас.

Прости нас, Канаель.

Песня Небес сопровождает тебя.

Она здесь.

Она у нас.

Дань.

Ты должен идти.

Когда они ушли, покинули его голову и тело, осталась лишь тошнота, после чего Канаеля вырвало в траву.

— Кто идет? — крикнул он. — Зачем вам дань? Ради богов, о чем вы говорите?

Его слова поглотила разразившаяся над ним гроза. Крупные капли падали вниз, и он склонился над Песней Небес, чтобы защитить ее от дождя, хоть это и было бесполезно. Его лицо горело, от стыда, злости и печали.

Капля упала на нос Песни Небес, Канаель не знал, был ли это дождь или его слезы. В тоже мгновение вес ее тела уменьшился, потому что она была полностью покрыта туманом и

растворилась в его руках. Моргая сквозь пелену слез, Канаель увидел, как клубы тумана постепенно рассеялись.

Песня Небес исчезла. Она умерла, и это он убил ее. Осознание настигло его полной силой, не давая дышать. Он был ответственен за ее смерть, этого он себе никогда не простит. Никогда.

Она ушла.

Канаель не знал, как долго он сидел там, поддавшись своему горю, когда голоса снова вернулись. В этот раз они проникли в него еще быстрее, их присутствие было более явным. Он чувствовал себя слишком маленьким, они ворвались в его голову и наперебой кричали там. У него закружилась голова.

Они скоро будут здесь!

Беги!

Беги, Канаель!

Мы укажем тебе путь.

Только тебе.

Поторопись!

Они идут!

И с ними несчастье.

Поторопись!

Поторопись!

Когда они вновь исчезли, то оставили дыру в его сердце, и всё же ему каким-то образом удалось встать и оглянуться. Если он сейчас сдастся, то смерть Песни Небес будет напрасной. На земле перед ним образовалась призрачная завеса из тумана, тонкая нить, указывающая ему дорогу. Слепой от горя, Канаель, шатаясь, пошёл за ней. Его шаги становились всё более решительными, чем дальше он отдалялся, но он знал, как бы быстро он не шёл, он никогда не уйдёт настолько далеко, чтобы забыть смерть Песни Небес.

Между тем дождь шёл как из ведра, и Канаелю приходилось постоянно моргать, чтобы и дальше видеть туманную нить. Дрожа, он шёл дальше, завернул за угол, один раз налево, два раза направо, а потом оказался перед входом, похожим на ворота, через которые зашёл. Вместе с Песней Небес. Туман кончался там, возле выхода, как невидимая граница, которую он не мог пересечь. Канаель цинично рассмеялся, мрачно уставившись на здание, которое в учебниках истории называли мифом.

Перед ним в небо возвышалось каменное строение, выстроенное из чёрного камня и такое же внушительное, как Лабиринт душ. Замок Ткачихи снов. Тёмная башня подымалась в затянутое тучами небо. От лабиринта вела узкая тропа к открытым железным воротам, за которыми лежал небольшой сад. Канаель пересёк передний двор, за которым уже долгое время никто не ухаживал, потому что красиво расположенные грядки заросли, кусты и цветы перемешались друг с другом. Всё выглядело мрачно и обветшало.

— Она здесь? — спросил он в дождь, но не получил ответа, хотя мог дать его себе сам. Конечно, где-то в замке спит Ткачиха снов. Зачем ещё туману было вести его сюда?

Передний зал был не менее впечатляющим. Зал, поддерживаемый белыми колоннами, а посередине пол из мозаики. Широкая лестница в конце зала, от которой вели наверх ещё две лестницы налево и направо. Тишину нарушало только его горячее дыхание и скрип его мокрых сапог на гладком полу. Тяжело дыша, он поднялся по лестнице вверх, прокладывая себе дорогу через переходящие один в другой пустые коридоры, чьи голые стены казались

ему ещё более удручающими. От главного коридора отходили несколько других, но он упрямо полагался на своё чутьё, как будто точно знал, куда нужно идти. Может, это был туман, а может, это она звала его к себе.

В другом конце коридора он обнаружил начало ещё одной лестницы, спирально поднимающейся вверх, и Канаель последовал по ней, перепрыгивая через ступеньку. В тот момент, когда он добрался до последней ступени, он почувствовал магию, лежащую на этом месте. Перед ним находилась открытая, деревянная дверь, ведущая в узкую комнату.

Комната была меньше, чем он ожидал, и не такая впечатляющая, как передний зал и само здание. Ни кровати, ни стула, ни зеркала, ничего, что указывало бы на то, что в ней живут. Его взгляд упал на женщину, сидящую, скрестив ноги под единственным окном. Спиной к окну, она находилась от него на достаточном расстоянии, чтобы попадающие внутрь капли не задевали её. Её каштановые, гладкие волосы спадали волнами на спину, стелились по полу, словно ковёр, в них были зелёные пряди.

Как и в волосах богини весны в его сне. Но, в отличие от Кев, женщина была совершенно голой, а её глаза закрыты. Взгляд Канаеля одно мгновение задержался на её груди, чтобы потом снова перейти к её лицу. У неё были мягкие, почти детские черты лица, так же её тело, если внимательно посмотреть, было больше похоже на тело девочки.

— Удина? — спросил Канаель устало, но она не ответила.

— Удина?

Только теперь Канаель заметил золотые нити, образовавшиеся вокруг её пальцев, крошечные, блестящие частички, обхватывающие её запястья и окружающие всё тело. Казалось, они двигались под воображаемую музыку, выполняя молчаливый танец. Они нежно кружились, и он последовал за ними, увидел, как они тянутся в небо из открытого окна. Канаель не мог оторвать взгляда от нитей. Да и не хотел отворачиваться. Просто не мог. Они зеркало богов. Доказательство, что боги действительно существуют.

Они такие красивые...

Это зрелище что-то затронуло в Канаеле, какой-то первобытный инстинкт. Все померкло, гул ветра, так же, как и бушующая снаружи гроза. Боль о смерти Песни Небес превратилась в легкое пульсирование. Дело было не в нем. Он чувствовал привкус любви на языке, слышал пение жизни, ощущал запах будущего и прошлого, чувствовал руку смерти и видел прямо перед собой наследие богов.

Это был центр их мира, все, чем четыре божества когда-то владели, все, что они подарили своим детям и людям. Золотые нити кружились по кругу, танцевали, борясь со временем, борясь с тленностью бытия. Сны. И их магия. Магия богов. Голова Канаеля была пуста, воспоминания и боль померкли. Важным было только Здесь и Сейчас.

Подойди ближе.

Очарованный и затаив дыхание, он сделал шаг в сторону Ткачихи снов. Канаель не мог оторвать взгляда от нитей, его сердце забило чаще, и он забыл, зачем пришел и какое горе перенес. Воин, ребенок, мужчина, сын.

Все и ничего. Его личность потеряла значение, потому что время и судьба не играли здесь никакой роли.

Подойди ближе.

В этот раз голос исходил не из его головы, а прямо из души, в соответствии с его собственным желанием. Канаель не знал, высказал ли он сам это желание, или кто-то другой обратился к нему. Да это и неважно. Только нити имели значение. Он осторожно протянул к

ним руку, его пальцы стали длиннее, пульс ускорился. Его рука парила в воздухе, он медлил, не владея собственным телом, всего лишь игрушка в руках богов.

Сделай это, Канаель.

Когда он дотронулся до нитей, вдруг стало тихо, но немного погодя ветер завыл с новой силой, а дождь пролился на землю еще яростнее, чем прежде. Небо потемнело, потому что боги плакали. Канаель испуганно выглянул в окно. Собирались тени, чернее ночи, тяжелее, чем грозовые тучи, рассеявшиеся над его головой. Некоторое время он просто наблюдал, пока темнота не заполнила каждый уголок неба.

А потом произошло то, о чем предупреждала Кев, и чего он тайком боялся, потому что это он, он был ключом к судьбе мира.

Небо бесшумно расколосось на тысячи золотистых осколков, которые упали на землю на севере, западе, юге и востоке, будто притянутые невидимой лентой. Взрыв цвета, олицетворение богов, превративший темноту в солнечный день.

Море огня до самого горизонта.

Канаель несколько раз поморгал, чтобы побороть дурман в голове, и ему это удалось. Голова прояснилась.

Он в смятении смотрел на свои дрожащие руки, в горле появился комок. Понимание постепенно проникало в его сознание.

Нет. Нет, невозможно.

В пылающем, ночном небе линии осколков натянулись как нити, до самого горизонта. Он поспешно повернулся, пытаясь побороть нарастающую панику. Но было поздно.

Он в ужасе смотрел на Удину, видел, как она глубоко вдохнув, вышла из своего транса. Не прошло и секунды, как женщина у его ног открыла глаза.

Она молчала. Ее глаза блестели всеми четырьмя цветами богов, в них отражалась древняя мудрость вперемешку с печалью. Удина поняла, что произошло: сотканный ею сон разбился, и магические осколки распространились по миру Четырех царств.

Часть III

И Таль сказал своё слово, которому боги подчинились. Плача, Кев бросилась прочь, потому что боялась за своих кровных детей. Небо потемнело, и мягкие весенние бури обрушились на мир, но не одна буря не могла отразить печаль в сердце богини.

Автор, место и время происхождения не известны

1

Бегство

Мий

Молча Канаель смотрел, как распался мир. Небо изменило цвет, смешанное из цветов богов, отражение их душ. Белый шторм, зелёный туман, красные облака и золотая тень. Лишь с трудом ему удалось оторвать от него взгляд.

Он мог чувствовать их. Каждый осколок, даже самый маленький. Они разлетелись по всему миру, исчезли в самых дальних уголках высоких тальвенских гор, погрузились в землю кевейтской природы и в дюны Сувия, утонули в сыскийских болотах. Онемев, он прислушивался к гудящему звуку, бесшумной барабанной дробь. Это было немое эхо их возгласов и жалоб, оттого, что их разъединили.

— Что ты сделал?

Голос Удины был мелодичным и одновременно грустным.

— Ох, Канаель, ты погубил всех нас.

— Что? — прохрипел он.

Плавным движением, полным кротости и элегантности, Ткачиха снов встала и с упреком взглянула на него. Ее глаза переливались всеми цветами богов, и, несмотря на наготу, она источала таинственную власть. Она выглядела как Кев. Только теперь Канаель заметил, как дрожат ее ноги. Она боролась со своим телом, которое сопровождало ее на протяжении столетий.

— Канаель, ты окончательно решил судьбу четырех царств.

Ее слова имели своеобразную интонацию, которая звучала чуждо и одновременно знакомо.

— Война за обладание четырьмя царствами уже не за горами.

У него сдавило горло, как будто на плечи лег весь груз мира. Ничто не могло подготовить его к этому моменту.

— Я не понимаю... — сказал он. — Кев ведь послала меня к тебе на остров!

— Когда тебя настиг ее сон? Ты помнишь эту ночь?

Он как загипнотизированный покачал головой.

— Нет, почему?

— Потому что это была ночь, после того, как Песня Небес пела для тебя. Хоть она и сняла с тебя действие яда, но одновременно заразил твой дух магией душ. Кев явилась тебе во сне, но она не говорила, что ты должен приехать на остров. Ты должен был оставаться в Сувию и готовиться к прибытию Навии.

— Что?

Песня Небес предала его.

Казалось Удина прочитала его мысли, потому что, слегка покачав головой, она сказала:

— Не бойся, Канаель. Ты не ошибся в ней. Ее саму обманули.

Канаель облегченно выдохнул.

— Навия и ты единственные, кто может войти в эту комнату, — продолжила Удина нежным голосом. — В ваших венах течёт моя кровь. Никто из моих Поглотителей снов не помешает вам пересечь лабиринт душ, потому что вы всегда выберете верный путь. — Удина

печально покачала головой, и его сердце отяжелело. Она посмотрела ему прямо в глаза.

Её слова не имели смысла. Как ей пришла в голову идея, что в его венах течёт её кровь? И как девушка из Талвена может быть...? Удина увидела его растерянность, так как сложила свои тонкие руки, как будто собиралась прочитать молитву и продолжила:

— Моя мать, дочь Кев, родила троих детей. Две дочери и сына, и у них свою очередь тоже были дети, а потом последовали другие. Потом наступила Золотая охота, и все мои родственники были убиты. Все, кроме двух братьев. Ариана и Анеса.

У Канаеля было такое чувство, что он не может дышать. Имя второго мужчины вызвало в нём волну противоречивых эмоций. Ему с трудом удалось подавить стон.

— Моего настоящего отца звали Анес, — монотонно сказал он.

— Да, Анес был твоим отцом. А Ариан был отцом Навии.

Наконец он понял связь с девушкой, живущей на другом конце мира. Это не могло бы быть более очевидно. Или более запутанно. Навия, девушка в талвенском костюме, это его двоюродная сестра.

— Я не понимаю...

— Только ты и Навия можете меня разбудить, Канаель. Потому что вы мои последние кровные родственники.

Он уставился на Удину, едва сдерживая истерический смех. Песня Небес пела для него.

И вот он был здесь. И разбудил Ткачиху снов.

— Но... почему...? — Ещё прежде, чем он задал вопрос, о себе дали знать голоса. Холод прокрался в его тело, проник в каждый сустав и мускул. Они заполнили его разум своим присутствием, и его голова пульсировала от боли. В этот раз их голоса звучали с триумфом, они говорили в унисон.

Ты освободил нас.

Отпустил нас.

Мы можем уйти.

Наша судьба свершилась.

Судьба мира.

Ты изменил её ход.

Мы можем уйти.

Благодарим.

Благодарим тебя Канаель.

Но они идут.

Они придут.

Придут.

Затем связь резко прервалась, снова появилась пустота, вызывавшая в нём тошноту. Чтобы его не стошнило, Канаель оперся руками о колени и глубоко вдохнул. Перед его глазами танцевали черные точки, ему стало совсем плохо.

Но так же, как и голоса, это ощущение быстро исчезло, однако пустота осталась.

— Что они сказали?

Канаель посмотрел в переливающиеся глаза Ткачихи снов. От ее внимания ничего не ускользало, Канаель чувствовал себя ранимым, хотя она была обнаженной, а он одетым.

— Кто? — растерянно спросил он.

— Мои Поглотители снов.

— Откуда...?

— Я видела, как они подошли к тебе, — объяснила Удина, сделав нетерпеливый жест рукой. — Что они сказали?

— Они сказали, я освободил их, и их судьба исполнилась.

Прекрасное лицо Удины помрачнело.

— Их души покинули лабиринт, и нашли путь в вечность.

Жесткое выражение добавило ее детскому лицу зрелости.

— Лабиринт потерял свою магическую силу. Теперь каждый может попасть сюда.

— Почему они отправили меня к тебе?

Еще задавая этот вопрос, Канаель почувствовал, как по телу пробежала дрожь, и ему внезапно стало жарко. Он не справился. Голоса обманули его.

Он слепо последовал за непроницаемым туманом, поставив на карту судьбу всех четырех царств. Они ослепили его. Воспользовались его печалью. Его накрыло волной горя. Он больше не был ребенком, но повел себя как маленький мальчик, который верил в то, что одним пальцем может спасти свой народ. Теперь ему придется жить с последствиями. Мир потерял ткачиху снов, а он возлюбленную.

Он расправил плечи. Горевать о Песне Небес он будет позже.

— Кого они объявили? Голоса, я имею в виду.

Удина ответила не сразу, она печально смотрела мимо него. Он последовал за ее взглядом и увидел, что на потемневшем небе уже не было и намека на светящуюся дорожку из осколков сна. На Мий опустилась пугающая тишина.

— Я надеялась, что ты выберешь другую судьбу, Канаель Де`Ар. Ты выбрал для себя трудный путь, но конец еще не написан, — сказала Удина. Она вздохнула и на долю секунды закрыла глаза.

— Мы должны поторопиться, потому что меня попытаются убить. С моей смертью умрет надежда соткать для людей новый сон. У них больше не будет снов, они потеряют веру и любовь, если мы не найдем способа остановить его.

— Кого остановить? — спросил Канаель. — Кто за всем этим стоит?

— Гариен Ар`Лен.

Канаель покачал головой. Он знал Гариена, который всегда расхваливал свою семью. Он принимал его всего несколько недель назад в Лакосе.

— Брат Арии?

— Ария мертва, Канаель.

Удина колебалась, будто взвешивая, стоит ли ей говорить следующие слова. В конце концов, она решилась сказать. В ее взгляде читалось сочувствие.

— Она не единственная, кто должен был умереть ради плана Гариена.

Что-то кольнуло Канаеля внутри, когда он подумал о Песне Небес. Неважно, как быстро я бегу, неважно, как сильно я отгоняю от себя мысли о смерти Песни Небес, мне никогда не удастся убежать так далеко, чтобы забыть это.

Канаель устало провел рукой по лицу.

— Откуда ты знаешь, кто за всем этим стоит?

— Я вижу все, каждый сон, каждое желание. Я знаю самые тайные страхи и самые большие желания. Только мне не позволено вмешиваться в них. Несколько месяцев назад Гариен, однако, начал маскировать свои сны.

— Как?

— На его стороне потомки Потерянного Народа, которые защищают его дух и сны. Я

больше не могу видеть его.

— Разве такое возможно?

— Божественная магия не знает границ, — сказала Удина. — Не забывай, что многие потомки больше не умеют обращаться с магией. Лишь немногие способны контролировать свои силы, они отличаются друг от друга унаследованными способностями.

Он попытался взять себя в руки, и удивительным образом в голове появилась ясность.

Постепенно отдельные части начали выстраиваться в одну общую картину, которую он еще не совсем понимал.

— Каковы планы Гариена?

Взгляд Удины затуманился.

— По его приказу были выслежены и уничтожены потомки Потерянного Народа. Их осталось совсем немного. Даже слишком мало. И все они преследуют одну и ту же цель.

Пожары в Кевейте. Были ли они связаны с этим?

— Что ты имеешь в виду? — хотел узнать Канаель.

— Только потомки Потерянного Народа могут узнать друг друга.

Она сделала многозначительную паузу, повернулась к нему спиной и перекинула волосы через плечо вперед.

У него перехватило дыхание. На её спине были видны изогнутые линии чёрных крыльев, которые покрывали чуть ли не всю её светлую кожу. Это был самый совершенный рисунок крыльев, который он когда-либо видел. А также он увидел ещё кое-что другое. Чёрные линии не могли скрыть два шрама на позвоночнике. Там, посередине спины, были видны два опухших обрубка. Удина тоже была отмечена, но не так, как её потомки. У неё тоже отобрали крылья. Настоящие крылья.

Она тщательно выбирала слова, прежде чем снова повернулась к нему:

— Только потомки Потерянного Народа могут чувствовать мои сны...

Поражённо он посмотрел на Удину, которая внимательно за ним наблюдала, при этом выражение её лица оставалось бесстрастным. Как лицо куклы, подумал он невольно и понял, почему она молчит. Она хочет, чтобы он сам догадался. Зачем кому-то уничтожать Потерянный народ, если не для того, чтобы отомстить за то, что они причинили людям столетия назад? Потом до него дошло, и жестокость того, что случилось, предстало перед его мысленным взором.

— Они могут чувствовать сон, даже когда он разбился на кусочки, — предположил он, и Ткачиха снов с грустью кивнула.

— Есть ли возможность собрать сон воедино? Или объединить осколки?

— Да, есть один способ. Леран, один из Поглотителей снов пожертвовал своей жизнью, чтобы защитить меня. Он записал все знания, которыми поделилась с нами богиня. Я просила его не делать этого, из страха, что эта книга попадет не в те руки, но он не хотел меня слушать.

Канаель распахнул глаза от удивления.

— Хроника Потерянного народа! Но ее украли. Только так Гариен мог воспользоваться этими знаниями...

Удина кивнула.

— Леран также изобразил в книге родословную и попросил своего сына продолжать ее.

Гариен владеет списком, в котором перечислены практически все потомки Потерянного народа.

— А существует второй экземпляр? Что-то, что может нам помочь?

— Да, есть ещё одна книга, но она исчезла. Жена Лерана Рона, Поглотительница снов боялась этой хроники, и решила уничтожить её. Но Леран наложил на неё проклятие, и Рона умерла. Когда Леран понял, что натворил, он хотел уничтожить своё произведение, но это было невозможно. Поэтому он оставил вторую книгу, которая появилась благодаря любви к его жене, но которую можно прочесть только в том случае, если твои намерения чисты.

— Канаель!

Издали слабо прозвучал голос Дава, но ветер перенёс его поближе, как будто понял, что это срочно. Канаель поспешил к открытому окну, где различил контуры своего друга в конце каменной лестнице, ведущей на уровень лабиринта. Его пальто из толлака развивалось на поднимающемся ветру, обвивало ноги, и он направлялся прямо к мрачному входу лабиринта.

— Он сумасшедший! Зачем он зашёл на остров?

— Туман рассеялся, должно быть, он почувствовал изменения... Нужно уходить, — сказала Удина, подойдя к нему. В её детских чертах читалась спокойная решительность. — Я уверена, что Гарьен уже отправил Поглотителей снов, чтобы убить меня. Пожалуйста, подай мне мою першу, — добавила она и указала на тёмно-красную накидку за дверью. Она доставала до пола и у неё имелся небольшой шлейф.

Материал, должно быть, был из другой эпохи, потому что он ещё никогда не прикасался к таким мягким, тонко сплетённым нитям.

Осторожно он помог Удине одеть её, и увидел, как застёжка из позамента сомкнулась, закрывая её наготу. Её движения были нерешительными. Напряжёнными. Как будто ей ещё нужно было привыкнуть к тому, как использовать тело.

— Канаель! — Ищущий возглас Дава донёсся до него.

Хотя он находился достаточно далеко от дворца, но казалось, тишина пронесла его слова к ним, и Канаель посмотрел на Удину, которая на шатких ногах пересекла комнату, направляясь к каменной лестнице. Её шаги были нерасторопными, и его взгляд упал на её босые, бледные ноги. Движения были похожи на движения марионетки, которых можно встретить на ярмарке за городом, а волнистые волосы казалось для неё дополнительным весом.

Без дальнейших слов он взял кинжал, прикреплённый к голенищу сапога, и подошёл к Ткачихе снов, которая безмолвно смотрела на него своими переливающимися глазами.

— Мы теряем слишком много время. — Ему не нужно было говорить больше. Между ним и Удиной, казалось, царит молчаливое понимание, потому что она повернулась к нему спиной, и Канаель взял блестящие волосы в руку. Его лезвие было острым, и он отрезал пряди, так сильно напоминающие ему Кев, выше лопаток. Беззвучно они падали на пол и образовывали кучу, теряя свой цвет и становясь серыми. В смерти они все похожи.

Серые и увядшие.

Он отвернулся.

— Мне понести тебя?

Удина кивнула, её тонкие руки исчезли под широкими рукавами бордового плаща.

Он осторожно поднял её с пола. Он почувствовал, как она обняла его за шею, и её цветочный аромат проник ему в нос. Она весила не больше, чем те великолепные, шерстяные одеяла, которые украшают его кровать в спальне. Это плащ заставил его уже после нескольких ступенек тяжело дышать. Он заглядывал за неё и осторожно, шаг за шагом,

спускался вниз. Мимо пустых стен. В некоторых местах казалось, будто там когда-то висели картины.

Чёрные края и неясные очертания указывали на давно прошедшие времена, которые, возможно, пережила только Удина. Перила были сделаны из серого камня, а некоторых частей спиралевидных распорок совсем не хватало. Через доходящие до пола окна открытых залов проникал свет луны.

Когда они проходили через заброшенный сад, признак прошлой красоты, и оказались перед лабиринтом, Канаель почувствовал, как боль в его груди выросла. Осторожно он поставил Удину на ноги, она зачарованно оглядывалась, глубоко вдыхая влажный воздух, к которому примешался запах моря. Теперь, когда туман исчез, тёмная, колючая изгородь казалась ему ещё намного больше, чем раньше. Казалось, Удина что-то увидела внизу под крутым утёсом, край которого начинался прямо за замком, потому что её лицо внезапно помрачнело.

Он последовал за её взглядом и смог рассмотреть, как тёмные волны ударяются о камни, отмеченные эрозией, пенящиеся волны бурлили в воздухе, а звук их ударов доходил даже до них. Когда Канаель, наконец, увидел, что так беспокоило Удину, он вздрогнул: на горизонте выделялись мачты корабля, борющегося с волнами и штормом. Чёрный нос корабля указывал в их сторону. Корабль, который хорошо было видно в темноте даже невооружённым взглядом. Корабль, который он не захотел бы увидеть вблизи.

— Они скоро придут. Нужно торопиться, также ради Песни Небес. — Нежный голос Удины вырвал Канаеля из размышлений, и он сделал шаг вперёд, и снова посмотрел на колючую изгородь. Следы дождя блестели влагой на отдельных, бесцветных кустах, которые уже давно утратили свою жизнь. Туман рассеялся, но в воздухе всё ещё лежало давящее напряжение, которое он не мог себе объяснить. Он подумал о Песне Небес и сжал руки в кулаки.

Песня Небес ушла. Навсегда. А опасность, которая теперь нависла над четырьмя царствами, ещё далеко не устранена. Её жертва не должна быть напрасной.

Крон, Осеннее царство

Со стоном, облачённый в чёрное мужчина опустился на колени, испустил дух, и упал лицом вниз на пыльный пол. Вокруг его груди разлилась лужа крови, и на залитое лунным светом место опустилась тишина — после ужасных криков мужчин тишина оказалась на уши Ашкина благотворное влияние.

Его взгляд задержался на неподвижном теле, пока он собрал и чистил своё оружие.

Запах свежей крови висел в воздухе, когда Ашкин закрыл глаза семи мужчинам, чьи тела лежали на земле внутреннего двора во дворце Далиен, недалеко от личных покоев Гарьена.

В тоже момент послышался громкий стук тяжёлых сапог, шаги, которые быстро приближались. Тут же за угол завернули охранники. На их груди был вышит арленский герб, а золотисто-жёлтая униформа в свете луны выглядела почти белой. Охранники вытащили свои мечи, лезвия переливались серебром, а острия были осуждающе направлены в его сторону. Когда они заметили трупы на земле, то остановились, как вкопанные.

Ашкин разозлился. Последние недели гнев всегда находился на поверхности, готовый вырваться по малейшему поводу. Например, когда он проходил мимо голой галереи, где раньше висели портреты правительниц. Или когда ему приходилось, как теперь, выносить глупые лица телохранителей Гарьена.

Какая мне разница, что случится с жизнью этого сумасшедшего?

Больше всего ему хотелось самому убить этого подлого ублюдка, но Ашкин знал, что его младший брат и мать потеряют свою жизнь, если с Гарьеном что-нибудь случится. А его брат и мать были всем, что у него есть в этой жизни.

— Вы слишком медлительны, — сказал он мрачно, вытаскивая из груди мёртвого, лежащего перед ним, два метательных ножа и пряча их в сапог. — Они могли бы быть уже повсюду. Могли бы уже попасть в покои Гарьена. И вы называете себя охранниками?

Он сплюнул в ярости на землю, глядя на то, как мужчины начали поднимать трупы, и уже собрался уходить, когда услышал, как кто-то его зовёт.

— Ашкин, подожди.

Когда он повернулся, перед ним стояла молодая женщина со светлыми заплетёнными в косу волосами и в затянутом, серебристо-голубом, талвенстком костюме. Он заморгал. Как она смогла так незаметно подобраться к нему?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Кто ты такая?

— Меня зовут Лорина О'Риаль. Ты ещё ничего обо мне не слышал, зато мы слышали много о тебе. Гарьен Ар'Лен послал меня. Есть такое место, где мы смогли бы спокойно поговорить?

Ее осанка и взгляд выражали такое спокойствие, которого он еще никогда не встречал ни у одной женщины. Что-то в ней настораживало его. Она была другая.

Он кивнул и провел ее в помещение без окон, на нижнем этаже дворца, которое было в его распоряжении и содержало небольшую библиотеку. Она принесла с собой холодный

воздух, и он ощутил ее запах. Инеевые цветы, как будто еще несколько мгновений назад она была в Талвене. Он тихо закрыл за ней дверь.

— Чем я могу помочь? — спросил он, и зажег светильник.

Лорина смотрела на него своими светло-голубыми глазами, обрамленными белыми ресницами. А вокруг радужной оболочки располагались золотистые крапинки, заметил Ашкин.

— Я одна из двенадцати потомков Потерянного народа, перешедших на сторону Гарьена Ар'Лен.

Он весело фыркнул. Каждый знал, что Потерянный народ вымер, но в тот же момент в его памяти всплыли слова Ерана и Гарьена. Он выжидающе скрестил руки на груди.

— Чего ты хочешь?

— Пришло время просветить тебя.

Когда он не ответил, она продолжила:

— Это важно, потому что ты не верующий. Ты доверяешь своему сознанию, инстинкту, тому, чему тебя научила жизнь. Но в этом мире есть вещи, Ашкин А'Шель, которые нельзя объяснить одним лишь человеческим разумом.

— Если ты одна из Потерянного народа, значит, ты наполовину богиня, я прав? Разве в истории не говорится, что люди произошли из дыхания богов, а Потерянный народ вышел из лона Кев?

Тихая улыбка скользнула по лицу Лорины, казалось, она совсем не подходит ей.

— Так и есть.

— Докажи это.

Он видел, как она боролась с собой, не могла решить правильно ли будет подчиниться его желанию. Ашкин чувствовал, что Лорина, так же, как и Алана, была упрямой и пробивной. Такими были многие женщины всех четырех царств. Затем она кивнула, поджала мягко очерченные губы и сдвинула брови, которые как тучи, зловеще нависли над ее глазами. Точно, она была другой. Полной сил и тайн. Перед ним как будто стоял другой человек. Ничто не напоминало в ней молодую женщину, излучавшую спокойствие. Ашкин неосознанно хотел сделать шаг назад, но одумался и не сдвинулся с места.

— Гарьен решил, что пришло время посвятить тебя в наш план, потому что сегодня ночью это произойдет.

Даже ее голос изменился. Стал жестче, холоднее, и в нем было что-то еще, но он не мог понять что.

— Что произойдет?

— Она проснется.

Ашкин смотрел на Лорину так, как будто она сошла с ума.

— Ткачиха снов?

Она кивнула.

— Да, это случится сегодня.

— Почему ты так уверена?

— Потому что мы следили за тем, кто разбудит ее. С самого его рождения, с тех пор, как мы узнали, что его отец был в городе и привлек всеобщее внимание. Слухи нельзя просто взять и прекратить, они распространяются. Тем более слухи такого рода. И у нас есть книга, подтверждающая их родство.

— Ты говоришь загадками.

При этом он думал, что знал, что речь идет о книге, которую несколько лет назад якобы украл его брат. Хроника Потерянного народа.

— Прости.

Это прозвучало так, как будто она считала его идиотом. Может быть, это было ответное действие на его грубую манеру поведения. Ашкин сменил тактику. Медленно подошел к ней, но не слишком близко, так как не хотел угрожать. Лорина заметила это, нахмурившись.

— Ты не пугаешь меня, А'Шель, — холодно сказала она. — Твои силы ограничены. Может, ты и хорош в том, что делаешь, возможно, ты даже самый лучший во всем Сыски и за его пределами, но ты не принадлежишь к Потерянному народу. Я вижу тебя насквозь.

Он остановился.

— Нет, не видишь.

— Ашкин А'Шель, из дома штормового ветра. Командующий Чёрной армией сражающийся за Мерлу Ар'лен против княжеского дома падающих осколков Ад'Ейши. Потом ты стал её телохранителем. И её тёмной рукой.

— Это всё факты. Факты, который может выяснить любой, кто знает моё имя, — ответил он с негодованием. — Ты ничего обо мне не знаешь.

В её чертах промелькнуло что-то ранимое, коротко он подумал, что это жалость. Его слова, казалось, что-то тронули в ней, и сначала он не понял, что. Но потом она посмотрела на него, направив свои ясные глаза прямо ему в лицо, и он распознал в них беспокойство. Он выдержал её взгляд, ища объяснения, пока она, в конце концов, не отвернулась. Её веки, подрагивая, закрылись, и Лорина почти что с сожалением покачала головой.

Чёрт, она была хороша.

— Не заставляй меня.

— Докажи мне.

Его голос был спокоен.

Она открыла глаза, и, не смотря на темноту в затхлой комнате, Ашкин увидел, что они уже больше не светлые. Нет, они переливались четырьмя разными цветами.

— Тебе часто сняться сны о рыбах. Ты хотел бы вернуться в свою родную деревню, в Глон, и жениться там на хорошей девушке. Её имя Лирейра. Раньше она всегда дразнила тебя, и резвилась с тобой в реке, — начала Лонира, и с каждым словом Ашкин всё больше цепенел. Кровь застыла в его жилах, невольно он сжал руку в кулак. — Иногда ты спрашиваешь себя, как бы это было, если бы ты был не Ашкин А'Шель. Мог бы просто уйти в подполье, и больше не заботиться о проблемах мира. Просто жить. Но это не твоя судьба, Ашкин.

Всё, что она говорила, было глубоко в его сердце. Никто не знал его самые сокровенные желания. Никто.

— Кто ты такая? — Ему стоило больших усилий говорить нейтральным тоном.

— Меня зовут Лорина О'Риаль, я одна из двенадцати потомков Потерянного народа, перешедших на сторону Гарьена Ар'Лен, — повторила она и подняла вверх руки. Он подумал, что видит крошечные, золотые частицы, танцующие вокруг её пальцев. — А ты, Ашкин, должен начать верить.

Ещё прежде, чем она замолчала, от неё начал исходить свет, будто она сияла изнутри. Свет, окруживший всё её тело. Становилось всё светлее и светлее, шар, который ослепил Ашкина, а потом, с одного момента на другой, она исчезла. Мгновение спустя Ашкин услышал звук позади себя и обернулся.

Лорина стояла перед ним. Нижняя, белая юбка её костюма шевелилась, почти как если бы её обдувал невидимый ветер, а её глаза переливались в мерцающем свете лампы. Белым. Зеленым. Красным. И золотисто-коричневым.

— Что ты такое?

— Странница.

Она сказала это с такой естественностью, которая заставила его сомневаться: может она всё-таки сказала правду? Кроме того, он только что увидел собственными глазами, как она переместилась с одного места... на другое. — Почему вы работаете на Гарьена?

— Потому что он пообещал нам нормальную жизнь. Мы слишком долго прятались от людей, — сплюнула она. — Они преследовали нас. Охотились, как на животных. Поджигали наши дома, когда мы в них спали. Закалывали наших детей. Делали это, хотя мы на самом деле выше вас! — Она покачала головой.

В первый раз Лорина показала своё истинное лицо, и под её красивой маской скрывалось безумие, которое сильно напомнило Ашкину Гарьена. — Мы дети богов, мы занимаем на земле их место! И было время, когда люди боялись нас... — Её глаза сверкали от ненависти и отвращения. Они были зеркалом того, что люди причинили Потерянному народу.

— Вы захотели отомстить, — констатировал он. Возможно, даже ещё больше. Восстановить давно прошедшую эпоху, когда дети богов властвовали над людьми.

— Чего мы хотим, тебя не касается. — Казалось, её голос выкован из льда. — Но ведь у тебя есть мозги, может, ты и сам додумаешься.

— Почему для тебя так важно, чтобы я поверил в то, что ты мне рассказала? — спросил он, не выпуская её из виду. Только боги знают, какие трюки она ещё может использовать.

— Потому что твоя судьба изменит мировые события, Ашкин. И я хочу убедиться в том, что ты примешь верную сторону.

— Моя судьба изменит мир? — Он сухо рассмеялся.

В этот момент тело Лорины вздрогнуло, и она склонила голову на бок, внимательно прислушиваясь к тишине дворца.

— Время пришло, — прошептала она и улыбнулась.

Ашкин нахмурился.

— Что?

— Он разбудил её. Следуй за мной.

Немного нервничая, она открыла трясущимися руками дверь и беззвучно двинулась через коридор, по краям которого возвышались украшенные колонны, и находилось несколько источников света, который исходил из серебряных жаровен. Они снова вышли во внутренний двор через тёмную, деревянную дверь. Здесь уже больше ничто не напоминало о состоявшемся недавно кровавом действии.

Ночное небо Сыски спокойно возвышалось над ними, и Ашкин увидел, как Лорина откинула голову назад, разглядывая небо. Потом её лицо просияло, и она посмотрела на него, в то время как указывала пальцем наверх.

— Посмотри сам.

Он также поднял голову. Нади ними изменились темные цвета. Розовое сияние, светло-зеленые полосы, которые начали танцевать. Ашкин затаил дыхание, чувствуя, как по рукам побежали мурашки.

Там, где только что царила глубокая ночь, вдруг возникло буйство красок, война богов,

чьи цвета радуги были видны повсюду. Мгновение спустя небо пронзили золотые молнии, прямо до самого горизонта и за его пределами. Хвост кометы последовал за следами, оставленными молниями, и растворился в темноте, также распространившись до самого горизонта. Небо наполнилось звездами, словно предвещавшими конец света. Многие из них проносились над их головами, превращая затухающие краски богов в светящийся маяк.

— Осколки снов, — пробормотал Ашкин, заметив, что в его голосе послышалось нечто вроде благоговения. Значит, Гарьен все время был прав. Ткачиху снов действительно разбудили. Ашкин вспомнил тот день, когда вернувшись на родину, он получил письмо, принесённое ему птицей-дреель. «Снова будет война» — подумал он тогда. И его опасения начинают подтверждаться, но не так, как он первоначально предполагал.

Когда последний осколок пролетел по небу и исчез в темноте, ночь в последний раз изменилась, и небо озарилось четырьмя цветами богов. Зрелище было похоже на предрассветные сумерки, но с более интенсивными красками. Впервые за долгое время у Ашкина возникло ощущение потери контроля над собственными действиями. Казалось, боги посылали какие-то знаки.

— Ашкин?

— Хм? — Он оторвал взгляд от неба и посмотрел в светящиеся глаза Лорины, в которых, казалось, отражались все краски неба.

Она улыбнулась.

— Верь, Ашкин. Верь в могущество богов и в подарок, который они только что нам преподнесли.

Сказав это, Лорина собралась уходить.

— Куда ты? — спросил он, подняв брови.

Обернувшись, Лорина одарила его неким подобием улыбки.

— Собирать их, пока это не сделает кто-нибудь другой.

От нее также исходил свет, распространился и окутал все тело, так что ее волосы стали призрачно белыми.

Свет стал настолько ярким, что он уже не мог видеть ее.

Ашкин на мгновение закрыл глаза. Открыв их, он увидел, что Лорина О'Риаль исчезла, а небо снова стало черным, как будто ничего и не произошло.

Крон, Осеннее царство

Гарьен выглядел как кот, который только что съел особенно толстую мышь. Удовлетворённый, сытый, самодовольный. Он откинулся на своём троне назад и скрестил руки. Он изображал из себя величественного, гениального стратега, который перевернёт мир с ног на голову, но Лорина чувствовала запах слабости, которую источала каждая его пора. Она ничего к этому человеку не чувствовала, кроме презрения. Да и кем он собственно был? Потомком убогой, человеческой династии, об исчезновении которой он сам позаботился.

Факелы на стенах бросали длинные тени на пол зала, а стеклянный купол позволял хорошо видеть небо над ними.

Она почувствовала присутствие Керии, ещё прежде, чем та появилась рядом. Её внутренний, пронизанный магией свет наполнил зал, воздух затрепал, сконцентрировался в одной точке. Потом она появилась. Свои чёрные, кудрявые волосы она строго собрала в косу, и на ней был одет кожаный костюм, подчёркивающий её жилистое тело. Керия одарила Лорину улыбкой, которая была предназначена только для неё.

Везде в обширном тронном зале вспыхивали источники света, и Лорина знала, что они все идут. Их присутствие наполняло каждый уголок. Она насчитала двенадцать огней, становящиеся больше, в конце концов, позволяя различить контуры отдельных людей. Время пришло, наконец-то!

Слева от неё появились четверо Странников. Меран, брат Керии был среди них. Она посмотрела направо и с удовлетворением отметила, что и другие тоже уже прибыли. Они были вооружены. Их лица полны решимости и достоинства. Они все выглядели довольными и полными надежд.

— Добро пожаловать, друзья мои. Добро пожаловать во дворец Далиен, — сказал Гарьен, и с преувеличенным жестом раскинул руки в стороны. Он даже не потрудился встать. — Нам нельзя терять ни минуты, ещё никто не ожидает нападения, а хаос в других царствах скоро достигнет своего апогея.

«Ты, видимо, имеешь в виду, что это нам не стоит терять ни минуты», — подумала Лорина и обменялась взглядом с Керией, которая, казалось, думала то же самое. Потом она сделала шаг вперёд, и Лорина увидела, как та слегка поклонилась. Никто, кроме неё не заметил насмешливой улыбки, появившейся в уголках губ Керии. При её виде на Лорину нахлынули гордость и любовь. Керия всегда была более сильная из них двоих.

Как только четыре царства будут находиться под властью Гарьена, они избавятся от него, и возвестят о начале новой эпохи. Эпохи, в которой истинные дети богов займут то место в мире, которое им полагается. Так, как это было когда-то.

— Ваше Величество, — сказала Керия, и её ясный, звонкий голос наполнил зал. — Всё началось. Мы доставим осколки сюда. Вы приказали выковать сосуды?

— За кого ты меня принимаешь? — выпалил Гарьен, надувшись, как индюк. Его волосы были в беспорядке, а глаза странно блестели. — Само собой, разумеется! Серебряные сосуды. Сосуды, выкованные из замёрзших слёз Сува, единственное, что может спрятать осколки снов от потомков, — процитировал он из хроники Потерянного народа.

Им нужны были серебряные сосуды, потому что Навия О'Бай, к сожалению, всё ещё жива. Она единственная сможет почувствовать осколки — не считая Канаеля Де'Ар, но он всего лишь Поглотитель снов. Его способности не особо ему помогут, в конце концов, он ведь не сможет собрать осколки.

Тем временем Гарьен встал с трона, тёмные, многослойные одежды зашелестели, когда он, сопровождаемый охранниками, прошёл к стеклянному столу, стоявшему на некотором расстоянии от трона Далиена на мраморном пьедестале. На нём находился золотой кубок, украшенный серебряными орнаментами и сверкающими драгоценными камнями, и Лорина почувствовала покалывающее предвкушение. Одной рукой Гарьен обхватил кубок и поднял его за здоровье.

— За вас, мои храбрые Странники! За вас и за новую эру!

Он выпил глоток, закрыв при этом глаза, и снова опустил кубок. Лорина хорошо различила кровь, которая осталась на его бороде и губах. У Гарьена она не будет иметь никакого эффекта, потому что он всего лишь человек. Но, казалось, в этот момент это не играет роли, его спектакль имел лишь символический характер. С трудом Лорине удалось подавить дрожь. Они подобрались так близко к цели. Ещё совсем немного, и мир будет полыхать в огне, и вспомнит, кто истинный правитель над четырьмя царствами.

— Подойдите ближе.

Керия первая послушалась Гарьена. Энергичными шагами она пересекла зал, поднялась по нескольким мраморным ступеням на подиум и присоединилась к мужчине, на совести которого была вся его семья. В одном нужно было отдать ему должное: для человека у него было чертовски мало угрызений совести.

Гарьен протянул Керии кубок, которая взяла его с блеском в глазах и подняла за здоровье.

— За Мерана, который украл кровь Ариана, и сделал для нас возможным этот момент.

От её слов по спине Лорины пошли мурашки — да, они должны благодарить Мирана за то, что Ариана О'Бай больше нет в живых, и он не мог подвергнуть опасности их планы. Благодаря его крови они смогут отследить осколки снов. Не имеет значения, в какой части мира они находятся.

Лорина затаила дыхание, когда Керия поднесла кубок к губам и выпила глоток.

Мгновение спустя она опустила его. Даже на расстояние в несколько шагов Лорина увидела, как её возлюбленная изменилась. Дикое, почти что незнакомое выражение появилось на её лице, а в глазах вспыхнул триумф. Лорина не осознавая этого, сама двинулась вперёд, подгоняемая внутренним беспокойством. Она чувствовала завистливые взгляды других, как стрелы в спину, но это не имело значения. Керия смотрела на неё, с любовью и силой во взгляде.

Когда Лорина, наконец, поднялась по ступеням, Керия наклонилась вперёд и поцеловала её, прижала мягкие, такие родные губы к её губам. Лорина неистово обхватила свою спутницу жизни за затылок, зарылась руками в кудрявые волосы, которые ей больше всего нравились, когда Керия носила их распущенными, и притянула её ближе к себе.

При этом она почувствовала вкус крови Ариана, ещё прежде, чем та оказалась на её языке. Благоговейно она облезала губы Керии, нежно и осторожно, и сила богов взорвалась внутри неё. Лорину накрыл шторм, её сердце билось как бешеное. Она забыла, где находится. Пройгнорировала непристойный смех, который вырвался из рта одного из мужчин. Это больше не имело значения. Потому что она, наконец, всё видела, чувствовала,

слышала.

Это опьянило её.

Лорина ощущала осколки, словно они были частью ее тела, потерявшиеся по всему миру. Стоило ей только закрыть глаза, и она видела их перед собой. В пышных кронах деревьев в Весеннем Царстве, на заснеженных, крутых склонах горной цепи на севере Талвеня, закопанные в песчаной дюне в пустыне Сувия...

Лорина чувствовала себя сильнее, чем когда либо. Кровь Ариана О`Бая пульсировала в ее венах. Она была непобедима и даже не представляла, что может быть настолько близка к богам.

Ее веки дрожали, когда Лорина закрыла глаза и полностью поддалась чувствам. Воздух пульсировал. Они повсюду звали ее, каждый осколок, полный божественной магии. Они только и ждали, что она соберет их.

Вета, Весеннее царство

— Что там такое? — спросил Канаель Дава, который вытянул шею, пытаясь увидеть то, что происходило перед ними. Улицы столицы Кевейта были переполнены, он улавливал обрывки разговоров, смех. Из всех городов в четырёх царствах Вета ему нравилась больше всего.

Высокие, выстроенные из белого камня дома, цветущие деревья, свобода, которую они излучали, так же, как бесчисленное количество цветов, чей запах, казалось, ощущался даже на самой маленькой улочке. В отличие от Лакоса он не чувствовал себя здесь словно запертым животным. Может быть, дело было в размерах города, с горами на северо-востоке и большими парками, встречающимися везде, или в ветерке, который дул всегда. Он этого не знал. Но он любил Вету. Это было место, которое могло заставить мужчину забыть обо всём, а Канаель хотел забыть.

Спустя полдня они, наконец, добрались до столицы, и он был рад немного отдохнуть. Удина, одетая Дарией во всё новое, с короткими волосами и в высоких, кевейтских сапогах производила почти нормальное впечатление. Она шла позади них.

Её шаги всё ещё были неуклюжими. Тут и там люди останавливались и смотрели ей вслед. Канаель знал, что всё дело в её обаянии. От неё исходило что-то магическое, что никто не мог выразить словами, и, тем не менее, оно присутствовало.

— Видимо, они хотят попасть на Кевскую площадь богов. Там скоро произнесут объявление.

— Что за объявление?

— Рина И'Реналь будет говорить с нами, — сказал молодой мужчина справа от Канаеля. Он обнимал свою девушку, и молодая парочка устремилась в сторону площади богов.

Чем плотнее становилась толпа, тем сложнее было для спутников прокладывать себе дорогу на другую улицу. Хотя они даже не собирались к Кевской площади. Дав просто жил несколько улиц дальше, в тени дворца Анемон, королевской резиденции Рины, в одной из элегантных вилл, унаследованной им от бабушки и дедушки.

— Может, нам стоит уйти с главной улицы? — крикнул Канаель своему другу.

Тот, извиняясь, поднял руки.

— Моя ошибка. Мне сразу стоило...

— Вы... — Старая женщина с белоснежными волосами вцепилась пальцами в руку Канаеля и прервала объяснения Дава. Она сощурила свои мутные глаза, изучая его лицо. — Канаель Де'Ар. Вы с ним на одно лицо. Я только в прошлом году была в Лакосе. Я знаю... Нет, невозможно. Что вы делаете...

Другие прохожие с любопытством смотрели на них. Дав подросел Канаелю на помощь, взял морщинистую руку старой женщины, похлопал по ней и приветливо объяснил, что молодой человек с бородой не является будущим правителем Летнего народа.

— Пойдем со мной, — пробурчал он, в конце концов, когда их оставили в покое, и устремился на улицу на другой стороне, где не было толпы. Они протискивались сквозь тела,

запахи и обрывки разговоров к узкой, более спокойной улице. Кроме них там никого не было. Гул голосов стих, и Канаель прислонился к стене, скрестив руки.

— Мы дойдем этой дорогой до твоего дома?

Дав с сожалением покачал головой.

— Боюсь, что нет. Нам, хочешь-не хочешь, придется ждать, пока Рина скажет речь. Меня интересует, что произошло. Невозможно, чтобы они узнали про Удину.

Он обернулся к Ткачихе снов, которая тяжело дышала.

— С Вами все в порядке?

— Так много людей, — сказала она, покачав головой. — Так много звуков. Их произношение чуждо мне. И их интонация отличается от того, что я когда-то учила.

— Простите, что не привезли Вас в другое место, — ответил Дав. — Но у нас Вы будете в безопасности. До тех пор, пока мы не выясним, что делать дальше, у нас нет другой возможности, кроме как сперва обеспечить Вам защиту.

— Тебе не нужно извиняться за это, Дав, — улыбнувшись, сказала Удина, и Канаель увидел, как его друг покраснел и быстро опустил взгляд. Даже такой выскочка как Дав, в постели которого перебивало больше женщин, чем было служанок во дворце Канаеля, был беззащитен перед обаянием Ткачихи снов.

— Поначалу я даже не хотел предлагать, но, возможно, это единственный путь быстро добраться до дворца, не привлекая внимания.

Он тихо вздохнул.

— О чем ты говоришь?

Дав напряженно нахмурился. Казалось, он взвешивает, что может сказать, а что нет.

— Есть парочка людей, которые кое-что должны мне.

— И что? — спросил Канаель, потому что Дав сделал недовольное лицо.

— Они не дружат... с законом, — мялся Дав, проведя рукой по затылку.

— Это означает?

Дав снова вздохнул.

— Я не могу объяснить. Не в ее присутствии.

Канаель решил не настаивать, хотя подозревал, о каком долге идёт речь, в конце концов, было только одно ремесло, о котором не говорилось в присутствии женщин. Впервые, с тех пор как они покинули Мий, по лицу Канаеля скользнуло некое подобие улыбки, и усталость покинула его. Он доверял Даву. Возможно, он был единственным человеком на этом свете, который пользовался таким доверием.

— Ты невозможен, — сказал он и ткнул Дава в ребра. — Мне надо было сразу догадаться, что ты заработал свои деньжонки не на подозрительных ставках.

Дав, ухмыляясь, потер большое место. В самом деле, с тех пор как они познакомились, у Канаеля впервые было ощущение, что он смутился.

— Все в порядке, пойдёмте этой дорогой. Что нам делать?

— Есть подземная система каналов, которой могут пользоваться семья правителя или оплачиваемые темные личности.

— Ассасины? — спросила Удина.

— И они тоже, но не только, — ответил Дав, кашлянул и в самом деле покраснел. — Ей пользуются дамы, которые хотят пройти по городу незамеченными.

Ему стоило больших усилий произнести эти слова перед Удиной, при этом он выглядел таким несчастным, что Канаель коротко и сухо засмеялся.

— Один из входов в систему туннелей находится в таверне, которая находится не дальше чем в двух улицах отсюда. Может, нам повезет, и хозяйка там.

Не теряя времени, Дав энергичными шагами направился вперед. Темно-серое пальто, которое Канаель заказал для Дава у лучшего портного на своей родине, в некоторых местах выглядело поношенным. Канаель протянул руку Удине, и ее благодарный взгляд подтвердил его предположение о состоянии ее здоровья.

Множество впечатлений последних дней, должно быть, запутали её после многовекового транса. Молча они следовали за Давом. Пышные цветочные композиции украшали фасады домов, чей белый цвет придавал городу дружелюбный вид. Дав завернул в маленький переулок, по которому едва смогла бы проехать простая карета, здесь запах весенних цветов не мог перекрыть вонь вылитых ночных горшков. Канаель коротко подумал о Песне Небес и их проведённой вместе ночи в темнице, но не позволил себе впасть в траур. Не сейчас. И не здесь.

Вскоре они дошли до невзрачного углового здания, рамы окон которого были покрашены в красный цвет. Перед входом была перекреплена небольшая вывеска из дерева: Дыра Мони.

— Я знаю название, — сказал Дав, как будто услышал мысли Канаеля, который подумал о запрещённом списке Туманного Мастера, и был уверен в том, что эта таверна тоже внесена в него.

Внутри было жутко пусто. В огромной комнате, которая, казалось, доходит до самой глубины здания, аккуратно стояло в ряд несколько столов. С правой стороны находился длинный прилавок, за которым он разглядел разные стеклянные сосуды с прозрачными и цветными жидкостями.

Две двери вели в другие комнаты, а когда они входили над дверной рамой зазвонил звонкий колокол. Одна из дверей тут же открылась, и дама с зелёными локонами до плеч перешагнула через порог. Для кевейтских норм она была одета ещё достаточно скромно. И всё же платье имело большое декольте, которое, казалось, при каждом шаге раскачивается в воображаемом такте. Канаель оторвал взгляд от этого зрелища и посмотрел в её сильно накрашенное лицо, что, однако, не способствовало маскировке её настоящего возраста. Землистого цвета тесьма скрывал морщины на её шее.

— У нас закрыто, — прорычала она, зашла за прилавок и демонстративно повернулась к ним спиной с глубоким вырезом, в то время как копалась в выдвижном ящике.

— Мне нужно использовать твой вход, Мония.

— Дав? — Удивлённо она подняла голову, повернулась к ним и сощурилась, почти так, как будто была близорукой. Сразу же на её лице появилась улыбка, и она, вытянув руки, обошла прилавок, чтобы крепко обнять Дава. — Неа те, Дав! Как приятно тебя видеть! Как твои дела? Что привело тебя домой? — Она отпустила его и оглядела пришедших. Её взгляд задержался на Удине.

— Мне тебя тоже, Мония, — сказал Дав, широко улыбнувшись. — Но у нас не так много времени.

Моему другу нужно продолжать путешествие, а улицы переполнены. Ты знаешь, что случилось?

— У нее странные глаза, — пробормотала барменша, уставившись на Удину.

— Ты знаешь, о чем объявит Рина? — настойчиво спросил Дав. На его лице читалось беспокойство.

Мония неохотно оторвала взгляд от Ткачихи снов.

— Ходят слухи...

Она убрала за ухо зеленый локон и подбоченилась рукой, на которой был нарисован городской герб Веты.

— Но я не знаю, насколько они правдивы. Люди много говорят, если день длинный. А ты знаешь, каким длинным может быть день у меня.

— Что-то ужасное? Это как-то связано с нападениями на деревни?

Тонкие, зеленые брови Монии взметнулись вверх. Она надула губы.

— Ты знаешь об этом?

— Люди много говорят, если день длинный, — повторил он ее слова. — И я видел деревни вдоль побережья...

— Ну, хорошо. Но я не могу гарантировать, что это все правда: поговаривают, что Дериона Де'Ара убили.

У Канаеля вырвался стон. Его отец... мертв? Но тогда это означает... Кровь зашумела в ушах, и время, казалось, идет совсем медленно. Канаель смотрел на Монию, пытаясь понять, что она только что сказала. Дав встал перед ним, как бы защищая и скрывая от любопытных взглядов барменши, прежде чем она успела спросить Канаеля, что случилось.

— От кого ты это слышала?

— Ранаель заходил недавно и рассказал мне. Его сестра работает во дворце Анемонен, там она и услышала об этом.

Выругавшись, Дав повернулся к Канаелю, который с трудом следил за разговором. Слова барменши слишком медленно проникали в его подсознание, он был, как будто укутан ватой. Его отец умер. Нет, не умер, его убили. У Канаеля никогда не было близких отношений с Дерионом, и с тех пор как он узнал, что Дерион не его родной отец, они еще больше отдалились друг от друга, но при мысли о том, что он больше никогда не увидит его, Канаель почувствовал странную пустоту. Он даже боялся представить себе, что происходило в Лакосе, как испуган был народ и как трудно было его двойнику справляться со всей этой ситуацией. Безымянный...

Ради Сува и всех святых!

Если слух был правдивым и Дерион действительно мертв, то все изменится. Сувий был в опасности. Дав грубо схватил Канаеля за плечи и вырвал его из крутящейся в голове мысленной карусели.

— Ранаель не болтун, который на скорую руку сочиняет истории, Канаель. Сейчас ты должен сконцентрироваться. Мы пойдем во дворец и попытаемся поговорить с Риной. Она будет знать, что делать.

— Никто не знает, что я здесь, — пробормотал Канаель.

— Что?

Светлые глаза Дава расширились от удивления.

— Об этом Геро не проронил ни слова. Кстати, ты тоже.

— Туманный Мастер, наверное, уже в курсе. Надеюсь, кроме него никто. Это бы еще больше все усложнило.

— Мы должны поговорить с Геро. Он же уже в Лакосе, не так ли? Ты сказал, что он... хотел предупредить других. Самое главное, нам нужно доставить тебя в безопасное место.

Он, не веря, покачал головой.

— Значит, вместо себя ты оставил Безымянного?

Канаель ничего не ответил. В его голове крутилось слишком много вопросов.

— Пожалуйста, Мония, если Рина собирается сообщить народу, что Дериона Де'Аре убили, тогда нам нужно срочно попасть во дворец.

— Кто он такой?

Она кивком указала на Канаеля.

Дав обменялся взглядом с Удиной и затем положил руку на плечо барменши.

— Мония, лучше тебе не знать. Мы можем воспользоваться твоим входом?

— Конечно. Если с кем-нибудь столкнётесь, скажите, что я послала вас. Но, так как я тебя знаю, ты не стал бы использовать туннель, если бы у тебя не было разрешения.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, Мония. Большое спасибо, — сказал Дав, и быстро поцеловал её в покрашенную щёку.

Канаель пошёл, словно оглушённый, за своим другом, когда тот открыл в кладовой трактира потайную дверь, вделанную в пол, и провёл Канаеля и Удину по скользким ступенькам в подземную, канальную систему. Дыра Монии, точно, подумал Канаель, у него было такое чувство, будто на его плечах лежит тяжесть всего мира. Если Мония была права, то теперь он был правителем Летнего царства. А он совсем не был к этому готов.

— Дав! Какой сюрприз! — Когда Канаель закрыл за собой узкую дверь, ведущую на кухню, лысый мужчина в светло-зелёной мантии, степенно сложив руки поверх толстого живота и переваливаясь, шёл им навстречу. Они попали в один из открытых коридоров поддерживаемый сводом, так что высокие потолки выглядели как ветки. — Я думал, что ты опять уехал, Дав, — сказал лысый мужчина. — Что привело тебя... — он замолчал, когда его взгляд упал на Канаеля и ахнул.

— Ваше Высочество? — наконец удалось ему сказать.

Только теперь Канаель заметил, что уже встречался с мужчиной при дворе во дворце Ацтеа несколько лет назад, когда тот приезжал вместе с кевейтской правящей семьёй. Фарен, главный советник повелительницы Весеннего царства, так же он часто посещает другие страны в качестве посла.

Канаель расправил плечи и попытался забыть обо всём, что всю дорогу через мокрый, воняющий отбросами туннель, вертелось в его голове.

— Да, это я, — сказал он таким голосом, который сам почти не узнал. Его волосы, должно быть, были совершенно грязными, точно так же, как между тем выросшая борода — он радовался горячей ванне в доме Дава, моменту отдыха, которого, видимо, теперь не получит. Ему нужно быстро придумать оправдание, почему он находится в Весеннем царстве, а не на своей родине, где якобы был убит его отец.

— Что Вы делаете в Вете? — спросил ошеломлённо Фарен.

— Как я слышал, в Весеннем царстве тоже были совершены нападения на деревни, — сказал Канаель. — Скоро начнётся война, и я приехал, чтобы обновить союз между Кевейтом и Суви.

— Как ужасно, то, что случилось с Вашим отцом. Должно быть, Вы безутешны. Её Величество готовится выйти на кевскую площадь богов и объявить об этой новости народу.

Канаель молчал и увидел, как Дав повесил плечи. Если они в сердце ещё надеялись, что смерть Дериона — это не что иное, как слух, то слова Фарена теперь окончательно уничтожили эту надежду.

— Существует шанс поговорить с Риной прежде, чем она выступит перед людьми?

— Конечно. Но если мне можно сделать замечание, Вам следует одеть что-нибудь

другое и, может быть, прежде быстро искупаться. Для этого времени ещё должно хватить.

Канаель обменялся взглядом с Давом, который незаметно кивнул.

— Хорошо, — согласился он.

— Вы ночуете в посольстве или нашли другое жильё? — Он беспомощно развёл руками. — Я ничего не знал о Вашем визите, в противном случае мы, конечно, подготовили бы для Вас западное крыло.

— Честно говоря, мы ещё не думали над этим. Мы только что прибыли.

Седые брови советника взметнулись вверх, придав его лицу странное выражение.

— Вы прибыли без сопровождения? Неужели через туннель? — добавил он, смотря в сторону двери, через которую они вошли.

Дав склонил голову.

— При всём уважении Фарен И'Кен, мы не планировали, чтобы кто-то увидел Канаеля Де'Ар, он путешествует один и инкогнито.

— Даже Туманного Мастера нет рядом с Вами? — спросил Фарен Канаеля, не удостоив Дава даже взглядом. Также и Удину, которая всё время стояла молча рядом с Канаелем, Фарен намеренно игнорировал.

— Нет, он остался с моей сестрой и матерью, которые организуют похороны. Я хочу использовать время, чтобы поговорить лично с её Величеством об обновлении нашего союза. Время не терпит, и я посчитал, что лучше всего будет появиться лично, — сказал Канаель спокойно. После того, как Канаель оправился от первого шока, он подчинился судьбе, к которой его подготавливали с самого рождения. Он вспомнил каждое обучение, каждый урок риторики, каждый выученный жест и мысленную тренировку, просто всё, чему его научили.

Он Канаель Де'Ар, и сделает то, что от него ожидают.

Фарен И'Кен опустил взгляд.

— Конечно. Простите моё неподобающее поведение. Должно быть, Вы устали с дороги. Я немедленно прикажу, чтобы для Вас подготовили комнаты в посольстве и принесли свежую одежду. Следуйте, пожалуйста, за мной, если желаете.

Его широкие одежды зашуршали, когда он быстро пошёл вдоль коридора. При этом он больше не оглянулся на трёх гостей, а, казалось, погрузился в свои мысли. Дав подошёл к Канаелю.

— Что ты собрался сделать? — прошептал он.

— Я выйду к кевейтскому народу.

— Ты не хочешь повременить, пока мы не поговорим с Туманным Мастером и не узнаем, что именно случилось в Сувии?

Канаель покачал головой.

— Протокол не позволяет Безымянному занять моё место во время похорон отца. Между тем, во дворце уже должны знать, что я исчез. Если я не подам никаких признаков жизни, то в Лакосе поднимется восстание.

— Я об этом не подумал.

— Это и не твоя задача. Я хочу, чтобы ты отвёл Динею... — сказал он, настойчиво смотря на Дава, потому что они договорились больше не использовать настоящего имени Ткачихи снов в присутствии непосвящённых. — ... к себе домой, в то время, пока я буду купаться и одеваться.

Фарен, не останавливаясь, повернулся к ним, лицо отражало его внутреннее

напряжение.

— Нам нужно поторопиться, если Вы хотите выйти на площадь, прежде чем Рина скажет речь. У неё очень плотный график, которого она будет придерживаться, если мы не сообщим ей о Вашем прибытии. Но об этом я позабочусь, не переживайте. — Ещё когда говорил последние слова, он жестом подозвал двух охранников, рывкнул им несколько указаний, и те тут же исчезли в широких коридорах дворца. Они продолжали следовать за Фареном. Он вёл их через множество проходов и коридоров, которые, казалось, никогда не закончатся. Между всех белых колон и разветвлённых потолков им встретились несколько открытых, внутренних двориков, в которых всегда находились фонтан и несколько зелёных насаждений.

— Встретимся в обед перед главным входом. Без вас, Динеа, — добавил Канаель с сожалением. — Мы не можем подвергать вас опасности, и будет лучше, если вы на какое-то время спрячетесь. По крайней мере, пока я не выясню, что происходит в четырёх царствах.

И имеет ли Гарьен Ар'Лен отношение к смерти моего отца.

Удина схватила тонкими пальцами его руку и крепко пожалала.

— Ты сильный, Канаель. То, что случилось, это не твоя вина. Всё предопределила судьба, и с тобой сыграли злую шутку.

Он мрачно кивнул.

— Да.

Фарен, который шёл довольно далеко впереди, и не мог их слышать, остановился и повернулся к ним. Рукой он указал на зелёные, двойные двери, украшенные тонкой, кевейтской резьбой, которые казалась Канаелю смутно знакомыми.

— Мы пришли. Я дам Вам немного времени наедине. Ванная уже готова, — начал Фарен. — Если я могу ещё что-то для Вас сделать, Ваше Высочество, тогда дайте мне знать. Я буду ждать Вас перед дверью, пока Вы закончите. Затем провожу к кевской божественной площади, если желаете.

Канаель действительно забыл, как это, когда с тобой обращаются как с сыном правителя. Его сердце кольнуло, и он запретил себе любую мысль о Песне Небес и об отце.

— Благодарю вас, Фарен И'Кен. Я очень ценю ваше гостеприимство.

Фарен глубоко поклонился, а потом немного отошёл в сторону, так что Канаель смог спокойно попрощаться с Удиной.

— Дав хорошо за тобой присмотрит и позаботится, чтобы никто не узнал о том, кто ты такая.

— В этом я не сомневаюсь, — сказала она с тихой улыбкой. — Я должна тебе еще кое-что сказать, прежде чем ты уйдешь.

Она понизила голос.

— Что?

— У меня не было возможности сказать тебе это. Я хотела подождать, пока не наступит подходящий момент. Ночью, еще до твоего появления, мне приснился сон, что Навия стояла перед воротами Лакоса и искала тебя.

— Навия?

— Да. Ты встретишься с ней, когда вернешься на родину. Она будет ждать тебя там. А до этого времени ты должен беречь себя, Канаель.

С этими словами Удина и Дав попрощались с ним. Канаель зашел в ванную комнату, устало прислонился к закрытой двери, сполз по ней на пол и обхватил голову руками. Песня

Небес. Его отец. Оба были мертвы. А на его плечах лежала судьба целого мира. Впервые за долгое время он дал волю слезам.

Девушка из Зимнего царства

Поблизости от Лакоса, Летнее царство

Жара, словно туманная завеса, лежала над узкой, построенной на песке главной дороге, которая вела с севера в сторону города-пустыни. У Навии было такое чувство, что она сейчас расплавится. Каждый вздох жёг лёгкие, как огонь, и она так много пила, что ей постоянно нужно было в туалет. Устало она вытерла влажный от пота лоб, размахивая сувийским караном, чтобы обдуть себя хоть немного свежим воздухом.

Несколько дней назад у неё было такое ощущение, что она не чувствует покалывания, как будто чего-то не хватает. Как будто часть её зарыта во всём мире. Но это чувство продлилось всего одну ночь, и она между тем привыкла к тому, что больше уже не находится в ледяном Талвене. Физические нагрузки казались в Сувии невозможными, при малейшем движении по спине начинал сбегать пот.

Хотя она уже сменила свой тяжёлый талвенский костюм на тонкий кафтан, какой носили люди в Летнем царстве. Лёгкая ткань окутывала её тело почти полностью, на этом она настояла в первую очередь из-за рисунка крыльев на спине, а так же материал пропускал малейший ветерок.

Всё же платье прилипло к ней, как вторая кожа, хотя ей повезло, и у неё была возможность проехать расстояние от маленькой хижины Лении до Лакоса на киреле. С его широкой спиной, на которой было закреплено седло выложенное подушками и одеялами, мощным телом и длинной головой, он не был похож ни на одно животное, знакомое Навии.

Сначала она отказалась залезать на спину причмокивающего и полностью довольного животного, но, в конце концов, Пирлеан убедил её. Даже если от него ужасно воняло, и оно издавало странные звуки.

— Сколько ещё до Лакоса? — спросила она через плечо. Её зад так болел, как будто она много ночей спала на скамье, хотя они выехали только сегодня на рассвете, чтобы вечером доехать до города.

Пирлеан рассмеялся над её угрюмым выражением лица.

— Мы почти приехали. Если помотришь вперёд, то сможешь рассмотреть вдалеке стеклянные башни.

Так же, как и она, он сам ехал верхом на киреле, который, однако, был почти в два раза больше её собственного. Упряжка во рту и вокруг шеи звенела при каждом шаге, и она заговорила громче, чтобы Пирлеан мог лучше её понять.

— Спасибо, что ты помогаешь мне!

— А у меня был другой выбор? Ты однозначно выразилась, и если я могу внести свой вклад, чтобы поймали убийцу Дериона Де'Ар, то сделаю это с радостью. Это мой долг, как гражданина Летнего царства. — Он сказал это с такой страстью, что Навия с трудом смогла сдержать улыбку. Сходство с Джовином было и в самом деле захватывающим.

— В любом случае, благодарю тебя.

— Что случилось? — спросил Пирлеан, пришпорил своё животное, догнал и задумчиво посмотрел на неё со стороны. — Ты вдруг стала такой грустной.

Она рассердилась на себя, что не сумела скрыть свои чувства. Но мысль о Джовине

пробудила в ней и мысли о родине, об Ордине, Исааке и Даниане. Но об этом она не хотела думать. Не сейчас, потому что ей нужно было сконцентрироваться на том, что ждало ее впереди: ей нужно было найти Канаеля, и отомстить убийце отца.

— Не хочешь говорить. Я понимаю, — сказал Пирлеан и тихо вздохнул.

— Нет, ты ничего не понимаешь.

— Может, я пойму, если ты расскажешь. В общем-то, я совсем ничего не знаю о тебе, кроме того, что мне рассказала Ления. Ты талвенийка, и на твою деревню напали.

Навия открыто посмотрела на него.

— Я не доверяю тебе.

Он выждал мгновение, но видя, что она не собирается продолжать говорить, лишь пожал плечами.

— Никто от тебя этого и не ждет, Навия. Мы двое чужаков, случайно оказавшиеся в одном месте, однако я помогаю тебе не только из любезности. Моя семья бедна, мой отец торговец и редко бывает дома.

Он ездит по прибрежным регионам и сбывает свои украшения, вырезанные из дерева, в городах, находящихся вдали от цивилизации.

Последовала пауза, во время которой он задумчиво наморщил лоб.

— Я всегда хотел пойти по его стопам, но когда-нибудь я все-таки хочу создать свою собственную семью. Кормить ее другим способом, быть вместе с ней. Я только и ждал того, чтобы сбежать из дома.

Встреча с тобой лишь укрепила меня в моем намерении.

Заметив ее взгляд, он, смеясь, поднял руки.

— Не волнуйся, когда я говорю о семье и детях, я не имею в виду тебя. Не пойми меня неправильно, ты очень красивая, особенно для талвенийки... В общем... — Пирлеан замолчал и сделал глубокий вздох. — Твой характер не соответствует общепринятым представлениям добродетельной сувийской женщины. Без сомнения, в Кевейте или Сыски ты была бы прекрасной находкой, но здесь, в Сувию, мы более консервативные.

Она уже успела это почувствовать.

— Что я хочу сказать... — торопливо продолжил Пирлеан. — ... В Лакосе много возможностей, и, может, если мне удастся познакомиться с правильными людьми, то я найду хорошее место работы.

— Все равно я тебе не доверяю.

— От тебя этого никто и не требует. И не думай, что я не заметил два твоих кинжала, которые ты привязала к бедру. В твоей талвенийской одежде они были не заметны, но теперь... — он указал на ее платье, — ... их любой увидит.

Навия почувствовала, что покраснела, и начала энергичнее обмахивать себя веером.

— А как у вас женщины обращаются с этим?

— Женщины и оружие? — Пирлеан фыркнул. — Ты с ума сошла? Ни одна женщина не будет привязывать на себя оружие.

Она пробормотала что-то невнятное и отвернулась. Несмотря на легкую рябь горячего воздуха, поднимавшегося от пустынного песка в небо, она смогла разглядеть вдалеке каменные стены. Навия сощурила глаза, чтобы лучше рассмотреть две стеклянные башни на северо-востоке города. В стекле переливаясь, отражалось солнце.

— Что там происходит впереди?

Пирлеан последовал за ее взглядом и наморщил лоб. В отличие от нее, жара совершенно

не мешала ему. Он завязал свои длинные волосы на затылке и, несмотря на одежду с длинным рукавом, выглядел удивительно свежо, и даже, казалось, совсем не вспотел. У Навии наоборот не было ни одного сухого места на теле.

— Не имею ни малейшего понятия.

На некотором расстоянии, там, где встречались несколько дюн, открывая вид на город, находилось скопление людей. Их коричневая одежда выделялась на песочном грунте. Взгляд Навии скользнул дальше, и она обнаружила две чёрные большие палатки. На передней части был вышит герб семьи Де'Ар.

— Траурная процессия?

Пирлеан покачал головой.

— Нет, она должна состояться через два дня.

— Может репетиция, чтобы все прошло гладко?

— Может быть...

Чем ближе они подъезжали, тем больше она понимала, насколько ошиблась. Навия прищурилась ещё чуть больше.

— Это... солдаты?

Действительно, она увидела мечи. Несколько лучников стояли в ряд и защищали палатки от посторонних взглядов. Многие мужчины оголили свой торс, большинство высокие с широкими плечами и выделяющимися мускулами, при этом она не могла сказать, где начинался один мускул и заканчивался другой. У некоторых на лице были нарисованы чёрные божественные знаки, пара выполняла упражнения с широкими дубинками, другие разговаривали. Они выглядели так, будто чего-то ждали.

Она взглянула на Пирлеана, который, несмотря на длинные ноги, выглядел, скорее как слишком большая палка, чем как закалённый мужчина летнего народа, потом снова перевела взгляд на солдат.

— Может, стоит выбрать другую дорогу? Мы едем прямо навстречу этой группы.

— Это лакосские воины, а не дикари. Не беспокойся. Если поедем другой дорогой, то не доберёмся до завтрашнего утра, а у меня нет желания ночевать в пустыне.

Так-так, лакосские воины. Как успокаивает, подумала Навия, но хотела довериться Пирлеану.

По крайней мере, один этот раз.

Когда они подъехали ближе и их обнаружили, то от группы отделились трое высоких мужчин и направились к ним. Навия немного отстала, надеясь, что Пирлеан возьмёт речь на себя. Двое воинов стояли по бокам третьего, вышедшего немного вперёд, у него из всех троих была самая впечатляющая фигура. Демонстративно его рука перекачивала к широкому, кожаному поясу, к которому был прикреплен меч. Чёрная борода, слегка волосатая грудь и большой шрам, пересекающий его бицепс. Навия сглотнула.

— Кто вы такие? — Голос мужчины был похож на гром, а густые брови зловеще сошли над чёрными глазами.

Пирлеан спрыгнул со своего киреля, ухватился за упряжку её животного и защёлкал языком, после чего тот присел, и она смогла слезть. Потом он прижал руку к груди и поклонился воину.

- Меня зовут Пирлеан Да'Нес, я из Перго, деревни, находящийся недалеко от побережья. Это Навия О'Бай, талвенка, она путешествует до Лакоса.

Воин молча разглядывал её, и дал знак, после которого Пирлеан с облегчённым вздохом

выпрямился.

— Это не очень хорошее время для путешествия в столицу. Особенно для иностранцев, — сказал он с негодованием. — Что вы собираетесь делать в Лакосе?

Навия почувствовала, что Пирлеан рядом собрался ответить, и поняла, что его следующие слова откроют её намерения. Она опередила его:

— Простите, что я вмешиваюсь. Мы...

— Я разговаривал не с тобой! — перебил её воин. В его глазах вспыхнул опасный огонь, а взгляд заскользил по её телу. Сразу же Навия почувствовала себя неуютно, почти беззащитно.

— Что вы собираетесь делать в Лакосе?

Навия опустила взгляд и заметила краем глаза, как Пирлеан скрестил руки на груди, чтобы скрыть, что они дрожат.

— Мы путешественники, не больше и не меньше. У меня нет конкретных целей, а талвенка хочет навестить друга, с которым знакома с детства.

— Она наложница?

— Она не рабыня, а свободная женщина.

— Шлюха.

Навия была в ярости, что он принял её за проститутку, но продолжала смотреть в землю.

Даже не смотря на воина, она чувствовала, как его взгляды прожигают тонкую ткань её платья.

— Нет.

— Тогда почему она путешествует одна — с тобой? — рявкнул воин, и Навия сжала руки в кулаки.

Потерпи. Это не твоя задача говорить за себя и рисковать головой. Подумай о...

— Мы случайно познакомились друг с другом.

— Тебе ведь ясно, как это звучит. Зачем талвенке, которая выглядит так, как она, выбирать в качестве защитника кого-то, похожего на тебя?

С Навии было достаточно. Она подняла голову и вызывающе посмотрела на воина. Это стоило ей меньше усилий, чем она ожидала.

— Я знаю, кто убил Дериона Де'Ар.

Тишина.

— Что ты сказала? — спросил настороженно воин. В первый раз он показался ей неуверенным.

— Я знаю, кто убил правителя Летнего царства. Это тот же мужчина, кто в ответе за смерть моего отца и многих других людей.

Было глупо утверждать, что она знает убийцу Дериона Де'Ар. Тем не менее, это был шанс выйти из ситуации целой и невредимой...

— И откуда тебе это известно?

— Потому что мужчины, которые по его приказу совершали набег на деревни в Талвене, назвали его имя.

В Талвене сгорело много деревень.

Воин не прерывал ее. Очевидно, новости дошли уже и до Сувия. Осмелев, Навия поспешно продолжила:

— Я здесь, потому что думаю, это только начало.

— Фориен, может...

Воин сделал резкий жест рукой, заставив другого воина замолчать, а затем снова повернулся к Навии. Теперь он смотрел задумчиво, но его взгляд тут же переменялся. Он сделал шаг вперед, так что ей пришлось задрать голову, чтобы и дальше смотреть ему в глаза.

— И кому ты хочешь поведать эту милую историю? Хочешь встать на площади Богов и рассказать об этом?

Он оскалил зубы.

— Я на это не куплюсь, золотце.

Хотя ее сердце билось в три раза чаще, Навия знала, что было бы глупо сейчас поддаться воину.

— Я говорю правду.

Он громко рассмеялся.

— Вы, талвенки, превосходно понимаете толк в том, как в определенном смысле порадовать мужчин. Точно так же превосходно понимаете толк в том, как наплевистить мужчине с три короба. Почему я должен тебе верить?

— В этом нет никакого смысла — сказал Пирлеан. Навия удивленно посмотрела на него со стороны, на его прямую осанку и решительный взгляд. Она не думала, что у него есть столько мужества, но, возможно, она просто недооценила его, а он не хотел показаться слабым перед женщиной.

Тем более перед талвенкой.

— Дайте нам пройти. Даже если она говорит только часть правды, какое вам до этого дело?

— Мне есть до этого дело, потому что скоро сюда прибудет правитель Летнего царства, а вы по случайности находитесь на не очень часто используемом торговом пути. — Он подумал мгновение. — Но, возможно, это как раз удобно для вас. — Он сделал ещё один последний шаг в её сторону и грубо схватил за руку.

— Не прикасайся ко мне! — прошипела Навия и попыталась высвободиться из его железной хватки, но у неё не было ни единого шанса. Широкоплечий воин равнодушно потащил её за собой, и Навия поклялась больше никогда так не выступать. Для будущего ей нужно будет придумать другую тактику. По крайней мере, пока она находится здесь в Сувии. Более женственную, такую, которая соответствовала представлениям этих неотёсанных болванов.

— Куда вы её ведёте? — крикнул Пирлеан, однако не последовал за ними, как поняла Навия, когда бросила взгляд через плечо. Вместо этого он остался рядом с дорогими животными, которых украл из конюшни своего отца.

Воин, имя которого было Фориен, не ответил, шагая с непроницаемым выражением лица дальше. В отличие Пирлеана оба других бойца присоединились к ним, и у Навии было плохое предчувствие, что от них не стоит ожидать ничего хорошего.

— Где Туманный Мастер? — пролаял Фориен, его пальцы обхватили её руку, словно в тиски. Таких мускулов Навия ещё никогда не видела, даже дома в Ордине у самых сильных мужчин. Фориен привёл её к мужчине с седыми волосами, заплетенными в несколько косичек и заострённым лицом, которое напомнило ей талвенскую хищную птицу. У него с собой был список, прикрепленный к доске, и он отмечал какие-то пункты. Как будто почувствовав её присутствие, он повернулся к ним, разглядывая Навию с ног до головы.

Фориен грубо толкнул её вперед. — Талвенка.

— Это я вижу, — сказал спокойно мужчина. — Что она здесь делает?

— Она здесь проездом. Утверждает, что в ее стране были нападения на деревни и ее отец в числе жертв. Кроме того, она говорит, что знает, кто убил его Высочество.

Мужчина с интересом всматривался в ее лицо.

— Как тебя зовут? — тихо спросил он.

— Навия О'Бай.

Она увидела, что он побледнел. Ему понадобилось время, чтобы прийти в себя.

— Ты сказала О'Бай?

— Да. Навия О'Бай.

Одну, две секунды мужчина смотрел на нее, как будто она была привидением, затем повернулся к Фориену.

— Приведи ко мне Геро. Немедленно! — прорычал он.

Не успел Фориен отойти, как он снова повернулся к Навии и, понизив голос, спросил:

— Как звали твоего отца?

— Ариан О'Бай.

— Хорошо. Есть три вещи, которые о нем может знать только тот, кто хорошо его знал.

И есть только одна вещь, которой он поделился со своей дочерью. Я хочу удостовериться, что могу доверять тебе, Навия. Я видел тебя один единственный раз, когда ты была еще ребенком, поэтому ты, наверное, не помнишь меня. Меня зовут Туманный Мастер. Я Фаллах Канаеля Де'Ар. Завтра он взойдет на престол, до сих пор он находился в Весеннем царстве. Твой отец был хорошим другом, моим и Геро, — сказал Туманный Мастер. Навия выпучила глаза от удивления. Этот человек был другом ее отца?

Но у него не было ничего общего с ним. Она попыталась найти в его лице знакомые черты, прислушивалась к себе. Сначала Навия восприняла его слова, как пустую болтовню, но затем насторожилась. Была лишь одна вещь, которая могла связывать их. Она покачала головой.

— Нет, не может быть. Мой отец жил...

— ...уединенно возле Талвенийских гор, обозначающих северную границу Зимнего Царства, в небольшой деревне Ордин, которую он выбрал вместе со своей женой, чтобы там родился их совместный ребенок. Девочка, — мягко сказал Туманный Мастер. В его взгляде Навия прочитала искреннее сожаление. Откуда этот человек столько всего знал о ее отце?

— Итак, — тихо сказал он и выпрямился. Он внимательно наблюдал за ней, последняя искра недоверия пока не исчезла из его темных глаз.

— Я проверю тебя, чтобы удостовериться, что ты действительно дочь Ариана, а не какая-нибудь талвенийская девушка, которую послали, чтобы шпионить при сувийском дворе. Если это так...

Туманный Мастер оставил угрозу невысказанной.

— Может, я доверяю Вам так же мало.

— По моим вопросам ты поймешь, что я знал твоего отца.

Как ни странно, она поверила ему. Именно этого чувства ей не хватало у Ферека. Искренности.

Тем не менее, Навия не подала виду, а смотрела на него с хитрой усмешкой. В конце концов, он спросил:

— Какое ласковое прозвище у его дочери?

— Звездочка.

— Откуда у Ариана был круглый шрам от ожога на ладони?

Навия громко вдохнула, напряжённо пытаясь привести мысли в порядок. Теперь ей нужно тщательно выбирать слова. Если Туманный Мастер знал об этом шраме, знал о его значении, тогда он также знал, что её отец был Странником. Если же нет... — Он... Когда он был ещё молодым, у него был друг, учившийся вместе с ним у Мерлока... старого мастера. Он прикоснулся к другу, когда тот... горел. И как он, так и его друг заработали шрам. Это был его первый опыт с... работой.

Туманный Мастер одно мгновение молчал, казалось, он взвешивает, как ему поступить дальше, а потом одной рукой поднял вверх рукав своего тёмно-красного одеяния, чтобы обнажить руку. Шрам на запястье был отпечатком ладони. Навия распахнула глаза.

— Вы были тем другом, который учился тогда в Галмене вместе с моим отцом?

Туманный Мастер кивнул.

— Мы одинаковые, Навия, — сказал он, и таким образом открыл ей свою самую большую тайну.

Другие слова были не нужны, чтобы убедить её в том, что её догадка верна. Потерянный народ.

— Вы тоже Стр...

Его палец метнулся к губам, и он потихоньку оглянулся, но, казалось, ни один из мужчин, находящихся поблизости, не обращает внимание на их разговор.

— Ради богов, тебе нельзя произносить это слово. Зло везде имеет свои уши. Но скажи, пожалуйста, что случилось с Арианом?

Сначала она не хотела отвечать, не знала, сколько может рассказать ему. Но потом увидела, как блестят слёзы в глаза Туманного Мастера и сглотнула.

— Это были бандиты, Ночные охотники. Они убили всех, кто... был другим. Я не знаю, откуда им было известно, кого и где нужно искать, но они напали на несколько деревень и выбрали свои жертвы целенаправленно. Не остановились даже перед детьми, которые были... другими.

— Они хотели быть уверенными в том, что никто не сможет найти осколки снов. Убить всех, у кого есть кровь богов, так их власть возрастет. — Он разговаривал скорее с самим собой. Задумчиво он провёл по заплетённой бороде. — Когда это случилось, Навия?

— Когда умер мой отец?

Туманный Мастер кивнул.

— Примерно двенадцать недель назад.

— Всё как раз подходит, — пробормотал старик, качая головой. — И ты думаешь, что те же люди стоят за убийством Дериона Де'Ар, моё дитя?

Навия выдержала его вопрошающий взгляд.

— Да, я так думаю. И Гарьен Ар'Лен их заказчик.

Она увидела, как глаза Туманного Мастера от удивления распахнулись.

— Это тяжёлое обвинение, Навия, которое лучше не стоит высказывать необдуманно.

— Я слышала, как разговаривают двое мужчин. Сыскийцы. Они охотились за мной и моей подругой Исаакой. Нас предали, потому что мы были другими. Я смогла сбежать, но Исааку убили. С ними была ещё одна женщина, другая талвенка. Её звали Лорина.

— Лорина, конечно. Я должен был догадаться.

— Почему?

— Часть других, которым постоянно приходилось жить, прячась, ненавидели то, каким стал мир. Они видели в себе настоящих богов на земле и не хотели признавать, что должны были вести в темноте свою жизнь, не используя силу. Они хотели вернуть те времена, когда меченные господствовали над людьми.

— Фориен послал меня к вам, Туманный Мастер? — спросил пронизывающий голос рядом с ними, и Навия невольно вздрогнула.

Мужчина, подошедший к ним, возвышался над воинами, которых она до сих пор встречала, по меньшей мере, в пол руки. Несмотря на его размер, у него был мягкий взгляд и дружелюбные глаза.

На его верхней части тела был одет нагрудник из твёрдой кожи, а за спиной она увидела две рукоятки от мечей. На его барисе висели два шакрани, которые могли использовать только специально обученные воины.

— Геро, позволь тебе представить Навию? Навию О'Бай.

— Ради Кев, ты имеешь в виду... Это правда? — спросил он, настойчиво разглядывая Навию. В отличие от Фориена, его взгляд не был похотливым или навязчивым. Он смотрел на неё, как будто нашёл потерянную дочь. С теплотой и радостью.

— Ты представления не имеешь, как мы надеялись на то, что остались выжившие. Мы слышали ужасные вещи из трёх других царств. Что с твоим отцом, это он послал тебя к нам?

Туманный Мастер прокашлялся и покачал головой.

— Он тоже мёртв, я прав? — спросил Геро. — Они поймали его. Эти монстры! Нужно было оставаться вместе, но мы не хотели жить вкуче из-за страха... Ради Сува, я надеялся, что, по крайней мере, он смог от них ускользнуть...

Крик прервал его. Навия посмотрела на небо, прикрывая рукой глаза от высоко стоящего солнца. Два чёрных крыла было первое, что она увидела, и на одно мгновение подумала, что богиня спустилась с неба. Потом она заметила длинные когти и различила контуры огромной птицы, чьи крылья, казалось, достигают размер её хижины в Ордыне. Золотистые перья. Они блестели на солнце, как чешуя рыбы.

— Кешир! — вырвалось у Навии.

Она думала, что эти впечатляющие существа уже давно вымерли. Животные городской стражи талвенский торговых городов происходили от них, но были примерно в два раза меньше и гораздо менее впечатляющими. Кешир, первое созданное богами животное.

— Она последняя из своего рода, самка. Принадлежит Рине И'Реналь. В свете последних событий она решила одолжить её Канаелю для его обратного пути.

— Какая щедрость, — сказала Навия. Это был знак большого доверия между странами. Ни один правитель не отдаст просто так такое ценное животное.

— Это правда, что они могут общаться друг с другом с помощью телепатии?

— Да, но не с людьми, — ответил Геро, в его словах проскальзывал и второй ответ. Не с людьми, а с Потерянным народом.

Люди вокруг нее отошли в сторону и образовали круг, в который медленно приземлился Кешир. В воздух поднялись пыль и песок, многие отвернулись, но Навия зачарованно смотрела на золотое оперение божьей птицы. Каждое движение перьев было совершенным. Навия знала, что получила возможность увидеть наследие богов, существо, которое существовало с самого образования четырех царств, и еще никогда она не испытывала такого благоговения. Навия повернулась к Пирлеану, стоявшему вдалеке от всего происходящего, между обоими Кирелями с открытым ртом наблюдавшему за приземлением Кешира.

Повернувшись к Кеширу, она увидела темноволосого мужчину, который, несмотря на свой молодой возраст, излучал силу, отличавшую его от всех этих закалённых тел.

Он легко прыгнул со спины птицы богов. Навия услышала, что Геро издал странный звук. Туманный Мастер поднял руку, словно хотел остановить богатыря, и тот застыл в своей позе, двигая челюстями. Это было немое общение, которое Навия с трудом понимала, но одно было ясно — что-то здесь происходило. Она снова посмотрела вперед, не отрывая взгляда от мужчины, который оглядывал всех вокруг и, в конце концов, остановил взгляд на ней. Ее сердце замерло.

Это был он. Канаель Де`Ар.

Парень из ее снов, который за последние недели превратился в мужчину. У него были более жесткие черты лица, но глаза такие же зеленые, как в ее памяти. Навия увидела круги под глазами, которых у него не было в ее сне. Его взгляд остановился на ней, как будто он рассчитывал встретить ее здесь.

Она испуганно втянула ртом воздух, потому что только сейчас заметила сходство. Оно было потрясающим. Почему она сразу не заметила? Форма глаз, жесткий рот. Складки на лбу от волнения и напряжения. Но сейчас он носил бороду, делавшую его старше и придававшую ему еще больше сходства. Канаель выглядел как молодая, черноволосая версия ее отца.

Они смотрели друг на друга на расстоянии, как будто время остановилось. Навия моргнула, и момент оцепенения прошел. Вокруг нее воины опустили на землю, и Навия последовала их примеру, в то время как ее сердце бешено колотилось. Краем глаза она увидела, что Геро и Туманный Мастер также опустили на колени и коснулись лбами песка.

— Когда я смогу поговорить с ним? — тихо спросила она, и увидела, как Туманный Мастер удивленно посмотрел на нее.

— С кем?

— С Канаелем!

— Почему ты хочешь с ним поговорить?

Казалось, он искренне удивлен.

Навия стала говорить еще тише, когда другие вокруг них начали подниматься.

— Потому что я встретила его во сне. Он — та причина, почему я отправилась в путешествие.

Туманный Мастер, который тоже поднялся на ноги, помедлил и повернулся к ней. Затем сделал жест, словно хотел отмахнуться от нее и посмотрел на Геро, который не слышал их разговора. Тем временем Канаеля окружили его бойцы, так что Навия с трудом могла разглядеть его в толпе.

Туманный Мастер схватил Геро за запястье и наклонился к нему.

— Мы должны подождать, пока появится возможность поговорить с Канаелем. Уведи Навию, я хочу, чтобы никто не мешал их разговору.

— И куда мне ее увести?

— Пока в палатку, потом в мою комнату во дворце. Я позабочусь о ней. Все остальное потом.

Позже можешь спросить Канаеля о Сари.

Геро промолчал, очевидно, раздумывая. Навия воспользовалась ситуацией и спросила: — Наверное, вы должны знать еще кое-что.

— Что? — нервно спросил Туманный Мастер. Его взгляд беспокойно скользил по головам, как будто он боялся, что их разговор могли подслушивать.

— Канаель выглядит как мой отец. Как его молодая версия.

Геро и Туманный Мастер обменялись взглядами, потом посмотрели на Навию. Хотя ее поза не изменилась, она почувствовала внутреннее напряжение. Конечно. Они уже знали об этом.

— То, что я тебе сейчас скажу, должно остаться между нами, Навия, — тихо сказал Туманный Мастер. — Канаель твой двоюродный брат, а это означает, что он не родной сын Дериона Де`Ара.

Крон, Осеннее царство

На улицах Крона раздавался рев, заставивший Ашкина спрятаться в тени дома.

Уже несколько дней людей сгоняли на городские площади, чтобы почтить нового правителя.

Его взгляд упал на окоченевшие тела, которые были повешены на всеобщее обозрение на главной улице. Обескровленные оболочки с распухшими лицами, которые остались верны своей правительнице, и не хотели подчиняться ее брату. Пахло разложением и смертью, вперемешку с отчаянием. Пот, моча и нечистоты — люди Крона жили в страхе.

Как Гарьен может верить в то, что люди признают мужчину на далиенском троне? Ашкин оторвал взгляд от трупов. В своей жизни он видел слишком много повешенных людей. Вымощенные улицы были усеяны окоченевшими трупами с пустыми глазами.

Ашкин презирал то, каким способом Гариен праздновал свою победу.

Но он дал клятву. И хотя Ашкин не верил ни в богов, ни в саму жизнь, эта клятва была единственным, что сдерживала его. В конце концов, от этого зависела жизнь его брата и матери.

При мысли о том, что сделал Саро, у Ашкина волосы встали дыбом. Неужели он ничему у меня не научился? — разочарованно думал он, ожидая, когда воины пройдут мимо него.

Когда они скрылись за ближайшим поворотом и их крики раздавались на других улицах, он пошел дальше в сторону квартала художников.

Запах крови и следы, которые оставляли красные струйки на мостовой, вызывали у него отвращение. Ашкин торопился как можно скорее покинуть новое поле битвы. Он получил другое задание. Дойдя до дерева жизни с желто-золотистыми листьями, он остановился и огляделся. Людей, висящих на ветвях, уже сняли и сожгли за городскими воротами. Запах разложения был настолько сильным, что нельзя было выйти за дверь, а Гарьен принимал это невыносимое положение. Теперь на улице чувствовался другой, тяжелый запах. Запах смерти и страданий.

Ашкин огляделся вокруг. Площадь как будто вымерла. Никто не решался выйти на улицу, люди не покидали свои квартиры и держали закрытыми окна и двери.

— А, вот ты где, — сказала Лорина, оказавшись рядом с ним. Ашкин вздрогнул, он никогда не привыкнет к тому, что она появлялась бесшумно и незаметно. Ее кожа светилась изнутри, но вскоре это свечение погасло, вернув коже естественный оттенок. В длинные, светлые волосы были вплетены жемчужины и голубые ленты. Вокруг ее шеи болтался кожаный ремешок с маленьким, серебряным амулетом.

Ашкин уставился на него. За последние дни он видел в городе подозрительно много людей с этой штукой на шее. Лорина улыбнулась, взяла амулет и вызывающе посмотрела на него своими ярко переливающимися глазами.

— Внутри находится один из осколков снов.

— Ах да.

— Мы хотим, чтобы ты принял участие в тренировке. Гариен считает, что ты готов получить осколок.

Он молчал, и Лорина сделала шаг в его сторону.

— А я так не думаю.

Она понизила голос.

— Самое прекрасное заключается в том, что я получила приказ убить тебя на месте, если ты не примешь правила игры.

— Не волнуйся, такого удовольствия я тебе не доставлю.

— Посмотрим. А теперь пошли со мной.

Ашкин не торопился следовать за Страницей. Она провела его через квартал художников, сознательно выбирая главные улицы и не отходя от него далеко. Она хотела, чтобы её увидели рядом с ним, наслаждалась вниманием людей, которые прятались за тяжёлыми занавесками своих окон и выглядывали на пустые улицы. Хотя Ашкин не видел их лиц, он знал, что в них читался страх. Страх перед неизвестным. Страх закончить так же, как множество трупов, которые в последнее время оформляли городской пейзаж.

По дороге им никто не встретился, и он был этому рад. Перед воротами города Гарьен собрал свои войска и уже в течение нескольких дней устраивал огромный спектакль только с одной целью: создать готовую к войне армию.

— Он действительно настроен серьёзно, — пробормотал Ашкин.

— Да, Гарьен собрал большую армию.

— А что случилось женщинами-воинами, которые служили Арии?

— Некоторые перешли на его сторону, потому что для них не играет роли, кто сидит на троне. Они служат Сыски и её интересам. Другие в тюрьме. Или мертвы.

— Куда отвели женщин, которых не убили и которые не переметнулись на сторону Гарьена? — Тюрьма в катакомбах, которую построили под тяжёлыми стенами дворца Далиен, была не достаточно большой, и она уже трещала по всем швам.

— Для чего мне тебе это говорить? Чтобы ты мог освободить их, о великий воин?

Он не ответил на её вопрос.

— Войско Мерлы состояло из нескольких тысяч женщин и мужчин.

— В этой стране есть места, которые достаточно большие, чтобы запереть в них тысячи людей.

Там о них хорошо заботятся, пока они решают, хотят ли вернуться в армию своей родной страны. В случае если откажутся, это означает их смерть...

Ашкин фыркнул.

— Гарьен планировал всё это многие годы. Как он обнаружил миф об осколках снов?

Лорина скривила губы в улыбку, которая была похожа скорее на гримасу.

— Я очень сожалею, что наш короткий разговор на этом заканчивается, но мы пришли. — Она указала на разваливающееся здание, в котором раньше устраивали осенние балы для знатного класса города. Однако с тех пор, как владельцы проиграли все свои деньги, оно, по меньшей мере, два года стояло пустым.

— Это старое здание Фаришев?

— Мы переделали его в частную тренировочную площадку. После тебя.

Ашкин открыл ветхую дверь и зашёл вовнутрь, где было довольно темно. В задней части зала находились несколько застеклённых окон, некоторые из которых треснули или разбились. Мягкий солнечный свет проникал через стекло. В середине зала несколько человек образовали круг.

Он насчитал пять женщин и двух мужчин. Все носили разную одежду и, видимо,

приехали из всех четырех царств. На это указывали их черты лица и разные цвета волос. Взгляд Ашкина упал на три дубинки, которые применялись в Сувии. Они парили в воздухе, танцевали и крутились в такт воображаемой музыке. Он не мог оторвать от них глаз. Одна из женщин, на вид кевейтка с темно-зелеными волосами, завязанными в пучок, стояла, расставив ноги и закрыв глаза, выражение лица сосредоточенное. Вокруг ее шеи болталась кожаная подвеска, похожая на подвеску Лорины.

— Следи за дыханием, — сказала другая женщина в полном боевом обмундировании из темной кожи, уже потёртой в некоторых местах. Она повернулась к ним, когда дверь захлопнулась громче, чем они ожидали. Удлиненные дубинки с грохотом упали на пол, а женщина с зелеными, слегка кудрявыми волосами и круглым лицом, открыла глаза и заморгала. Она выглядела растерянной и дезориентированной.

— Ашкин А'Шель, какая честь для нас! — сказал один из мужчин. Все на нем было невзрачным, даже светло-серая накидка, закрепленная на груди. Но Ашкин знал, что внешность обманчива. Лорина энергично прошла мимо него, стуча по каменному полу каблуками тяжёлых сапог. Она направлялась прямо к женщине в черном, тренировочном костюме, подчеркивавшем натренированное тело.

Страница нагнулась и поцеловала воительницу в губы. Оторвавшись от нее, она провела большим пальцем по линии ее челюсти. Женщина улыбнулась и посмотрела через голову Лорины на Ашкина.

— Добро пожаловать, Ашкин. Как видишь, большую тренировку мы уже закончили. Тебе нужно было их видеть, всех людей, которые в первый раз попробовали на вкус силу богов. — Несмотря на дистанцию между ними, он видел, как сильно при этих словах блестели её глаза.

— Вот Ниреаль, — она указала на молодую женщину с зелёными волосами, — оказалась особенно талантливой. Как видишь, ей уже удалось сдвинуть с места некоторые предметы.

— Зачем вы тренируете всех этих людей?

— Чтобы армия Гарьена стала сильнее. Она ещё слишком маленькая, чтобы справиться с вооружёнными силами трёх царств. Мы помогаем ему выиграть предстоящую войну, — ответила женщина, похотливо поглаживая Лорину по бедру. — Гарьен желает, чтобы мы обучили и тебя тоже.

Ашкин собрался уходить. Он видел достаточно. Это не его мир. Он будет держать свою клятву, пока это необходимо, но на своих условиях.

— Жаль, что должен разочаровать вас. Но я буду придерживаться навыков, которым научился и подготовился за эти годы, — сказал он, и повернулся.

Гудящий звук раздался за его спиной. Почти беззвучно три дубинки пролетели мимо и остановились прямо перед ним. Они висели в воздухе, блокируя дорогу. Немое предупреждение.

Гарьен не соврал. И, похоже, он был не настолько сумасшедшим, как подумал сначала Ашкин. Магия была реальной. Магия была наследием богов, а благодаря осколкам снов, любой мог попробовать эту божественную силу на вкус. Перед ними открывались невообразимые возможности. И невообразимые опасности. Невозможно представить, что люди могут натворить с помощью этих магических осколков.

— Ты должен, по крайней мере, попробовать, Ашкин. Эти осколки объединяют все силы Потерянного народа. Ты сможешь использовать магию. Например, сражаться, не держа

в руках оружие. Или в течение нескольких секунд перенестись в то место, которое захочешь. Кроме того, ты должен осознавать эту честь. Гарьен выбирает своих воинов с большой осмотрительностью.

И приковывает их к себе с помощью угроз. Ашкин медленно обернулся.

— Как тебя зовут?

— Керия Дель'Кан. С Лориной ты уже познакомился, а это мой брат Меран. — Единственный мужчина, поприветствовавший его, и чей внешний вид был самым неброским, слегка поклонился. Керия повернулась к другим. — Вы можете идти. Встретимся завтра в то же время.

Когда отвернулась и молодая женщина с зелёными волосами, Керия подняла руку. Ашкин увидел, что на ней выделялись тонкие, белые шрамы.

— Ниреаль, ты останься. Итак, Ашкин, если я попытаюсь убить тебя, ты сможешь остановить меня? Или скажем по-другому: ты сможешь убить меня первой, чтобы спасти свою жизнь? — Она сделала шаг в его сторону, как раз настолько, чтобы отстраниться от Лорины, которая свободно обнимала свою спутницу жизни за бёдра.

Ашкин молчал.

Без предупреждения Керия напала на него. Ашкин почувствовал ветер, исходивший от дубинок, попытался оценить их траекторию полёта и, наклонившись, увернулся. Карем глаза он увидел, как Керия изменила позицию, и развела руки на уровне груди.

— Алана рассказала нам, что, несмотря на твой грозный вид, в твоей душе есть частичка доброты. Доброта — это слабость, Ашкин. Ты должен научиться никогда не показывать слабость, потому что такие люди, как Гарьен могут воспользоваться этим.

Мне надо было убить эту сволочь, когда была возможность.

У него на лбу выступил пот от постоянного уворачивания от дубинок. Он передвигался зигзагами, а затем бросился на холодный, каменный пол, вследствие чего ему удалось увернуться от первых двух дубинок. Третья ударила Ашкина по бедру, отчего он глухо простонал.

Он даже не попытался схватить деревяшку, потому что буквально почувствовал магию на своей коже. Вместо этого Ашкин перекатился на бок и снова встал на ноги. Он увидел другие дубинки, с шумом летевшие на него и в ту же секунду бросился на землю, одновременно пытаясь оценить ситуацию, хотя на это оставалось совсем мало времени. Ашкин заметил, что остальные отошли на довольно большое расстояние, но были все еще в пределах досягаемости. Хорошо. Это может стать преимуществом.

— Видишь, Ашкин? У тебя нет шансов против меня. А ведь я нападаю на тебя с простыми, деревянными палками.

Это еще даже не настоящая борьба.

Она слишком много говорит.

Быстро он вскочил на ноги, вытащил метательный нож из сапога и метнул его натренированным движением в сторону Керии. Он отскочил, словно от невидимой стены и с грохотом приземлился на пол. Дерьмо. Руками он парировал удары дубинок, нырнул вниз перед следующей атакой и бросил свой второй нож в Кирию. Снова он отскочил от невидимой стены.

— Никогда не стоит недооценивать богов, — улыбаясь, сказала Керия. — Они всемогущи. И их магия тоже, если можешь ей владеть. Ты мог бы научиться.

Ашкин выбрал самый простой метод, чтобы прекратить эту ерунду. Значит, никогда не

показывать слабость, да? Если доброта — это слабость, тогда любовь тем более. Не колеблясь, Ашкин снова бросился на пол, перекувыркнулся и поднялся на ноги рядом с Лориной. Прежде, чем она поняла, что с ней случилось, Ашкин сорвал кожаный ремешок с её шеи и приставил нож к горлу.

Наступила тишина.

Дубинки висели, словно застывшие в воздухе.

— Немедленно отпусти ее, — холодно сказала Керия.

— Я сейчас уйду. И вы меня не остановите, — сказал Ашкин.

— Убей его, Керия. С него нам никакой выгоды, — прорычала Лорина в руках Ашкина.

Он заметил нервную дрожь в ее голосе.

— Гариен скоро отправится на войну. Ему нужен А'Шель — человек, убивший в армии Мерлы больше людей, чем кто-либо до него, — вмешался Меран. Все это время он спокойно стоял в углу и внимательно наблюдал за всем. Последовало короткое молчание, прерываемое лишь учащенным дыханием Лорины. Ашкин знал, что выиграл.

— Значит, ты хочешь уйти? — спросила Керия.

— Да.

— Хорошо. Иди.

Одной рукой она указала на емкость в его руках.

— Возьми с собой осколок и начни тренироваться у меня. Мы встретимся здесь завтра, с восходом солнца.

— Я подумаю.

— Это желание Гарьена.

Гарьен может засунуть свои желания в одно место, — подумал Ашкин. Он обращался с ним, как с собачонкой, которую можно было в любое время подозвать свистом.

— Не злись, — сказала Керия. — Это важно, чтобы ты носил осколок для защиты Гарьена. Тебе даже не обязательно применять магию осколочка. Будет достаточно, если он будет у тебя. Твои чувства станут более резкими, ты будешь воспринимать всё по-другому.

— Я не отдам ему мой осколок! — теперь вмешалась Лорина. Она надулась, и Ашкин прижал лезвие к её шее сильнее, как раз настолько сильно, чтобы напомнить Керии, что он всё ещё готов перерезать горло её любимой, если та попытается обмануть его.

— Сегодня вечером будет достаточно свободных осколков, ты просто выберешь себе новый, — ответила Керия и снова обратила своё внимание на него. — Ну, что ты думаешь, Ашкин?

— Могу я с помощью него чувствовать, если один из вас перемещается в пространстве?

— Это тоже, — сказала она, и в её глазах загорелся удовлетворённый огонь.

— Что я должен делать? — спросил он, завязывая кожаный ремешок на шее. Лорина использовала момент и исчезла во вспышке света — там, где она ещё только что стояла, зияла пустота. Но потом мгновение спустя она появилась рядом с Керией. Её кожа переливалась, а глаза светились четырьмя цветами богов.

Он сунул нож в сапог и выпрямился. Амулет ударил по шее, и он замер. Было такое чувство, будто открылись ворота в другой мир. Тысячу впечатлений обрушились на него, выдавливая воздух из лёгких. Боль в области желудка, там, где его ударила дубинка, исчезла. Казалось, все ощущения растворились, осталось только окружение. Резкое и ясное, как будто он всё это время не видел того, что так явно лежало перед ним.

Контуров людей в зале, казалось, стали выделяться сильнее, светились, как вторая кожа.

Подобно как у Лорины, когда она перемещалась в пространстве.

Так же цвета стали ярче, каждую ткань, каждое волокно он видел интенсивнее, и чувствовал множество запахов, которые раньше не ощущал. Страх Лорины, сомнения Мерана. Как открытая книга их чувства лежали перед ним, ему нужно было только посмотреть, почувствовать запах и ощутить их.

— Впечатляет, не правда ли? — спросила Керия, её глаза переливались. Ашкин видел все нюансы, светло-зелёный, тёмно-красный, прозрачно-белый и безгранично-золотой. — Тебе даже не нужно использовать магию, она сама передаётся тебе.

— Как долго длится этот эффект? — спросил он и сам услышал, каким хриплым вдруг стал его голос. Он прокашлялся, когда ему стало ясно, что теперь он тоже не сможет прятать свои чувства от других. Они знали, когда он говорит правду, а когда нет. Когда обманывает, и когда скрывает свои намерения.

— Пока ты его носишь с собой. Но ты очень быстро устанешь, потому что энергия осколка не согласовывается с энергией твоего тела. Поэтому было бы хорошо почаще снимать его.

— Опасно ли носить осколок?

Она долго смотрела на него, прежде чем ответить.

— Да, опасно. Особенно для необученных людей. Но ты очень сильно обращаешь внимание на реакцию людей вокруг, ты действуешь не только интуитивно, но так же способен оценить того, кто стоит напротив. Ты знаешь, кто ты и что можешь. Это поможет тебе оценить силу осколка.

— Понимаю.

— Ты придёшь завтра?

Ашкин кивнул и отвернулся, чтобы уйти. Он чувствовал, как Лорина сердито смотрит ему вслед, чувствовал её любовь к Керии, её беспокойство о том, какую он займёт позицию в этой войне. Керия тоже беспокоилась, хотя могла лучше это скрыть. Он задавался вопросом, какие чувства исходили от него. Хотя, собственно, мог сам дать себе ответ: он почти ничего не чувствовал. По крайней мере, когда речь шла о его собственной жизни.

Лакос, Летнее царство

Похоронная процессия тянулась через извилистые улицы города пустыни, жалобные возгласы казалось слышаться отовсюду. Все углы узких улочек были наполнены светом свечей.

Люди скорбели, все они пришли. Канаель шёл в первом ряду рядом с матерью и маленькой сестрой, вцепившейся в его руку, её чёрные локоны заплетены в строгую косу.

Когда они наконец добрались до освещённой свечами площади богов, и лежащее на носилках тело отца нашло свой путь в храм, Канаеля охватило внутреннее спокойствие, которого он не чувствовал уже долгое время.

— Что будет теперь? — услышал он шёпот Инаель, её щёки покраснели и опухли от множества слёз. Её маленькая ручка в его была на ощупь липкой и влажной.

— Первосвященник помолится и передаст тело отца богам. Мы трое единственные, кому разрешено зайти в храм и присутствовать на церемонии.

— Что нам делать?

— Просто будь рядом со мной, малышка, — тихо ответил Канаель и нежно сжал ее руку. Он помог ей подняться по широким ступеням каменной лестницы и последовал за матерью в храм. У каждой из двенадцати колонн, поддерживавших высокие потолки, стояли священники, которые, как только открытый гроб пронесли мимо них, клали в него подарки и молча прощались с повелителем Летнего народа.

На его матери было надето длинное, красное платье, которое подарил ей отец в честь рождения Инаель. Цвет и фасон очень шли ей и подчеркивали фигуру. Ее лицо также было красным от слез, а печаль оставила глубокие морщины в уголках рта.

— Ваше Высочество, мои глубокие соболезнования.

Один из священнослужителей подошел к Канаелю. За красной маской богов угадывалось его лицо. Он говорил тихо и немного торопливо.

— Ваше Высочество, провидица Килея предсказывает страшные вещи. Желательно было бы как можно скорее встретиться с ней, так как она неважно себя чувствует.

— Это не может подождать? — прошептал Канаель.

— Конечно, это может подождать, пока не пройдет кремация, я просто должен был уведомить Вас. Она попросила меня передать Вам, что то, что Вы ищете, находится на острове.

— Считай, что ты это сделал.

Священник поклонился, сделал несколько шагов назад и исчез в тени колонн.

Канаель задумчиво смотрел ему вслед, гадая, что имел в виду служащий храма, но через некоторое мгновение его взгляд снова устремился вперед. Четыре носильщика опустили гроб у подножия большого, высеченного из белого мрамора, алтаря и бесшумно удалились. Канаель встал рядом с матерью, которая украдкой смахнула слезу светло-серым платком, вшитым в рукава платья.

Его взгляд остановился на чёрном, деревянном гробе, от которого исходило величие, так как он был украшен орнаментами и нарисованным гербом, олицетворяя, таким образом,

могущество его отца даже после смерти. Из-за множества свечей, казалось, его лицо приобрело цвет, свет пламени танцевал на его впалых щеках. Его взгляд переместился ниже к рукам, которые скрестили на его груди, так что не было видно смертельной раны на груди, которую нанёс ассасин.

— Ой, — прошептала Инаель.

Испуганно Канаель выпустил руку своей младшей сестры, которую он видимо сильно сдавил, и ему стало стыдно из-за его бурной реакции. Он должен лучше контролировать себя.

— Прости меня.

— Он выглядит таким безмятежным, — пробормотала его мать рядом.

— Да, так он и выглядит. Люди любили его, не смотря на его суровость, — сказал тихо Канаель. — Он сохранял мир.

Позолоченная дверь за украшенным драгоценными камнями и золотыми орнаментами алтарём беззвучно открылась, и из задних комнат вышел мужчина, укутанный в белую мантию. Красная маска была длиннее и более страшная, чем маска обычно храмового священника. Чёрные дыры вокруг глаз оставались тёмными, как будто маска была одета не на человеке. Узкий нос и слегка приоткрытый рот, из которого могли исходить слова богов. Будучи маленьким мальчиком, Канаель всегда боялся этой маски — боялся могучего голоса богов.

— Я молился за Дериона Де'Ар, чтобы подготовить его путь к богам. Давайте вместе произнесём молитву к Всевышнему.

Губы Канаеля беззвучно двигались, но сердце забилось быстрее. Он ещё не готов занять место отца. Но это должно случиться. Он обязан быть сильным для своего народа, которого ждёт война, и который зависит от мудрого правителя.

— Примите кольцо в своё пользование, — сказал первосвященник и кивнул ему.

Канаель подошёл ближе к гробу, снял могущественный перстень с пальца Дериона и надел его на свой собственный. Кольцо было великоватым, а гладкая поверхность холодной, такой же безжизненной, как его отец. Первосвященник развёл руки в стороны, материал его мантии зашуршал. Он сказал последние слова, прежде чем поджечь забальзамированное маслами тело с помощью факела. Шипящий звук заставил присутствующих замолчать. Канаель уставился в пылающий огонь, прислушиваясь к его треску, и забыв, где и когда находится.

Только когда его мать положила ему на плечо холодную руку, он очнулся от своих размышлений. Невольно он вздрогнул и оторвал взгляд от горящего тела отца.

— Выйди, Канаель, они ждут тебя. Церемония закончилась. Твой отец стал частью божественного, загробного мира, а ты теперь владыка Летнего государства.

Пеала одарила его ободряющей улыбкой. Он кивнул, очнувшись от оцепенения, развернулся и зашагал вдоль длинного прохода, обрамлённого колоннами. Он чувствовал взгляды священников, как уколы на своей коже. Время пришло. Пути назад нет.

Один короткий момент он подумал о Песни Небес. Голоса, возможно, и украли её тело, но её душа навечно останется частью его самого. До тех пор, пока он не умрёт, и его дух перестанет существовать.

Ещё только десять шагов.

Он знал, что народ ожидает его снаружи. Народ, который стоит перед сложной задачей. Задачей, которую он, возможно, не сможет решить. Но также возможно, что он

единственный, кому это по силам.

Семь шагов.

Он подумал о Навии, девушке из Зимнего царства, которая должна находиться с Геро в толпе, она будет наблюдать за его интронизацией. Она нашла его. Она выбрала верный путь. Он всё ещё не мог поверить в то, что был настолько глупым и разбудил Ткачиху снов. Он был убеждён в том, что поступает правильно. И таким образом подверг мир Четырёх Вреён Года опасности.

Три шага.

Он задавался вопросом, что будет теперь. Его народ уже потерял дающие надежды сны, и он не хотел представлять себе, что случится, если это состояние останется навечно.

Один шаг.

Канаель сделал глубокий вздох, всё его тело покрылось холодным потом, но он выпрямил спину и отдался своей роли. Потом охранники храма открыли тяжёлые двойные двери, и Канаель вышел к толпе, которая, казалось, состоит из моря свечей. Он видел отдельные лица, однако не мог распознать кого-то определённого.

Тринадцать советников его отца и Леандер, дворецкий отца, вышли вперёд, поспешили подняться вверх по лестнице, и поклониться ему. Совет должен сначала подтвердить Канаеля, как нового правителя Летнего царства, прежде чем он сможет вступить в свою должность, но, учитывая то, что семья Де'Ар правит уже сотни лет, это была простая формальность. Тем не менее, она была необходима.

Леандер сделал шаг к нему, склонил голову с распущенными седыми волосами, и приложил руку к груди, чуть выше сердца.

— С единодушного согласия совета, мы принимаем Вас, Канаель Дерин Сантеаль Де'Ар в качестве нового правителя царства Сувий. Во имя четырех богов, Сув, Кев, Сыс и Таль, мы возводим Вас на престол, Ваше Высочество.

Одну, две секунды было тихо, затем в толпе раздался шепот, потушили свечи, и площадь богов погрузилась в темноту, в то время как люди упали на колени и прижали лица к земле. Канаель как во сне наблюдал за тем, как один за другим они, закрыв глаза, касались лбами земли, в знак признания его правления. Официальная церемония завершилась.

Он был новым правителем Летнего царства.

— Вы прекрасно справились.

Лицо Туманного Мастера выделялось на фоне разрисованной стены его покоев. Канаель вздохнул. Каждое движение давалось ему с трудом. Он шатался, едва держась на ногах. Всеми виной был сладкий нектар в его крови.

Туманный Мастер, словно паразит, он просто везде.

Разумеется, его Фаллах был всегда под рукой, и наверняка уже проинформирован о его пьяном состоянии.

— Что ты здесь делаешь?

— Вы напивались?

— Тебя это не касается.

Канаель отослал всех прочь. Еще несколько недель назад такое было невозможно. Они отказались бы выполнять его приказание, потому что это было бы неподобающе, чтобы он был один. Но теперь он правителем Сувия, и они должны подчиняться его воле, какое бы желание он не выразил.

Каждый мускул его тела казался тяжелым и вялым, и это при том, что ему не нужно

было ничего делать, кроме как получать поздравления от влиятельных людей своей страны. Принял участие в траурной церемонии и на первых двух заседаниях совета. И пил. Много пил.

— Моя мама где-то рядом?

У Канаеля заплетался язык, но ему было наплевать, что думает о нем Туманный Мастер.

— Нет, я не посвятил ее в нашу встречу.

Канаель кивнул и тут же ощутил острую боль в висках. Черт.

— Где она?

— Кто? Навия?

Канаель сузил глаза, жар от алкоголя пульсировал в жилах, в голове не было ни одной ясной мысли.

— Ну а кто же еще? У меня не было возможности поговорить с ней. Ты спрятал ее от меня, чтобы мы не обсуждали неудобные темы на людях. А потом меня забрали. Но ты присмотришь за мной. Ты ведь везде суешь свои грязные пальцы, — с горечью сказал он. — И это при том, что ты обещал мне, что она будет здесь к концу дня.

— Я уже здесь, — раздался тихий голос, и позади Туманного Мастера появилась девушка из Зимнего Царства. Она немного неумело поклонилась и подняла голову, чтобы посмотреть на Канаеля.

Канаеля растрогала ее неловкость. Навия была явно не сильна в придворных манерах.

— Я рад, что мы, наконец, получим возможность поговорить друг с другом.

— Я тоже, — сказала она. — Время пришло.

— С тобой хорошо обращались? Дали поесть? Я вижу, тебе дали новую одежду.

Он отвернулся и подошел к маленькому, стеклянному столу, который когда-то был подарен повелительницей Весеннего Царства, и налил себе полстакана весеннего нектара, от которого у него помутилось сознание. Именно это ему сейчас и было нужно.

С него достаточно беспокойств. Лучше беззаботность. Забвение. Именно это делала с ним эта демоническая штука. Он стал игрушкой в руках высокопоставленных господ, которые в его отсутствие, несомненно, строили свои собственные планы. Почему бы просто не пойти им навстречу? Почему он должен заботиться о судьбе мира?

— Что такое? Ты немая? Молчишь перед великим правителем Летнего царства? — Канаель, когда слова ещё покидали его рот, начал испытывать к себе отвращение.

— Да, со мной хорошо обращались... Ваше Величество, — добавила она, немного поколебавшись. — Но если быть честной, сувийская еда не очень вкусная. Она... слишком постная.

В первый раз, с тех пор, как он вернулся из Кевейта, Канаель запрокинул голову назад и рассмеялся. Рассмеялся во всё горло, так что мышцы живота заболели от напряжения. Весь день его носили на руках и сделали рабом его поста. А Навии удалось напомнить ему, кто он есть на самом деле.

Они вошли в мерцающий свет зажжённых свечей. Лицо Туманного Мастера освещалось только с одной стороны, и, казалось, он нервничал. Очень уж напряжённо мял свои руки.

— Где тебя поместили? — спросил Канаель.

— Она спит в одной из камер на служебном нижнем этаже, — ответил Туманный Мастер вместо Навии. — Чтобы не задавали слишком много вопросов, я представил её в качестве моей помощницы.

Устало Канаель провёл рукой по лицу.

— Надеюсь, не камера Песни Небес?

— Нет.

— Тогда я не против. Как нам её называть вне стен этой комнаты?

— Зимняя Девушка, — предложил Туманный Мастер.

Канаель направил вопросительный взгляд на Навию, которая пожала плечами. Она казалась усталой. Не удивительно, потому что страна — жара, громкий город, огромный дворец — должно быть, стали для неё трудной задачей.

— Но в нём ведь совсем нет фантазии.

— Оно выполнит свою цель. — Туманный Мастер даже не поморщился. Только его взгляд переместился к стакану, который он держал в руке. Демонстративно Канаель сделал ещё глоток.

— Хорошо, — в конце концов, согласился он. В принципе, ему было всё равно. У него в голове было много других вещей, и он обо всё хотел забыть. — Ты ещё должен мне ответ, Туманный Мастер. Ни один из воинов, советников и людей, которые поддерживали отца, не смог сказать мне, что с ним случилось. Ты дашь мне ответ, или я должен гадать?

— Ваше Величество, может нам стоит обсудить это, когда Навии здесь не будет.

Канаель презрительно фыркнул.

— Она одна из нас. Она моя чёртова двоюродная сестра. Это ты сам сказал мне. Ткачиха снов сказала мне. Ты думаешь, она собирается причинить мне вред? Мне нужно тебя бояться, Навия? Что ты делаешь здесь в Лакосе?

— Я пришла в Лакос, чтобы встретиться с Вами.

— Но почему? Туманный Мастер говорит, что твой отец был убит Ночными охотниками. Полагаю, это те же люди, которые убили также и других Странников. Гарьен действительно проделал большую работу.

— Вы знаете об этом? — Задумчиво она прикусила нижнюю губу. Он заметил непокорный блеск в её глазах, который напомнил ему Песню Небес. Он быстро выпил ещё один глоток весеннего нектара.

— Он дал поручение своим людям убить каждого Странника, — добавила Навия после минуты молчания.

— Удина посвятила меня, — резко ответил Канаель, и опустошил стакан, чтобы потом с громким треском поставить его на стеклянный столик. Он видел неодобрение на лица Туманного Мастера, но фаллах сдержал замечание. Он знал, что на самом деле должен быть благодарен Туманному Мастеру за работу, которую тот делал.

За то, что защищал его все эти годы. В принципе, он и был благодарен, и всё же гнев на Туманного Мастера разъедал, словно яд из рашаллы, его тело. Внутри него бушевала буря, которую сложно было усмирить. Канаель помассировал переносицу и сощурился.

— Прежде, чем продолжим говорить о Гарьене и Ночных охотниках, я должен знать, что случилось с моим отцом. Я должен знать всё. — Какая собственно теперь разница, услышал он внутренний голос, но попытался проигнорировать его.

— Его убили. Во сне, — ответил Туманный Мастер.

— Это я тоже уже знаю, — рявкнул Канаель. — Я хочу знать, как это могло случиться? Его спальня самая хорошо охраняемая комната в Сувии.

— Его навещали дамы, и он хотел уединиться. Его легкомыслие стоило ему жизни, — сказал Туманный Мастер.

Канаель уставился на него, пытаясь бороться с тёплым чувством, которое вызвал в нём

нектар. Обезоруживающая честность. Нужно было признать это в Туманном Мастере, он говорил без обиняков. Ещё одна причина быть благодарным. Канаелю захотелось смеяться, смех всё нарастал, так что, в конце концов, вырвался наружу.

— Этот старый кабель! — сказал он.

Туманный Мастер сделал в его сторону два шага и схватил за руку.

— Сейчас Вам лучше лечь спать. Всё остальное мы обсудим завтра утром. Геро тоже примет участие во встрече. Пока ещё мне удавалось удерживать его, чтобы он не ворвался в ваши покои. Но я не знаю, как долго смогу игнорировать его. Он хочет знать, что случилось с Зарией.

— Она мертва, вот что с ней случилось. И я убил её, — ответил Канаель, не моргнув глазом, и вырвался из хватки Туманного Мастера. Он так близко склонился к своему фаллаху, что мог бы обвести носом все морщинки на лице старика. — Я уничтожил её. Зарию. Всех. Каждого жителя этой страны, весь мир!

— Вы пьяны, Канаель. Немедленно ложитесь спать, чтобы завтра Ваш ум снова стал ясным. В таком состоянии Вы не принесёте пользы ни нам, ни своему народу! — Туманный Мастер был прав, и Канаель почти обрадовался, что тот заговорил с ним таким резким тоном.

— Мы должны найти способ соединить осколки снов. Найти способ, создать новый сон, — бормотал он, позволяя Туманному Мастеру подтолкнуть его к кровати, заправленной белой простынёй. Казалось, каждый шаг, который он делает, ведёт его по скользкому льду.

— Он здесь? — проревел глубокий голос снаружи. Мгновение спустя дверь его спальни распахнулась. С сердитым фырканьем в неё вошёл Геро, заполнил весь дверной косяк, так что высокая дверь показалась намного меньше. Его глаза пылали гневом, и даже в своём состоянии Канаель понял, что его ждут неприятности.

— Что ты с ней сделал? — прорычал Геро. — Твой фаллах уже два раза выпроваживал меня, в третий раз я этого не допущу!

Туманный Мастер встал между Канаелем и Геро.

— Уйди с дороги, Туманный Мастер, это наше дело, моё и владыки Летнего царства. Который должен объяснить мне, что он сделал с моей племянницей!

Туманный Мастер не сдвинулся с места, и Канаель был в этот раз действительно благодарен ему. Хотя хорошо знал, что заслужил всё то, что Геро собирался с ним сделать. Даже больше, он прямо таки жаждал, чтобы его побили — может быть, тогда он почувствует себя лучше.

— Она мертва, Геро, — сказал он тихо, потому что правда — это то, что ему ещё оставалось. Правда была единственной, за что он ещё мог цепляться.

— Я так и знал! Ты же хотел присматривать за ней! — крикнул Геро. По характерным чертам Поглотителя снов пробежала тень, он провел рукой по лицу. — Ты обещал присматривать за ней.

Обвинение Геро и его взгляд, полный отчаяния, снова разбудили все чувства, которые Канаель пытался забыть в последние дни. Печаль. Боль. Вина. Вина. Вина.

— Я знаю... Я... Я думал, что все делаю правильно... Но потом...

Он не смог договорить, и уставился в пол.

— Я доверял тебе...

Канаель понимал, что Геро стоило немалых усилий держать себя в руках и не броситься

на него. Боль этого большого человека ранила его в самое сердце.

— Я знаю. Я не справился. И я ничего не могу сделать, чтобы унять твою боль. Но я сделаю все, чтобы ее смерть не была напрасной.

— Как? Что случилось?

Канаель заметил, что Геро так сильно сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев.

— Лабиринт душ.

Геро некоторое время молчал.

— Почему? Она из Потерянного народа. С ней ничего не должно было случиться.

Канаель устало провел рукой по горячему лбу.

— Я тоже так думал. Но когда мы были в лабиринте, появился туман. Потом голоса, души Поглотителей снов в моей голове.

Они сказали, что им нужна дань. Они... Они просто забрали Песню Небес. Я больше не мог ей ничем помочь, потому что сам был как в трансе.

Геро издал непонятный звук и опустился на пол, закрыв лицо руками. Его вид что-то тронул в сердце Канаеля, и он протиснулся мимо Туманного Мастера, присел рядом с великаном на корточки и положил ему руку на плечо.

— Мне так жаль, ты должен мне поверить. Я никогда не прощу себя, что подверг её опасности.

— Что произошло потом? — тихо спросил Геро.

— Голоса послали меня в башню, а там я попал... под чары Ткачихи снов.

Голоса знали, что произойдет, когда я увижу Удину.

— Значит, ты разбудил ее?

Канаель сглотнул.

— Да. Нас обманули. Удина думает, что все было спланировано с самого начала. Гарьен знал, кто мой настоящий отец, и что только Навия и я сможем целыми и невредимыми пройти по лабиринту. Потому что в наших жилах течет кровь Ткачихи снов. Это написано в хронике Потерянного народа, книге, которую восемь лет назад украли из нашей библиотеки.

— Поэтому Кев являлась к нам во сне? Потому что мы родственники Ткачихи снов? — вмещалась в разговор Навия. Канаель уже и забыл, что Туманный Мастер, перед появлением Геро, впустил ее в покои.

Геро встал. Его руки дрожали.

— Мы должны остановить Гарьена Ар'Лен. Но для этого нам нужно знать, что он собирается делать.

— Он хочет завоевать все четыре царства, — сказала Навия, и все повернулись к ней. — Это единственное объяснение всем тем ужасным вещам, которые случились. Горящие деревни, убитые Странники, пробуждённая Ткачиха снов, и осколки, полные божественной магии. Он планировал это много лет. Чего ещё он захотел бы, кроме как стать властелином над всеми четырьмя царствами? Для чего ему ещё прикладывать такие усилия? Украденная хроника была только началом.

— Она права, — сказал Туманный Мастер и задумчиво нахмурился. Его глаза лежали глубоко в глазницах, так что нос казался ещё длиннее.

— Существует ли копия хроники?

— Да. Удина говорит, что автор хроники сделал копию, но...

В дверь постучали. Канаель встал и пошёл к двери, его шаги были всё ещё неуклюжими. На полпути он остановился. Всё вокруг кружилось. Он закачался, и мгновение спустя

почувствовал руки Навии, которые поддержали его.

— Это Воздушный Воин. Только что прибыла почтовая птица. Письмо адресовано Вам, Ваше Величество.

Туманный Мастер открыл тяжёлую, деревянную дверь и запустил посыльного. Тот глубоко поклонился перед Канаелем, в тоже время протягивая ему руки с письмом.

Канаель уставился на печать дома И'Реналь. Его сердце забило быстрее, у него вдруг появилось ощущение, что это письмо не предвещает ничего хорошего. Нервными пальцами он сломал печать и развернул письмо. Его глаза просмотрели строчки, и он почувствовал, как от щёк отлила кровь. В мгновение ока он протрезвел. Навия права. Гарьен Ар'Лен хочет завоевать четыре царства, и Канаель держал доказательство этого в руках. Гарьен нанёс свой следующий удар.

Когда молчание в комнате растянулось, Канаель понял, что остальные хотят узнать, что написано в письме.

— Была убита Рина И'Реналь, — сказал он.

Поблизости от Крона, Осеннее царство

Ашкин плохо спал, видел во сне какие-то безумные вещи, не связанные друг с другом картинки прошлого и настоящего. Черная дыра в его душе затягивала его все сильнее, словно в зеркале показывая все его деяния. Уже на протяжении трех недель, с тех пор как разбился и разлетелся по всем четырем царствам сон ткачихи снов, сцены постоянно всплывали в его подсознании. Это была спираль, не дававшая ему покоя. Ашкин боялся ночи, но не мог обходиться без сна.

Он проснулся только тогда, когда она уже склонилась над ним, и он почувствовал тёплое дыхание на щеке. Когда он открыл глаза и увидел над собой Алану, он проклял свою неосторожность. Один единственный раз он положился на что-то ещё, кроме своего разума, а теперь платил за это. Но к его удивлению убийца не использовала шанс. Она смотрела на него, и ему понадобилось мгновение, чтобы оценить ситуацию.

Из-за осколка сна он сильно уставал, каждое мгновение казалось ему интенсивнее, но они также быстро пролетали. Время разлетелось на тысячи осколков, и Ашкин был не в состоянии разглядеть их всех.

Снова он задался вопросом, может, ошибся, приняв осколок, но преимущества были налицо. До сегодняшнего вечера.

— Ашкин, — промурлыкала Алана, на её губах играла улыбка, когда она оседлала его. Она была босиком, на ней были одеты узкие брюки и зашнурованный лиф, который больше обнажал, чем скрывал. — Значит, ты принял осколок сна.

— Ты тоже, — констатировал он, бросив взгляд на кожаный ремешок вокруг её шеи.

— Мне предложили. И он открывает совершенно новые возможности. Как я вижу, прямо сейчас на тебе не одет осколок. Это ошибка.

Которую я не сделаю во второй раз.

— Что тебе здесь надо?

Указательным пальцем она обвела контуры его челюсти, и Ашкин зарычал, что она весело приняла к сведению.

— Я буду сопровождать ваш марш до Сувия. Приглядывать, чтобы все придерживались уговора. Гарьен сильно доверяет моей работе.

— Я думал, что ты уже уехала на той неделе вместе с войсками. Тысячи людей, которые должны сравнять Кевейт с землей, и объявить о зверском правлении Гарьена. Тебе ведь так нравится весна.

— Ты прав, мужчины там знают, как доставить женщине удовольствие, — ответила она. — Но тогда я пропустила бы самую лучшую часть. Не увидела бы падение Сердца пустыни.

— Лакос неприступная крепость. — Ашкину хотелось быть настолько же уверенным, как прозвучал его голос.

— Крепость, возможно. Но это крепость, которую защищают воины, не обладающие осколками сна. Толпе людей будет трудно устоять перед магической мощью. Ты же знаешь, с помощью осколков сна мы сможем остановить целые трупы. Отбить их стрелы... Кроме

того, ты еще здесь.

— Меня можно заменить.

— В этом ты ошибаешься, Ашкин, — сказала Алана. — Гарьен целиком и полностью полагается на твою стратегию. Частично даже против воли своих же высоких предводителей труп.

— Тебе известно об этом?

Ашкин был удивлен.

— У меня повсюду глаза и уши.

Когда она склонила голову, обнажив незащитную впадину между шеей и плечом, в ее глазах вспыхнуло желание.

— Ты слишком много думаешь, Ашкин. Но это мне всегда нравилось в тебе.

Она наклонилась и нежно укусила его за нижнюю губу. Ашкин с готовностью поддался. Хотя у него не было с собой осколка сна, он почувствовал смертельную опасность, исходящую от Аланы и окутавшую ее, как туман. Он посмотрел мимо нее в воздух и ненадолго замер. Однако этого короткого момента хватило, чтобы вызвать у Аланы улыбку. Над ними парила тонкая, длинная игла, острие которой было направлено прямо ему в сердце.

— Не бойся, — промурлыкала Алана. — Это всего лишь небольшая мера безопасности. Значит, она решила применить магию сна...

Он не успел додумать мысль, так как Алана погладила его волосы. Ашкин почувствовал ее пряный, своеобразный запах.

— Я скучала по тебе, — прошептала она, приблизившись к его губам, после чего страстно поцеловала Ашкина. Сысскийская женщина, которая получает все, что хочет. Они уже несколько лет играли друг с другом в эту игру, и однажды один из них погибнет от руки другого.

Может, даже совсем скоро. Но не сейчас и не здесь. Ашкин погрузил руки в копну каштановых волос Аланы и так же интенсивно ответил на ее поцелуй. Он даст ей, чего она хочет. По крайней мере, этой ночью.

На рассвете звук рога оповестил их о дальнейшем походе к месту их последнего размещения в Сыски: огромному портовому городу Сыку, откуда трупы переправятся в Сувий.

Ашкин потер переносицу и посмотрел на потолок своей палатки. В воздухе все еще стоял мускусный запах последней ночи. Только после второго сигнала рога, он понял, что его не разбудили. Осторожно, чтобы не мешать Алане, он встал, обмотал одну из тонких простыней вокруг бедер и подошел к столику, придававшему его палатке немного стиля. Он должен был вызвать в нем теплоту, ощущение безопасности и дома. Но у Ашкина не было дома.

Он налил себе стакан воды, постепенно выпил его и подошел к развешанной на веревке одежде.

— Ты куда?

— Ты не единственная, кто работает, — ответил Ашкин, глядя через плечо на Алану. Она выпрямилась в кровати, очертания ее пышной груди отчетливо выделялись под одеялом. Она оскорбленно надула губы.

— Я надеялась, что после этой ночи твой тон изменится.

— Мой тон по отношению к тебе никогда не изменится, и ты об этом знаешь. Иначе бы

тебя здесь не было.

— В этом ты прав, — захихикала она. — Если бы ты был таким же, как другие мужчины, я была бы не здесь, а с одним из них. Что ты собираешься делать сегодня?

Он не ответил, молча надел штаны и черную рубашку.

Оружие он прикрепил к барису, который повязал вокруг бедер. После этого Ашкин набросил на плечи накидку и закрепил ее на шее. Он чувствовал на себе взгляд Аланы, когда надевал черные, поношенные кожаные сапоги и сделал вид, что не заметил этого.

— Ты выглядишь таким серьезным, — иронически сказала она. Виляя бедрами, Алана подошла ближе и прижалась к нему. Ашкин не стал сопротивляться. Она знала, какое воздействие окажет на него ее нагота, когда губами слегка коснулась его щеки и дольше обычного задержалась на его бороде. Это было последнее подтверждение, которое ему было нужно. Он почувствовал, что в нем проявляется что-то вроде сожаления, он прекрасно знал, что означал для нее этот маленький жест. Алана влюбилась в него. Почему, было для него загадкой. Но это было и неважно, ведь этим поцелуем она подписала себе смертный приговор.

— Ты забыл вот это, — сказала она и прижала кожаный ремешок к его груди. Серебряная подвеска болталась в ее руке в разные стороны. — На твоём месте я бы взяла ее.

— Тебе нравится носить осколок, — ответил Ашкин, — Но я должен отдохнуть от этой штуки.

— Он должен быть у тебя сегодня ночью, когда я приду навестить тебя. Ты многое потерял. Еще никогда это не было так... интенсивно. Как дурман.

Может, она влюбилась не в меня, а в осколок. Ашкин нахмурившись, посмотрел на нее, схватил подвеску и спрятал в кармане. Не говоря ни слова, он вышел на улицу, где уже светало, оставив Алану одну в своей палатке.

В военном лагере царила деловая суета. Мужчины и женщины сновали по большой площади, где они остановились на привал на два дня. Солдаты собирали палатки, заботились о выючных животных и запасах еды. Над лагерем стоял запах свежей кожи и домашнего скота, временами подмешивался запах людей, которые несколько дней не принимали ванну.

Ашкин видел в их усталых, немного грязных лицах предвкушение радости, и почувствовал себя ужасно старым. В нем всколыхнулись воспоминания о войне двадцатилетней давности, которая оставила на нем свой отпечаток. Он покачал головой, чтобы прогнать картинку в голове и направился к Нело А`Дарину, военачальнику и ближайшему доверенному лицу Гарьена. Ашкин уже издалека заметил крепкого мужчину, с короткими седыми волосами и густой бородой. Он стоял перед своей палаткой и раздавал указания вооруженным людям. Заметив Ашкина, Нело кивнул ему.

— А`Шель, чем могу Вам служить? — устало спросил он. Лишь его колючие, голубые глаза говорили о том, что на самом деле он был начеку.

— Меня не разбудили на утреннее совещание.

Нело отмахнулся.

— Это не моя обязанность, следить за тем, чтобы вы вовремя пришли, А`Шель. Вам должно быть понятно, что я занят. Сегодня мы доберемся до портового города, я должен распределить трупы и снаряжение на корабли. И все это должно было быть сделано еще вчера. Логистически, просто катастрофа. Поэтому, пожалуйста, не разыгрывайте из себя оскорбленного, потому что Вас не разбудили.

— Я все понимаю. Однако Гарьен ценит мое мнение, и я был бы Вам очень благодарен,

если бы вы придерживались его указаний. Это подразумевает, в том числе, и мое присутствие на совещаниях штаба.

— Не важничайте, А`Шель, — пробурчал Нело.

— Через три дня мы столкнемся с первыми сувийскими труппами, тогда посмотрите, насколько я важен.

Он помедлил, чтобы смысл его слов дошел до Нело.

— Либо Вы воюете с моей помощью и выигрываете, либо без меня, но с непонятным исходом. Я думаю, Вы, так же как и Гарьен, хотите выиграть эту войну.

Нело буквально пронизывал его своим взглядом, но, в конце концов, отвел глаза. Ашкин понял, что выиграл этот обмен колкостями.

— Как Вы хотите. Если угодно, я попрошу Цуриена ввести Вас в курс событий.

— Это не мое желание, достопочтенный Нело, а желание правителя. На Вашем месте я бы подчинился его приказам, военачальник. Ваши ряды поредели, как мне кажется.

— Попридержите язык, А`Шель! Я знал Вашего отца, он бы никогда не позволил себе сделать такое замечание.

Ашкин сощурил глаза.

— Лучше нам не приплетать сюда наши семьи. Что бы сказала Ваша старшая дочь Фения, если бы трех ее сестер нашли мертвыми в их покоях?

— Что Вы себе позволяете! — прошипел Нело. — Если Вы еще раз будете угрожать моей семье, я убью Вас, А`Шель, и не посмотрю, что Вы живая легенда!

— Хорошенько подумайте, с кем связываетесь, А`Дарин. Жду Вашего доклада до того, как двинемся в путь, — сказал Ашкин, и ушел, оставив кипящего от злости Нело одного.

Лакос, Летнее царство

— Вы хотели меня видеть?

Канаель вошёл через переднюю дверь маленькой хижины, находящейся прямо рядом с храмом Сув, в затемнённую, небольшую комнату, в которой пахло травами и диковинными специями. Комната была до потолка забита книгами. Понадобилось время, но, когда после похорон и последовавшей за ними инаугурации он проснулся утром в своей спальне, усталый и измученный, с гудящим черепом и, сомневаясь в себе, он вспомнил слова служителя храма.

То, что вы ищете, находится на острове.

Канаель решил навестить провидицу Килею в одиночку, и не рассказал о своём плане ни Туманному Мастеру, ни Геро, ни Навии. За полкой с книгами появилась маленькая женщина в коричневом сари и кожаных сандалиях, на голове возвышались белоснежные волосы, образующая странную причёску, похожую на гнездо. Она сощурила тусклые глаза, чтобы лучше его разглядеть, и семенящими шагами подошла ближе, прижав ко рту белый платок.

— Это Вы, Ваше Величество? — спросила она скрипучим голосом, потом её затрясло от приступа кашля, и сгорбленная спина задрожала от напряжения. Канаель подошёл и поддержал старую провидицу, а она похлопала его по щеке. — Я благодарю Вас, Ваше Величество. Приветствую Вас... — Она говорила тихо, и взгляд Канаеля упал на платок в её морщинистых пальцах, который был пропитан кровью.

— Мне сказали, что у вас есть для меня послание?

Старушка улыбнулась беззубой улыбкой.

— Смерть Вашего отца напугала людей. Они не знают, чего ожидать от будущего. По стране расползаются слухи. Боги тоже обеспокоены.

Она посмотрела прямо ему в лицо своими мутными глазами, и сердце Канаеля сжалось.

— Какое у вас для меня послание?

Килея нежно покачала головой.

— Вы нетерпеливы, молодой правитель, но Вы правы. Время это имущество, которым мы не владеем, и я тоже скоро вернусь в лоно богов. Что же, Кев навестила меня во сне и сказала, что решение Ваших тревог и страхов находится не далеко. То, что Вы больше всего жаждете заполучить, находится в сердце дворца снов на острове Мий. Копия хроники Потерянного народа...

Канаель удивлённо распахнул глаза.

— Откуда...?

Загадочная улыбка играла на губах старушки, когда её снова сотряс приступ кашля. Когда приступ закончился, она попросила Канаеля помочь ей лечь в постель, которая находилось за забитой книжной полкой. Он помог Калии сесть на аккуратно застеленное покрывало, и усталый на кровавый платок, который она во время кашля подносила ко рту.

— Могу я что-нибудь для вас сделать? — спросил он обеспокоенно.

— Боги уже подготовили для меня хорошее место, поэтому не беспокойтесь, Ваше

Величество. Я устала, ужасно устала... — Она медленно опустилась на подушки. — Один вопрос ещё мучает Вас, я отвечу Вам на него.

Канаель сделал глубокий вдох:

— Почему она пришла к вам?

— Ах, конечно! За Кев наблюдают, потому что другие боги гневаются за то, что она явилась к Вам и девушке из Зимнего царства во сне. Это против соглашения. Боги назначили во всех четырёх царствах провидца, которого могут навестить один раз в год. Поэтому она не могла ещё раз поговорить с Вами. — Килея издала булькающий звук. — Никто не может изменить ход судьбы, молодой правитель, даже сами боги. А теперь идите.

— Я... я не могу оставить вас одну. Вам нужен врач!

Килея слегка покачала головой.

— Я не одна, молодой правитель. Боги приглядывают за мной.

С тяжёлым сердцем Канаель погладил старую провидицу по морщинистой руке и встал. Когда он закрыл дверь её хижины за собой, с другой стороны улицы к нему подошло несколько божьих служителей в белых рясах и красных масках Сува. Их осанка выражала траур, и Канаель удивлённо смотрел на них, когда они молча прошли мимо и зашли в хижину Килеи.

— Что вы задумали? — спросил он одного из мужчин.

Тот, кто входил последним, поклонился Канаелю и сказал:

— Килея предсказала, что заснёт навсегда, как только Вы покинете порог её дома, Ваше Высочество.

Канаель ошарашенно смотрел вслед священнику, который тоже зашёл в дом Килии. Разрываясь между меланхолией и надеждой, Канаель поднял взгляд на башни своего дворца. Богиня во второй раз указала им путь, и он искренне надеялся, что в этот раз он будет верным. Ещё одна ошибка навсегда решит судьбу мира.

Лакос, Летнее царство

— Навия.

Испуганно она обернулась, но за ней никого не было. Хотя она могла бы поклясться, что кто-то назвал её по имени. Её взгляд скользил по впечатляющей весенней части сада семьи Де'Ар, а потом перешёл на осенние деревья с их золотистыми листьями и массивными ветками. Она оглянулась назад, к колодцу, который заморозил её своими игривыми украшениями и внушительным размером. Плеск воды действовал на неё успокаивающе, и вблизи колодца было заметно прохладнее, чем снаружи.

— Навия.

Её нервные окончания наэлектризовались, в разуме она ощущала явное присутствие другого человека. Как будто кто-то залез ей в голову.

— Кто там? — спросила она.

Она не получила ответа. В её голове царил тишина, глубокая и тяжёлая, и всё же она ощущала присутствие другого человека. Ощущение, будто за ней наблюдают, что кто-то может читать её мысли и чувства, а она сама не в состоянии на это повлиять, сильно её напугало.

Молчаливый взгляд лежал на её разуме. Она чувствовала себя обнажённой и незащищённой.

А потом она увидела его. Вернее её. Самку кешира.

С другой стороны круглой клумбы божественную птицу привязали к дереву жизни. Умные, жёлтые глаза смотрели прямо ей в сердце, и Навия изумлённо ахнула. О чём бы она ни думала, казалось, кешир всё видит, потому что она была в её разуме.

Навия испугалась, когда заметила, что причинили птице. При виде цепей, связывающих её стройные щиколотки, на концах которых острые когти впивались в землю, у Навии на глазах выступили слёзы, которые она энергично сморгнула. Не колеблясь, она пришла в движение и направилась к благородной птице.

— Кто это с тобой сделал? — спросила она, когда подошла к животному с золотистым оперением, громче, чем шёпотом, у неё не получилось. Она чувствовала себя маленькой и ничтожной при мысли, что восемнадцать лет её жизни, должно быть, казались божественной птице как один вдох.

В её голове забегали мурашки, как будто Кешир завладела ею. Она ощутила теплоту.

И защищённость. Навия была дома.

— Никто, Навия. Люди чувствуют себя увереннее, когда могут контролировать, то, что их пугает.

Навия повторила эти слова в голове, они вибрировали как эхо, и как будто вырывались прямо из её тела. Кешир говорила нараспев, светлым, мелодичным голосом. Навия готова была слушать её вечно.

— Как тебя зовут? — тихо спросила она.

— Кевек.

При мысли о том, что Кевек была единственным живущим представителем своего вида,

Навия испытала грусть. Ей показалось ужасным остаться совсем одной, без семьи и друзей. Она мысленно почувствовала дружелюбную улыбку Кевек.

— Тебе кажется это трудным, но мне легко. Моё время истекает, и теперь, когда мир будет гореть, я рада, наконец, вернуться домой.

Навия тяжело сглотнула.

— Мы сможем их остановить?

— Я не всесильна, поэтому не могу ответить на этот вопрос. Наверное, даже сама богиня не знает ответа. Но я сделаю все, чтобы помочь вам.

— Сможешь доставить нас на Мий?

— Да, это будет мое последнее путешествие.

— Что ты имеешь в виду?

Навия услышала шаги позади и обернулась. К ней приближался Канаель. От него исходило внутреннее спокойствие и достоинство, которое каждый раз снова удивляло Навию. Может, дело было в его одежде, в, без сомнения, дорогих кожаных сапогах и золотистых кнопках на куртке. Все эти удачно подобранные друг к другу вещи служили для того, чтобы выставить правителя Летнего царства в выгодном свете. Чем ближе он приближался, тем приветливее становилось его лицо.

У него на мгновение исчезла даже морщина меж бровей.

— Туманный Мастер сказал, что я найду тебя здесь, — сказал он.

— У Вас все получилось?

Он подошел и, улыбаясь, посмотрел на нее.

— Пожалуйста, называй меня Канаель, когда мы одни. Да, у меня получилось. Сейчас мы должны отправиться в путь. Я попросил Туманного Мастера упаковать для нас немного провизии. Кешир должен выдержать нас обоих.

— Что будет с Лакосом? И с прибрежными областями?

— Я дал указания совету выслать дипломатов и закрыть ворота для посторонних.

Кроме того, я передал матери право отдавать приказы, — сказал Канаель. — Часть сувийских трупп отправились к северному побережью, воины южных, пустынных племен также направились туда. Их возглавляют два капитана, которым доверял мой отец. Как только мы выясним, как нам сдерживать магию осколков сна, встретимся с Давом и Удиной.

Навия удивилась.

— Ты передал право правления женщине? Это не рискованно?

— Возможно, но совет возлагает на нее большие надежды, так как она происходит из влиятельной и либеральной семьи и уже молодой девушкой принимала участие в принятии политических решений. Наверное, она даже больше меня знает о военных стратегиях.

Он провел рукой по волосам, его взгляд скользнул к божественной птице. Еще даже не взглянув на лицо Канаеля, Навия уже знала, что Кевек и с ним вступила в телепатическую связь.

— Она... говорит со мной, — пробормотал он.

— Разве она не делала этого во время вашего путешествия из Кевейта?

— Нет.

— И что она говорит?

— Что рада доставить нас на Мий.

Затаив дыхание, Навия смотрела на крутые, береговые склоны острова. Она не помнила, видела ли когда-нибудь что-то подобное, что произвело бы на нее такое сильное

впечатление. Остров окружали легкие клубы тумана, укутывая его в кокон и таинственный свет, прорывавшийся сквозь облака. Почти весь остров покрывал гигантский лабиринт.

Колючие изгороди, непроницаемые и полные тайн. В конце лабиринта Навия увидела замок из черного камня, угрожающе возвышающийся к небу.

Ветер дул в лицо, и девушка глубоко вдохнула соленый морской воздух. Она обеими руками обхватила Канаеля, погруженного в мрачные мысли и молчавшего на протяжении всего полета.

Она почувствовала, как он напрягся при виде острова, и положила руку ему на плечо.

— Не переживай, мы все делаем правильно. Если нам удастся остановить Гарьена, то никто из наших любимых не погиб напрасно.

Канаель ничего не сказал, но его молчание было тяжелее любых слов. Навия подумала об Исааке, ее лучезарной улыбке, об отце и многих других потомках Потерянного Народа, которые пожертвовали своими жизнями из-за Гарьена, и его жажды власти.

В ее голове распространилось теплое чувство, вскоре охватившее все тело.

Присутствие Кевек наполнило ее любовью, истоком мира, и она была частью этого.

— Я высажу вас за лабиринтом. Дальше я не могу сопровождать вас.

— Почему нет?

Ее немой вопрос остался без ответа, вместо этого Кешир начал спускаться. Навия схватилась за Канаеля, который, в свою очередь, крепко обхватил широкую шею птицы. Они летели прямо к тускло освещенной площади.

Кевек с бешеной скоростью метнулась вниз. Навия едва сдерживала крик. Казалось, Кевек хотел сполна насладиться полетом, но в животе Навии танцевали тысячи насекомых, она была рада, когда с трясущимися ногами слезла с птицы.

— Спасибо, Кевек, — сказала она, улыбнувшись птице, которая в ответ склонила свою мощную голову. Ее дух был снова наполнен светом.

— Не за что. Я подожду вас здесь.

Канаель уставился на выход из лабиринта, который находился позади них. Его лицо ничего не выражало, однако в глазах была грусть.

— Что такое? — спросила Навия.

— Там умерла Песня Небес. Я имею в виду, Зария.

Навия хотела обнять его, но увидев в его глазах ненависть к самому себе, оставила эту затею.

Канаель меньше всего нуждался в сочувствии.

— Давай доведем это дело до конца. Ради Зарии.

— Да, ради Зарии.

Он положил руку ей на плечо, и они вместе подошли к огромным воротам замка, которые стояли открытыми и напоминали разинутую пасть.

Навия первой переступила порог, Канаель следом за ней. Темнота укутала их темными объятиями. Их глаза постепенно привыкали к темноте, через какое-то время черные контуры холла стали видны отчетливее, и они смогли оглядеться вокруг. Пол был из мрамора, а первое, что бросилось Навии в глаза, были белые колонны. Сквозь маленькие, ромбовидные окна, расположенные наверху вдоль стены, проникал слабый свет. Навия огляделась вокруг.

— Насколько этот замок большой? — спросила она, посмотрев на широкую, деревянную лестничную клетку.

— К сожалению, не могу ответить на этот вопрос.

— Посмотрим на первом этаже?

Он кивнул, и они вместе поднялись по лестнице на первый этаж, при этом Навия старалась пропускать Канаеля вперед. Она увидела, что он остановился на лестничной площадке и уставился на приоткрытую двустворчатую дверь.

— Что случилось? — спросила она и подошла к нему.

Он покачал головой.

— Я не помню этих дверей.

— Наверное, просто не обращал внимания. Ты сам говорил, что был словно в трансе.

— Нет, дело не в этом. Когда я взбежал вверх по лестнице, то увидел, что от главного коридора в разные стороны расходились другие коридоры, но я не помню, чтобы видел эти двери.

— Может, ты просто не заметил их?

Навия попыталась найти простое объяснение, но Канаеля это не убедило. Он решительно подошел, толкнул рукой прикрытую дверь и переступил через порог. Она последовала за ним и замерла на месте, еще даже не войдя в огромное помещение.

— Похоже на бальный зал, — изумленно прошептала Навия и огляделась.

— Или зал для коронаций, — возразил Канаель. — Похоже выглядит зал для аудиенций при кевейтском дворе.

Стена, выходящая в сторону острова, состояла из бесчисленных, маленьких и больших окон. Свет, проникавший сквозь цветные стекла, окунал зал в узор из божественных красок.

Навия наслаждалась наполнившей ее божественной тишиной, щекотавшей нервы. Она была частью богов, потомком их магии, и это помещение было наполнено энергией.

— Ты тоже это чувствуешь? — прошептала она.

— Да, что-то здесь не так.

Канаель старался не говорить громко, его взгляд блуждал по залу, как будто искал что-то определенное. Навия сделала несколько шагов внутрь помещения, и зачарованно уставилась на потолок с лепниной, узоры которой образовывали общую картину в виде различных городских гербов из всех четырех царств.

— Смотри, там сзади!

Она увидела небольшой цоколь на другом конце помещения, и побежала к нему.

— Остановись! — крикнул Канаель.

Она остановилась и удивленно повернулась к Канаелю.

— Что такое?

— Не шевелись!

Паника в его голосе не способствовала тому, чтобы она почувствовала себя лучше, так как и в нее закрался легкий страх. Канаель с широко раскрытыми глазами подошел ближе. Ее сердце гулко билось о ребра.

— Это может быть ловушкой!

Он двумя пальцами указал на тонкую, невидимую веревку, растянутую поперек зала. Еще два шага и она бы врезалась в нее. Навия посмотрела по направлению его тонких пальцев, указывавших наверх.

— Видишь?

Посмотрев наверх, Навия обнаружила острые лезвия, спрятанные в тени извилистых орнаментов от неопытных взглядов. Как только механизм был бы спущен, лезвия молниеносно упали бы на свою жертву.

— Черт.

— Зато теперь ты нашла вот это, — прошептал затаив дыхание её двоюродный брат, и она последовала за его взглядом, когда поняла, что он уставился на точку у её ног.

— Сердце замка снов. Ты стоишь на нём.

— На чём?

Он оторвал взгляд от пола и указал на одно из больших окон, чьё стекло было красного цвета. Красный луч прокладывал себе дорогу через зал и освещал непосредственно перед ней плитки.

— И что?

— Поищи другие цвета богов, и скажи мне, какое место остаётся свободным от них.

Навия огляделась, в поисках других окон. К её удивлению, она поняла, что единственная плитка, на которой не отражалось никаких цветов, была её собственная.

— Ты прав, — сказала она изумлённо. — И что теперь?

— Во дворце Ацтеа есть две комнаты, где имеется скрытый вход в полах. Их можно открыть с помощью определённого механизма. Механизм, вмонтированный много столетий назад, и я задаюсь вопросом...

— Что?

— Отойди в сторону. Нужно вот здесь... — Носок его сапога пронёсся над полом, Канаель осторожно прикоснулся к плитке, на которой Навия только что ещё стояла. Легкое прикосновение. словно по волшебству, плитка задвинулась за другую и открыла лестницу, ведущую в своеобразный подвал. Канаель спустился первым по узкой винтовой лестнице.

Их окружала гнетущая тишина, нарушаемая только их дыханием и шагами. Навия ступенька за ступенькой осторожно спускалась, была непроглядная темень. Её руки прикасались к холодному, грубому камню, покрытому прохладной влагой. Её пальцы снова и снова запутывались в паутине, и она была рада, что Даниан в детстве так часто подшучивал над ней, потому что его проделки немного закалили её.

Навия видела контуры фигуры Канаеля и следовала за ним, пока они, в конце концов, не оказались в коридоре, который должен был находиться под первым этажом. Потолок был не особенно высоким, но теснота угнетала, так что Канаелю приходилось сгибаться. Глаза Навии лишь с трудом привыкали к тусклому свету, проникающему в коридор сверху.

— Я почти ничего не вижу, — сказала она тихо.

— Держись за меня.

Она осторожно положила руку на плечо Канаеля, позволяя ему отвести себя глубже в темноту. Зарождающаяся надежда вызвала в ней приятное покалывание, однако с каждым шагом ей становилось всё труднее дышать, как будто к её рту прижали платок. Чтобы не впасть в панику, она закрыла глаза и следовала за маленькими шажками своего двоюродного брата. Если Канаель и боялся, то по нему этого не было заметно. Она слышала, как он снова и снова ощупывает ладонью стену, а потом раздался глухой звук, как будто он ударил по дереву.

— Дверь?

— Да, — ответил Канаель, и она почувствовала, что он ищет способ открыть её.

Между тем, она уже даже не могла различить его контуры. Дверь со скрипом открылась, и матовый луч света проник в затхлый коридор. Навия заморгала и вышла из-за Канаеля.

Хотя в маленькой комнате не было окон, она была намного светлее, так что Навия различила маленьких жучков, размещённых по всей камере. Они сидели на стенах, на

бесчисленном количестве стеллажей, доходящих до потолка и между отдельных книг, лучшие дни которых были уже в прошлом. Их чешуя так ярко светилась, что Навия и Канаэль без проблем могли всё видеть.

— Что это за насекомые? — спросила она.

— Книжные светлячки.

— Они светятся?

— Да, когда голодные. Больше всего они любят кожаные переплёты.

— Тьфу, они плотоядные?

Канаэль повернулся к ней с намёком на улыбку. Она шла ему, и он сразу стал выглядеть намного моложе.

— Можно и так сказать.

Канаэль взял первую попавшуюся книгу и протёр её рукавом, стирая толстый слой пыли. Появился переплёт, на котором были выгравированы красивые, серебристо-серые орнаменты, в остальном, однако, он был пустым. В некоторых местах были видны явные повреждения, часть верхних орнаментов выглядела так, будто жуки проделали большую работу. Когда он, в конце концов, открыл книгу, и Навия из-за его плеча бросила в неё взгляд, в её горле появилось горькое чувство. Ещё прежде, чем он перелистнул страницы, она знала, что они все пустые.

— Она пустая, — сказал он, в его голосе слышалось разочарование. — Давай продолжим поиск... Посмотрим, что в других книгах. Их здесь точно несколько сотен штук. Мы можем провозиться здесь до вечера, — добавил Канаэль.

Навия ткнула его пальцем в грудь.

— Не имеет значения, сколько времени это займёт. Мы заглянем в каждую книгу.

— В Лакосе тебя бы за это посадили бы в тюрьму, — пробормотал Канаэль в замешательстве.

— Мы не в Лакосе, Ваше Величество, — ответила Навия, уже взявшая следующие книги с полки. Они тоже были пустыми. Пустая страница присоединялась к пустой, и с каждой книгой, которую она брала с полки, её надежда найти ту, что надо, становилась всё меньше.

Канаэлю, кажется, тоже не сопутствовала удача, потому что он так рассерженно захлопнул одну из книг, что пыль, скопившаяся на переплёте, разлетелась в разные стороны, а книжные светлячки возбуждённо зашуршали крыльями. Недолго думая, Навия пересекла комнату и забрала у Канаэля книгу.

— В этом нет смысла, ты ведь это тоже чувствуешь. Мы в нужном месте. Только страницы пустые.

Нужно... — Её взгляд упал на бороду Канаэля, его отличительные черты лица и мягкий рот, а потом задержался на вертикальной складке между бровей, и всё, что она хотела только что сказать, улетучилось.

— Ты выглядишь, как мой отец. — Её голос звучал надломлено, как будто ей было трудно говорить. — Тогда, во сне, я этого не заметила, но с тех пор, как ты отрастил бороду, сходство невозможно отрицать. У тебя точно такие же глаза, губы... Даже уши! — Из рта у неё вырвался беспомощный смех.

Какое-то время они молчали, и Навия была этому рада. Канаэль прокашлялся и смущённо потёр шею.

— Я восхищаюсь тем, что ты смогла добраться сюда. Одна. Без помощи. Ты покинула свою родину и достигла Лакоса.

— Потому что там больше ничего не было, что могло бы удержать меня, — ответила она, задаваясь вопросом, был ли у неё с Данианом хотя бы шанс стать парой. — А ты, что с тобой? Тебя всю жизнь готовили к роли правителя Летнего царства, и тебя приходилось обманывать о твоём настоящем происхождении. Мне кажется, что это тоже было не особенно легко.

Канаель тихо вздохнул, избегая её взгляда.

— Я узнал об этом только несколько недель назад. Туманный Мастер и моя мать хранили этот секрет, и я обнаружил всё случайно. Ничто не мешало мне готовиться к роли правителя. Я никогда не сомневался в том, в каком направлении будет протекать моя жизнь. Всё, чему я научился, стало частью моей личности, и пока требуется, я буду выполнять свой долг.

— Поэтому тебя всегда так сложно раскусить.

Её слова вызвали в нём лёгкую улыбку, но она тут же снова исчезла.

— У меня были не особо близкие отношения с отцом. С... Дерионом. Он всегда держал дистанцию и был строгим. Я не часто с ним общался. А с тех пор, как узнал правду, кажется, будто я совсем изгнал его из своего сердца.

— Ты не думаешь, что это своего рода самозащита? Пока ты ещё ребёнок, то часто не понимаешь, почему взрослые ведут себя так. Нагружают этими правилами, воспитывают со строгостью и твёрдостью. Они делают это, чтобы защитить нас. Чтобы однажды мы могли справиться и без них, — сказала она и улыбнулась. — И ты справишься, Канаель. Ты готов править целым народом.

— Я не знаю, буду ли править им я, — ответил он тихо. — Эта другая сторона. Причина, почему мы здесь. Кто знает, вернёмся ли мы когда-нибудь назад? Что, если мы выясним, что доехали до конца света для того, чтобы пожертвовать собой?

Его слова тронули душу Навии. Она прислушалась к себе. К своему спокойному, постоянному сердцебиению и поняла, что готова ко всему, что её ожидает.

— Это так важно?

— Конечно, это важно! Тогда всё, чему я научился, было бы напрасно. Сувий без правителя...

— Есть ещё и твоя мать. Она сильная женщина, и твоя младшая сестра превратится когда-то в сильную женщину.

— Инаель, — пробормотал Канаель. — Ради Сува, она ещё ребёнок...

Навия положила ему на плечо руку, пытаясь передать силу, которая в этот момент так была ему нужна.

— Мы сделаем всё правильно, — сказала она уверенно. — Твой отец, мой дядя, передал тебе способности, которые позволят помочь твоему народу, как никогда бы не смог сделать человеческий правитель.

— Возможно, ты права, — сказал Канаель. — В принципе, я ничего не знаю о моём биологическом отце. Совсем ничего! Кроме того, что его наследие принесло мне значительные проблемы.

Навия энергично покачала головой.

— Ты не должен смотреть на это так! Наше происхождение — это то, чем мы являемся. Существует не только то, чему тебя научили и что привили. У тебя есть дар, он составляет большую часть твоей сущности, чем всё, чему могли бы научить тебя учителя!

— Так я на это ещё никогда не смотрел.

— Я многое вычитала из дневника отца, когда он умер.

У Навии всплыли мрачные воспоминания, вместе с оупляющим чувством потери, потому что она оставила его в хижине в лесу в Вете, вместе с Нолой и всеми своими пожитками.

— Анес считал, что мы не должны прятаться, и свободно пользовался своей магией. Но мой отец был другого мнения. Наверное, это их и разлучило.

Она вспомнила тоску по семье, читавшуюся в строчках отца, и огорченно покачала головой.

— Мы молились тайком, постоянно прятали рисунки наших крыльев.

Навия горько рассмеялась.

— Даже будучи ребенком, когда мы ездили к горячим источникам Серав, я могла купаться только в льняной одежде...

— Трудная жизнь.

— Я скучаю по отцу.

Сказав это, она почувствовала себя свободнее.

— Мне ужасно не хватает его. Его смеха, того, как он утешал меня, когда мне было плохо. Как он каждый день подбадривал меня. И он гордился мной. Всем, что я делала, даже если это был пустяк.

— Звучит хорошо, — сказал хрипло Канаель. — Я уверен, что они все с нами. Сейчас, в этот самый момент. Иди сюда.

Он протянул руки и прижал Навию к себе. Она закрыла глаза и зарылась носом в мягкую ткань его накидки. Она почувствовала себя, как дома. И даже если она не очень хорошо знала Канаеля, он всё, что у неё ещё осталось от семьи.

— Я уверен, что они все с нами, — повторил он, и его тёплый голос завибрировал у неё в груди. — Твой отец. Мой отец. Песня Небес.

— Исаака, — прошептала беззвучно Навия, почувствовав, как за закрытыми веками жгут глаза слёзы. Осторожно она отстранилась и с благодарностью ему улыбнулась. Потом её взгляд упал на просто оформленную книгу в её руке, которую она забрала у Канаеля. Ничем не примечательная, напомнившая ей дневник отца. Она вызвала в ней странное чувство, ощущение, что рисунок крыльев на спине пробудился. Возможно, что...?

Когда она открыла первую страницу и на неё смотрела знакомая пустота, в ней что-то оборвалось. Напряжение, которое она чувствовала все последние недели, каждое даже незначительное чувство, которое она прогнала в самый дальний уголок её сердца и думала, что оно навсегда там скрыто. Печаль обрушилась на неё, как волна, и хотя Навия хотела сдержать слёзы, она почувствовала солёный привкус на губах. Хрипкое рыдание вырвалось из её горла, и она уронила книгу. Её ноги подкосились, и она опустилась на пол.

Впервые она осознала, что возможно всё, через что она прошла за последние недели, было напрасным. Перед её мысленным взором появилось лицо отца, тёплые глаза, улыбка, которая всегда лежала на его губах, доброта во взгляде...

Мне так хочется отомстить за тебя. Но, похоже, я потерпела неудачу.

Её мысли перешли к Исааке.

Мне хочется, чтобы твоя смерть не была напрасной.

— С тобой всё в порядке? — спросил Канаель

— Я... — рыдала она, — я... не хочу терять надежду. — Канаель присел перед ней на корточки и теперь гладил большим пальцем её тыльную сторону ладони.

— Не беспокойся. Мы найдём книгу. Я уверен, что мы на верном пути, в замке много ком...

Он замолчал, и Навия с удивлением на него посмотрела. Канаель широко распахнул глаза и смотрел на пол, как будто перед ним был призрак.

— Что такое? — спросила она растерянно.

— Навия, посмотри.

Она проследила за его взглядом и посмотрела на пол. Черные чернила смеялись ей навстречу. Это был витиеватый почерк, буквы сливались, как будто исполняли немой танец, и только постепенно Навии стало ясно, что там написано. Это были ее мысли. Это был ее почерк.

Мне так хочется отомстить за тебя. Но, похоже, я потерпела неудачу.

— Что это значит? — прошептал Канаель, его голос дошёл до неё, словно через туман. Немного ниже были видны контуры слезы, которая упала на открытую страницу и разбилась на маленькие частички. Как и надежда Навии, которая теперь, когда она прочитала предложение под слезой, снова медленно собиралась воедино.

Мне хочется, чтобы твоя смерть не была напрасной.

— Это... мои мысли. Но как...?

Она посмотрела на Канаеля и увидела, как просияло его лицо.

— Об этом говорила Ткачиха Снов! — воскликнул он. — Жена Поглотителя снов, который написал хроники Потерянного народа, сама сочинила книгу. Книгу, которую могут прочитать только те, кто чист сердцем!

Навия моргнула и посмотрела на страницы. Бумага между её пальцев была на ощупь бархатистой, и она осторожно перевернула и открыла следующую страницу. Её сердце подпрыгнуло от радости. Потому что они нашли то, что искали. Ответы на все их вопросы.

Мий

Канаель бежал по коридору. Они прилетели на остров Мий, чтобы получить ответы, и теперь они их получили. Но этот ответ совсем его не удовлетворил. Он всё поставит с ног на голову, навсегда изменит его судьбу и судьбу Летнего народа.

Я ключ.

Тот, из-за которого всё началось, и тот, благодаря которому всё закончится.

Молчаливое проклятье сорвалось с его губ, и он ускорил шаг, так что его ноги заболели от напряжения. Всё же он заставил бежать себя дальше. Ему нельзя терять время. Гарьен ведь тоже не будет его терять. Время — это слишком драгоценное имущество, учитывая то, что ожидает его народ. Канаель бежал дальше, по направлению к выходу из замка.

Ещё прежде, чем он увидел Кевека, он услышал в голове её нежный голос. Он был везде и вибрировал в его груди, как будто он говорил сам.

— Где Навия?

— Она вернётся в Лакос, чтобы передать моей матери сообщение, — безмолвно ответил он и, наконец, выбежал на улицу. Ещё прежде, чем она отправились на Мий, она специально для этого собрала несколько снов. На тот случай, если им придётся разделиться. Чтобы она могла странствовать. Но Канаель не беспокоился о Навии, она была сильнее, чем он думал, и он знал, что у неё всё получится. Что бы ни случилось.

Его взгляд устремился на божественную птицу. Золотистые крылья широко расправлены, готова в любой момент взлететь. Кевек стояла, выпрямившись, в заросшем садике, её переливающееся оперение явно выделялось в унылом окружении. Она смотрела в его сторону, направив жёлтые глаза, полные древней мудрости, на него. Глаза, заглянувшие в лицо бесконечности, смотрели в самую глубину его души, и Канаель почувствовал себя голым. Всё же, он не осмелился уклониться от взгляда божественной птицы.

— Ты кажешься измождённым. Что случилось?

— Я узнал свою истинную судьбу.

— От судьбы невозможно убежать, мы только можем решить, как её принять. Какое решение принял ты?

Канаель подбирал нужные слова, отчаянно искал объяснение, но всё, что он мог сказать, исчезало, ещё прежде, чем он подумал. Осторожно он прикоснулся к перьям на шее Кевека, которые на ощупь были ещё мягче, чем он помнил.

— Спасибо за твою помощь.

— Это самое малое, что я могла сделать.

В этот момент Канаель осознал, что не попрощался с Навией, что они больше никогда не увидятся. И не только с Навией. Но так же с его матерью и сестрой, Туманным Мастером, Геро... Их всех он больше никогда не увидит. Не в этой жизни.

Канаель поспешно запрыгнул на спину Кевек и вцепился в ее перья, в то время как она, два раза взмахнув огромными крыльями, оторвалась от земли. Его обдувал прохладный воздух, а темный замок под ногами становился все меньше и меньше, пока не превратился в миниатюру.

— Куда мы летим? — спросила Кевек.

— В Вету. Нам нужно найти там одного друга. Удина у него. Он знает о нашем прибытии.

— Почему мысли о Ткачихе Снов обременяют тебя? Не понимаю твоей печали.

— Я должен её убить.

— Почему?

То, как Кевек задала этот вопрос, напомнило Канаелю о том, что божественная птица, не смотря на свою мудрость, была не в состоянии понять всю чудовищность этого поступка.

— Так как я разбудил ее, то могу теперь занять ее место. Но для этого она должна умереть. Поглотив ее божественный сон без остатка, я обрету ее власть. Я наполнюсь божественной магией. Затем мне понадобится Заклинательница душ, которая усыпит меня своей песней.

Он чувствовал в своей голове присутствие Кевек, чувствовал, как она раздумывает. Тем не менее, птица промолчала, и они продолжили полет. Вскоре над ними начали сгущаться тучи. Ветер хлестал, словно хотел помешать им лететь дальше. Канаель как можно теснее прижался к теплой шее Кевек.

Там были самые густые перья и такие мягкие, что напомнили ему пуховое одеяло на его постели. Ветер как будто втыкал ледяные шипы в оголенные участки его тела, да и лицо тоже казалось онемевшим. Голос Кевек наполнил Канаеля.

— Ты знаешь, почему должен сделать это. Чтобы спасти мир от несчастий.

— Да. Это единственный способ лишить осколки сна их силы, — ответил он. — Только так можно победить армию Гариена. Я бы хотел, чтобы был какой-нибудь другой путь.

— Я чувствую, твоё недовольство.

— Я испытываю страх при мысли, что должен кого-то убить.

— Посмотри вниз.

Под ними простиралось побережье Кевейта, в том числе и ярко-зеленые холмы в тылу местности. Плохая погода осталась позади, солнце уже садилось за горизонт, окунув небо в яркие краски теплых красноватых оттенков. Но внимание Канаеля привлекло нечто другое. Корабли из черного дерева, которое можно было найти только в глухих лесах Сыски, рядами стояли на воде, плавно покачиваясь с боку на бок.

Сотни из них стояли возле берега, так много, что их невозможно было пересчитать. Темный рой, перекрывавший все побережье, что даже не было видно моря. Рой, несущий опасность и смерть под флагом династии Ар`Лен.

Всё началось.

Божественная птица пролетела кругом, и у Канаеля захватило дыхание, когда он смог лучше разглядеть центральную часть страны. Дым. Несколько чёрных столпов поднимались в небо, везде, где он замечал деревни и города. Горящие дома и разрушенные здания. Поле боя, находящееся у их ног.

Ветер принес запах пепла, и Канаель закрыл рукавом рот и нос. Когда Дария взяла его и Песню Небес в плен и поместила в тюремную камеру, перед ним предстала похожая картина. Но то, что он увидел сейчас, не входило ни в какое сравнение с сожженными рыбаговецкими домиками на побережье Гаеля.

— Нет, — пробормотал он.

— Чтобы спасти всех этих людей, Канаель, ты должен занять место Ткачихи снов.

Кевек была права. От этого зависела судьба мира.

— Дети Навии и дети ее детей будут единственными, кто сможет разбудить меня, не так ли?

— Да.

Несмотря на ветер, он слышал крики битвы, рев детей, мольбы о помощи, полные отчаяния и страха. Под ним, как муравьи, ползали маленькие тени, у каждой свое горе и своя судьба. Как бы ни хотел Канаель полететь вниз, чтобы помочь людям, найти выживших, помочь их горю, он должен выполнить другое задание.

— Думаешь, они уже добрались до Веты?

— Нет, У Рины хорошая армия, а ее сестра заняла ее место на троне.

Некоторое время они молча летели дальше, Канаель рассматривал горящие внизу деревни и города. С каждым столпом дыма, который они облетали, его ярость только росла. Его страна, его народ будут точно также страдать от войны, если ему вовремя не удастся перечеркнуть планы Гарьена. Вооруженные силы Сувия, возможно, были сильнее кевейтских, но против армии, использующей в бою магию, у его солдат нет шанса.

— Мы скоро прилетим. Где нам приземлиться?

— Возле дворца. Дав И Леав родственник правящей семьи.

Сквозь отдельные столпы дыма, Канаель увидел Вету, цветущую столицу Весеннего Царства. Позади, на фоне розового неба, простирались горы Мерка. Как и предупреждала Кевек, здесь не было никаких признаков нападения сыскийской армии. Наоборот, расположенный перед ними город казался мирным. Он заметил людей на больших садовых плантациях, но не увидел ничего, что бы указывало на предстоящую атаку.

— Где кевейтские группы? Я не заметил их во время полета.

— Возможно, прячутся в горных пещерах Хераса. Пещеры связывают побережье с расположенным ниже тылом. Держись крепче, мы садимся.

Канаель почувствовал щекотание, когда божественная птица постепенно покинула его мысли. Немного погодя, Кевек начала спускаться. С захватывающей дух скоростью, и плотно прижав крылья к телу, она бросилась вниз. Канаель с трудом держался на месте. В его горле застыл немой крик, когда она грациозно расправив крылья, выровнялась, прекратив быстрое падение.

Канаель как можно крепче обхватил ее мощную шею и всем телом прижался к ней. Светлые дома с открытыми крышами и широкими арками ворот становились все больше, а белые дворцовые башни постепенно представляли перед ним во всем своем величии. Несмотря на быструю посадку, Канаель успел заметить, что дверь импозантной городской виллы Дава была открыта.

Огромные белые и золотистые кусты рододендрона украшали аккуратно разбитые сады. Кевек неистово била крыльями, пытаясь удержать равновесие, когда ее когти вонзились в мягкую почву палисадника. Когда птица окончательно остановилась, Канаель соскользнул со спины и попытался успокоить трясущиеся коленки.

— Подожди здесь, — сказал он. У Канаеля было неприятное ощущение в области желудка, какое бывает, когда съешь что-то не то. Он пошел к открытым двойным дверям. Вход украшали рельефы, показывающие сцены битв, а лестничный пролет поддерживался белыми, мраморными колоннами. Внутри стояла таинственная тишина, со стеклянного потолка падал свет в вестибюль, от которого в разные стороны расходились двери, а на верхние этажи вела лестница. Обычно всегда присутствовала прислуга. Слышался тихий шелест одеяний, семенящие шаги по каменному паркету. Но сейчас ничего этого не было

слышно.

— Здесь есть кто-нибудь?

Никакого ответа.

Канаель повернул вправо, где располагалась столовая семьи И'Леав, и замер на месте. Голые, изогнутые тела. Порванные, золотистые платья. И кровь. Повсюду. Много крови.

Еще не успев понять, что все это значит, Канаель развернулся и побежал вверх по лестнице, где находились покои Дава. На бегу он вытащил длинный кинжал, единственное оружие, которое взял с собой.

В его голове крутилась одна единственная мысль. Гехалла нашла их. Канаелю нужно было убедиться, что Удина и Дав еще живы. Если Удина умерла, то все потеряно. Сердце билось в его груди, как военный барабан, когда он, наконец, взбежал на верхний этаж и побежал по длинному коридору, вдоль которого стояли бюсты членов семьи, пока не добрался до двери, изготовленной из магелланового дерева.

Онемевшей рукой Канаель взялся за серебряную ручку, а другой держал наготове оружие, чтобы в случае необходимости нанести удар. Затаив дыхание, он открыл дверь, решил заглянуть внутрь, после чего с облегчением выдохнул. В комнате не было ни Дава, ни Удины, но тогда где они?

Не теряя бдительности, Канаель переступил через порог. Его взгляд скользнул сначала к скомканным простыням, затем к шкафу с золотыми ручками, который он когда-то подарил Даву на день рождения, и который теперь лежал перевернутый на полу, и остановился на зеркале, чьи осколки были разбросаны по дороговому ковру. Среди них лежал скрученный лист пергамента. Сделав два больших шага, Канаель пересек комнату, поднял и развернул его. На листе стояло всего одно слово. Реен.

Сердце Канаеля готово было выпрыгнуть из груди. Она знала эту маленькую деревушку на севере Кевейта. Дав много рассказывал о ней. О холмах, на которых всегда росли яркие цветы. Об озере с кристально чистой водой, которая была такой холодной, что подростки постоянно устраивали в ней испытания на мужественность. Должно быть, его друг и Удина смогли убежать туда.

Побережье, Летнее царство

Ашкин молча смотрел на то, как горел мир. Корабли беспокойно раскачивались в бурлящем море, мужчины подбадривали друг друга и выполняли приказы, в то время как одна катапульта за другой превратили сувийское побережье в огненное море. Сувийские порты, прежде всего на северо-востоке страны стали первым. Не осталось ни одной рыбацкой лодки, которая бы ещё не утонула, ни одного дома в гавани, который бы ещё не горел. Языки пламени жадно тянулись в небо.

— Доволен, А'Шель? — спросил Нело А' Дарин, и подошёл к нему. С одного, лежащего в стороне, корабля у них был лучший обзор на спектакль, оставивший в горле Ашкина горький привкус.

— Да, — прорычал он.

— Но вы так не выглядите.

— Я сочувствую невинным людям, которые ничего не могут противопоставить этой войне. Женщинам.

Детям.

— Вы сочувствуете людям? Это что, плохая шутка?

Ашкин повернулся к полководцу. Он тут же поднял руки вверх.

— Простите меня, это было не оскорбление. И если позволите заметить — как мне кажется, вы ошиблись. Я не вижу сопротивления, никаких сувийских труп, вставших на нашем пути.

Ашкин смотрел на это по-другому.

— Может быть, они отступили и ждут, когда мы выйдем на берег. В тот момент, когда мы пересядем с кораблей в маленькие лодки, или перестанем задействовать катапульты, мы будем больше всего уязвимы.

— Как скажете.

С одной стороны Ашкину не понравилось, что в нём сомневаются, с другой, полководец был одним из не многих людей, которые осмеливались это сделать. И Ашкин высоко это ценил, даже если никогда этого не признает.

— За прибрежными районами есть только одна главная дорога, ведущая в сторону Лакоса. Как игольное ушко. И, так как они превышают нас численностью, она нападут на нас там. Они принесли в жертву побережье, чтобы защитить Лакос.

— Мы превосходим их не только в том, что касается численности войск, но и благодаря осколкам снов. — Его взгляд перешёл на кулон, который Ашкин демонстративно обвязал вокруг шеи. Ашкин обнаружил, что мужчины в его непосредственной близости становились ещё более осторожными, когда на нём был одет кулон. Но никто не знал, что серебряная коробочка, в которой обычно находился маленький камешек, была пустой. — У нас около сотни мужчин и женщин с осколками снов, и последние недели перед отъездом окупались.

— Я наблюдал за тренировкой.

— Удивительно, что может сделать магия богов, не правда ли? Стрелы, падающие просто на землю, люди, которое больше не могут двигаться, удары мечей, не доведённые до

конца... И, конечно, возможность странствовать!

Корабль содрогнулся, когда из катапульты, стоящей и укрепленной на носу корабля, вылетел огненный шар. С оглушительным грохотом он упал на один из красочных домов возле берега. Ашкин увидел, как люди бросились бежать. Должно быть, они последние. Они несли свёртки подмышками, молодая женщина держала на руках ребёнка. Ашкин прислушался к разбивающимся волнам и рёву пламени. Он видел ад, который они вызвали, и почти ничего при этом не чувствовал. Он запретил себе делать это.

— Это ваше первое сражение на воде, не так ли? — спросил Нело.

— Если не ошибаюсь, то это и ваш первый бой на кораблях. Мы до сих пор ещё никогда не покидали нашу страну для видения войны. Кто координирует нападение?

Он знал, кто, но хотел выяснить, скажет ли Нело ему правду.

— Дариус А'Гена, под руководством Гарьена. Они вон там впереди, на флагманском корабле, — сказал Нело, указывая налево.

— Ашкин! — Позади них появилась Лорина, и Ашкин переиграл своё удивление, чтобы Нело не заметил, что у него нет с собой осколка.

— Что случилось?

— Гарьен хочет поговорить с тобой. Это срочно.

Ашкин про себя выругался. Он не мог странствовать, когда осколок не с ним, а он спрятал его в своих пожитках. Чтобы выиграть время, он скрестил руки на груди и приподнял бровь.

— И что за срочное дело?

— Отвлекающий манёвр.

— Какой?

— Некоторые из нас должны напасть на Лакос. А, между тем, ассасин прикончит Канаеля Де'Ар.

В Ашкине проснулась горечь, потому что он догадался, кто будет этим ассасином. Хотя их пути и не пересекались много лет, он всё же знал, что его брат сделает всё, чтобы оставить следы в мировой истории. Убить одного правителя для Саро, конечно, недостаточно.

— Чего ты ждёшь? — нетерпеливо поинтересовалась Лорина, а Ашкин спрашивал себя, разве она не замечает, что осколок не одет на нём? Её глаза вспыхнули, как будто она прочитала его мысли. — Мне проводить тебя кое-куда? Тебя ещё что-то нужно?

Тварь.

Ашкин холодно кивнул Нело, игнорируя Лорину, которая точно знала, что происходит внутри него, и прошёл на корму корабля через деревянную палубу. Некоторые мужчины уступали ему дорогу, все были сосредоточены, глаза стеклянные, а лица полны стремления сражаться. Ашкин спустился по одной из четырёх лестниц на нижние этажи корабля и услышал, как Лорина последовала за ним. При этом он чувствовал за спиной её ухмылку.

— Значит, он не всегда с тобой.

— Тебя это не касается.

— Ты становишься невнимательным, Ашкин?

— Я же сказал, это тебя не касается.

Он был один из немногих на борту, кто имел собственную кабину, таким образом, у него было достаточно места, чтобы уединиться. Корабль раскачивался туда-сюда, в то время как он пытался держать равновесие на деревянном полу. Серdito захлопнул дверь перед

носом Лорины. Как только он зашёл в маленькую каюту, которая была оборудована прикреплённым к полу столом и приделанной к стене спальной полкой, то прошёл к орехового цвета шкафчику, который был частью интерьера.

— Тебе ведь ясно, что закрытая дверь не задержит меня? — сказала Лорина рядом. К этой женщине он никогда не привыкнет. — Не оставляй так открыто лежать свой осколок. Есть Странница, которая может чувствовать осколок, если он не заперт в коробочке. А она не нашей стороне.

— Почему вы оставили её в живых?

— Это тебя не касается, — с негодованием ответила Лорина и состроила брезгливую гримасу. Теперь она кокетничала намного меньше, чем в самом начале их знакомства. Возможно, ей просто надоело притворство. Ашкин нашёл, что искал, открыл сосуд и положил в него фальшивый осколок, и сразу после этого взял настоящий. Настоящий был намного меньше и сломан в нескольких углах, солнечный свет, который падал через круглое окно выше шкафчика, преломлялся, переливаясь радугой в похожем на кристалл осколке.

На самом деле он был сильно похож на радужный драгоценный камень, украшение, которое женщины семьи Ар'Лен часто одевали на шею. Когда он закрыл серебряную коробочку и повернулся к Лорине, она улыбнулась.

— Ну и как, готов повеселиться?

— Интересный взгляд на войну, — сказал он и одел на шею кожаный ремешок.

— Ты сильно ожесточён. Кажется, тебе это не нравится.

Лорина жаждала отомстить за небольшой инцидент в Кроне. Но пока он нужен Гарьену, она не осмелится навредить ему. В тот же момент коробочка прикоснулась к его коже, и Ашкин заморгал, когда его органы чувств начали работать на полную.

Хотя они находились на приличном расстоянии от побережья, в воздухе витал отвратительный запах горелой плоти, смешиваясь с криками смертельной агонии тех, кто не успел вовремя выбежать из дома. Ему почти казалось, что он сам находится там. Он чувствовал треск огня. Видел, как жертвы делают свой последний вдох. Казалось, что он находится между всеми этими людьми, кто сейчас умирал там. Вкус смерти и разложения лёг на язык, и он поморщился.

— Это сложно выносить, я знаю, — сказала Лорина.

Он не ответил. Это только начало. Они добрались только до побережья, не встретив сопротивления. Воспоминания из прошлого, образы и моменты, которые он тщательно спрятал в глубинах своего сердца, всплыли в его сознании. Он уже пережил большую войну в качестве молодого командующего армией, когда Мерла сражалась за трон Сыски; но это совсем другое. Речь шла не о господстве одной семьи над страной, а о господстве сумасшедшего над всем миром.

Крики людей на палубе, их громкие шаги, любой, даже небольшой шум вливался в слух Ашкина. Многие из них были молоды, вся жизнь лежала перед ними. Но они умрут. Для чего?

— Пойдём. Гарьен уже ждёт, — сказал он Лорине, втянул в себя часть магии снов и взял её за руку. Она кивнула, и он почувствовал, как изменился воздух вокруг них, как будто сосредоточился на одной точке. Его обдало жаром, крики смертельной агонии померкли, так же, как и запахи. В одиночку он не смог бы перенестись на то место, где ещё никогда не был. Но когда они странствовали одновременно, и у него был с ней физический контакт, тогда он мог следовать за ней. Не имело значения, куда.

Весеннее царство

— Должно быть, это вон там, впереди! — воскликнул Канаель, когда они завернули за огромную горную цепь, и он увидел маленькую деревню на самом нижнем склоне. Несколько простых, выстроенных из дерева и глины хижин, посередине которых проходила небольшая дорога. Поблизости слышалось мягкое журчание ручья. К его облегчению, здесь не было видно ни горящих домов, ни столпов дыма, поднимающихся в ночное небо.

Даже дымоходы молчали, и он увидел подтверждение догадки Кевек, что головорезы армии Гарьена ещё не проникли настолько далеко в тыл страны.

Высокие вершины гор бросали длинные тени на долину, погрузив её в полную темноту. Одиночные, тёмные утёсы возвышались в небо, как наконечники копий, и Канаель догадывался, что искусно отточенные склоны гор, так же, как частично выровненные вершины, при свете дня должны представлять собой потрясающее зрелище. Теперь солнце давно зашло, и только мягкий свет луны проникал в этот отдалённый уголок Кевейта.

Короткое покалывание в голове, чувства полностью стали частью чего-то целого, потом он услышал голос божественной птицы, мелодичный и тёплый.

— Да, ты прав. Мы прибыли.

Им навстречу подул холодный порыв ветра, и в этот раз Кевек воздержалась от стремительного полёта вниз, а мягко заскользила в долину, расправив совершенные крылья во всём своём великолепии. Почти казалось, что она парит, используя поднимающиеся вверх потоки воздуха, и Канаеля охватило чувство, что они не приближаются к земле.

— Что такое, почему мы не приземляемся?

— Ты этого не чувствуешь? — спросила Кевек, и Канаелем овладело мрачное предчувствие. Хотя он не хотел себе в этом признаваться, это предчувствие появилось у него уже намного раньше, а говоря точнее, с тех пор, как они покинули Вету.

Кевек слегка повернула, и Канаель увидел догоревший костёр на месте, защищённом деревьями. Раскалённые угли, которые были видны между зарослей, указывали на то, что здесь не так давно кто-то делал привал. Что-то в этой картине заставило его насторожиться, а потом он увидел два тёмных предмета одежды, из-за которых по спине прошла дрожь. Инстинктивно он крепче ухватился за оперение Кевек. Гехалла! Он мог только надеяться, что они ещё не обнаружили Дава и Удину.

— Что ты чувствуешь? — спросил он божественную птицу.

— В воздухе лежит угроза, я чувую это, здесь есть что-то, чего не должно быть...

Канаель прислушался к себе, пытаясь сосредоточиться на своём внутреннем равновесии. Если понадобится, то он сможет использовать часть своей магии снов, даже если тренировался всего несколько раз. Одна только мысль о том, что Дав и Удина могли попасть в руки Гехаллы, затопила его тело адреналином.

Начавшаяся ночь была на их стороне, Канель знал, что у них есть только крошечное преимущество: неожиданность.

— Что ждёт нас там внизу?

— Я не знаю, но думаю ничего хорошего.

— У нас почти нет никаких возможностей, если там внизу находятся люди враждебной стороны. Если только...

У него появилась идея.

— Кевек, не могла бы ты приземлиться за деревней, но достаточно близко, чтобы можно было почувствовать сны спящих?

— Конечно.

Божественная птица беззвучно спускалась вниз, скользя в ночи, так что, в конце концов, они почти коснулись густых крон деревьев. Кевек повернула, всё больше приближаясь к земле. Не успели они приземлиться, Канаель спрыгнул с её спины и сосредоточился на деревне, которая находилась на расстоянии нескольких минут ходьбы. Он закрыл глаза и открыл свой дух, как уже множество раз ранее.

Мрачные сны, которые появились с тех пор, как проснулась Ткачиха снов, лежали тяжестью в воздухе. Красноватые клубы тумана, мерцающие чёрным, крупницы из магии снов, которые проложили себе дорогу в мире. Некоторые из них доходили до небольшого укрытия, защищённого деревьями, и Канаель мысленно последовал за ними. Они дрожали от тяжести божественной магии, чёрные клубы тумана обвивались вокруг беспокойных снов, и Канаель осознал, что могущество богов не предназначено для людей.

Он следовал за снами, пригнувшись, пока, наконец, не оказался перед несколькими неприметными домами. Небольшой, простой посёлок у подножия гор. След снов повёл его дальше, к стоящему отдельно, высокому зданию в конце деревни, тяжесть снов, которые находились внутри, была гнетущей. Весь туман, казалось, находится за этой дверью. Кошмары выходили только из этого дома. Там внутри спали не обычные люди, и Канаель искренне надеялся, что одна из них была Удиной. Она должна быть среди них.

В конце концов, он остановился. Что-то было иначе, чем обычно. Даже если он не мог сказать — что, ощущение было, как лёгкое покалывание, проникшее до самых пальцев его ног. Он насчитал шесть снов. Каждый из них непонятный, сбивающий с толку и отличающийся от тех, которые он до сих пор встречал.

Канаель тихо вошел в хижину, полностью сконцентрировался на снах вокруг него, так что контуры здания расплылись перед глазами. Это было большое помещение, от которого отходили еще две двери. Пятеро мужчин и одна женщина уютно расположились за большим столом, на импровизированной постели и лавке. Перед ними лежали кожаные ремешки, к каждому из которых была прикреплена маленькая серебряная коробочка. Они все были серыми.

Широкая одежда, под которой можно было легко скрыть оружие, так же, как и их лица и волосы. Было такое ощущение, что кто-то ввел их в транс, и они заснули прямо посреди разговора — их глаза хоть и были закрыты, но то, что они сидели с неестественно прямой осанкой, вызвало у Канаеля желание как можно скорее покинуть хижину.

Темно-красные сны бесшумно колыхались в воздухе, танцевали по комнате, пытаясь привлечь его внимание. Канаель нетерпеливо отогнал клубы тумана в сторону, нерешительно обошел вокруг людей и замер, разглядев их одежду и лица. Его сердце колотилось о ребра, потому что он оказался прав. Их одежда — расклешенные штаны, широкие пояса — указывала на Гехаллу.

Он пошел дальше, обходя стол, и заглянул в знакомое лицо. Веки были закрыты, но Канаель узнал темные брови и поджатые губы. Мариен, человек, против которого он когда-то боролся в Муне. Ему казалось, что с той ночи прошли десятилетия, хотя на самом деле

прошло всего несколько недель. Для Канаеля это было последнее подтверждение, в котором он нуждался. Гехалла преследовала Дава. Вопрос заключался лишь в том, почему. В общем-то, он уже мог сам дать на него ответ — должно быть, они узнали об Удине.

Его духовный взгляд скользнул мимо обеденного стола и остановился на паре обуви из кожи, лежащей на полу, в то время как сны выполняли танец, ища его благосклонности.

Канаель замер. Нет, это не возможно. Ему были знакомы эти сапоги, изношенные подошвы, зарубки, которые оставили в коже кусты и камни. Это сапоги Дава.

Не осознавая, Канаель сделал два шага вперёд, и его взгляд упал на тело, которое в сидячем положении было прислонено к скамье. Оно показалось ему ужасно знакомым.

Но этот вид очень его встревожил, хотя в первый момент показалось ему таким банальным, что он даже не заметил. Дав выглядел так, будто спит, но от него не исходило никакого сна. Серая оболочка без тумана.

Гехалла убила Дава.

На глаза навернулись слёзы, когда он понял, что случилось с его другом, и он в ужасе отвёл взгляд. Он напряг свои ментальные силы, чтобы удержать дух на том месте, где находился. Как такое может быть? Это невозможно... Они...

Перед духовным взглядом Канаеля расплылись контуры, и он почувствовал цвета снов, увидел, как они продолжают танцевать вокруг него. Он в сильном гневе проник в первый сон, последовал за его следом до рта мужчины, из которого тот поднимался. Потом он потерял контроль над своими силами. Всё произошло так быстро, что у Канаеля не осталось времени, чтобы понять, что случилось.

Мгновение спустя он стоял на холме, посреди цветочного луга, ярких цветов неба и тёплых солнечных лучей на коже — всё казалось чужим, ничего знакомого, и он посмотрел на женщину, которая держала на руках спящего младенца.

Видимо, это была кевейтянка, длинные, зелёные волосы развивались вокруг пышной фигуры и спускались волнами на спину. Канаель увидел молодого мужчину, спешащего к ней с улыбкой на губах, и он понял, что речь здесь идёт о том, кто видит сон.

Но когда мужчина приблизился, лицо младенца превратилось в уродливую гримасу.

Он начал кричать, нос стал длиннее, черты лица более зрелыми. Также изменились глаза, они приняли красный отблеск и смотрели на него безучастно. Женщина пронзительно засмеялась и подбросила ребёнка в воздух. Вытянув руки, молодой мужчина бросился бежать, Канаель отреагировал почти одновременно. Если изменяешь сон, то забираешь его силу, вдавливал в него Геро.

Именно это он теперь и сделал. Он изменил сон, представив себе, что младенец падает на землю. Чёрная ненависть разъела каждый уголок его сердца. Это в любом случае был всего лишь сон. Какая тогда разница? Ты не поймаешь его. Не поймаешь! Он увидел, как мужчина испуганно остановился и посмотрел в его сторону, даже если не мог его увидеть, потому что у Канаеля не было тела. Только дух. Он незваный гость. Всё же мужчина, казалось, почувствовал его присутствие.

Я здесь.

Я твой самый ужасный кошмар.

Я твоя смерть.

Яркие цвета сна постепенно померкли и наполнили Канаеля новой жизненной энергией.

Но в тот же момент, когда навязывал мужчине свою волю, он почувствовал физическое

напряжение. *Ты не поймаешь его!* Ноги мужчины сильно затряслись, когда он продолжил идти, борясь против навязанной воли. Он пытался, даже если борьба была безнадежной. Младенец с гримасой всё ещё парил в воздухе, пухленькие ножки брыкались, как будто время не играло никакой роли. На лбу у мужчины выступил пот.

На его лице появилось отчаяние, он становился всё бледнее. Увядал. Умирал.

Единственная мысль, которая владела сознанием Канаеля, было имя, Дав.

Мир сна стал серым, звуки затихли. Больше ничего не двигалось. Младенец парил в воздухе.

Канаель уставился на широко распахнутый рот матери и посмотрел в сторону отца, который застыл.

Удовлетворённый, он удалился из сна. Чернота, потом избавление. Он снова находился в большой гостиной, в которой спали Гехаллани и не замечали, что к ним пришла смерть. Канаель безучастно смотрел на спящего. Его грудь тяжело поднималась и опускалась. Он цеплялся за жизнь крошечный момент дальше, в последний раз вдохнул, и потом всё закончилось.

В тот же момент Канаеля затопила огромная сила, взрыв ощущений, а рисунок крыльев на спине начал болезненно пульсировать, как будто хотел расшириться. Из-за могущества сна у него перехватило дыхание, а гнев ещё возрос.

Канаель повернулся к женщине, которая спала прямо рядом с его первой жертвой. Её черты казались мирными, тонкие губы, изогнулись в лёгкую улыбку, хотя сон беспокойно вздрагивал вокруг её тела, маня к себе Канаеля. Он, мрачный и непроницаемый, тянул его в глубины её души, и он охотно последовал зову теней, которые завладели им.

Женщина умерла быстрее, чем Канаель задумал. Он на одно мгновение остановился, найдя глубоко в себе туман, который собрал. Как чёрный огонь, он мерцал везде внутри него. Он улыбнулся, и посмотрел в сторону других мужчин, которые ничего не подозревали о своём конце.

Молчаливая смерть настигнет и их.

Троих из них Канаель убил и не испытал ничего, кроме удовлетворения. Мир вокруг него светился интенсивнее, серый цвет, казалось, разделился на несколько оттенков. Он повернулся к последним мужчинам. Мариен. Его он хотел оставить напоследок.

В глубине души Канаель знал, что вместе с этими людьми умерла также частичка его души, но это не огорчало его. Он вознесся до судьбы над жизнью и смертью, и впервые смог понять железную волю Навии. Перед ее глазами была цель, она будет бороться до тех пор, пока не отомстит за отца.

Его дух озарился светом, лишив всех ощущений, и Канаель понял, что Кевек проникла в его голову, еще до того как он позвал ее.

— Канаель!

Канаеля неожиданно выбросило из мира снов в реальность, в то место, откуда отправился в путь. Его голова раскалывалась.

Темнота окружила его, приняв в ласкающие объятья, и он медленно заморгал, открыв глаза. Контуров деревьев вокруг казались более чёткими, он также услышал на небольшом расстоянии маленьких грызунов, бросившихся бежать, и птицу, замахавшую крыльями и поднимающуюся в небо.

Смерть и страдания витали в воздухе, металлический запах крови, которую пролила Гехалла, напав на деревню, казалось, ощущался повсюду. Раньше он не чувствовал его, но

теперь этот запах как ядовитый газ выжигал обонятельные нервы.

— Я еще не закончил! — крикнул он Кевек, которая наклонила свою большую голову, слегка приоткрыла клюв и смотрела на него золотистыми глазами.

— Твое тело не создано для совершенной силы богов, Канаель! В твоих жилах течет кровь Кев, но наполовину ты человек. Ты не должен так легкомысленно подвергать свою жизнь опасности.

Канаель смущенно отвел взгляд, ему показалось, что даже цвет земли под его ногами стал намного интенсивнее. Он видел, как в ней пульсировала жизнь.

Магический штурм пронесся в его теле с невиданной доселе силой. Но он знал, что Кевек права.

Мне очень... Он не успел договорить, так как в этот момент произошло несколько вещей одновременно.

Благодаря своим обострившимся ощущениям, он почувствовал, как изменился воздух вокруг. Он сжался в одну точку непосредственно рядом с ними, как будто вся энергия природы сконцентрировалась в этом месте. Легкая вспышка, затем молния. Канаель заморгал, ослаб духом и не успел сориентироваться. Как он ни старался понять, что происходит, он не смог даже толком разглядеть, что творилось вокруг.

— Осторожно! — крикнула Кевек.

Секунду спустя Канаель ощутил сильный толчок в спину. Он запнулся, попытался удержать равновесие, но упал на колени. Обернувшись, он увидел, что словно из ниоткуда появился Мариен. От его тела исходило неестественное свечение, длинные волосы были распущены, а черное одеяние, которое он уже носил во время их первой встречи, подчеркивало мускулистые руки, покрытые знаками богов.

Канаель еще не успел понять, что произошло, как Мариен бросился на него с мечом наголо. Интуитивно он поднял руки, осознавая, что это конец. Однако лезвие не достигло его, вместо этого Канаель ощутил легкое дуновение, но не успел отреагировать. Кевек встала на пути у Гехаллани. Канаель в полной растерянности наблюдал за тем, как удар меча пронзил ее тело.

Когда острое лезвие вонзилось в кожу, Кевек издала крик и опустилась на колени. Вне себя от ярости Мариен замахнулся еще раз, поднял меч над головой и ударил вновь. Лезвие просвистело в воздухе и попало в шею Кевек. Из зияющей раны хлынул фонтан крови, залил лесную почву, и в этот момент Канаель почувствовал, что божественная птица исчезла из его головы.

Ничего. Тишина.

Он, как парализованный, смотрел, как умирает Кевек. Золотые глаза непрерывно смотрели на его лицо, когда она с грохотом упала на землю.

Мариен развернулся к нему, и Канаель прислушался к себе, чтобы лучше контролировать своё дыхание и силу. Для использования он перенёс часть магии сна в кончики пальцев. При этом вскочил на ноги быстрее, чем ожидал. Он вытащил свой длинный кинжал, чувства были напряжены до предела. Магия снов, которую он извлёк из Гехаллани, текла по его телу. Его контролировал гнев, гнев и слепая ярость, такая мощная, какую он ещё никогда не испытывал.

— Ты жалкий ублюдок, — прошипел Мариен и опустил правую руку вниз, в которой находился покрытый кровью меч, в то время как встал перед ним в угрожающую позу. На его шею болтался один из кожаных ремешков, которые Канаель заметил в хижине, а его кожа

казалось, светится изнутри. Осколок сна! — пронеслось у Канаеля в голове.

— Ты убил их!

— А ты убил Дава! — прошипел Канаель и сплюнул перед Мариеном на землю.

Они кружили вокруг друг друга, в то время как мгновение тянулось, и каждый из них ждал, что другой возможно сделает ошибку. Долю секунды Мариен ещё колебался, потом снова набросился на Канаеля, который успел уклониться от быстрого удара.

Канаель услышал шипение клинка, почувствовал ветер на лице и учуял запах крови Кевек, которая прилипла к оружию. Атаковав, Мариель пролетел вперёд мимо Канаеля. Снова они стали кружить вокруг друг друга. Мариен хрипло рассмеялся, переместив свою точку опоры и подняв меч.

— Знаешь, это действительно очень достойно с твоей стороны, что ты хочешь отомстить за смерть своего друга, хотя он предал тебя.

— О чем ты говоришь?

— Дав перешел на нашу сторону.

— Ты лжешь!

— Ах, вот как? Тогда почему он позаботился о том, чтобы ты приехал на остров?

— Не верю ни одному твоему слову! Дав просто хотел помочь мне...

— Знаешь, твой дорогой Дав в молодости занимался сомнительными делами, дружил с не менее сомнительными людьми, и познал силу и власть, о которой всегда мечтал.

Хотя слова Мариена, как яд проникали в сознание Канаеля, он все еще цеплялся за мысль, что в глубине души Дав все делал правильно. Однако план Мариена удался. Канаель был рассеян. Отвлёкся. Мысли в его голове перемешались, он пытался не думать о том, что Дав все знал о Потерянном народе. Ведь он во всем помогал Канаелю.

Когда он не знал, как быть дальше, Дав всегда находил решения. Он уговорил его поехать на остров, освободил из кевейтского плена. Песню Небес и его. Хотел ли он и вправду помочь Канаелю, или действовал в интересах Гехаллы? Но тогда зачем они убили его? Нет! Мариен лжет. Лжет, чтобы запутать его мысли, и ему это удалось!

Мариен использовал момент и бросился вперёд. Его выпад был нацеленным, Канаель услышал гудящий поток воздуха, когда меч пролетел мимо, чуть не задев его тела, поэтому он отключил все чувства. Без дальнейших слов он бросил кинжал в сторону Мариена и в тоже время наклонился, увернувшись от следующего удара Мариена. Тот зарычал, как бешеная собака, когда острый конец пронзил его плоть в области голени, и Канаель воспользовался единственным шансом, который у него был. Он должен держать Мариена на расстоянии, потому на короткой дистанции он будет находиться в невыгодном положении.

У него больше нет оружия, только ещё магия снов.

Поэтому он вскочил и побежал в сторону деревни, в то время как Мариен пытался вытащить лезвие из своей голени. Его хриплое дыхание звучало неестественно громко в ушах Канаеля, а звук его шагов вибрировал в нём, как барабанная дробь. Без предупреждения он пережил во второй раз, как воздух поблизости сжался, и по спине пробежала дрожь, хотя он бежал, не понижая скорость, по переулкам Рена. Вспыхнул яркий свет по диагонали от него, а потом там появился Мариен. Канаель был не готов к удару меча, боль взорвалась в его плече.

Место, где наконечник пронзил одежду и вторгся в кожу, начало пульсировать. Он тяжело дышал. Перед глазами начали танцевать небольшие вспышки, и ему кое-как удалось увернуться от следующей атаки Мариена. Он залез рукой под одежду и потрогал зияющую

рану.

Когда он к ней прикоснулся, рана ужасно заболела. Пальцы стали мокрыми от крови. Его грудь неистово поднималась и опускалась. Он перенёс в кончики пальцев столько магии снов, сколько мог, их из-за непривычной силы начало покалывать. Могущество богов бурлило в нём, он вытолкнул его наружу, как показал Геро.

Интуитивно Канаэль поднял руки, выпуская магию снов из пальцев, прямо в сторону Мариена, который удивлённо распахнул глаза. Чёрно-красные жгуты, полные магии снов, выстрелили в него. Они окутали его, каждый уголок тела, обернулись вокруг икр ног и бёдер, поднимаясь вверх, и как порыв ветра залезли по одежду. Меч нападающего упал на землю, и борьба остановилась.

Канаэль чувствовал физическую нагрузку магии, его руки затряслись, каждую мышцу жгло, и когда Мариен поднялся в воздух и заскользил в ночи, Канаэль сузил глаза в две щелки, чтобы видеть ещё более чётко. Летящая тень, которую окутали сны его товарищей.

Потом Канаэль почувствовал сопротивление. Как стену, Мариен воздвигал защиту вокруг своего тела, и Канаэлю становилось всё сложнее удерживать его в воздухе.

— Думаешь, ты единственный, кто может пользоваться божественной магией? — спросил Мариен, его тёмные волосы развевали на ветру.

Больше, подумал Канаэль.

Каждое духовное присутствие умножилось в его теле, стало громадным магическим шаром из красных и чёрных нитей сна, и он вложил в это весь свой гнев, так что у него появилось чувство, что он совершенно опустошён. Был только этот один момент. У него не оставалось другого выбора. Он почувствовал страх Мариена, и в первый раз, с тех пор, как началась их схватка, он подумал, что одержит верх. Внезапно сопротивление без предупреждения исчезло, почти так, будто Мариен сдался. Магия всё быстрее и быстрее вытекала из Канаэля, так что он потерял над этим контроль.

Он закричал, когда возле глаз начали взрываться световые вспышки. Ему ещё удалось разглядеть, как магия сна окружила Мариена, как вторая кожа, и с полной силой отбросила к хижине позади него. С треском тот ударился о деревянные балки рядом с дверью, и со стоном упал.

Канаэль устало опустил руки, в надежде, что таким образом прервёт поток энергии, протекающий через тело. К счастью, ему это удалось, но он был опустошён. Без какого-либо чувства, как будто отказался от себя. Полностью истощённый, он взял меч Мариена, лежащий у его ног. Он старался не замечать сильную пульсацию раны, которая с каждым вздохом горела всё сильнее. Меч был даром, от которого он не собирался отказываться. Он медленно подошёл к Мариену, который, всё ещё стеной, лежал между расколотыми кусками дерева.

Канаэль был совершенно спокоен. Он был мстью Кевек. Он был мстью Дава. Что бы там не сделал его друг, это больше не имело значения. Он был мстью для всего, что случилось с ним за последние недели. Так же мстью для Песни Небес, за смерть которой он не мог привлечь к ответственности себя. Он холодно смотрел на Мариена, который с трудом сел.

Волосы упали ему на лицо, а на затылке у него была рваная рана. На него упала тень Канаэля. Он поднял взгляд. Одно мгновение они смотрели друг другу в глаза, потом Канаэль заколол его. Более хладнокровно, чем он ожидал от себя. Он смотрел на то, как жизнь потухла в глазах Мариена, задаваясь вопросом, сможет ли когда-нибудь стать снова самим

собой. Или, может, уже давно им стал.

Его взгляд устремился к хижине в конце деревни. Он выполнит последний долг перед Давом, и будет искать Удину, чтобы исполнить свою судьбу.

Лакос, Летнее царство

Вокруг Навии заколыхалась пульсирующая жара, когда её тело снова стало частью мира, и она почувствовала под ногами твёрдую почву. Чёрный рисунок крыльев на спине пульсировал, каждая полоса и линия. Также её чувства были перевозбуждены, пока она пыталась осмотреться и собрать информацию. Тихий, небольшой переулочек.

Изнуряющая жара была даже в том месте, где падала тень, там, куда она прибыла. Замысловатые входы в дома, почти не были видны с главной улицы, здесь пахло мясным рагу. Она приходила сюда во второй день, когда приехала и вспомнила, как Туманный Мастер сказал, что лучше вернуться сюда, чем во дворец, если ей придётся странствовать. Здесь её никто не увидит.

Навия устало прислонилась к стене, и на ощупь начала пробираться к главной улице, с которой слышала громкие голоса. Недалеко от неё в ясном небе возвышались стеклянные дворцовые башни, в то время как на улицах толпилось много народу. Лакос. Ей удалось добраться до него.

Несколько женщин, завернутые в красочные длинные, до пола, платья, несли в руках плетёные корзины, наполненные до краёв сувийскими лакомствами. Навия многие из них не знала, однако обнаружила жареное мясо, разные сухие фрукты и консервированные в мёде финики.

Люди кричали вразнобой, казалось, никто не принимает во внимание других. Маленький ребёнок с грязным лицом и лохматыми чёрными волосами недалеко от неё разбил до крови коленку, стоящие вокруг люди просто игнорировали его крики. Многие исчезали в домах, коричневые фасады которых представляли собой мрачное зрелище. Навия увидела, как чуть дальше по улице плачущие женщины прощаются с мужчинами.

Несколько детей, их миндалевидные глаза покраснели от слёз, щёки мокрые, они обнимают отцов, которые закинули на плечо большие кожаные мешки.

Значит, уже начинается, подумала она и посмотрела в сторону дворца. Гарьен нападёт на город.

Она была слишком слаба, и не могла больше странствовать. Три раза она делала короткий перерыв.

Где-то в Кевейте на пляже, место, над которым они пролетали, немного позже вблизи деревни в Суви, и в третий раз посреди пустыни. Но теперь её сила и сила снов, которые она собрала ранее с Туманным Мастером, исчерпалась.

Навия услышала веселое хихиканье и увидела четверых молодых девушки, примерно ее возраста, идущих ей навстречу. Их одежда не сильно отличалась от того, что носила она. Она была нежного красноватого оттенка, обтягивала в груди и расширялась к низу. Ее озадачило то, что у девушек были распущенные волосы, украшенные жемчугом и перьями, ярко окрашенные глаза и голубые пояса, повязанные вокруг бедер.

Шлюхи.

— Ты недавно в городе? — спросила одна из них. Видимо, она была предводительница, потому что выступила вперед и была самой красивой из всех. Навия покачала головой и

поджала губы, вызвав у стоящей впереди улыбку. Она вальяжно подошла ближе, ее кудрявые волосы обрамляли худое лицо. Позвякивая бесчисленными серебряными браслетами на запястье, она приподняла тонкими пальцами подбородок Навии и подставила ее лицо солнцу, пробивавшемуся на узкую улицу, чтобы лучше рассмотреть ее.

Навия сердито оттолкнула ее руку.

— Не прикасайся ко мне!

— Вольная птица из Северного царства, как необычно, — улыбнувшись, сказала другая и опустила руку. — Ты знаешь, что рыщешь на нашей территории, и нам это очень не нравится.

— Я нигде не рыщу.

— Ах, нет? — Она оглядела Навию с ног до головы. — Очень на то похоже.

— Вовсе нет. Я случайно заблудилась здесь.

— Поверим на слово. Но если мы еще раз увидим тебя на нашей территории, нам придется подумать, что сделать с твоим хорошеньким личиком.

Она сказала это абсолютно равнодушным тоном, но ее глаза говорили о другом.

Навия сердито сверкнула глазами.

— Я хоть и талвенийка, но не проститутка! Куда хочу, туда и иду.

Черноволосая рассмеялась.

— Как только воины Осеннего царства разобьют палаточный городок на другой стороне стены, мы покинем Лакос. Здесь не останется мужчин, которые бы могли платить нам, и тогда ты можешь свободно передвигаться здесь. Но до тех пор...

— Вы пойдете к сыскайской армии? — удивленно спросила она.

— К мужчинам, которые могут предложить нам лучшую жизнь, — ответила другая, подняв брови. — Ты что-то имеешь против?

Навия покачала головой.

— Нет.

— Пойдем, Элия, мы опаздываем, — поторопила ее самая худая из молодых девушек, схватила предводительницу за руку и все вместе они, хихикая, прошли мимо Навии вверх по улице. Она молча смотрела им вслед, затем пошла дальше. Вдруг Навия ощутила удар в ребра, кто-то грубо оттолкнул ее в сторону.

— Смотри, куда идешь, шлюха, — пробурчал какой-то мужчина, прежде чем скрыться в толпе. Потирая больное место, Навия прорывалась вверх, на площадь богов, находившуюся под дворцом Ацтея. Туманный Мастер будет её там ждать.

Она чувствовала на себе взгляды мужчин, которые открыто на неё смотрели, как будто она дичь. Чтобы не терять ещё больше времени, она ускорила темп, придерживаясь края улицы, перепрыгивала через перевёрнутые ночные горшки и остатки отходов. Она пыталась не привлекать к себе ещё больше внимания, пока не добралась до площади богов. Её взгляд обратился к обелиску, наполнивший её благоговением и странной тоской.

Чёрные крылья бога лета бросали длинные тени на площадь, на которой тоже толпилось много народу. Несколько человек спешило к храму Сува, покрашенные красным цветом колонны которого выделялись на фоне близко лежащих друг к другу зданий. Удивлённо она смотрела вслед пожилому человеку, который опирался на костыль. Он нёс что-то под мышкой, что подозрительно сильно было похоже на наполненную подушку.

— Что происходит? — спросила Навия женщину справа, которая, однако, даже не посмотрела на неё, а просто прошла дальше. Она вспомнила встречу с воином лакоской

армии и замечание Пирлеана. Женщины из Талвена, как правило, приезжают в летнее царство с определённой целью, и теперь она почувствовала на собственной шкуре эту враждебность женщин и похоть мужчин. На одно мгновение она пожелала себе другой цвет волос, более низкий рост, чтобы было не так очевидно, что она талвенка. Она бросалась здесь в глаза, как красочные кляксы на белом холсте.

Вздыхнув, Навия пошла дальше, как вдруг обнаружила в толпе большую, мускулистую фигуру Геро, и помахала ему рукой. Свои мечи, он, как всегда, скрестил на спине, на нём был одет туманно-серый нагрудник, который она ещё никогда на нём не видела. Он подчёркивал грозный вид Геро, люди вокруг следили за тем, чтобы не подходить к нему слишком близко.

С нетерпеливым выражением лица он протолкнулся через толпу, пока не оказался рядом с ней.

— Навия, что случилось? Что ты делаешь здесь внизу в городе? Где Кевек и...

Он замолчал и украдкой огляделся. Но, казалось, никто не обращает внимание на их разговор.

— Канаель?

Геро мрачно скривил рот.

— Да, где они?

— Остались на острове.

— Почему?

— Мне нужно сначала поговорить об этом с Туманным Мастером.

Геро кивнул.

— Пошли, я отведу тебя к нему.

Она последовала за ним, когда он завернул с площади богов на боковую улицу, которая проходила почти параллельно главной. Она была намного спокойнее, лишь изредка им встречались ещё другие люди, но казалось, они полностью погружены в свои мысли.

— Вы нашли ответы?

— Да.

— Они решат нашу проблему?

— Если Канаель сможет это сделать, тогда да.

— И ты не можешь ему в этом помочь?

Она покачала головой и вдруг у неё появилась такая безумная идея, что она быстро её отбросила, а вместо этого сказала:

— У меня другая судьба. Я уничтожу Гарьена, и заставлю заплатить за всё, что он причинил нам.

При этом ей было ясно, что это не будет означать конец всех их проблем. Она сама хорошо знала, на что она надеется, но, по крайней мере, это будет началом.

— Здесь ты не единственная, кто хочет этого достичь, — ответил он.

Без предупреждения их разговор прервал оглушительный крик. Внезапно разразился хаос, и Навия испуганно остановилась. Низкая барабанная дробь наполнила тёплый воздух заканчивающегося дня. Геро тоже замер, настороженно смотря вдаль, туда, откуда они пришли. Люди кричали вразнобой, слышались панические крики, которые присоединились к испуганно выкрикиваемым приказам. Сердце Навии забилось быстрее.

— Что такое? Что происходит? — спросила она, оглядываясь на людей, оставшихся на площади богов. Те бросились бежать в разные стороны, как будто за ними гнались демоны.

Они прижимали корзины к телу, матери поднимали детей на руки и убегали.

— Это боевая дробь. На Лакос напали, — сказал Геро.

— Но я думала, что Гарьен ещё даже не добрался до побережья! Перед Лакосом он должен появиться только через пару дней! Если вообще сможет победить войска...

Геро прервал ее, грубо схватив за запястье, и потащил за собой. Навия едва поспевала за ним.

— Нам нельзя терять времени, — крикнул он через плечо и перешел на бег. — Я уверен, что нападающие владеют осколками снов. Небольшое приветствие от Гарьена, наглядный показ того, что ждет Лакос.

— Но... как они добрались до города? Они же не могут просто так, куда хотят, странствовать? — Навия хватала ртом воздух, спеша вслед за Геро, который уже убежал далеко вперед, несмотря на два меча на спине, которые подозрительно раскачались в разные стороны.

— Туманный Мастер расскажет тебе лучше, чем я! Думаю, что хватит того, что некоторые из нас уже были в Лакосе...

Они достигли бокового входа во дворец Ацтея, которого Навия не замечала прежде. Встроенная в стену неприметная дверь содрогалась под ударами кулаков Геро. Маленькое окошечко в верхней части двери открылось, и показались два, недоверчиво смотрящих глаза. Их радужная оболочка была такой темной, что почти не отличалась от зрачка.

— Что вам надо?

Охрана, видимо, уже была знакома с воином, потому что как только взгляд охранника перешёл от Навии к нему, окошечко закрылось, и открылась дверь. Все произошло так быстро, что Навия даже не успела представиться.

— Геро Д'Хераль, какая радость, снова иметь возможность поприветствовать Вас в Сувии! — крикнул он, однако не торопился впускать их. Вместо этого он встал в дверях и радостно улыбаясь, раскинул руки. — Как Ваши дела?

— Спасибо, Крылатый Меч, у нас нет времени. Я должен поговорить с Туманным Мастером.

— Мне жаль, но я не могу впустить Вас во дворец. Но если подождете здесь, то я отправлю кого-нибудь к Туманному Мастеру.

Геро переглянулся с Навией и сказал:

— В таком случае прости меня, пожалуйста, за то, что я сейчас сделаю.

Крылатый Меч открыл рот, но не успел ничего сказать, так как Геро нанес ему удар в челюсть, после чего тот, тихо застонав, опустился на пол.

— Зачем сразу ломать ему челюсть? — спросила Навия, перешагнув через бедного Крылатого Меча, который больше не шевелился.

— Он простит меня, — пробурчал Геро. — Или забудет, как только придет в себя. Так или иначе, у нас нет времени на эти глупости.

Он протиснулся мимо Навии, закрыл за ними дверь и поспешил прочь. Навия следовала за ним по коридорам, вверх по извилистой лестнице на верхний этаж, откуда можно было наблюдать за происходящим за пределами дворцовых стен. Она мимоходом посмотрела на улицу и увидела опустевшую площадь богов.

Ей даже показалось, что она увидела светящийся шар, но в этот момент Геро повернул налево в один из длинных, увешанных полотнами и факелами коридоров, и она поспешила за ним. Даже сквозь толстые стены были слышны дикие крики с улицы, наряду с постоянной

барабанной дробью. Им повстречалось множество придворных в сиреневых одеждах, но ни один из них не обращал на них внимания. Некоторые обменивались новостями о происходящем вне стен дворца, и Навия даже несколько раз расслышала слова «магия снов».

— Кажется, они знают, что происходит, — прошептала она Геро, который продолжал решительно двигаться по лабиринту из проходов и коридоров.

— Конечно. Люди не дураки. Внутри они всегда знали, что Потерянный народ существует.

Геро остановился возле двери с черными ручками, его лицо выражало неодобрение.

Геро так сильно стучал в дверь, что Навия боялась, что она даст трещину. Немного погодя дверь открылась, и в проеме появилось лицо Туманного Мастера. Он удивленно посмотрел на Навию, но быстро взял себя в руки.

— Входите.

Он впустил их.

— Я не рассчитывал, что вы придете. Совет послал за мной, я как раз собирался пойти в конференц-зал. Похоже, на нас напали.

Его покои были заставлены книжными полками, тем не менее, они были больше, чем хижина, в которой Навия жила с отцом. У окна стояло темно-красное кресло, множество шкафов, видимо, с одинаковой одеждой, так как она еще ни разу не видела его в какой-то другой одежде, кроме его традиционного одеяния песочного цвета. Кроме того, в комнате стояла деревянная кровать, а над ней крутился ловец снов из птичьих перьев. Похожий Навия видела в спальне Канаеля.

— Где Канаель? — спросил Туманный Мастер.

— Направляется к Ткачихе снов.

— Значит, вы узнали, как можно лишить осколки снов их силы, — подытожил Туманный Мастер.

Навия кивнула.

— Да, узнали. Канаель единственный, кто может решить эту проблему.

— И как?

— Он займет место Удины.

Тишина.

Туманный Мастер сделал глубокий вдох, покраснел, а его темные глаза распахнулись от ужаса.

— Занять ее место? Он правитель Летнего царства! Он не может сидеть несколько столетий в башне на краю света, и спать. Должна быть какая-то другая возможность!

Его голос звучал все громче.

— Кто будет править на его месте? Сувий погрузится в хаос...

— Сувия больше не будет, если мы проиграем войну против Гарьена. А мы проиграем, если не лишим осколки снов их силы, — спокойно сказала Навия.

Туманный Мастер начал ходить туда-сюда по комнате, скрестив за спиной руки.

От внимания Навии не ускользнуло, как дергаются его веки.

— Ты права. Но как мне объяснить это совету? Начнется восстание. А ты не можешь занять место Ткачихи Снов?

— Ее разбудил Канаель, а не я.

Грохот заставил их вздрогнуть, камень ударился о камень, и маленькие частички посыпались со стены на пол. Снова загремело, недалеко от комнаты. Грохот был похож на

тот низкий гром, который проходил над южным Талвеном каждые пару месяцев.

Они напали на нас!

Навия посмотрела на Геро, который, в свою очередь, смотрел на Туманного мастера. А тот поспешил к окну и уставился на город внизу.

— Они пришли! Стоят у подножия дворца и атакуют нас камнями. Нужно поторопиться! — выкрикнул он, повернулся, и побежал с такой скоростью и ловкостью, что Навия и не думала, что он ещё может так. Однако благодаря урокам, которые они прошли вместе, она знала, что нельзя недооценивать внешний вид фаллы.

— Куда мы идём? — спросила она, как только они вышли из душной, загромождённой комнаты. Она не получила ответа на свой вопрос, а просто следовала за обоими мужчинами по запутанным коридорам, которые всё больше сбивали её с толку, вниз на первый этаж, где Туманный Мастер направился в определённом направлении. Картины предков, гобелены и лица прислуги прямо-таки пролетали мимо них.

Навия последняя завернула за угол и увидела, что перед большим конференц-залом собралась толпа людей. Несколько мужчин в тёмных мантиях, углубившись в возбуждённый разговор, стояли к ним спиной, собравшись вместе, как будто ждали разрешения войти в зал. Между ними сновали туда-сюда слуги. Крики и жалобные возгласы перед воротами дворца затихли. Казалось, наступил снова мир, по крайней мере, на данный момент.

Навия прислушалась к наступившей тишине. Барабанная дробь тоже прекратилась. Потом она снова направила свой взгляд на членов совета. Большинство из них были высокого роста и держались прямо, как будто это их привилегия смотреть на других свысока. Некоторые из них были полноватыми, что, однако, было почти не заметно под их мантиями. Большинство, казалось, принадлежит к поколению её отца и Геро, только некоторые были полностью седыми.

— Что происходит? — спросила она в замешательстве.

— Туманный Мастер! — выкрикнул один из мужчин, когда обнаружил их.

Он был маленького роста, с узкими плечами и высокими скулами, он казался скорее незаметным. На нём была одета тёмно-серая мантия, казалось, она ему немного великовата. Он засеменил им навстречу.

— Где вы были? Мы послали за вами уже как вечность!

Его голос дрогнул от волнения.

— Было совершено нападение на Канаеля Де'Ар!

Хотя Навия знала, что жертвой должно быть оказался двойник Канаеля, она побледнела.

— Что?

— Что? — спросил Туманный Мастер, распахнув глаза. — Он ещё жив?

Его собеседник мрачно покачал головой, а Навия резко выдохнула. Громкие атаки, тяжелая артиллерия, которую они выдвинули, все это должно было отвлечь от их главной цели: убить повелителя Летнего Царства.

— Как это могло произойти? Его охраняли двенадцать человек! — прошипел Туманный Мастер.

И хотя речь шла об убитом двойнике, Навии стало не по себе. На его месте мог быть и Канаель. Настоящий.

— Откуда ни возьмись, появились две женщины. Вспышка, и вот они уже были здесь, — выдавил из себя мужчина. Его взгляд метнулся к Навии и, услышав его дальнейшие слова, Навия поняла, почему. — Одна талвенийка, а другая из Сувия. Они держались за руки,

появились из ниоткуда в покоях повелителя! Охранники попытались напасть на них, но их удары попали в пустоту.

Они убили всех... их же оружием. Перерезали глотки всем, кроме одного, который должен был рассказать о том, что увидел... Все было в крови! А потом они принялись за Канаеля, который тем временем забился в угол...

Он замолчал и вытер рукавом мокрое от пота лицо. У него были стеклянные глаза, должно быть, от шока, как показалось Навии.

— Одна из них когда-то уже побывала в его комнате или владела каким-то предметом отсюда, — бормотал Туманный Мастер, обращаясь скорее к себе. — Спасибо за Ваш доклад.

— Пойдемте, — сказал он.

Навия как в тумане последовала за мужчинами к советникам, которые стояли вместе и оживленно переговаривались; но увидев их, они расступились, образовав проход. Двери конференц-зала были закрыты, однако, когда подошел Туманный Мастер, один из слуг примерно пятнадцати лет, открыл их. Не успели они войти в зал, как массивные двойные двери из темного дерева закрылись, и в огромном помещении наступила благоговейная тишина.

Высокие белые стены, многочисленные ковры на стенах, украшенные семейным гербом и позолоченные люстры с горящими свечами, чей свет окутывал зал теплом. Навия заметила стройную женщину в сувийском платье, подчеркивавшем тонкую талию.

Несмотря на зрелый возраст, она была прекрасна. Темные, кудрявые локоны были собраны в прическу, а несколько прядок обрамляли ее тонкое лицо. Она словно сошла с полотна, и у Навии действительно было ощущение, что она видела на одной из стен ее портрет. Слишком красива, чтобы быть правдой. Лишь земная грусть в ее взгляде и мягкие морщинки у рта и глаз выдавали в ней человека. Навия молча смотрела на нее, заметила небольшое сходство с Канаелем. Пеала Де`Ар, его мать. Она грациозно сложила руки на коленях и устало улыбнулась.

— Входите. Канаель очень много рассказывал о вас, — сказала она, глядя на Навию.

Она спрашивала себя, когда Канаель успел найти время для этого. Может, тем самым Пеала хотела намекнуть, что прекрасно знает, что связывает Навию, Туманного Мастера и Геро.

— Где Безымянный? — спросил Туманный Мастер. Хоть на первый взгляд он и выглядел собранным, Навия заметила озабоченность в его осанке и в том, как он смотрел на Пеалу.

— Они унесли его во вторую спальню Канаеля, он выжил, но эта информация не должна просочиться за пределы этого помещения.

Она тихо вздохнула, а у Навии стало легче на сердце.

— Его атаковали кинжалом, нанесли тяжелую, рваную рану. Видимо, они заметили, что Безымянный это не Канаель. Они не ощутили в нем магию снов... или учуяли, что он человек.

Она немного помолчала, чтобы ее слова проникли в сознание остальных, а затем мягким голосом продолжила: — Во всяком случае, они сказали охранникам, которых оставили в живых, что еще вернутся за Канаелем Де`Аром. Лекарь еще не может сказать точно, выживет ли Безымянный.

В ее словах сквозила мысль, что дело может плохо для него кончиться, но вслух она об этом не сказала. Пеала выжидающе оглядела собравшихся.

— Кто-нибудь из вас может сказать, где мой настоящий сын?

Видя, что ни Геро, ни Туманный Мастер не собираются объяснять Пеале ситуацию, Навия сделала шаг вперед и рассказала, что произошло на острове Мий.

— Значит мой сын — единственный, кто способен соткать новый сон, вследствие чего осколки снов утратят свою магию, так он использует их, чтобы снова посылать сны людям.

Навия кивнула.

— Именно так.

— Значит, нам не остается ничего другого, кроме как ждать, — подытожила она. — У нас связаны руки. Он не вернется и никогда не сможет занять свое место на троне.

— Нет, не сможет, — подтвердила Навия. — И я не знаю, сколько понадобится времени, чтобы соткать новый сон. Это может произойти в любой момент, а может через неделю или через месяц.

— Я понимаю.

За спокойной внешностью Пеалы скрывалось больше, чем можно было увидеть на первый взгляд. Это были её глаза, в которых пылал тот же глубокий огонь, как и в глазах Канаеля.

В дверь постучали, и в зал, опустив голову, вошла служанка. Взгляд Навии упал на голубую широкую ленту вокруг ее плеч, и в ней снова зародилась эта сумасбродная идея. Голубая лента...

— Простите Ваше Высочество, но совет хочет теперь начать совещание.

Пеала дружелюбно улыбнулась.

— Позовите их, Вышивальщица Жемчугом. Благодарю тебя.

Когда молодая служанка вышла из зала, мать Канаеля посмотрела на Навию и Геро.

— Боюсь, на этом совещание вы не можете присутствовать. У совета очень четкие представления об этом, особенно, когда речь касается традиций и обрядов.

— Ты, скорее всего, устала от напряжённого дня, — сказал Туманный Мастер и посмотрел на Навию. — Каморка, которую я предоставил тебе, всё ещё в твоём распоряжении. Если хочешь, можешь спросить Вышивальщицу Жемчугом, чтобы она попросила принести для тебя что-нибудь поесть из кухни.

Он понизил голос, потому что первые члены совета зашли в зал.

— После совещания, я загляну к тебе и введу вас в курс дела.

— Хорошо, — сказала Навия и поклонилась Пеале, прежде чем выйти из зала вместе с Геро.

Её сердце ускорялось в груди, пока план в её уме формировался всё больше. Дерион Де'Ар был убит из-за того, что был слишком легкомысленным и пригласил в свою комнату проститутку. Почему бы Гарьену не сделать ту же ошибку? По крайней мере, это был способ близко к нему подобраться.

Очень близко. А если она всё умно обставит, то никто ничего не заподозрит. Однако, это означает, что она должна полностью погрузиться в свою роль. Сделать её частью самой себя. Но это единственный способ. И чем больше она над этим думала, тем гениальней казалась ей идея.

Когда они завернули за угол, и Навия убедилась, что они одни, она остановилась и взяла Геро за запястье. Тот от удивления нахмурился, смотря на неё вниз.

— Я присоединюсь к шлюхам.

— Что ты хочешь этим сказать? Каким шлюхам?

— Сегодня со мной заговорили несколько девушек. Они приняли меня за одну из своих, потому что я... что же, потому что я талвенка. Они рассказали о том, что как только армия Гарьена выстроится лагерем перед воротами города, они пойдут туда, чтобы заработать у мужчин деньги.

— А ты хочешь присоединиться к ним, чтобы проникнуть в лагерь противника. Ты совсем из ума выжила, девочка!

Одно мгновение он размышлял.

— Это может сработать. Но... — Он сглотнул. — Но ты уверена, что хочешь это сделать?

— Да, — твёрдо ответила она.

— Со всем тем, что тебе придётся делать?

— Я сделаю всё, что требуется, чтобы низвергнуть Гарьена, — сказала решительно Навия.

— Твой отец... — начал Геро.

— Мой отец — единственная причина, почему я это делаю! — грубо прервала она его, и Геро смущенно опустил взгляд. — Я должна отомстить за него, понимаешь, Геро? Гарьен должен ответить за свою алчность и все человеческие жизни на его совести!

Геро провел рукой по голове и посмотрел мимо нее.

— Я просто имею в виду, не так-то легко... отречься от своего тела.

— Я не отрекаюсь от него, а использую как оружие.

— Но...

— На любой твой аргумент я найду контраргумент. Поверь мне. Я уже давно все решила. Я знаю, что ты хочешь защитить меня, и очень ценю это.

Она посмотрела ему в глаза.

— Но это единственный способ добраться до этого ублюдка. Я успокоюсь, только когда убью Гарьена. И мот отец тоже.

Навия была одержима мыслью о смерти Гарьена. Может, она и ошибалась, и его смерть ничего не изменит, потому что мир уже давно заражен его идеями, но попытаться все-таки стоило. Для собственного успокоения и для всех, кто умер из-за жадности Гарьена.

Может, это было безрассудно и рискованно, и когда-нибудь наступит момент и она пожалеет о своем решении. Но в данный момент это был единственный шанс вернуть отцу то, чего он достоин.

Рэн, Весеннее царство

Входную дверь хижины заклинило, и Канаель открыл её, применив силу, хотя боль в плече едва не сводила с ума. Единственное, что принесло бы облегчение, это поток магии снов, благодаря которой он всегда чувствовал себя бессмертным. Но от неё ничего не осталось. Внутри него царила пустота. Не осталось даже немного тумана. Никакой частички магии, в противном случае он давно бы себя исцелил.

Жилое помещение лежало перед ним всё ещё такое же, как он оставил его, когда странствовала его душа. Его взгляд упал на безжизненные тела, которые мирно сидели на стульях вокруг стола, как будто всё ещё спали, и их души не отошли в вечность. Он отвернулся и, шатаясь, подошёл к телу своего лучшего друга.

Единственный, кому он безоговорочно доверял, и в котором всё-таки ошибся. Застывшие, весенне-голубые глаза безжизненно смотрели в точку на потолке. Канаель почувствовал, как по щекам побежали слёзы. Неуклюже он вытер лицо. Возможно, это цена за спасение мира, подумал он. Он медленно сел перед Давом на корточки, протянул к нему дрожащие пальцы и провёл по векам. Боль его раны была ничто по сравнению с чёрной дырой, которую он ощущал в сердце.

Не имело значения, что его приоритетом должна быть Ткачиха снов, или судьба мира, он должен послать своего друга в последнее путешествие. Это было глупо, и Канаель чувствовал себя дураком, но это единственное, что он ещё мог сделать для Дава. Поэтому он поднял его тяжёлое тело, вынес в весеннюю ночь, где его встретила тишина и начал строить погребальный костёр, на которой, в конце концов, положил его. С помощью огнива, найденного в гостиной, он разжёг первое пламя и подождал, пока оно полностью окружит тело Дава. Пылающий огонь поднимался в небо, искры разлетались в разные стороны и тихий треск наполнял воздух. Канаель закрыл глаза и опустил голову, пробормотав про себя молитву, послал Даву последнее «прощай» в его путешествии.

Молча он смотрел на огонь, который поднимался всё выше в небо, ощущая при этом странное чувство пустоты. И было ещё кое-что, что ужасно его пугало.

Он убил шесть человек, даже не колеблясь ни минуты.

В конце концов, он оторвал взгляд от своего друга, возможно потому, что больше не мог терпеть его вида. Его рана снова начала болеть, и он потащился назад в хижину, чтобы зайти в одну из соседних комнат, в которой, полагал, находится Ткачиха снов. Она должна лежать здесь или в комнате рядом. Когда он забирал труп Дава, он почувствовал её присутствие, хотя и очень слабо.

Холодная ручка двери впиалась в его плоть, онемевшими пальцами он обхватил её и потянул на себя. Дверь скрепя, открылась, и Канаель зашёл в погружённую в темноту комнату, которая была намного меньше гостиной. Его глазам, не смотря на обострённые чувства, потребовался момент, чтобы привыкнуть к темноте в комнате, в которой не было окон. Когда они, наконец, привыкли, он обнаружил кучу одеял и одежды, клубок из нарядов и две чаши, стоящие впереди.

Одна была наполнена водой, другая содержала еду, консистенция которой была похожа

на баланду. Он чувствовал присутствие другого человека, который находился где-то рядом, и только мгновение спустя понял, что Гехаллани, должно быть, накинули одеяла на Ткачиху снов, потому что знали о его способностях.

— Удина?

Осторожно он поднял тёмно-серую мантию у ног, убрал белое, шерстяное одеяло, устраняя таким образом одну часть за другой. У него перехватило дыхание, и отвращение заставило его остановиться. Ткачиха снов лежала перед ним голая, как он встретил её в башне на острове Мий. Но что-то было иначе. Исчезала её невинность, она стала тенью самой себя, обломком души.

На руках и ногах у неё были ссадины, а всё тело покрывали кровавые отметины и синяки. Её короткие, с зелёными прядями волосы слиплись. Дыхание Канаеля обрывалось, но он заставил себя смотреть.

Его взгляд перекачивал ниже, и он отшатнулся на шаг назад, потому что запах семени и насилия настолько явно чувствовался в воздухе, что он едва смог сдержать приступ рвоты.

— Ты меня слышишь? — спросил он хрипло.

Он взял одно из тонких одеял и осторожно накрыл им её беспомощное тело. Удина не двигалась. Под закрытыми веками её глаза двигались, как будто погрузилась в лихорадочный сон. Произошедшее сломило её, осталась только частичка того, что она когда-то воплощала. Расколовшись, как и её собственный сотканный сон.

Канаель чувствовал, что с ней сделали. Было очевидно, комната прямо-таки кричала об этом. Если бы он не уже не убил Гехаллани, то сделал бы это снова и снова. Но чудовищность того, что они причинили Удине, нельзя изменить.

Страдальчески он закрыл глаза и открыл свой дух, чтобы почувствовать сон Удины.

Радужные цвета, нежно-красный, смешались в золотистой пелене. Он непредсказуемо трепетал, как дикое животное, которое пытается выбраться из пут, окружил дух Канаеля и умолял положить конец её страданиям.

Канаель охотно позволил затянуть себя глубоко внутрь, в старую душу Удины, где его встретила темнота. Темнота, которую вызвали мужчины Гахаллы. Как бы он не сопротивлялся, он всё-таки стал свидетелем того, что снова и снова воспроизводилось в подсознание Удины. Последовательность изображений. Моментов. Её крики. Плоть. Кожа. Канаель отшатнулся и всё же не смог сбежать. Он забыл про свою собственную боль, забыл, кто он, и плакал вместе с ней о том, что у неё похитили, в то же время он полностью потерялся в её сне.

А потом он избавил её от мучений. Раз и навсегда.

Спи, Удина. Спи... Ты свободна...

Её сон изменился, дыхание стало спокойнее, и он скользнул в другой мир. Мужчины стали серыми, а с ними и их дела. Столетия бесконечности пронесли мимо Канаеля, новая магия потекла по его венам, и всё, что Удина пережила во время своего бытия, померкло в свете. Наконец-то Ткачиха снов нашла покой и стала частью богов, даже если, вероятно, уже всегда была ею.

Канаель выскользнул из её сна, в то время как её сила, её божественность, затопившие его дух, сделали его совершенным и единым. Ничего больше не имело смысла, и всё же пустота была заполнена его чувствами. Он плакал об Удине. Он плакал о Песне Небес, которую потерял, и о Даве.

Мгновение растворилось и растянулось в горько-сладкий момент, в бесконечность.

Дело было сделано, и он больше не являлся частью этого мира.

Когда он открыл глаза, душа Удина покинула её тело. Её детские черты лица стали нежными, и она забылась навсегда.

Часть IV

И Кев родила дочь, которая была похожа на её возлюбленного. Только крылья на спине ребёнка и её глаза — игра божественных красок — устанавливали сходство с Кев.

Мир молчал в благоговейной тишине, слушая первый крик получеловека, в то время как Кев сходила с ума от беспокойства. Она чувствовала, что её время со смертной дочерью ограничено, и всё же хотела защитить её от всего зла, что могло окружать её ребёнка в человеческом мире.

Выдержка из сказки о Потерянном народе.

Мий

Канаель видел мир другими глазами. Каждая мысль была частью его души и выходила далеко за ее пределы. Пространство и время потеряли значение, он скользил сквозь мир четырех времен года, чувствовал жжение крыльев за спиной. Вокруг него распространялся свет, предвещающий его возвращение, когда он стал частью Мия. Кожаный ремешок вокруг шеи, который он снял с Гехаллано, врезался в разгоряченную кожу. Канаель почувствовал песчаную почву под ногами и холодные волны, омывавшие его голые лодыжки.

Он медленно разделся, снял ремешок с осколком сна и смотрел, как море уносит его одежду. Единственное, что оставалось от его прежнего Я. Лишь легкое покалывание в ране напоминало о том, что он смертен, помимо этого не было почти ничего, что связывало его с прежней жизнью. Канаель пошел обнаженным по пляжу, навстречу черным камням. Нашел лестницу, ведущую к равнине и лабиринту.

Он поднял взгляд к ночному небу. Не было видно ни облачка, лунный свет пробивался к острову, который изменил все их жизни. Прежде всего, его жизнь.

Острые камушки врезались в его подошвы, не причиняя особого вреда. И само восхождение, в отличие от первого раза, давалось ему легко.

Ноги без труда несли его вверх по ступеням, навстречу лабиринту. И вот он остановился перед ним.

Колючие кустарники, рассказывающие свою историю и сросшиеся навеки. Вход в лабиринт притягивал его, оказывая магическое воздействие, он с тоской в сердце прислушивался к тишине, которая пела свою собственную песню, прерываемую лишь шумом волн. Трава под ногами щекотала его ноги, когда он преодолел невидимый барьер.

Она была здесь. Канаель чувствовал ее присутствие, везде и одновременно нигде. Ее запах висел в воздухе, окутывая его, как вторая кожа. Ее душа была частью этого лабиринта, осталась в нем, несмотря на то, что души Поглотителей снов уже исчезли.

Песня Небес.

Удина тогда сказала ему, что видела своих Поглотителей снов. Если бы они еще были частью Земли, он бы тоже почувствовал их присутствие. Существовал лишь один дух, заключенный в лабиринте. Канаеля накрыла волна удовлетворения вперемешку с пониманием своей судьбы, и заставила его понять. Все должно было произойти именно так. Канаель был твердо уверен, что исполнит свою судьбу и молился Кев, чтобы и Навия исполнила свою часть. Только так можно было спасти страну и народ, ради которых он взвалил на себя это бремя.

Присутствие Песни Небес стало еще осязаемее, его сердце начало биться сильнее. Штурм начался в его груди и распространился в самые дальние уголки его души. Песня Небес была та самая Заклинательница Душ, которая введет его в транс. Именно она спасет их всех, исполнив тем самым свою судьбу.

— Песня Небес, — монотонно прошептал он и закрыл глаза.

А когда открыл их, то увидел, что она стоит перед ним. Серебристый силуэт, не более чем лунная дымка, но это точно она. Канаель увидел, как строптиво сверкают ее глаза,

возможно, просто отражение звезд, слегка поднятый вверх подбородок, который он так любил в ней. Он увидел, как на ее губах появилась улыбка.

Он ощутил ее присутствие, нечто похожее на присутствие Кевек в его голове, однако оно шло еще дальше.

— Канаель.

Он хотел погладить ее по щеке, дотронуться до пальцев, но ощутил на их месте лишь пустоту.

— Да.

— Я так долго ждала тебя.

Он сглотнул.

— Прости меня, Песня Небес. Я не подозревал, что...

Она улыбнулась.

— Нет, это было предназначено богами. Только так мы могли найти наш путь. Это единственный шанс остановить Гарьена.

Канаель не мог наглядеться на нее. У них оставалось мало времени.

— Если бы я не разбудил Удину, ничего этого бы не произошло.

— Гарьен нашел бы другой способ разрушить сон Удины. Мне жаль, что я причинила тебе столько горя. Я просто хотела защитить твою сестру.

— Я знаю.

— Ты выглядишь усталым.

— На моих плечах лежит судьба мира.

— Это не продлится долго, ты со мной. Теперь дело за Навией, остановить Гарьена.

— Значит, ты знаешь, зачем я сюда пришел? — спросил он.

— Да, для того, чтобы стать новым Ткачом снов.

— Значит, нам не была predetermined совместная жизнь.

— У нас бы все равно не было совместной жизни.

— Но мне бы этого хотелось.

Песня Небес долго смотрела на него, затем покачала головой.

— А мне нет.

— Но почему нет?

— Зачем выбирать смертность, если впереди бессмертие. Канаель, ты новый Ткач снов. Твои сны — это моя реальность. Ты возьмешь меня в свои сны, чтобы я была с тобой. Пока длится твой сон, я буду охранять тебя, защищать твоё тело и оберегать твою душу.

Канаель слегка улыбнулся. Она права. Она была частью его и останется ею навсегда. Так, как он и обещал ей, когда она умирала.

Они вместе пошли по лабиринту, по проходам, через заросшие сады, пересекли мраморный зал и поднялись в комнату в башне. В новый дом Канаеля. Он сел на пол, обнаженной кожей чувствуя прохладные камни. Их взгляды встретились. Это было немое прощание, не прощание навсегда, а скорее, до свидания.

Канаель безмятежно закрыл глаза. Его дыхание и сердцебиение замедлилось. Он вслушивался в себя, слышал все голоса, которые передала ему Удина. Это были души людей, их надежды и страхи. И он снова подарит им надежду.

Песня Небес начала петь, наполнив мягким голосом его дух. Он вобрал ее в себя, начав медленно прясть первую нить. Нить, принадлежащую богам и являющуюся подарком для людей. И он подарит её им. Его судьба исполнилась. Песня Небес снова была рядом.

Это было единственное, что имело значение.

Лакос, Летнее царство

— Чего тебе? Думаю, я ясно выразилась. Тебе здесь нечего делать, девчонка из Зимнего царства.

Враждебность в голосе Элии заставила Навию усомниться в своем намерении, тем не менее, она распрямила спину и осмелилась улыбнуться.

— Я хочу присоединиться к вам.

— Значит, ты все-таки одна из нас, — сказала проститутка. Она стояла, прислонившись к той самой стене, возле которой они встретились несколько часов назад, и оценивающе разглядывала фигуру Навии. Как будто не доверяла своим собственным словам. К счастью, они были только вдвоем. Навия специально прихорошилась, нанесла на щеки румяна и вымыла волосы, которые еще были немного мокрыми и прилипали к спине.

— У меня для тебя плохие новости, девчонка из Зимнего царства, в нашей труппе мест уже нет. Но ты можешь приграть нам клиентов в Лакосе, если, конечно, найдешь каких-нибудь.

— Я буду отдавать тебе часть заработка.

Элия сощурилась.

— Тебе так и так придется это делать, если будешь сопровождать нас. Зато мы будем тебя защищать.

— Тогда я буду отдавать тебе вдвое больше, чем обычно.

— Ты добровольно отказываешься от заработка? У тебя что, полно денег?

Навия знала, что совершила ошибку. Но ей нужно было вызвать доверие проститутки. Переминаясь с ноги на ногу, она чувствовала взгляды проходивших мимо людей, которые коротко бросали взгляды в ее сторону, и надеялась, что выгладит достаточно подавленно.

— Мне нужно выбраться из Лакоса.

— Ты воровала? Или кого-то убила?

Навия молчала, ощущая на себе испытующий взгляд Элии. Она была в корсете, завязанном голубыми лентами, на руках не было браслетов, а черные, кудрявые волосы собраны наверх. Не считая светло-голубых лент, в ней ничего больше не указывало на род ее деятельности.

— Я не могу говорить об этом. И не могу оставаться здесь. Дело не только в деньгах.

— Ты когда-нибудь раздвигала ноги за деньги?

Навия покраснела и прочитала во взгляде Элии, что та видит ее насквозь.

— Так я и думала. Значит, ты не солгала, когда сказала, что не рыбачишь на нашей территории.

По тебе видно. Мне просто не нравится, когда красивые девушки слоняются поблизости от нас. Прости, но такой как ты, мы не найдем применение.

— Пожалуйста.

Элия удивленно подняла брови.

— И все-таки, что ты такого натворила?

Навия опустила взгляд и прикусила губу. Все было продумано до мельчайших деталей.

— Я не могу говорить об этом.

— Это как-то связано с дворцом?

— Возможно.

— Был у меня как-то посланник из Кевейта. Противный мужик.

На лице Элии появилось сочувствие. Она некоторое время обдумывала, стоит ли доверять Навии, потом схватила ее за руку и потянула за собою в узкую улицу, ужасно пахнущую помоями.

Она провела её через лабиринт лакосских улиц, пока они, наконец, не остановились перед многоэтажным зданием, которое на первый взгляд выглядело полуразрушенным. Несколько окон были разбиты или заколочены досками, несколько предметов одежды висело на втором этаже на верёвке, а многие окна затемнены красными занавесками.

— Подожди здесь, — указала ей Элия и ритмично постучала в красную, входную дверь. Это заняло некоторое время, но, в конце концов, дверь всё же чуть-чуть приоткрылась, Навия различила в щели маленького человека, и, наконец, дверь открылась полностью.

Навия увидела женщину с сыскийскими чертами лица, тонкие губы и большие, золотисто-коричневые глаза. Последовало возбуждённое перешёптывание, и она почувствовала взгляд новенькой, словно удары ноже на коже.

Только потом Элия, наконец, повернулась к ней и кивнула, после чего Навия подошла ближе и смиренно склонила голову. Лучше всего соответствовать стандарту.

— Нет, посмотри на меня.

Голос женщины был низким и хриплым, и когда их взгляды встретились, у Навии появилось чувство, что её исследуют до самых глубин души.

— Ты очень красивая. Но этого будет не достаточно.

Она вздохнула.

— Сыскийские мужчины, особенно на поле боя, хотят иметь опытных женщин, которые могут им что-то предложить за их деньги. Они хотят забыть о своих заботах, отдалиться моменту и оставить смерть на некоторое время позади.

— Я могу всему научиться, — поспешила сказать Навия, и именно это имела в виду. Она была готова рискнуть всем... и даже ещё больше. Она сделает всё, чтобы убить Гарьена.

Женщина в дверях, казалось, почувствовала её решительность, потому что её взгляд стал мягче.

— Ты ещё девственница?

Она почти уже ожидала этот вопрос, всё же Навии не хватало слов.

— Это... Я...

Эти женщины были единственными, кто, возможно, сможет защитить её, когда они покинут стены города. Честность станет основанием доверия, и ей, хочет она того или нет, нужно основываться на этом.

— Да, — сказала она после секундного колебания.

Женщина обменялась взглядом с Элией, которая незаметно кивнула. Навия смотрела то на одну, то на другую.

— Всё зависит от того, чего ты хочешь добиться. Твоя девственность с одной стороны, может обеспечить очень высокую цену, с другой, скрывать большую опасность. Для тебя и других девушек.

— Почему?

— Потому что мужчины на войне могут быть непредсказуемыми. Внутри стен города

они должны придерживаться лакосских законов. Закон на нашей стороне. На войне же нет правил, и нам нужно приспособливаться к законам солдат. Аукцион может опасно закончиться.

— Понимаю.

— Кстати, меня зовут Реба, — добавила она.

— Навия... Навия О'Лака.

— Я смогла бы всему её научить, — теперь вмешалась Элия. — По крайней мере, самому необходимому. У нас нет девушек из Зимнего царства. Она поднимет нашу цену.

Научить? Ком застрял в горле Навии, а ладони стали влажными.

Реба задумчиво поджала губы.

— Здесь ты, скорее всего, права. Мы можем также предложить аукцион в нашем доме.

Она обратилась прямо к Навии.

— Ты сможешь освоиться. Обо всё узнать. Элия научит тебя. У тебя была бы основа, а у нас, в отличие от других городов, хорошие клиенты.

— С кем вы тут говорите? — спросил высокий голос изнутри, и одна из девушек, которую она видела вместе с Элией, появилась в дверях. Когда она заметила Навию, она кисло поморщилась.

— Что ты здесь делаешь?

— Сориель, это Навия. Она присоединится к вам.

Сориель расстроено покачала головой, при этом её чёрные, как смоль локоны, запрыгали верх вниз. В её глазах вспыхнул гневный огонёк.

— Ни в коем случае. В нашей группе нет ни одной тальвенки. Она привлечёт к себе всё внимание.

— А что в этом такого плохого? — спросила Реба мягко и положила руку на щупленькое плечо Сориель. — Подумай о том, что внимание повысит цену.

Казалось, это не успокоило Сориель. Сердито фыркнув, она развернулась и исчезла в темноте здания.

— Не волнуйся, она привыкнет к ситуации. Какими языками ты владеешь?

— Я свободно говорю на всех диалектах.

Реба довольно кивнула.

— Необычно. Но очень хорошо.

— Как так получается, что они пускают вас в свой лагерь? Вы же можете...

Навия сглотнула. Как много я могу рассказывать? Она решила все-таки задать вопрос. — В конце концов, вы же можете пожелать ранить их.

— Верно, но в этом бизнесе это не имеет значения. Куртизанки и проститутки из всех четырех царств ездят туда-сюда. Они никогда не остаются в одном и том же городе дольше, чем на три месяца.

— Почему?

Реба посмотрела на Элию, которая захихикала.

— Потому что иногда мужчины путают наши услуги с любовью.

— Или бывают мужчины, которым мы надоедаем. Хорошо, когда есть разнообразие, в том числе и для девочек. Тогда и бизнес продвигается лучше, — объяснила Реба.

— Понятно. — Она медлила. — Почему вы добровольно хотите пойти к мужчинам... врагам?

Реба долго смотрела на нее, прежде чем ответить:

— Это наш вклад в защиту нашего народа.

— И в чем он заключается?

— Мы доставляем мужчинам удовольствие. Они делают с нами вещи, на которые ни одна нормальная женщина никогда не согласилась бы. Наше тело — это наш капитал, и одновременно оружие. Если эти воины смогут захватить Лакос, будет большая разница, сделают они это голодными или сытыми, — сказала Реба с долей гордости в голосе.

— Но вас же не хватит на... всех.

— Мы не единственные, кто пойдёт туда, чтобы заработать денег, — сказала Элия. — Вполне возможно, что с ними уже приедут девушки, мальчики или мужчины из Сыски.

— Когда вы хотите отправиться в путь?

— Как только трупы дойдут до ближайшей военной базы, и весть об этом разлетится по городу. Они не будут сразу же нападать на Лакос, потому что сердце пустыни не так-то легко захватить. Еще мой дедушка рассказывал об этом, — сказала она с сияющей улыбкой на лице.

— Ну, так что, Навия, ты уверена, что хочешь присоединиться к нам?

Она посмотрела сначала на Элию, потом на Ребу, которая ей дружелюбно улыбалась. Даже если что-то внутри неё сопротивлялась, сделать этот шаг, её сердце кричало заняться именно этим. И если быть честной, то она уже приняла решение, когда разговаривала с Геро. Окончательное решение.

Она кивнула.

— Да, я уверена в этом.

Навия изумлённо разглядывала себя в зеркале. Она изменилась, правда, ещё не могла понять, что именно было другим. Искусно нанесённый Элией макияж, приталенное платье и распущенные волосы привели к тому, что она почти не узнавала себя. Но это был не только её внешний вид. Блеск в глазах, то, как она двигалась, как чувствовала себя. Прошло много недель, с тех пор, как она покинула Ордин.

Она помнила тот день, когда отправилась с Джовином продавать отстреленные её отцом шкуры животных. Ей казалось, будто это воспоминание произошло целую вечность назад. Она подумала о Даниане, уже больше не чувствуя ту тоску, которую ещё испытывала в начале. Уж слишком сильно она изменилась. Она задавалась вопросом, сколько ещё потребуется времени, чтобы Канаель соткал новый сон над четырьмя царствами.

Это может произойти в любой момент, она посмотрела в окно, обыскивая небо на возможные признаки. Она услышала, как открылась дверь маленькой комнаты, которую она делила с одной из девушек.

— Ты готова?

Внутрь зашла Элия. В одной руке у неё была свеча, которая мерцала из-за её резких движений.

Навия кивнула и почувствовала, как ускорилось сердцебиение. Элия заметила это.

— Не переживай, мы сами выбирали мужчин, которые будут присутствовать на аукционе. Ни у одного из них нет необычных предпочтений.

Навия плавно встала с маленькой табуретки и направилась к двери. Элия улыбнулась.

— Тебе нужно ещё немного выпрямить спину. Поднять подбородок. Как королева. Вот, так правильно.

Навия последовала за Элией в коридор, в котором пахло свежим мылом и ладаном.

Везде на подоконниках стояли маленькие, красные свечи, и было приятно тепло. Тем не

менее, она задрожала, когда спускалась вниз по деревянным ступеням, в направлении маленькой, квадратной комнаты, которая была похожа на, своего рода, кладовую. Она была затхлой и мрачной, пропитанной спёртым воздухом, и только маленький огонёк свечи Элии освещал немного камеру. Она разглядела небольшую сцену, похожую на сцену театра, что разбивают на рынках, которые она посещала со своим отцом. Сцена была отделена от зрительного зала тяжёлым, тёмно-красным, бархатным занавесом.

Немного беспомощно она посмотрела на Элию, которая кивнула.

— Жди, пока тебе не подадут знак. Потом выйдешь. Ни на кого не смотри, только всегда перед собой. Реба будет возглавлять аукцион. Ничего не говори. Слушай указания Ребы.

— Хорошо.

— Удачи, — прошептала Элия, подождала, пока Навия зайдёт и закрыла за ней дверь, так что та осталась стоять одна в темноте, единственный её компаньон — это быстро стучащее сердце. Долгое время Навия ничего не слышала, но потом раздались тихие голоса с другой стороны занавеси, и с другой стороны сцены зажгли два факела. Ей показалась, что она видит Сориель, которая сновала туда-сюда и, в конце концов, исчезла.

— Выйди на сцену, девушка из зимнего царства.

Это была Реба, хрипотца слышалась в её глубоком голосе. Навия нерешительно сделала шаг к занавесу, отодвинула её в сторону и вышла на ярко освещённую сцену. Она тупо смотрела вперёд, но не смогла различить в затемнённом зале отдельные лица, а только тёмные фигуры. Тихий шёпот вырвался из ртов присутствующих, она знала, что они увидели. На ней была одета тонкая, почти прозрачная ткань, которая мягко прижималась к коже и больше открывала, чем прятала.

— Девушка из зимнего царства, приехала в Лакос три дня назад, ей восемнадцать лет и родом она с севера Тальвена, как можно видеть по тонким чертам лица, её очень светлой коже и почти платиновым волосам. А так же есть ещё её голубые глаза, обрамлённые светлыми ресницами.

У Навии было такое чувство, будто Реба говорит о совершенно другом человеке, и ощущение было подобным.

— Повернись для нас, — указала ей шлюха, и Навия на дрожащих ногах повернулась спиной к безмолвной аудитории из теней, хорошо зная, что они теперь разглядывали её заднее место, каждый уголок её кожи. Коротко она подумала о том, что потомок Потерянного народа сможет увидеть рисунок крыльев на её спине, но потом решила не морочить себе голову. Хочет она того или нет, она должна рискнуть.

— Начальная ставка сто маршков.

— Сто пятьдесят, — раздался тёмный голос. Между тем она снова повернулась к залу, чувствовала потрескивающие взгляды мужчин на своём теле и лице. Она слышала их перешёптывания, но видела только лишь их тень.

— Сто семьдесят маршков, — сказал другой.

— Пусть она разденется.

Навия замерла. Голос был глухим от желания, и она почувствовала, как сжались соски от напряжения, под похотливыми взглядами клиентов.

— Раздевайся, — проворковала Реба из темноты.

Навия осторожно высвободилась из тонкой ткани и затаила дыхание, когда материал, шелестя, заструился на пол.

— 210 маршков, — крикнул кто-то.

— 215.

— Кто-нибудь еще будет делать ставки? 215 маршков, — повторила Реба. — Раз...

— 400 маршков.

Сидящие в темноте девушки резко прекратили перешептываться. Навия заставила себя не смотреть на Ребу, стоявшую недалеко от сцены, чтобы увидеть ее реакцию.

400 маршков! Ради Сува! Навия пыталась сохранять спокойствие и считала в уме. Должно быть, это ошибка — невозможно, чтобы мужчина предложил за нее почти тысячу саферов! На эти деньги она и отец могли бы беззаботно жить несколько лет!

— 400 маршков, кто-нибудь предложит больше?

Кажется, никто не хотел предлагать большую сумму... Да и у кого было столько денег, чтобы отдать их за ночь с тальвенийской проституткой?

— Раз. Два... Три! Продано До`Кану. Можешь уйти, девушка из зимнего царства.

Навия робко улыбнулась, подняла платье с пола, развернулась и исчезла за занавесом, где ее уже ждала Элия. Ее глаза сияли, а в руке все еще была свеча. На ее лице читалось удивление.

— Боже мой, еще никто никогда не платил так много! Я бы с удовольствием посмотрела на лицо Ребы.

Она тихо засмеялась.

— Тебе известно, кто меня купил?

Навия не могла сдержать дрожи в голосе. Она медленно надела полупрозрачное платье.

— Капитан, довольно привлекательный, если тебе интересно мое мнение. Бывают и куда более ужасные типы. Он уже был здесь несколько дней назад. Думаю, он питает слабость к тальвенийским девушкам. Реба специально пригласила его.

Сердце Навии забилось быстрее, и она почувствовала, как по спине потёк пот. Значит, время пришло. Последний шаг, и она потеряет свою невинность.

— Когда он заплатит стоимость?

— Аванс получит Реба. Твою часть он отдаст тебе сам. Не бойся, ты справишься. Это будет менее болезненно, чем ты думаешь. Тебе следует слегка приподнимать вверх таз, ты также можешь незаметно подложить под ягодицы подушку, это иногда помогает. Если у тебя пойдёт кровь, то поменяй после акта простыни, это каждый делает сам. Капитан высокого роста, а мой опыт говорит, что высокие мужчины так же и в другом месте хорошо сложены.

Она снова тихо захихикала, но Навии было не до смеха, совсем наоборот.

— Полагаю, тебе придётся менять простыни.

Навия подавила дрожь, с трудом улыбнулась и последовала за Элией в длинный коридор, чтобы из задней камеры добраться до верхнего этажа. У каждой девушки была там рабочая комната, как называла их Реба. Стены были оформлены яркими цветами, простыни и подушки и все постельные принадлежности, были богаче и изысканнее, чем всё, что она видела раньше. Шелковые подушки, одеяла с вышивкой золотом, тёмные занавески из бархата. Элия сопровождала её, но остановилась перед дверью на втором этаже. С улыбкой, она взяла её за руки и коротко пожала.

— Я скажу Лерану, чтобы он сторожил возле двери.

Она понизила голос и наклонилась к ней, так что Навия вдохнула поток её цветочного аромата.

— У нас есть на всякий случай слово, оно меняется каждую неделю. Если ты скажешь

«половицы», то Леран войдёт и попросит капитана уйти.

Однако, это возможно лишь в том случае, если он будет жестоким и перестанет придерживаться соглашения. Реба здесь очень строга, поэтому используй слово только в том случае, если действительно нет другого пути, — добавила она с серьёзным выражением в глазах. — В противном случае клиент может потребовать деньги назад.

— Понимаю. И спасибо, — прошептала Навия с дико стучащим сердцем, повернулась к двери и два раза коротко постучала в деревянную дверь.

— Заходите.

Голос был низким и глубоким, её ноги стали ватными при мысли о том, что теперь последует. Дрожащими руками она ухватилась за ручку двери и повернула её. Дверь приглашающе распахнулась, открывая вид на красную комнату, которая освещалась свечами.

Значит, девушки сделали подготовительные работы.

Взгляд Навии упал на мужчину, который стоял спиной к ней и смотрел из окна. Он был просто огромным.

Высокий, с широкими плечами, и на нём была одета официальная сувийская униформа. Когда она заметила его большие, скрещенные за спиной руки, она сглотнула.

Он повернулся, и у Навии буквально перехватило дыхание. Она знала его. Это был тот же воин, который встретился тогда ей и Пирлеану. Тот же воин, назвавший ее проституткой, и сам того не ведая, предсказавший ее будущее. Навия не могла подавить страх, понимая, что с ним ей придется провести первую ночь. Его черные глаза довольно светились.

Внезапно она успокоилась. Ее разум обнаружил опасность и взвешивал возможности, но внутренне она знала, что решение давно принято и дороги назад нет. Навия открыто посмотрела ему в лицо и вспомнила слова Элии. Она была права.

Он был привлекательным, не какой-нибудь старик с гнилым запахом изо рта и обрюзгшим телом. Ее клиент был красавцем.

— Приветствую тебя, Навия.

Он даже знал ее имя, в то время как она давно забыла, как его звали.

Он скривил губы в странной улыбке, при этом глаза остались серьезными.

— Капитан, — прошептала она, зная, что он хотел увидеть покорную женщину. А может, и нет. В конце концов, он выбрал ее. Тем не менее, Навия, сделав грациозное движение, которое она заучила вместе с Элией, опустилась на холодный, деревянный пол. Его взгляд, пожирающий ее тело, обжигал ее огнем, она не отваживалась поднять голову, пока он не дал разрешение.

Она была бы душой, если бы не помнила их встречу. Он хотел увидеть её строптивой, чтобы можно было наказать. Но она не окажет ему такую услугу. Она покончит с этим, и таким образом проложит себе путь в лагерь сысскийских труп.

— Встань.

Он сделал пренебрежительный жест рукой, указал на комнату и, в конце концов, на неё.

— Я платил не за застенчивую недотрогу. Я хотел тебя, Навия. Уже в тот момент, когда увидел впервые. Строптиво поднятый вверх подбородок, светящиеся глаза...

Он замолчал, когда она подняла взгляд.

— Когда я узнал, что у Ребы можно купить на аукционе тальвенку, я отправился в путь.

В его взгляде была дикость, которая пугала Навию, но также вызвала в области живота неизвестное, тёплое чувство. Он желал её таким способом, который для неё был совершенно чуждым и вселял в неё ужасный страх.

Один момент единственный звук, который был слышен — это её дыхание. Мгновение тянулось бесконечно долго, так что она не выдержала и снова опустила взгляд.

Капитан издал неопределённый звук. Это была смесь из хрипа, перешедшего в стон. Он подошёл к ней, сделав несколько широких шагов, и мгновение спустя прижал крепко к себе. Навия положила руки на его грудь и даже через рубашку почувствовала сильное сердцебиение.

Без предупреждения он наклонил к ней голову, подставив два пальца под её подбородок, приподнял его. Поцелуй был горячим и неожиданным. Его руки, в поисках, стали ощупывать её, провели по плечам, перекачивали ниже. Почти нежно, он провёл по вырезу её платья, его пальцы были тёплыми, всё его тело, казалось, пылает.

Он потянул её в сторону кровати, не прерывая поцелуя, а его губы были удивительно мягкими и другими, не такими, как она ожидала. Она чувствовала, как её губы царапает его щетина. Он умело расшнуровал её платье, снял и бросил на пол, разглядывая её с восторженным выражением лица. Станным образом она не чувствовала себя голой.

Скорее желанной. Дикость и суровость ушли с его лица. Быстрым движением он расстегнул отполированные пуговицы на куртке, сначала снял рубашку, потом штаны. Навия сглотнула, когда её взгляд заскользил по его мускулистому, сильному телу. Он был немного волосатым, мышцы груди отчётливо выражены. Потом её взгляд опустился ниже, и она мысленно застыла. Что мне...?

Элия была права насчёт его хозяйства.

Он снова коснулся её губ, нежно провёл большим пальцем под подбородком и поднял её на мягкие подушки, которыми была украшена кровать. Он не сразу последовал за ней, остался стоять и смотрел на неё с непонятым выражением лица, так долго, что она сжала колени и начала извиваться.

— Скажи его.

Его голос был хриплым.

— Что?

— Моё имя. Скажи его.

— Фориен, — прошептала она беззвучно, когда он плавно опустился рядом с ней и нежно прижал к подушкам.

Коленом он развёл ей ноги, не торопясь, и ни в коем случае не агрессивно, в его движениях была спокойная страсть, которая послала пылающие волны через её тело. Потом он расположился прямо над ней, при этом она могла наблюдать за увлекательной игрой мышц на его руках, когда он упёрся руками в кровать слева и справа от её головы и наклонился к ней. Снова он поцеловал её, в этот раз более жадно, чем раньше.

— Скажи его, — прошептал он возле её рта, его тёплое дыхание, коснулось её, словно ласка. И Навия увидела, что его глаза тёмные от желания.

— Фориен, — повторила она тихо, его руки ласково провели по изгибу её шеи вниз, обхватили груди. Она ощутила запах табака и корицы, странным образом ей понравился его запах, и она почувствовала, как жаждет большего. С нежностью, которой она не ожидала от него, он играл с её соском, и девушка тихо застонала, когда её пронзила сладкая боль.

На одно мгновение она даже забыла, почему так боялась его. Она забыла дышать и почувствовала, как реагирует её тело на прикосновения воина, как он пробуждает её к жизни незнакомым ей способом, который в тоже время наполнил её новыми силами.

Его движения стали более грубыми, он начал мять её грудь, оторвался от её губ, и Навия

поняла, что речь идёт не о ней. Она только воображение, грёза, что-то, чем капитан хотел владеть. Она заперла своё имя, свою личность за стеной в сердце, позволила случиться всему, пытаясь забыть, кем она является глубоко внутри. Она многое забыла, но только не то, почему она была здесь и почему предприняла этот шаг.

Сквозь туман она внезапно почувствовала сильную боль, её тело напряглось, и она удивлённо распахнула глаза. На грудь опустилась горячая паника, она чувствовала жжение между ног, и ей стало холодно.

— Не бойся, — услышала она голос Фориена, как издалека, и боль утихла, когда он начал медленно в ней двигаться. — Я рад, что они сказали правду. Это делает тебя ещё прекраснее.

Он склонился к ней ниже, избавляя от страха страстным поцелуем... и начальная боль превратилась во что-то другое, мужчина оторвался от её губ и начал покусывать шею. Она впиалась ногтями в его плечи, когда его член вышел из неё, потом снова вошёл.

Тихий стон вырвался у неё изо рта. Его вес сильнее вдавил её в подушки, она чувствовала жгучий жар его тела и своё собственное тепло, чувствовала, как повысилась чистота её пульса. В то же время, она поняла, что, возможно, он и заплатил за неё, но в этот момент она была той, кто властвовал над ним.

Ритм Фориена стал быстрее, одной рукой он ещё сильнее раздвинул её колени, другой упирался в каркас кровати, на лбу у него образовались капли пота. Навия подняла на него взгляд, увидела вертикальную складку между бровей, как дрожат его мышцы от напряжения и поняла, что он сдерживается. Для неё. Она начала осторожно двигаться под ним и заметила удивлённое выражение, проскользнувшее на его лице.

Он застонал, потом его толчки стали неистовее, она слышала его затруднительное дыхание и в тоже время почувствовала, как её тело ещё сильнее пробудилось к жизни.

Навия поняла, что не только потеряла свою невинность. Её тело слилось с сознанием, настоящее и прошлое соединились, а она оказалась в самом центре и, задыхаясь от головокружения, отдалась мужчине между её бёдер.

Хелаку, Побережье, Летнее царство

— Общайте дома!

Повелительный голос Нело А'Дарина разносится над головами мужчин, на которых сказалось напряжение последних дней. На их лицах усталость, и это при том, что они еще не столкнулись с настоящим сопротивлением. Ашкин смотрел на многочисленных солдат, занятых пришвартовыванием кораблей в порту Хелаку. Они были одеты в одежду золотистых тонов, подходящую для жары. Большинство из них занимались разгрузкой тяжелых орудий.

Стружали катапульты, оружие, которое уложили в сундуки с тяжёлыми железными креплениями, тараны для осады Лакоса тоже были перенесены через дощатые настилы. Порт был достаточно большой, так что все двадцать четыре корабля нашли место. Многие местные жители сбежали на своих лодках, когда на горизонте появился чёрный фронт. Мужчины под руководством А'Дарина закрепляли за собой ареал вокруг вымершего города.

Люди, которые еще до сегодняшнего утра считали ярко разрисованные дома вдоль порта своими, исчезли. Или были мертвы. Повсюду пахло сожженным деревом, а прохладный морской воздух заглушал трупный запах, проникавший во все поры. Там, где огонь потушили, в воздух поднимались клубы дыма. Квартиры выгорели, окна были черными от копоти, а когда-то радужные фасады украшали отверстия от попадания снарядов. Ашкин видел, как некоторые солдаты вытаскивали из домов трупы.

Застывшие тела огонь, очевидно, настиг внезапно, на многих из них ещё были одеты длинные, белые ночные сорочки, ставшие черными от сажи. Возможно, огонь не проник в комнаты, но они все равно мучительно умерли, задохнувшись в дыму. Сам Ашкин следовал указанию Гарьена, наблюдал за разгрузкой катапульт, которые поднимались с палубы в основном за счет магии снов. Многие носители осколков сна мало чем отличались здесь от простых пехотинцев, их выделяло и отличало от остальных скорее то, как они действовали на окружающих и двигались.

— А'Шель.

Ашкин посмотрел на подошедшего к нему солдата.

— В чем дело?

— Командиры собираются обсудить обстановку, Вы должны принять участие в этом обсуждении.

— Где?

Солдат указал на рыбный рынок между домами, где стояла палатка, в которой могло бы поместиться человек сорок. Флаги, украшавшие арленский герб, развивались на штормовом ветру. Ашкин потуже затянул темно-серое пальто из толака, и кивнул солдату, после чего тот удалился.

— А'Канта, — сказал он человеку справа, которого приставили к нему. — Вы перенимаете командование в мое отсутствие!

С этими словами Ашкин развернулся и направился к импозантной палатке, сопровождаемый звуками деловитой суеты. Он чувствовал осколок сна в кармане, но никогда не носил его дольше, чем нужно.

Отодвинув брезентовый навес в сторону, Ашкин ощутил запах свежесваренного травяного чая, наполнившего своим ароматом каждый угол палатки. Она состояла из центра и трех небольших частей, разделенных на несколько ниш. Посередине, на расстоянии не более двадцати шагов от него, простирался огромный деревянный стол, за которым уместились бы минимум 30 человек.

Ашкин не мог сказать, когда они успели затащить туда такой массивный стол, да это было и не важно. Гарьен славился своим чрезмерным стремлением к совершенству. Однако, оглядев собравшихся, Ашкин не увидел среди них тирана.

— А'Шель! Вот Вы где! — сказал Перель А'Ран, грузный парень, слишком часто заливавший за воротник, и не добившийся ничего во время правления Мерлы.

Свой распутный образ жизни он финансировал за счет темных делишек, и под предводительством Гарьена сумел занять новое место. Он приблизился большими шагами, похлопал Ашкина по плечу и провел его к столу, за которым сидели командиры.

Ашкин с нескрываемым отвращением отпрянул от Переля.

— Не прикасайся ко мне.

— Извините, пожалуйста, А'Шель. — Он, смеясь, поднял вверх руки. — Не знал, что Вы такой чувствительный.

Ашкин ничего не ответил, а направил все свое внимание на происходящее за столом, постепенно приближаясь к нему. Почти никто не заметил его присутствие. Они были слишком заняты картой Летнего царства, лежавшей посередине стола. Ашкин услышал, как кто-то отодвинул навес, посмотрел через плечо и увидел только что зашедшего в палатку Нело А'Дарина. Крупное тело полководца покрывал серебряный нагрудный щит, он носил сапоги с высоким голенищем, издававшие при каждом его движении глухой звук.

— Что я пропустил? — спросил он, встав рядом с Ашкином.

— Еще ничего. Мы как раз хотели начать.

— Прекрасно. — Теперь он смотрел прямо на Ашкина. — А'Шель, мы слышали, Вы много раз ездили в Летнее царство.

Да, он ездил, но это было несколько лет назад и по поручению Мерлы.

— Чем я могу быть полезен?

— Мы обдумываем, каким путем нам лучше всего продвинуться в Лакос. Наши разведчики не заметили каких-либо значительных передвижений трюпп, но рано или поздно мы все равно столкнемся с сопротивлением, — сказал один из командиров, которого он часто видел вместе с Гарьеном. Худой, пожилой мужчина, с жидкими волосами и внимательными глазами.

С невозмутимым лицом Ашкин подошел к столу и склонился над картой, занимавшей одну треть стола.

— От прибрежного города ведет небольшая главная улица к большой северной и южной оси, и этот путь окружен небольшими горами. Горная цепь тянется вдоль всего побережья.

Он ткнул пальцем в определенную точку.

— Есть только одна дорога, ведущая через ущелье между горами. Каль Деданар — долина Одиночества, как ее называют. Игольное ушко, через которое должны будут идти мужчины. Со всеми вещами, животными и солдатами это может длиться несколько часов, пока мы пересечем ущелье. В это время мы особенно уязвимы.

— Тогда что Вы предлагаете? — спросил А'Дарин.

— На мой взгляд, мы не должны рисковать. Это слишком опасно. Но я знаю, на что

способны осколки снов. И все-таки предлагаю пойти под парусом дальше на запад, чтобы попасть в Лакос с другой стороны. Даже если на это уйдут дни.

— Однако на западе Сувия они будут в лучшем положении, — вставил бородастый мужчина, чьё имя Ашкин никак не мог запомнить, хотя уже часто видел его во время совещаний.

Ашкин кивнул.

— У нас есть только два варианта: либо мы рискуем, либо зайдём в страну с восточного побережья, где находится самый крупный порт Сувия Мун и где нас также могут поджидать кевейтские корабли.

Он, одному за другим, посмотрел всем капитанам в лицо, и ещё прежде, чем один из них решил высказаться, он уже знал ответ, прочитав его по глазам. Это будет Каль Деданар, долина Одиночества, не смотря на все опасности.

Когда солнце стояло высоко в небе, а передышки мужчин становились всё длиннее, у Ашкина снова появилось плохое предчувствие. На рассвете они покинули опустошённый город и продвигались вперёд очень медленно. От Хелаку вела часто используемая дорога в сторону юга, мимо фермерских хижин, которые образовывали выход из города.

Они не встретили никаких людей, но жители, когда в спешке убегали, оставили большую часть скота, чьи голодные вопли омрачали настроение войска. Перед ними возвышались серые горы.

Гарьен ехал на лошади, в окружение двух носителей осколков, за авангардом, который состоял из множества меченосцев. На нём был одет нагрудник, но он отказался от шлема, так же, как и большинство других носителей осколков. Они были очень уверены в своей победе.

Крутые склоны вокруг были покрыты мхом и небольшими дикими кустами, птицы гнездились в горных расщелинах, длинные тени лежали на Каль Деданаре. Ашкин выругался про себя. Только двадцать мужчин могли пройти за раз через узкое ущелье, меньше, чем он предполагал. А Дарин выкрикивал приказы, внедряя всё больше носителей осколков в простые отряды, по бледным лицам которых можно было прочесть их неуверенность.

Ко всему прочему ещё жара досаждала им, которая, казалось, изменяется, чем дальше они продвигались в ущелье. Ашкин остановился и посмотрел в небо, на котором не было видно ни облачка. Он чувствовал опасность, хотя осколок сна не был одет на шею и злился, что увидит, как его воины попадут в очевидную ловушку. Его воины. Уже дошло до того, что он видел себя частью этого подлого плана.

Стрела прожужжала в воздухе, Ашкин услышал гудящий звук, и воткнулась мужчине, который шёл рядом с Ашкином, прямо в лоб. Он упал навзничь, сильно ударившись о землю, в то время как солдаты вокруг испуганно отпрянули. Одним прыжком Ашкин оказался за скалой и увидел, как другие стрелы посыпались на солдат.

Крики боли зазвучали в его ушах. Испуганные возгласы. Он вытащил свой осколок сна, завязал его вокруг шеи и почувствовал, как магия окутывает его разум и чувства. Его собственные чувства померкли, зато он стал воспринимать всё вокруг себя намного чётче. Каждый звук. Крики раненых солдат. Он увидел, как брызгает кровь, и его взгляд метнулся к каменным уступам высоко над ним.

Шлемы нападающих блестели серебром в свете солнца. Над ним, там, где склоны переходили в отдельные зелёные участки, а маленькие, серые каменные утёсы закрывали обзор, Ашкин смог различить лучников. Их должно быть было около сотни, маленькие

пункты, почти не видимые человеческому глазу. Но у него было такое чувство, будто он слышит их дыхание. Чувствует запах их адреналина.

Потом он вытащил свой меч, даже если не сможет с его помощью ничего сделать.

— Засада!

Крик распространился, как лесной пожар, был передан с первых рядов назад. У большинства из них не было щитов, и они были беззащитны перед атакой. Разразилась паника. Ашкин увидел несколько капитанов, гневно орущих указания через головы солдат. Носители осколков расположились по краям. Они прошли примерно половину дороги через ущелье, воздух был душным, было тесно. Без предупреждения материализовалась фигура Лорины прямо возле него, он заморгал, потому что яркий свет, который исходил от её тела, ослепил его.

— Возьми меня за руку, тогда я переброшу тебя вперёд.

Нехотя он взялся за вытянутую руку Лорины, ему не подходило то, что приходилось полагаться на неё. Кроме того, ему не нравилось самодовольное выражение её лица. Он сделал глубокий вдох и втянул в себя часть магии. Могущество, пламенное и непобедимое, потекло по его жилам, и Ашкин наслаждался непривычным чувством, хотя знал, что нужно быть осторожным.

Присутствие Лорины наполнило его, и он слепо последовал за ней в место, без пространства и времени, которое создали дети богов. Ещё когда он выдыхал, то почувствовал, что стал снова частью реального мира и огляделся. Крики боя достигли его слуха, возгласы звучали близко, а в воздухе чувствовался запах пота и крови, он прямо-таки въелся ему в нос. Лорина перенесла их в переднюю часть войска, где Ашкин, рядом с сыскайцами, одетых в золото, различил также сувийских бойцов.

Место в ущелье было немного шире, чем то, где захватили врасплох его, напав с воздуха. Мечи ударялись друг о друга, некоторые носители осколков метали в воздухе небольшие валуны, словно стрелы, они на полной скорости продырявливали нагрудники сувийских бойцов. Лица многих из них были разрисованы чёрными знаками богов, которые придавали им грубую свирепость. Их широкие, красные, льняные штаны, казалось, совсем им не мешают.

Учитывая жару, они двигались с завидной лёгкостью по открытому полю боя, набрасываясь на солдат из Осеннего царства, которые, из-за тесноты ущелья, были не в состоянии перегруппировать свои ряды.

— Нужно возвести магический барьер, — крикнул он громко, чтобы перекричать шумный хаос. Он почувствовал, что что-то летит в него, молниеносно использовал силу осколка и распространил её вокруг себя, как щит. Светло-зелёные нити, натянутые вокруг его головы, словно сеть и невидимые для человеческого глаза.

Он услышал глухой звук стрелы, которая с жужжанием отскочила от невидимой стены и упала на землю. Потом он отвёл взгляд и посмотрел на Лорину, которая не выпускала его из виду не одно мгновение.

— Они расположили в горах лучников. Они будут избегать прямого столкновения, потому что знают, что уступают нам численностью. Нужно устранить лучников. Это наш единственный шанс — вытеснить сувийские войска из ущелья и заставить их сразиться с нами на открытом поле! Сюда вернулись все носители осколков?

— Ещё нет. Керия и я позаботились в Лакосе о беспорядке, другие хотели ещё воспользоваться ситуацией и посеять в столице страх и ужас, прежде чем мы захватим её.

— Хорошо, — ответил Ашкин. — Носителям осколков нужно образовать круг вокруг пеших солдат.

Он почувствовал, как она окружила себя магией, потом погрузилась в свет и исчезла. Ашкин поднял меч, окружил себя магией сна, которая прижалась к его телу, как вторая кожа, и бросился вперёд. Везде лежали неподвижные тела, их золотые униформы были окрашены красной кровью, и земля тоже превратилась в кровавый ручеёк.

Его собственная кровь так шумела в ушах, что он почти больше не слышал криков, доносящихся к нему от сражающихся. Ещё прежде, чем он достиг линии фронта, он увидел Лорину, которая вместе с другими носителями осколков появилась в окружающем их свете. Сувийские воины испуганно отпрянули, когда всё больше ослепительных фигур появилось рядом с ними из ниоткуда.

Носители осколков взяли за руки, образовали щит, который вырос над головами солдат и вскоре заполнил всё ущелье, взрыв красок из божественной магии снов. Ни одна сувийская стрела больше не проникала к сражающимся. Ашкин чувствовал гудение, мерцание в воздухе, как будто он был заряжен магией. Жара вокруг него превратилась в жидкий огонь, и он с каждым вздохом всё больше осознавал, что атмосфера вокруг заряжена.

Он увидел, как победоносное выражение на лицах противников превратилось в панику, когда они заметили силу божественного оружия.

Некоторые носители осколков высвободились из ряда, другие заполнили брешу и пытались сформировать отдельные нити тумана, маленькие шары, полные ярких цветов. Потом они вложили в них всю силу и бросили в сторону сувийских воинов, поразив их этими невидимыми шарами, так что те взлетели в воздух. Отдельные бойцы были брошены на других, в строе разразился хаос, и Ашкин понял, что они победят.

Если им удастся сохранить эту стену из магии, и оттеснить дальше сувийских воинов, то через три дня они окажутся перед стенами Лакоса.

Поблизости от Лакоса, Летнее царство

Сыскийцы разбили свой лагерь посреди равнины Тьоран. Равнина смерти, как сказала ей Элия, потому что столетия назад здесь велись битвы. Она располагалась непосредственно в оазисе между Лакосом и второй по размеру пустыней Сувия. Навия уже издалека видела цветные флаги с гербом семьи Ар'Лен, установленные на темно-серых палатках, прикрепленных к земле деревянными колодами. Тысячи ламп внутри палаток светились, как фонари, указывая ей дальнюю дорогу из города.

Когда два дня назад эти светящиеся огни показались на горизонте, девушки собрали свои пожитки и отправились в дорогу. Вместе с другими семью женщинами и двумя мужчинами, с четырьмя охранниками и Ребой в роли свахи, они добрались до большого палаточного городка, который показался Навии воротами в царство демонов. Трупам Гариена понадобилось четыре дня, чтобы оказаться в поле зрения города.

При этом они обратили в бегство большинство сувийских трюпп, но Навия не могла понять, почему осколки снов были все еще заряжены. Ведь Канаель уже давно должен был соткать новый сон для четырех царств! У них было мало времени. Если Лакос падет, для других городов не останется никакой надежды, она не могла и не хотела представлять себе, что это будет означать для мира.

— Приветствую тебя, Реба Да'Нар. Всегда рад тебя видеть, — облизав губы, сказал человек с седой бородой, попавшийся им на полпути. — Вы путешествуете под флагом иммунитета, с тобой и твоими девочками не должно ничего случиться.

— Очень великодушно с Вашей стороны, Ферго, — сказала Реба.

Доброжелательный взгляд Ферго остановился на Навии. С язвительной улыбкой он подошел ближе и обхватил ее лицо. Она почувствовала гнилой запах изо рта, когда он наклонился вперед и обнюхал ее. Однако она подавила отвращение и заставила себя дышать спокойно.

Это ничего общего не имеет с тобой. Думай о своей цели.

— Как я вижу, среди твоих девочек есть тальвенийка. Мужчины обрадуются. Она будет сильно занята.

Он рассмеялся, похрюкивая.

Краем глаза Навия заметила, как Сориель подошла ближе. Она соблазнительно улыбалась, умело хлопала ресницами больших, накрашенных глаз, а легкие локоны вокруг ее лица, колыхались при каждом шаге. Каждое ее движение служило неммым обещанием того удовольствия, которое она могла доставить мужчине.

— Оо, кто это у нас тут? Какая красивая девушка! Я вижу, на тебя работают новые дамы, Реба. Им удастся то, что обещает их внешность? — спросил он с довольным лицом. — Пойдемте со мной. Я приведу вас в главную палатку.

Навия предполагала, что главной была палатка, отличающаяся от остальных серых палаток, имевшая несколько отсеков и украшенная красно-коричневыми флагами, значение которых она не знала.

— Пока вас не заполучили солдаты, вы должны немного развлечься с генералами.

Он громко рассмеялся.

У Навии вспотели ладошки. Она несколько раз сглотнула, чтобы исчез комок в горле. Все ее тело напряглось. Может быть, ей удастся увидеть Гарьена. Навии было любопытно увидеть его, хотя, наверное, сразу убить его не удастся. Она хотела узнать, кем был человек, из-за которого были убиты ее отец и тысячи других, и который был готов втянуть мир четырех царств в ужасную войну. Навия хотела посмотреть ему в лицо и насладиться предвкушением мести. Когда-нибудь подходящий момент наступит.

— Навия, — тихо сказала Реба, задержав ее.

— Да? — Она повернулась к ней.

— На тебя поступил заказ.

Ее сердце забилося сильнее.

— От кого?

— Пять командиров спрашивали о тальвенийке. Они находятся справа, через две палатки. Леран сопровождает и подождет тебя. Ты должна развлекать их, танцевать для них. Если кто-то захочет на некоторое время уединиться с тобой, скажи Лерану, чтобы он взял за тебя деньги. Затем можешь идти с клиентом.

На мгновение Навия почувствовала разочарование вперемешку со страхом. Она должна в одиночку танцевать и спать с пятью командирами?

— Ты меня поняла? — спросила Реба, твердо глядя ей в глаза.

Навия кивнула, решительно вздернула подбородок и повернулась к Лерану, молча смотревшему на нее. У него были коротко стриженные волосы и непонятное выражение глаз. Не говоря ни слова, он сопровождал ее до указанной палатки.

В Лакосе и регионе наступила звездная ночь, теплый дневной воздух словно укутал пеленой равнину Тьоран. Чем дальше Леран и Навия продвигались вглубь лагеря, тем громче раздавались свист и крики. Военный лагерь был расположен таким образом, что палатки солдат несколькими рядами сходились к главной палатке, и им просто нужно было идти по дороге.

Между палаток находились места для хранения товаров и продовольствия, а также костры, на которых готовилась еда. Повсюду стояли люди в военной форме. Они все были на одно лицо, с их светло-коричневыми волосами, которые в свете огня приобретали рыжеватый оттенок, и широкими лицами. Навия с трудом могла отличить их друг от друга.

Ей бросилось в глаза, какими помятыми были их штаны. Куртки тоже стояли колом от грязи, некоторые из них были совершенно неухоженными и нуждались в бритве. Видимо, они уже несколько недель в дороге. Но больше всего Навию испугали их глаза, видевшие вещи, которые она даже не могла представить, и выражали холод, от которого мурашки пробегали по коже.

На каждом втором углу они были заняты тем, что готовили простую пищу на кострах в неумело кованых кастрюлях. Пахло рагу, специями из осеннего царства и непривычными травами, которые оставляли древесный вкус на её языке. Она сделала глубокий вдох, и у неё появилось ощущение, что воздух вокруг лагеря изменился.

Гогочущие крики, которые становились громче, как только она появлялась в поле зрения, сопровождали каждый её шаг, и Навия шла с высоко поднятой, гордой головой, как тренировалась. Она чувствовала взгляды мужчин через тонкую, светло-голубую ткань своего платья, которое так прекрасно подчёркивало её глаза. Она прямо-таки видела, как они представляют себе её голое тело и вещи, которые собирались с ней сделать, когда исчезнут в

одной из просто построенных палаток.

Навия играла роль. Роль, к которой привыкла с ночи, проведённой с Фориеном. То, что она продавала своё тело, ничего общего не имело с ней, с Навией О'Бай. Она была просто сосудом, созданным для того, чтобы выполнять желания клиентов. Навия О'Бай спряталась глубоко внутри, ожидая там того часа, когда встретиться с Гарьеном и выполнит своё задание. Чёрная палатка, с небольшим серебристо-серым пологом, которая охранялась двумя солдатами с безучастным выражением лиц и длинными копьями, выделялась среди простых палаток пехотинцев. Она была в четыре раза больше и стояла на небольшой возвышенности.

Траву уже вытоптали, а несколько воткнутых в землю факелов удерживаемых воронками из железа, освещали вход.

— Если тебе понадобится моя помощь, позовёшь. Ты знаешь защитное слово, — сказал Леран на прощание, кивнул ей и остановился перед входом.

Она быстро повернулась к нему спиной, чтобы он не заметил её неуверенность, и зашла в палатку. Внутри палатка состояла из большой, главной комнаты и трёх частей поменьше, в которых было несколько ниш, выложенных подушками и одеялами. Повсюду были установлены небольшие лампы, свет которых погружал палатку в тепло, и здесь пахло алкоголем и табаком. В главной комнате стояли несколько тахт из эрбанского дерева, круглый стол окружённый стульями, несколько свечей и небольшая перегородка, перед отдельной частью, за которой Навия увидела нишу, закрытую красными шторами.

Пять мужчин, о которых объявила Реба, сидели вместе на вышитых одеялах и подушках, в одном из уютных углов и, казалось, уже очень много выпили. Во всяком случае, она увидела несколько пустых, опрокинутых глиняных сосудов, которые были разбросаны по всему полу. Их слишком громкие голоса звучали пронзительно, громкий смех вызвал в ней панику. Красные, распухшие лица, вялые глаза. Из-за их пьяного состояния Навии с трудом их понимала, вдобавок ещё их сыскийский диалект.

Она широко улыбнулась и начала хлопать в ладоши, следя за тем, чтобы сохранить достойную осанку и переиграть свой страх. Она Навия О'Лака. По крайней мере, на данный момент.

Мужчины резко повернулись к ней и их лица просветлели.

— О... тальвенийка! Мы ждали тебя весь вечер! — крикнул один из них заплетающимся языком.

— Иди сюда, малышка! Ты красивая, но вы все такие в зимнем царстве, не так ли?

Сначала нерешительно, потом всё смелее, Навия двигалась по помещению, подняла руки над головой, продолжая хлопать в ладоши. При этом она кружилась и двигала бёдрами так, как научила её Элия. Маленькие, круглые цепи, которые она повязала вокруг бёдер, звенели при каждом шаге, так же, как колокольчики вокруг её лодыжек.

После мгновения благоговейного молчания, мужчины принялись хлопать вместе с ней, и Навия от облегчения опустила руки, двигаясь в ритм, задаваемый мужчинами. Их взгляды прожигали насквозь тонкую ткань её светло-голубого платья. Она слышала их тяжёлое дыхание и повернулась к ним спиной, чтобы перекинуть волосы вперёд и оголить плечи.

Как раз настолько, чтобы не было видно тонких линий на её коже. Она услышала удовлетворённое бурчание, продолжая дальше двигать бёдрами и водить по телу руками. В тоже время она, пританцовывая, повернулась к группе лицом.

Через некоторое время, которое показалось ей вечностью, один из мужчин встал и, покачиваясь, направился к ней. Его сладковатое дыхание и запах пота, исходящий от тела,

были ей противны, но в последний момент ей удалось не состроить гримасу от отвращения.

— Заканчивай с этими дурацкими танцами.

— Эй, Ронан, убери от неё свои грязные руки!

Другой мужчина, более плотный, вскочил на ноги. Он так сильно шатался, что она подумала, он упадёт. Чудом он остался стоять на ногах, а потом направился прямо к ней.

— Это я позаботился о том, чтобы мы её заполучили!

Мгновение спустя она уже почувствовала его руки на талии и тут же напряглась.

— Господа, — сказала она настолько величественно, насколько могла и попыталась убрать грубые руки со своего тела. — У нас ещё вся ночь впереди. Я...

— Заткнись, шалава! — прорычал первый. — Мы решаем, что сделаем с тобой!

Навия хотела отступить на шаг, но он оказался быстрее, чем она ожидала от него в этом пьяном состоянии, и схватил её за запястье. При этом он издал раздражённый звук, в то время как она подавила тихий стон. Его ногти впились глубоко в её кожу, когда Навия попыталась вывернуться из его хватки.

Внезапно она услышала звук рвущейся ткани, почувствовала холодный сквозняк на груди, когда капитан отпустил её и начал возиться с её платьем. Она хотела воспользоваться возможностью и сбежать, но он, шатаясь, шагнул вперёд, и из-за его веса она споткнулась. Вместе они повалились на покрытую ковром землю, она чувствовала его тяжёлое дыхание на лице, когда он снова схватил её.

Её бедро так заболело от удара, что она стиснула зубы.

— Ты чертовски хорошо пахнешь, — проворчал он и лизнул её в шею.

Навия подавила зародившуюся тошноту, когда в её поле зрения попал второй солдат, спустивший штаны до колен. Одной рукой он возился со своими длинными, белыми трусами.

— Вдуй этой шлюхе!

Она отвернулась, когда ищущие пальцы капитана скользнули под её платье, грубо, так что она поняла, что, по меньшей мере, заработает парочку синяков. Он раздвинул её ноги и расположился прямо над ней. Нет. Только не так!

Навия испустила яростный вопль, пытаясь высвободиться из-под массивного тела воина, но того не возможно было сдвинуть с места.

— Отпусти меня!

— Чего ты ломаешься, в конце концов, для других ты тоже раздвигаешь ноги! — фыркнул он, красное, распухшее лицо прямо над ней. Пусть Реба вычтет это у неё из зарплаты, но так она точно не собирается выполнять своё дело.

— Волны! — выкрикнула она защитное слово, отталкивая капитана, что казалось почти невозможным, потому что он схватил её ещё сильнее, быстро расстёгивая ширинку своих штанов. Навия попыталась согнуть ноги, чтобы пнуть его, но он держал её словно в тисках, пока другие мужчины встали возле них в полукруг. Она снова закричала, так громко, как могла, и рука капитана зажала ей рот и нос.

— Отпусти её, Перель, — раздался трезвый голос за её спиной.

Леран!

Когда тот, к кому обратились, не отреагировал, она услышала приближающиеся шаги, и капитан внезапно убрал руку с её рта. От облегчения она выдохнула. К счастью, он ещё слышал её крик!

— Слезай с неё.

Она увидела, как побледнел капитан, когда поспешно спускался с неё, чуть ли не вскакивая на ноги. Со стучащим сердцем Навия поднялась, проверила платье, которое, к счастью, было порвано не слишком сильно, и убрала с лица спутанные волосы.

У капитанов на лице было странное выражение, они кое-как застегнули брюки, некоторые даже просто придерживали их руками. Она встала на дрожащих коленях и подобрала подол подъюбника. Она почувствовала, как Леран встал позади, очень близко к ней, и хотела удивлённо повернуть голову, потому что он казался выше, чем она помнила. Мгновение спустя она поняла, что Леран не мог знать имени капитана.

Навия напряглась, её охватил ужас, и она неуверенно оглянулась через плечо.

Внезапно она встретилась с двумя ледяными, голубыми глазами, так, что даже вздрогнула. Они были непроницаемы и смотрели прямо ей в лицо, изучая каждый уголок её души. Навия, потеряв дар речи, смотрела на него в ответ. Дрожа, она скрестила руки на груди, и никак не могла оторвать взгляд от своего спасителя. Не смотря на его высоту и мышцы, он не казался грубым, скорее, в мгновение способным проворно переместиться через комнату. Но не его тело так поразило её, а харизма, эта неприступность, опасность, которую он излучал с каждым вздохом.

Короткий момент не мог длиться дольше, чем пару секунд, но показался ей вечностью, и только когда она снова отвернулась, то поняла, что всё это время не дышала.

— Это тебя не касается, А'Шель! — прорычал Перель, снова ухватился за её запястье, притянул к своей груди, держа так крепко, что у неё вырвался стон.

— Отпусти её.

Слова воина вибрировали в её груди.

— Мы уже заплатили за неё.

— Это не имеет значения. Я сказал, значит, так и будет.

Она прочитала сомнение в опухшем лице капитана, увидела его внутреннюю борьбу, потом его хватка ослабела и, в конце концов, он, чертыхаясь, отвернулся от неё.

— Пойдём со мной.

— Но...

Она повернулась к А'Шелю.

— Пойдём. Или я убью тебя на месте.

Она побледнела и последовала за ним по пятам, когда он поднял для неё тент, и она проскользнула наружу.

— Где...?

— Твоя караульная собачка? Я его отослал.

— Леран не ушёл бы просто так.

— Поверь мне, — сказал он тихо, — он ушёл.

Теплый ветер трепал тонкое платье Навии, она скрестила руки на груди, не двигаясь с места. А'Шель смотрел на нее, нахмурившись. Его взгляд задержался на ее лице и опустился вниз, после чего она заметила, что его лицо помрачнело. Сделав шаг, он оказался возле нее.

Навия испуганно взглянула на него, когда он грубыми руками схватил ее за подол платья и рывком задрал его вверх до бедер, обнажив прикрепленный к подвязке небольшой нож. Она была рада, что вырвалась от командиров, потому что нож предназначался не для них. Поцарапав огрубевшими пальцами ее кожу, Ашкин вытащил его из-под подвязки чулка.

— Кого ты хотела этим напугать? — спросил он, забрав нож себе. В его голосе слышалась насмешка. — Перелю ты не собиралась перерезать горло, иначе бы уже сделала

это.

Навия упорно молчала. У нее не было другого выбора, ведь она хотела остаться в живых этим вечером.

— Пойдем уже, наконец, — сказал он и повернулся, чтобы уйти.

Некоторое время они шли молча вглубь лагеря мимо бесчисленных палаток и временных хлебов для животных, где пахло соломой и фекалиями, мимо солдат, которые, сидя у огня, выпивали и играли на деревянных инструментах. Несмотря на глубокую ночь, было шумно и весело, но атмосфера все же была напряженной, как будто над лагерем висела постоянная угроза. Они шли долго, мимо палаток, их было столько, что Навия даже сбилась со счета.

Их было тысячи. Навия при каждом шаге ощущала близость воина, ловко проводящего ее мимо солдат, которые все время делали двусмысленные замечания и звуки. Она не знала, откуда возникли эти ощущения, была ли она Навия О`Лака, игравшая роль, служившую ей защитой, или это она сама на всем протяжении пути косилась на мужественное лицо А`Шеля.

В конце концов, они остановились перед довольно внушительным образцом среди всех этих маленьких палаток. Палатка темно-серого цвета с балдахином, была похожа на палатки капитанов. На ее стене танцевали тени солдат, сидящих возле костров, однако у входа не было никакой охраны. Подняв тент, Ашкин пропустил ее вперед. Внутри палатка была обставлена довольно скромно.

Простой, деревянный стол с тремя стульями и разложенными на нем картами, веревка натянутая поперек помещения. Маленькое ручное зеркало и умывальник, на котором стоял кувшин. Навия огляделась и обнаружила в задней части палатки двойные нары, но никаких уютных уголков со множеством подушек или одеял, как было в палатке капитанов.

Видимо, А`Шель ограничивался не только в разговоре самым необходимым. Она почувствовала, как он встал сзади, и повернулась к нему. От близости к нему и его взгляда, у Навии вновь пропал дар речи. Ее обдало жаром, она уже хотела опустить взгляд, но Ашкин сделал шаг вперед и теперь смотрел на нее сверху вниз.

— Чего тебе здесь надо? — грубо спросил он.

— Я здесь, чтобы доставлять мужчинам удовольствие. Вы же сами видели.

— Ты не такая, как девушки, которых привела Реба. У тебя неловкие движения, натянутая улыбка, твоя неуверенность видна за версту. Поэтому я спрашиваю тебя: Чего тебе здесь надо?

Его голос был холоднее льда на ее родине. Ей вдруг стало тяжело дышать, но Навия заставляла себя не показывать никаких эмоций. Она заметила, как блеснули его глаза.

— Еще раз: *почему* ты здесь? — тихо спросил он, пронизывая ее взглядом. Навия чувствовала себя голой и полностью в его власти. У нее пересохло в горле, она вдруг поймала себя на том, что рассматривает его жесткие, но одновременно чувственные губы.

— Прекрати так смотреть на меня, — рассерженно сказал он и отвернулся. — Просто ответь на мои вопросы.

— Я... недавно в Лакосе, чтобы заработать денег. Может, поэтому я кажусь не такой... опытной как другие.

— Почему именно в Летнем царстве?

Навия решила сказать часть правды.

— На деревню моих родителей напали, оставшись без семьи и средств к

существованию, я решила поехать на юг.

— Зачем тебе понадобился нож?

— Чтобы защититься, если клиент не будет соблюдать правила.

Он повернулся и внимательно посмотрел на нее.

— А эти парни, они соблюдали «правила»?

— Вы пришли, — проворковала Навия совершенно чужим для себя голосом, которым она начала говорить в последние дни. Когда стала жить жизнью Навии О'Лака.

— А если бы я не пришел...?

— Тогда бы Вы лишились одного командира, а я своей работы.

Казалось, А'Шель прикидывал, говорит ли она правду. В его глазах читалось сомнение, она видела, что в нем идет внутренняя борьба. Вдруг его зрачки расширились, а ноздри раздулись. Словно он понял, почему она отличалась от других девушек.

— Отпустите меня, — попросила она, прежде чем он успел что-либо сказать.

— Ты знаешь, что я не могу сделать это, — невозмутимо сказал он. Стояла магическая атмосфера, над телом Навии распространилось потрескивание, затмившее все, что она когда-либо ощущала. Напряжение было таким сильным, что Навия была готова пуститься в бегство, если бы А'Шель приблизился хотя бы на сантиметр. Но начав странствовать, она бы выдала себя, а этого нужно во что бы то ни стало избежать. Оставалось только бежать по земле.

А'Шель молча смотрел на нее, усиленно раздумывая, казалось, что он тоже недоумекает из-за того, что уже давно не арестовал ее, а все еще стоит здесь. Навия не решалась даже вздохнуть и пошевелиться. Это могло все изменить. То, что было между ними, и что она не могла выразить словами. В глубине его голубых глаз она видела нечто, странным образом коснувшегося ее, и она ждала, что он разрушит эти странные чары.

В этот момент раздался протяжный звук горна, после чего стих смех и замолчали музыкальные инструменты.

— На нас напали.

Прежде чем Навия сумела отреагировать, А'Шель подскочил к ней и схватил за руку. Ее пронзило током, по коже пробежали мурашки в том месте, где ее коснулись его пальцы. Навия испуганно посмотрела на него и поняла, что он ощущал то же самое. Несмотря на это, он, молча и с каменным лицом, потащил ее к своей кровати, на которой лежали смятые простыни, а рядом стояла пара поношенных кожаных сапог.

— Сядь, — приказал он. — Вытяни руки.

Навия не пошевелилась, тогда он грубо схватил ее руки и привязал их кожаным шнуром к деревянному колу, поддерживавшему палатку. После чего проделал тоже самое с ее ногами.

Закончив, он выпрямился и посмотрел на нее. Сердце Навии взволнованно забилося, хотя она при всем желании не могла объяснить, почему.

— Пока ты привязана к какому-нибудь предмету, ты не сможешь странствовать. Так что даже не пытайся.

Его слова были равнозначны удару ножом. Навия почувствовала разочарование и одновременно покорное смирение. Она не ошиблась — он знал, кто она. По крайней мере, он ее не убил. Во всяком случае, пока.

Взяв с полки меч с черной рукояткой, Ашкин вознамерился покинуть палатку. Навия умоляюще смотрела ему вслед.

— Пожалуйста, отпустите меня. Я исчезну и больше не вернусь.

А Шель обернулся в последний раз.

— Радуйся, что я оставил тебя в живых, — хладнокровно сказал он, после чего опустил тент и исчез в ночи.

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

Когда Ашкин вышел из палатки и вдохнул тёплый воздух, на равнине Тьоран всё ещё лежала ночь. Ему понадобилось одно мгновение, чтобы привести в порядок запутанные мысли, и он попытался получить общий обзор происходящего, но это было невозможно. Мимо него бежали солдаты, надевая на униформу нагрудники, крича друг другу команды. Эта была третья ночь, которую они проводили на равнине — последняя битва и тяжёлое путешествие через горы и пустыню ослабили силы мужчин и женщин.

Благодаря носителям осколков им удалось обратить сувийское войско в бегство, всё же это стоило им времени и сил, которые на самом деле были им нужны для предстоящего нападения на Лакос.

В течение одного дня они построили укрепление, состоящее из высокого, зеленого вала, перед которым проходил небольшой ров. Наверху вала, при помощи магии снов и привезённых из Сыски брёвен, был возведён частокол высотой в несколько метров. Северный фронт ещё не начали строить, однако сторона, повёрнутая к Лакосу была почти готова. Посередине находился деревянный настил, который обеспечивал охранникам достаточную защиту от нападения, но им ещё не удалось закрыть выходы.

Из-за этого укрепление казалось почти бесполезным.

В рог подули во второй раз, и Ашкин побежал к офицерской палатке. Он не мог себе представить, что лакосские воины откажутся от защиты каменной стены города, чтобы напасть на них на открытом поле, с другой стороны — шла война, на которой было возможно всё.

— Знаешь, что происходит? — спросил Ашкин, остановив солдата, чьё лицо было гладким, как женская задница, и Ашкин снова задался вопросом, с каких пор детей посылают на войну.

— Тальвенцы, они незаметно приблизились с севера-запада и окружают нас! Видимо, они сошли на берег в Муне и хотят выступить против нас.

Мысли Ашкина перегоняли одна другую. Их окружают. Ничего не было настолько опасным, как сражаться на двух фронтах, это он знал из собственного опыта. Он кивнул пареньку и быстро пошёл дальше, пока не добрался до офицерской палатки. Перед тремя входами в палатку выставили охрану, которая с готовностью пропустила его, когда он подошёл ближе. Внутри царило возбуждённое настроение, громкие голоса выкрикивали наперебой, многие капитаны казались подвыпившими, зато ум Ашкина работал ясно.

Он обнаружил Лорину, которая в свою очередь бежала ему навстречу.

— Ашкин! Я тебя искала! Где ты был? — спросила она и посмотрела на него с укоризной. Если подумать, то у неё было некоторое сходство с девчонкой из Зимнего царства, которую он оставил в своей палатке, и при мысли о её взгляде он почувствовал странное чувство в области желудка.

— Ферго притащил шлюх. Я должен был удостовериться, что мужчины в безопасности.

— Я знаю. Но это действительно только шлюхи, не так ли?

— Да.

Он не знал, зачем врёт для этой девушки. Он должен был убить её. Это даже было его обязанностью, но что-то в её взгляде, то, как она на него смотрела, помешало ему сделать это.

Лорина молча разглядывала его одно мгновение.

— Хорошо. Но это сейчас всё равно не важно. На нас напали, а твой осколок не на тебе! Иди, возьми его, чёрт побери, а потом нам нужно выяснить, откуда точно они на нас напали, и сколько их. Носители осколков, которых мы послали в качестве разведчиков, сообщают о тальвенских солдатах, приближающихся с северо-запада.

Благодаря предупреждению, у них, возможно, есть ещё немного времени, чтобы разместить свои собственные войска, даже если, по меньшей мере, половина из них явно перебрала с выпивкой.

— Лакосские солдаты маршируют к нашему лагерю, — добавила ещё Лорина.

— Они отказались от защиты стены, хотя мы ещё даже не начали осаду? — спросил Ашкин.

— Кажется, так и есть.

— Должно быть, они сошли с ума.

— Или отчаялись.

Ашкин отвернулся, но у него было неопределённое ощущение, что за ним наблюдают. Когда он прошёлся глазами по собравшимся, его взгляд остановился на паре ледяных, голубых глаз, которые были так сильно похожи на его. Одно мгновение он думал, что ошибся. Он моргнул, пытаясь скрыть своё удивление.

Мужчина на другом конце палатки держал в руке кубок, и теперь поднёс его ко рту, не выпуская Ашкина из виду. Саро. Его брат повзрослел. Его тёмные волосы до плеч были распущены, и он отрастил себе бороду, благодаря которой все мальчишеские черты исчезли из его лица. Ради Сис, он стал взрослым, а я не мог все эти годы находиться рядом с ним.

Его горло сжалось, и он увидел, как Саро, с улыбкой на губах, поставил кубок на столик рядом. Он двигался по помещению с такой же уверенностью, как и он сам. Всё в его брате напоминало Ашкину время в его жизни, когда ему ещё нравилось убивать людей.

Саро остановился непосредственно перед ним.

— Долго не виделись, брат, и всё же я так много слышал о твоих подвигах.

Он ошибается, или в голосе Саро действительно послышалась нотка зависти?

— Ты хорошо выглядишь, — ответил Ашкин.

— А ты постарел. Я слышал, что ты несколько недель назад, ты был в нашем родном городе. Как дела у матери?

— Она дома. Здоровая и невредима, и точно не благодаря тебе.

— Понимаю.

— Ашкин!

Лорина появилась рядом с ним, её светлые глаза сверкали гневом.

— У нас сейчас нет времени для воссоединения семьи! Будь добр, принеси сюда свой осколок, нам нужно сформироваться. Они скоро будут здесь!

Он кивнул и обменялся быстрым взглядом с Саро, который лишь презрительно приподнял вверх брови. Он ведь должен знать, что Ашкин находится здесь только из-за него и их матери. Мрачное предчувствие охватило Ашкина, когда он возвращался к своей палатке, чтобы взять осколок.

Когда он в неё вошёл, то остановился, как вкопанный. Его взгляд задержался на кровоточащем носе девчонки из Зимнего царства, которая смотрела на него, широко распахнув глаза. Алана стояла спиной к нему и тяжело дышала. Кто дал ей право просто так входить в его палатку? Алана резко повернулась, когда заметила его. В её взгляде была искра возмущения, каштановые волосы заплетены в тяжёлую косу.

— Что она потеряла в твоей палатке, Ашкин?

Её голос был опасно тихим.

— Я чувствую в ней магию сна, слишком много для человека. Они странница, я права?

— Да, права, — сказал Ашкин, сам удивившись, как холодно прозвучал его голос. —

Вопрос в том, что ты делаешь в моей палатке.

Она тяжело задышала.

— Меня послала Лорина, вскоре после того, как ты вышел из палатки, потому что что-то заподозрила! И она была права! Я была такой дурой, и поверила в то, что ты на нашей стороне!

Мгновенно она вытащила нож. Он увидел движение и почувствовал, как его тело отреагировало на это, когда она снова повернулась к девчонке из Зимнего царства. Не раздумывая, он бросился вперёд и вытащил из ножен свой меч. Алана отпрыгнула в сторону, перевернулась на полу и снова мягко вскочила на ноги.

— Ты защищаешь её!

В её словах слышались неверие и разочарование.

Ашкин молчал, заслонив собой девчонку из Зимнего царства, в то же время он задавался вопросом, не потерял ли он полностью рассудок. Алана зашипела, бросила нож на пол и вытащила свой собственный меч. Она бросилась на него, как разъярённая кошка, её глаза сверкали от гнева, и он отбил её первый удар. Она развернулась и попыталась атаковать его справа, но он парировал и этот удар.

Она была разочарована и сердилась, а это делало её уязвимой. При нормальных обстоятельствах Алана была идеальной убийцей, невозмутимой и расчётливой, но её любовь к нему делала её ранимой, и она это знала. Она никогда не признается, но Ашкин читал это в её глазах.

Она вложила в схватку всю свою физическую и магическую силу, но была слишком небрежной, а её атаки смазанными. Ашкин знал, что пришёл момент, когда он навсегда покончит с их общей игрой.

Он перехватил руку Аланы, в которой был меч и притянул её так близко к себе, что она больше не могла двигаться. Их губы почти прикасались друг к другу. Молниеносно он выбросил свой меч и вытащил кинжал из-за пояса.

— Мне очень жаль, Алана, — пробормотал Ашкин, — но мы оба знали, что когда-то это произойдёт.

Потом он воткнул кинжал.

Глаза Аланы остекленели, а её дыхание оборвалось в тот момент, когда Ашкин вытащил кинжал из её груди. Он поймал её безжизненное тело, прежде чем то упало на землю и отнёс её к своей койке. Он смотрел на неё вниз и нежно закрыл глаза. По крайней мере, это он обязан был сделать. Она была частью его жизни. Но теперь всё закончилось. В палатке распространилась смертельная тишина, прерванная глубоким звуком далёкого горна.

Они приближались. Состоится сражение, и он знал, что в этот раз оно закончится не так просто, как в Каль Деданаре.

Тяжело дыша, он повернулся к девчонке из Зимнего царства. Она смотрела на него с теплотой, которая была ему чужда, и он потерялся в её взгляде. Он отказался для неё от своих принципов. Он защитил её, хотя сам не знал, почему. Он убил Алану. Ашкин медленно сел перед ней на корточки, поднял свой испачканный кровью кинжал, который внезапно стал тяжёлым в его руке, и разрезал связывающие верёвки сначала на ногах, потом на руках. Затем направил кинжал на её грудь и услышал, как она резко втянула в себя воздух.

— Я знаю, что ты задумала, — сказал он тихо.

— О чём вы говорите?

— Ты сказала, что деревню твоих родителей атаковали? Я знаю, что напали на потомков Потерянного народа и расправились с ними. Ты пришла, чтобы отомстить.

Её зрачки лишь на одно крошечное мгновение расширились, но это ее и выдало. Ашкин тяжело выдохнул. Он был прав. Но он не сможет её убить, даже если бы захотел. Он знал, что не убьёт, хотя на его совести было больше людей, чем он мог сосчитать. Она молчала, продолжая на него смотреть, в то время как Ашкин, с каждой секундой, всё больше терял своё сердце, сколько бы ни сопротивлялся. А он даже ещё не знал её имени.

Его взгляд упал на её окровавленный нос, и рука дёрнулась в ту сторону. На одно мгновение она висела в воздухе, потом он снова её опустил.

— Гарьен Ар'Лен приказал убить моего отца, — в конце концов, сказала девушка, и её голос оборвался. — И не только его. Он несёт ответственность за всё горе в мире. Множество матерей, которым пришлось отправить своих сыновей в битву, мужчин, которые, собственно, хотели только содержать свою семью.

Ашкин закрыл глаза.

— Ты не можешь убить человека, не потеряв при этом часть своей души, — сказал он потом.

— Я уже потеряла часть моей души, когда умер мой отец.

— На самом деле я должен тебя убить.

Даже если не могу. Она сделала глубокий вдох, но прежде чем успела что-то сказать, снаружи послышались голоса.

— Уходи! — сказал Ашкин, потому что не доверял самому себе. Удивление появилось на её правильном лице. — Исчезни, прежде чем они тебя обнаружат!

И мне всё-таки придётся тебя убить.

— Спасибо, Ашкин, — прошептала она, нерешительно протянула руку и прикоснулась кончиками пальцев к тыльной стороне его ладони. Они молча смотрели друг на друга. Её глаза ласкали его лицо, и он сам не понял, что с ним произошло.

— Возьми вот это, и приходи ко мне, когда будешь в опасности, — прошептал он хрипло, снял с пальца перстень своего отца и положил ей в руки. Она Странница. С помощью кольца она найдёт его, где бы он не находился, и может быть использует его, когда будет в беде.

Это было не их время. Не их место. Возможно, у них был бы шанс в другой жизни, и он сожалел, что у него не будет этой жизни. Втайне он проклинал богов за то, что они даровали ему жизнь в темноте и муках.

— Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, — сказала она тихо. — Кстати, меня зовут Навия. Навия О'Бай.

Потом Ашкин увидел, как её кожа стала светлее, от тела исходил свет, а в светлых волосах появились белые пряди, пока он больше уже не смог на неё смотреть.

Он вспомнил слова Аланы, которые та сказала, когда они встретились в Кроне в первый раз за долгое время.

Есть только одна вещь, которая сможет ослепить такого мужчину, как ты. Любовь.

Ашкин испугался самого себя и её пророчества. Может, она права.

Кожу на голове Ашкина начало покалывать, потому что ему показалось, что он вспомнил её имя. Она была той девушкой, которую Лорина не убила в Тальвене. Она была той, кто мог изменить исход битвы. Слова Лорины крутились у него в голове: он помнил их первый разговор во внутреннем дворе дворца Далиен.

— Почему ты мне всё это рассказываешь?

— Потому что твоя судьба изменит мировые события, Ашкин. И я хочу убедиться в том, что ты примешь верную сторону.

Теперь он знал, что она имела в виду.

Он изменил мировые события, не убив Навию. И когда девушка из Зимнего царства, наконец, исчезла вне пространства и времени, отпечаток, который она оставила на его сердце, был единственным, что от неё осталось.

Мий

Канаеля наполнили свет и спокойствие, он слышал крики умирающих, видел, как рухнули их мечты, желание и надежды. Ему так хотелось помочь им, он оплакивал вместе с ними смерть их братьев и сестёр, родителей, любимых и друзей. По всему миру люди испускали свой дух. Сердце прекращало биться, и они умирали.

Сердце Канаеля продолжало плакать при виде зверства, которое совершало сыскийское войско во всех царствах Четырёх времён года. Его душа истекала кровью, когда он увидел страдания в Кевейте.

Бегущие люди, кричащие дети, горящие дома. Но он также чувствовал гордость, потому что видел кивейтских воительниц, их развивающиеся волосы, решительность в сердце и на лицах. Они смогут победить. Весеннее царство всегда было сильным, благодаря их жителям.

Его дух обнял мир. Он чувствовал траур, горькую боль, которая глубоко укоренилась в его душе, и всё-таки он также чувствовал надежду внутри людей. Они были его детьми, и он позаботится о них. До тех пор, пока боги не призовут их к себе.

Его дух пролетал над долинами, навстречу полю битвы перед самым Лакосом. При этом воспоминание о его земной жизни было глубоко скрыто, спрятано за защитной стеной, маленькая часть души, которую он сохранил. Но оно было не больше, чем лёгкий ветерок, коснувшийся кожи, потускневшее воспоминание того времени, которое уже давно его не касалось.

Он молча прислушался к миру, был окружён теплом и золотистыми нитями, которые ткал. Для каждого человека в этом мире сон. Сон полный любви и веры, полный надежды на лучшую жизнь. Он умело соединял части, обхватывал одной нитью следующую, ткал верёвки и вбирал в себя любую мысль, не принадлежащую ему.

Как только он закончит работу, то каждый день будет посылать новый сон в мир. Сон, полный божественной любви. Сон, который сможет достичь любого человека.

Он увидел Навию, прочитал её сомнения и страхи и улыбнулся, потому что она подарила ему второй шанс. Он почувствовал Туманного мастера, свою мать и сестру внутри дворца Ацтеа, чьи застеклённые башни освещались лунным светом. Он увидел Геро, который шагал в первых рядах войска, навстречу огромному палаточному городку, одновременно предводитель и друг.

Наследие Удины лежало перед ним, расколовшиеся сны, полные божественной магии, неправильно использованные людьми и Странниками для схватки, которая никогда не должна была состояться.

В то время как его дух продолжал расширяться, он прикасался к осколкам сна своей душой, везде, где находил. От него исходило сияние, которое также осветило небо, а его дух летел дальше и дальше, он не уставал ткать нить за нитью. Для каждого человека сон.

Спасибо, сын мой.

Голос вибрировал внутри него и оставил тёплую печать на сердце. Кев. Богиня.

Его прародительница. И он в тишине ответил ей, поблагодарил за новый шанс, который они получили. Они не потеряны. Пока ещё нет.

Вокруг него раздался смех Песни Небес, её присутствие было для него утешением. Потому что хотя он и оказался пойманным в своей судьбе, но знал, что не один. Весь мир стал его семьёй, а перед ним лежала вечная жизнь, как перед Ткачом снов. Пока его не разбудит один из потомков Навии.

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

Были слышны резкие команды, барабанный бой, громкий и оглушительный, шторм, надвигающийся на лагерь. Лорина наслаждалась предвкушением. Высоко на деревянной смотровой башне, которую соорудили некоторые носители осколков с помощью магии, у неё был отличный обзор прибывающих войск.

Вдалеке, на самом горизонте, там, где в чёрное ночное небо возвышались освещаемые лунным светом стеклянные башни города-пустыни, она разглядела тени лакосских воинов, их факелы мерцали на ветру. Поднявшееся верх облако пыли, и её взгляд переключался на другую сторону палаточного лагеря, на северо-запад. Действительно. Талвенийцы. Они подошли гораздо ближе — ещё немного, и они доберутся до небольшого оазиса, на котором они разбили свой лагерь.

Оружие блестело в свете луны, так же, как их белокурые волосы и длинные бороды, но это их белая униформа придавала им вид призрачной армии. Лорина улыбнулась, наблюдая за тем, как многие лучники заняли место на защитном вале, а войска выстроились перед лагерем. Им придётся, хотя бы они того или нет, разделить.

Она различала отдельных носителей осколков, было такое ощущение, будто серебряные коробочки, привязанные кожаными лентами, отчётливо выделялись из окружения.

Внезапно раздался пронзительный визг. Она вскинула голову вверх, обыскивая тёмное небо. Огромные чёрные крылья, ударяющие о воздух, снова визг. Авангард армии.

Чёртовы боевые птицы!

Она зарычала. Нужно было подумать об этом. Она не учла хищных птиц свободных талвенских городов. У них крылья, похожие на крылья божественных птиц, только немного поменьше, но не менее опасные.

Она выкрикнула предупреждение в лагерь, но её крик остался неслышанным. Лорина закрыла глаза, открыла свой разум и прислушалась к бесчисленному количеству снов, которые объединила в себе, благодаря осколку снов.

Неисчерпаемый источник. Она сжала кольцо, которое дал ей Гарьен, втянула в себя магию и почувствовала, как начало жечь рисунок её крыльев. Она исчезла ещё прежде, чем выдохнула и почувствовала, как её окружил чистый свет. Сила потекла по её жилам, потом она снова стала частью реального мира. Когда она открыла глаза, то оказалась в офицерской палатке, где Гарьен как раз одевал свои доспехи.

— Лорина, — сказал он. — Что случилось?

— У них с собой талвенские боевые птицы.

— Благодарю тебя за сообщение.

Потом он повернулся к одному из дружинников и дал ему распоряжения привести лучников в боевую готовность.

Лорина не стала больше терять время, быстро попрощалась и поспешила к защитному валу. В лагере всё ещё витал аромат приготовленного солдатами рагу.

К нему примешался запах алкоголя и пота, она могла слышать ускоренное биение

сердце воинов, мимо которых проходила. Когда защитный вал появился в поле зрения, Лорина увидела, как чёрная тень беззвучно несётся в ночи.

— Осторожно!

Её предупреждение запоздало. Лучники, которые были без осколков, не имели отточенных чувств, поэтому не знали, что происходит и были лёгкой добычей. Две хищные птицы метнулись, как стрелы с неба, их острые когти впились в головы и плечи солдат. По лагерю разнеслись крики боли, когда птицы снова взлетели вверх.

Одна со своей добычей, другая нет. Лорина бросилась к лестнице, ведущий на верхний уровень частокола. Ступень за ступенью, она проворно поднималась вверх и добралась до укрепления. Прямо над ней пронеслась огромная птица, ветер от её крыльев смёл несколько лучников с парашюта. Они с криком повалились в бездну и с грохотом ударились о землю.

— Стреляйте! — сердито закричала Лорина, когда почти ни один из лучников не отреагировал. Вытащив меч, она внимательно прислушивалась, когда будет следующее нападение. Её взгляд не отрывался от тени, которая облетала вокруг лагеря. Наконец некоторые мужчины сбросили оцепенение, натянули тетиву и выпустили стрелы вслед за птицами. Мгновение спустя Лорина услышала резкий порыв ветра, когда ещё одна хищная птица обрушилась на неё.

Она подняла меч вверх, извлекла магию сна из своего осколка, вложив в свой удар могущество богов. Брызнула кровь, когда она одним махом отрубила ногу, и крик боли животного проник до мозга костей.

В тёмную птицу, которая мощно махая крыльями, хотела подняться в воздух, посыпались другие стрелы. Словно камень, хищная птица резко повалилась на землю. Лорина глубоко вздохнула, снова переводя взгляд на Тьоранскую равнину.

Между тем до них дошли талвенские трупы, в то время как сысскийские солдаты выступили против них. Их мундиры отливали золотом в свете луны. С оглушительным грохотом армии столкнулись друг с другом. Раздались боевые кличи, смешиваясь со звуком звенящих клинков и резкими приказами капитанов и носителей осколков.

Лорина увидела, как к самым первым рядам вооружённых сил в белом помчалась в ночи пелена из разных цветов, магические шары от носителей осколков. Люди взвыли.

Талвенских воинов швырнуло в воздух. Но она также видела, как бородатые талвенские бойцы направленными ударами сбивали с ног сысскийских мужчин. Они были лучше обучены, их движения похожи на танец. Фронт протянулся на несколько сотен футов, невозможно возвести такую большую защитную стену из магии, даже с носителями осколков это было почти безнадежным делом!

Лорина услышала, как тени над их головами снова приблизились, когда лучники выстрелили первый залп стрел в талвенских воинов.

— Не выпускайте из виду птиц! Защищайте меченосцев! — инструктировала она лучников, спрыгнула с укрепления, смягчив приземление с помощью магии сна. Она мягко приземлилась на вытоптанной траве. Меч, который ей когда-то подарил отец, был лёгким в её руках. Она проталкивалась мимо задних рядов сысскийских бойцов вперёд. Звон мечей и крики становились громче и оглушительнее. Потом она добралась до первых рядов фронта.

На земле скапливались мёртвые солдаты, кровь пропитала землю багрово-красным цветом, она видела, как воины прилагали усилия, чтобы не поскользнуться на скользкой поверхности. Несколько носителей осколков с правой стороны от неё воздвигли небольшие укрытия для бойцов, но этого было недостаточно. Зимние воины всё больше прореживали

сыскийские линии.

Лорина воткнула идеально выкованное лезвие в щуплую грудь одного талвенского солдата — почти ещё ребёнка, как она поняла, когда жизнь покидала его. С чавкающим звуком она вытащила меч из тела и рискнула оглянуться через плечо, посмотрев мимо внушительного платочного городка, откуда ветер доносил до них так же крики и боевые кличи летних воинов.

Они тоже уже добрались до лагеря. Ещё прежде, чем бородатый воин набросился на неё с мечом с двойным лезвием, она почувствовала тепло его тела и быстрое сердцебиение. Она подняла руку с мечом, направив в лезвие часть магии снов, и без труда парировала атаку. Он удивлённо распахнул глаза, когда распознал её силу, а она мрачно улыбнулась. В тоже время она оттеснила его назад и сама перешла в атаку.

Сделав, приплясывая, выпад, она дала ему возможность напасть ещё раз, только чтобы перехватить его удар меча несколькими золотистыми нитями сна.

Они задрожали от удара, и Лорина ударила в свою очередь. Остриё меча воткнулось мужчине в незащищённое горло. Поток крови забил струёй, а мужчина издал булькающий звук, когда она вытащила меч из его горла. Чистым ударом Лорина отрубила ему голову. Она чувствовала, как кровь шумит в жилах — её собственная и кровь Ариана О'Бай. Она была такой могущественной, неприкосновенной. Каждая жилка её тела была пропитана божественной магией, а крики талвенских воинов — крики её собственного народа — казались ей музыкой. Они умирали.

На равнине дул прохладный ветерок, и Лорина с удовлетворением смотрела, как один за другим теряют жизни. Она подняла искусно выкованный меч своей жертвы. Вес меча в её руках был похож на ласку, каждый стон умирающих подгонял её. Ей не нужно было ничего другого, как вид разбитой белой армии Зимнего народа, чтобы вызвать в ней глубокое внутреннее удовлетворение. Несколько тысяч мужчин и женщин, казалось, умирают, словно насекомые. Один за другим. С каждой драгоценной жизнью всё больше приближаясь к её представлению о совершенстве.

Крики раненых доносились до неё, и, благодаря осколку сна, висящему на её шее, она чувствовала на языке холодный пот и панику, которая достигла первых рядов талвенской армии. Серебряные нагрудники талвенцев освещал свет луны, лёгкая цель для одетых в чёрное носителей осколков. В Лорине поднялся триумф, который стремительно распространился по телу.

Это был самая большая битва, которую когда-либо видел мир Четырёх Вреён Года и начало новой эры. Потом они станут богами на земле, все двенадцать Странников, единственные, кто ещё будет нести в себе этот дар. Они заслужили то, чтобы им поклонялись. Ни одно из царств не будет от них в безопасности. Люди снова станут их подданными. Их рабами. Так, как было когда-то...

Кольцо Керии пульсировало на пальце Лорины, она знала, что её любимая чувствует то же самое на другой стороне поля боя. Она сожалела о том, что не может разделить с ней этот момент, но она могла в любую минуту перенестись к Керии. И она это сделает, если будет необходимо.

Лорина неслась вихрем в ночи, сияющий ангел смерти, а её сердце было наполнено божественной магией снов. Она с лёгкостью мчалась по полю боя, оба меча, казалось, объединились с её телом, полностью слились с её разумом. Её атаки были меткими, и у множества молодых мужчин, которые едва замечали её приход, появлялось на лице

удивление, когда они делали свой последний вздох.

Безжалостно она перешагнула через вывернутые руки мёртвого человека. Его светло-голубые глаза смотрели в пустоту, в то время как одно тело за другим падало на пропитанную кровью землю.

Семьи теряли сыновей. Отцов. Братьев. Мужчин. А Лорина не чувствовала ничего, кроме опьянения властью.

Её одежда и мечи между тем окрасились в тёмно-красный, рукоятки стали скользкими, она с трудом удерживала их. Каждая пора ее тела ощущала металлический запах смерти, которых лёг на Тьоранскую равнину, как ковёр; сухой запах, и он затруднял дыхание. Это был самый прекрасный аромат, который Лорина когда-либо ощущала.

Одна волна атаки следовала за другой. Жалкая попытка победить их, выброшенные жизни, которая Лорина с радостью истребляла, потому что мужчины со светлыми волосами и длинными, заплетёнными бородами были неопытными, их атаки непродуманными, и они применяли в бою свою силу, а не разум. Трое из них попытались окружить Лорину. Первый рванул вперёд, направив лезвие меча на её горло, но она оказалась быстрее.

Она сосредоточилась на пении осколка сна, и втянула в кончики пальцев столько энергии, сколько могла. Потом атаковала. Её меч рассёк воздух, разоружив молодого воина, в то время как два других нацелились в неё, подняв вверх сверкающие лезвия. Но они недалеко продвинулись, их остановили несколько серых, как туман нитей магии, и Лорина размахнулась, чтобы нанести следующий удар.

Разоружённый воин погиб первым. Его кровь пропитала землю, когда он упал, и благодаря осколку сна, она почувствовала, как воин позади неё размахнулся. Умело Лорина имитировала поворот, однако потом повернулась в другую сторону и воткнула меч в его грудь, пробив нагрудник. Она увидела, как он сглотнул, его кадык подпрыгнул вверх, а чистый страх в глазах уступил место осознанию того, что его жизнь закончилась. Лорина вложила всю мощь осколка и силу богов в этот один удар и пронизала панцирь, как будто он был льняной тканью.

Потом она повернулась к последнему из трёх нападающих. На лбу у него проступил пот, а его атаки не попадали в цель. Первые два удара Лорины он ещё смог отбить, и на одно мгновение в его взгляде вспыхнуло что-то похожее на надежду, но Лорина больше не колебалась и быстро нанесла и ему смертельный удар. Звук звенящей стали наполнял воздух, смешиваясь со стонами сражающихся.

Лорина почувствовала прямо над собой резкий порыв ветра и заметила, как над их головами начали кружиться тени. Она громко рассмеялась, когда увидела огромные крылья натренированной хищной птицы. Их было ещё, по меньшей мере, двадцать штук, достаточно, чтобы мешать людям на открытом поле. Снова и снова они устремлялись вниз, впивались острыми когтями в плоть сысскийских воинов.

Лорина собрала свою энергию, огляделась в поисках заклинателей птиц, тренеров пернатых животных, как вдруг почувствовала нервное мерцание рядом с собой. Присутствие Керии заставило воздух прямо рядом с ней задрожать, от пункта, который, казалось, растягивается, исходил жар. Вспыхнула яркая вспышка, Лорина увидела, как некоторые бойцы вскинули вверх руки, чтобы прикрыть глаза от яркого света, потом появилась её любимая.

В ее волосах виднелась запекшаяся кровь, но Лорина с облегчением поняла, что это не её. Глаза Керии метали молнии, а смертельная сила, окружавшая ее как вторая кожа,

заставило сердце Лорины биться чаще. Посмотрев вокруг, она быстро оценила обстановку, улыбнулась и сказала:

— Я возьмусь за птиц! Остальным нужна твоя помощь в борьбе с сувийскими воинами!

Керия наклонилась вперед, обдав лицо Лорины горячим дыханием. Ее землистый запах окутал обостренные ощущения Лорины, и она ощутила нарастающее покалывание в животе.

— Это наша ночь, мое сокровище, — прошептала Керия, направив взгляд в небо.

Лорина была преисполнена радости, она снова прислушалась к мелодии осколка, одновременно втянула в себя столько силы, сколько могла, представляя себе другую сторону палаточного лагеря. Керия права. Это их ночь. Ночь, которая все изменит.

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

Геро беспомощно наблюдал за тем, как один за другим умирали его товарищи. Им овладели одновременно ненависть и покорность судьбе, лезвия обоих его мечей взмыли в воздух и он с удвоенной силой начал наносить удары.

На площади было недостаточно места, чтобы удачно развернуться, но ему удалось отвоевать себе немного свободного места. Вложив всю свою ярость в очередной удар, он вонзил одно из лезвий в горло сыскийского солдата, проткнув его насквозь. На руки Геро брызнула теплая кровь, но он даже не попытался стереть ее.

Сжав губы, он вытащил меч из безжизненного тела противника и уже замахнулся для следующего удара, как вдруг краем глаза заметил какое-то движение, и инстинктивно увернулся. Нападение произошло быстро и точно, но в нем не было силы богов. Рыжеватые волосы противника прядями спадали ему на лоб, длинные конечности скорее мешали ему воевать, да и жара и духота в долине Тьоран также сделали свое дело.

Геро парировал первый удар воина, соединил в одно целое энергию сна цвета кобальта и зарядил ею свои Чакрани. Они бесшумно метнулись прочь, одно из острых лезвий одним ударом перерезало нападавшему горло. Тот захрипел, изо рта и шеи полилась кровь, после чего воин, как мокрый мешок, упал на землю.

Геро чувствовал музыку, которую вызвала в его теле магия снов, и направил часть своей силы в Чакрани. Они были его детьми, он знал, что это его последняя ночь. Круглые орудия и на этот раз попали в цель, вонзаясь в лоб, бедра и перерезая горло. Ему было жаль этих ни в чем не повинных солдат, которые умирали ради осуществления целей одного единственного человека, но, как бы то ни было, они были на его стороне.

По спине Геро пробежал холодок, когда он подумал о Керии и Меране, и порадовался, что не встретился с ними. У них были еще более далеко идущие планы, ему только оставалось надеяться, что Канаель вовремя успеет соткать сон для четырех царств. Это был их единственный шанс победить странников и армию Гарьена.

Геро прислушался к себе. Оставалось не так уж много снов. Его покидали силы, но тот факт, что он был единственным обученным Поглотителем снов среди сувийских труп, заставлял его бороться дальше. В конце концов, это было преимущество, так как носители осколков на стороне Гарьена, возможно, не умели обращаться с вновь обретенными божественными силами. Вполне возможно, что им нужна была передышка. А он боролся не только за себя.

Он боролся также за своего друга Ариана, за своего брата, семью и за Сарию. Он сражался, потому что от этого зависела судьба четырех царств.

Они надеялись ночью застать врасплох палаточный городок сыскийских труп вместе с четырьмя тысячами талвенийских воинов, присоединившихся к ним. Но с большой долей вероятности их союз распадется еще до наступления сумерек.

Он переступил через стонущего воина со сломанными тазобедренными костями. Кроме того, у него не было руки, а на части груди зияла рваная рана. Он издавал хрипящие звуки, и

Геро решил избавить его от мучений, нанеся ему удар в сердце. Этот человек все равно не дожил бы до рассвета. Высокие сапоги Геро утопали в мягкой, вязкой почве, залитой кровью, на которой было трудно удержаться на ногах. Он механически отбил очередное нападение врага.

Меч противника с шипящим звуком разрезал воздух. Геро не знал, кто контролировал его тело, но чувствовал себя как в тумане. Его тело реагировало быстрее, чем разум успевал предвидеть атаку. Одновременно он пытался с помощью магии снов возвести защиту, но, чтобы удерживать ее как можно дольше, ему требовалась недюжинная сила.

Сыскийский воин яростно колотил по невидимому барьеру. И тогда Геро ударил в ответ. Его мечи словно жили своей жизнью, жаждали крови, ударив воина по запястью. Тот с криком отскочил назад и устоял на обрубке руки, с которого свисали куски кожи.

У него хлынула кровь, но у Геро не было времени положить конец его мучениям, потому что справа и слева уже подбирались другие сыскийцы с запекшимися от крови волосами и залитыми кровью золотыми мундирами. Краем глаза Геро видел других обладателей осколков сна, которые стояли вне зоны его досягаемости, и в свою очередь возвели перед собой защитные стены. Он с удовлетворением отметил, что они сменяли друг друга, так как и у них заканчивались силы.

В воздухе стоял запах смерти и крови, он распространялся вокруг, как предвестник грозы, и смешивался с криками умирающих. Это были хрипы, мольба к богам, отчего у Геро мурашки пробежали по коже. На своем веку он повидал немало сражений, но каждый раз заново поражался людской жестокости.

На лбу Геро выступил пот, ему было физически тяжело, да и магия отнимала силы. Он издал яростный крик и ударил удивленного противника сбоку, пробил его нагрудные доспехи, когда тот замахнулся для удара. Геро ловко повторил удар, на этот раз в горло, после чего воин упал замертво.

Меч с дребезгом выпал из его руки. В этот момент внимание Геро отвлекло мимолетное движение. Яркий свет, прямо рядом с ним, душный воздух сжался и появился Туманный Мастер. У него было напряженное лицо, а в руке меч с плоской ручкой, длинным, тонким лезвием и изображением хищника на рукоятке.

— Разве ты не хотел остаться с Палеей и Инаель? — крикнул Геро сквозь шум.

— Пока у меня есть силы держать меч, я не буду прятаться за дворцовыми стенами. Пока есть хоть маленькая надежда, нам понадобится каждое лезвие!

Геро позвал свои Чакрани, все еще торчавшие в телах убитых солдат. Они, гудя, вернулись к нему, парили вокруг его головы, прежде чем он снова отправил их в бой. Но в этот раз они натолкнулись на невидимую стену из магии снов, которую возвел один из носителей осколков сна для защиты бойцов.

— Если в скором времени не произойдет чудо, — крикнул Геро, — мы потеряны. Ты должен вернуться во дворец, Туманный Мастер. Попытайся найти способ вернуть эту чертову хронику и уничтожить ее!

Туманный Мастер кивнул, и в ту же секунду из его тела начал исходить свет, окутавший его. Воздух нагрелся, а поле битвы было освещено ярким светом. И тут Туманный Мастер исчез.

У них еще был шанс выиграть эту битву. Пока Канаель продолжал плести свою сеть из снов над их миром, надежда сохранялась.

Без Туманного Мастера было лучше. Иначе Геро бы пришлось волноваться еще и за него

— старик не был прирожденным бойцом, хотя сам он считал по-другому. Геро нужны были силы, чтобы самому выстоять этой ночью. Он чувствовал, как изменился воздух, и перед ним предстала талвенийка с двумя вымазанными кровью мечами.

Ее кожа светилась изнутри, это было свечение, окутывавшее ее как кокон, так что поначалу ему даже показалось, что это была Навия. На ее шее болтался кожаный ошейник, на котором висел серебряный квадратик. Казалось, он высмеивает его. На губах талвенийки появилась злорадная улыбка, но через мгновение снова исчезла. Геро собрал свою энергию снов, она дрожала в воздухе рядом с ним в виде серой и черной пелены. Он подозвал свои Чакрани и направил небольшие, метательные ножи в воздух, со страхом ожидая, что следующая атака талвенийки будет предназначаться ему.

Он почувствовал ее присутствие, непосредственную близость, еще до того, как она появилась рядом с ним и стала заметной. Он запустил метательные ножи в ее сторону, но она без труда отбила атаку. Они бесшумно упали на пол, и он сжал руки в кулаки, обхватив рукоятки мечей.

— Геро Д`Хераль, — издевательски сказала талвенийка. — Единственный Поглотитель снов, которого мы не убили, и это при том, что Керия так старалась...

— Кто ты?

— Женщина, которая убьет тебя.

Первая атака последовала быстро. Талвенийка подпрыгнула в воздух, выше, чем мог обычный человек, после чего замедлила свой прыжок посредством магии снов, это было что-то, чего он еще никогда не видел. Вдруг она бросилась вниз как хищная птица. Лезвия ее остро заточенных мечей были направлены на него, он сам поднял свои мечи вверх, вложил в них часть своей энергии снов, чтобы сдержать ее нападение.

Она ударила его со всей силы, и вместе они откатились назад. При этом она пыталась ранить его с обеих сторон, однако он воздвиг защитную стену из магии снов, которая исчезла под воздействием ее невероятной силы.

Нервы Геро были напряжены до предела, его руки дрожали, он видел яркие магические потоки вокруг ее лезвий. Талвенийка рассмеялась, пританцовывая, сделала два шага назад, и в это мгновение Геро, пользуясь моментом, молниеносно метнул Чакрани в ее сторону. Но она сумела поймать метательные снаряды с помощью своей магии.

Нити ее магии снов обвились горящими змеями вокруг его Чакрани и уронили их на пол.

Геро удвоил усилия, выпустил из пальцев новые потоки магии, чтобы усилить собственную защиту, и прислушался к себе. Но новые попытки также не увенчались успехом. Слишком мало. Слишком мало энергии снов. Талвенийка уклонилась, так что его удары попали в никуда, она хотела, чтобы он устал. Нападавшая была быстра. И полна энергии снов.

— И это все, на что ты способен?

Она издевалась над ним, как над стариком. Поле битвы исчезло из поля зрения Геро, он полностью сконцентрировался на талвенийке перед ним. Он знал, что его Чакрани ударятся об ее защитную стену из магии снов, но не пробьют ее, поэтому он еще раз атаковал ее мечами. Она снова подпрыгнула и поднялась в воздух, все выше и выше, и на этот раз зависла в воздухе. На мгновение мир затаил дыхание.

Она одновременно подняла собственные мечи, готовая покончить с Геро, и вынудила его защищаться. И снова полетела в ночи прямо на него. Сталь ударилась о сталь, звенящий

звук мечей отдавался эхом в ушах Геро, а его руки задрожали под напором ее атаки. Геро перенес вес на другую сторону, уклонился от ее удара, и вложил магию в собственный удар. Он увидел, что позади талвенийки появился сувийский воин с растрепанными, черными волосами, и попытался напасть на нее.

Но словно ощутив его присутствие, она достала из карманов своей национальной талвенийской одежды три метательные звезды, которые метнулись в сторону воина. С хрипящим звуком тот упал на землю, когда одна из звезд перерезала ему горло. Геро воспользовался моментом, пока талвенийка отвлеклась, и напал на нее. Но она оказалась быстрее. Она тяжело дышала, ее грудь быстро вздымалась и опускалась, но заметив его взгляд, она улыбнулась.

Она направила острие меча на Геро, так как будто он совсем ничего не весил, и уронила другой. От холода Геро почувствовал тяжесть во всем теле, он больше не мог.

— Ты следующий, — сказала она.

Спина Геро была мокрой от пота, а все его тело просто кричало, прося отдыха. На этот раз талвенийка напала первой. Ее удары стали намного агрессивнее, она прямо-таки жаждала, чтобы настал тот момент, когда она, наконец, могла убить его. С одним мечом она могла лучше двигаться, и была чуть быстрее. Геро слышал ее дыхание, почувствовал запах пота, когда она попыталась пробить его защиту. Порыв ветра прямо возле уха, и Геро в последнюю минуту сумел поймать одну из метательных звезд с помощью своей магии снов.

Она была моложе и обладала опытом ведения борьбы, но все-таки и у нее должно было быть какое-то слабое место. Ему всего лишь нужно было найти его. Ее движения были плавными. Словно она предвидела удары Геро, она наклонялась, уворачиваясь от его ударов, нападая в свою очередь.

Геро сделал вид, что собирается атаковать, но сам наполовину развернулся — и увидел, что к чему. Последовательность ее движений была всегда одинакова. Она дралась по одному и тому же образцу. Сначала она отреагировала на его удар, но, когда он поменял направление удара и атаковал ее слева, она оказалась не готова к такому повороту событий. Она хотела нырнуть вниз, уклоняясь от его удара, как он и предполагал. Поэтому Геро направил свой меч вниз, а не вверх.

Когда его лезвие пронзило ее грудь, раздался странный звук. У нее перехватило дыхание, а он из последних сил вытащил меч. Она была удивлена, даже напугана. Геро видел, как угасла жизнь в ее блестящих глазах, а тело ударилось о размякшую землю.

Тяжело дыша, Геро оперся о свои мечи. Дуэль с талвенийкой забрала у него последние силы. Звуки вокруг снова стали звучать громче. Крики ужаса, рев во время боя и смерть тысяч людей слились в один стонущий звук, похожий на плач богов.

Атмосфера вокруг Геро сгустилась, появился слепящий яркий свет, и он увидел искаженное злостью лицо Керии. Ее черные глаза пронзали его все глубже, он реагировал слишком медленно. Ненависть на лице Керии было последним, что он увидел, прежде чем колющая боль распространилась в его груди, и он с удивлением посмотрел на кинжал, торчащий в груди. По лицу Керии бежали слезы, когда она, упав на колени, обхватила руками талвенийку.

Их вид наполнил сердце Геро грустью, в то время как черная темнота протягивала свои руки к его душе и заставила его пошатнуться. Шатаясь, он отошел на несколько шагов от Керии, упал на пол и закрыл глаза.

— Геро!

Кто-то кричал его имя, в голосе слышалась настойчивость и паника.

— Геро, ты не можешь покинуть нас.

Голос звучал как в тумане, понадобилось какое-то время, чтобы слова проникли в его сознание. Геро нащупывал остатки магии снов, звуки становились все громче, а запахи смерти вторглись во все слизистые оболочки его тела.

Геро моргнул, открыл глаза и увидел перед собой взволнованное, перепачканное кровью лицо Навии. У него были потрескавшиеся губы, и ужасное отекавшее горло. А на языке ощущался привкус крови. Геро едва мог говорить.

— Найди хронику. Ты должна доставить ее в безопасное место, — хрипя, сказал он, прислушиваясь к сердцебиению, становящемуся все слабее.

— Где? Где мне ее найти?

— Гарьен... он не выпускает ее из рук.

Они проиграли битву. Еще немного, и Гарьен победит их. У Геро все поплыло перед глазами, он хватался за остатки божественной магии, струящейся по телу.

Ее было достаточно, чтобы исцелить себя в последний раз. Мягкая, черная пелена тумана окутала его рану. Это была последняя, чужая энергия снов, которую он носил в себе.

— Черт! — сказала Навия, и взгляд Геро метнулся к Керии. Возле нее появилось несколько человек, от которых исходил свет. Геро узнал в них Странников Гарьена.

Он посмотрел на небо, которое постепенно начало окрашиваться, и удивленно затаил дыхание. Утренняя заря смешалась с каким-то золотистым блеском. Цвета продолжили изменяться, к ним добавились зеленые огни, простиравшиеся от горизонта на востоке в сторону запада. Это случилось.

Геро вновь закрыл глаза и прислушался к себе. Остатки магического тумана рассеялись, у Геро была только одна возможность получить магию снов. Он должен был применить для этого свой собственный сон.

— Канаель, — прошептала Навия и взяла Геро за руки. Когда он поднял тяжелые веки и посмотрел на нее, то заметил блестящие в ее глазах слезы.

— У него получилось. Новый сон соткан!

Не веря своим глазам, она покачала головой и указала пальцем в небо, окрасившееся всеми четырьмя цветами богов. Красным. Зеленым. Золотистым. Белым.

Геро увидел, как воины в недоумении остановились, опустили оружие и уставились в небо. То же самое сделали и десять оставшихся Странников. И лишь Керия продолжала плакать, держа талвенийку, и покачивая ее на руках.

Напряжённая тишина опустилась на равнину. Солдаты повернули головы в сторону четырёх цветов, и никто не осмеливался двинуться с места. Они все были детьми богов, каждый в своём роде. Геро огляделся, увидел надежду в лицах сувийцев и сомнение у сыскийцев.

— Помоги мне! Быстро! — сказал он Навии, которая с удивлением смотрела на него, но потом сморгнула слёзы и помогла встать на ноги. Геро трудно было стоять, но он знал, что теперь будет. И у него было мало времени. Есть только один этот шанс...

От носителей осколков, размещённых везде по равнине Тьоран и защищающих солдат, внезапно начало исходить сияние. Это были серебряные коробочки. Как будто их тянули невидимые нити, кулоны, привязанные к их шеям, отделились и полетели в небо, собравшись в круг. Удивление на лицах Странников рядом с ним превратилось в чистый ужас, когда они поняли, что и они потеряли свои осколки. Он должен поторопиться! На ярко

освещённом небе собиралось всё больше осколков, они светились, как море звёзд.

А потом он увидел, как одна серебряная коробочка за другой распались в прах, который посыпался на землю. Пепельный дождь, пролившийся на равнину. Ветер осторожно понёс крошечные частички коробочек по полю битвы, и они легли на тела умерших, как будто хотели накрыть их.

Как будто в этом были замешаны сами боги, оплакивая множество погибших. Геро рассматривал золотые осколки снов, которые несли над миром сеть из света в сторону горизонта, туда, где Ткач снов звал их к себе, чтобы создать новый сон для мира Четырёх времён года.

Из последних сил и всех имеющихся в его распоряжение резервов Геро потянулся ко сну внутри него.

Биение сердца смешалось с рёвом его собственной магией снов, и он сделал именно то, о чём всегда предупреждал Канаеля. Он взял свою собственную магию снов, чтобы уничтожить Странников.

— Навия! — крикнул он и оттолкнул её в сторону. Мгновение спустя он вытянул руки в сторону оставшихся Странников. Он тщательно вычерпнул всю магию снов из каждого уголка своей души, собрал все свои сны вместе, смешал их со своей душой, белый туман, полный чистоты и божественности. Упавшие на землю Чакрани задрожали, когда он послал к ним свою собственную силу, последний остаток, находящийся внутри него, и они поднялись в воздух.

Его дети бесшумно помчались по воздуху смертоносными стрелами. Геро был полон яркого света, в то время как божественность, словно лава, текла по его жилам. Он увидел, как Странники, казалось, начали искать внутри себя магию снов, но ничего не нашли. Слишком сильно они полагались на силу осколков. Кровь брызнула. Странники умерли от его руки. От его детей. Его Чакрани.

Керия даже не пыталась бежать, она закрыла глаза, молча ожидая смерти.

Поле битвы, полное крови. Полное страданий. Белый туман нёс Чакрани дальше, его магия снов, ударяя, подгоняла снаряды. Они летели всё быстрее, проделав свою смертельную траекторию, пока в живых не осталось ни одного Странника. Пустые лица, не отличающиеся от других мёртвых на поле битвы.

Они умерли от его руки. От его Чакрани.

Улыбка расплылась на губах Геро, он подумал о Канаеле, который бросил вызов другой судьбе.

Ты спас нас всех...

Тело Геро напряглось, и он снова погрузился в молчаливую тьму, которая распространилась до самого дальнего уголка его души, но в этот раз ощущение было хорошим. Дело было сделано.

Битва практически выиграна. Его мысли в последний раз направились к Навии, он восхищался её мужеством. Она сможет это сделать.

Тёплый свет окружил его в защитном объёме, он услышал голос своего брата, который тихо звал его к себе. Он пойдёт домой. Увидит свою семью. Сари. И Везилию.

Наконец снова увидит Везилию...

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

— Ему это удалось! — выкрикнула Навия, и слёзы радости побежали по её щекам, но Геро, казалось, не услышал её. Он распластался на земле, с дрожащими руками, а из зияющей раны в груди всё ещё бежала кровь, хотя значительно меньше, чем ещё несколько мгновений назад.

Внезапно небо превратилось в море из осколков, нежные линии, которые Канаель, должно быть, соткал, тянулись как огромная сеть до горизонта. Горло Навии сжалось, и эхо радости отдавалось в её теле. Она повернула голову и взглянула на оставшихся носителей осколков, которые удивлённо опустили руки.

Сувийские войска, казалось, тоже поняли, что случилось, потому что в их ряды вернулась жизнь. В первый раз, с тех пор, как они начали атаку, их не оттеснили назад. Наоборот, они устремились вперёд, их ликующие крики переносились, словно лесной пожар, от одной сражающейся группы к следующей. По рукам Навии побежали мурашки.

Канаелю действительно удалось сделать это!

Только теперь она заметила, как Чакрани Геро взметнулись в воздух, задрожали, поднимаясь всё выше, и, в конце концов, устремились в сторону Странников. Понадобился один момент, потому что она не понимала, откуда у Геро появилась сила, но потом до неё дошло. Он принёс себя в жертву, чтобы навсегда освободить мир от Странников.

— Нет, — заплакала она, когда заметила его пустые глаза. — Геро, нет...

Но было уже поздно.

На его губах застыла удовлетворённая улыбка, которая останется там навсегда. От его тела исходил свет, как у Странников, он становился всё ярче, полностью окутал его, так что Навии пришлось, моргая, отвернуться. Когда она снова посмотрела в его сторону, Геро исчез, но там, где он ещё только что стоял, находилась кучка серого, примерно с кулак, пепла.

Ей понадобилось мгновение, чтобы понять, что она снова потеряла того, кто был ей близок. Сначала отца, Исааку, Канаеля, а теперь Геро. Он отдал свою жизнь и всех их спас. Так же, как Канаель. Навия поняла, что у каждого из них было своё задание, возможно, боги всё-таки наблюдали за ними.

— Что ты здесь делаешь! Ты совершенно беззащитна!

Возле неё появился талвенский воин, и Навия ошарашенно уставилась на него. На нём были одеты широкие, кожаные сапоги, которые можно было встретить только в Зимнем царстве, и нагрудные доспехи, которые, казалось, светятся в свете переливающегося неба. Он грубо схватил её за руки, чтобы равнодушно поднять на ноги. Его знакомый внешний вид, заплетённая, светлая борода и пронзительные голубые глаза вызвали в Навии тоску по дому.

Перед её мысленным взором появилось лицо Даниана, и она почувствовала боль в груди, когда ей стало ясно, что она не сможет вернуться на родину, даже если переживёт сегодняшней день. Она больше не была той девушкой, которая покинула Ордын. Она изменилась, таким образом, который Даниан не поймёт. А она не хотела разочаровывать

его.

По-своему они будут всегда связаны между собой, даже если их разделяют континенты и времена года.

— Где твоё оружие? — спросил талвенец.

— У меня нет, — прошептала она, и её взгляд упал на меч Геро. С дрожащими пальцами она наклонилась вперёд и подняла его. Он был тяжёлым, слишком тяжёлым. Она с трудом его удерживала, поэтому через пару секунд опустила на землю. Всё рано не сможет его использовать.

— Что ты здесь вообще делаешь? — накинулся на неё воин.

— Я хотела спасти его.

Она указала на кучку пепла. Молодой человек смотрел на неё, как будто она совсем свихнулась. На глаза навернулись слёзы, и она всхлипнула, так что задрожало всё тело.

— Да, этого уже не поправить.

Качая головой, талвенец убрал от неё руку и поспешил дальше, туда, куда передвинулись бои.

Навия нерешительно протянула руку и вытащила кинжал из кожаных ножен мёртвого человека справа от неё. Её взгляд переместился к двум женщинам, которые даже в смерти обнимали друг друга. Это было странное зрелище, которое глубоко её тронуло. Одна из них, должно быть, как и она, была родом из Зимнего царства, у другой были чёрные волосы и сувийские черты лица. А потом она узнала талвенку.

Лорина. Женщина, которую она также видела перед хижиной в лесу, Странница, которая приказала убить Исааку. Навия так вцепилась в рукоятку кинжала, что костяшки её пальцев побелели, а её телом завладела пылающая ярость. Теперь это окончательно закончиться.

Она направилась в сторону палаточного городка. Везде лежали трупы. Наложённые друг на друга тела. Лица, которые почти больше не имели ничего общего с людьми, которые выступили в бой.

Запах смерти, пота и страха лежал в воздухе, как покрывало, он стелился по равнине Тьоран. Она прислушалась к себе, всё началось со смертью её отца, и закончиться её мстью. Усталость последних недель действовала на нервы, её конечности казались тяжелее, чем обычно. Но она ещё не закончила с Гарьеном Ар'Лен.

Её взгляд упал на грязное лицо молодого человека, который лежал между другими мёртвыми, конечности до неузнаваемости вывернуты, с шеи свисал кулон. Кулон Странника. Только когда она пригляделась, она узнала Ферека.

Никто не смог избежать своей участи. Он тоже получил своё наказание. И, может быть, существовало место, где он и Исаака увидятся вновь, и она простит его за все те страдания, которые он ей причинил.

Навия пошла дальше, ей нельзя задерживаться. Нужно продолжать. Для Геро. Для её отца. Для Канаеля. Для Исааки. Она видела перед собой лица тех, кто навсегда останется в её сердце.

Её нижняя губа задрожала, и она прикусила её, когда глаза начало жечь. Слёзы скорби и гнева покатались по щекам. Гневным жестом она вытерла их, размазав на лице грязь и кровь.

Всё закончится, даже если ей придётся отдать за это свою жизнь. Она посмотрела в сторону палаточного городка и прислушалась к себе. Мелодия магии сна играла громко, и

она слышала всё, что происходило внутри неё, ухватившись за каждую мысль и каждое чувство, не являющимися её собственными. На спине начали болезненно гореть крылья, рисунок, который навечно сделал её ребенком богов.

А потом она увидела его. Ашкина А'Шель. Между всеми умирающими, сражающимися и побеждающими воинами. Он стоял на холме возле группы сыскийских офицеров. Она сразу узнала его.

Рядом с ним мужчина в золотисто-коричневом одеянии, на котором красовался семейный ар'ленский герб. Его лицо было красное, как у рака, и он что-то внушал остальным трём мужчинам.

Навия потерялась во снах, которые собрала в последние дни, открыла свой разум, и ухватилась за кольцо, данное ей Ашкином. Свет нахлынул на неё, и она исчезала в месте, которое, должно быть, создали боги.

Когда она стала снова частью мира, она услышала звуки битвы, как гром в ушах, и она увидела Ашкина прямо перед собой. Она появилась у основания холма, достаточно далеко от событий, происходящих на поле битвы, но также и от четырёх мужчин.

Мужчина, у которого на груди был золотой герб, повернулся к ней спиной. Он кричал и бушевал, его слова были пропитаны гневом:

— Куда делись эти чёртовы Странники, когда они так нужны? Гарьен сбежал! Как нам ещё выиграть это сражение?

— Мы будем сражаться, пока не уничтожим последнего сувийского воина! — сказал другой гневно.

Сердце Навии сжалось от ненависти. Нет... Не может быть, чтобы Гарьен сбежал... Что ей теперь делать? Она была так близко от него, как ещё никогда прежде, а теперь это...!

— Нужно перегруппировать войска! В противном случае они атакуют лагерь!

Три других мужчины не заметили её. Только один сразу же почувствовал её присутствие. Ашкин.

Его ноздри раздулись, а его взгляд послал через её тело волну электричества. Нервы начало покалывать от адреналина, и она интуитивно знала, что в этот раз он не отпустит её так просто. Но потом случилось кое-что, чего она не ожидала.

Что-то в его взгляде изменилось, она прочитала сомнения, увидела, как он борется с собой, ведёт немую дуэль и, в конце концов, он отвёл взгляд.

Её сердце забилося быстрее.

Он оставил её в живых. Он подарил ей месть, которая так съедала её все последние недели.

Она ещё крепче ухватилась за рукоятку кинжала. Штурм внутри неё затих, и она на короткое мгновение закрыла глаза.

Когда она их снова открыла, у неё вырвался удивлённый вздох. Ашкин вытащил свой собственный меч. Выражение на его лице было холодным, без какого-либо чувства, и хотя она должна была испугаться, она ощутила, как в ней распространилось тепло.

Тихо и без сожаления, Ашкин напал на своих трёх спутников. Удивлённые внезапной атакой, мужчины отреагировали слишком медленно. Ашкин ни одного из них не оставил в живых.

— Ты всё ещё хочешь убить Гарьена? — крикнул он и спрыгнул с холма.

Его близость наполнила Навию радостью, и она кивнула.

— Да, — сказала она и посмотрела в его бездонные глаза. — Да, хочу.

— Тогда нужно поторопиться. Гарьен сбежал. Когда он заметил, что осколки отделились от носящих их коробочек, он вместе со своими телохранителями и двумя ближайшими приближёнными улиз...

Ашкин замолчал и без предупреждения дёрнул её в сторону, испустив раздосадованный крик. Она жёстко приземлилась на землю, кинжал выскользнул из пальцев. Тупая боль почувствовалась в тазовой кости. Из лёгких со стоном вырвался воздух.

— Ты ублюдок! — крикнул мужской голос над ней, и перед ее глазами затанцевали чёрные точки. Ей понадобилось одно мгновение, чтобы сориентироваться.

— Саро! — прошипел Ашкин.

Она подняла голову и увидела воина, который был похож на Ашкина как две капли воды. Та же фигура, те же отличительные черты лица, но он был, по меньшей мере, на десять лет младше, чем Ашкин.

— Я хотел один раз победить тебя! — выкрикнул Саро. — Превзойти только один единственный раз, а теперь ты и это уничтожил!

— А я всегда хотел для тебя самого лучшего, — сказал Ашкин и в тоже мгновение ринулся вперёд.

У другого ещё едва хватало времени, чтобы поднять вверх меч, как звук звенящей стали наполнил воздух, пока Навия спряталась за Ашкином.

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

Ашкин чувствовал, как гнев брата пульсирует в воздухе, казалось, он винит его в том, что могущество осколков сна было разрушено. Он без особых усилий отразил нападение Саро, так, будто ему не стоило это никакого труда, и сердитый блеск его глаз усилился.

— Ты всё у меня отобрал!

Обвинительный упрёк в голосе Саро имел горький привкус, и Ашкин краем глаза заметил, как Навия снова поднялась на ноги. Его сердце сжалось, и он заскрежетал зубами, снова сосредоточившись на брате, стараясь не выпускать его из виду даже на секунду.

Но его мысли витали где-то в другом месте. С ней поблизости он был уязвим. Так же, как Алана. Или Керия, когда Лорина находилась рядом с ней. Он злился, но так же был поражён из-за чувств, которые в нём вызывала Навия. Когда она появилась у подножия холма, твёрдо решив убить Гарьена, у него словно пелена упала с глаз.

Лорина во время их первого разговора напомнила ему о сне, который он почти не помнил, потому что спрятал его глубоко внутри, в таком месте, к которому даже у него не было доступа. Рыбацкая хижина. Спокойная жизнь. Подальше от сыскийского двора и его интриг. Скромная жизнь. Возможно, даже под другим именем.

Навия снова вызвала всё это в его памяти. Своими ясными, светло-голубыми глазами, своей решительностью бороться за то, чего она хочет достичь, она коснулась его больного места. И не только. Ашкин внезапно понял, что его жизнь больше не имеет смысла. Ему так надоело сражаться. Убивать. Ему надоело служить делу, в которое он больше не верит.

Неожиданный удар с левого фланга вырвал Ашкина из его мыслей. Ашкин уклонился от атаки и поднял меч. Они начали медленно кружить вокруг друг друга. Шаг за шагом, всё это время он не выпускал Навию из вида.

— Один единственный раз в моей жизни я хотел превзойти тебя!

Саро ещё не закончил.

Далеко нет. Он хотел отомстить за жизнь в его тени, а Ашкин даже не мог его в этом винить. Шум битвы вокруг них усилился, и он хорошо понимал, что сыскийские трупы без осколков сна были в очень невыгодном положении. Он слышал проклятия и пожелания смерти, выкрикиваемые на сыскийском языке.

— Перемещайся! — сказал он через плечо и поймал взгляд Навии. — С каждым проходящим моментом Гарьен становится всё дальше! Найди других Странников! У них есть кольца, которые позволяют им попасть к Гарьену... — добавил он ещё, хотя Саро уже опять набросился на него. Ашкин отразил удар, когда мечи ударились друг о друга, его рука задрожала. Он сощурился.

— Спасибо.

Не больше, чем слабое дуновение ветерка, и он почувствовал, как воздух вокруг него изменился, потом Навия исчезла, и на его губах появилась улыбка.

Черты лица Саро искажил жгучий гнев, его когда-то детское лицо было отмечено страданием последних лет.

— Я всегда пытался защитить тебя, — сказал Ашкин, а Саро горько рассмеялся.

— Да ты заботишься только о себе! О своей репутации и уважении!

— Об уважение нашей семьи... Я никогда не думал о себе, а только о том, чтобы обеспечить вас...

Ашкин покачал головой и отразил следующий удар Саро, используя меч в качестве щита.

— По-твоему, откуда у матери были деньги, чтобы купить для тебя еды и вести хозяйство усадьбы? Поэтому я ушёл. Чтобы заботится о вас.

Слова прямо-таки били из него ключом. Ашкин думал, что Саро это понял. Но, видимо, нет, и он надеялся, что его слова дойдут до брата не слишком поздно.

— В противном случае ей пришлось бы после смерти отца снова выйти замуж. За мужчину, которого она, возможно, не смогла бы полюбить, а что, ты думаешь, он сделал бы тогда с тобой?

В Четырёх царствах было всем известно, что делали сыскайцы с детьми, если те были отродьями другого мужчины. Они избавлялись от них, тем или иным способом. Ашкин увидел, как Саро колеблется.

— Ты лжёшь. Ты ушёл, чтобы сделать из себя живую легенду.

Невольно он задался вопросом, как долго Саро уже носил в себе эту горечь — скорее всего, уже всю свою жизнь, но единственная его вина заключалась в том, что они никогда не разговаривали по душам.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он, теперь качая головой, и решив покончить с этим. Хоть Саро за все эти годы и научился владеть оружием, но в Четырёх царствах не сыщешь никого, кто был бы быстрее и более умелым, чем Ашкин.

И, в конце концов, ему удалось отступить. После такого долгого времени он, наконец, смог снять с себя бремя старшего брата, больше не быть ответственным за семью. Он ударил со всей силы, понимая, что это конец длинной главы. Двигался он молниеносно. Саро удалось отразить первые атаки, но много времени не понадобилось, он становился всё слабее.

Ашкин ранил своего брата. Острое лезвие вонзилось прямо в бок, не задев никаких важных органов, но достаточно глубоко, чтобы нанести ему болезненную рану. Саро упал на колени, испуганно распахнув глаза. Ашкин разоружил его двумя быстрыми приёмами. Потом медленно наклонился над братом, достаточно близко, чтобы почувствовать его горячее дыхание.

— Ты ничего не понимаешь, Саро, — тихо сказал он, однако не спешил произнести свои следующие слова. — Ты и мать — это единственные люди в мире, кто мне важен. Я бы сделал для тебя что угодно.

— И что это значит?

Ашкин мрачно улыбнулся, но улыбка не была лишена теплоты.

— Это значит, что иногда приходится защищать тебя от самого себя.

*Равнина Тьоран поблизости от Лакоса
Летнее царство*

Навия с лёгкостью пересекла поле боя, покрытое трупами. Пахло смертью, начинающаяся утренняя жара сделает остальное. Рисунок крыльев на её спине горел после того, как она переместилась. Она крепко вцепилась в кинжал, который забрала у мёртвого солдата. Для других это, возможно, и смехотворное оружие, но для неё самое смертельное, которое она могла иметь. Потому что это оружие, которым она владеет.

Лорина лежала перед ней на земле, в груди зияла рана. Кровь высохла, красный цвет разных оттенков. Навия смотрела на Страницу с отвращением. Станным образом она не испытывала к ней жалости, потому что сколько страданий они вместе с Гарьеном причинили Четырём царствам?

Навия присела на корточки, подняла тонкие холодные пальцы Лорины. На пальцах было несколько колец. Два серебряных, одно маленькое золотое с рубином, и золотой перстень с гербом семьи Ар'Лен.

Ашкин сказал правду!

В тот момент, когда она сняла кольцо с застывших пальцев Страницы, она услышала позади себя несколько мужских голосов. Навия вскочила и обернулась. Перед ней стояли четыре сыскийских воина. Сердце Навии подпрыгнуло. Она могла только надеяться на то, что перстень перенесёт её к Гарьену.

— Талвенская шляха, — прорычал тот, что находился впереди, сжав губы с тонкую линию, так что его длинная, заплетённая борода стала ещё более пугающей.

Навия прислушалась к себе, ища накопленную магию сна. Глубоко внутри, в месте, которое, должно быть, создали боги, находился центр её силы. Она визуализировала чёрные, вздымающиеся клубы тумана, от которого остался только большой кусок, и направила часть от него в своё тело. Лидер группы подал другим воинам знак, и те вытащили свои мечи.

В одной руке Навия всё ещё крепко сжимала кинжал, в другой вертела золотое кольцо, посылая свою энергию. Она чувствовала, как её тело становится всё легче, а крылья жжёт всё сильнее, когда она полностью отдалась магии сна, держась за то место, где должен находиться владелец кольца. Яркий свет. Навия закрыла глаза, полностью отдаваясь чувству, разлетелась на тысячи кусочков, в надежде, что люди, которые находятся в её сердце, не разочаруются.

Свет богов встретил её, она уцепилась за то место, куда хотела попасть. Только один шанс, только одна возможность! Она потерялась в мире и, в конце концов, появилась рядом с Гарьеном, примерно в десяти футах от него, именно там, где и хотела, посреди песка и дюн. Она оглянулась через плечо, узнала палаточный городок за спиной — далёкая чёрная точка на горизонте.

Потом посмотрела снова вперёд. Это был он. Но Гарьен Ар'Лен не имел ничего общего с могущественным мужчиной, какого она себе представляла. Он был маленького роста, худой, борода редкая. Он сидел на спине киреля в сопровождении двух других мужчин.

Навия нащупала кинжал, притянув его к себе, в то же время собирая все доступные

резервы магии. Мир вокруг неё исчез, тонкие линии на её спине взорвались, и она зажмурилась от боли. Ничто не остановит её от убийства Гарьена. Ничто и никто! Она нацелилась на него, её глаза устремились на его одеяние.

Как будто почувствовав её взгляд на спине, Гарьен Ар'Лен обернулся в седле из одеял и посмотрел на неё. Он выглядел слабым и уязвимым, как маленький мальчик, который совершил ошибку.

Ничего в нём не напоминало о чудовище, которое снилось ей по ночам. Но он заслужил смерть, потому что тогда кошмар закончится.

Движением, которое она отточила дома в Ордыне, она бросила кинжал. Техника метания для охоты, которой когда-то научил её отец. Не было никаких защитных стен, никаких Поглотителей снов, которые могли бы в этот момент спасти Гарьена. Кинжал вонзился ему прямо в сердце.

Как тогда, когда она с отцом ходила на охоту, убивала дичь, а в конце потрошила. Гарьен распахнул глаза, с его губ слетел удивлённый хрип, прежде чем он упал со своего киреля. Навия смотрела на него. На её сердце лёг тяжёлый груз, то, что она испытывала, было не только облегчение. Кончики её пальцев онемели, а дыра, которую оставила смерть отца в сердце, закрылась. Она почувствовала себя в равновесии. Часть её, наконец, обрела покой.

Компаньоны Гарьена с лёгкостью спрыгнули со своих животных, которые дико, почти пугливо кричали. Кирель Гарьена бросился в её сторону. Один из воинов тоже пришёл в движение и вытащил свой меч. Серебряный клинок вспыхнул в утреннем свете. Другой поспешил к Гарьену и склонился над ним. Её взгляд скользнул к подседельной сумке киреля, на котором скакал Гарьен, и которая была подозрительно толстой. Он приближался, спугнутый падением наездника, поднимая позади себя облако пыли.

Навия вытянула в стороны руки, загораживая сбитому с толку животному дорогу. Её мысли перегоняли одна другую, у неё была только одна эта возможность. Теперь она без оружия, а воин приближался почти так же быстро, как испуганное животное. Навия последовала внезапному вдохновению, вспомнила Пирлеана, её спутника, и то, как он обращался с животными и начала имитировать его гортанные звуки, размахивая руками перед телом.

Булькая, самка выпустила пузырьки, замедлила бег, взвизгнула и, в конце концов, остановилась перед Навией. Она рванула вперёд, засунула руку в переметную суму киреля, выдернула книгу, обложка которой была на ощупь гладкой, как совершенство.

Смеясь, Навия потянулась к силе магии сна — последнему, тёмно-серому туману, который ещё был в ней, распределила его в теле и подумала об Ашкине А'Шель, которому она, не смотря на их короткое знакомство, была стольким многим обязана. Прежде, чем телохранители Гарьена добрались до Навии, она слилась с пространством и временем, почувствовав покалывание в рисунке крыльев на коже и наслаждаясь внутреннем покоем, который внезапно наполнил её. Наконец!

Когда она снова воссоединилась с миром, на неё навалилось тысяча впечатлений. Выкрикиваемые приказы. Дыхание смерти. Кровоточащие раненные. И умирающие люди. При этом зрелище сердце Навии сжалось. Она даже не стала пытаться использовать последний остаток магии, чтобы переместиться во дворец Ацтеа. Она осторожно прижимала к себе хронику. При этом у неё было такое ощущение, что она чувствует жизнь среди страниц.

Гарьен и его армия прорубили просеку разрушения в мире Четырёх Вреён Года. Но время залечит все раны, и они восстановятся. Рано или поздно. Последний камень, который ещё нужно было устранить, был убран. Они все внесли свой вклад, каждый своим способом. Облегчение проникло в каждый уголок души Навии, и она чувствовала — нет, знала — что они выиграли.

В этот момент раздался глубокий звук рога. Один за другим сыскийские воины бросали мечи, барабнящий звук, когда они ударялись о землю. Её взгляд переместился через поле боя, туда, где летние и зимние воины начали брать в плен сыскийцев.

Дворец Ацтеа, Летнее царство

Инаель Де'Ар сидела под сыскийским деревом жизни, скрестив длинные ноги, в руках книга со сказками. Золотисто-жёлтые листья образовывали густую крону, а широкие ветки бросали длинную тень на мягкую землю луга. Она наслаждалась спокойствием, которое исходило от сада во дворце Ацтеа, потому что здесь она могла уединиться и отдохнуть какое-то время от своих обязанностей. Пока её не найдёт один из слуг.

Улыбка играла на её полных губах, когда она посмотрела вверх, и её взгляд упал на памятник, который её мать несколько лет назад поставила в честь Геро Д'Хераль. Пропорции были не верными. Статуя была слишком жилистой. Волосы завивались в совершенстве. Нос прямой, а губы слишком полные. Но ей нравились длинные, чёрные крылья, выбитые из рудного мрамора, они напоминали ей о том, что случилось много лет назад.

— Мама!

Её сын шагал к ней размашистыми шагами, и каждый раз, когда Инаель видела его, её наполняла материнская гордость. Его большие, карие глаза, обрамлённые густыми ресницами, были направлены на книгу на её коленях. Она обняла его, проводя рукой по чёрным волосам.

— Ты в порядке, Муселёнок?

— Ты считаешь мне ещё? Пожалуйста? Сказку о грустном ребёнке?

— Тогда садись ко мне, — сказала она, отодвинулась немного в сторону, позволяя ему взобраться на каменную скамью. Инаель открыла книгу.

— Где мы остановились? Ах да: и девочка плакала горькими слезами, и они наполнились всем тем горем, которое она испытывала в этот момент. И когда она плакала, её слёзы превратились в кристаллы. Они блестели и сверкали на солнечном свете, красивее, чем что-либо виденное до этого момента человеческими глазами. Но девочка была так опечалена, что просто не могла прекратить плакать...

— Но это невозможно! — прервал Канаель и посмотрел на мать, нахмурившись. Инаель Д'Ар подавила улыбку, потому что Канаель так сильно напоминал ей саму себя, когда она была ещё ребёнком. С любовью она убрала ему со лба непослушный локон.

— Ага, и почему невозможно?

— Слёзы не могут превратиться в кристаллы!

— Ах, нет?

— Нет! Это невозможно!

— Если ты так говоришь, — ответила она, улыбаясь.

— Лучше расскажи мне историю о великой битве, мама! — выкрикнул Канаель, а его глаза заблестели.

— Мир видел много великих битв...

Хотя она точно знала, что он хотел услышать.

— Нет, нет... Великую битву, которую мы выиграла благодаря Канаелю, герою!

— Ты имеешь в виду своего дядю, имя которого ты носишь, Муселёнок?

Выпятив грудь вперёд, он усердно закивал, притянув колени к подбородку и обхватив их

руками. Он внимательно слушал её следующие слова.

Она кивнула.

— Ну, хорошо: жила была девушка из Зимнего царства, вместе со своим отцом, за пределами цивилизации в маленькой деревне под названием Ордьин.

— Навия О'Бай! Она скоро приедет, чтобы навестить нас?

— Наверняка, — ответила она.

— А дядя Ашкин?

При мысли, что её сын называет когда-то внушающего страх стратега дядей, на её лице снова расплылась улыбка.

— Само собой разумеется, они ведь всегда навещали нас вместе. Ты знаешь, они могут приехать только в том случае, если брат Ашкина позаботится об их матери. Но он очень часто в пути, поэтому редко бывает в Сыски.

Ответ, казалось, удовлетворил его.

— Рассказывай дальше! — сказал тогда он.

— Богиня весны Кев послала Навии сбивающие с толку сны. Там она первый раз встретила с Канаелем Де'Ар. Когда на её деревню напали и убили отца, ничего не осталось, что смогло бы ещё удержать её на родине. Глубоко внутри она знала, что должна отомстить за отца. — Инаель сделала эффектную паузу. — В Летнем царстве сын правителя ожидал, чтобы занять место в истории...

— Это было здесь!

— Правильно, — сказала Инаель и в первый раз за долгое время почувствовала, что скучает по брату. Хотя она и была тогда ещё маленькой девочкой, но воспоминания, которые не хотели меркнуть, давали ей в мрачные дни утешение, и она цеплялась за те знания, что остались у неё от брата.

Потому что он сохранил мир во всём мире. Она была первой женщиной в истории Сувия, севшей на ацтейский трон, но она была уверена, что это развитие будет долговременным. Кошмар, который принесли с собой осколки сна и война с Гарьеном Ар'Лен и Странниками, был только бледной тенью в пределах границ её правления. Не считая Гехаллу, не было ничего, что причиняло бы ей головную боль. Новые дипломатические отношения с другими тремя странами, с тех пор, как заключили великое мирное соглашение, были превосходными, и у Инаель было такое чувство, что она смотрит в довольные лица, когда произносила речь народу на площади богов.

Инаель оглянулась через плечо и увидела, как солнце бросает тёплые лучи на стеклянные башни столицы. Она прислушалась к сладкому песнопению, которое доносилось до неё с площади богов.

Наконец, после всех этих лет...

На одно мгновение она закрыла глаза и подумала о Песне Небес, которая когда-то пела ей колыбельные. Прошло столько времени, но пока существуют люди — те, что живут в их сердцах, никогда не будут забыты. Единственно, о чём лучше забыли бы, это хроника Потерянного народа. Книга, которую нельзя уничтожить.

Книга, которая находилась в надёжном месте, о котором знала только Навия О'Бай. Тайна, которую она заберёт с собой в могилу. Инаель горячо надеялась, что люди и потомки Потерянного народа забудут о хронике, а с ней и возможность разбудить Ткача снов из его вечного сна.

— Ваше Величество! — Утренний Танцор, её фаллах, появился на краю сада и быстрс

подошёл ближе. — Совет в полном составе.

Она серьёзно кивнула.

— Спасибо, — сказала она, ожидая, пока слуга уйдёт. Потом она встала и взяла Канаеля за руку. — Пойдём, к сожалению, я должна уделить внимание делам.

Но я расскажу тебе эту историю до конца в другой раз.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Список слов

Животные

мусель — маленький грызун

дрель — хищная птица, часто разводится для передачи посланий

йорак — похожее на оленя дикое животное, разводится в Талвене в качестве вьючного и рабочего скота

дашнелъ — принадлежащие к семье кошачьих хищное животное

кирель — верблюд

волк гнерша — белоснежный волк из Талвена

сова шеря — белоснежная сова из Талвена

штаинбах морела — рыба, которую в Талвене часто перерабатывают в суп

Одежда

перша — накидка для женщин

дерем — обёртывающее одеяние для мужчин, чаще всего его носят в Летнем царстве

барис — широкий, кожаный пояс, часто используется как ремень для ношения оружия

толак — Пальто с бортом, чаще всего также с капюшоном

герим — накидка на плечи с застёжкой на шее

Растения

рашалла — трава, растёт на кустах только на острове Мий

трава бирш — приправа, подаётся на юге к лепёшкам

тибрис — растение из Сыски, защищает от беременности

древесина эрбана — из-за её красноватой окраски часто используется как интерьер

древесина радешу — можно найти только в лесах Зимнего царства

фрукт раелиз — дорогой десерт из Весеннего царства

древесина дарона — используется в Талвене для кровли

клёцки из берша — гарнир, подающийся часть зимой

фрукт октреа — растение из Весеннего царства с большими, фиолетовыми цветками

древесина мерша — считается особенно крепкой, чаще всего используется в Весеннем царстве

фрукт перша — сладкий фрукт из Весеннего царства

овощ вурцелькраут — вкусный овощ, в не сваренном виде однако очень горький

Обиход

калшер — орудие, используется для охоты

дафка — похожая на сани телега, часто используется в Талвене

каран — веер

Действующие лица

Талвен — Зимнее царство:

Семья О`Бай:

Навия: Девушка из клана Ордын, дочь Странника

Ариан: ее отец, охотник и торговец, Странник

Серения: ее мать, Заклинательница душ

Семья О`Шан:

Исаака: дочь Странника, подруга Навии

Мерлок: ее прадедушка

Семья О`Джааль:

Джовин: знакомый Навии

Джанаель: лучший друг Ариана О`Бай и отец Джовина

Другие герои:

Даниан О`Рак: лучший друг Навии

Ферек О`Рес: Странник

Лорина О`Риаль: Странница

Сувий — Летнее царство:

Семья Де`Ар:

Канаел: наследник престола
Пеала: его мать, жена Дериона
Инаель: младшая сестра Канаеля
Дерион: правитель летнего царства, муж Пеалы

Дворцовые слуги:

Туманный Мастер: фаллах, главный слуга Канаеля, Странник
Безымянный: двойник Канаеля
Песня Небес: служанка
Солнечный Смех: служанка

Другие герои:

Мариен — член Гехаллы
Шиан: предводитель Гехаллы
Геро Д`хераль: Поглотитель снов
Керия Дель`Кан: Странница
Меран Дель`Кан: Странник
Фориен До`Хан: капитан лакозской армии
Пирлеан: молодой торговец, спутник Навии
Ления: пожилая женщина
Реба Да`Нар: Проститутка из Лакоса
Сориель: проститутка из Лакоса
Элия: проститутка из Лакоса

Сыски- Осеннее царство:

Семья Ар`Лен:

Мерла: повелительница осеннего царства
Ария: наследница престола, ее дочь
Гариен: брат Арии

Семья А`Шел:

Ашкин: стратег и асасин (член средневековой мусульманской террористической секты)
Саро: его брат, вор

Другие герои:

Нело А`Дарин: предводитель сыскийской армии
Еран: знакомый Ашкина
Алана: наемная убийца

Кевейт — весеннее царство:

Рина И`Реналь: повелительница Кевейта
Фарен И`Кен: ее советник
Дария И`Лов: кевейтская амазонка
Дав И`Лев: лучший друг Канаеля, тренер по борьбе
Мония: женщина из бара

Боги:

Таль: Бог-отец и владыка зимы, защитник путешественников, символизирует жизнь.
Кев: богиня весны, символизирует женственность, любовь и плодородие
Сув: бог лета, символизирует мужественность, силу и борьбу.
Сыс: богиня осени, защитница моряков, символизирует пищу, дом, имущество
Удина: потомок Кев, Ткачиха снов